МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКАЯ ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

34
М27
681775

ОСНОВНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПОНЯТИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ
ГОСУДАРСТВА
И ПРАВА

34
М 27

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ:

С. Н. Братусь
В. Е. Гулиев
А. И. Денисов
В. П. Казимирчук
О. А. Красавчиков
Е. А. Лукашева
Г. В. Мальцев
Г. Н. Манов
А. В. Мицкевич
П. Е. Недбайло
Г. С. Остроумов
И. В. Павлов
А. А. Пионтковский
Н. П. Фарберов
Р. О. Халфина
А. И. Щиглик
Л. С. Явич

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ТОМА:

Г. Н. Манов (ответственный редактор)
В. Е. Гулиев
Н. П. Фарберов
Р. О. Халфина

Научно-вспомогательную работу по тому выполнила
Н. П. Колдаева

1—10—1
4—70

Настоящая книга является первой частью четырехтомного курса общей теории государства и права, подготовленного Институтом государства и права Академии наук СССР при участии работников других юридических научно-исследовательских учреждений и учебных заведений нашей страны. Курс ставит задачей обобщение всего, что сделано марксистско-ленинской наукой в области изучения общей теории государства и права. Авторы также стремились осмыслить современную государственно-правовую действительность и на основе этого сделать выводы, способствующие дальнейшему развитию этой науки.

При подготовке курса авторский коллектив руководствовался прежде всего богатейшим наследием основоположников марксизма-ленинизма. Им использованы также программные документы КПСС и других марксистско-ленинских партий, обогащающие учение о государстве новыми выводами и положениями на основе опыта строительства социализма и коммунизма в нашей стране и других социалистических странах, опыта международного коммунистического и национально-освободительного движения.

Авторский коллектив исходил из того, что «ныне распространение научной, марксистско-ленинской идеологии в массах, борьба за умы и сердца людей приобрела особенно широкий размах и остроту»[1] и что общая теория государства и права является политической и методологической наукой.

Социально-политическое развитие полностью подтверждая вывод В. И. Ленина о том, что «вопрос о государстве приобретает... особенную важность и в теоретическом и в практически-политическом отношениях»[2], характери-

[1] «К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Тезисы ЦК КПСС», Политиздат, 1969, стр. 52.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 8.

зуется в наши дни возрастанием роли государства и права, расширением средств их воздействия на всю общественную жизнь. Марксистско-ленинская общая теория государства и права закономерно выходит за рамки традиционной юридической тематики, рассматривая вопросы государства и права прежде всего под политическим углом зрения, в тесной связи с внутренними и международными политическими отношениями, с учетом расстановки классовых сил, роли политических партий и т. д. Марксистско-ленинская теория государства и права считает необходимым изучение места государства и права в политической организации общества, исследование связей государства и права с экономикой, их влияние на производственные и идеологические отношения. Все это, по мнению авторского коллектива, должно способствовать более широкому использованию общей теории государства и права в качестве одной из необходимых основ научной политики.

Вместе с тем общая теория государства и права отнюдь не утрачивает юридического характера. Она продолжает оставаться целостной правовой наукой о важнейших явлениях и закономерностях, связанных с государственно-правовой организацией общественной жизни. Общая теория государства и права призвана исследовать и общие вопросы методологии юридической науки, оказывать влияние на методы исследования, применяемые во всех отраслях государствоведения и правоведения.

Все сказанное и предопределило круг вопросов, освещаемых в настоящем курсе, последовательность их рассмотрения и распределения по отдельным томам. Курсу предпосылается введение, в котором рассматривается место науки государства и права в целом в системе общественных наук.

Первый том курса посвящен основным институтам и понятиям марксистско-ленинской теории государства и права, выявлению их содержания, социального назначения и взаимосвязей. Эти вопросы наиболее полно раскрываются в таких главах, как «Понятие государства», «Механизм государства», «Понятие права».

Считая безусловно необходимым совершенствование системы понятий излагаемой науки, авторы учитывали, что подлинно научные дефиниции могут быть сформулированы только на основе всестороннего изучения государственно-правовой действительности. Отсюда широко при-

меняемое ими сопоставление и противопоставление эксплуататорских и социалистических государств, а также там, где это представилось возможным, и новых национально-демократических государств.

В первый том курса включен ряд тем, характеризующих место государства и права в политической организации и жизни общества и формы (методы) их воздействия на экономические и идеологические отношения. Эти темы рассматриваются в таких главах курса, как «Общество и государство», «Государство и демократия», «Государство, право и экономика», «Государство, право и личность».

Значительное внимание в первом томе курса уделяется выявлению соотношения государства и права. Анализу этой проблемы посвящена специальная глава, а некоторые темы, считавшиеся традиционно правовыми, освещаются в неразрывной связи с государством и формами его деятельности. Так, вопрос об источниках права рассматривается вместе с формами нормотворческой деятельности государства. Значение общей теории государства и права как методологической науки обусловило выделение самостоятельных глав, посвященных ее соотношению и взаимосвязи с другими юридическими науками и методологии изучения государства и права.

Во втором томе исследуются исторические типы государства и права. Здесь рассматривается объективная историческая обусловленность государственных и правовых форм, а также соотношение государства и права в эксплуататорских общественно-экономических формациях. При этом авторы стремились дать не описание государств в историческом аспекте, а обобщенную характеристику развития государственных и правовых форм. Специальная глава этого тома посвящена критике буржуазных государственно-правовых теорий.

Третий и четвертый тома курса посвящены соответственно социалистическому государству и социалистическому праву. В них анализируются сущность и основные черты социалистического государства на основных этапах его развития, его задачи и функции, социальное назначение и роль социалистического права, основные тенденции развития социалистического государства и права. В эти тома также включен ряд новых тем, ранее не составлявших специальную проблематику общей теории государства и права. При этом вопросы теории

социалистического государства и права рассматриваются не только на материалах Советского государства и права, но и с учетом опыта других социалистических государств, что дает возможность оценить большой вклад, который вносят в коллективный опыт государственно-правового строительства все социалистические страны.

Настоящий курс общей теории государства и права является не только итогом работы, уже проделанной государствоведами и правоведами СССР и других социалистических стран, но представляет собой результат и новых исследований.

Отражая современное состояние науки, курс не уклоняется от изложения ряда спорных вопросов. Защищая позицию, разделяемую авторским коллективом или его большинством, авторы вместе с тем стремились объективно представить и другие точки зрения, высказанные в научной литературе по той или иной спорной проблеме.

Главная редакция курса, авторский коллектив и редколлегия тома выражают глубокую признательность рецензентам В. Ф. Котоку, О. Э. Лейсту и Л. С. Мамуту за их ценные замечания по рукописи настоящей книги.

Главная редакция курса

НАУКА О ГОСУДАРСТВЕ И ПРАВЕ В СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

§ 1. Общественно-политический характер науки о государстве и праве. § 2. Наука о государстве и праве и марксистско-ленинская философия. § 3. Наука о государстве и праве и политическая экономия. § 4. Наука о государстве и праве и научный коммунизм.

§ 1. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР НАУКИ О ГОСУДАРСТВЕ И ПРАВЕ

Наука о государстве и праве и ее социальное назначение

Наука о государстве и праве — это сумма и система знаний о политико-юридических закономерностях, явлениях и процессах классового общества. Научные положения, выводы и основные категории этой науки — составная часть марксистско-ленинского учения вообще и научного коммунизма в особенности. Вместе с тем наука о государстве и праве не растворяется в других социальных науках, а занимает в их системе свое самостоятельное место. Специфика этой науки, позволяющая выделить ее в самостоятельную отрасль обществоведения, состоит прежде всего в том, что только она имеет главным и основным объектом своего исследования государственно-правовую организацию общества.

Известно, что государство и право в философской науке рассматриваются как необходимые части надстройки в классовом обществе и изучаются в свете всеобщей закономерности соотношения общественного бытия и общественного сознания; эти же явления в политической экономии

рассматриваются только в связи с экономическим движением общественной жизни, наконец, научный коммунизм изучает государство и право в связи с задачами революционного преобразования мира, построения коммунистического общества. Наука же о государстве и праве, используя выводы этих наук и рассматривая их как свою методологическую основу, изучает государственно-правовые явления не только на уровне целостной социально-политической системы, но, применяя терминологию естественных наук, и на «молекулярном» уровне. Эта наука, исходя из классовой сущности государства и права, обусловливающей их функции и формы, всесторонне характеризует составные элементы государства, государственный механизм и составляющие его органы, государственную власть и ее атрибуты, а также отдельные отрасли права, правовые институты и нормы, правоотношения и другие звенья государственно-правовой организации общества.

Развиваясь под направляющим воздействием марксистско-ленинской философии, наука о государстве и праве в свою очередь обогащает, углубляет диалектико-материалистическое понимание общества. Характерно, что сам процесс выявления и формулирования наиболее общих законов развития природы, общества и мышления тесно связан с глубоким анализом Марксом и Энгельсом государственных и правовых форм [1]. В. И. Ленин, развивая марксистскую философию, также обращался к проблемам государства и права, обогащая тем самым как науку о государстве и праве, так и материалистическое понимание истории в целом [2].

Значение исследуемых наукой о государстве и праве закономерностей для понимания развития общества определяется тем, что государство и право не частные, изолированные социальные явления, а концентрированное вы-

---

[1] Такой анализ содержится в ряде трудов К. Маркса и Ф. Энгельса: «Введение к критике гегелевской «Философии права», «Немецкая идеология», «Манифест Коммунистической партии», «Капитал», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Анти-Дюринг», «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии» и др.

[2] В этой связи можно указать на труды В. И. Ленина: «Империализм как высшая стадия капитализма», «Государство и революция», «Очередные задачи Советской власти», «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата» и др.

ражение таких глубоких, всеохватывающих процессов, как стихийное общественное разделение труда, появление классов, борьба между ними, осуществление общих, коренных интересов собственников средств производства, общение между нациями и народами. Закономерности государственных и правовых форм, определяясь наиболее общими законами развития общества, не являются их пассивными следствиями, а напротив, отличаются относительной самостоятельностью, специфичностью и должны в полной мере приниматься во внимание при философском объяснении общественной жизни. Те закономерности, которые действительны для любых государственных и правовых форм, непосредственно примыкают к социологическим законам, действующим в ряде общественно-экономических формаций. К их числу относится прежде всего закономерная, объективная связь, взаимозависимость государства и права. К. Маркс и Ф. Энгельс неоднократно подчеркивали объективную необходимость права для осуществления интересов господствующих классов: «Подобно тому как от идеалистической воли или произвола этих индивидов не зависит тяжесть их тел, так не зависит от их воли и то, что они проводят свою собственную волю в форме закона, делая ее в то же время независимой от личного произвола каждого отдельного индивида среди них» [1].

В известном труде Энгельса «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии» содержится ясное указание на огромное значение для всего общества государственной воли в форме законов. «Подобно тому, — пишет Энгельс, — как у отдельного человека для того, чтобы он стал действовать, все побудительные силы, вызывающие его действия, неизбежно должны пройти через его голову, должны превратиться в побуждения его воли, точно так же и все потребности гражданского общества — независимо от того, какой класс в данное время господствует, неизбежно проходят через волю государства, чтобы в форме законов получить всеобщее значение» [2].

Учитывать специфические закономерности государства и права при исследовании общественного развития в целом необходимо потому, что государство и право относятся к частям надстройки, теснее всего связанным

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 322.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 310.

с экономическим базисом, и оказывают непосредственное обратное воздействие на него и на весь ход исторической борьбы [1]. Такое положение государственных и правовых форм в общественной системе обусловливает их непосредственное воздействие на философию. Экономика, указывает Энгельс, влияет на надстроечные явления «по большей части косвенным образом, между тем как важнейшее прямое действие на философию оказывают политические, юридические, моральные отражения» [2].

Исследуя общезначимость и специфику государственных и правовых форм, наука о государстве и праве дополняет, углубляет общую картину социальной жизни, вскрываемую историческим материализмом. Конкретизируя, углубляя материалистическое понимание истории, наука о государстве и праве вносит важный вклад в формирование научного мировоззрения, в совокупность социально-политических и иных убеждений и идеалов человека [3].

Усвоение основных положений о политической организации общества, о праве и государстве, о правах и обязанностях личности, выработка соответствующих социально-политических идеалов — исключительно важная, необходимая сторона научного мировоззрения. Последнее не сводится только к познанию и применению наиболее общих законов развития природы, общества и мышления. Научное мировоззрение формируется на основе марксизма-ленинизма как цельной и стройной системы не только философских, но и экономических и социально-политических взглядов. Между тем философская основа мировоззрения иногда без достаточных оснований отождествляется с научным мировоззрением в целом [4]. Признание мировоззренческого значения правовых взглядов отождествляется некоторыми авторами с буржуазным юридическим мировоззрением». Такое отождествление ошибочно.

---

[1] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 37, стр. 394.

[2] Там же, стр. 420.

[3] См. «Философская энциклопедия», т. 3; «Советская энциклопедия», 1964, стр. 454—455; «Логика научного исследования», «Наука», 1965, стр. 312—338.

[4] См. И. Е. Фарбер, Правосознание как форма общественного сознания. Автореферат докт. дисс., М., 1963; Н. Н. Гавриленков, Исторический материализм и юридические науки, М., 1963.

Порочность «юридического мировоззрения», необходимость борьбы с ним вызываются не тем, что оно содержит юридические представления, а тем, что эти представления выдаются за «общечеловеческое мировоззрение», претендующее на исчерпывающее объяснение всей общественной жизни, а на деле прикрывающее классовую ограниченность буржуазной демократии, эксплуататорскую сущность основных устоев буржуазного общества. Разоблачая «юридическое мировоззрение» как «классическое мировоззрение буржуазии», показывая его вредность для дела пролетариата, Ф. Энгельс вместе с тем столь же решительно осуждал отказ от правовых требований рабочего класса, стремление покинуть политическую область борьбы. «Обе эти точки зрения были одинаково непригодны для того, чтобы послужить точным и всесторонним выражением освободительных стремлений рабочего класса, вызванных его экономическим положением» [1].

Борьба марксистов с буржуазным «юридическим мировоззрением», с попытками «трактовать социализм в духе философии права, то есть свести его к нескольким кратким юридическим формулам» [2], не только не отрицает роли правовых идей в мировоззрении рабочего класса, но, напротив, придает этим идеям подлинно научное содержание и реальную политическую значимость.

Программа Коммунистической партии Советского Союза, вся ее деятельность предполагают неуклонное внедрение в сознание масс научных положений о роли и месте права в современной общественной жизни, о правах и свободах, обеспечиваемых социализмом, о единстве прав и обязанностей граждан социалистического общества, о путях и формах развития социалистической государственности, о мерах по укреплению законности и правопорядка.

Мировоззрение, в котором проблемы государства и права не находят места либо отражаются неполно, искаженно, может привести к правовому нигилизму, к нарушениям социалистической законности и к другим последствиям, чуждым марксизму-ленинизму и природе социализма. Вопреки вымыслам антикоммунистов, которые пытаются утверждать, что в социалистических государствах

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 497.
[2] Там же, стр. 502.

будто бы нет мировоззрения в вопросах права[1], марксисты-ленинцы всегда вели борьбу с любыми отступлениями от системы научных идей о государстве и праве как в теории, так и на практике.

Наука о государстве и праве и общественная практика

Развитие современной общественной практики настоятельно диктует необходимость повышения роли науки о государстве и праве при изучении политических явлений. В современных условиях социально-политическое развитие при всей его сложности и противоречивости позволяет сделать вывод об увеличении роли государства и права в жизни общества. Государственно-правовое регулирование экономических и социальных, политических и идеологических процессов наблюдается в той или иной мере во всем мире, но в капиталистических и социалистических странах оно диаметрально противоположно и обусловлено различными причинами.

В условиях общего кризиса капитализма усиление буржуазного государства вызывается прежде всего стремлением буржуазии при помощи государства и права затормозить бурно развивающиеся международное рабочее и национально-освободительное движения, противостоять мировой системе социализма, укрепить позиции капитализма в борьбе с социализмом, сохранить исторически отживший капиталистический способ производства, защитить интересы монополий, отравить сознание трудящихся, удержать их в повиновении.

Принципиально иные процессы предопределяют возрастание роли государства и права в социалистических странах, где ускорение общественного развития, огромные темпы роста производительных сил, грандиозные задачи коммунистического строительства являются основной причиной расширения государственного руководства общественными делами.

Прогрессивный характер носит усиление роли государства и в странах, разорвавших цепи колониализма, где оно определяется их борьбой за полную национальную независимость и в связи с этим носит антиимпериалистический характер. В ряде этих стран, избравших путь нека-

[1] См. об этом В. А. Туманов, Вступительная статья в сб. «Против современной правовой идеологии империализма», ИЛ, 1962, стр. 21.

питалистического развития, возрастание роли государства определяется также задачами переустройства общества.

Факт возрастания роли государства и права по-своему осознается и истолковывается буржуазной наукой. Буржуазные идеологи и политики все больше изощряются в отыскании и использовании старых и новых государственных и правовых средств для достижения своих корыстных целей. Этому служат политиковедческие и правоведческие дисциплины, выдвигаемые на передний план буржуазного обществоведения: политическая наука, политическая психология, политическая социология, политическая философия, сравнительная политикология, юриметрика, социология права, правовая психология и т. п. При всей пестроте, многообразии и противоречивости этих современных буржуазных наук они в большинстве своем направлены на апологию, модернизацию, а в конечном счете на укрепление политической, т. е. государственной власти буржуазии, на обслуживание ее общих, коренных интересов, выражающихся в буржуазном праве.

Иным целям служит марксистско-ленинская наука о государстве и праве. Ее роль в изучении политических процессов современности, разумеется, не сводится к критике буржуазной политико-правовой идеологии и науки. Ее главная задача — научный анализ политической практики, политического общественного процесса в целом. В связи с этим перед наукой о государстве и праве встают задачи по совершенствованию, обогащению системы политико-юридических категорий, которые бы все более полно, глубоко и всесторонне отражали как социально-экономическое, классовое содержание, так и конкретные формы, признаки политико-правовых явлений и процессов современности, специфику их механизма. В наше время по мере усложнения, видоизменения методов, приемов, способов осуществления политической власти для ее характеристики, для теоретического осмысления механизма ее осуществления необходимо уточнять, обогащать, развивать такие политико-правовые категории, как «форма правления», «форма организации государственного единства», «политический режим» и др. Марксистско-ленинские категории, характеризующие, например, политический режим, должны решительно противопоставляться антикоммунистической идеологии, произвольно

оперирующей понятиями «тоталитаризм», «авторитаризм», «плюрализм» и т. п.

Дальнейшее возрастание роли науки о государстве и праве в исследовании политики связано с повышением внимания к методам, способам, приемам, гарантиям реализации правовых норм, к эффективности государственно-правовых институтов.

Политико-правовой анализ способов и методов, применяемых монополистической буржуазией для осуществления власти, необходим в целях успешной борьбы трудящихся капиталистических стран за социализм, главным препятствием которой в наше время служит империалистическое государство. Он необходим и для защиты рабочим классом, всеми трудящимися буржуазно-демократических прав и учреждений от реакционных, фашиствующих империалистических сил, не только не прекращающих, но активизирующих свою деятельность.

Особое значение имеет наука о государстве и праве для осмысления и решения политических проблем в социалистическом обществе. Здесь исключительно важны ленинские идеи о неразрывной связи демократии, государства и права. Без последовательного применения и развития этих идей невозможен правильный политический анализ общественных процессов при социализме.

До тех пор, пока не построен полный коммунизм, демократия может и должна развиваться прежде всего и главным образом как явление государственное. Разумеется, социалистический демократизм не исчерпывается только государственными институтами, не ограничивается собственно политической сферой отношений между классами, нациями, государствами. Принципы социалистического демократизма должны с соответствующими изменениями пронизывать деятельность не только государственных, но всех организаций и объединений граждан, все сферы общественной жизни. Однако многообразие демократических форм при социализме (профсоюзные, молодежные, кооперативно-колхозные, самодеятельные организации и т. д.) не должно заслонять специфику государственных демократических форм, вести к какому бы то ни было умалению их общезначимости, к недооценке их объективной необходимости.

При этом сохраняет свое значение государственное принуждение, юридическая ответственность. Последняя при

социализме является неотъемлемым элементом механизма осуществления политической власти, необходимым условием поддержания общественного порядка.

От того, как действуют, в каком направлении развиваются социалистические государственные учреждения, правовые нормы, в огромной степени зависит состояние, темпы развития экономики, культуры, всех сторон социалистической действительности.

Ликвидация эксплуататорских классов, постепенное стирание существенных различий между рабочими и крестьянами, рост социалистической интеллигенции, подъем культурного уровня всего населения выдвигают новые задачи перед наукой о государстве и праве. Она призвана ставить и решать новые проблемы политической жизни построенного социалистического общества, углублять, наполнять конкретным, научно обоснованным содержанием теоретическое положение об общенародном характере государства и права при социализме, обобщать новую политическую практику всех социалистических стран, способствовать дальнейшему росту политической сознательности, активности всех членов социалистического общества. Возможности, раскрывающиеся в этой связи перед наукой о государстве и праве, огромны. Они реализуются по мере дальнейшего развития теоретических положений о соотношении политики и права, о роли юридической ответственности в политическом механизме, о методах партийного руководства государством и обществом. Решая эти проблемы, наука о государстве и праве вносит важный вклад в изучение общественной практики, активно способствует развитию марксистско-ленинских политических знаний.

Роль науки о государстве и праве в изучении политики

Наука о государстве и праве играет самостоятельную роль в изучении одной из ведущих отраслей общественной практики — политики. Правильный подход к пониманию этой роли указывают идеи Маркса, Энгельса и Ленина, неоднократно подчеркивавших первостепенное значение государства и права в политической жизни общества.

Разумеется, связь политики с государством и правом была известна задолго до Маркса. Но только марксизм вскрыл действительные, общие, существенные корни и связи политики, государства и права, которые лежат

681775

в общественных отношениях, возникших в результате стихийно складывавшегося общественного разделения труда, в социально-экономических противоречиях и различиях. При таких отношениях собственники основных средств производства стоят перед объективной необходимостью устанавливать свое политическое господство, т. е. выражать свои общие интересы при помощи государства и права. Вскрывая социально-экономические, классовые основы государства и права, Маркс и Энгельс раскрывали тем самым социально-экономическое классовое содержание политики, политического господства. «Все общие установления, — писали они, — опосредствуются государством, получают политическую форму» [1].

Специфически-политическая сторона отношений между классами, нациями и иными социально-экономическими общностями проявляется как раз в том, что эти отношения объективно требуют того или иного опосредствования их государственно-организационной властью. Не случайно поэтому Ленин подчеркивал, что признание классовой борьбы само по себе еще не равнозначно марксизму. Последовательно проведенное учение о классовой борьбе есть доведение его «вплоть до учения о политической власти, о государстве» [2].

Ленин называл архиглупостью, полуидиотизмом заявление о том, что строительство государства (Staatenbau) не является якобы целью борьбы партии рабочего класса, трудящихся [3]. Определяя политику как отношения между классами и нациями, Ленин указывал при этом на государственный аспект этих отношений: «Мы живем не только в отдельных государствах, но и в известной *системе* государств; анархистам позволительно игнорировать это, мы не анархисты» [4].

Государство, его деятельность — не частный случай политики, не один из отдельных, рядовых моментов, участков политической жизни. С государственной властью, с тем или иным отношением к содержанию и формам ее деятельности связана вся политическая жизнь общества в целом. Научное марксистско-ленинское понимание поли-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 63.
[2] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 33, стр. 25.
[3] См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 49, стр. 370.
[4] Там же.

тики предполагает, следовательно, как раскрытие конкретного социально-экономического и прежде всего классового ее содержания, так и непременное указание на ее неразрывную связь со специфическими, государственными сторонами, формами общественной жизни. Вопрос о государстве, учил Ленин, является «фокусом всех политических вопросов и всех политических споров современности». Вот почему нельзя разобраться в политической жизни общества, в его политической структуре без анализа государственной власти, ее форм, без учета специфики государственно-организуемой деятельности. Вот почему наука, изучающая закономерности государственной организации общественной жизни, имеет большое значение при изучении всех политических явлений. Это разумеется, не исключает первостепенного значения научной, марксистско-ленинской философии, а также большого значения социологии, научного коммунизма и других неюридических наук при изучении политики.

В последние годы в нашей правовой и философской литературе уделяется все больше внимания проблемам научного изучения политики и особенно современных политических явлений. В этой связи поднимаются вопросы о пересмотре сложившейся системы общественных наук, о конструировании новых, самостоятельных политических наук. При этом выдвигаются предложения выделить в качестве новых, самостоятельных наук теорию политической организации общества, государствоведение, науку о внутренней политике, науку о внешнеполитических и дипломатических отношениях, самостоятельную науку, изучающую все политические явления [1].

Некоторые авторы, обоснованно, на наш взгляд, возражая против создания новой самостоятельной политической науки, сосредоточивающей в себе изучение всех политических закономерностей, политики в целом, утверждают, что она давно существует, что этой наукой

---

[1] Ф. М. Бурлацкий, О политической науке, «Правда» 10 января 1965 г.; Д. И. Чесноков, Взаимоотношение общественных наук и место научного коммунизма среди них, «Вопросы философии» 1965 г. № 3; В. Е. Чиркин, Об основных проблемах теории политической организации общества, «Правоведение» 1965 г. № 2; С. С. Алексеев, В. Е. Чиркин, О системе наук, изучающих проблемы политической организации общества, государства и права, «Советское государство и право» 1965 г. № 5.

является марксизм-ленинизм в целом, охватывающий все политические закономерности и рассматривающий их не в отрыве от всего комплекса социальных и идеологических закономерностей, а как важнейшую его часть [1].

Растущее внимание к классификации наук, к совершенствованию структуры научного знания характерно для наук, которые достаточно развились, чтобы обратиться к углубленному «самопознанию». Однако такое «самопознание» может дать наибольший эффект лишь при бережном использовании и развитии всех имеющихся и проверенных опытом достижений научной мысли. Попытки противопоставить одну какую бы то ни было науку как политическую остальным общественным наукам как «неполитическим» вызывают серьезные сомнения.

Политические отношения, учреждения, взгляды составляют неотъемлемый компонент всей общественной жизни, характеризующейся социально-экономическими противоречиями и различиями. В таких условиях ни одна сторона общественной жизни не существует изолированно от политики. В ней выражаются, преломляются все коренные, наиболее существенные интересы различных социально-экономических групп, образующих классовое общество. Так или иначе, прямо или косвенно она отражается в предметах многих общественных наук — философских, экономических, социологических, исторических и прежде всего наук о государстве и праве. Этим определяются и политический характер, политическое значение соответствующих наук. По мере развития политической практики, более глубокого, разностороннего ее познания возможно появление новых наук, изучающих политику, ее отдельные стороны, институты, области.

Многоплановый характер марксизма-ленинизма как политической науки не только не уменьшает, но увеличивает значение науки о государстве и праве как одной из важнейших его частей. Ее выводы имеют общее, принципиальное, а не частное значение при исследовании политической организации общества, всей политической жизни. Эта роль марксистско-ленинской науки о государстве и праве обусловлена рядом глубоких причин методологического и практически-политического характера.

---

[1] См. «Проблемы научного коммунизма», вып. 1, «Мысль», 1966, стр. 10.

Положения основоположников марксизма о том, что законодательство «является политическим актом» [1], что «закон есть мера политическая, есть политика» [2], существенны не только для понимания политического содержания права, но и для понимания необходимости в специфически государственных и правовых формах политики.

Марксистско-ленинское положение о связи, единстве государства и права служит методологической основой для изучения всех политических явлений, политики в целом. Политический характер науки о государстве и праве вовсе не означает, что она растворяется в политике, утрачивает самостоятельность, специфику. Утверждать нечто подобное так же неверно, как не видеть специфики государства и права среди других политических явлений. Соотношение политики, государства и права нельзя понимать упрощенно. Государство и право, будучи воплощением и орудием политики определенных социально-экономических групп и прежде всего классов, обладают относительной самостоятельностью, выделяющей их в широкой сфере политики. Они отличаются собственной специфической структурой, специфическими, только им присущими закономерностями функционирования и развития. Вот почему требует глубокого анализа формула, согласно которой государство и право подчинены политике, являются орудиями политики, формами политики. Упрощенное понимание этой формулы способно принести лишь вред.

Для правоведения, для всей марксистско-ленинской политики принципиально важным является положение о том, что осуществление государственно-властных полномочий, применение государственного принуждения, проведение уголовной и исправительно-трудовой политики может осуществляться только в строгом соответствии с законом. Советский закон не может быть «отложен в сторону», он может быть лишь отменен или изменен в установленном законом же порядке. Это незыблемый принцип научно обоснованной социалистической политики. Обязательные для всех политические установки и нормы в области государственно-властных отношений должны выражаться не иначе как в правовых формах.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 37, стр. 420.
[2] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, стр. 99.

Воплощение в праве основных политических принципов социализма обеспечивает им юридическую общеобязательность. Вместе с тем эти политические принципы, будучи закреплены в праве, обеспечивают ему необходимую стабильность и целеустремленность.

Советская государственная политика формируется и осуществляется под руководством Коммунистической партии, которая в своей теоретической и практической деятельности постоянно подчеркивает необходимость соблюдения социалистической законности.

Наука о государстве и праве существует в целой системе общественных наук, находится в различных взаимосвязях с ними. Эти взаимосвязи определяются прежде всего взаимодействием предметов общественных наук, единством научной методологии всего обществоведения.

Выяснение и использование взаимосвязей наук имеет большое значение для плодотворного развития как юридических, так и других общественных наук, для всей системы научных знаний об обществе. На первостепенную важность разработки марксистской науки «во всех ее частностях и взаимосвязях» указывал Ф. Энгельс [1]. Выяснение взаимосвязей науки о государстве и праве с другими науками необходимо для успешного формирования научного мировоззрения, для научного руководства развитием общества.

«В условиях социализма и строительства коммунистического общества, — говорится в Программе КПСС, — когда стихийное экономическое развитие уступило место сознательной организации производства и всей общественной жизни, когда теория повседневно претворяется в практику, первостепенное значение приобретает формирование научного мировоззрения у всех тружеников советского общества на основе марксизма-ленинизма как цельной и стройной системы философских, экономических и социально-политических взглядов» [2]. Наука о государстве и праве, исследуя острейшие социально-политические проблемы, вносит важный вклад в разработку научных социально-политических взглядов и тем самым способствует формированию научного мировоззрения, совершенствованию практики коммунистического строительства. Эту

---

[1] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 209.

[2] «Материалы XXII съезда КПСС», Политиздат, 1961, стр. 409.

свою роль она исполняет тем успешнее, чем полнее использует достижения марксистско-ленинской философии и других общественных наук, чем теснее взаимодействует с ними. В свою очередь подчеркивание специфики науки о государстве и праве, уяснение ее особенного, не совпадающего с другими науками «угла зрения» не означает разрыва связи между теорией государства и права и другими науками.

Современное развитие научного познания характеризуется как дифференциацией, так и интеграцией общественных наук. Обогащается, расширяется проблематика традиционных наук, появляются новые научные области, комплексные научные дисциплины, укрепляются связи между философскими и частными общественными науками. Правоведение не стоит в стороне от этого закономерного процесса. Поэтому было бы бесполезным и даже вредным педантизмом пытаться установить жесткие, непроходимые, разграничительные линии между ним и иными отраслями обществоведения. Это вовсе не означает, что наука о государстве и праве должна изучать явления, не свойственные ее предмету.

Не теряя своей специфики, наука о государстве и праве обогащается достижениями философии и других общественных наук. Последние в свою очередь могут с пользой для себя использовать ее выводы. Наиболее полное развитие всех научных выводов, связанных с функционированием государства и права, учет этих выводов другими общественными науками способствуют развитию всей общественной науки, научно обоснованному решению задач, выдвигаемых общественной практикой.

§ 2. НАУКА О ГОСУДАРСТВЕ И ПРАВЕ И МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Значение философии для понимания государства и права

Объясняя всю общественную жизнь, мир в целом, диалектический и исторический материализм выступает по отношению к науке о государстве и праве как всеохватывающая, философская теория, решающая наиболее общие вопросы мировоззрения. Такие широкие категории этой теории, как «общественное бытие и общественное сознание», «базис и надстройка»,

дают возможность уяснить сущность и структуру общественного процесса, соотношение материальной и духовной жизни общества, понять объективную логику общественного развития в целом.

Открытые диалектическим и историческим материализмом наиболее общие законы развития природы, общества и мышления являются необходимой философско-теоретической основой для глубокого, всестороннего, подлинно научного понимания проблем государства и права. Философские положения, давая научное, истинное объяснение общественной жизни как целостного естественно-исторического процесса, позволяют уточнить место, роль государства и права в этом процессе, способствуют установлению закономерностей государственных и правовых явлений.

Марксистско-ленинская философия имеет теоретическое и методологическое значение для науки о государстве и праве. Она объясняет материалистическую сущность государства и права, характер их наиболее общих связей с другими общественными явлениями; философия служит нахождению путей, методов познания государства и права [1].

Научная философия делает возможным последовательное материалистическое объяснение государства и права, их зависимости от состояния и развития общественного производства, от экономических отношений, от материальных интересов социальных классов, групп и слоев. Научно-материалистическая философская теория позволяет установить объективные возможности и реальную роль народных масс и отдельных личностей в функционировании эксплуататорского государства и права, в борьбе за создание и развитие социалистического государства и права.

Решая наиболее общие мировоззренческие проблемы, марксистско-ленинская философия указывает вместе с тем и последовательный диалектический подход к государству и праву как к закономерно изменяющимся явлениям, развивающимся в процессе разрешения противоречий, с наличием которых связано существование государства и права. Отражая богатство, жизненность объективной диа-

---

[1] См. главу третью настоящего тома.

лектики в таких категориях, как «возможность и действительность», «случайность и необходимость», «историческое и логическое», «свобода и необходимость», научная философия предупреждает против всякого рода вульгарных, механических истолкований понятий государства и права.

Зависимость между философскими основами мировоззрения и пониманием государства и права прослеживается на протяжении всей их истории. Это объясняется тем, что государство и право так или иначе, прямо или косвенно связаны со всеми сторонами общественной жизни, концентрируют самые коренные, общие интересы господствующих классов, собственников основных средств производства.

Разумеется, не всегда можно с достаточной определенностью установить взаимосвязи между общефилософскими взглядами отдельных лиц и их взглядами на государство и право. Однако если мы рассматриваем взгляды, отражающие интересы целых классов или иных социальных групп, то такие взаимосвязи могут быть обнаружены по крайней мере как определенные тенденции.

Еще Плутарх подметил связь между рационалистическим пониманием природы и взглядами на государство, которыми руководствовался древнегреческий демократ Перикл. Современные исследования политической мысли древней Греции обнаруживают взаимозависимость между взглядами на государство и право, развивавшимися сторонниками рабовладельческой древнегреческой демократии, и их общими мировоззренческими концепциями рационалистско-материалистического характера [1]. Могут быть прослежены характерные связи между философским идеализмом Платона и его в целом антидемократическими взглядами на государство и право, выражавшими интересы реакционных кругов древнегреческих рабовладельцев.

Ф. Энгельс указывал на связь материалистического мировоззрения передовых общественных слоев Франции в конце XVIII века с политическими теориями французской буржуазной революции, с критикой феодальных государственных форм, с идеями о равных и неотъемлемых правах человека, с «Декларацией прав человека» [2]. Он

---

[1] Об этом см. А. К. Бергер. Политическая мысль древнегреческой демократии. «Наука», 1966, стр. 155, 349, 351.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 311—312.

указывал также на связь религиозного мировоззрения с политическими компромиссами между буржуазией и феодальной аристократией в Англии [1].

Идеалистическая философская система, созданная Гегелем и разделявшаяся его последователями в условиях прусской помещичьей монархии, способствовала распространению антидемократических взглядов на государство, слепому повиновению ему. «В Германии, — писал Энгельс, — суеверная вера в государство перешла из философии в общее сознание буржуазии и даже многих рабочих» [2].

Вместе с тем диалектика Гегеля, освобожденная от идеалистической оболочки, явилась объективным источником революционных взглядов на государство.

Позитивистско-эволюционистские философские взгляды, развивавшиеся рядом буржуазных идеологов в XIX веке, связаны с буржуазным политическим либерализмом эпохи домонополистического капитализма [3]. Субъективно-идеалистические, волюнтаристские построения Ницше, Шпенглера, проповедовавшаяся ими «философия силы», «воля к власти» породили в период империализма крайне реакционные, античеловеческие, фашистские «теории» государства и права.

Эклектичность, противоречивость современной буржуазной государственно-правовой теории, чуждость, враждебность ее подлинно научным взглядам на государство и право органически связаны с кризисом современной буржуазной философии [4]. В той или иной мере это признают сами буржуазные идеологи, говоря о «потере разумной веры в саму возможность достоверного философского описания реальности», о «потере веры в способность человеческого интеллекта решить основные человеческие проблемы, не прибегая к силе» [5].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 312.

[2] Там же, стр. 200. См. об этом также А. А. Пионтковский, Учение Гегеля о праве и государстве и его уголовно-правовая теория, Госюриздат, 1963.

[3] См. П. Н. Федосеев, Коммунизм и философия, изд-во АН СССР, 1962, стр. 21.

[4] См. В. А. Туманов, Критика современной буржуазной теории права, Госюриздат, 1957; «Против современной правовой идеологии империализма».

[5] W. T. Deiniger, Problems in Social and Political Thought, N.-Y.—L., pp. 10—11.

Конечно, подобную связь философских и политических концепций, которая выступает как тенденция, не следует рассматривать чисто механически только как причину и следствие. Не всегда идеализм в философии порождает реакционное истолкование государства и права, точно так же, как материалистическое их истолкование не ведет автоматически к прогрессивным политическим взглядам.

Верное объяснение реальности дает диалектический и исторический материализм. Именно он позволяет человечеству понять объективную логику общественного развития, охватить эту логику «в общих и основных чертах с тем, чтобы возможно более отчетливо, ясно, критически приспособить к *ней* свое общественное сознание»[1]. Представления о государстве и праве, если они верно выражают свой предмет, должны одновременно соответствовать общим научно-философским представлениям.

Взгляды, противоречащие основам научной философской теории, способны причинить вред правильному пониманию проблем государства и права. Обращение к достижениям научной философии при изучении государства и права предупреждает от коренных мировоззренческих ошибок. Оно способствует правильной постановке новых проблем и более полному осознанию и решению «вечных» проблем государства и права. К числу последних относятся понимание и определение права, государства, политики, их соотношения, проблема критериев правотворчества, целей и результатов правового регулирования и другие проблемы, требующие уточнения и все более полного, разностороннего обоснования и решения по мере накопления новой общественной практики, прогресса научного знания. С тем или иным решением этих вопросов связана острая философская и политическая борьба, влияющая на все стороны общественного процесса. Весьма показательно, что игнорирование философских проблем правоведения, характерное для различных позитивистских течений, рассматривается рядом буржуазных авторов как одна из причин кризиса буржуазной юридической науки[2].

---

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 18, стр. 345.

[2] «В наше время моральный и интеллектуальный кризис не пощадил и правовую науку, юриспруденцию», — говорится в вышедшей в 1960 году в Нью-Йорке книге «Границы права». Критики правового позитивизма констатируют, что он «не в состоянии обеспечить капиталистический строй моральным и интел-

Успешное развитие науки о государстве и праве требует выявления философского значения ее проблем, т. е. осознания, объяснения связей этих проблем с наиболее общими вопросами мировоззрения, с наиболее общими законами развития природы и общества. Эта сторона исследования общих проблем государства и права может быть отнесена к философским вопросам юридической науки. Такие вопросы, как и тесно связанная с ними методология изучения государства и права, являются областью, принадлежащей одновременно и историческому материализму и науке о государстве и праве.

Наука о государстве и праве и социологические исследования

Выяснение взаимосвязей науки о государстве и праве с научной философией позволяет понять соотношение юридической науки с марксистской социологией. Марксистская социология представляет собой неразрывное единство теории исторического материализма и конкретных социологических исследований. Она изучает общие законы социального развития и конкретные формы, особенности их проявления в различных условиях [1]. Конкретные социологические исследования — это применение теории и метода научной социологии — исторического материализма к анализу конкретных социальных явлений, процессов, ситуации. Специфика социологических исследований — в комплексном, синтетическом изучении всех сторон социальных отношений, взятых в их единстве, взаимосвязи [2].

Комплексный социологический анализ конкретных форм особенностей проявления общих социологических закономерностей необходим для успешного развития юридической науки. Он необходим прежде всего для выяснения общей характеристики и специфических закономерностей государства и права в различных социально-экономических формациях. Классическим образцом комплексного общесоциологического анализа, позволившего уяснить процесс формирования государства и права в эпоху разложения первобытнообщинного строя, служит труд Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и госу-

---

лектуальным оружием, в котором последний остро нуждается» («Landmarks of Law», ed. by R. D. Henson. N.-Y., 1960, p. 3).

[1] См. «Марксистская и буржуазная социология сегодня», «Наука», 1964, стр. 306.

[2] См. «Социология в СССР», т. 1, «Мысль», 1965, стр. 7.

дарства» с широким использованием первичных исследований Моргана. Комплексное исследование Энгельса «Крестьянская война в Германии» способствовало выявлению важных черт феодального государства и права. Всесторонний, систематический анализ капиталистической формации, содержащийся в «Капитале» Маркса, в книге Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма» и в других марксистских произведениях, является незаменимой социологической основой для теоретических выводов о капиталистическом государстве и праве.

Конкретный социологический анализ общественных отношений необходим также для установления особенностей государства и права в различных группах стран и в различные исторические периоды, но в пределах одной и той же социально-экономической формации. В результате такого анализа основоположники марксизма указали, например, на существенные отличия права и государственного механизма в Англии и Соединенных Штатах Америки от правовых и государственных форм в континентальной Европе [1].

Анализ социальной структуры общества, общественной роли составляющих ее классов и групп позволил Марксу и Энгельсу сделать определенные выводы о структуре политической, государственной власти при определенных общественных условиях. В «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта» К. Маркс дал социологический анализ условий, ведущих к бонапартизму. В работе «Развитие социализма от утопии к науке» Ф. Энгельс указал на изменения политической власти и содержания законодательства в Англии и в других европейских странах, зависящие от роста организованных сил пролетариата.

Социология — одна из наук, занимающихся проблемами управления социальной жизнью [2]. В этом качестве она необходима для изучения проблем управления, осуществляемого посредством государства и права. Опираясь на достижения социологии, на конкретные социологические исследования, наука о государстве и праве может успешно решать проблемы социальной эффективности правового регулирования, изучения потребностей, сфер и наиболее целесообразных пределов такого регулирования.

---

[1] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 312.
[2] См. «Социология в СССР», т. 1, 1965, стр. 46.

Тесная связь социологических исследований с наукой о государстве и праве обусловлена тем, что государство и право выражают потребности, интересы больших социально-экономических групп и прежде всего классов, а при социализме — всего общества в целом. Государство и право так или иначе связаны со всеми сторонами жизни общества, фокусируют важнейшие общественные проблемы, влияют на самые различные сферы общественной жизни. Поэтому государство, правовое регулирование представляют собой важные объекты социологических исследований. Однако такие исследования могут носить научный, плодотворный характер только тогда, когда в полной мере учитываются данные, выводы юридической науки, вскрываемые ею специфические закономерности.

Особый предмет заботы социологии и науки о государстве и праве составляют проблемы социальных экспериментов, связанных с изменениями в правовом регулировании, в методах работы государственных органов [1]. Значение этих проблем будет увеличиваться по мере все большего превращения науки в непосредственную производительную силу и возрастания роли социального экспериментирования в жизни общества.

В процессе строительства коммунизма, по мере вызревания бесклассового общества социальные отношения раскрывают свои новые стороны и качества. В этих условиях развитие государства и права проявляется в совершенствовании, обогащении методов, приемов и форм государственного и правового регулирования, во все более полном учете и согласовании интересов различных социальных слоев и групп населения. Выявление конкретных этапов, ступеней, темпов и форм развития этих социальных, государственно-правовых процессов — важная задача как социологии, так и науки о государстве и праве.

Развитие юридических и социологических исследований предполагает их взаимодействие в решении задач, выдвигаемых государственной, правовой и всей общественной практикой.

---

[1] Подробнее о связи правоведения и социального экспериментирования см. главу третью настоящего тома.

§ 3. НАУКА О ГОСУДАРСТВЕ И ПРАВЕ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ

Значение политической экономии для науки о государстве и праве

Соотношение проблем государства и права и политической экономии по-разному освещается в научной литературе. Одни авторы считают, что политическая экономия должна изучать государство в той мере, в какой оно влияет на экономику [1]. Другие — возражают против изучения политики, государства, права в рамках политической экономии [2]. Бесспорно, однако, что и для политической экономии, и для науки о государстве и праве необходимы тесное взаимодействие, взаимный учет соответствующих выводов каждой из этих наук. Такое взаимодействие, взаимообогащение необходимо для выработки научной системы управления экономикой и обществом в целом.

Исторический материализм, вскрывая наиболее общие закономерности взаимодействия экономического базиса с государством и правом, устанавливает плодотворность выводов политической экономии для науки о государстве и праве. Взаимосвязь этих наук определяется взаимной зависимостью их объектов. Государство и право связаны с экономическими отношениями непосредственнее, теснее, чем любые другие части общественной надстройки. Именно в государстве и праве находят концентрированное выражение социально-экономические потребности и интересы. «Государство в целом,— писал Ф. Энгельс,— является лишь выражением, в концентрированной форме, экономических потребностей класса, господствующего в производстве» [3]. Испытывая влияние множества самых различных факторов общественной жизни, государство и право наиболее строго обусловливаются, а в конечном счете и определяются производственными, экономическими отношениями. Поэтому политико-экономический анализ, учет выводов политической экономии о структуре, закономерностях развития и особенностях этих отношений способствуют

---

[1] См. «Политическая экономия», т. 1, изд-во ВПШ и АОН при ЦК КПСС, 1963, стр. 26.

[2] См. Я. А. Кронрод, Законы политической экономии социализма. Очерки методологии и теории, «Мысль», 1966, стр. 228.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 310.

наиболее глубокому уяснению и решению многих проблем науки о государстве и праве.

Так, анализ общественного разделения труда позволил выявить социально-экономические основы происхождения государства и права [1]. Политико-экономические исследования показали, что «в основе деления на классы лежит закон разделения труда» [2]. В результате была теоретически доказана антинаучность, несостоятельность представлений о решающей, определяющей роли политического насилия в хозяйственной жизни общества. Вместе с тем политико-экономический анализ сделал возможным определение экономических условий, при которых политическое насилие способно играть прогрессивную роль.

Основоположники марксизма тщательно анализировали формы собственности, характерные для различных исторических эпох, для различных стран, и на этой основе делали выводы о характере и особенностях соответствующих государственных и правовых институтов, политической власти. Так, анализ общинного землепользования в ряде стран привел к выводу о том, что «древние общины там, где они продолжали существовать, составляли в течение тысячелетий основу самой грубой государственной формы, восточного деспотизма, от Индии до России» [3].

Исследование экономических структур, способов производства отдельных эксплуататорских формаций позволило прийти к глубокому, теоретически обоснованному пониманию соответствующих правовых форм, вскрыть экономические основы буржуазного права и прежде всего «свободы договора» как юридической формы купли-продажи рабочей силы.

Каждая форма производства, писал К. Маркс, порождает свойственные ей правовые отношения, формы правления и т. д. Формы производства и правовые отношения представляют «органически между собой связанные явления» [4]. В соответствии в этим марксизм рассматривает государственные и правовые явления не как побочное порождение определенных экономических отношений, а как необходимую форму существования этих отношений.

---

[1] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 31, 322, 337, 378, 394, 438, 439; т. 20, стр. 185, 293; т. 37, стр. 416, 417.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 293.

[3] Там же, стр. 186.

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 12, стр. 714.

«Фабричное законодательство,— писал К. Маркс в «Капитале»,— это первое сознательное и планомерное воздействие общества на стихийно сложившийся строй его процесса производства, представляет собой, как мы видели, столь же необходимый продукт крупной промышленности, как хлопчатобумажная пряжа, сельфакторы и электрический телеграф» [1].

Это не значит, конечно, что каждый конкретный государственный или правовой институт целиком предопределен экономическими отношениями. Маркс ядовито высмеивал подобный вульгарный подход.

Связанность, объективная обусловленность экономических отношений и правовых форм проявляется прежде всего в том, что определенный способ производства развивается тем успешнее, чем больше простора для него создают государственные и правовые формы. Экономические отношения, уровень их развития требуют наиболее адекватных для них государственных, правовых институтов. В этом смысле можно и нужно говорить об «экономической заданности» государственных учреждений и правовых норм [2]. Именно здесь проходит непосредственный стык экономических и правовых научных проблем. Государство и право, возникая в ответ на экономические потребности, сами являются необходимыми условиями функционирования определенных производственных отношений.

Как в свое время защита государством права собственности на раба была необходима для рабовладельческого способа производства, так и современное капиталистическое производство невозможно без вмешательства государства в экономические отношения, без ограничения «свободы договора», без введения ряда новых социально-правовых институтов, обеспечивающих общие интересы государственно-монополистического капитала.

Упрочение и развитие социалистических общественных отношений невозможно без сосредоточения в собственности государства основной массы средств производства, без предоставления производственным коллективам, трудящимся широких прав на управление производством, на материальное вознаграждение в соответствии с количе-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 492.
[2] Подробнее об этом см. главу одиннадцатую.

ством и качеством труда. Социалистическая экономика требует постоянного совершенствования институтов демократического централизма, всей политико-правовой надстройки социалистического общества.

Значение науки о государстве и праве для политической экономии

Политическая экономия изучает экономические закономерности в их чистом виде, без «всяких посторонних усложняющих влияний и обстоятельств» [1]. Вместе с тем она не может не интересоваться конкретно-историческими проявлениями этих закономерностей, механизмом их использования. Производственные отношения существуют в сложной системе общественных явлений, испытывают обратное воздействие с их стороны и прежде всего со стороны государства и права. Поэтому выводы науки о государстве и праве имеют большое значение для политической экономии. Основоположники марксизма учитывали роль государства и права при рассмотрении общих и конкретных проблем экономической теории. Они отмечали активную роль рецепированного римского права, законодательства Франции, Англии в складывании, оформлении капиталистических производственных отношений [2].

Энгельс считал «само собой разумеющимся», что буржуазная правовая форма «оказывает обратное действие на экономический базис и может его в известных пределах модифицировать» [3].

Имея в виду будущее, Энгельс отмечал, что взгляд, согласно которому правовые и иные идеи создают условия жизни людей, «может стать соответствующим действительности, поскольку люди будут заранее знать необходимость изменения общественного строя (sit venia verbo), вызванную изменением отношений, и пожелают этого изменения, прежде чем оно будет навязано им помимо их сознания и воли. — Это применимо и к представлениям о *праве*, а следовательно и к политике» [4].

Объективность производственных отношений, таким образом, означает не то, что они ни в коей мере не могут изменяться под воздействием государства и права, а то, что имеются объективные, не зависящие от желания, воли лю-

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 6, стр. 328.
[2] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 312.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 37, стр. 418.
[4] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 639.

дей рамки, пределы таких изменений. Когда же государство пытается перешагнуть эти объективные рамки, возникает расстройство производства, огромная растрата материальных, трудовых ресурсов. «Политическая власть,— указывал Энгельс,— может причинить экономическому развитию величайший вред и может вызвать растрату сил и материалов в массовом количестве» [1].

Результаты такого воздействия государства и права на экономику можно наблюдать в империалистических странах. Империалистическое государство, всячески препятствуя замене исторически изжившего себя экономического базиса социалистическими производственными отношениями, замедляет экономическое развитие, тормозит гармоническое возрастание производительных сил.

Политико-экономический анализ государственно-монополистического капитализма невозможен без учета выводов науки о государстве и праве, о механизме взаимодействия государства и монополий, о структуре современной империалистической государственной машины, о формах и методах правового регулирования, о функциях современного империалистического государства. Анализ государствоведческих, правоведческих проблем позволяет избежать упрощенных, односторонних выводов о характере современного государственно-монополистического капитализма, о взаимоотношениях государства и монополий [2].

Использование положений науки о государстве и праве исключительно важно и для решения политико-экономических проблем социалистического общества. Реализация богатейших возможностей социалистических производственных отношений весьма серьезно зависит от деятельности государственных органов, форм и методов правового регулирования.

Объективный экономический механизм при социализме действует в тех или иных государственных, правовых формах. Субъективизм в государственной деятельности,

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 37, стр. 417.

[2] См. С. А. Далин, Империалистическое государство и капиталистическое хозяйство, Экономиздат, 1963; Е. Варга, Очерки по проблемам политэкономии капитализма, Политиздат, 1965; С. Завадский, Государство благоденствия. Доктрина и практика, «Прогресс», 1966; С. Б. Маринин, США: политика и управление (федеральный правительственный аппарат), «Международные отношения», 1967.

попытки не считаться с объективными экономическими закономерностями, командовать экономикой способны наносить ущерб социалистическим производственным отношениям.

Успешное развитие социалистических производственных отношений невозможно без учета таких изучаемых наукой о государстве и праве явлений, как народный, государственный, национальный суверенитет, социалистическая законность, права граждан и их коллективов, юридическая ответственность и др.

Научные положения, отражающие эти явления, помогают понять и построить научно обоснованный механизм использования объективных экономических закономерностей. При этом наука о государстве и праве исходит из оптимального сочетания объективных экономических потребностей с суверенной государственной волей народа. Никакие экономические меры не должны осуществляться в социалистическом государстве без определенно выраженной государственной воли народа. Этот принцип служит гарантией от экономического субъективизма и в то же время обеспечивает надежную поддержку экономическим мерам, в проведении которых народные массы могут принять сознательное активное участие.

§ 4. НАУКА О ГОСУДАРСТВЕ И ПРАВЕ И НАУЧНЫЙ КОММУНИЗМ

Соотношение теории государства и права и научного коммунизма

О связях науки о государстве и праве с научным коммунизмом можно говорить в нескольких планах. Выступая как совокупность политико-правовых идей, наука о государстве и праве входит в научный коммунизм как цельную и стройную систему философских, экономических и социально-политических взглядов.

Углубление связей науки о государстве и праве с марксизмом-ленинизмом как системой идей, дающих всестороннее теоретическое обоснование коммунизма, необходимо для успешного развития прежде всего самой науки о государстве и праве. Вместе с тем наука о государстве и праве вносит свой непосредственный вклад в развитие марксизма-ленинизма. Он состоит в развернутом обосновании

отношения коммунистов к государству и праву в целом, а также и к отдельным государственным и правовым формам. Способствуя развитию правосознания, наука о государстве и праве вносит важный и необходимый вклад в научно-коммунистическое мировоззрение, включающее в себя идеи, убеждения, идеалы, относящиеся к государству и праву. Поэтому в корне неверны, порочны попытки преуменьшить роль правосознания в мировоззрении, теории и практике коммунистов. Подобные попытки исходят чаще всего от явных или скрытых противников коммунизма. Так, французский профессор Р. Арон в своих лекциях об индустриальном обществе утверждает, что марксизм будто бы не учитывает юридических характеристик, юридических различий общественных систем, не видит существенных юридических особенностей в общественном устройстве различных стран [1].

По существу то же самое, но иным способом утверждается в выпущенном в США в 1964 году «Словаре коммунизма» [2]. Эта объемистая книга не содержит таких слов-понятий, как право, закон, законность, правосознание. Таким образом, у читателя пытаются создать впечатление, что подобные слова-понятия вообще чужды коммунизму, незнакомы ему.

Большой вред теории и практике научного коммунизма, формированию научного коммунистического мировоззрения наносит догматический подход левых ревизионистов к государству и праву. Игнорирование относительной самостоятельности буржуазного государства и права, смазывание граней между демократическими и диктаторскими методами управления государством, понимание социалистического государства и права исключительно или главным образом как орудий подавления, кары ведет к искажению их реальной роли и объективно играет на руку антикоммунистам.

Творческое развитие идей о государстве и праве, борьба против отрицания их роли, их искажения имеют актуальное научно-идеологическое и практически-политическое значение для марксизма-ленинизма в целом, т. е. для научного коммунизма в самом широком смысле слова.

---

[1] R. Aron, Dix-huit leçons sur la société industrielle, P., 1962, p. 104.

[2] L. De Koster, Vocabulary of Communism, Michigan, 1964.

Научный коммунизм в более узком смысле, т. е. «наука о закономерностях классовой борьбы пролетариата и социалистической революции, построения социализма и коммунизма» [1], помогает найти путь становления коммунистических общественных отношений, выявляет взаимосвязь их различных сторон. Он синтезирует достижения общественных наук в целях комплексного решения проблем коммунизма [2]. Понятно, что положения, выводы такой комплексной науки могут оказать существенную помощь науке о государстве и праве и способны играть определенную методологическую роль по отношению к ней. Вместе с тем наука, работающая над комплексным осмыслением и решением проблем коммунизма, может успешно развиваться лишь в тесном единстве с наукой о государстве и праве в целом, с теорией социалистического государства и права в особенности. Это объясняется прежде всего тем, что как борьба с силами, враждебными коммунизму, так и непосредственно позитивное строительство коммунизма происходят при наличии определенных государственных и правовых форм и с необходимостью опосредствуются ими. При этом империалистическое государство служит главным орудием борьбы против коммунизма, а социалистическое государство — главным орудием строительства коммунизма. Коммунизм непосредственно затрагивает коренные интересы господствующих в капиталистических государствах классов, общая воля которых выражается в праве. Поэтому наука о коммунизме должна самым тщательным образом учитывать особенности правовых форм, цели и способы их использования в современной общественной жизни. К сожалению, некоторые авторы, пишущие о проблемах научного коммунизма, говорят об использовании им этики, эстетики, социальной психологии, но даже не упоминают о значении правоведения для науки о коммунизме [3].

Можно отметить и другую крайность. Специфику научного коммунизма некоторые авторы склонны усматривать

[1] «Основы научного коммунизма», Политиздат, 1967, стр. 4. Следует отметить, что предмет научного коммунизма как учебной дисциплины еще окончательно не определен и остается вопросом спорным, дискуссионным («Проблемы научного коммунизма», вып. 1, «Мысль», 1966, стр. 15, 64).

[2] См. «Проблемы научного коммунизма», вып. 1, стр. 15, 18, 67, 83.

[3] См. «Проблемы научного коммунизма», вып. 1, стр. 27.

в социально-политическом подходе к общественным явлениям и процессам [1]. Но социально-политический подход не является специфичным только для научного коммунизма уже потому, что он в той или иной мере свойствен всем марксистско-ленинским общественным наукам, прежде всего в наибольшей степени наукам о государстве и праве.

Иногда в работах о научном коммунизме говорится, что он служит непосредственным теоретическим обоснованием политики коммунистической партии [2]. Эту правильную мысль не следует понимать в том смысле, что другие общественные науки, в том числе наука о государстве и праве, не служат такому обоснованию. То же самое следует сказать и о понимании научного коммунизма как науки о социальном управлении процессом строительства нового общества. Изучение объективно необходимых и вместе с тем наиболее рациональных, эффективных государственных и правовых форм такого управления ведется наукой о государстве и праве. Учет данных этой науки в теории научного коммунизма способствует трезвому, реалистическому подходу к коммунистическому строительству, конкретизирует содержание процессов развития социализма и перспективы формирования коммунистического общественного самоуправления.

Взаимодействие науки о государстве и праве с комплексной наукой о коммунизме способно обогащать теорию и практику коммунизма, предупреждать как от преждевременных забеганий вперед, так и от застоя, топтания на месте, отставания от потребностей развития общества в направлении к коммунизму. Рассмотрение соотношения научного коммунизма с наукой о государстве и праве выявляет роль социально-психологических исследований в познании государственно-правовых явлений.

Социально-психологические исследования и наука о государстве и праве

Наука о государстве и праве, исследующая специфические формы и методы воздействия на поведение людей, не может не интересоваться социально-психологическими закономерностями и особенностям общественной жизни [3]. Более того, изучение формирования правосознания, правотворчества, содержа-

---

[1] См. «Проблемы научного коммунизма», вып. 1, стр. 27.

[2] Там же, стр. 18.

[3] Вопросы социальной психологии рассматривались в книгах: М. А. Рейснера «Право. Наше право, чужое право, общее право»

ния права, его воздействия на сознание и практическое поведение людей требует учета соответствующих сторон социальной психологии в рамках юридической науки.

Без изучения уровня и состояния массовой, общественной психологии невозможно в полной мере представить и объяснить различия государственных форм в рамках одного и того же типа государства, существенные изменения в политическом режиме государств с одинаковыми формами правления.

Принципы, категории, закономерности, изучаемые и формулируемые социальной психологией, разработаны еще относительно слабо. Однако практическое использование государством социальной психологии в интересах господствующего класса имеет длительную историю и богатейший опыт, заслуживающий специального изучения. Укажем лишь на обожествление императоров в восточных деспотиях, на ораторское искусство древнегреческих демагогов, на впечатляющие церемонии и блестящие атрибуты государственной власти, призванные поддерживать непререкаемый авторитет средневековых властителей, на показной демократизм буржуазного парламентаризма и, наконец, на предельное взвинчивание национализма, расизма, культивирование фюрерства, милитаризма и антисоветизма, характерное для фашистских государств. Наука о государстве и праве вместе с социальной психологией призвана вскрыть наиболее типичные связи, взаимообусловленность между определенными государственными и правовыми формами и состоянием общественной психологии. Государство и право, их конкретные установления формируются господствующими классами так, чтобы фиксировать, упрочивать, развивать в населении, в его различных классах и группах те социально-психологические качества и черты, которые отвечают коренным интересам господствующих классов. Вот почему возможно и необходимо определить наиболее типичные социально-психологические образцы, модели, черты, более или менее соответствующие различным формам государственной власти, различным периодам в становлении и развитии государств и в особенности различным политическим режимам.

(М.—Л., 1925); М. Д. Резунова «Марксизм и психологическая школа права» (М., 1931). В последние годы о значении социальной психологии для теории государства и права писали в ряде работ И. Е. Фарбер, Е. А. Шатрова и др.

Общественная апатия, безразличие, религиозная, национальная и прочая нетерпимость, разгул шовинистических страстей, всеобщая неуверенность, подозрительность, истерия, пассивность, разобщенность «толпы», культ «сильных личностей», с одной стороны, и массовый энтузиазм, подъем гражданских чувств, дух интернационализма, международной солидарности, обстановка спокойствия, деловитости, товарищеского доверия, уверенность в завтрашнем дне, сознательная организованность, добровольная дисциплина — с другой; все эти и иные состояния общественной психологии не только по-разному влияют на формы правления и политические режимы, но в значительной степени могут представлять собой компоненты, результаты, характеристики этих форм и режимов.

Большой теоретический и практический интерес представляет также выявление социально-психологических особенностей, связанных с такими различными методами социалистического правового регулирования, как гражданскоправовые, административноправовые, уголовноправовые, колхозноправовые и иные. Важность социально-психологической характеристики различных типов правовых отношений становится наиболее очевидной в свете того, что научный коммунизм подчеркивает товарищеское сотрудничество и взаимопомощь в качестве отличительных особенностей социалистических производственных отношений.

Такие категории, как государство, власть, авторитет, право, обязанность, законность, подчинение, дисциплина, организованность, демократизм, централизм, бюрократизм, ответственность не могут не интересовать науку о государстве и праве и с их социально-психологической стороны. Марксистско-ленинское правоведение не есть «юриспруденция понятий», оторванных от реальных интересов, потребностей, особенностей живых людей, из которых состоят различные классы, слои, коллективы и иные общности. Цель развития нашего государства и права — «ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» [1]. Вместе с тем необходимо учитывать, что «в том-то и трудность социалистического строительства, что нам приходится строить социализм из элементов, насквозь испорченных

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 447.

капитализмом»[1]. И даже «рабочий класс китайской стеной не отделен от старого буржуазного общества»[2].

В силу этих причин актуальна задача выработки таких государственных и правовых институтов, которые в наибольшей мере способствовали бы воспитанию, утверждению в массах и в каждом гражданине в отдельности навыков социалистического общежития, передовых социально-психологических черт и качеств.

Деятельность государственных учреждений, все правовое регулирование должно в возможно большей степени учитывать как общие, так и специфические закономерности человеческой психологии. Очевидно, что в правовых нормах наряду со способностью передового сознания опережать действительность должна учитываться и тенденция к отставанию общественного сознания от бытия. В этой связи при выработке правовых норм и институтов целесообразно использовать данные психологической науки о таких закономерностях человеческого поведения, как, например, апперцепция. Эта психологическая закономерность проявляется в зависимости сознания и поведения людей от их прошлого опыта, от ранее усвоенных знаний, взглядов, от уже сложившихся отношений человека к окружающей действительности. Механизм апперцепции может обеспечить как передачу прогрессивных, полезных традиций и навыков, так и консерватизм, косность, инертность в массовом поведении. Задача правотворчества создать такие нормы, институты, которые способствовали бы прогрессивному и препятствовали бы отрицательному действию психологического механизма апперцепции.

То же самое можно сказать и о таких психологических законах, как закон массового уподобления, подражания (контагиозность) и противоположный закон обособления, противопоставления «себя», «своих» — «другим», «чужим» (негативизм). Оба этих психологических процесса могут усиливаться или ослабляться в разной степени в зависимости от того, насколько им способствуют или препятствуют правовые нормы. Это необходимо иметь в виду при правовом регулировании как в трудовом, административном праве, так и в ряде других отраслей права.

---

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 37, стр. 22.
[2] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 36, стр. 408—409.

Наконец, неисчерпаемое поле для плодотворного взаимодействия науки о государстве и праве с наукой о социальной психологии представляет собой совершенствование правовых норм и институтов в целях наиболее точного и эффективного выявления воли различных коллективов и социальных групп, выяснение роли правовых норм, деятельности государственных органов в человеческом общении и формировании личности.

Обогащение государствоведения и правоведения социальными, и в частности социально-психологическими, исследованиями, использование наукой о государстве и праве последних новейших достижений всех других общественных наук способствует большему приближению этой науки к потребностям практики.

Коммунистическая партия, заботясь об усилении роли общественной науки в целом, неоднократно предпринимала ряд мер, направленных и на развитие науки о государстве и праве. Постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию юридической науки и улучшению юридического образования в стране» (1964 г.), постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» ориентируют науку о государстве и праве на еще более активное решение жизненно важных проблем, усиление ее роли и значимости в создании новых форм общественной жизни.

Глава первая

ПРЕДМЕТ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

§ 1. Марксистско-ленинская юридическая наука и ее предмет. § 2. Общая теория государства и права как наука. § 3. Система общей теории государства и права. § 4. Основные функции марксистско-ленинской юридической науки и особенности функций общей теории государства и права.

§ 1. МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ЕЕ ПРЕДМЕТ

Юридическая наука как единая наука о государстве и праве

Марксистско-ленинская юридическая наука представляет собой непрерывно развивающуюся на основе общественной практики систему знаний о государстве и праве, об объективных закономерностях их возникновения и развития, о способах преобразования государства и права в интересах трудящихся.

Государство и право — явления общественные, и наука о них входит в систему наук об обществе. Как уже было сказано выше, государство и право изучаются многими общественными науками с точки зрения их собственного предмета. Но ни одна из них не занимается изучением специфических закономерностей развития государства и и права. Это область государственно-правовой науки, ее предмет, при исследовании которого она пользуется выводами и заключениями других наук. Эта наука исходит из положений исторического материализма, о классовой сущности государства и права, но раскрывает сущность и роль их в обществе на основе свойственных им специфических закономерностей. Ее интересует государство как аппарат

публичной власти, как властная и суверенная организация в политической системе общества, официально закрепленная в законодательстве, прежде всего в Основном Законе — Конституции. Она раскрывает классовую сущность и назначение права путем изучения процесса правообразования, государственной природы норм права, их структуры, юридического содержания, системы норм права и системы их юридических источников и т. д.

Марксистско-ленинская юридическая наука изучает государство и право в их общих закономерностях, по которым развивается как государство, так и право. Она изучает государство в его правовом оформлении, а право — в государственном выражении с учетом их социально-экономической и политической обусловленности и назначения. Это единая наука, отражающая единство государства и права[1] в общественной жизни; в которой они выступают как две стороны одного и того же процесса — обеспечения политического господства: а) экономически господствующих классов; б) их отдельных групп (монополистической буржуазии в современных империалистических государствах); в) всего народа (в условиях победившего социализма); г) всех патриотических, демократических и прогрессивных революционных сил общества (в ряде государств, возникших в результате национально-освободительной революции и ликвидации колониализма). Словом, необходимость единой науки о государстве и праве определяется единством государства и права в обеспечении классового господства и руководства обществом.

Право не существует и не может существовать без государства[2]. В то же время и государство не существует без права, в котором оно получает свое официальное оформление и закрепление. Особенно велика в этом отношении

---

[1] Соотношению государства и права посвящена гл. X настоящей работы, где этот вопрос рассматривается с необходимой полнотой. Здесь же мы касаемся его лишь в той мере, в какой это необходимо для характеристики юридической науки как единой науки о государстве и праве.

[2] Органически присущая праву связь «с государством представляет собой его специфическую закономерность, ибо вне этой связи невозможно само существование и развитие права» (Ю. П. Касаткин, Л. С. Явич, К вопросу об общих и специфических закономерностях развития права, «Ученые записки Таджикского государственного университета», т. VIII, Труды юридического факультета, вып. 3, Сталинабад, 1955, стр. 45).

роль конституции, которая оформляет структуру современного государства, систему его органов, устанавливает рамки их деятельности. Право, выступая по отношению к государству как относительно самостоятельное общественное явление, оказывает воздействие на построение и деятельность государства [1].

Государство вызвано к жизни борьбой классов и необходимостью осуществления политического господства и руководства. Но государство необходимо в известной мере и потому, что оно должно устанавливать и обеспечивать право, его существование связано с общественной необходимостью в праве. В свою очередь право служит государству, которое нуждается в праве как орудии политического властвования и осуществления определенных политических требований. Государство не может их осуществлять, «не предписывая населению известных правил поведения, каковыми являются правовые нормы» [2].

Поскольку государство создает нормы права и обеспечивает их соблюдение, постольку закономерности возникновения и развития государства являются в данном отношении и закономерностями возникновения и развития права, в то же время поскольку государство получает правовое оформление и закрепление, постольку закономерности права являются закономерностями государства. Юридическая наука и занимается познанием общих специфических закономерностей развития, присущих государству и праву, а также познанием их неразрывных связей и взаимодействия, их общей служебной роли и назначения в общественной жизни. Это, конечно, не означает, что все то, что свойственно государству, свойственно праву и наоборот. Речь идет лишь об общих закономерностях, причем таких, которые являются главными и определяющими как для государства, так и для права.

Право является единственной формой, в которой государство выражает свои веления в качестве общеобязатель-

---

[1] См. М. А. Аржанов, Государство и право в их соотношении, изд-во АН СССР, 1960, стр. 76. М. С. Строгович также отмечает, что «государство не может рассматриваться в отрыве от права, так как организация государства закрепляется в нормах права и деятельность органов государства регламентируется нормами права» (М. С. Строгович, Философия и правоведение, «Советское государство и право» 1965 г. № 6, стр. 78).

[2] «Основы теории государства и права», «Юридическая литература», 1963, стр. 13.

ных. Право олицетворяет собой государственную волю политически господствующих в обществе сил. К. Маркс и Ф. Энгельс, отмечая это, писали, что господствующие при данных отношениях индивиды, конструируя свою силу в виде государства, придают своей воле «всеобщее выражение в виде государственной воли, в виде закона» [1]. Законы, право нужны им не только для провозглашения своего господства, но и для утверждения и обеспечения его посредством государства.

Верховенство государственной власти олицетворяется в праве и осуществляется через право, а право основано на суверенности государства [2]. Законодательство, как правило, служит юридической основой существования и функционирования всех звеньев политической организации общества. Поэтому нельзя постигнуть государство и право, исследуя их изолированно.

Во всех этих, как и других подобных случаях проявляется необходимая объективная связь государства и права, в силу чего они изучаются единой, а именно юридической наукой.

Изучение государства и права в системе общественных явлений

Юридическая наука относится к группе специальных наук об обществе, предметом которых служит не все общество в целом, а только отдельные его структурные элементы или стороны. «Для этой группы наук характерен, — как отмечает Б. М. Кедров, — прием вычленения из всей суммы общественных отношений каких-то определенных сторон и изучение их... в относительной их изоляции от других сторон общества, которые в данной связи оказываются либо несущественными, либо берутся в той связи, в какой они стоят по отношению к выделенной стороне общественных явлений» [3]. Эти науки можно было бы назвать поэтому структурными науками.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 322.

[2] На отдельных этапах исторического развития некоторые правовые явления приобретают большую самостоятельность по отношению к государству, внешне выступая как независимые от него установления («Современные буржуазные учения о капиталистическом государстве. Критические очерки», «Наука», 1967, стр. 55—58).

[3] Б. М. Кедров, Выступление на совещании по методологическим вопросам истории (сб. «История и социология», «Наука», 1964, стр. 110).

Их предметами являются «различные «этажи» общественного «здания»: экономический базис, политическая надстройка над этим базисом; более высокие идеологические надстройки» [1].

Юридическая наука «вычленяет» государство и право из всей системы общественных явлений и исследует их внутренние закономерности. Естественно, что государственно-правовые явления рассматриваются в связи с экономикой, политикой, моралью и другими общественными явлениями [2].

Внутренние закономерности развития государства и права охватывают как связь структурных элементов каждого из этих явлений между собой и с государством и правом в целом, так и связь государства и права с экономическими и другими общественными явлениями. Все это — причинно обусловленные связи и отношения, определяющие государство и право в качестве специфических явлений общественной жизни, их роль и назначение в ней.

Экономические и другие общественные отношения, обусловливающие возникновение и характер государства и права, изучаются юридической наукой в той мере, в какой это требуется для познания социальной природы, назначения и функционирования государства и права. Они изучаются ею и как предмет государственно-правового регулирования. В постановлении ЦК КПСС 1964 года «О мерах по дальнейшему развитию юридической науки и улучшению юридического образования в стране» говорится, что советская юридическая наука призвана исследовать общественные процессы, вызывающие необходимость правового регулирования, определять наиболее эффективные пути и формы регулирования, изучать практические результаты того или иного закона [3].

---

[1] Б. М. Кедров, Выступление на совещании по методологическим вопросам истории, стр. 111.

[2] См. О. А. Красавчиков, Советская наука гражданского права (понятие, предмет, состав и система), «Ученые труды Свердловского юридического института», т. VI, 1961, стр. 161, 169, 173, 186, 190; его же, Юридическая наука и коммунизм (сб. «Право и коммунизм», «Юридическая литература», 1965, стр. 184); Г. Б. Гальперин, А. И. Королев, О предмете науки истории государства и права СССР («Правоведение» 1960 г. № 4, стр. 101, 102, 107).

[3] См. «Насущные задачи юридической науки» («Коммунист» 1964 г. № 12, стр. 71).

Юридическая наука пользуется выводами политической экономии и других общественных наук, непосредственно не изучая внутренних закономерностей развития их собственного предмета (общества в целом, законов производственных отношений и т. д.). Она исследует экономические, политические и другие общественные отношения в ином, отличном от других социальных наук аспекте; иначе она вторглась бы в их предмет.

Характер взаимосвязей государства и права с общественными явлениями, интересующими правовую науку, определяется особенностями государства и права как надстроечных явлений. Так как «форма взаимодействия каждого из элементов надстройки с экономикой отличается особенностями, определяемыми специфическими законами развития данного конкретного элемента надстройки» [1], связь государства и права с экономикой (как и с другими общественными явлениями) раскрывается через специфические законы развития самого государства и права и в соответствии с особенностями этих законов, которые составляют собственно предмет юридической науки. Эта связь изучается именно в целях наиболее глубокого познания специфики государства и права.

Поэтому проблема взаимодействия права и его норм с общественными отношениями, с объективными закономерностями общественного развития есть одна из центральных проблем юриспруденции [2]. Но рассмотрение взаимоотношения государства и права с экономикой и объективными законами ее развития, а также с другими общественными отношениями «не должно вести к подмене предмета исследования: государство и право как предмет изучения правовой науки не должны подменяться экономикой» [3] и другими явлениями общественной жизни.

Юридическую науку интересует не только материальная и политическая обусловленность государственных и правовых явлений, но и обратное влияние государства

---

[1] Д. А. Керимов, Б. В. Шейндлин, О предмете общей теории государства и права («Советское государство и право» 1957 г. № 12, стр. 5).

[2] См. «Юридическая наука в условиях коммунистического строительства» («Коммунист» 1963 г. № 16, стр. 31).

[3] С. Н. Братусь. Теория государства и права, ее предмет и место среди общественных наук («Ученые записки ВИЮН», вып. 2, Госюриздат, 1955, стр. 9).

и права на экономику, политику, мораль и другие общественные явления.

Государственно-правовая надстройка как предмет юридической науки

В результате воздействия права как выражения государственной воли господствующего класса на общественную жизнь складываются правовые отношения (которые являются особым видом общественных отношений), а также другие юридические связи между людьми, образующиеся непосредственно на основе правовой нормы (например, отношения, сопряженные с правовым статусом личности, в том числе в области политических свобод и т. п.) [1].

Естественно, что правовые отношения и другие формы юридической связи участников общественной жизни входят в предмет марксистско-ленинской юридической науки [2]. Она изучает весь процесс правового регулирования, формы и методы воздействия права на общественные отношения и результат этого воздействия — правовые отношения и правовые связи субъектов общественной жизни. Словом, ее предметом является весь правовой порядок, который складывается в качестве результата правового регулирования общественных отношений.

С возникновением классов, государства и права возникает политическая и правовая идеология, выражающая прежде всего взгляды господствующих классов на политическую жизнь и политическую организацию общества, на сущность и назначение, структуру и функции государства и права; складывается и развивается юридическая наука. Вместе с этим возникает и развивается политическое и правовое сознание угнетенных классов, а в эпоху капитализма возникает политическая и правовая идеология рабо-

---

[1] См. С. С. Алексеев, Юридическая наука в современный период («Правоведение» 1965 г. № 1, стр. 15—16); Д. М. Генкин, Право собственности как абсолютное субъективное право («Советское государство и право» 1958 г. № 6, стр. 97); Л. С. Явич, О путях воздействия права на общественные отношения («Советское государство и право» 1959 г. № 6, стр. 34); П. Е. Недбайло, Применение советских правовых норм, Госюриздат, 1960, стр. 104—107; Н. В. Витрук, Субъективные права советских граждан и их развитие в период строительства коммунистического общества, автореферат канд. дисс., Киев, 1965, стр. 6—9.

[2] См. «Советское гражданское процессуальное право», ВЮЗИ, 1957, стр. 24—25; «Земельное право», Юриздат, 1949, стр. 13—15; «Теория государства и права», изд-во АН СССР, 1962, стр. 8.

чего класса, создается марксистская наука о государстве и праве в качестве высшей формы политического и правового сознания рабочего класса, а затем и широких кругов трудящихся.

Политическое и правовое сознание обладает относительно самостоятельным развитием, но оно самым непосредственным образом связано с государством и правом и служит идеологической основой борьбы классов за государственную власть.

В соответствии со своим политическим и правовым сознанием господствующие классы строят государственные учреждения и осуществляют государственную власть, устанавливают правовые нормы и обеспечивают их реализацию. Все это свидетельствует, что изучение государства и права требует также изучения политической и правовой идеологии, которая входит, таким образом, в предмет юридической науки. Теория государства и права исследует «наиболее существенные черты правосознания в различных общественно-экономических формациях, связь правосознания с положительным правом, обусловленность правовых идей материальными условиями жизни общества» [1]. То же следует сказать о политическом сознании и его связи с государством.

Психологическая жизнь общества, классов, наций и других общностей находится в непосредственной и органической связи с государственно-правовой идеологией, обобщается ею и самым существенным образом влияет на развитие и преобразование государства и права, например, на формы правления и методы осуществления государственной власти, и в этом плане входит в предмет исследования юридической науки.

Юридическая наука изучает поведение участников общественной жизни, определенное в нормах права, и интересуется тем, каким оно должно быть в данных конкретных условиях. Она «призвана все в большей степени становиться наукой о социальном поведении человека в общественной жизни, регулируемой правом» [2].

Таким образом, марксистско-ленинская юридическая наука изучает государство и право также в их идеологи-

[1] С. Н. Братусь. Теория государства и права, ее предмет и место среди общественных наук, стр. 9—10.

[2] В. М. Чхиквадзе. Правовая наука и общественная практика («Коммунист» 1965 г. № 1, стр. 33).

ческом и психологическом опосредствовании и в практическом их функционировании. Ее предметом является вся государственно-правовая надстройка с ее специфическими закономерностями развития, в том числе политическое и правовое сознание, правовые отношения, включая государственно-политические правовые отношения [1], и другие правовые связи людей. Главное внимание при этом уделяется изучению социалистической государственно-правовой надстройки, ее структуры и функционирования, путей ее развития и совершенствования.

Это предмет всей юридической науки, каждая из отраслей которой в своей области исследует в той или иной степени как государственные учреждения и правовые институты, так и непосредственно связанные с ними правовые отношения, политические и правовые взгляды (политико-правовую идеологию и психологию) [2].

§ 2. ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА КАК НАУКА

Предмет исследований общей теории государства и права

Вся юридическая наука, о которой выше говорилось, исследует государство и право как определенную единую систему. Отдельные же стороны государственно-правовой надстройки изучаются отраслевыми юридическими науками.

Изучение государства и права как единой системы требует исследования общих для всех государственно-правовых явлений закономерностей и системы этих закономерностей, в частности закономерностей развития и функционирования. Все это требует отдельной самостоятельной науки — общей теории государства и права, которая в силу своего предмета является наукой юридической.

Каков же предмет общей теории государства и права,

---

[1] Государственно-политические отношения — такие общественные отношения, которые складываются между классами, нациями, другими социальными общностями и их организациями (партиями, союзами и т. п.) в связи с осуществлением государственной власти и с целью воздействия на нее.

[2] В системе юридической науки имеется самостоятельная дисциплина — «История политических и правовых учений», специальным предметом которой являются политические и правовые взгляды борющихся классов различных общественно-экономических формаций, возникновение и развитие этих взглядов («История политических учений», Госюриздат, 1960, стр. 10—13).

какие закономерности в развитии государства и права ею изучаются? Предмет науки — это та область познания объекта, в данном случае государства и права, на которую научное исследование направлено; предмет — это то, что в данном объекте наука изучает, те закономерности объекта, которые ее интересуют. Предмет науки находится, таким образом, как бы между субъектом и объектом исследования, «выступает как своеобразный посредник»[1] между ними и характеризует собой процесс научного познания, его структуру, подход к изучению объекта с учетом требований уже накопленного знания, определяет точку зрения на объект и задачу его познания (в данном случае — государство и право).

Теория государства и права изучает общие закономерности возникновения, развития, назначения государства и права[2], т. е. такие необходимые причинно обусловленные и объективные связи и отношения в области государства и права, определяющие их развитие, которые свойственны всем социальным историческим типам государства и права, являются существенными для них, а также общие связи и отношения, свойственные данному типу государства и права в отличие от их отдельных институтов[3].

К ее предмету относятся основные закономерности возникновения государства и права, революционной смены их исторических типов; развитие их социально-политической, классовой сущности; формы государства и права; назначение государства как аппарата публичной и принудительной власти и права как нормативного фактора общественной жизни, обладающего государственной

---

[1] Э. Юдин, Как понимать объект и предмет научного познания («Политическое самообразование» 1967 г. № 3, стр. 97).

[2] В литературе встречаются положения, сводящие теорию государства и права к обобщению достижений отраслевых и других частных юридических наук (О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский, Некоторые вопросы науки теории государства и права, «Вестник ЛГУ», № 17, серия экономики, философии и права, вып. 3, 1956, стр. 128). Но такой взгляд лишает теорию государства и права значения науки, ибо игнорирует ее собственный предмет исследования, превращая ее в подсобную отрасль знания по отношению к отраслевым юридическим дисциплинам.

[3] При характеристике предмета общей теории термины «государство и право» употребляются в расширительном смысле, как синоним понятия «государственно-правовая надстройка общества».

общеобязательностью; основные закономерности построения системы органов государства и системы права; закономерности правового регулирования осуществления государственной власти; функции государства и права, методы их осуществления, формы и пределы воздействия государства и права на общественную жизнь, в том числе на экономическую и политическую ее сферы; общие принципы демократии, режима законности и правопорядка и другие закономерности и принципы государства и права, определяющие их специфические особенности как общественных явлений, их развитие, назначение и функционирование.

Выше отмечалось, что государственно-правовая надстройка охватывает не только государство и право в собственном смысле, но и государственно-политическое и правовое сознание, государственно-политические и правовые отношения и другие правовые связи, складывающиеся на основе действующего права. Основные закономерности и особенности развития этих элементов государственно-правовой надстройки также входят в предмет общей теории государства и права.

Общие закономерности государства и права специфическим образом обнаруживаются и осуществляются в каждом историческом типе государства и права и в каждом отдельном государственно-правовом явлении. В то же время закономерности каждого исторического типа государства и права и каждого государственно-правового явления входят в общее, обнаруживаются в общих закономерностях и обогащают их. На тех же принципах с учетом определенных особенностей складываются взаимоотношения и взаимодействия между общими закономерностями данного исторического типа государства и права в целом и принципами построения и деятельности отдельных государственных учреждений и правовых институтов этого же типа.

Существует, таким образом, единство общих и особенных закономерностей в каждом государственно-правовом явлении, но они выражают разные взаимосвязи внутри предмета и не тождественны между собой. Это разные закономерности, отличающиеся качественными особенностями, и изучение их требует специфического подхода и методов исследования.

Единство общего и особенного не означает, однако,

что общие закономерности не существуют как таковые. Они существуют реально и объективно, как закономерности всех государственно-правовых явлений. Поэтому общие закономерности, как и всякая реальность, подлежат изучению и исследованию и ими нужно руководствоваться при изучении особенного, единичного и конкретного.

Познание общих закономерностей государства и права требует той специальной, отдельной и самостоятельной науки, которая называется общей теорией государства и права [1].

Таким образом, марксистско-ленинская общая теория государства и права имеет дело, как и вся юридическая наука, с объективной реальностью, с объективно существующими законами развития государства и права. Но ее предметом являются не все законы развития государства и права, а лишь общие, основные, определяющие государство и право (государственно-правовую надстройку) в целом.

Общая теория государства и права, играя по отношению к отраслевым юридическим наукам направляющую роль, отнюдь не поглощает эти науки, не заменяет их и не олицетворяет собой всей юриспруденции. Она является одной из юридических наук, входит в их систему, но отличается от них в той мере, в какой общие закономерности развития государства и права отличаются от частных законов государственно-правовых явлений [2].

---

[1] См. «Общая теория государства и права», изд-во ЛГУ, 1961, стр. 11.

[2] В научной литературе высказано суждение, согласно которому общая теория государства и права является не вполне или не только юридической наукой, а прежде всего наукой политической, так как государство есть явление в первую очередь политическое, однородное в этом смысле с такими явлениями, как классовая диктатура, политическая жизнь и политическая организация общества, демократия и т. д. Поэтому учение о государстве и его связях с правом одновременно входит как в систему юридических, так и в систему политических наук наряду с учением о партии, о Советах и т. д. (А. Денисов. Некоторые вопросы предмета марксистско-ленинской теории государства и права, ВЮЗИ, 1962).

По этому поводу подчеркнем следующее. Юридические начала общественной жизни определяются политикой и являются формой ее осуществления и в этом смысле представляют собой явление политическое, но они не отождествляются с политикой и не растворяются в ней. Точно так же теория государства и права, как и вся юридическая наука, является наукой политиче-

Итак, в качестве *предмета общей теории государства и права следует рассматривать государство и право как явления общественной жизни в их общих и основных закономерностях возникновения, развития, революционной смены одного типа государства и права другим, в их назначении и функционировании, а также основные особенности государственно-политического и правового сознания, юридических отношений и связей.*

Иначе говоря, это наука об общих закономерностях движения[1], построения и функционирования государственно-правовой надстройки в целом.

Значение общетеоретических положений для изучения государственно-правовых явлений

Место и роль теории государства и права в системе юридических наук определяется не только наличием отдельной и самостоятельной сферы исследования, но и общей значимостью тех закономерностей государства и права, которые она изучает, их качественными особенностями по сравнению с закономерностями, изучаемыми другими юридическими науками. Это основные, наиболее существенные и в этом смысле ведущие, направляющие закономерности развития государства и права. Они имеют определяющее значение по отношению ко всем иным, специфическим, частным закономерностям государственно-правовой надстройки. Познание этих основных закономерностей дает возможность наиболее глубоко определить роль и государства, и права в общественной жизни.

Особенность теории государства и права как науки состоит в выработке ею основных теоретических принципов. Ее понятия и категории имеют руководящее значение для всех других юридических наук потому именно, что она изучает общие закономерности государства и права, пользуясь при этом достижениями отраслевых юридических

ской постольку, поскольку это наука юридическая. Она имеет большое принципиальное политическое значение. Поэтому нельзя сказать, что это наука не вполне или не только наука юридическая, а прежде всего наука политическая. Такая трактовка в одинаковой мере ведет как к отождествлению и замене ее политикой, так и к отрыву ее от политики, а равно к противопоставлению науки юридической науке политической.

[1] Под «движением» понимается возникновение, развитие (эволюционное и революционное) и отмирание государства, права, непосредственно связанных с ними общественных отношений и форм сознания.

наук. Это самостоятельная наука, а не продолжение отраслевых юридических наук; не теория иных наук, а теория особых закономерностей государства и права — общих, основных и наиболее существенных закономерностей.

Исследование таких закономерностей дает новые знания о государстве и праве по сравнению с теми знаниями, которые дают остальные юридические науки, что не могло бы быть достигнуто, если бы теория государства и права была лишь обобщением данных других юридических наук. Поэтому теория государства и права не может основываться лишь на том материале, который содержится в отдельных юридических дисциплинах и обобщается ею [1]. Конечно, теория государства и права обобщает данные частных наук, но делает она это в плане познания основных и коренных закономерностей развития государства и права, в целях наиболее глубокого исследования своего предмета. Она опирается на них в целях непосредственного и самостоятельного познания государственно-правовой деятельности.

Таким образом, теория государства и права есть наука об общих и объективных законах развития государства и права, а не просто итог научных знаний, накопленных частными юридическими науками.

Подчеркивая, что общая теория государства и права изучает государство и право в целом [2], мы отнюдь не утверждаем того, что это равнозначно изучению всех и каждой из сторон и областей государственно-правовой надстройки. Нет, это есть изучение того общего, что присуще государству и праву в целом, и, следовательно, каждому государственно-правовому явлению в бесконечном их многообразии. Естественно, что единое и общее изучается не само по себе, а взятое в диалектическом единстве, в неразрывной связи с особенностями государственных учреждений и отраслей права, государственных учреждений и правовых институтов. Связь целого с частями базируется на взаимопроникновении общих и частных закономерностей,

---

[1] См. «Теория государства и права», Госюриздат, 1949, стр. 9; «Теория государства и права», изд-во МГУ, 1967, стр. 10—11.

[2] См. А. И. Денисов, Предмет и метод теории государства и права. Происхождение государства и права. Критика буржуазных теорий, М., 1954, стр. 9; «Теория государства и права», 1962, стр. 15.

но рассматривается эта связь с точки зрения общих законов развития [1].

Каждая отраслевая или иная юридическая наука изучает какую-либо отдельную сторону или сферу жизни и деятельности государства и права, хотя в совокупности они охватывают все стороны, но их сумма еще не дает необходимых знаний о государстве и праве как целостной системе во всем взаимодействии государственных и правовых явлений. И это потому, что ни одна из отраслей юридической науки не изучает общих законов, которые направляют развитие и функционирование государства и права в целом (хотя и исходят из этих общих законов).

Без познания общих законов невозможно понять закономерностей отдельных и конкретных государственных и правовых явлений, а также их взаимоотношения и взаимосвязь, нельзя определить место и роль того или иного института в государстве или в праве в целом. Каждый государственно-правовой институт, каждая отрасль права, каждая часть государственного механизма могут быть поняты не в своей единичности, а в той связи, которая ведет к государству и праву как целому.

Поскольку теория государства и права изучает *общие закономерности* развития государства и права, изучает их в целом, она и называется *общей теорией государства и права* [2]. Это название науки правомерно еще и потому, что каждая из частных юридических наук, изучая определенную область государственно-правовой жизни, разрабатывает теорию предмета своего исследования, каждая из них является теорией тех специфических закономерностей, которые она изучает.

---

[1] Поэтому нельзя согласиться с тем, что, поскольку теория государства и права «анализирует наиболее общие законы и принципы возникновения и развития государства и права», она «изучает *все* стороны деятельности государства *в целом*, все отрасли права *в целом*» (И. Е. Фарбер. О системе курса теории государства и права, «Правоведение» 1959 г. № 1, стр. 139). Общее не тождественно целому, это лишь то, что свойственно всем государственно-правовым явлениям в качестве общей закономерности их развития.

[2] См. С. Н. Братусь, Теория государства и права, ее предмет и место среди общественных наук; М. Д. Луцкий, О предмете «теории государства и права» («Труды Среднеазиатского государственного университета им. Ленина, Правоведение. Новая серия», вып. 149, кн. 7, Ташкент, 1960, стр. 23—24).

Общая теория государства и права, будучи общетеоретической юридической наукой, придает внутреннюю связь всему богатству юридических знаний, но она не дает готовых решений тех вопросов, которыми занимаются частные науки. Она дает таким наукам необходимые исходные общетеоретические и общеметодологические данные о государстве и праве в целом, которые помогают найти правильное решение вопросов.

Общетеоретический взгляд на государственно-правовые учреждения и отношения позволяет преодолеть односторонность в подходе к предмету исследования, которая неизбежно возникает при дифференциации и специализации юридических наук. Больше того, взгляд на государственно-правовые явления с точки зрения государства и права как целого обогащает принципы, понятия и категории всей юридической науки и каждой из ее отраслей. Научные выводы и заключения рассматриваются при этом в определенном взаимодействии и в силу этого приобретают дополнительную ценность, состоящую в новых, интегральных качествах, не свойственных каждому закону и категории науки в отдельности. Общетеоретический взгляд дает возможность глубже познать природу каждой юридической науки в отдельности и определить ее назначение в общем изучении государства и права, использовании их в практической деятельности.

Из этого, однако, не следует, что по отношению к результатам отраслевых юридических наук выводы общей теории государства и права выступают «как вторичное, производное, возникшее в итоге анализа и обобщения единичного, отдельных результатов отраслевых юридических наук». Поэтому всеобщность ее выводов и положений, по мнению некоторых авторов, «обусловлена тем, что они выражают собой наиболее характерные общие признаки сторон и элементов, выявленных отраслевыми юридическими науками» [1]. Выходит, что общая теория государства и права не может сделать тех или иных выводов, пока не скажут своего слова отраслевые науки, что она тем самым лишена самостоятельного значения [2].

---

[1] Д. А. Керимов, Б. В. Шейндлин. О предмете общей теории государства и права, стр. 11—12.

[2] Таков общий дух рассматриваемой статьи, хотя на стр. 9 авторы и говорят об объективных закономерностях реальной

Действительно ли выводы теории государства и права как общетеоретические выводы в отношении государства и права вторичны? Они были бы вторичны, если теория государства и права была бы наукой, лишь обобщающей достижения отраслевых и других юридических наук. Но это самостоятельная наука, роль и место которой определяются ролью и значением тех закономерностей государства и права, которые она изучает. Как уже говорилось, она изучает общие, основные и наиболее существенные закономерности, которые имеют определяющее и направляющее значение в системе всех закономерностей развития государства и права, и в этом отношении они первичны. Они первичны в жизни, в действительности, поэтому и общетеоретические понятия и категории, отражающие и обобщающие эти общие и основные закономерности государства и права, имеют первичное и первенствующее значение для разработки всех государственно-правовых проблем [1].

В сфере своего исследования теория государства и права имеет наглядную и непосредственную связь с государственно-правовой практикой. К. Опалэк правильно говорит, что, если бы теория государства и права самостоятельно не обогащалась практикой, она не была бы наукой. Ее главная задача и состоит в том, чтобы на основе практического опыта разрабатывать общетеоретические положения и делать затем практические рекомендации существенного и принципиального характера [2].

действительности, изучаемых общей теорией государства и права. Этот общий смысл статьи и дал, очевидно, основание польскому правоведу К. Опалэку упрекнуть авторов в традиционном определении значения теории государства и права только как обобщения данных всей юриспруденции (K. O p a l e k, Problemy Methodologiczne nauki prawa, Warszawa, 1962, s. 275).

[1] Эта мысль убедительно обоснована М. Д. Луцким, который пишет, что «общее в науке» «общей теории государства и права» выступает как первичное по отношению к отраслевым наукам» и прежде всего в силу именно этого «она устанавливает те научные истины, которые являются исходными для отраслевых юридических наук». К этим истинам и выводам общая теория государства и права приходит «не на основании обобщений и выводов других наук (истории государства и права, государственного права и т. д.), а самостоятельно, в результате теоретического исследования этих вопросов (используя, разумеется, конкретный фактический материал)» (М. Д. Л у ц к и й, О предмете «теории государства и права», стр. 31).

[2] K. O p a l e k, op. cit., ss. 7, 258, 268.

В настоящее время расширяются исследования социологического характера и по общим проблемам государства и права, например по вопросам экономической роли государства, повышения правового сознания и укрепления социалистической законности. Но непосредственная связь общей теории государства и права как науки со своим предметом осуществляется не только эмпирическими методами, а главным образом методами теоретическими, научной абстракцией, позволяющей глубже проникнуть в действительность и отражать ее наиболее существенные черты и закономерности. В этом преимущество общетеоретической юридической науки как наиболее абстрактной в системе юридических наук. В. И. Ленин учил, что «все научные (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, *полнее*»[1]. Сила абстракции — это сила обобщения, состоящая в данном случае, применительно к теории государства и права, в установлении основных и ведущих закономерностей развития государства и права; поэтому именно теория государства и права разрабатывает систему руководящих идей и принципов для всех отраслей юридических знаний.

Сущность связи теории государства и права с практикой состоит в том, что теория развивается на основе обобщения государственно-правовой практики, а практика входит в научные дефиниции и обогащает науку, которая в свою очередь освещает путь практике.

Изучение общей теорией государства и права политического и правового сознания

Марксистско-ленинская теория государства и права при изучении своего предмета не ограничивается лишь его онтологией, его существованием как объективной реальности, но и изучает отражение его в государственно-политическом и правовом сознании, в науке, в дефинициях. В круг ее интересов входит исследование того, насколько правильно государственно-правовая действительность отражается в научных понятиях и определениях, она подвергает критике несоответствующие действительности выводы и заключения, ведет непримиримую борьбу с буржуазной правовой идеологией, в особенности с антикоммунизмом. В то же время теория государства и права

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 152.

исследует, насколько наука (и ее понятия) в своем развитии опирается на государственно-правовую действительность и обеспечивает правильное и успешное ее изучение и преобразование.

Таким образом, теория государства и права как общетеоретическая отрасль юридических знаний занята исследованием самой юридической науки, прежде всего ее познавательных возможностей. Конечно, общая теория государства и права не наука наук, которая вбирает в себя содержание всех юридических наук. Она изучает особенности юридической науки, специфику ее понятий и категорий, ее систему, ее общие функции и назначение, ее познавательные и преобразовательные возможности. Иначе говоря, общая теория государства и права изучает формы государственно-политической и правовой идеологии господствующего класса (всего народа — в условиях социализма).

Общая теория государства и права как методологическая наука

Выше отмечалось, что предмет науки (в данном случае общие закономерности государства и права) рассматривается «через призму существующего в настоящий момент знания» [1], прежде всего через систему философских законов и категорий, а также фундаментальных понятий самой науки. Поэтому понятия теории государства и права, ее категории и принципы имеют методологическое значение для исследования предмета данной науки. Теория государства и права как учение об основном, наиболее общем в развитии этих общественных явлений имеет также методологическое значение для всех юридических наук. В то же время каждая отраслевая или иная юридическая наука использует выработанные ею общие понятия относительно своего предмета в качестве частного метода научных исследований в конкретной сфере государственно-правовой жизни. Методологически значение общих понятий науки надо рассматривать в свете требований общенаучного метода — материалистической диалектики. Поэтому неточным является довольно распространенное представление, что философскую основу имеет и с философией связана только общая теория государства и права. Каждая юридическая наука

[1] Э. Юдин, Как понимать объект и предмет научного познания («Политическое самообразование» 1967 г. № 3, стр. 95).

связана с философией, использует философские положения для обоснования своих выводов и понятий, которые используются как приемы исследования. При этом, конечно, надо учитывать особое положение в системе юридических наук теории государства и права, методологическое значение которой как общетеоретической юридической науки более значительно. Изучая основные, коренные и в этом смысле ведущие закономерности государства и права, она вырабатывает фундаментального характера идеи и категории, которые затем используются в методологическом отношении отраслевыми юридическими науками [1].

§ 3. СИСТЕМА ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Объективная обусловленность системы общей теории государства и права

Предмет науки раскрывается в системе науки и тем самым определяет ее. Поэтому лишь та научная система позволяет проникнуть в предмет познания и овладеть изучаемыми закономерностями, которая построена в соответствии с объективным ходом вещей. В своем внешнем выражении система науки представляет собой систему знаний, изучаемых наукой вопросов. Можно сказать поэтому, что *система общей теории государства и права есть такое логически последовательное расположение изучаемых ею вопросов,*

---

[1] Методологическое значение теории государства и права, как и всякой другой науки, рассматривается в плане диалектико-материалистического мировоззрения, но это не значит, что общая теория государства и права обладает методологическим значением лишь в силу того, что она является конкретизированным историческим материализмом по отношению к специальным юридическим наукам (П. А. Рачков, Наука исторического материализма и теория государства и права, «Советское государство и право» 1963 г. № 10). Это вполне самостоятельная наука, она имеет свой предмет исследования, и ее научные понятия и принципы, обращенные к предмету исследования, дают новые знания (в том числе и для развития специальных юридических наук) и служат средством преобразования действительности. П. А. Рачков не прав также и в том, что связывает общую теорию государства и права лишь с историческим материализмом. Не менее существенны, на деле, и связи этой науки с диалектическим материализмом, политической экономией и особенно теорией научного коммунизма.

которое отражает закономерности исторического развития государства и права и взаимодействие этих закономерностей в процессе функционирования государства и права.

Система науки не создается, следовательно, произвольно, а познается и открывается в реальной действительности [1]. Это, конечно, не означает, что система науки, в том числе и общей теории государства и права, является простой фотографией действительности. Наука возникает и развивается под влиянием общественных потребностей, но она имеет, как и всякое общественное явление, относительную самостоятельность, обратное творческое воздействие, которое воплощается в ее теоретических принципах, законах, понятиях. Поэтому при построении системы общей теории государства и права нужно исходить также из ее теоретических принципов, выражающих закономерности внутреннего развития самой науки.

Теоретическое и практическое назначение системы общей теории государства и права состоит в том, что эта система при правильном ее построении позволяет наиболее полно и глубоко познать государство и право. Вопрос о системе общей теории государства и права — это в значительной мере вопрос о дальнейшем ее развитии и повышении ее роли в общественной жизни.

Принципы построения системы общей теории государства и права

При построении системы общей теории государства и права прежде всего должен быть соблюден принцип соответствия логического и исторического в научных исследованиях.

В лекции «О государстве» В. И. Ленин говорил, что для познания предмета надо «не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития — смотреть, чем данная вещь стала теперь». Поэтому, чтобы познать

---

[1] В отношении философской науки В. П. Рожин пишет, что ее структура «должна отражать объективную логику своего предмета исследования и поэтому она не может быть произвольной схемой. Вместе с тем в структуре науки должны быть показаны объективные основания переходов от одной части к другой, в соответствии с принципом развития» (В. П. Рожин, Предмет и структура марксистско-ленинской философии, изд-во ЛГУ, 1958, стр. 18).

сущность и назначение государства, надо «наиболее научным образом подойти к этому вопросу, надо бросить хотя бы беглый исторический взгляд на то, как государство возникло и как оно развивалось» [1].

Историческое развитие государства и права «суммируется» и схватывается логикой и таким образом познается в теоретическом отношении. Этому и служит система науки, которая резюмирует историю и содержание предмета исследования в логическом плане. Конечно, логика отражает историю в общетеоретических принципах, чтобы затем отправляться от них в исследовании предмета. В теоретической науке государство и право исследуются в наиболее обобщенном виде, в отличие от науки истории, которая подробно воспроизводит ход развития государства и права во всей его конкретности. Логический способ познания не следует за всеми изгибами истории, но он сохраняет ее основную нить. Поэтому логическое есть «исправленное» историческое, но исправленное, как говорил Ф. Энгельс, «соответственно законам, которые дает сам действительный исторический процесс» [2].

В тесной связи с принципом соответствия логического и исторического находится соотношение абстрактного и конкретного в научном познании. В абстрактных понятиях выражаются общие признаки предмета, но это не механическое суммирование, а отражение наиболее существенного в предмете, глубоких закономерностей его развития. Отправляясь от этих понятий в изучении исторических типов государства и права или отдельных государственно-правовых явлений, мы получаем наиболее полное и всестороннее представление о последних, познаем их обогащенными сущностью государственно-правовой системы в целом.

Абстрактные понятия, выражающие сущность государства и права, являются поэтому отправными структурными элементами науки общей теории государства и права и исходным началом в исследовании каждого государственного и правового института. При этом, конечно, нужно иметь в виду, что абстракции предмета — это не совокупность сходных признаков различных исторических

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 67.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 497.

типов государства и права и отдельных государственных и правовых явлений, а самостоятельные по отношению к ним понятия, идеи и принципы, созданные в результате абстрагирования от менее существенных и второстепенных сторон. Абстрактные понятия — это новые в качественном отношении понятия по сравнению с понятиями закономерностей отдельных исторических типов государства и права, и они являются исходными при рассмотрении последних. Восхождение от абстрактного к конкретному обеспечивает последовательность в расположении материала и придает всей системе логическую стройность.

Развитие системы общей теории государства и права

В истории развития общей теории государства и права ее система строилась в двух основных направлениях. В СССР общая теория государства и права как наука развивалась сначала преимущественно по логически-тематической или проблемной системе [1].

В логически-тематической, проблемной системе сочетание исторического и логического, абстрактного и конкретного достигалось тем, что в каждой теме логическая связь в изучении материала сочеталась с освещением исторической последовательности в развитии предмета, и тем, что в начале излагалось общее понятие, а затем исследовались соответствующие учреждения и институты каждого исторического типа государства и права. Получается, таким образом, сравнительное изучение вопросов на основе общих понятий и принципов, которые формируются путем абстрагирования общих закономерностей развития всякого исторического типа государства и права. При такой системе, например, в теме «Функция государства» вначале дается общее понятие функции государства, затем излагаются функции рабовладельческого, феодального, буржуазного, социалистического государства, а также переходных разновидностей государства.

Особенность логически-тематической, проблемной системы состоит в том, что она наглядно и непосредственно сочетает логическое и историческое, абстрактное и кон-

---

[1] Так были написаны книги: Е. Б. Пашуканис, Общая теория права и марксизм, М., 1924; С. А. Голунский, М. С. Строгович, Теория государства и права, Юриздат, 1940; А. И. Денисов, Теория государства и права, Юриздат, 1948.

кретное в изучении отдельных форм организации, структуры и деятельности государства и функционирования права, обеспечивает исследование конкретных вопросов каждой темы в плане их общего понятия, их сущности, что облегчает познание юридической специфики изучаемых вопросов. Но это преимущество может быть реализовано лишь в том случае, если каждый вопрос будет изучаться в непосредственной связи с социально-политической сущностью государства и права, с закономерностями данной социально-экономической формации.

В. И. Ленин указал на это в лекции о государстве, прослеживая связь формы государства с классовой структурой общественных формаций[1]. Иначе возникает опасность отрыва юридической формы от ее социально-политического содержания, отрыва отдельных государственно-правовых явлений от государства и права в целом, рассмотрения их вне единой и целостной государственно-правовой системы. Это равносильно отрыву логического от исторического, конкретного от абстрактного, что обесценивает теорию, приводит к формальным и схоластическим построениям. В известной мере такую опасность таит логически-тематическая система, поскольку в ней связь логического с историческим, конкретного с абстрактным прослеживается лишь в каждом отдельном явлении, а не в общем плане исторического развития государства и права в целом.

Наука требует не только логического сочетания частей, разделов, тем между собой, но и сочетания их внутри целого: в данном случае с точки зрения государства и права вообще и каждого исторического типа в отдельности. Этим требованиям больше отвечает система, построенная в соответствии с историческими типами государства и права, выбор которой был сделан в ходе развития общей теории государства и права.

Такая система облегчает изучение отдельных сторон, учреждений и институтов, например механизма государства или форм (источников) права в непосредственной связи с основными закономерностями государства и права как целого и общими закономерностями социально-экономической формации. Но это преимущество реализуется

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 39, стр. 74, 76, 80.

лишь в том случае, если в системе теории государства и права будет хорошо разработана ее общая часть в качестве исходного структурного ее элемента. Общая часть должна излагать не просто общие понятия государства и права, а формулировать понятия, базирующиеся на подлинно научных абстракциях, чтобы таким образом система науки воплощала в себе принципы восхождения от абстрактного к конкретному. Иначе в свою очередь возможен отрыв исторического от логического и принижение роли общетеоретического мышления в области государства и права.

Система общей теории государства и права, построенная в соответствии с историческими типами государства и права, должна также обеспечить соответствие логического и исторического при исследовании каждого конкретного вопроса в рамках общих закономерностей данного типа государства и права.

Система науки (как внутренняя логика развития науки) дает внутреннюю, имманентную связь ее структурных элементов, изучаемых вопросов, притом такую связь, при которой последующий вопрос с неизбежностью вытекает из предыдущего, и в силу этого она способствует наращиванию знаний о предмете. Ф. Энгельс отмечал, что система науки — это развитие науки «в ее собственной, внутренней связи» [1]. В ней предмет науки как бы развертывается в своих закономерностях; она способствует такому изучению предмета, которое ведется как бы параллельно его историческому развитию.

Совершенно очевидно, что внутренняя логика общей теории государства и права более последовательна в системе, построенной по историческим типам, поскольку она отражает объективно обусловленную логику смены развития типов государства и права по восходящей линии.

Необходимо подчеркнуть, что система теории государства и права не является замкнутой и завершенной. Она изменяется и совершенствуется с развитием и обогащением самой науки, с каждым новым проникновением в сущность вопроса, с расширением и изменением предмета и умножением материала исследования [2].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 13, стр. 494.

[2] См. «Теория государства и права», изд-во МГУ, 1967, стр. 6.

§ 4. ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИИ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИЙ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Онтологическая функция

Первой и отправной функцией юридической науки является познание государства и права, их отдельных учреждений и институтов такими, как они есть. Эта функция, называемая констатационной, раскрывает механизм протекающего процесса или, другими словами, отвечает на вопросы: «что» и «как» происходит.

Познание государственно-правовой действительности, познание того, что и как в ней происходит, требует ответа на вопрос: почему так происходит. Следовательно, нужно не только познать, но и объяснить предмет познания, раскрыть причины явлений и событий. Таким образом, наука выполняет, кроме констатационной, также и интерпретационную функцию.

В философской науке констатационная и интерпретационная функции объединяются под общим наименованием онтологической функции науки, которая заключается не только в познании внешнего мира, но и в его объяснении.

Сущность и особенность констатационной и интерпретационной функций науки или в общем их наименований — онтологической функции состоит в том, что, прежде чем давать социально-политическую, юридическую, моральную или иную оценку государственно-правовому явлению, скажем, государственному учреждению или правовой норме, собирают достаточный материал, учитывают факты, которые были и которые есть, производят их научную классификацию и систематизацию, изучают внутреннюю структуру учреждения, его компетенцию или соответственно структуру законодательного акта, формальные предписания правовой нормы и так далее и объясняют их.

Одной из важнейших задач юридической науки является изучение самого действующего права, выяснение смысла, содержания действующих законов [1]. Но юридическая наука не ограничивается констатацией и объяснением объективных процессов развития государства и

[1] Ср. М. С. Строгович, Философия и правоведение («Советское государство и право» 1965 г. № 6, стр. 79).

права, а выясняет, какие силы лежат в основе этих процессов, дают им содержание, предопределяют развитие государства и права. Она выявляет те классы, нации и другие социальные общности, которые выступают носителями этих процессов, определяют содержание государства и права, их служебную роль и развитие.

Эвристическая функция

Марксистско-ленинская юридическая наука не ограничивается познанием и объяснением государственно-правовой действительности. Она, как и любая другая наука, открывает новые законы действительности на основе глубокого проникновения в сущность изучаемого предмета, что составляет отдельную и самостоятельную ее функцию, именуемую эвристической.

Юридическая наука способствовала открытию такой закономерности в развитии социалистического государства и права, как всеповышающаяся их роль в строительстве коммунизма, в особенности повышение экономической роли социалистического государства и роли права в руководстве хозяйством и регулировании хозяйственных отношений.

Эвристическая функция юридической науки вместе с онтологической ее функцией характеризует юридическую науку, свидетельствует о ее познавательных возможностях. Отсюда важность исследования этой функции юридической науки.

Методологическая функция

Марксистско-ленинская юридическая наука обладает также методологической функцией, которая основана на том общем положении, что метод — это есть теория, обращенная к практике исследования. Любая система знаний, практически обоснованная, может стать и становится методом исследования. При этом, чем точнее и всестороннее теория отражает действительность, тем эффективнее она используется в качестве метода познания и преобразования действительности. Уровень научности теории и определяется степенью ее зрелости для того, чтобы выступить в качестве метода [1].

В области юридической науки система таких понятий, как государство, право, законность, правовая ответствен-

---

[1] См. подробнее М. Б. Туровский, Диалектика как метод построения теории («Вопросы философии» 1965 г. № 2, стр. 51).

ность и т. п., имеет значение как метод получения новых научных результатов и используется для приращения знаний о государственно-правовой действительности. Она «содействует усвоению и пониманию действующего права и облегчает юристу процесс применения норм права в реальной жизни»[1]. Поэтому частью методологии *«являются теоретические формы, составляющие систему правовой науки, т. е. специальные научные понятия, принципы и теории, в которых раскрывается предмет изучения»*[2].

Понятия, принципы и заключения юридической науки, как и всякой науки, фиксируют результаты исследования и являются своеобразными его опорными пунктами. Их методологическая роль состоит в том, что они определяют задачи и границы исследования, позволяют научно подойти к решению вопросов о роли государства и права в общественной жизни.

В этом плане особое значение приобретают положения общей теории государства и права как науки, вскрывающей и главные закономерности возникновения, развития и функционирования государства и права. Но не только общая теория государства и права обладает методологической функцией. Методологическое значение имеют также категории науки государственного (конституционного), гражданского, трудового, финансового права и других отраслевых наук, так как они являются «ступеньками» познания предмета.

Юридическая наука имеет методологическое значение не только для исследования государственно-правовых явлений, но в известном отношении и для других наук в изучении ими своего предмета. Так, категории науки о государстве и праве используются в познании классовых и межнациональных отношений в обществе. Например, нельзя выявить особенности союза рабочего класса и крестьянства в нашей стране на современном этапе, не пользуясь понятием социалистического общенародного

---

[1] А. А. Пионтковский, Юридическая наука, ее природа и метод («Советское государство и право» 1965 г. № 7, стр. 76).

[2] В. П. Казимирчук, О разработке вопросов методологии в советской юридической науке («Советское государство и право» 1962 г. № 9, стр. 43); см. также А. Ф. Шебанов, Общая теория государства и права как методологическая наука («Тезисы докладов и сообщений на межвузовской конференции по теоретическим и методологическим проблемам правовой науки», Кишинев, 1965).

государства. Нельзя исследовать процесс сближения наций и укрепления их сотрудничества, не пользуясь понятиями социалистической федерации, суверенитета союзной республики. Для исторического материализма и теории научного коммунизма методологическое значение имеют и многие другие юридические понятия, например понятия формы государства, его механизма, правового регулирования общественных отношений, государственно-властных полномочий.

Все это свидетельствует о необходимости разработки методологического значения юридической науки и каждой из ее отраслей. Совершенно очевидно, что методологическое значение любой науки необходимо рассматривать в свете всеобщего метода, коим является материалистическая диалектика, составная часть марксистско-ленинского мировоззрения.

Политическая функция

Одним из основных назначений марксистско-ленинской юридической науки, а следовательно, ее важной функцией является разработка принципов преобразования государства и права, их учреждений и институтов в интересах рабочего класса и всех трудящихся, на основе познанных объективных закономерностей общественного развития, раскрытие классово-политической природы государства и права, государственного аппарата и законодательства. Эту функцию юридической науки можно было бы назвать политической. Ей придается весьма важное значение, учитывая роль изучаемых ею социальных явлений.

В государстве фокусируются политическая жизнь, классовые и межнациональные отношения, вопросы внутренней и внешней политики страны. Особенно значительную роль в обществе играет социалистическое государство, в руках которого сосредоточены основные средства производства. Пользуясь правом, оно управляет экономикой на основе объективных законов ее развития, является главным орудием строительства социализма и коммунизма. Это определяет значимость политической функции юридической науки.

Необходимость научного подхода к определению и направлению государственно-правовой политики является общим требованием социализма. Практика законодательства в социалистических странах показывает, что при создании нормативных актов все в большей мере учитываются до-

стижения юридической науки. Тем самым правовая наука становится подлинной основой государственного управления и правового регулирования общественных отношений [1].

Организаторская функция

Юридическая наука не только изучает государство и право, как данные, но и разрабатывает конкретные средства и методы преобразования государственно-правовых институтов, практического функционирования государственного аппарата, применения норм права, укрепления социалистической законности и повышения ее эффективности. Эту функцию юридической науки можно называть практически-организаторской. Она тесно связана с политической функцией, которая определяет природу и цели государственно-правового регулирования [2]. Но разработка структуры и системы органов государства, методов их деятельности, способов правового регулирования, применения правовых норм, в результате чего достигаются известные цели, относится к организаторской функции, которая имеет самостоятельное значение.

В. И. Ленин различал две формы правовой деятельности: издание законов и их осуществление. Он писал в 1918 году: «То, что́ мы уже декретировали, мы далеко недостаточно еще провели в жизнь, и главная задача момента состоит именно в сосредоточении всех усилий на деловом, практическом *осуществлении* основ тех преобразований, которые уже стали законом (но не стали еще реальностью)» [3]. Известно, что цель правового регулирования достигается лишь тогда, когда обеспечивается правильное и эффективное применение правовых норм, реализация их в деятельности людей и организаций, в практике работы административных, судебных и иных государственных органов. Поэтому научное обоснование и разработка методов улучшения деятельности государственного аппарата, повышения эффективности применения права и укрепления социалистической законности заслуживают пристального внимания всей юридической науки.

---

[1] Ср. С. С. Алексеев, Юридическая наука в современный период, стр. 13.

[2] Ср. Е. В. Назаренко, Про роль радянської юридичної науки в правотворчості («Проблеми правознавства», вип. 5, 1966, Київ, стр. 10).

[3] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 36, стр. 182.

Идеологическая функция

Юридическая наука, как и всякая общественная наука, имеет также идеологическую функцию. Она воплощена в мировоззренческой стороне науки, в диалектико-материалистическом истолковании государства и права, в борьбе с буржуазной политической и правовой идеологией [1], в коммунистическом воспитании трудящихся.

Юридическая наука оказывает идеологическое воздействие на человека, способствуя преодолению пережитков прошлого в сознании людей, воспитывая в них новые благородные качества, содействует упрочению марксистско-ленинского мировоззрения, коммунистической идеологии. Она служит воспитанию социалистического правового сознания, чувства законности и тем самым выступает в качестве одной из важнейших идеологических гарантий законности [2]. Юридическая наука является также средством распространения и подъема юридической культуры в работе государственного аппарата, партийных и других общественных организаций, в жизни всего общества, что достигается различными методами, в том числе путем пропаганды права и достижений правовой науки.

Таким образом, юридическая наука воздействует на общественную жизнь и поведение людей не только через государство и право, но и как непосредственный идеологический фактор, как руководство к действию, в том числе в деле соблюдения, исполнения и применения правовых норм. Это значит, что, оказывая влияние на общественное и индивидуальное правосознание, юридическая наука тем самым воздействует на регулирование общественной жизни в целом [3].

---

[1] Б. Ф. Поршнев, отмечая функции науки истории, указывал, что одной из них является «воспитание... необходимых качеств в общественном сознании» («История и социология», «Наука», 1964, стр. 152); В. П. Тугаринов говорил, что «у марксистской философии много функций, в том числе функция воспитания, функция борьбы с немарксистской философией и др.» («Материалы всесоюзного совещания заведующих кафедрами общественных наук», М., 1958, стр. 310).

[2] См. В. А. Туманов, Вступительная статья к книге Имре Сабо «Социалистическое право», «Прогресс», 1964, стр. 8.

[3] См. В. П. Казимирчук, Право и методы его изучения, «Юридическая литература», 1965, стр. 16; см. также Р. О. Халфина, Воспитательная роль гражданско-правовой ответственности в период развернутого строительства коммунизма («Советское государство и право» 1963 г. № 8).

Прогностическая функция

Юридическая наука, как и всякая наука, подмечает и определяет тенденции в развитии изучаемых явлений на основе открытых и познанных ею законов. В соответствии с этим наука выдвигает гипотезы о дальнейшем развитии государства и права, истинность которых затем проверяется практикой. Это научно обоснованные гипотезы, конструируемые на основе правильного отражения объективных закономерностей развития государства и права. В разработке проблем государственно-правового регулирования «необходим тщательный и всесторонний анализ, разработка соответствующих выводов и рекомендаций, научное прогнозирование, опирающееся не только на общие соображения, но и на количественную оценку тех или иных возможностей» [1].

Научное прогнозирование имеет неоценимое значение для предвидения в области государства и права, оно проливает свет на будущее их развитие, без чего юридическая наука не может выполнять свою роль в познании действительности. В силу этого прогнозирование составляет самостоятельную функцию юридической науки. Ценность ее состоит также в том, что научно обоснованные гипотезы, прогнозы будят мысль и тогда, когда они не полностью осуществляются или даже совсем не осуществляются.

Функции юридической науки взаимосвязаны и взаимодействуют, дополняя друг друга, в практическом их осуществлении. Лишь взятые вместе, в органическом единстве, эти функции дают полное представление о назначении науки права в обществе [2]. В то же время исследование каждой из функций с точки зрения всей их системы позволяет глубже уяснить роль отдельных функций. Так, в разработке предложений и рекомендаций юридической науки для законодательства, судебной и административной деятельности проявляются все функции, в особенности прогностическая, политическая и организаторская.

Анализ всех функций юридической науки помогает лучше овладеть ею для теоретических и практических целей, позволит избежать сведения роли юридической науки к поверхностному комментаторству действующих

---

[1] «Юридическая наука в условиях коммунистического строительства» («Коммунист» 1963 г. № 16, стр. 31).

[2] Ср. В. П. Казимирчук, Право и методы его изучения, стр. 15.

законов и избавиться от догматического подхода к изучению государственно-правовых явлений.

Основные особенности функций общей теории государства и права

Говоря о функциях юридической науки в целом, нельзя забывать, что функции каждой из ее отраслей определяются предметом исследования и его значимостью.

Общая теория государства и права выполняет перечисленные функции в отношении собственного предмета исследования, опираясь при этом на общественную практику и на результаты, полученные как самостоятельно, так и другими юридическими науками. Особенность отправления ею своих функций состоит в общетеоретическом мышлении, которое, отражая объективное развитие вещей и опираясь на основные принципы науки, устанавливает логическим путем причинные и функциональные связи государственно-правовых явлений, определяет общие закономерности их развития в освобожденном от исторических случайностей и отклонений виде, дает им определения, выводит принципы и формулирует основные идеи в области государства и права. Иначе говоря, теоретическое мышление состоит в логической обработке фактов и иных материалов науки на основе восхождения от абстрактного к конкретному и других требований диалектики.

Отмечая эту особенность общей теории государства и права, М. Д. Луцкий правильно пишет, что к открытиям, в том числе и в области государства и права, человеческая мысль приходила «на основе изучения конкретного материала, но в результате теоретического мышления». Общая теория государства и права приходит к ним «самостоятельно, в результате теоретического исследования... вопросов (используя, разумеется, конкретный фактический материал)» [1].

В теоретическом мышлении результаты исследования сливаются в единое целое, в общезначимые теории. Здесь знания уплотняются и упрощаются, они объединяются в немногие, но основные принципы, которые облегчают изучение государства и права. Синтезирование знаний в научные теории само по себе приносит новые знания,

---

[1] М. Д. Луцкий. О предмете «теории государства и права» стр. 28, 31.

что имеет место в каждой отрасли юридической науки, в особенности в общей теории государства и права.

Последняя выражает в логике понятий объективное развитие государства и права, взятых в их основных закономерностях. Это логика общих понятий в системе юридической науки, логика, которая характеризует собой общетеоретическое юридическое мышление, играющее особую роль в познании и в преобразовании государственно-правовой действительности. Общетеоретическое мышление и определяет специфику функций общей теории государства и права как науки.

Помимо этого, особенность функций общей теории государства и права состоит в том, что они придают всей юридической науке определенную логическую цельность. Общая теория государства и права на основе обобщения государственно-правовой практики и в свете общетеоретических принципов интегрирует выводы и достижения отраслей юридической науки и других общественных наук в отношении государства и права, вырабатывает общетеоретические положения, которые имеют принципиальное научное значение для всех юридических наук. Последние обогащаются, таким образом, общетеоретическими руководящими идеями, принципами и руководствуются ими в осуществлении своих функций.

На основе отмеченной особой роли общей теории государства и права у нее складывается дополнительная специфическая функция, состоящая в выработке руководящих положений общего характера для всех юридических наук в целях успешного выполнения ими своих задач и для разработки практических рекомендаций [1]. Так, в нашей литературе высказана мысль о распространении функций суда на ряд вопросов административной деятельности, о повышении его роли в разрешении различных споров граждан и государственных органов. Эта рекомендация сделана с учетом практики и на основе *общетеоретических выводов* об укреплении социалистического правопорядка и упрочении юридических начал в общественной жизни.

В обрисовке специфических особенностей общей теории государства и права следует исходить из того, что она

---

[1] J. Wróblewski, Zagadnienia przemiotu i metody teorii państwa i prawa («Państwo i Prawo» 1961 № 11.)

представляет собой систему знаний, построенную на принципах теоретического диалектико-материалистического мышления, объясняющих государство и право в целом, всю государственно-правовую надстройку и дающих поэтому возможность предвидеть тенденции развития и пути преобразования государственно-правовой действительности в интересах трудящихся, в интересах всего народа.

Общая теория государства и права как система знаний, состоящая из общих понятий, выводов и положений, основных идей и принципов, постоянно развивается, а ее роль в системе юридических наук повышается в связи с возрастающей ролью государства и права в общественной жизни. Это обязывает повысить внимание к разработке общетеоретических проблем государства и права. В. И. Ленин говорил, что «не снимать теоретические вопросы должны мы, а поднимать всю нашу партийную практику на высоту теоретического освещения задач рабочей партии»[1]. В настоящее время роль общетеоретических вопросов все больше возрастает. Ни одно общество не нуждалось так в научной теории, как социалистическое общество. Теория должна и впредь прокладывать путь практике, обеспечивать строго научный подход к руководству экономической и культурной жизнью советского народа[2].

Функции науки о государстве и праве в их связи с принципом партийности

Все функции марксистской юридической науки интегрируются в принципе партийности науки.

Марксистско-ленинская наука дает оценку развивающимся событиям. Оценка эта исходит из общественно-исторической обусловленности государственно-правовых процессов и объективной необходимости развития.

«Материалист.., — указывал В. И. Ленин, — последовательнее объективиста и глубже, полнее проводит свой объективизм. Он не ограничивается указанием на необходимость процесса, а выясняет, какая именно общественно-экономическая формация дает содержание этому процессу, *какой именно класс* определяет эту необходимость»[3]. Таким образом, наука раскрывает объективность государственно-правовых процессов в движущих их силах и опре-

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 15, стр. 314.

[2] См. «Материалы XXIII съезда КПСС», Политиздат, 1966, стр. 85.

[3] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 418.

деляет свое место в борьбе этих сил. Она раскрывает перспективы развития изучаемых явлений на основе наиболее объективного и всестороннего их познания, что позволяет ей предвидеть будущее и плодотворно действовать практически.

Партийность науки проявляется не только в объективности ее выводов и в оценке предмета науки, но и в методе его изучения. Партийность определяет подход и точку зрения в научных исследованиях. Принцип партийности характеризует науку в целом, ее общественную природу и назначение.

Совсем иные исходные позиции у современной буржуазной науки. Они обусловлены интересами буржуазии, которая (особенно монополистическая буржуазия) не заинтересована в объективной оценке общественных процессов, в том числе в области государства и права, поскольку она влечет вывод о неизбежном революционном преобразовании капитализма в социализм. Буржуазия пытается задержать этот процесс при помощи идеологических средств борьбы, а буржуазная наука затушевывает антагонизмы буржуазного общества, выдает классовые интересы буржуазии за общечеловеческие, а буржуазное государство представляет в качестве выразителя общественных, а не классовых интересов.

Скрывая объективную сущность буржуазного государства и права, их классовую природу и назначение, буржуазная юридическая наука защищает интересы буржуазии и служит ей — и в этом состоит ее партийность. Она извращает также объективную сущность социалистического государства и права. Крайним проявлением ее партийности в настоящее время является антикоммунизм, стремление опорочить социалистическую действительность, оклеветать социалистическое государство, демократию, право и законность, исказить их социалистическую природу и назначение.

В противоположность буржуазии рабочий класс, трудящиеся массы заинтересованы в познании объективной истины, поскольку она служит им. Поэтому в марксистско-ленинской науке подлинная объективность и последовательная партийность в оценке изучаемых процессов совпадают. Объективность обеспечивает партийность оценки, а партийная оценка обеспечивает объективное познание вещей. «Главное в ленинском подходе к общественным явлениям

и процессам — органическое единство научной объективности и принципиальной оценки их с позиций рабочего класса»[1].

Особенно рельефно партийность марксистско-ленинской юридической науки раскрывается в ее связи с идеологией, с системой взглядов, в которых выражаются наиболее существенные и коренные интересы рабочего класса и трудящихся масс и которые служат исходным началом в решении всех стоящих перед ними задач. Идеология рабочего класса, основанная на материалистическом мировоззрении, предопределяет его теоретическую и практическую деятельность. Партийность юридической науки состоит поэтому в идеологическом истолковании науки, ее категорий и понятий, путей ее развития. Вся юридическая наука пронизана принципами коммунистической идеологии[2].

Партийность марксистско-ленинской юридической науки прежде всего сказывается в общетеоретическом подходе к научным проблемам и практическом использовании результатов научных исследований в области государственного и правового устройства общества.

Принцип партийности исключает какое бы то ни было мирное сосуществование коммунистической и буржуазной идеологии. Само по себе мирное сосуществование государств с различной социально-политической системой является формой классовой борьбы и закономерно ведет к победе социализма над капитализмом, но оно допускает компромиссы при решении экономических, политических и культурных вопросов во взаимоотношениях государств. В области же идеологии, в мировоззренческих принципах науки, в том числе учения о государстве и праве, какие бы то ни было компромиссы исключаются. Здесь борьба с буржуазной идеологией, с реформизмом, ревизионизмом, анархизмом и догматизмом во всех отношениях непримирима.

Марксистско-ленинская наука о государстве и праве используется в качестве идеологического оружия борьбы

[1] «К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Тезисы ЦК КПСС», стр. 5.

[2] В общественных науках, в том числе и в юридических, идеологический характер носит больше всего их общетеоретическая часть, например, политические и юридические теории, общая теория политической экономии и т. д. (В. Келле, М. Ковальзон, Идеология и наука, «Коммунист» 1958 г. № 18, стр. 98).

против эксплуататорского государства и права, против империализма и колониализма, против фашизма — за мир, демократию, за социализм, за создание социалистического государства и права, за их укрепление и совершенствование, за некапиталистическое развитие национальных демократических государств, возникающих в результате национально-освободительной борьбы и ликвидации колониализма. Идеологическая борьба есть долг и характерная черта марксистско-ленинской юридической науки. Программа КПСС указывает: «Общественные науки и впредь должны решительно выступать против буржуазной идеологии, против правосоциалистической теории и практики, против ревизионизма и догматизма, отстаивая чистоту принципов марксизма-ленинизма» [1].

В докладе товарища Л. И. Брежнева на совместном торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина, вновь подчеркивается, что «партийный, классовый подход к общественным явлениям Ленин рассматривал как неотъемлемый принцип марксистской идеологии. Он учил коммунистов за любыми политическими течениями, программами и заявлениями, за любыми социальными и нравственными учениями видеть интересы определенных классов, определять отношения к ним с позиций пролетариата» [2].

Основой партийности марксистско-ленинской юридической науки является ее активная творческая роль в преобразовании государства и права в интересах рабочего класса, всех трудящихся масс, в использовании социалистического государства как главного орудия строительства социализма и коммунизма, а права — как основной формы регулирования общественных отношений и важнейшего средства охраны прав и свобод граждан.

Партийность — это всеобщий принцип марксистско-ленинской юридической науки, неотъемлемое ее качество, характеризующее ее объективность, подход к научным исследованиям, оценку их результатов, идейную направленность науки и практическую ее действенность.

---

[1] «Материалы XXII съезда КПСС», стр. 418.

[2] Л. И. Брежнев, Дело Ленина живет и побеждает, Политиздат, 1970, стр. 8.

Глава вторая

СООТНОШЕНИЕ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА И ДРУГИХ НАУК О ГОСУДАРСТВЕ И ПРАВЕ, ЕЕ ВЗАИМОСВЯЗЬ С ПРАКТИКОЙ, ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКОЙ И ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРОЙ

§ 1. Дифференциация наук о государстве и праве. § 2. Взаимосвязь общей теории государства и права с практикой и юридической техникой. § 3. Юридическая наука и правовая культура.

§ 1. ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ НАУК О ГОСУДАРСТВЕ И ПРАВЕ

Состав науки о государстве и праве

Выяснение существенных черт теории государства и права как науки о наиболее общих закономерностях развития государства и права требует определения не только ее предмета и состава, но и взаимосвязи общей теории и иных отраслей науки о государстве и праве, а также выяснения характера взаимосвязи общей теории с юридической практикой, юридической техникой и юридической культурой. Необходимость указанного анализа определяется рядом обстоятельств.

Во-первых, необходимость научного соизмерения общей теории государства и права и иных отраслей науки о государстве и праве определяется тем, что рассматриваемая теория (подобно всякой науке) имеет свой специфический предмет познавательной деятельности. Этот последний обладает рядом количественных и качественных особенностей, которые отличают его от предметов познания других

отраслей науки о государстве и праве, что в свою очередь не исключает социологической близости и взаимосвязи обсуждаемых предметов познания, но в то же время требует их разграничения.

Во-вторых, указанная необходимость определяется причинами, кроющимися в составе каждой науки. Внешние составы как общей теории государства и права, так и иных отраслей науки о государстве и праве, очевидно, не могут не совпадать. Однако каждое из структурных звеньев состава теории, с одной стороны, и отраслевых наук о государстве и праве — с другой, по содержанию не совпадают.

В-третьих, особенностями составов общей теории и отраслевых наук о государстве и праве, которые находят свое отражение в особой связи каждой науки с юридической практикой и юридической техникой.

В-четвертых, особой системой общей теории государства и права (структурным распределением добытых знаний), но, что еще более важно, ее специфическим местом в общей системе наук о государстве и праве, качественные особенности которого определяются ее содержанием.

Выявление общего и особенного, присущего общей теории государства и права и отраслевым наукам о государстве и праве, требует анализа не только предмета, но и состава этих наук.

Общественное сознание отражает материальный мир (природу и общество) в различных специфических формах. Науке присущи такие формы отражения, как понятия, категории, образованные на их основе теории, гипотезы и др.

Наука в одном из ее существенных аспектов представляет собой результат познавательной деятельности людей. Отсюда, формирование (накопление) состава науки как сокровищницы знаний происходит в зависимости от успехов указанной деятельности. Известно, что чем продуктивнее результаты исследовательской работы, тем больше накапливает наука знаний. Но собираемые в «научную кладовую» знания подчас далеко не равновелики по своему качественному состоянию. В одних случаях это почти «сырой» научный материал, в других — результаты обширных обобщений, в-третьих — выработанные теории, в-четвертых — выдвинутые гипотезы, в-пятых — определенные практические выводы и т. д. Понятно, что в здании науки они не находятся в бесформенном, хаотическом состоянии.

Они «сортируются» в двояком отношении. С одной стороны, они распределяются внутри системы науки, с другой — внутри ее состава.

По своему составу общая теория государства и права, подобно составу любой иной науки о государстве и праве, слагается из трех звеньев, покоящихся на единой методологической основе. К числу указанных подразделений состава относятся материальное, теоретическое и практическое звенья состава и методологическая основа.

Таким образом, состав общей теории государства и права, как и иных отраслей юридической науки, представляет собой внутренне дифференцированное по формам научного отражения единство знаний о наиболее общих закономерностях становления и развития государства и права.

В. И. Ленину принадлежит широко известная формула процесса познания и его ступеней. «От живого созерцания, — учит В. И. Ленин, — к абстрактному мышлению *и от него к практике* — таков диалектический путь познания *истины*, познания объективной реальности» [1]. Каждая ступень познания дает определенные результаты, служит делу обогащения науки. Однако возможности каждой из указанных ступеней в силу специфических, присущих им моментов далеко не одинаковы.

Живое созерцание (ощущения, восприятия и т. д.) — это исходный пункт любого познания реальной действительности. Вне живого созерцания человек не может накопить какого-либо минимума знаний, с тем чтобы впоследствии оперировать теми или другими понятиями, создавать теории и т. д. Данная ступень диалектического процесса есть лишь первое приближение к познанию истины. Живое созерцание само по себе не позволяет исследователю проникнуть в сущность явлений, поскольку в результате восприятий, ощущений он знакомится преимущественно с формой конкретных фактов, действительности, их внешней стороной. Иначе говоря, живое созерцание обнаруживает преимущественно то, что «лежит на поверхности».

Открытие объективных законов, управляющих развитием процессов в природе и обществе, составляет цель научного познания. Данная цель на указанной первой ступени познания достигнута быть не может. Тем не ме-

---

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 152—153.

нее, сколько бы ни были скромны результаты, достигнутые посредством живого созерцания, они являются безусловно необходимыми.

Что же дает живое созерцание (чувственное восприятие) науке? Данная ступень диалектического процесса познания позволяет науке собрать научный материал, из которого складывается фактический базис всех последующих познавательных акций.

Научный материал — это определенная совокупность установленных и соответствующим образом зафиксированных фактов реальной действительности. Те или другие существующие явления, не будучи установленными, зафиксированными, не суть научные факты и потому не относятся к научному материалу; они еще не известны и ждут своей очереди на познавательном пути науки.

Научный материал науки о государстве и праве разнообразен и специфичен соответственно предмету и задачам их познавательной деятельности. Он включает в себя фиксацию различных фактов материальной и духовной жизни общества, как, например, принятие нового закона или отмена устаревших нормативных актов, формирование тех или других тенденций в развитии определенных общественных отношений, возникновение в практике применения законов известных направлений, из которых обнаруживается необходимость совершенствования действующего законодательства, и т. д.

Сам по себе научный материал, с какой бы добросовестностью и усердием он ни был собран, еще не составляет науки в собственном смысле слова. «Черновая работа» — накопление фактов, быть может и самых ярких и разнообразных, — не дает познания истины. Для того чтобы сделать факты научным материалом, их необходимо подвергнуть научной обработке.

Первичный научный материал (установленные и зафиксированные факты реальной действительности) необходимо известным образом классифицировать по тем или другим признакам. Лишь после этого возможно дальнейшее логическое (абстрактное) осмысливание данного материала.

Научный материал и результаты его первичной обработки образуют первое, отправное звено в общем составе юридической науки, которое является фактической основой, фактическим базисом дальнейших заключений и

построений. Оно может быть условно названо материальным звеном состава науки. Отсюда абстрактное мышление черпает материал, в нем находит свое отражение одна из связей сознания с материальной действительностью.

Источники познания юридической науки обладают рядом свойственных источникам всех наук общих моментов и в то же время имеют свои специфические особенности и содержание. Существенное значение имеет, например, документация органов государства, применяющих нормы права (судебные, арбитражные и иные «дела»), а также документация участников гражданского оборота («договоры», отчеты о результатах хозяйственной деятельности и т. д.). К числу источников относятся также материалы, образующиеся в процессе обсуждения и принятия соответствующих законопроектов (например, выступления депутатов по обсуждаемому законопроекту).

Немаловажное значение имеют статистические данные, которые черпает наука из существующих форм отчетности по применению норм права. Не исключено, конечно, использование и иных источников в процессе формирования научного материала (накопления фактов), как-то: изучение жалоб в различные государственные и общественные организации, письма трудящихся в органы печати с предложениями по улучшению действующего законодательства и т. д.

Абстрактное мышление является следующей ступенью в диалектическом процессе познания реальной действительности. В процессе абстрактного мышления исследователь, как известно, отвлекается от всего несущественного, нехарактерного, неспецифического, в результате чего он углубляет свои познания исследуемого явления. Результаты абстрактного мышления как определенной ступени в процессе познания находят свое выражение в специфических, присущих именно данной ступени формах.

К числу таких наиболее характерных форм научного отражения действительности относятся категории (основные понятия) общей теории государства и права, например категории государства, права, правоотношения, юридического факта и иные, аналогичные отправные научные понятия, которые, являясь результатом большой и длительной работы творческой мысли, служат исходным

теоретическим материалом, используемым при создании теоретических конструкций, концепций, гипотез и теорий.

Теории и гипотезы занимают определяющее место в рассматриваемом звене состава. Теории представляют собой систематизированную совокупность знаний относительно определенной (логически локализованной) части предмета познавательной деятельности науки. Каждая теория, по общему правилу, заключает в себе анализ собранного научного материала, соизмерение результатов анализа с общественными потребностями, обоснование целесообразности соответствующего развития (его характера, направления, способов реализации) в той или иной сфере государственного или правового строительства.

Теоретическая конструкция представляет собой научную модель исследуемых социальных явлений и процессов; она является остовом каждой теории, гипотезы [1]. Жизненность тех или других теоретических конструкций зависит от ряда обстоятельств гносеологического и социально-практического порядка.

Совокупность понятий, категорий, теорий, гипотез и других форм научного отражения предмета познавательной деятельности общей теории государства и права образует теоретическое звено ее состава.

Однако состав юридической науки не исчерпывается двумя рассмотренными выше звеньями — материальным и теоретическим.

Третье звено состава складывается из различных предложений и выводов, направленных на развитие действующего законодательства, практики его применения. Научная состоятельность таких предложений и выводов выявляется опытным путем.

Против выделения практического звена в указанном выше смысле могут быть высказаны возражения следующего порядка. Поскольку выводы науки являются результатами абстрактного мышления, постольку они не могут образовать в своей совокупности какого-то самостоятельного звена в составе отраслевой юридической науки и должны входить в теоретическое звено. Следует согласиться

[1] По мнению С. С. Алексеева, теоретическая конструкция относится к «технике» юридической науки и представляет собой теоретическое объяснение того или иного нормативного материала (С. С. Алексеев, Общая теория социалистического права, вып. четвертый, Свердловск, 1966, стр. 106).

с тем, что выводы науки вырабатываются в процессе абстрактного мышления. Однако сама по себе такая формулировка, равно как и предшествующая ей познавательная деятельность в пределах чувственного и логического познания, не завершает процесса познания. Практическое познание связано с логическим не в меньшей степени, чем последнее — с чувственным. Проверка правильности тех или других выводов науки может иметь место только в практике, которая дает возможность отделить истинное от ложного [1], правильные выводы науки от неправильных. В силу этого научная ценность, а отсюда и относимость тех или других выводов к составу науки не может быть определяема лишь в рамках теоретического звена, складывающегося из результатов абстрактного мышления.

Оставление выводов науки в теоретическом звене ее состава устраняет связь между этим звеном и звеном практическим, с одной стороны, и отрывает абстрактное мышление от практической проверки его результатов — с другой, что в конечном счете приводит к отрыву теории от практики.

Особое место в составе общей теории государства и права, как и каждой юридической науки, занимает ее методологическая основа, которая служит базой для всех звеньев состава. Она дает науке правильный методологический подход и общефилософское истолкование ее предмета и достижений [2].

В историческом развитии все указанные звенья состава общей теории государства и права тесно связаны друг с другом, выражая этим внутреннее единство науки.

Классификация наук о государстве и праве

Соотношение общей теории государства и права и других отраслей науки о государстве и праве определяется их предметом, составом и стоящими перед ними задачами. Отрасли науки о государстве и праве могут быть подразделены на три основные группы.

Первую группу образуют общие теоретико-исторические науки. Ядро данной группы — общая теория госу-

---

[1] См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 18, стр. 109—110.

[2] Исключительно важное значение методологии науки потребовало специального рассмотрения ее в главе третьей настоящего тома.

дарства и права. К рассматриваемой группе относятся также еще две специальные (по отношению к общей теории государства и права) науки; одна из них изучает историю политических и правовых учреждений, другая — историю политических и правовых взглядов (учений).

История развития государственных и правовых учреждений — это история государства и права, которая охватывает своими исследованиями развитие государства и права как в целом по СССР и по отдельным союзным республикам, так и в зарубежных странах.

Что касается истории развития государственных и правовых взглядов, то она в настоящее время в силу сложившейся традиции именуется «историей политических учений». Акцентирование в наименовании науки политической стороны вполне естественно и закономерно. Однако оно не должно вытеснять за пределы научных исследований (равно как и в преподавании — за пределы учебных программ) вопросы развития правовых взглядов и учений.

Вторая группа — это собственно все отраслевые науки о государстве и праве. Ядро данной группы образуют юридические науки, наименования которых соответствуют отраслям социалистического права. Таковы науки гражданского, уголовного, трудового права и т. д. Отраслевые науки изучают не только советское право (его определенную отрасль), но и соответствующие правовые установления зарубежных стран [1].

Особое место в системе наук о государстве и праве, равно как и в составе рассматриваемой второй группы, занимает наука международного публичного права и наука международного частного права.

Науки, относящиеся к третьей группе, по традиции именуются прикладными. Такое наименование в известной мере условно и противоречиво. Дело в том, что каждая прикладная по отношению к юриспруденции наука

[1] Отраслевая наука внутренне дифференцируется в связи с изучением соответственно норм советского права, права зарубежных социалистических стран, капиталистических стран, а также стран, освободившихся от колониальной зависимости. Не во всех науках такое подразделение является зримым, особенно если рассматривать структурное построение соответствующей науки через призму учебного плана или учебной программы. Как известно, понятие отраслевой юридической науки и понятие учебной дисциплины не являются совпадающими, хотя и имеют одинаковое наименование.

не является юридической в собственном смысле слова. Она, скорее, представляет собой «гипертрофированную» сторону (часть, раздел) иной не юридической — естественной, технической или социальной науки, достижения которой используются в юридической практике и теории. К числу прикладных, в указанном смысле, относятся судебная медицина, судебная психиатрия, криминалистика (сочетающая в себе начало ряда технических и естественных наук) и др. [1]

Общая теория и история государства и права

Отношения между общей теорией государства и права, с одной стороны, и историей государства и права — с другой, представляют собой отношения внутри одной группы юридических наук, а именно — общих теоретико-исторических наук. Отмеченное в некоторой степени упрощает и в то же время усложняет проведение разграничительных линий между общей теорией и историей государства и права. Их взаимосвязь характеризуется наличием общих и специфических черт, присущих указанным наукам. Обратимся первоначально к тем моментам, которые являются для них общими.

Во-первых, общая теория и историко-правовая наука рассматривают государство и право в социально-историческом единстве, исследуют их в целом.

Во-вторых, и общая теория, и история государства и права, с точки зрения предметов их познавательной деятельности, как бы не имеют границ во времени. В отличие от отраслевых наук, которые исследуют преимущественно действующее право, общая теория и историко-правовая наука изучают и все существовавшие ранее основные исторические типы государства и права, а также переходные разновидности государства и права.

В-третьих, каждая из рассматриваемых наук изучает социальные причины возникновения, развития и слома («отмирания» для социалистического) государства и права, каждая из них стремится вскрыть объективные зако-

[1] В советской юридической литературе предлагалась дифференциация правовых знаний по основным подразделениям науки о государстве и праве, в основе которой лежит система действующего права («Основы теории государства и права», «Юридическая литература», 1965, стр. 420 и сл.; «Основы теории государства и права», Госюриздат, 1963, стр. 507—509). Однако такая классификация может быть использована лишь для правоведения, но не для всей совокупности наук о государстве и праве.

номерности, управляющие развитием соответствующих процессов, влекущих за собой модификацию или революционное преобразование политических (государственных) и правовых систем.

В-четвертых, для общей теории государства и права и истории государства и права характерно определенное взаимопроникновение положений (результатов познавательной деятельности) одной науки в другую. Теория государства и права не может успешно развиваться вне данных, установленных в результате строго научного исторического анализа. В равной мере и история государства и права вне, помимо общетеоретических категорий, вырабатываемых теорией государства и права, не может воссоздать адекватной (научно правильной) картины исторического процесса развития государства и права безотносительно к тому, идет ли речь о развитии государства и права в пределах определенного исторического типа государства, или государства и права ряда стран, или даже в локализованный по времени исторический период развития одной отдельно взятой страны.

Обладая отмеченными чертами общности, рассматриваемые науки вместе с тем существенно различаются по предмету и задачам их познавательной деятельности, что определяет место каждой из них в общей совокупности научных знаний о государстве и праве.

Предмет общей теории государства и права был очерчен выше, в гл. I. Что касается предмета истории государства и права, то наиболее кратко он может быть определен следующим образом: наука истории государства и права изучает исторический процесс первоначального становления, дальнейшего развития и последующего отпадания («отмирания») государственных и правовых систем в обществе.

Достоянием предмета истории является лишь то, что оказалось в прошлом. Настоящее исследуется общей теорией государства и права и отраслевыми науками о государстве и праве. Однако общеизвестно, что общая теория государства и права изучает также государственные и правовые формы давно минувших дней и веков. Складывается впечатление, что либо общая теория государства и права дублирует исследования истории государства и права, либо последняя повторяет то, что делает в области истории первая. Однако подобной дилеммы в действитель-

ности нет. Существует определенная разграничительная линия между тем, что и как изучает общая теория, и тем, что и как исследует история государства и права.

В связи с тем, что главное в предмете истории государства и права составляет исторический процесс развития государственных и правовых систем, а задача данной науки заключается во вскрытии специфических закономерностей, управляющих данным процессом, историко-правовые исследования имеют иной характер, чем исследования по общей теории государства и права, если даже предметы тех или других исследований по своей внешней видимости и «совпадают».

Для истории государства и права как науки являются характерными по меньшей мере следующие моменты познавательной деятельности.

Во-первых, история государства и права рассматривает явления, относящиеся к ее предмету, в их исторической конкретности. Например, как и когда, при каких конкретных исторических (политических, экономических и иных социальных) условиях произошло становление в центре и на местах социалистического государства в данной стране, как и какие возникли органы новой государственной власти, как шел процесс слома старой государственной машины, какие государственные акты были приняты в период становления нового строя и т. д. В отличие от истории государства и права общая теория, абстрагируясь от указанной исторической конкретики, изучает данный исторический процесс в его обобщенной форме: как процесс слома старой государственной машины и становления власти рабочих и крестьян, установления диктатуры пролетариата.

Во-вторых, история государства и права рассматривает становление и развитие государственных и правовых систем в строгой хронологической последовательности, т. е. именно в той последовательности, которую дала сама историческая действительность от периода к периоду, от эпохи к эпохе независимо от того, что под влиянием тех или иных причин, представляющих собой иногда историческую случайность, развитие изучаемой государственной и правовой системы в данной стране могло ускоряться или тормозиться. Раскрытие этих причин, определение закономерности, проявляющейся через случайность,— одна из задач истории государства и права.

Общая теория государства и права не игнорирует того факта, что одинаковые по своему характеру явления в развитии государственных и правовых систем в разных странах могут происходить и произошли в прошлом в разное время. Так, становление буржуазных государств в странах западной Европы произошло не в один и тот же год или даже век, а заняло целую историческую эпоху. Однако это хронологическое «несовпадение» не связывает общую теорию государства и права в процессе изучения сущности буржуазного государства, которое независимо от даты своего возникновения в той или другой стране остается средством (орудием, машиной) политического господства буржуазии.

В-третьих, история государства и права изучает развитие государственных и правовых систем с учетом тех характерных особенностей, которые присущи развитию государства и права в той или другой стране. Это уже не только историко-фактологическая сторона дела, не только хронологическая последовательность, но и учет того, что внесло особенного в общий исторический процесс становление и развитие государственной и правовой системы в данной стране. Так, говоря о разнообразии путей перехода человечества от капитализма к социализму, В. И. Ленин писал: «Все нации придут к социализму, это неизбежно, но все придут не совсем одинаково, каждая внесет своеобразие в ту или иную форму демократии, в ту или иную разновидность диктатуры пролетариата, в тот или иной темп социалистических преобразований разных сторон общественной жизни» [1].

История государства и права, анализируя, например, исторический процесс возникновения и развития государства и права в отдельно взятых народно-демократических странах, обращает свое внимание не только на конкретно-исторические факты этого процесса, рассматривая их в хронологической последовательности, но выделяет то особенное, что присуще указанному процессу в данной стране.

Общая теория государства и права учитывает эти особенности. Но, не упуская из поля зрения социально-исторические особенности, она в то же время и прежде всего концентрирует свое внимание на общих закономерностях

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, стр. 123.

становления и развития социалистического государства и права.

Исследование историей государства и права процессов развития государственных и правовых феноменов в их конкретно-исторической форме, по отдельным типам и странам, в конкретно обусловленной исторической обстановке, в строго последовательном (хронологическом) движении, развертывающемся в рамках данного «времени и пространства» (период, страна), не превращает науку истории государства и права в описательно-регистрационный справочник событий, лиц, фактов и дат [1].

В литературе уже справедливо отмечалось, что общая теория государства и права использует данные истории государства и права. Но исторические факты и их использование в рамках теоретической науки служат лишь материалом для обобщающих выводов, относящихся к характеристике сущности государства и права вообще и исторических типов государства и права в частности. Логическое, с точки зрения марксизма,— это сокращенное историческое, обобщенное и типизированное, очищенное от случайностей и повторений [2].

Историческое развитие не идет по геометрической прямой независимо от того, имеется ли в виду развитие одного данного типа государства и права или развитие государства и права той или другой страны. История государства и права исследует свой предмет, не абстрагируясь от этих «мешающих случайностей», анализирует ход развития государства и права в том виде, в каком он дан самой исторической действительностью, со всеми историческими зигзагами и отклонениями. Она показывает специфику проявления общих закономерностей развития государства и права в каждом историческом типе государства и права, применительно к каждой государственной и правовой системе. Она раскрывает причины различного проявления одной и той же закономерности

---

[1] П. Е. Недбайло, О системе курса теории государства и права («Правоведение» 1959 г. № 1, стр. 142).

[2] С. Н. Братусь, Теория государства и права, ее предмет и место среди общественных наук, стр. 9; см. также Д. А. Керимов, Б. В. Шейндлин, О предмете общей теории государства и права, стр. 6; Г. Б. Гальперин, А. И. Королев, О предмете науки истории государства и права СССР («Правоведение» 1960 г. № 4, стр. 109—110).

в разных конкретных условиях, раскрывает реальные связи различных явлений общественной жизни, воздействующие на особенности проявления закономерностей.

Что же касается общей теории государства и права, то ее логический подход к исследуемым явлениям позволяет рассматривать те ступени в развитии, которые образуют исторические типы государства и права, выражающие такие моменты социального развития последних, в которых процесс достиг «полной зрелости, своей классической формы».

Абстрагируясь от случайных отклонений, «мешающих случайностей», анализируя классические формы государства и права, теория государства и права способна дать высокую степень обобщения фактов исторического развития государства и права, определить первоначальные контуры, а затем и самую суть закономерностей, управляющих процессами данного развития. В этом заключено одно из высоких назначений общей теории государства и права.

Общая теория государства и права и история политических и правовых учений

Сказанное выше о взаимосвязи общей теории государства и права с историко-правовой наукой в значительной мере относится к взаимосвязи общей теории с историей политических и правовых учений. История политических учений рассматривает становление и развитие, социальную действенность тех или других государственных (политических) и правовых теорий в их исторической конкретности, хронологической последовательности и т. д.

Иным является подход к тем же государственным (политическим) учениям общей теории государства и права. Здесь применение логического метода и устранение «мешающих случайностей» является еще более необходимым. Известно, что развитие взглядов общества обладает большей относительной самостоятельностью по сравнению с развитием соответствующих учреждений. К тому же не исключено чисто субъективное искажение тех или иных социальных процессов в представлениях исследователей, например, в силу их классовой ограниченности, низкого уровня развитости политических и правовых учреждений или самой науки.

Общая теория государства и права рассматривает политическую и правовую мысль прошлого преимущественно под углом зрения социальной действенности.

соответствующих взглядов и идей (какое положительное или отрицательное значение имели эти взгляды в политическом и правовом развитии, какова их актуальность в современную эпоху и т. д.). Таким образом, общая теория государства и права, не исследуя государственных и правовых взглядов и идей прошлого в их исторической конкретике и преемственности, в их хронологической последовательности, использует достижения истории политических и правовых учений.

Взаимосвязь предметов общей теории и отраслевых наук о государстве и праве

Взаимосвязь общей теории государства и права с частными науками о государстве и праве носит иной (в отличие от очерченных выше связей общей теории и истории государства и права) характер. Связь общей теории с историей государства и права — это связь (а следовательно, и различия) двух наук в пределах одной группы — общих теоретико-исторических наук. Взаимосвязь общей теории и отраслевых наук о государстве и праве — это уже взаимосвязь наук двух видов, двух различных групп. Отмеченное обстоятельство находит свое отражение в ряде моментов и прежде всего в аспекте логического соизмерения общей теории с отраслевыми науками, поскольку идет речь об их размежевании. Существенная черта их взаимосвязи раскрывается через взаимосвязь общенаучных категорий общего и особенного.

В предыдущих главах и параграфах подчеркивалась та мысль, что теория государства и права представляет собой науку, наиболее общую из всего комплекса государственно-правовых наук, науку, изучающую государство и право в целом, в их наиболее общих проявлениях и т. д.

Что же касается отраслевых наук о государстве и праве, то они в отличие от общей теории государства и права исследуют лишь строго определенные стороны государственно-правовой действительности.

Предмет отраслевых наук относительно локализован не только «в пространстве» рамками определенной социальной сферы общественных отношений, адекватных им государственных и (или) правовых форм и т. д., но и «во времени». Так, наука гражданского права обстоятельно изучает регулируемые гражданским правом социалистические общественные отношения (имущественные, личные неимущественные и некоторые другие со-

циальные связи), нормы одноименной отрасли права и практику их применения компетентными государственными органами, юридические факты и гражданские правоотношения, а также соответствующие виды юридической техники, используемые при издании и применении гражданскоправовых норм и осуществлении гражданских прав или исполнении гражданских обязанностей. Аналогичным образом локализованы «в пространстве» (социальной действительности) предметы и иных отраслевых наук о государстве и праве: науки государственного, уголовного, трудового и других отраслей права.

Локализация предмета изучения отраслевых наук о государстве и праве «во времени» находит свое отражение в том, что рассматриваемые науки делают гносеологический акцент на действующем законодательстве, на современной практике применения закона и т. д. Это, конечно, не устраняет исторического подхода к изучаемым явлениям, а, скорее, предполагает его, исключая какие-либо рассуждения или построения метафизического порядка.

Отмеченные различия предметов познавательной деятельности общей теории, с одной стороны, и отраслевых наук — с другой, отражаются не только в системах соответствующих наук, но также и в стоящих перед ними задачах и составах самих наук.

Так, одной из важнейших задач общей теории государства и права является вскрытие общих закономерностей взаимосвязи (взаимодействия) государства и права между собой и с иными частями надстройки, равно как и закономерностей взаимодействия отдельных частей государственной и правовой системы (например, взаимодействия отдельных отраслей права между собой). Что же касается отраслевых наук, то их важнейшей задачей является вскрытие специфических закономерностей взаимодействия «фактического» (экономических, политических, культурных и иных социальных отношений) и «юридического» (норм права, правоотношений и др.) в относительно локализованной социальной сфере.

Такое распределение функций между общей теорией государства и права и отраслевыми науками о государстве и праве обусловливается предметом познавательной деятельности и соответствующим ему уровнем научных обобщений, даваемых этими науками, что наиболее

отчетливо, как нам представляется, можно проследить в процессе соизмерения их составов.

Взаимосвязь составов общей теории и отраслевых наук о государстве и праве

Состав общей теории, как и частных наук о государстве и праве, складывается из трех звеньев — материального, теоретического и практического. Все эти три звена покоятся на единой методологической основе. Однако общность структурного построения состава еще не ведет к тому, что и соответствующие структурные подразделения (звенья состава) заполняются одним и тем же логическим (познавательным) содержанием.

а) *Особенности материального звена состава.* Ни у кого не возникает сомнений в том, что отраслевые науки исследует самую живую жизнь, собирают и изучают факты реальной действительности. А каково отношение к этим фактам общей теории государства и права? Входит ли в материальное звено состава теории государства и права материал, почерпнутый непосредственно из жизни, либо она может ограничиться использованием материалов, накопленных в отдельных отраслях государствоведения и правоведения?

Опыт показывает, что для полноты исследования необходимо непосредственное изучение фактов самой теории государства и права. Вместе с тем в общетеоретических исследованиях необходимо шире использовать тот богатый материал, который накоплен и изучен отраслевыми науками.

Таким образом, материальное звено состава общей теории государства и права обладает той особенностью, что оно складывается из двух элементов: а) материал, почерпнутый исследователем из самой реальной действительности, и б) материал, собранный и накопленный отраслевыми науками о государстве и праве. Понятно, что частные науки также используют материал, добытый иными частными науками и общей теорией государства и права.

б) *Особенности теоретического звена.* Каждая отдельная отраслевая наука о государстве и праве, исследуя строго определенную сторону объективного мира, отражает в своих понятиях, категориях, гипотезах, концепциях и отдельных теориях именно те явления социальной действительности, которые составляют ее предмет. Здесь существует известная «пропорциональная» зависимость

между широтой предмета познавательной деятельности и максимально возможным уровнем обобщения и выработки специфических или общих понятий. Поскольку круг явлений, образующих предмет общей теории государства и права шире, богаче, постольку более общими, более научно абстрактными являются понятия, категории, гипотезы, концепции и другие формы научного отражения действительности, вырабатываемые общей теорией государства и права по сравнению с понятиями, категориями и т. д., создаваемыми частными (отраслевыми) науками [1]. Укажем хотя бы на такую правовую категорию, как «субъект права». Известно, что каждая отраслевая наука о государстве и праве имеет свое особое специфическое понятие субъекта права. Так, понятие субъекта уголовного права отличается целым рядом особенностей от понятия субъекта права гражданского, равно как и понятия субъекта иных отраслей социалистического права. Однако общее понятие субъекта права, выработанное теорией государства и права, по своему логическому содержанию значительно богаче, нежели соответствующее понятие, выработанное любой отраслевой наукой.

Общая теория государства и права не отрицает субординационной связи между категориями (а в равной мере — теориями, гипотезами и иными теоретическими построениями) отраслевых наук о государстве и праве. Однако ее общие категории (понятия) являются категориями (понятиями) порядком (уровнем обобщения) выше, в чем находит свое выражение одна из сторон их научной ценности.

Говоря о различиях теоретического звена состава общей теории и отраслевых наук о государстве и праве, не следует упускать из поля зрения наличие существенных связей в отношениях между этими науками. Дело в том, что не только отраслевые науки используют в своей практике достижения общей теории. Последняя в процессе решения своих научных задач использует результаты, полученные частными науками о государстве и праве.

в) *Особенности практического звена* общей теории государства и права заключаются прежде всего в том, что данная наука на основе предпринятых исследований

---

[1] См. Д. А. Керимов, Б. В. Шейндлин, О предмете теории государства и права, стр. 11.

выдвигает наиболее общие, генерализующие идеи о развитии государственной и правовой системы, практики функционирования государственного аппарата, применения норм действующего права и т. д. Не менее характерно и то, что реализация соответствующих предложений и выводов общей теории государства и права осуществляется либо прямо и непосредственно, либо после отраслевой «подработки» таких предложений применительно к той или другой сфере общественных отношений, составляющих предмет правового регулирования известной отрасли социалистического права.

Общая теория государства и права и прикладные науки

Область исследования прикладных наук по сравнению с историческими и отраслевыми науками о государстве и праве более удалена от общей теории государства и права. Это объясняется тем, что использование в юриспруденции (как на практике, так и в теории) данных естественных, технических, а равно «неюридических» социальных наук и формирование прикладных областей знаний не устраняет ни генетической, ни теоретической связи соответствующих (прикладных для права) наук с их теоретическими центрами, родовыми науками. Так, развитие и судебной медицины, и судебной психиатрии определяется не столько достижениями юридических наук, сколько и прежде всего медицинской наукой. Аналогичное положение существует и в отношении всех иных прикладных наук, как-то: судебной статистики, криминалистики и т. д. Связь общей теории государства и права с прикладными науками в значительной мере является опосредованной, осуществляемой через отраслевые науки о государстве и праве, которые используют соответствующие данные прикладных наук непосредственно. Вместе с тем нельзя не видеть и того, что в определенном объеме прямое использование данных прикладных наук в общей теории государства и права не исключается (что наиболее очевидно в использовании данных судебной статистики).

Что же касается самих прикладных наук, то они черпают из общей совокупности государственно-правовых знаний как то, что создано теоретиками государства и права, так и то, что явилось результатом научного поиска, предпринятого представителями отраслевых наук о государстве и праве.

§ 2. ВЗАИМОСВЯЗЬ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА С ПРАКТИКОЙ И ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКОЙ

Соотношение теории государства и права и отраслевых наук с юридической практикой

Общая теория государства и права не является какой-то отвлеченной «наукой наук», лишенной непосредственной практической действенности, не имеющей прямых контактов с развитием законодательства, совершенствованием юридической практики и юридической техники. Конечно, связь теории с законодательством и практикой применения его норм в некоторых отношениях опосредствуется отраслевыми науками. Это, так сказать, косвенное воздействие общей теории государства и права, до сравнительно недавнего времени оставшееся почти единственным каналом, через который ее теоретические положения оказывали свое влияние на процессы законодательного и правоприменительного характера. Однако в последнее время положение меняется. Ряд исследований в области теории государства и права получает и непосредственное прикладное значение [1].

Известно, что под практикой как общесоциологической категорией философия понимает всю совокупность деятельности людей, направленной на создание условий, необходимых для развития общества. К такого рода деятельности прежде всего относится производственная деятельность людей — их отношения, складывающиеся в сфере производства, обмена и распределения материальных благ. Потребности практики (в указанном смысле этого слова) имеют решающее значение для развития всех наук, их отдельных категорий. Практика служит критерием истинности научного познания и целью его. Одной из сторон, одной из частей практики в указанном философском смысле является юридическая практика, складывающаяся из практики работы законодательных органов, органов суда, прокуратуры, арбитража и др.

Понятие юридической практики включает в себя как те конкретные формы, в которых осуществляется деятельность соответствующих государственных органов (например, деятельность по отправлению правосудия), так и

---

[1] См., например, «Теоретические вопросы систематизации советского законодательства», Госюриздат, 1962.

накопленный этими органами опыт издания или применения соответствующих законов (или иных нормативных актов).

Взаимосвязь общей теории государства и права с юридической практикой многопланова. Исследуя закономерности государственной и правовой надстройки, характер и механизм правового регулирования, теория государства и права дает научный критерий для применения того или иного метода правового регулирования, помогает определять правовые средства, наиболее соответствующие поставленным задачам, характеру данного вида общественных отношений.

Наука своими теоретическими исследованиями помогает юридической практике более правильно уяснять и применять нормы действующего права. Вместе с тем изучение опыта издания и применения норм права углубляет научное познание и представления о юридических законах, их жизненности, необходимости внесения соответствующих коррективов в действующие нормы и т. д.

Юридическая практика не только воспринимает теории, представления и идеи, вырабатываемые юридической наукой. Она сама, проводя необходимые обобщения в целях стабилизации и единства нормотворческой и правоприменительной практики, оказывается перед необходимостью теоретического осмысливания добытых результатов. Здесь имеются в виду прежде всего обобщения, проводимые высшими судебными, прокурорскими, арбитражными органами. В руководящих разъяснениях этих органов содержится немало теоретических суждений не только о том, как, но и почему именно так следует применять соответствующие нормы права. Постановления Пленума Верховного Суда СССР, инструктивные письма Государственного арбитража при Совете Министров СССР во многих отношениях являются научными документами.

Большую важность имеют высказывания органов правосудия, арбитража, прокуратуры и по отдельным конкретным делам, правильное решение которых имеет принципиальное значение.

Необходимо различать три вида юридической практики:

а) практика нормотворческой деятельности (деятель-

ности законодательных и иных органов, компетентных издавать нормативные акты);

б) практика правоприменительной деятельности (деятельности органов государства, а в соответствующих случаях общественных организаций по применению правовых норм);

в) практика осуществления субъективных прав.

Общая теория государства должна в равной мере изучать все три вида юридической практики и прямо, и опосредованно, — используя результаты отраслевых юридических наук.

Общая теория государства и права и юридическая техника

Юридическая техника представляет собой совокупность средств, используемых при выработке законов, приговоров, судебных решений, договоров, нотариальных актов, актов исполнительно-распорядительных и иных государственных и общественных органов [1].

Юридическая техника дифференцируется на три следующих вида:

а) Правотворческая юридическая техника, обычно именуемая законодательной. Однако это неточно, поскольку одни и те же юридико-технические средства используются как при выработке законов, так и при подготовке иных нормативных актов (постановлений Совета Министров, приказов и инструкций ведомств и т. д.).

---

[1] В юридической литературе были высказаны и иные взгляды относительно сущности юридической техники. Так, по мнению Д. А. Керимова, рассматриваемая техника представляет собой совокупность исторически и практически сложившихся правил образования и изложения правовых институтов и норм (Д. А. Керимов, Понятие законодательной техники, «Вопросы кодификации советского права», вып. 2, изд-во ЛГУ, 1958, стр. 9). С точки зрения И. Л. Брауде, юридическая техника — это определенная теория (И. Л. Брауде, Вопросы законодательной техники, «Советское государство и право» 1957 г. № 8, стр. 53). Иного мнения придерживаются С. Н. Братусь и Л. С. Явич. Они полагают, что юридическая техника — степень совершенства изложения и редакции законодательства (С. Н. Братусь, Значение систематизации советского законодательства и теоретические вопросы, возникающие при систематизации. «Научная сессия ВИЮН, посвященная теоретическим вопросам систематизации советского законодательства. Тезисы докладов и сообщений», М., 1951, стр. 10; Л. С. Явич, Советское право — регулятор общественных отношений в СССР, 1957, Сталинабад, стр. 158).

б) Правоприменительная юридическая техника — это техника актов органов, применяющих правовые нормы. К числу таких актов, как известно, относятся приговоры судов, акты органов прокуратуры, управления, арбитража и др. Правоприменительная юридическая техника находится в известной зависимости от правотворческой юридической техники (что наиболее наглядно можно видеть в использовании единой терминологии — в правоприменительных актах используется терминология законов и иных нормативных актов).

в) Правоосуществительная юридическая техника — это юридическая техника актов (действий), в которых находит свое выражение осуществление субъективных прав и исполнение соответствующих обязанностей. Она используется при выработке текстов договоров, доверенностей, расписок, равно как и иных документов (ордеров, платежных документов, завещаний и т. д.).

Юридическая техника имеет в своем арсенале ряд нематериальных средств. Укажем лишь на некоторые из них 1) *термин* — это слово (или группа логически взаимосвязанных слов), выражающее строго определенное понятие, например термины «договор», «право», «государство», «юрисдикция» и др.; 2) *юридическая конструкция* — средство построения нормативного материала, акта применения права или акта осуществления права (исполнения обязанности); 3) *презумпции* (законодательные предположения); 4) *систематизация как средство расположения нормативных актов*, позволяющие достичь необходимой степени его единства и последовательности.

Понятно, что названные юридико-технические средства не исчерпывают всего богатства юридической техники, используемой в нормотворческой и правоприменительной деятельности, равно как и в практике становления и осуществления социалистических правоотношений; они являются лишь основными видами юридико-технических средств.

В современный период общая теория государства и права должна решить ряд задач, связанных с совершенствованием юридической техники. Теория юридической техники должна войти как составной элемент в теорию государства и права.

§ 3. ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА

Основные черты юридической культуры социалистического общества

Под культурой принято понимать совокупность достижений общества в сфере науки, просвещения, искусства и иных областях духовной жизни общества.

Категория правовой культуры социалистического общества до сравнительно недавнего времени[1] практически не исследовалась ни в общей теории государства и права, ни в отраслевых юридических науках.

Понятие юридической культуры, как и отражаемое в нем явление, представляет собой категорию многоплановую, охватывающую взаимосвязанные и вместе с тем различные явления и моменты в области права.

1) Юридическая культура является одним из специфических аспектов, одной из особых сторон культуры общества в целом. Отмеченная особенность выражается прежде всего в том, что одним из важнейших предметов (достижений) данной культуры выступает само право и

---

[1] В начале 60-х годов к анализу понятия правовой культуры обращается Е. А. Лукашева. Соизмеряя данное понятие с правосознанием, она пришла к выводу, что правовая культура представляет собой определенное отношение людей к праву, выражающее знание и понимание права, а также сознание необходимости выполнить все его требования (Е. А. Лукашева, О воспитании правосознания и правовой культуры в период развернутого строительства коммунизма, «Советское государство и право» 1962 г. № 7, стр. 41). Иначе говоря, Е. А. Лукашева усматривает существо понятия юридической культуры в двух моментах — «информационном» (степень знания и понимания права) и «императивном» (степень осознания необходимости выполнения требований правовых норм).

Проведенное истолкование правовой культуры получило свое последующее развитие и дальнейшее обоснование в ряде работ С. С. Алексеева, существо взглядов которого по данному вопросу сформулировано самим автором следующим образом: «Субъективная сторона механизма правового регулирования не ограничивается лишь правосознанием; в него входит социалистическая правовая культура в целом. Правовая культура складывается из двух основных элементов: во-первых, правовая культура включает интеллектуальный момент. Он характеризует степень знакомства людей с правом, его понимания; во-вторых, правовая культура включает начало законности. Необходимо не только знать и понимать право, но и уважать его, признавать для себя обязательным соблюдение всех его требований» (С. С. Алексеев, Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. «Юридическая литература», 1966, стр. 176).

целый комплекс иных связанных с ним правовых явлений. Обладая известной социально необходимой и общественно возможной самостоятельностью, правовая культура (подобно культуре общества в целом) в конечном счете определяется материальными условиями жизни общества. Конечно, здесь, как и в иных сферах духовной жизни общества, нет и не может быть механического воздействия экономических факторов на идеологическое, в частности на культурно-правовое развитие. На развитие правовой культуры большое влияние оказывают политическая культура, политические взгляды, политические учреждения и иные феномены политической жизни; чем более развита политическая культура, тем выше культура правовая, и, наоборот, чем ниже уровень политической культуры, тем менее развита и культура правовая. И это не случайно. Юридическая культура — реквизит классового общества, общества, в котором существует государство и действует право.

Не менее существенно и то обстоятельство, что, являясь частью культуры общества, правовая культура как элемент последней становится носителем тех черт, которые присущи культуре в целом. Конечно, указанные черты имеют свое специфическое выражение, свои особые формы отражения и закрепления, и тем не менее они присущи правовой культуре, так же как и иным сторонам культуры социалистического общества. В связи с этим обратим внимание на следующие моменты:

а) коммунистическая идейность правовой культуры заключается в том, что в ее основе лежит и идеологически предопределяет направления ее развития учение марксизма-ленинизма. Юридическая культура в свою очередь служит делу построения коммунистического общества и достижению идеалов марксизма-ленинизма;

б) демократизм социалистической правовой культуры находит свое выражение в комплексе правовых институтов и практике их применения, пронизывает самую сущность данной культуры. В социалистическом праве выражена воля всего трудового народа, в процессе применения правовых норм принимают участие широкие круги трудящихся масс (например, народные заседатели, общественные защитники и общественные обвинители);

в) социалистический гуманизм правовой культуры отражается в ряде установлений закона и практике их

реализации (например, назначение наказания с учетом личности подсудимого, его возраста, того или другого психологического или физиологического состояния; учет имущественного положения сторон при возмещении вреда, причиненного гражданином, и т. д.);

г) национальность формы, в которой выражается социалистическое содержание, применительно к рассматриваемому кругу явлений может быть раскрыта путем указания на такие, например, социальные моменты, как-то: существование в СССР республиканского законодательства (которое, кстати, в последние годы получило дальнейшее развитие), национальный язык судопроизводства и т. д.;

д) преемственность также является одной из специфических черт культуры всего общества. Применительно к юридической культуре пределы преемственности сравнительно ограничены; между правом социалистическим (и всеми иными явлениями, основанными на праве и непосредственно с ним связанными) и правом эксплуататорских государств существует коренное различие двух исторических типов права, а отсюда и различие соответствующих правовых культур. Вместе с тем определенные элементы преемственности есть и здесь, например в области юридической техники.

2) Правовая культура — один из элементов духовной (нематериальной) культуры общества. Известно, что деятельность законодателя, прокурорских, судебных, исправительных и иных юридических органов в процессе применения и реализации предписаний закона не создает каких-либо материальных ценностей. В процессе такой деятельности создаются ценности иного — духовного, нематериального порядка. Последние хотя в рассматриваемом аспекте и однохарактерны произведениям науки, искусства, литературы и т. д., но вместе с тем существенно разнятся с ними. Закон, приговор, судебное решение и даже заключенный между сторонами договор в сути своей являются не только соответствующими юридическими актами (или документами), в которых выражена воля законодателя, суда или сторон, но и предметами нематериальной, в частности юридической, культуры, которые могут в той или другой степени отражать и отражают ее уровень, ее содержание и, быть может, даже направление ее развития. Понятно, что названные закон, акт суда и

договор не исчерпывают всех предметов рассматриваемой культуры, но тем не менее являются для нее весьма характерными.

3) Юридическая культура общества — явление исторически преходящее; историческая судьба правовой культуры коррелятивна историческим судьбам государства и права. Ф. Энгельс, исследуя исторические процессы становления права и его науки, отмечал: «По мере того, как законодательство разрастается в сложное, обширное целое, выступает необходимость в новом общественном разделении труда: образуется сословие профессиональных правоведов, а вместе с ними возникает и наука права» [1]. Сосредоточенная первоначально в руках жрецов, она постепенно (в ходе исторического развития в силу потребностей общества) переходит к «светским лицам». Развитие законодательства, возникновение юридической науки и т. д. — все это те исторически первоначальные ступени, вехи, с которых начала отсчет своего бытия правовая культура человека.

Что касается социалистической правовой культуры, то ее становление (зарождение) имеет определенные особенности: некоторые ее элементы возникают еще до появления социалистического государства и права, служат своего рода идеологической базой строительства последних. К числу таких элементов относятся прежде всего социалистические правовые взгляды (правосознание), которые нашли свое выражение в трудах основоположников марксизма-ленинизма, в деятельности распространителей марксизма в России. Объяснение этого факта заключается в том, что культура любого эксплуататорского общества не является и не может быть однородной. «В *каждой* национальной культуре, — писал В. И. Ленин, — есть, хотя бы не развитые *элементы* демократической и социалистической культуры, ибо в *каждой* нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую. Но в *каждой* нации есть также культура буржуазная (а в большинстве еще черносотенная и клерикальная) — притом не в виде только «элементов», а в виде *господствующей* культуры» [2].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 18, стр. 273.

[2] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 24, стр. 120—121.

Известно, что ни один из угнетенных классов не добился и, естественно, не мог добиться полного развития собственной культуры, ибо он не мог в существующих экономических, политических и правовых условиях развить свои творческие духовные силы, дать им простор и выход на широкую социальную сцену. Господствующей культурой эксплуататорского общества является культура экономически и политически господствующего класса: «Класс, который представляет собой господствующую *материальную* силу общества, есть в то же время и его господствующая *духовная* сила» [1]. Тем не менее зарождение социалистической идеологии и ее становление как научного мировоззрения происходят уже в рамках эксплуататорской общественно-экономической формации, а следовательно, там же получают свое исторически первоначальное выражение социалистические правовые взгляды, возникают некоторые элементы социалистической правовой культуры.

Развитие правовой культуры — закономерность социалистического общества

Взаимосвязь правовой культуры с процессом общественного развития и особенно с развитием государства и права имеет двусторонний характер. Рост правовой культуры обеспечивает более четкую работу государственного и хозяйственного аппарата, способствует укреплению социалистической законности, охране прав и законных интересов трудящихся. Пренебрежение к социалистическим законам, к правам и интересам трудящихся, стремление обойти закон под каким-либо предлогом являются проявлением низкой культуры [2]. Конечно, правовая культура, сама по себе не является определяющим фактором, но тем не менее она не может быть сбрасываема со счетов, в анализе причин нарушений законности и изысканий путей борьбы с ними. Поднятие уровня правовой культуры способствует укреплению правопорядка, законности и в конечном счете тех общественных отношений, которые составляют суть социалистического общества. С другой стороны, развитие социалистических производственных отношений, поднятие общего культурного уровня населения

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 45.
[2] См. Е. А. Лукашева, цит. соч., стр. 42.

страны способствуют, создают социальную возможность и социальную необходимость дальнейшего роста и укрепления правовой культуры общества.

Основы советской правовой культуры были заложены уже в самые первые годы существования Советской власти, тогда, когда принимались и начали применяться первые декреты, первые кодексы и иные законодательные акты того времени. Проблема дальнейшего развития юридической культуры остается актуальной; она будет таковой и впредь до той поры, пока не сойдут с социальной сцены и государство, и право. Только тогда юридическая культура на началах преемственности передаст будущему то, что явится необходимым для культуры общественного управления (регулирования) социальных связей коммунистического общества.

Последовательное развитие юридической культуры социалистического общества является объективной закономерностью. Однако и здесь, как и в иных социальных процессах, закономерность не действует автоматически, «самотеком». Необходима повседневная, порою малозаметная и кропотливая работа. Важно и дальше совершенствовать законодательство и по содержанию и по форме. Не менее важно поднять юридическую культуру хозяйственных кадров. Осуществление экономической реформы и связанное с этим всемерное развитие самостоятельности и инициативы предприятий и организаций требуют того, чтобы такая инициатива находила свое выражение в действиях, основанных на законе и соответствующих ему нормативных актах. Повышение юридической культуры должностных лиц необходимо потому, что их дела служат примером для всего коллектива, в котором они занимают соответствующий пост.

Элементы юридической культуры

Выше было приведено общепринятое истолкование культуры как совокупности духовных богатств, выработанных человечеством. Это определение данного социального явления (культуры) по содержанию и формам его. Под культурой также понимается идейно-нравственное состояние общества. Если подойти к определению правовой культуры с точки зрения этого признака, то последняя может быть в сути своей очерчена как идейно-правовое состояние общества на данном этапе его исторического развития.

Из чего же складывается указанное состояние, каковы формы его выражения? Прежде чем ответить на этот вопрос, обратим внимание на два момента. Первый — категорию идейно-правового состояния не следует толковать вне диалектики общественного развития (уровень культуры, в том числе и правовой, не является какой-то константой для того или другого общества и, тем более, «для всех времен и народов»). Второй момент — речь идет о правовой культуре общества, а не отдельного индивида. Представляется, что к числу элементов состава юридической культуры советского общества следует отнести:

а) правовые взгляды. Носителем этих взглядов являются народ, коллектив трудящихся и отдельные граждане. Те и другие представления о праве имеет каждый человек независимо от того, какой пост он занимает, какова его профессия и т. д. Конечно, представления отдельных людей (равно как и коллективов) могут не совпадать по объему (один знает точнее, другой — приблизительно, а третьему бывает и просто невдомек). Но это не меняет существа дела: носителями правовых взглядов являются, конечно, только люди;

б) степень совершенства действующего законодательства по содержанию и форме, уровень соблюдения законности в процессе нормотворческой деятельности государственных органов. На первый взгляд может сложиться впечатление, что юридическая культура применительно к названному кругу явлений имеет отношение лишь к форме нормативных актов (их систематизированности, языку изложения, последовательности и т. д.). В действительности же уровень юридической культуры зависит и от того, насколько адекватны действующие правовые нормы потребностям общественного развития, и от того, насколько соблюдается законность в нормотворческой деятельности компетентных государственных органов.

Нет особой необходимости доказывать, что степень совершенства законодательства по содержанию (степень его адекватности регулируемым общественным отношениям и объективным потребностям социального развития) также определяет уровень юридической культуры общества; в противном случае категория юридической культуры будет чисто формальным понятием;

в) уровень постановки правоприменительной деятельности, эффективность и своевременность осуществления

защиты нарушаемых прав, последовательность проведения принципа социалистической законности в деятельности всех государственных, кооперативных и общественных организаций. Главное в приведенном положении, конечно, уровень соблюдения принципа социалистической законности, ибо без него правовая культура приобретает чисто декларативный, иллюзорный характер [1];

г) стабильность правопорядка — также один из показателей юридической культуры. Дело в том, что без устойчивости складывающихся социальных связей, регулируемых правом, нормальная экономическая, культурная и иная жизнь практически немыслима. Отсутствие стабильного правопорядка влечет за собой дезорганизующие анархические процессы. Конечно, не следует впадать в другую крайность и фетишизировать стабильность правопорядка. Как и все иные социальные явления, правопорядок развивается, совершенствуется вместе с развитием самих общественных отношений, совокупным юридическим выражением которых он выступает;

д) уровень юридического образования и воспитания, а также пропаганды законодательства. Развитие юридического образования и воспитания в социалистической стране является, с одной стороны, результатом достижения известной ступени в развитии правовой культуры, с другой — выражает процесс дальнейшего роста последней.

Суммируя изложенные выше соображения, юридиче-

---

[1] В указанном плане представляет интерес принятое Пленумом Верховного Суда СССР постановление № 1 от 25 февраля 1967 г. «Об улучшении организации судебных процессов, повышении культуры их проведения и усилении воспитательного воздействия судебной деятельности» («Бюллетень Верховного Суда СССР» 1967 г. № 2, стр. 9). Пленум отметил, что в большинстве судов деловая и вместе с тем торжественная обстановка судебных заседаний, четкая и организованная работа всех звеньев судебного аппарата, культурный вид судебных помещений воспитывают у граждан чувство уважения к суду и его решениям. В то же время некоторые судьи недооценивают значения культуры в своей работе, плохо организуют судебные процессы, нетребовательно относятся к составлению важнейших процессуальных документов и т. д. Пленум Верховного Суда Союза ССР, совершенно справедливо отметив, что от уровня культуры судебной деятельности в значительной мере зависит успешное выполнение судами задач по укреплению социалистической законности и правопорядка, наметил комплекс мероприятий по поднятию юридической культуры судопроизводства.

скую культуру общества можно определить как идейно-правовое состояние на данном этапе исторического развития, выражающееся в политико-юридических взглядах, широте и гарантированности прав трудящихся, степени совершенства действующего законодательства (по содержанию и форме), уровне соблюдения законности в нормотворческой и правоприменительной деятельности государственных органов, эффективности защиты установленных прав, стабильности правопорядка, уровне юридического образования и воспитания общества.

Роль общей теории государства и права в развитии социалистической юридической культуры

Роль общей теории государства и права в развитии социалистической юридической культуры определяется тем особым местом, которое занимает теория в общей системе государственно-правовых взглядов общества. По своему характеру воздействие общей теории государства и права на юридическую культуру социалистического общества может быть прямым или косвенным в зависимости от того, каким путем осуществляется это воздействие теории на культуру, по каким каналам вливаются в юридическую культуру достижения общей теории государства и права. Что же касается отдельных аспектов рассматриваемого влияния теории на развитие юридической культуры, то здесь необходимо выделить по меньшей мере следующие моменты.

Во-первых, успешное развитие общей теории государства и права является одним из элементов общего развития политико-юридических взглядов общества, что само по себе имеет существенное значение. При этом важно то, что речь идет о формировании теорией наиболее общих (генерализующих) представлений и идей, без которых собственно немыслимо духовное развитие классового общества и его культуры.

Во-вторых, развитие общетеоретической мысли в значительной мере способствует прогрессу всех отраслевых наук о государстве и праве, что в свою очередь также является весьма существенным моментом в развитии правовой культуры общества.

В-третьих, как через отраслевые науки о государстве и праве, так и непосредственно (последнее случается значительно реже) развитие общей теории государства и права влияет на юридическую культуру законодательной,

равно и иной нормотворческой деятельности. Известно, что одной из теоретических предпосылок успешного развития современного процесса кодификации законодательства различных отраслей социалистического права явилась общетеоретическая разработка проблем систематизации и кодификации, проблем юридической (в частности, законодательной) техники и др.

В-четвертых, роль общей теории государства и права в развитии юридической культуры общества проявляется в том, что через совершенствование отраслевых наук о государстве и праве, через совершенствование законодательства общая теория государства и права оказывает свое влияние на поднятие юридической культуры правоприменительной деятельности и культуры осуществления прав и исполнения обязанностей.

В-пятых, развитие общей теории государства и права имеет немаловажное значение в постановке юридического образования и воспитания в социалистических странах. Это объясняется тем, что общая теория государства и права как учебная дисциплина занимает одно из ведущих мест в общей системе мероприятий по подготовке высококвалифицированных кадров юристов в странах социализма.

Глава третья

МЕТОДОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

§ 1. Значение методологии юридической науки. § 2. Общие вопросы методологии изучения государства и права. § 3. Конкретно-социологическое исследование государственно-правовых проблем. § 4. Иные методы изучения государственно-правовых явлений.

§ 1. ЗНАЧЕНИЕ МЕТОДОЛОГИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Общая теория государства и права и методология юридической науки

Вопросы методологии юридической науки как наиболее общие должны находить свое освещение прежде всего в общей теории государства и права. В этом и состоит ее методологическая роль по отношению ко всем другим разделам правового знания. К сожалению, в общей теории государства и права в течение продолжительного времени эти вопросы фактически не разрабатывались.

Не подлежит сомнению, что метод материалистической диалектики как единственно научный всеобщий метод познания лежит в основе изучения таких сложнейших общественных явлений, как государство, демократия, право. Однако метод материалистической диалектики не может механически применяться к материалу исследования каждой конкретной научной дисциплины. В общей теории государства и права речь должна идти о применении метода материалистической диалектики к познанию государства и права как специфических общественных явлений. Чтобы познать такие социальные реальности, как государство и право, необходимо иметь ясное представ-

ление о том, как категории и законы материалистической диалектики могут быть применены для раскрытия существа тех или иных специальных проблем государственно-правового развития. Необходимо выяснить взаимоотношение материалистической диалектики как общей теоретической и методологической основы советской юридической науки и частных методов юридической науки, без использования которых не могут быть успешно разрешены стоящие перед ней задачи.

Научная методология в области юридических наук — это применение обусловленной диалектическим материализмом совокупности определенных теоретических принципов, логических приемов и специальных методов (способов) исследования государственно-правовых явлений [1].

Диалектический материализм является научным методом исследования, поскольку он верно раскрывает объективную связь между материальной и идеологической, объективной и субъективной сферами социальной жизни, вскрывает сложную диалектику общественного развития, позволяет за многообразием явлений обнаружить их сущность, сформулировать закономерность, основную тенденцию их развития.

Исходные методологические положения для изучения государства и права были сформулированы К. Марксом в предисловии «К критике политической экономии»: «Мои исследования привели меня к тому результату, что правовые отношения, так же точно, как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа, что, наоборот, они коренятся в материальных жизненных отношениях, совокупность которых Гегель, по примеру английских и французских писателей XVIII века, называет «гражданским обществом», и что анатомию гражданского общества следует искать в политической экономии» [2].

---

[1] См. В. П. Казимирчук, Право и методы его изучения, «Юридическая литература», 1965, стр. 44; см. также С. С. Алексеев, Общая теория социалистического права, вып. 4, Свердловск, 1966, стр. 127—161; В. М. Чхиквадзе, Государство, демократия, законность, «Юридическая литература», 1967, стр. 13—36.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 13, стр. 6.

Определяющей причиной возникновения и развития государства и права как надстроечных категорий с точки зрения марксистской методологии являются материальные условия жизни общества, его экономический базис. Они (государство и право) представляют собой форму экономических и иных общественных отношений.

Диалектическая связь правовой формы и ее социально-экономического содержания является методологической основой марксистского понимания и изучения государственно-правовых институтов.

Надо иметь в виду, что развитие государства и права автоматически не следует за развитием экономического базиса. Оно может отставать от развития последнего и тормозить его прогрессивное развитие; оно может приспособляться к изменениям, происходящим в экономическом базисе. В определенных исторических условиях государство и право могут выражать назревшие тенденции общественного развития и активно содействовать их претворению в действительность. Активная роль государства и права особенно возрастает в революционные эпохи.

Относительная самостоятельность развития государственно-правовой формы

Признавая, что развитие государства и права определяется закономерностями всего общественного развития, нельзя вместе с тем отрицать и относительную самостоятельность развития государственно-правовой формы. Эта относительная самостоятельность определяется объективной диалектикой взаимоотношений государственно-правовой формы общественных отношений и их социально-экономического содержания. Вообще говоря, во взаимоотношении формы и содержания ведущая роль принадлежит последнему. Содержание создает для себя более или менее адекватную форму. Однако и сама форма воздействует на содержание; форма может в известной степени и не вполне соответствовать содержанию. В процессе развития государства и права бывали периоды, когда содержание подчиняло себе и приспосабливало для своего развития старые правовые формы.

Процесс превращения феодальной монархии в монархию буржуазную обычно был связан с использованием старых форм и с их приспособлением к новым буржуазным отношениям. История английского государства и права дает примеры того, как феодальные государственно-

правовые формы в связи с особенностями исторического развития в Англии капиталистических отношений наполнялись новым содержанием, приспособляясь с известными изменениями к новым потребностям общественного развития.

Использование некоторых форм товарно-денежных отношений в интересах социалистического строительства требует соответствующего изменения правовых форм товарного хозяйства и приспособления их к новому социалистическому содержанию.

Гражданское право опосредствует имущественные отношения по обмену товаров. Конечно, форма обмена зависит от формы производства. Тем не менее при изменении формы производства, но одновременном сохранении рыночных отношений обмена прежние гражданско-правовые формы могут быть в достаточной степени широко использованы, разумеется, с рядом необходимых изменений хотя они и наполняются по существу новым содержанием как опосредствующие в конце концов новые производственные отношения. Рецепция римского права для опосредствования развивающихся буржуазных отношений обмена также подтверждает это положение.

Маркс при составлении введения «К критике политической экономии» специально ставил вопрос о степени изменения формы права при переходе от одной общественной формации к другой. Он считал, что неравномерность в развитии права и экономики больше относится к гражданскому праву, чем к праву публичному и уголовному, которые более непосредственно отражают в себе изменения классовой структуры общества и классовой природы самого государства [1].

Категории формы и содержания материалистической диалектики позволяют объяснить как исторический процесс развития государственно-правовой надстройки в целом, так и относительную самостоятельность ее развития по отношению к экономическому базису. Это очень важное методологическое положение, которое позволяет правильно оценить роль и значение государства и права как специфических социальных реальностей, оказывающих огромное обратное влияние на социально-экономические условия жизни общества.

[1] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 12, стр. 736.

Основные направления в изучении государства и права

Марксистская юридическая наука ведет изучение государства и права в тесной связи с практикой.

Особенное внимание юридическая наука уделяет исследованию развития социалистического государства и права, совершенствованию демократии, укреплению законности, улучшению кодификации и систематизации законодательства, научных основ управления, обобщению опыта деятельности представительных органов, общественных организаций, повышению уровня управления народным хозяйством. При этом изучается социальная эффективность государственно-правового регулирования. На этой основе только и можно ставить вопрос о совершенствовании действующих норм права, правового регулирования всей хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной работы социалистического государства и общественных организаций трудящихся.

Юридическая наука призвана давать обоснованные научные рекомендации для управления социальными процессами в социалистическом обществе с помощью государственно-правовых средств, на основе глубокого изучения внутренних закономерностей развития этих процессов, многочисленных связей и взаимообусловленности одних социальных явлений другими.

Задача теории государства и права состоит в изучении как основных вопросов, относящихся к развитию отдельных исторических типов государства и права и особенно закономерностей развития социалистического государства и права, так и общих вопросов, относящихся к действующим государственным институтам и нормам права и социальной эффективности всего государственно-правового регулирования.

§ 2. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Значение ленинской теории

Причины огромного влияния ленинского учения на современность, его преобразующего воздействия на актуальные проблемы общественного развития следует искать прежде всего в глубоко научном подходе к объяснению и преобразованию общественных отношений,

в подлинно научной методологии исследования. Именно диалектика, находящаяся в основе методологии рассмотрения всех общественных проблем, в том числе и таких сложнейших вопросов современности, как государство и революция, демократия и свобода, законность и право, позволила Ленину проникнуть в существо происходящих процессов, раскрыть их тенденцию и направление развития.

В. И. Ленин постоянно обращался к исследованию теоретических и практических вопросов государственности. Особое внимание рассмотрению проблем государства и права он уделил в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Известно, что именно в этот период им была написана работа «Государство и революция», вооружившая пролетариат и его партию в борьбе за победу социалистических идеалов.

После победы социалистической революции, укрепления и развития диктатуры пролетариата Ленин продолжал разработку теоретических и практических вопросов марксистского учения о государстве. К этому периоду относятся «Пролетарская революция и ренегат Каутский», «Очередные задачи Советской власти», многочисленные статьи, доклады на съездах партии и Советов, выступления на конгрессах Коммунистического Интернационала, письма и т. д.

Каковы же особенности ленинской методологии изучения государства? Прежде всего — материалистический подход в рассмотрении происхождения, сущности и функционирования государства и права. При этом ленинская методология органически сочетает логический и исторический методы. На примере анализа государства и права Ленин сформулировал принцип историзма, как общее начало всякого познания[1]. В ленинской методологии органически слита мировоззренческая, философская основа с разветвленной системой научных приемов исследования, в том числе приемов диалектической логики.

При анализе проблем развития государственности Ленин использовал такие категории диалектики, как содержание и форма, сущность и явление, возможность и действительность, причина и следствие, общее, особенное и

---

[1] См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 39, стр. 67.

отдельное, свобода и необходимость, отрицание отрицания и т. д.

Замечательной особенностью ленинской методологии является положение о решающей роли практики для развития научной теории, для проверки правильности выдвигаемых ею рекомендаций. Революционная практика рассматривалась Лениным как высший критерий правильности теоретических положений во всех сферах социальной действительности [1].

Ленин подчеркивал, что в проведении социалистических преобразований, в выработке наилучших форм деятельности государственного аппарата, в налаживании и отборе действенных форм народного контроля, в выработке направления и темпов организации кооперативных форм сотрудничества в городе и деревне и т. п. «только коллективный опыт, только опыт миллионов может дать решающие указания» [2]. С этим связывается необходимость для науки проверять объективную истинность своих выводов и предложений на практике и в связи с практикой.

Вместе с тем неверно из этого делать вывод, будто ленинская методология считает более важным эмпирический опыт, прагматический подход, чем теоретическое осмысление действительности.

Практика в свою очередь обязана считаться с выводами науки, воспринимать их для руководства, не отставать от современного уровня теоретической мысли. Именно в этом гарантия против волевых, субъективистских решений. Вот почему Ленин указывал, что в руководстве надо остерегаться командования, администрирования и, наоборот, надо «уметь сначала посчитаться с тем, что наука уже выработала...» [3]. Марксистско-ленинская правовая наука рассматривает истинные государственно-правовые понятия, принципы и теории как верное отражение в теоретических формах объективно существующих процессов и явлений.

Для выработки обоснованных и проверенных рекомендаций, в том числе при исследовании практики государственно-правового развития, наука применяет всю систему

---

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 42, стр. 290.
[2] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 36, стр. 380.
[3] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 42, стр. 347.

приемов и способов изучения действительности — анализ статистических материалов, данные конкретно-социологических исследований, результаты опроса общественного мнения, экспериментальной проверки и т. п. Понятно, что чем более разветвленную и продуманную систему таких методов будет иметь государственно-правовая наука, тем более эффективными будут ее теоретические рекомендации практике.

Диалектика как методологическая основа изучения социалистического права

Марксистская теория права, исходя из методологии диалектического материализма, защищает принципиальное единство методологии научного исследования во всех областях юриспруденции, что, разумеется, не исключает особенностей использования и применения отдельных категорий материалистической диалектики в зависимости от конкретного объекта познания.

Тезис буржуазной догматической юриспруденции о возможности познания правовых норм изолированно, лишь самих по себе, решительно отвергается социалистической юридической наукой. Действующие нормы права и характер соответствующих им правовых отношений могут быть поняты лишь в связи с выяснением их действительной роли в общественной жизни, лишь в связи с выяснением их социально-политического смысла, их места в правовом регулировании определенных общественных отношений.

В основе методологии нашего познания действующего права, как и при изучении истории права, лежит неразрывная связь формы и содержания. *В этом выражается методологическое единство как изучения исторического процесса развития права, так и изучения действующего права, т. е. изучения права как в его динамике, так и в статике.*

Основной, непосредственный смысл издания любой нормы права заключается в установлении соответствующих правоотношений. Правоотношения выступают в качестве правовой формы, в которой проявляются экономические, политические, административные, процессуальные и иные общественные отношения людей. Действующие нормы социалистического права и характер соответствующих правовых отношений, возникающих на их основе, могут быть поняты и раскрыты лишь в связи с выясне-

нием материальных общественных потребностей, их породивших, их действительной общественной роли, социально-политического смысла правового регулирования определенных общественных отношений.

Марксистско-ленинская юридическая наука отвергает разрыв между формой и содержанием, «сущим» и должным, который характерен для буржуазной догматической юриспруденции. Категории материалистической диалектики — «возможность» и «действительность» — объясняют, как правовая норма, правовое долженствование, порожденное материальными потребностями общественного развития, порожденное общественным бытием, переходит в реальную действительность с помощью установления субъективного права на одной стороне и соответствующей ему правовой обязанности — на другой. Общественный смысл любого правового долженствования заключается в том, что оно способно переходить в «сущее», в реальную действительность путем создания в необходимых случаях соответствующих ему правоотношений. Объективное право в реальной жизни существует всегда в единстве с субъективным правом и корреспондирующими ему правовыми обязанностями. Одно без другого не существует.

Норма, не могущая порождать правоотношения, есть мертвая норма; правоотношения не существуют без определенной правовой нормы. Поэтому изучение норм социалистического права и ставит своей задачей уяснение тех правовых отношений, которые могут быть созданы на основе норм права и реальной действительности для осуществления политики, направленной на строительство социалистического и коммунистического общества и более глубокое удовлетворение материальных и культурных потребностей граждан. Этот методологический подход к изучению государственно-правовой надстройки вообще, действующих норм права в частности придает принципиально иной характер всему теоретическому изучению государственно-правовых проблем марксистской юридической наукой по сравнению с буржуазной юриспруденцией. Буржуазная юридическая наука, изучающая действующее право (догма права), является лишь описательной наукой. Когда буржуазный ученый-юрист при исследовании действующего права синтезирует общие понятия, относящиеся к более или менее широкому кругу конкретных правовых

явлений, он способен, как правило, дать лишь внешние, описательные понятия [1].

Марксистско-ленинская юридическая наука не ограничивается лишь внешним описанием правовых явлений. Изучая правовую форму в связи с ее социально-политическим содержанием, вскрывая социальную суть правовых явлений, социалистическая юридическая наука поднимается над уровнем эмпирического, описательного знания и благодаря своим научным абстракциям, вскрывающим суть правовых явлений, глубоко вникает в действующее право.

Таким образом, исходные методологические позиции марксистско-ленинской юридической науки по изучению государственно-правовых явлений принципиально противоположны буржуазной юридической догматике. При изучении действующего права мы исходим из единства должного и сущего, формы и содержания, возможности и действительности.

Принципы построения научных понятий в социалистической юридической науке

Буржуазная юридическая наука при догматическом изучении действующего права изображает всю систему права как систему формально-логически согласованных суждений. Какой критерий может предложить буржуазная юридическая догматика, оперирующая категориями формальной логики, для определения истинности своих выводов по анализу действующих норм права, по обобщению правовых норм, построению понятий тех или иных юридических институтов? Таким критерием может для нее являться лишь отсутствие внутреннего противоречия в суждениях. Догматическая юридическая наука непротиворечивость, формальную правильность своих суждений выдает за их истинность.

При изучении норм действующего социалистического права, при анализе правовых норм, их обобщении и построении юридических понятий марксистская юридическая наука не может довольствоваться лишь внутренней непротиворечивостью самих наших суждений о нормах права. Диалектический материализм признает необходимость согласованности и строгой последовательности суж-

[1] См., например, E. Engisch, Einführung in das juristische Denken, 1956, S. 110.

дения. Однако к этому не сводится требование, которое следует предъявлять к правовым понятиям, суждениям и умозаключениям при изучении действующих норм социалистического права. Они должны быть не только формально правильными, но и истинными по существу, правильными по содержанию.

Вопрос об истине есть вопрос об объективности знания, вопрос о правильном отражении в понятиях объективного мира. Это значит в применении к основным, руководящим понятиям правовой науки, что они должны отражать не только лишь внешние черты соответствующих правовых институтов, но и их социально-политическое назначение. Они должны правильно отражать социально-политический смысл соответствующих правовых норм и возникающих на их основе правоотношений, роль тех или иных правовых институтов в определенной конкретно-исторической эпохе. Именно такому построению понятий в области юридических наук учат основоположники марксизма-ленинизма.

При построении основных правовых понятий социалистическая юридическая наука исходит из того, что изучение права каждой общественной формации может быть осуществлено лишь на основе знания закономерностей развития данной общественной формации. В этом выражается общее методологическое требование марксистско-ленинской теории, требование конкретно-исторического подхода к изучению общественных явлений, относящихся и к базису и к надстройке. Относительно общих изысканий по поводу ряда общественных формаций В. И. Ленин в свое время писал: «И в чем могут состоять эти «общие изыскания»? Если они будут игнорировать особенные экономические формации человеческого общества, — они сведутся к банальностям. А если они должны обнять несколько формаций, тогда очевидно, что им должны предшествовать особенные изыскания о каждой формации отдельно» [1].

В связи с этим при рассмотрении вопроса об образовании юридической наукой правовых понятий необходимо прежде всего остановиться на вопросе о значении так называемых общих понятий, относящихся к государственно-правовым явлениям различных общественных формаций.

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 476.

Однако использование «общих понятий» в юридической науке сказанным не исчерпывается. Наряду с этим следует иметь в виду, что между однородными общественными явлениями различных общественных формаций могут иметься внешние общие, схожие черты. Подобные черты сходства существуют и между правовыми явлениями различных общественных формаций. На их основе также могут быть созданы общие понятия. В общей теории государства и права такими абстрактными понятиями являются, например, понятия нормы как правила поведения, правоотношения как соотношения прав и обязанностей, предусмотренного нормой права, правоспособности как способности быть субъектом прав и обязанностей и т. д.

Те общие понятия юридической науки, которые выражают общественно-политическую суть соответствующих государственно-правовых явлений, в их классовой противоположности представляют собой содержательные научные абстракции, позволяющие правильно познавать сущность конкретных правовых явлений различных общественных формаций, выраженные в них закономерности развития, свойственные определенным общественным формациям. Такой научной абстракцией является общее понятие права как воли господствующего класса, возведенной в закон, содержание которой определяется материальными условиями жизни общества. Это определение указывает не только на внешнее свойство права как воли, возведенной в закон, но раскрывает самое содержание этой воли, которое определяется материальными условиями жизни господствующего класса.

Однако следует иметь в виду, что при помощи общих понятий нельзя отобразить внутренней закономерности развития государственно-правовых явлений, нельзя вскрыть их роль и значение в данной конкретной общественной формации. При выяснении методологии юридической науки важно помнить о том, что понятие «производство вообще» есть разумная абстракция, однако с ее помощью «нельзя понять ни одной действительной исторической ступени производства» [1].

Общие описательные понятия, хотя и имеют важное значение в юридической науке, тем не менее далеко не

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 12, стр. 711, 714.

полностью раскрывают сущность соответствующих общественных явлений в их конкретно-исторических условиях, их социально-политического содержания, связи с основными закономерностями данной исторической общественной формации. Поэтому следует сознавать и опасности, которые проистекают из неумелого пользования этими общими понятиями. Попытка придать этим общим понятиям большее значение, чем они в действительности имеют, ведет как в юридической науке, так и в любой отрасли общественного знания к подмене конкретно-исторической трактовки вопроса поверхностными рассуждениями, которые не позволяют вскрыть действительно общественно-политический смысл рассматриваемых явлений.

Пользуясь правилами элементарной логики, можно создать формально верные в логическом отношении общие понятия, которые в качестве отличительного признака соответствующих явлений берут признаки, не только не помогающие вскрыть сущность этих явлений, но такие, которые уводят от действительного понимания сущности предмета. Буржуазная юридическая наука изобилует такими пустыми ненаучными абстрактными понятиями, объективно служащими для прикрытия классовой природы буржуазного государства и права.

Значение научных определений

Марксистская юридическая наука разрабатывает основные правовые понятия, имеющие определяющее значение как для всей социалистической юридической науки, так и для ее отдельных отраслей. Эти понятия должны быть содержательными научными абстракциями. Они должны правильно отражать реальную действительность. Требуется, чтобы основные правовые определения включали в себя существенные признаки правовой формы и социального содержания, которые выражают *главное* данного правового института в конкретно-исторических условиях развития социалистического государства.

Примером построения государственно-правового понятия, относящегося к регулированию хозяйственных отношений, на основе учета не только правовой характеристики, но его социального содержания, может служить понятие государственного предприятия, даваемое советской теорией права. Несмотря на известные различия определений государственного предприятия, даваемых отдельными теоретиками, все они тем не менее не

ограничивались лишь одной юридической его характеристикой, а всегда были связаны с его общественным, хозяйственным содержанием [1].

Большое значение не только для гражданского права, но и для других отраслей социалистического права имеет понятие права собственности. Определение права собственности, идущее еще от римских юристов, как субъективного права владеть, пользоваться и распоряжаться есть лишь внешнее описание права собственности. С помощью его можно отличить право собственности от других правовых категорий. Однако нельзя забывать, что такое понятие права собственности само по себе не способно объяснить ни одного исторического типа собственности. О. С. Иоффе с полным основанием пишет: «Но такое определение не может удовлетворить советскую юридическую науку, так как оно носит сугубо догматический характер и не вскрывает социальной сущности тех общественных отношений, которые закрепляются правом собственности» [2]. Социальную суть этого права можно вскрыть лишь применительно к собственности отдельных общественных формаций.

Правовые определения должны кратко раскрывать существо юридических явлений. Они несомненно имеют теоретическое значение для соответствующей отрасли государственно-правовой науки и немаловажное значение для практики применения социалистического права. Чем сложнее соответствующий государственно-правовой институт или иное политико-правовое явление, тем с меньшим успехом можно выразить в кратком его определении все существенное. Определение приобретает в таком случае характер лишь некоторого средства для первоначальной ориентировки в предмете, но раскрыть полностью все конкретное содержание данного явления не может.

Ф. Энгельс писал по вопросу о познавательном значении определения: «Все дефиниции имеют в научном отношении незначительную ценность. Чтобы получить действительно исчерпывающее представление о жизни, нам пришлось бы проследить все формы ее проявления, от

---

[1] См., например, А. В. Венедиктов, Государственная социалистическая собственность, изд-во АН СССР, 1948, стр. 338.

[2] О. С. Иоффе, Советское гражданское право, «Юридическая литература», 1967, стр. 361.

самой низшей до наивысшей. Однако для обыденного употребления такие дефиниции очень удобны, а подчас без них трудно обойтись; повредить же они не могут, пока мы не забываем их неизбежных недостатков» [1].

Требование, чтобы правовые понятия были связаны с их материальным социально-политическим содержанием, имеет непосредственное отношение как к основным понятиям социалистической юридической науки в целом, так и основным понятиям отдельных ее отраслей. Однако при изучении многих институтов права, по своему характеру подчиненных и так или иначе связанных с основными понятиями соответствующей отрасли права, не всегда обязательно указывать на их социально-политическое содержание, поскольку оно уже необходимо предполагается. В таких случаях представляется возможным ограничиться лишь описанием его внешних правовых признаков. Проиллюстрируем это примером из области уголовного права.

Советская теория уголовного права, Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 года определяют соучастие как умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении преступления. Но говоря о соучастии в преступлении, ученые и законодатели имели в виду соучастие в деянии, опасном для основ Советского государства или социалистического правопорядка.

Одноименные с буржуазными институтами права институты социалистического права, многие из которых (в области гражданского права) вызваны существованием в социалистических странах товарно-денежных отношений, в системе социалистического права имеют принципиально иной по сравнению с буржуазным правом социально-политический смысл.

Юридические определения как краткое раскрытие существа соответствующих юридических понятий имеют большое значение и для теории права и для практики применения норм социалистического права, для укрепления социалистической законности. Во многих случаях вопрос о существенных признаках соответствующего юридического понятия решается непосредственно самим законодателем. Когда существенные признаки данного юриди-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 84.

ческого понятия указаны в законе, то построение соответствующих юридических определений без указания на эти признаки было бы лишено всякого значения для изучения действующего права. Это не исключает того, что теория может уточнить и улучшить содержащиеся в законе определения.

Однако в целом ряде случаев при теоретической обработке действующего права оказывается необходимым дать определение таким правовым институтам, существенные признаки которых не названы непосредственно законом. Чем сложнее такое правовое явление, тем разнообразнее могут быть и его определения, данные средствами формальной логики. Все зависит от того, какой из признаков рассматриваемого юридического института считать существенным.

Но этот вопрос не может быть разрешен лишь средствами формальной логики. При построении юридических определений вопрос о существенных признаках юридических понятий и институтов не может быть разрешен на основе лишь субъективных вкусов того или иного автора. Этот вопрос должен быть решен в зависимости от объективного смысла того или иного признака в системе права в определенных конкретно-исторических условиях ее развития. Этот вопрос может быть правильно решен лишь на основе понимания тесной связи государственно-правовой формы с ее социально-экономическим содержанием.

Методология применения норм права

При применении норм права всегда прежде всего возникает вопрос о правильном понимании самой нормы. Процесс применения любой правовой нормы на практике есть процесс применения абстрактного общего правила поведения к конкретному случаю, обладающему своими индивидуальными особенностями.

Обычно в юридической научной и учебной литературе весь процесс применения норм права изображается в форме определенного силлогизма, где роль большой посылки отводится самой правовой норме, роль малой посылки — конкретному случаю, а в качестве вывода выступает соответствующая юридическая квалификация рассматриваемого конкретного случая — признание наличия определенной правовой ситуации (юридического факта, правоотношения со всеми вытекающими отсюда последствиями).

В формально-логическом отношении это действительно происходит так. Юридическая наука обязана помочь практическому работнику — юристу как в четком установлении большой посылки — подлинного смысла соответствующей правовой нормы, так и в установлении малой посылки этого силлогизма, т. е. тех признаков рассматриваемого конкретного случая, которые имеют юридическое значение. Это две стороны единой работы, которую обязан проделать юрист-теоретик при анализе действующего права для его применения на практике.

Установление большой посылки есть то, что обычно называется толкованием, выяснением подлинного смысла правовой нормы путем ее грамматического, логического и исторического истолкования. Установление малой посылки этого силлогизма достигается путем конкретизации правовой нормы, установления возможных конкретных форм выражения необходимых признаков данной правовой нормы, характеризующих определенные юридические факты, права и обязанности и другие элементы правоотношения, условия его возникновения, реализации и т. п.

Правовые нормы лишь в абстрактном виде описывают те правоотношения, которые могут в реальной жизни возникнуть на основе этих норм права. Наука должна помочь практике в процессе применения правовой нормы, найти путь от абстрактной правовой нормы к конкретным жизненным отношениям. Поэтому процесс познания правовых норм будет не полон, если он не будет включать в себя уяснения конкретных юридических фактов и правоотношений, соответствующих требованиям абстрактной правовой нормы. Таким образом, *процесс познания правовой нормы обязательно включает в себя ее конкретизацию, т. е. переход от абстрактного к конкретному.*

Для применения правовых норм в жизни юридическая наука в полном соответствии с текстом и смыслом нормы права должна показать с учетом определенной исторической обстановки, какие конкретные юридические факты могут породить те или иные правоотношения, кто может выступать субъектом прав и обязанностей в соответствующих правоотношениях, какие конкретные права и обязанности могут возникать в правоотношениях, описанных в абстрактном виде в правовой норме. Этот процесс конкретизации правовой нормы отличен от юридического

анализа правовой нормы, поскольку последний лишь раскрывает абстрактные черты соответствующих юридических фактов и иных условий возникновения правоотношений, а также и самих правоотношений. Он отличен и от процесса толкования правовой нормы в обычном смысле слова, поскольку толкование сводится лишь к выяснению логического смысла правовой нормы.

Процесс конкретизации правовой нормы основывается на предварительном уяснении социально-политических задач данной правовой нормы, социального содержания возникающих на ее основе правовых отношений, на внимательном изучении практики применения норм права. Конкретизация правовых норм, проводимая в отдельных областях социалистической юридической науки, оказывает большую помощь практике. Во всех областях действующего права имеются положения, которые сформулированы в столь общей форме, что неизбежно предоставляют органам власти при применении соответствующих норм права широкий простор в их конкретизации.

Процесс познания норм действующего права, раскрытия их содержания требует постоянного учета тесной связи правовой формы с ее социально-экономическим содержанием в определенной конкретно-исторической обстановке. Поэтому одна и та же правовая норма в различной социально-политической обстановке, на различных этапах становления и развития социалистического общества при ее конкретизации может получить относительно различное раскрытие ее содержания.

Конкретизация норм социалистического права не должна вступать в противоречие с требованием социалистической законности, строгого применения советского закона в соответствии с его текстом и смыслом. В процессе раскрытия содержания действующих норм права необходимо сочетать «общее», выраженное в данной абстрактной норме, с «особенным», с конкретными формами выражения абстрактных признаков тех правоотношений или условий их возникновения, которые содержатся в абстрактной формулировке данной правовой нормы. Конкретизация правовой нормы должна всегда производиться в рамках, очерченных самой правовой нормой, и не может служить предлогом для отхода от точного смысла данной правовой нормы, средством искажения ее смысла и нарушения социалистической законности. Вся-

кое иное понимание процесса конкретизации правовой нормы означало бы искажение требований правовой нормы, нарушение социалистической законности.

Конкретизация правовой нормы служит делу осмысленного и правильного применения закона в соответствии с его буквой и духом.

Взаимоотношение формальной и диалектической логики в процессе изучения действующего права

Специального рассмотрения требует выяснение взаимоотношения диалектической и формальной логики в процессе изучения действующих норм социалистического права. Было бы глубоко ошибочным утверждать, что материалистическая диалектика отрицает значение законов формальной логики в деле человеческого познания.

Так, Ф. Энгельс в «Диалектике природы» писал относительно закона тождества формальной логики: «Как и все метафизические категории, абстрактное тождество годится лишь для *домашнего* употребления, где мы имеем дело с небольшими масштабами или с короткими промежутками времени; границы, в рамках которых оно пригодно, различны почти для каждого случая и обусловливаются природой объекта» [1].

В. И. Ленин в своем выступлении на дискуссии о профсоюзах специально отмечал значение формальной логики как низшей ступени человеческого мышления: «Логика формальная, которой ограничиваются в школах (и должны ограничиваться — с поправками — для низших классов школы), берет формальные определения, руководясь тем, что наиболее обычно или что чаще всего бросается в глаза, и ограничивается этим» [2].

Границы самостоятельного значения формальной логики для удовлетворения «домашних потребностей» человеческого познания должны быть определены конкретно в каждой науке в зависимости от объекта научного изучения, в зависимости от того, в каких пределах необходимо пользоваться строго фиксированными, постоянными, неизменными понятиями в процессе научного познания. Отношение формальной логики к диалектической нередко сравнивали с отношением арифметики к высшей математике. Как арифметика имеет свою самостоятельную

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 530.
[2] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 42, стр. 289—290.

область применения, где вовсе не требуется для решения соответствующих задач использования понятий высшей математики, так и элементарная логика имеет самостоятельную область применения, отвечающую строго определенным элементарным потребностям научного познания.

Однако самое определение правомерных пределов самостоятельного использования формальной логики для удовлетворения элементарных потребностей научного познания может быть произведено правильно лишь при признании материалистической диалектики — единственно научной теории познания. Формальная логика, давая законы и формы правильного построения мыслей, не является универсальной теорией познания.

Вместе с тем диалектическая логика не отметает законы формальной логики. Как без соблюдения правил арифметики ни шагу нельзя сделать в области высшей математики, так и без соблюдения многих правил, выработанных формальной логикой, ни шагу нельзя сделать в области диалектического мышления. Диалектическая логика содержит в «снятом виде» все ценное для человеческого мышления, что было выработано формальной логикой на основе обобщения громадного опыта как повседневной человеческой практики, так и человеческого познания.

После сделанных замечаний мы можем уяснить взаимоотношение формальной и диалектической логики в области юридической науки, когда ставится вопрос об изучении действующих норм социалистического права с целью их правильного применения на практике.

В процессе изучения норм действующего права необходимо рассматривать отдельные правовые понятия, изолированно взятые, как неизменные понятия с устойчивыми, характеризующими их признаками, по которым их легко можно отличить одно от другого. Например, для того, чтобы различать по действующему уголовному законодательству хищение государственного или общественного имущества путем кражи и хищение государственного или общественного имущества путем грабежа, необходимо, разумеется, рассматривать каждое из этих понятий всегда как неизменное по своим признакам, т. е. тождественное с самим собой во всех случаях их применения на практике.

Решение вопроса о границах самостоятельного применения категорий формальной логики в деле изучения

действующих норм права определяется возможностями использования категории абстрактного тождества как фундаментальной категории формальной логики. Поэтому указанные задачи юридической науки могут полностью решаться средствами формальной логики. Однако это не означает, что вообще весь процесс познания норм действующего права является той областью познания, где могут исключительно применяться лишь категории формальной логики.

Если формальная логика содержит полезные приемы, помогающие в применении права, то это вовсе не значит, что изучение норм действующего социалистического права является той областью, где в силу природы самого предмета решение основных вопросов познания должно совершаться на базе формальной логики и где нет необходимости пользоваться категориями материалистической диалектики. Методологией изучения норм действующего социалистического права является материалистическая диалектика. Лишь когда в процессе познания действующих норм права мы рассматриваем правовые нормы сами по себе или лишь в их связи с другими нормами права, мы можем ограничиться их формально-логическим анализом.

Формально-логическое рассмотрение действующего права может помочь в деле описания, обобщения, классификации и систематизации норм действующего права. Однако необходимо ясно сознавать ограниченность подобного формально-догматического изучения норм действующего права, которое может дать лишь формально-правильное решение. Но этим задача познания действующего права не может ограничиться.

Мы стремимся к такому познанию действующих норм права, чтобы в результате его получить не только формально правильные суждения, но и правильные по существу понятия, которые отвечали бы смыслу правового регулирования нормами социалистического права данной области общественных отношений. Поэтому формально-логическое рассмотрение норм социалистического права допустимо лишь в тех пределах, в которых оно не вступает в противоречие с этими задачами познания действующих норм социалистического права, с целью их правильного применения на практике. Формально-логическое рассмотрение норм действующего социалистического права приемлемо для нас лишь в качестве ступени в процессе подлинно научного познания права.

Достоверность нашего юридического анализа и правильность наших юридических конструкций получают в конечном счете проверку в их практической значимости, в их соответствии задачам коммунистического строительства. Мы изучаем действующее право в целях правильного определения роли и значения соответствующих норм права в процессе коммунистического строительства. Для этого необходимо раскрыть связь правовой формы с ее социально-политическим содержанием, выяснить смысл воздействия правовой формы на развитие общественных отношений. Изучение правовой формы в связи с ее социально-экономическим содержанием должно определять и проведение юридического анализа правовых норм, и построение юридических определений, и выяснение юридической природы тех или иных институтов права, и построение всей системы права.

Такое рассмотрение права не может быть осуществлено только средствами формальной логики. Материалистическая диалектика является нашей теорией познания, нашим научным мировоззрением, которое должно пронизывать все изучение и теоретическую обработку действующих норм права. Это требует изучения норм права не изолированно, самих по себе, а как средства создания соответствующих социалистических правоотношений в связи с ролью и значением норм социалистического права в общественной жизни.

Метод сравнительно-правового исследования [1]

Марксистско-ленинская методология признает важное значение сравнительного метода как одного из частных методов в процессе научного познания. К. Маркс и Ф. Энгельс указывали, что сравнение как путь теоретического обобщения является одним из главных условий рационального метода [2].

Метод сравнительного исследования имеет своим объектом аналогичные или сходные институты двух или нескольких политических и правовых систем, общих или противоположных по своему социальному содержанию. С логической стороны, метод сравнительного правоведения основывается на последовательном изучении большого

---

[1] Под сравнительно-правовым методом обычно понимается сравнительный метод исследования и государства и права.

[2] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, стр. 142.

числа сходных, но не тождественных объектов. Сравнительный метод в такой же степени присущ правовой науке, как и сравнительному языкознанию, сравнительной анатомии, сравнительной физиологии и т. п.

В исследовании вопросов государства и права основоположники марксизма-ленинизма пользовались сравнительным методом, основывая свои выводы и обобщения на сопоставлении различных государственных и правовых систем. Можно назвать такие работы, как труд Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Капитал» К. Маркса, работы В. И. Ленина «Государство и революция», «О государстве» и другие, в которых метод сравнительного исследования использовался для показа общего, типичного, основного в развитии государства и права.

Марксистское понимание социально-экономической формации требует не только анализа отдельного, особенного, но и подведения этого отдельного явления под тип, причем конкретный тип общественных отношений. Таким образом, задачей государственно-правового исследования становится выявление общих черт и различий в рамках определенного исторического типа общественных отношений. В этом состоит коренное отличие марксистской методологии от методологии буржуазной науки, позволяющей построить сравнение по внешним признакам, произвольно, в зависимости от концепции самого ученого.

Но если взять общую тенденцию буржуазных юристов-компаративистов, то нетрудно будет убедиться, что бо́льшая часть из них различает следующие типы права: англосаксонское, романское, мусульманское и т. п. Тип права определяется со стороны его внешней формы. В работах буржуазных компаративистов трудно найти научный анализ различий между социалистическим типом права и буржуазным правом.

Сравнительное изучение для марксистов является одним из конкретных способов применения диалектико-материалистического метода исследования проблем государства и права [1]. Оно может основываться только на изучении и

[1] См. С. Л. Зивс, О методе сравнительного исследования в науке о государстве и праве («Советское государство и право» 1954 г. № 3); академик Имре Сабо использовал метод сравнительно-правового анализа в своей работе «Социалистическое право» («Прогресс», 1954).

вскрытии объективной связи правовой формы и ее содержания, их взаимной обусловленности. Понимание сравнительного правоведения как специального и частного метода исследования лишает основы утверждения ряда буржуазных юристов, считающих сравнительное правоведение автономной отраслью правовой науки.

Советская юридическая наука с первых лет своего существования использовала сравнительный метод для показа специфических особенностей советского права как нового, высшего типа права, отличного от буржуазного права не только по содержанию, но и по форме.

В настоящее время юридическая наука систематически проводит сравнительное изучение правовых институтов различных социалистических стран. Это дает возможность более глубоко понять качественные особенности отдельных институтов социалистического права и получить необходимый материал для дальнейшего усовершенствования советского законодательства (а равно и законодательства каждой социалистической страны).

Утверждение, что именно выявление сходства общего представляет главный интерес для науки и должно быть якобы чуть ли не единственной и всегда главной целью сравнительного изучения права различных народов, не может быть принято марксистами. Развитие науки в целом достаточно ясно показывает, сколь важное значение имеет выявление специфики, особенностей изучаемых явлений и процессов. Конечно, в зависимости от объективных свойств изучаемых, сопоставляемых национальных правовых систем и их развития упор должен делаться либо на черты сходства, либо на черты различия.

Так, при сравнительном изучении государства и права различных социалистических стран для юриста-марксиста особенный интерес представляет выявление черт сходства, а при сравнительном изучении государства и права буржуазных и социалистических стран — выявление имеющихся между ними принципиальных отличий. Это, однако, не означает, что можно сбрасывать со счетов в первом случае имеющиеся специфические особенности каждой из сравниваемых однотипных по своей классовой сущности и социально-экономическому содержанию государственно-правовых систем, а во втором случае — не учитывать наличия внешних черт сходства между одноименными политико-правовыми институтами, при принципиальном раз-

личии в их социально-экономическом и политическом содержании и назначении.

Сравнение как логический прием предполагает, что в исследуемых объектах имеются какие-то сходные признаки. Но выявление значимости каждого признака, раскрытие его социально-экономического содержания неизбежно приведет к рассмотрению коренного отличия разнородных политико-правовых систем.

Метод сравнительного изучения имеет целью показ противоположных тенденций, заложенных в разнотипных государственно-правовых системах, наглядную демонстрацию преимущества социалистического общественно-политического устройства и правопорядка. Такой метод должен использоваться для раскрытия коренных отличий в социальном назначении, содержании и роли социалистической и буржуазной государственности и систем права. При сравнительном исследовании институтов, принадлежащих разнотипным политико-правовым системам, особое значение приобретает выявление правильного соотношения между несущественными и основными сторонами, признаками сравниваемых объектов, между элементами, хотя и общими, но несущественными, и теми ведущими принципами, которые как раз и характеризуют противоположность исследуемых объектов.

Сейчас особое значение имеет метод сравнительного изучения государства и права стран социализма. Социальная общность этих систем позволяет проводить эффективный анализ нормативного правового материала и практики его применения. Такое сопоставление, изучение очень полезно и с теоретической, и с практической точек зрения, потому что дает важный и нужный материал для обмена опытом, для унификации и совершенствования тех или иных положений или институтов права, действующих во всех социалистических странах. При изучении социалистических правовых систем с помощью метода сравнительного исследования выявляются правовые формы, которые могут быть использованы для преобразования социалистических общественных отношений в коммунистические [1].

Несомненно, важным и полезным является соединение сравнительного метода изучения с историческим подходом к рассмотрению того или иного института, что обеспечивает

[1] См. Имре Сабо, Социалистическое право, стр. 125—155.

возможность историко-сравнительного его изучения[1]. Полезность историко-сравнительного метода в отношении изучения государственно-правовых явлений убедительно показана в работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Это классическое произведение марксизма представляет собой образец того, как следует с материалистических позиций проводить сравнительное изучение в области государственно-правовых явлений. Историко-сравнительный метод может служить выяснению сущности и природы государства и права определенной исторической формации, тенденций развития, закономерностей смены одной формации другой и т. д. Наполнение сравнительного правоведения конкретным социологическим и историческим материалом является важной задачей как в теоретическом, так и в идеологическом отношениях.

§ 3. КОНКРЕТНО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ ПРОБЛЕМ

Конкретно-социологическое изучение государственно-правовых проблем

Конкретно-социологическое изучение государственно-правовых проблем приобретает сейчас особое значение. На XXIII съезде партии отмечалось, что социологические исследования, основанные на материалистическом понимании истории и обобщающие конкретные факты жизни социалистического общества, с каждым днем играют все большую роль в решении практических вопросов — политических, производственных, воспитательных[2]. Это в полной мере относится и к юридической науке.

Основная задача конкретно-социологического исследования в юридической науке состоит в выявлении эффективности системы политической организации общества и методов управления государственными и общественными делами, в выявлении эффективности правового регулирования, результативности общественного действия норм права.

---

[1] См. А. И. Косарев, Об использовании сравнительного метода в историко-правовом исследовании («Советское государство и право» 1965 г. № 3).

[2] См. «Материалы XXIII съезда КПСС», Политиздат, 1966, стр. 165.

Теоретической основой конкретно-социологических исследований является исторический материализм, благодаря которому эти исследования характеризуются внутренним единством, идейной направленностью в подходе и разрешении тех или иных государственно-правовых проблем. Они соединяют теоретическую и эмпирическую стороны исследования, качественную и количественную характеристику изучаемых правовых явлений.

Используя методику социологического исследования правовых явлений, можно получить широкую количественную оценку изучаемых фактов. Это важно и необходимо для раскрытия сущности того или иного правового института.

Изучение социально-политического аспекта правового регулирования необходимо для определения места права в регулировании общественной жизни, позволяет избежать волюнтаризма при решении вопроса о предпосылках и пределах правового регулирования, помогает в принятии оптимальных решений и тем самым способствует развитию демократических принципов и институтов, укреплению социалистической законности.

Конкретно-социологическое изучение права не только не снимает необходимости изучения правовых норм, разработки приемов их изучения в логической связи, способов толкования и применения, но находится в тесном единстве с этими, уже оправдавшими себя приемами изучения действующего права.

За последние годы конкретно-социологические исследования проводятся у нас и в ряде зарубежных социалистических стран (ПНР, ВНР и др.) по широкому кругу государственно-правовых проблем. Разрабатываются вопросы, связанные с деятельностью местных Советов (народных советов, национальных комитетов), их функциями, формами и методами депутатской работы; исследуются общественные формы в управлении производством; правовые формы организации управления сельским хозяйством; эффективность гражданско-процессуального законодательства; вопросы трудовых и брачно-семейных отношений, изучаются такие проблемы, как: право и общественное мнение; право и преодоление религиозных предрассудков, личность преступника и причины преступности, в частности рецидив, преступность несовершеннолетних и т. п.

Правовая теория и конкретно-социологические исследования

Одним из сложных вопросов является проблема соотношения правовой теории и конкретных социологических исследований. В современной марксистской теории государства и права социологическое изучение не рассматривается как явление сугубо эмпирическое или прагматическое, как это делают, например, представители буржуазной теории «экспериментальной юриспруденции». Конкретно-социологические исследования содействуют разработке общих вопросов теории государства и права, для изучения которых они должны поставлять массу новых фактов, статистических и иных данных, обобщенные материалы о взаимосвязи разного рода социальных факторов, результаты социально-правовых экспериментов и изучения общественного мнения, данные о социальной эффективности тех или иных государственно-правовых институтов, применения тех или иных законодательных актов и т. п.

Итоги конкретно-социологического исследования, сопоставленные с имеющимся теоретико-историческим материалом, должны привести как к выработке конкретных рекомендаций, так и к выводам об уточнении старой либо к выдвижению новой теоретической гипотезы. Конкретно-социологические государственно-правовые исследования соединяют разработку теоретических вопросов государства и права с изучением государственно-правовой практики, подготовкой юридической наукой практических рекомендаций на базе обоснованных теоретических гипотез.

Теоретическая сторона — это изложение общего, устойчивого, лишенного индивидуальной окраски в предмете изучения. Абстрактно-теоретическая форма исследования рассматривает предмет «в чистом виде» со стороны его содержания, системы.

Изучение системы политической организации общества означает раскрытие ее как целостной системы со стороны составляющих ее элементов — государство, партия, общественные организации и т. д. Теоретический анализ проблемы государственного управления предполагает подход к ней в целом, во взаимосвязи составляющих ее элементов — системы представительных органов, системы органов управления и т. п.[1]. Теоретической стороной изуче-

[1] См. Ц. А. Ямпольская, К методологии науки управления («Советское государство и право» 1965 г. № 8).

ния правосознания является проблема его содержания и составляющих его элементов. Теоретическое рассмотрение форм государства есть исследование со стороны содержания исторически сложившихся различных структурных форм организации общества и т. д.

Любое социологическое исследование государственно-правовых проблем должно опираться на единые теоретические и методологические посылки. Именно это обеспечивает единство тех, все более дифференцирующихся социологических исследований, которые предпринимаются по все более широкому кругу политико-правовых вопросов. Политико-правовая теория вообще, теория государства и права в особенности является теоретической основой для организации и проведения социологических исследований в праве. Изучение конкретных правовых фактов — предварительное условие создания социологической гипотезы, научной теории, научно-достоверной рекомендации.

Важной задачей марксистско-ленинской науки о государстве и праве является изучение общественного действия всех институтов, составляющих государственную и правовую систему, исследование законов их функционирования. В теории марксизма-ленинизма были исследованы и вскрыты законы функционирования основных общественно-экономических формаций, а также природа и назначение важнейших институтов социальной действительности, таких, например, как труд, капитал, класс, партия, государство, право, собственность и т. п.

Социалистическая государственно-правовая доктрина исходит из ленинского указания, что функциональность есть вид причинности [1]. Следовательно, за каждой функциональной связью нужно находить глубинные, коренные отношения причинной зависимости. Иными словами, признавая необходимость рассмотрения государственно-правовых институтов с точки зрения их функций в обществе, с позиций выделения функциональной зависимости между различными политическими, правовыми и иными социальными факторами, не следует упускать из виду их места и связи в рамках общественно-экономической формации в целом.

Структурно-системный подход как теоретический должен дополняться анализом функционального, обществен-

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 471.

ного действия этих институтов, соответствия требованиям практики, эффективного регулирования общественных отношений. В этом и заключена *основная задача конкретно-социологических правовых исследований: в единстве структурно-системного и функционального изучения.*

В последние годы были проведены многочисленные конкретно-социологические исследования в области государственно-правового строительства. Анализ накопленного опыта проведения социологического изучения государственно-правовых проблем позволяет сказать, что наибольшее внимание уделяется исследованию конкретных вопросов. По материалам этих исследований сделаны научные рекомендации практике.

Научное управление общественными процессами прежде всего требует анализа, переработки и отбора необходимой информации о происходящих социальных процессах. Положительной стороной конкретно-социологических правовых исследований и является то, что в ходе их проведения происходит не только переработка такой массовой информации, но и отбор, обобщение необходимых сведений о происходящих процессах во всей их сложности и противоречивости. В самом деле, правовые отношения как составная и важная часть социальной действительности определяются целым рядом факторов объективного и субъективного порядка. Нужен инструмент в виде особых приемов, методов исследования, чтобы выяснить связь этих факторов между собой, отделить главные, решающие факторы от подчиненных, сопутствующих.

Таким инструментом и являются конкретно-социологические исследования, поскольку они позволяют вскрыть механизм правового регулирования, общественную эффективность права как в сфере «позитивной социальной физиологии» (скажем, управленческие, имущественные, трудовые, семейные, колхозные, земельные и т. п. отношения), так и в сфере «социальной патологии» правонарушений (преступности). Именно с помощью конкретно-социологических исследований, привлекая данные статистики, обследований, анкетирования, материалы судебно-прокурорской и арбитражной практики и т. п., можно установить степень эффективности правового регулирования, определить влияние правовых факторов на социальное поведение, на другие социальные институты, а также выяснить и влияние последних на право.

Приемы конкретно-социологических исследований

Для успешного проведения конкретно-социологических государственно-правовых исследований большое значение имеет использование специальных приемов. К числу частных научных приемов такого исследования относятся анализ статистических данных, официальных сообщений и документов, архивных материалов; метод наблюдения; устные и письменные опросы (анкеты), анализ общественного мнения; методы математической обработки и статистики.

Особое место в ряду всех указанных приемов имеет анкетирование. В зависимости от избранных методов исследования анкетный опрос может быть либо основным, либо вспомогательным приемом изучения. И в этой связи нужно отметить, что при владении научными основами составления анкеты, техники ее распространения и обработки полученных результатов — анкетирование может быть действенным методом изучения. Вместе с тем следует предостеречь против преувеличения значения этого приема и превращения его в единственный метод изучения практики.

Анализ собранного материала при помощи вычислительных машин не только облегчает и намного ускоряет работу исследователя-юриста, но и предотвращает вероятные ошибки, дает возможность раскрыть новые связи социально-правовых фактов в самых различных отношениях.

Наиболее серьезным при этом является вопрос о переводе целого ряда государственно-правовых понятий, отражающих сложный характер правовых отношений, на формализованный язык количественных определений. Такой перевод особенно необходим, когда речь идет о применении математических методов в праве. Перевод некоторых понятий из области трудового права, советского строительства, криминологии на язык количественных определений уже успешно проделан.

Количественные методы в исследовании проблем государства и права

Конкретно-социологическое исследование проблем государства и права предполагает, что они должны изучаться в единстве своей качественной и количественной определенности.

В современных условиях возникает проблема более глубокого внедрения количественных методов изучения во всю сферу конкретно-социологических правовых исследо-

ваний. Это диктуется как увеличением объема получаемой информации, в том числе и правовой, так и растущими возможностями использования некоторых приемов математики для рассмотрения полученных в ходе исследования данных.

В зависимости от целей исследования на разных этапах для изучения отдельных правовых проблем могут быть использованы математические методы. Так, в юридической литературе высказывались соображения о возможности применения теории вероятности, теории игр, методов оптимального программирования и других. Однако у нас нет пока обширных материалов и данных, полученных в результате использования именно математических методов.

Статистический метод — один из конкретных научных методов. С помощью статистического метода могут раскрываться объективные процессы социального движения. В работах В. И. Ленина настойчиво проводится мысль, что только марксистская политическая экономия и социология могут быть теоретической основой статистики, что с помощью последней необходимо вскрывать суть явлений, тенденции их развития. «Статистика должна давать не произвольные столбцы цифр, а цифровое освещение тех различных социальных типов изучаемого явления, которые вполне наметились или намечаются жизнью»[1].

Статистические исследования социально-правовых явлений состоят из нескольких связанных между собою этапов: статистического наблюдения сводной обработки статистических данных и анализа их. Эти этапы обеспечивают как сбор достоверных данных, так и их обобщение, анализ, наконец, обнаружение и раскрытие необходимых связей и тенденций развития. Задача статистического наблюдения — получение данных, точно и достоверно отражающих объективные социальные процессы. Достоверность достигается благодаря использованию выработанных в ходе исторического развития статистики норм учета и проверки данных.

По охвату статистическое наблюдение может быть либо сплошным, либо выборочным. Следует сказать, что в конкретно-социологических правовых исследованиях очень трудно собрать данные о всей совокупности объектов и вопросов, которые подвергаются изучению. И поэтому,

---

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 22, стр. 32.

как правило, приходится ограничиваться выборочными данными. Это выдвигает вопрос о достоверности данных выборочного исследования и возможности их распространения на всю совокупность изучаемых явлений. Математическая теория выборочного исследования прежде всего позволяет установить оптимальный размер выборки при нужной степени достоверности результатов. В современной статистике детально разработаны также методы отбора объектов выборочного изучения, позволяющие по выборочным данным полно и дифференцированно представить всю массу изучаемых явлений или, говоря языком статистики, генеральную совокупность [1].

Статистический метод необходим для изучения правовых явлений, отличающихся массовостью и повторяемостью. Особое значение в ряду количественных методов изучения государственно-правовых вопросов занимает судебная (уголовная) статистика, являющаяся специальным методом правовой науки по изучению причин преступности и личности преступника [2].

§ 4. ИНЫЕ МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ ЯВЛЕНИЙ

Метод формализации в правовом исследовании

Практическая значимость изучения вопроса о методе формализации в праве определяется необходимостью решения задачи дальнейшего совершенствования правовых норм как важного средства преобразования общественных отношений. Это обязывает разрабатывать вопросы, связанные как с точностью отражения в нормах права объективных требований социальной действительности, так и с самой техникой решения этой проблемы (методы систематизации нормативного материала и его обработки, создание обширной и четкой информационно-справочной службы и т. д.).

---

[1] Франк Йетс, Выборочный метод в переписях и обследованиях, «Статистика», 1965; Д. Мюллер, К. Шусслер, Статистические методы в социологии, М., 1968.

[2] А. А. Герцензон, Об изучении и предупреждении преступности («Советское государство и право» 1960 г. № 7); С. С. Остроумов, Значение уголовной статистики для исследования преступности («Советское государство и право» 1962 г. № 10).

Формализация как прием научного мышления означает метод исследования государственно-правовых проблем, определенный способ обработки правового материала, связанный с отвлечением от всех или некоторых свойств права или правовых норм.

Одним из этапов формализации является такое отвлечение от содержания предмета исследования, когда и понятия и термины рассматриваются исключительно как определенные знаки. При этом учитывается только оперативный смысл данных знаков, устанавливаемый правилами их преобразования. Поэтому формализация в теории права может выступать и в связи с применением буквенной или цифровой символики.

Формализация представляет удобное средство для исследования ряда правовых проблем. С помощью символизации правовых норм, положений закона, шифровки результатов, полученных в ходе проведения конкретно-социологического правового исследования (эксперимента, анкетирования, опроса общественного мнения и т. п.), можно подготовить данные для их машинной обработки. Следует сказать, что использование формализации как метода исследования обусловлено следующими двумя свойствами права: а) возможностью логической обработки содержания нормы права и б) логической природой самого процесса применения права. Сущность самой нормы позволяет провести ее формальную обработку, абстрагировать ее от конкретных случаев с их индивидуальными особенностями и чертами.

Самый характер отражения связи правовых явлений может быть выражен кратко формулой «если — то». Но формальная обработка может носить и еще более отвлеченный и абстрактный для существа правовых отношений характер, благодаря использованию символической записи. Так, если «р» будет означать гипотезу изложенного в ст. 225 ГК РСФСР правила поведения, а «q» — следствие неисполнения его требований, то символически можно изобразить данное правило в таком виде: «р — q», т. е. «если есть «р», то наступает «q».

Используя символическую запись нормы права, можно будет в дальнейшем (при строго определенных условиях) проводить обработку нормативного материала как в целях теоретического исследования, так и в практических целях

(например, организация автоматизированного поиска правовой информации).

Так, некоторые виды юридической деятельности могут рассматриваться как реализация в едином процессе раздельных функций по выработке, хранению, переработке и передаче информации. Выработка информации состоит в преобразовании юридических данных в определенные числовые характеристики. Собственно к этому сводится возможность математизации правовой информации, подготовки программы для вычислительной машины. Именно формализация юридической информации, доведенная до такой степени конкретности, чтобы она получила строгую количественную определенность, позволяет найти рациональные пути использования электронных и вычислительных машин для помощи правовой практике.

Метод моделирования

В понятие «моделирование» вкладывается разное содержание. В общем виде можно сказать, что моделирование есть искусственное воспроизведение (в материальной или мысленной, идеальной форме) сложных принципов функционирования какой-то определенной системы.

Общим свойством всех моделей является их способность так или иначе отображать действительность. В зависимости от того, как, какими средствами, при каких условиях, по отношению к каким объектам познания это их общее свойство отображать реальную действительность проявляется, и возникает большое число разнообразных моделей, различающихся по цели и назначению, по характеру отношений между моделью и моделируемым объектом и т. д.

Если условиться, что под моделью в социологии следует понимать воспроизведение моделируемого конкретного общественного процесса, то это в общем виде подходит и для науки государства и права. Значит, социология вообще и конкретно-социологические государственно-правовые исследования в частности имеют дело именно с идеальными, или мысленными, моделями. Внутри мысленной группы моделей существует разделение на различные виды их [1].

---

[1] См. В. А. Веников. Некоторые методологические вопросы моделирования («Вопросы философии» 1964 г. № 11).

Метод моделирования в праве имеет своей целью в конечном счете воспроизведение структуры «внутреннего механизма», функционального действия правовой системы, ее части или какого-то отдельного процесса, направленного на реализацию целей правового регулирования.

Моделирование как способ исследования общественных явлений имеет применение в процессе изучения проблем научной организации труда, поисков наилучших схем организации отдельных звеньев аппарата управления, наиболее рациональной структуры административно-территориального деления, при исследовании процесса идентификации в криминалистике и т. п.

Метод социального экспериментирования

Особое место в ряду способов изучения государственно-правовых явлений занимает эксперимент, представляющий практическую проверку целесообразности и эффективности проектируемого или уже действующего общественно-политического или правового института.

В. И. Ленин придавал важное значение социальному экспериментированию в условиях социалистического строительства. Он указывал, что создание новых общественных отношений не может обойтись без исканий, экспериментов «насчет выбора новых приемов, отвечающих новой объективной обстановке», что нам придется экспериментировать, делать опыт [1].

В. И. Ленин писал далее, что невозможно создавать новые формы общественной жизни сразу в готовом виде и что «если в этой области происходят эксперименты, если мы делаем неоднократные исправления частичных ошибок, это неизбежно...» [2].

Возможность постановки и успешного проведения социального эксперимента подтверждается практикой советского государственного строительства. Многие важные мероприятия партии и правительства подвергались предварительной опытной проверке. Так было, например, с новым районированием страны, проводившимся в конце 20-х годов.

Подытожив и положительно оценив выводы нескольких разрабатывавших вопрос компетентных комиссий,

---

[1] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 192.
[2] Там же, стр. 382.

XII съезд РКП(б) записал в специальной резолюции, что до проведения намеченных мероприятий в общесоюзном масштабе необходимо предварительно проверить их на деле в одной промышленной и одной сельскохозяйственной зонах [1].

Этот опыт был осуществлен. Путем объединения соответствующих экономически целостных территорий были созданы новые административно-территориальные единицы — Уральская область (1923 г.) и Северо-Кавказский край (1924 г.). Успешная деятельность советских государственных органов в рамках новых административно-территориальных единиц позволила затем уверенно провести аналогичные мероприятия по всей стране.

Подобным же образом решался и вопрос об упразднении округов. В июле 1929 года ЦИК и СНК СССР во исполнение решения XVI партконференции приняли постановление «Об опытно-показательных округах», в котором было записано: «Признать целесообразным проведение в виде опыта в пяти округах реорганизации окружно-районной системы управления путем передачи значительной части оперативных функций, выполняемых окружным аппаратом, районным исполнительным комитетам, а выполняемых районным аппаратом — сельским Советам» [2]. Проверка на практике показала, что округа как промежуточное звено между областью (краем) и районом изжили себя.

На основе предварительного эксперимента обоснованно было принято решение об экономической реформе в СССР. Решения октябрьского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС наметили ряд мер, направленных на усиление роли экономических рычагов в руководстве народным хозяйством. Указанные меры проводились без спешки, чтобы полнее использовать накапливаемый опыт. Таким же путем осуществлялся переход на пятидневную рабочую неделю с двумя выходными днями.

Сфера применения эксперимента в государственно-правовой науке, как и во всех общественных науках, ограничена [3]. Прежде всего она определяется самой

---

[1] См. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, изд. 7-е, Госполитиздат, 1954, стр. 718.

[2] СЗ СССР 1929 г. № 45, ст. 389.

[3] См. Р. В. Рывкина, А. В. Винокур, Социальный эксперимент, Новосибирск, 1968.

природой исследуемых отношений. Понятно, что, например, в естественных науках эксперименту открыт широкий простор, ибо там указанный метод, как правило, не ограничен в возможностях использования применяемых средств, не связан отношением к этим средствам (они могут разрушаться полностью или частично, заменяться другими, комбинироваться и т. п.), относительно быстротечен, не лишен широкой вариации во времени, пространстве и т. п.

В государственно-правовой же науке метод эксперимента ограничен известными рамками, ибо государственно-правовые отношения представляют отношения людей. Кроме того, все основные понятия, определения, принципы и научные теории здесь, как и в других общественных науках, таковы, что не могут быть экспериментальным путем измерены, опробованы, поскольку они представляют собою научные абстракции.

Марксистская теория рассматривает эксперимент как один из видов проверки идей на практике. Таким образом, эксперимент есть связующее звено между абстрактным мышлением и общественной практикой в целом.

Метод эксперимента играет важную роль в государственно-правовом исследовании для установления научной истины, для проверки выдвигаемых научных гипотез. И в этом смысле все отрасли права могут использовать в своих научных целях выводы, полученные в ходе правового эксперимента. Наука о государстве и праве имеет возможность использовать эксперимент при подготовке проектов нормативных актов, для проверки методов и форм государственного управления, рационализации государственного аппарата, в ходе поисков лучших форм административно-территориального устройства и т. п. [1].

---

[1] См. Р. А. Сафаров, Социальный эксперимент и проблемы государства и права («Советское государство и право» 1964 г. № 10).

Глава четвертая

РАЗВИТИЕ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА В СССР

§ 1. Теория государства и права в СССР в переходный от капитализма к социализму период. § 2. Теория государства и права в условиях победившего социализма в СССР. § 3. Развитие теории государства и права в СССР на современном этапе.

§ 1. ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА В СССР В ПЕРЕХОДНЫЙ ОТ КАПИТАЛИЗМА К СОЦИАЛИЗМУ ПЕРИОД

Становление общей теории государства и права в СССР

Теория государства и права в СССР и в других социалистических странах сложилась и успешно развивается на идейно-теоретической и методологической основе марксизма-ленинизма, как его органическая часть. Ни одна философская, социальная или политическая доктрина в прошлом и настоящем не оказала такого значительного и универсального влияния на развитие юридических наук, как марксистско-ленинское учение.

К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин создали подлинно научную материалистическую концепцию развития государства и права на различных этапах человеческой истории, дали глубокую трактовку государственно-правовым установлениям и институтам рабовладельческого, феодального и в особенности буржуазного общества, сформулировали научно обоснованную программу эволюции государства и права в эпоху перехода от капитализма к коммунизму. В марксистско-ленинском учении о государстве и праве воплотились высшие достижения философской, политической и правовой мысли предшествующих эпох.

Можно без преувеличения сказать, что почти в каждом произведении основоположников марксизма-ленинизма содержатся глубокие и ценные мысли, касающиеся общественного и государственного устройства, правового регулирования общественных отношений и других вопросов, входящих в круг проблем юридической науки.

Ко времени социалистической революции в России, ознаменовавшей начало периода победного шествия социализма, марксистско-ленинская теория дала принципиальное решение основных проблем государства и права как применительно к буржуазному обществу, так и к обществу социалистическому. Это сделало возможным появление новой юридической науки, в принципе отличающейся от традиционного буржуазного государствоведения и правоведения, во-первых, тем, что она последовательно стоит на позициях материалистического истолкования государства и права, и, во-вторых, применением марксистского диалектического метода исследования государственно-правовых явлений.

Научная разработка проблем государства и права в переходный период к социализму и в социалистическом обществе, формирование теоретических конструкций, понятий, научных рекомендаций опираются также на богатейший материал, обобщающий практику строительства социализма в СССР и других социалистических странах и содержащийся в Программе и решениях съездов КПСС, в документах международного коммунистического движения, в выступлениях руководителей коммунистических и рабочих партий.

Марксистско-ленинское учение о государстве и праве тесно связано с практикой социального развития, постоянно развивается и совершенствуется, обогащаясь новыми выводами и теоретическими положениями. Возникновение советской юридической науки, в частности теории государства и права, неразрывно связано с победой Октябрьской революции.

Особенностью первого периода развития общей теории государства и права является то, что исторически он совпал с периодом возникновения и становления Советского государства и советского права. С одной стороны, это повышало ответственность науки перед практикой социалистического строительства, придавало особое значение общетеоретическим представлениям о государстве и праве но-

вого социалистического типа, а с другой — усложняло процесс теоретического осмысливания государственно-правовых явлений, делало его чрезвычайно напряженным и динамичным. В государственно-правовой жизни в те годы велась ожесточенная борьба между социалистической и буржуазной идеологией, в теории государства и права противостояли друг другу самые различные концепции, дискуссии по общетеоретическим проблемам государства и права носили острый и принципиальный характер.

Первые советские ученые-юристы решали задачи огромной трудности: в условиях революции и последующей классовой борьбы они должны были развить марксистско-ленинскую теорию государства и права, отстоять классовую, пролетарскую линию в юридической науке, дать конструктивные идеи и теоретические обобщения, необходимые для практики государственно-правового строительства. Эти задачи оказались выполненными, несмотря на то, что в процессе их решения было сделано немало ошибок и не все ученые-юристы сразу пришли к марксистско-ленинскому пониманию проблем государства и права.

Придавая исключительно важное значение государственно-правовому строительству в эпоху диктатуры пролетариата, партия вскоре после Октябрьской революции направила для работы на правовом фронте свои замечательные кадры. Среди них были П. И. Стучка, Н. В. Крыленко, Д. И. Курский и др. Они возглавили не только практическую работу судебно-прокурорских и иных органов молодой Советской республики, но и явились организаторами советской юридической науки и ее виднейшими представителями. В это же время, а именно 25 декабря 1917 г., в составе Народного комиссариата юстиции было создано для выпуска правовой литературы одно из первых издательств в стране — ныне издательство «Юридическая литература».

Развитие общей теории государства и права в первые годы Советской власти определялось практическими задачами строительства нового общества. Практика в целом ряде вопросов шла впереди теории и постоянно требовала ответов на поставленные жизнью вопросы. Весьма показательно в этой связи, что первое советское определение права было дано не в научной статье или монографии, а в сугубо практическом документе, а именно в изданных

в 1919 году Наркомюстом РСФСР Руководящих началах по уголовному праву РСФСР.

Проведение системы практических мероприятий по укреплению государства и права нового социалистического типа выдвигало на первый план проблему сущности государства и права, их классового характера, их судьбы в период перехода от капитализма к коммунизму.

Вопросы диктатуры пролетариата и социалистического государства

Характер и направления научных исследований в области теории государства на многие годы вперед определили труды В. И. Ленина «Государство и революция», «Пролетарская революция и ренегат Каутский», «Очередные задачи Советской власти».

Выдающееся значение имела Программа Российской Коммунистической партии (большевиков), которая содержала принципиальные теоретические положения об эксплуататорской сущности буржуазного государства, о неизбежности кризиса капиталистической экономической и политической системы, о необходимости разрушения старого, буржуазного, чиновничьего государственного аппарата. Государственностью нового социалистического типа становится диктатура пролетариата. В противоположность буржуазному государству и буржуазной демократии, которые, пытаясь скрыть свой классовый характер, ограничиваются формальным провозглашением прав и свобод граждан, формального равенства всех перед законом, Советское государство предоставляло широкие возможности социального развития прежде всего и больше всего тем классам населения, которые были угнетены капитализмом.

Программа поставила задачу постоянно вовлекать все более широкие слои трудящегося населения в работу по управлению государством, постепенно сближать государственный аппарат с массами, бороться против проявлений бюрократизма и т. д.[1].

Положения Программы РКП(б), а также решения партийных съездов и конференций по важнейшим политическим вопросам — советскому строительству, укреплению государственной дисциплины и законности и т. д., — служили надежным ориентиром для советских государст-

---

[1] «КПСС в резолюциях...», ч. I, стр. 413—416.

воведов, помогали им глубже разбираться в политике государства, определять конкретные задачи советской власти на отдельных этапах социалистического строительства.

Высокому интересу советских юристов к теоретической разработке вопросов развития и совершенствования молодого Советского государства способствовала подготовительная работа, предшествовавшая принятию Конституции РСФСР 1918 года и Конституции СССР 1924 года, их участие в создании важнейших законопроектов по вопросам государственного строительства и деятельности Советов. Одной из важнейших задач государствоведов в то время были научный анализ и широкая популяризация Советской Конституции. Поэтому большинство монографий и статей по теории государства было связано с разработкой и обсуждением проблем конституционной практики в РСФСР и СССР [1].

В это переломное революционное время во весь рост встали задачи по дальнейшему разоблачению классовой сущности буржуазного государства и развитию теоретических основ нового социалистического государства, путем обобщения государственно-правовой практики в нашей стране.

Вопросы государства в 20-х годах стали предметом острой политической и идеологической борьбы, которую вела партия за чистоту марксистско-ленинского учения против троцкизма, правого и левого оппортунизма, мелкобуржуазного национализма и т. д. Разоблачая несостоятельность различного рода антимарксистских течений, партия решительно отстаивала тезис о том, что социалистическое государство диктатуры пролетариата соответствует переходному периоду от капитализма к социализму, на протяжении которого пролетариат при поддержке трудового крестьянства может и должен построить социалистическое общество. Поэтому государству в системе диктатуры пролетариата принадлежит решающая роль, оно

---

[1] Конституция РСФСР 1918 года стала предметом обстоятельного и всестороннего научного анализа в целом ряде изданных в начале 20-х годов работ. Например, П. И. Стучка, Учение о государстве и Конституция РСФСР, М., 1922; А. М. Рейснер, Государство буржуазии и РСФСР, Госиздат, 1923; А. М. Гурвич, Государственный строй РСФСР (конспект лекций), Юриздат, 1923; Е. А. Энгель, Основы Советской конституции (конспект лекций), Госиздат, 1923, и др.

является основным орудием построения социализма, его развитие требует совершенствования демократии, укрепления законности, усиления роли государства в области экономического строительства и т. д.

В противоположность этим взглядам, которые теоретически были обоснованы К. Марксом, Ф. Энгельсом и В. И. Лениным, троцкисты доказывали невозможность построить социализм в нашей стране без предварительной победы пролетарской революции на западе. Отсюда вытекали неверие в силу государства диктатуры пролетариата, отрицание его экономической роли, сведение функций государства к голому администрированию, насилию, к командованию сверху, т. е. к чисто военным методам руководства непролетарскими классами, главным образом крестьянами. Государство диктатуры пролетариата, в изображении троцкистов, являлось чрезвычайным, временным, насильственным аппаратом, призванным в международном плане подталкивать революционный процесс в других странах, а в плане внутриполитических задач — помочь пролетариату удержаться у власти до всеобщей победы мирового пролетариата. Эта схема абсолютно исключала творческую роль и значение государства диктатуры пролетариата в строительстве социализма, ориентировала на разрыв союза рабочего класса и крестьянства, абсолютизировала насильственную сторону диктатуры пролетариата и социалистического государства, игнорировала значение государства как организатора хозяйственной жизни социалистического общества.

Большую опасность для теории и практики государственного строительства в СССР представляли и правооппортунистические извращения марксистско-ленинского учения о государстве. Правые оппортунисты признавали возможность мирного врастания капиталистических элементов в социализм. Отсюда вытекал практический курс правых оппортунистов на ослабление диктатуры пролетариата, умаление активной роли государства, особенно в сфере экономики, где государственное руководство, по их мнению, должно вытесняться стихийными рыночными отношениями. Правооппортунистические наскоки на идею диктатуры пролетариата и отрицание экономической роли государства объективно служили интересам частнопредпринимательских, нэпманских и кулацких элементов, которым выгодны самотек и стихийность экономического

развития, неограниченная свобода рыночных отношений. Несмотря на различие идеологических установок троцкизма и правого оппортунизма, оба эти антиленинские течения сходились на отрицании исторической роли диктатуры пролетариата, одинаково стремились затушевать один из главных моментов в марксистско-ленинском учении о социалистическом государстве: активную роль государства в создании новой экономики. Выступая против попыток извратить марксизм-ленинизм в этом вопросе, партия подчеркивала необходимость всемерного совершенствования хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной деятельности государства. «Поставленная перед диктатурой пролетариата величайшая историческая задача строительства социалистического общества, — говорилось в резолюции XV конференции ВКП(б), — властно требует сосредоточения всех сил партии, государства и рабочего класса на вопросах хозяйственной политики» [1].

Значение важнейших партийных документов для развития науки о социалистическом государстве и праве заключается, однако, не только в том, что в них разоблачены попытки исказить марксистско-ленинское учение о государстве и диктатуре пролетариата, но и в том, что они обогатили это учение новыми положениями, развили его в исторических условиях диктатуры пролетариата в СССР. В центре внимания партии постоянно находились вопросы развития и совершенствования демократии. В решениях XV, XVI, XVII съездов партии, в постановлениях Пленумов ЦК содержатся важные теоретические положения о путях привлечения трудящихся к управлению государством. Значительным вкладом в теорию социалистического государства явились партийные документы, связанные с разработкой Конституции СССР в 1935—1936 гг., в которых были решены фундаментальные проблемы развития Советского государства: вопрос о характере государственной власти в обществе победившего социализма, об экономической и политической основах социалистического государства, о механизме социалистической демократии и др.

Содержавшиеся в партийных решениях выводы о диктатуре пролетариата, государстве и демократии явились

[1] «КПСС в резолюциях...», ч. II, Госполитиздат, 1954, стр. 293.

прочной основой для научных исследований в области марксистско-ленинской теории государства.

Среди проблем, которые в этот период разрабатывались советскими государствоведами на основе положений К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, следует прежде всего указать на проблему государства и революции, на учение о классовой сущности и классовых целях всякого государства, о необходимости сохранения и укрепления государства в переходный от капитализма к коммунизму период, о Республике Советов как форме государства диктатуры пролетариата. В теоретических работах о социалистическом государстве ставились и решались такие вопросы, как отношение широких народных масс к социалистическому государству, отношение пролетарского государства к крестьянству, связь диктатуры пролетариата и демократии, роль партии в государстве, ее место в системе диктатуры пролетариата, принципы организации и деятельности органов государственной власти, проблемы национальной государственности, советского федерализма и автономии и т. д.

Большое значение в эпоху построения основ социализма в нашей стране имели пропаганда и широкая популяризация марксистско-ленинских идей о диктатуре пролетариата и социалистическом государстве. Разъяснению соответствующих взглядов К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина были посвящены многочисленные книги, брошюры, статьи, написанные советскими учеными-юристами, а также представителями других общественных наук [1].

К числу несомненных достижений советских государствоведов в указанный период принадлежит ряд общих фундаментальных работ, в которых дается систематическое изложение марксистско-ленинского учения о Советском государстве, показаны его преимущества перед

---

[1] См. «Маркс и пролетарское государство», сб. статей под ред. Е. Б. Пашуканиса. Соцакгиз, 1933; Н. Челяпов. Энгельс о происхождении государства («Советское государство» 1935 г. № 4); И. К. Луппол. Ленин как теоретик пролетарского государства, Л., 1924; П. И. Стучка. Ленинизм и государство (политическая революция), М., 1924; И. Разумовский. К воззрению Ленина на государство и право («Под знаменем марксизма» 1926 г. № 1—2); А. Стецкий. В борьбе за ленинскую теорию, М., 1933, и др.

государством буржуазным [1]. Появляются также учебные пособия, программы, методические разработки по теории Советского государства.

Вместе с тем в решении отдельных теоретических проблем, выдвинутых практикой государственного строительства в СССР, допускались ошибки подчас принципиального характера. В первые годы Советской власти, когда ученые еще не вполне освоились с марксистской методологией изучения государства и права, появлялись концепции, противоречащие историко-материалистическим и диалектическим представлениям о государстве. Отдельные ученые-юристы допускали ошибки, суть которых сводилась в конечном итоге к искажению классовой сущности государства диктатуры пролетариата, к утверждению абстрактного понимания государства. Но такого рода ошибки не получали широкого распространения, они своевременно вскрывались и подвергались критике в юридической литературе [2].

С определенными трудностями в советской теории государства складывались представления о перспективах развития социалистической государственности. Произвольно истолковывая высказывания основоположников марксизма-ленинизма об отмирании государства как конечном результате развития социалистической государственности, некоторые авторы приходили к выводу, что государство должно отмереть на стадии социализма и преждевременно выдвигали программу свертывания и ослабления государственных органов. В те годы, когда Советский Союз был единственной в мире страной, которая осуществляла диктатуру пролетариата в условиях капиталистического окружения и постоянной угрозы военного нападения, подобные призывы к ослаблению государства могли принести особенно большой вред.

---

[1] П. И. Стучка, Учение о Советском государстве и его конституции, М.—Л., 1922; М. А. Рейснер, Государство буржуазии и РСФСР; Я. Л. Берман, Основные вопросы теории пролетарского государства, М., 1924; его же, Учение о Советском государстве, М., 1931, и др.

[2] Обширный анализ государствоведческой литературы 20-х годов о сущности государства, методологии его изучения и по другим вопросам дается в серии статей Н. Я. Куприна «Из истории науки советского государственного права», опубликованных в «Вестнике МГУ» (1966 г. № 2, 3, 5; 1967 г. № 2, 4; 1968 г. № 2, 5).

Принципиальным недостатком, прослеживающимся в юридической литературе вплоть до начала 30-х годов, явился известный отрыв теории государства от теории права, который основывался на представлении о том, что государство как политическая организация пролетариата и его союзников по классовой борьбе необходимо на весь период перехода от капитализма к коммунизму, тогда как право есть нечто отживающее свой век вместе с буржуазным обществом и чуждое социализму. Такое нигилистическое отношение к праву отрицательно сказывалось на исследовании государствоведческих вопросов. Недооценивались, а подчас совершенно игнорировались правовые формы деятельности государства как организатора социалистических общественных отношений. В деятельности Советского государства по регулированию хозяйственной жизни в стране, заявлял, например, Пашуканис, технически-организационные моменты подавляют и вытесняют моменты юридические, формальные. Определение полномочий и ответственности администрации государственных предприятий, а также все другие элементы правового регулирования «отходят на второй и десятый план по сравнению с хозяйственной целесообразностью как самого задания, так и методов его исполнения» [1]. Государство, писал Пашуканис, по мере совершенствования хозяйственной функции все меньше опирается на право, на закон, на юридическую надстройку, значение которых падает, регулирование «становится тем более эффективным, чем слабее и незначительнее становится роль закона и юридической надстройки в чистом ее виде» [2].

Подобные настроения в среде советских юристов выразились в попытке построить единое учение о государстве, которое смогло бы заменить государственное право, административное право и т. д. Отмирающая правовая форма в системе государства диктатуры пролетариата, считали тогда некоторые ученые, не может быть предметом исследования, равноценным государству. Поэтому им представлялось недопустимым в названии науки соединять понятия «государство», «администрация» со словом «право». Одна из основных целей этой попытки как можно

---

[1] Е. Б. Пашуканис, Экономика и правовое регулирование («Революция права» 1929 г. № 5, стр. 34—37).

[2] Там же, стр. 37.

дальше увести учение о государстве от юридических проблем, от «опасности», как тогда писали, «юридизировать всю ткань Советского государства и учение о нем превратить в юридическую дисциплину» [1].

I съезд марксистов-государственников (1931 г.), много сделавший для поддержания авторитета советского права, не проявил, однако, достаточной последовательности в решении вопроса о соотношении государства и права при социализме. В решениях съезда изучение государства через правовые формы деятельности объявлялось рецидивом буржуазной юридической методологии. Это привело к тому, что практически были свернуты исследования по государственному и административному праву.

Впоследствии было изжито подобное отношение к праву, установилось представление о социальном единстве государства и права как в смысле целей, задач, назначения в социалистическом обществе, так и в смысле их исторической судьбы — отмирания при коммунизме.

Развитие взглядов на социальное назначение и сущность права при социализме

Социалистическая государственно-правовая практика требовала конкретизации и развития марксистско-ленинских положений о праве как возведенной в закон материально обусловленной воле господствующего класса и о нормах права как правилах поведения, обеспечиваемых государством. В упомянутых выше «Руководящих началах по уголовному праву РСФСР» (1919) было сказано, что «*право* — это система (порядок) общественных отношений, соответствующая интересам господствующего класса и охраняемая организованной его силой» [2]. Автором этого определения был П. И. Стучка, который отстаивал его в своих работах.

Это определение сыграло положительную роль в условиях, когда еще сильна была, как в свое время писали Маркс и Энгельс, «иллюзия, будто закон основывается на воле, и притом на оторванной от своей реальной основы, *свободной* воле» [3], оно помогало избавиться от такой иллюзии и способствовало утверждению материалистического взгляда на право.

---

[1] В. Изаутов, М. Резунов. Учение о Советском государстве, вып. II, изд. Комакадемии, 1931, стр. 8—10.

[2] СУ РСФСР 1919 г. № 66, ст. 590.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 63.

В свое время определение права, которое дал П. И. Стучка, подверглось критике в советской юридической литературе, причем указывалось на то, что в этом определении право сводится к самим общественным производственным отношениям. В работах П. И. Стучки, отражающих становление его взглядов по вопросу о сущности социалистического права, можно, конечно, встретить отдельные высказывания, которые дают повод к такому толкованию. Однако Стучка не сводил право к экономике, а, наоборот, постоянно подчеркивал активную роль правовой надстройки, говорил, что «право есть... организованное средство воздействия со стороны государства»[1]. Позднее П. И. Стучка пояснил, что, определяя право как систему или порядок общественных отношений, он стремился прежде всего подчеркнуть, что именно общественные отношения составляют содержание права, а само право является формой их организации и опосредствования[2].

Поэтому преувеличенным и необоснованным является утверждение, будто бы П. И. Стучка сводил право к экономике, недооценивал специфические, юридические принципы и свойства права.

Позднее П. И. Стучка вносит в свое учение о праве элементы нормативного понимания. Он отмечает значение норм права и подчеркивает то обстоятельство, что право находит свое выражение в нормах; наша точка зрения, заявлял он, отнюдь не исключает закон, т. е. нормы. Однако содержание права определяется общественными отношениями, они, следовательно, — объективный элемент в праве, право в объективном смысле. Законы и нормы лишь результат отражения содержания права в сознании людей, поэтому система норм является субъективным элементом в праве, правом в субъективном смысле. В каждом действующем праве, пишет П. И. Стучка, можно наблюдать обе стороны, но одна из них — отношения как объективный, материальный фактор — является главной и

---

[1] П. И. Стучка. За единый фронт («Советское государство и революция права» 1931 г. № 1. стр. 44).

[2] См. Г. Я. Клява и др., Предисловие к книге П. И. Стучки «Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права» (Рига, 1964, стр. 15), а также М. С. Строгович, К вопросу о постановке отдельных проблем права в работах П. И. Стучки, Н. В. Крыленко, Е. Б. Пашуканиса (сб. «Вопросы общей теории советского права», Госюриздат, 1960, стр. 390).

определяющей, т. е. в праве существует примат отношения над нормой [1].

Отмечая значение правовых норм и законов, призывая к систематизации и кодификации советского законодательства, П. И. Стучка, однако, не включил в определение права указания на систему норм. В условиях развития юридической науки 20-х годов это не может расцениваться как непоследовательность или как случайность. Понимание права как системы отношений имело под собой в то время глубокие основания.

Во-первых, победивший пролетариат в первые годы после революции руководствовался не только юридическими нормами, которых пока еще было далеко недостаточно, но и своим революционным правосознанием. Это обстоятельство давало повод для возрождения психологической теории права, одним из видных сторонников которой в начале 20-х годов был М. А. Рейснер. Как последовательный материалист П. И. Стучка решительно выступает против этой теории, противопоставляя ей, однако, не нормы, служащие отражением реальных общественных отношений, а самую систему или порядок таких отношений. Во-вторых, бурный процесс преобразования общественной жизни делал отдельные нормативные акты весьма недолговечными. Отсюда следовал вывод, что право — это не столько законы, сколько общественные отношения, охраняемые силой государства. В-третьих, хотя П. И. Стучка и признавал, что право выражается в законе, но буржуазные законы изображают реальную действительность в искаженном до неузнаваемости виде. Нарисовав яркую картину подобного соотношения буржуазного закона с действительностью, П. И. Стучка говорил: «Таким образом, закон отмечает те вехи, по которым определяются границы данного правопорядка, данной системы правовых отношений, но мы видели, насколько он, при своем принципиальном лицемерии, верно отмечает эти вехи. Буржуазный закон как раз старается замолчать действительный характер этой системы, а потому мы и лишний раз должны подчеркнуть, что *право есть именно эта система, а не просто закон*» [2].

---

[1] См. П. Стучка, 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права, Юриздат, 1931, стр. 93.

[2] П. И. Стучка, Революционная роль права и государства, стр. 109.

П. И. Стучка, объявив общественные отношения правом, пришел к выводу, впоследствии опровергнутому советской юридической наукой. Однако ошибочный конечный вывод не устраняет ценности исходного положения о неразрывности права и системы общественных отношений, на которые оно опирается и в целях охраны которых существует. Противопоставленное буржуазной догматической юриспруденции, это положение сыграло важную роль в общем процессе дальнейшего развития нашей юридической науки.

В отличие от П. И. Стучки, для которого право — это порядок или система реальных общественных отношений, другой видный деятель советского правоведения Е. Б. Пашуканис рассматривал право как систему правовых отношений. Соглашаясь с принципиальной постановкой проблемы права как проблемы общественного отношения, он подчеркивал необходимость также выявления специфики права как общественного отношения особого рода. Поскольку П. И. Стучка этого не сделал, его определение, как полагает Е. Б. Пашуканис, остается абстрактным и, следовательно, формальным, несмотря на использование признаков классового порядка [1].

В самой постановке задачи — сосредоточиться на выявлении специфики права, не ограничиваясь его социально-классовой характеристикой, — нельзя не усмотреть известного шага вперед. Правильно утверждение Пашуканиса, что производственные отношения в своем реальном виде не заключают в себе ничего юридического и действие права сказывается лишь там, где реальные общественные отношения облекаются в форму правоотношения. Вопрос лишь в том, откуда появляется эта форма: есть ли она следствие применения к реальным отношениям юридических норм или непосредственное отражение самих реальных общественных отношений. На поставленный вопрос Пашуканис отвечал в последнем смысле и, таким образом, расходясь со Стучкой в своей положительной оценке правоотношения как особой юридической формы, полностью был с ним единодушен в исключении юридических норм из самого понятия права.

---

[1] См. Е. Б. Пашуканис, Общая теория права и марксизм, М., 1924, стр. 41.

И если Стучка все же отдавал должное закону, хотя и за пределами понятия права, то Пашуканис утверждал, будто «совокупность норм, записанных или незаписанных, сама по себе скорее относится к области литературного творчества» [1]. Правовые же отношения вырастают непосредственно из производственных отношений. «Экономическое отношение в своем реальном движении становится источником юридического отношения» [2]. По характеру экономических отношений, писал Пашуканис, можно создать себе достаточно четкое представление о норме права как абстрактном воплощении определенного логического содержания, а когда «она издана как государственный закон, то представляет из себя только симптом, по которому можно судить с некоторой долей вероятности о возникновении в ближайшем будущем соответствующих отношений» [3].

Отстаивая свои взгляды, Пашуканис острие полемики устремлял против догматической юриспруденции, для которой право есть единственно и исключительно совокупность действующих норм, причем действующих в том смысле, что они установлены и не отменены государством, какова бы ни была их подлинная социальная эффективность. По словам Пашуканиса, правовая норма имеет реальный смысл, поскольку она претворяется в жизнь, что и находит свое выражение в такой специфически юридической форме, какою является правоотношение. Однако для формулирования этого правильного положения вовсе не нужно было объявлять примат правоотношения перед нормой и выводить его, минуя норму, непосредственно из производственных отношений.

Пашуканис сыграл немалую роль в распространении на правовую область того метода исследования, который разработал Маркс, применив его в «Капитале». Е. Б. Пашуканис призывал к поискам в «правовой материи» такой же элементарной (исходной) клеточки, какою товар явился для анализа капиталистического общества. Решительно предостерегая от фетишизации правовых явлений, напо-

---

[1] Е. Б. Пашуканис, Общая теория права и марксизм, стр. 43—44.

[2] Там же, стр. 53.

[3] Е. Б. Пашуканис, Общая теория права и марксизм, стр. 45.

добие товарного фетишизма, он стоял за раскрытие социального содержания юридических категорий.

Эти и другие методологические установки, опиравшиеся на экономическую и философскую теорию марксизма, установки, которые вошли в незыблемый арсенал методов и средств юридических исследований в нашей стране, знаменовали тогда переворот в укоренившихся взглядах на право и связанные с ним категории. Но, пытаясь творчески применить метод, разработанный К. Марксом в «Капитале», к области правовых исследований, Пашуканис пошел по пути механического переноса тех конкретных выводов, которые были сделаны Марксом по отношению к экономике капитализма, не только на буржуазное право, но и на право вообще, т. е. на любое право, включая и созданное в результате победы пролетарской революции в нашей стране. В этом главная причина его ошибок и заблуждений.

Действительно, Маркс указывал, что капиталистическое производство — самый развитый вид товарного производства. Этого было достаточно, чтобы Пашуканис объявил буржуазное право самой развитой системой права. А так как буржуазное право опирается на экономическую систему товарных отношений, то отсюда делался вывод, что любое вообще право, в том числе советское, своим существованием обязано товарным отношениям. Так называемое публичное право, по мнению Пашуканиса, не есть подлинное право, поскольку оно непосредственно не связано с товарным производством; отношения между органами социалистического государства, лишенные товарно-денежного характера, являются не правовыми, а организационными отношениями; по мере изживания стоимостных отношений в советской экономике, отмирания «ее частноправовых моментов», произойдет «выветривание самой юридической надстройки в целом» [1].

Таким образом, положение о предопределяемости права экономикой Е. Б. Пашуканис выводил не просто из экономики, а всецело и исключительно из отношений обмена. Поэтому теория его и получила наименование меновой концепции, которая лежит в основе его объяснения

---

[1] Е. Б. Пашуканис, Общая теория права и марксизм, стр. 96; его же, Экономика и правовое регулирование («Революция права» 1929 г. № 5, стр. 33—37).

сущности права и ряда конкретных правовых явлений: субъектов права, договора, права собственности и т. д. [1].

Вместе с тем уже в начале 20-х годов пониманию права как совокупности общественных отношений противопоставляется нормативная трактовка права, полностью выдержанная в духе марксизма. Такая трактовка принадлежала, в частности, одному из создателей и первых руководителей советской юстиции Н. В. Крыленко. «Право, — писал Н. В. Крыленко, — есть выражение в писаной форме действующего закона и в неписаной форме обычного права, — выражение тех общественных отношений людей друг с другом, которые сложились на основе производственных отношений данного общества, имеют своим содержанием регулирование этих отношений в интересах господствующего в данном обществе класса и охраняются его принудительной силой» [2].

В приведенном определении право рассматривается как система юридических норм, либо непосредственно исходящих от государства (действующий закон), либо признанных им, хотя и сформировавшихся без его участия (неписаное обычное право). Эти нормы охраняются государством в интересах класса, господствующего в данном обществе. Они суть отражения существующих общественных отношений, которые в свою очередь предопределяются господствующей системой отношений общественного производства. Тем самым выявляются материальная обусловленность права, его классовая сущность и общественное назначение, способы его обеспечения и формы его выражения.

Итак, Н. В. Крыленко первым в истории советской юридической мысли доказал, что можно защищать нормативную характеристику права, не впадая в нормативизм и догматизм, подходя к изучению этого явления с подлинно марксистских позиций.

Следует отметить, что уничтожение старого права, укоренившееся в сознании людей отношение к нему как к социальной силе, враждебной трудящимся, нередко порождали отрицательное отношение к праву вообще. «Всякий сознательный пролетарий, — писал, например,

[1] См. Е. Б. Пашуканис. Общая теория права и марксизм, стр. 82, 87, 101 и др.

[2] См. Н. В. Крыленко, Беседы о праве и государстве, М., 1924, стр. 33.

А. Г. Гойхбарг, — знает... что религия — опиум для народа. Но редко, кто... осознает, что право есть еще более отравляющий и дурманящий опиум для того же народа» [1]. К подобному выводу приходил и проф. М. А. Рейснер. «Если право не «опиум для народа», то во всяком случае довольно опасное снадобье...», — писал он в 1925 году. Право, по его мнению, не может быть использовано пролетариатом как революционное оружие. После революции, писал М. А. Рейснер, мы положительно тонем в море законодательства и бумажного правотворчества, мы захлебываемся в праве и правовой идеологии. Отсюда, по его мнению, возникает опасность безмерной юридизации наших порядков [2].

Нельзя, однако, не отметить, что даже те советские юристы, которые в свое время объявляли себя решительными противниками права, отнюдь не отрицали необходимости для победившего пролетариата следовать требованиям закона и права, установленным Советской властью. Так, А. Г. Гойхбарг, объявив право опиумом для народа, заявлял далее: «Я должен, однако, с самого начала устранить одно возможное недоразумение. Говоря о необходимости вести антиправовую пропаганду, я, само собою разумеется, и в мыслях не имею поощрять к несоблюдению правил, установленных Советской властью, к неподчинению тому, что мы называем советским правом. Конечно, было бы очень хорошо, если бы мы могли обойтись без этого слова, если бы могли заменить его другим» [3].

На I Всесоюзном съезде марксистов-государственников и правовиков в 1939 году были подведены итоги изучения проблем государства и права при диктатуре пролетариата, проанализированы ошибки в работах ученых-юристов.

В своем докладе Пашуканис подверг критическому анализу собственную «меновую» концепцию права и отметил, что подмена понятия права суммой специфических признаков буржуазной формы права независимо от материально-классового содержания мешала ему четко поставить вопрос о советском праве как особом праве переходного

---

[1] А. Г. Гойхбарг, Основы частного имущественного права, М., 1924, стр. 7.

[2] См. М. А. Рейснер, Право. Наше право, чужое право, общее право, стр. 35—36.

[3] А. Г. Гойхбарг, Очерки частного имущественного права, стр. 8—9.

периода. Он подчеркнул заслуги Стучки в решении этого принципиального для советской юридической науки вопроса. Стучка, по словам Пашуканиса, «совершенно правильно указал, что буржуазное право, классовое право буржуазии было разрушено Октябрьской революцией, и что мы имеем новое, особое по качеству право. Это положение им было подчеркнуто, и я с ним... согласился» [1]. Съезд отметил, что «основной и совершенно бесспорной предпосылкой для теоретической работы в области советского права является признание особого качества советского права, вытекающего из его классового существа» [2]. Впоследствие это положение стало общепринятым.

В решениях съезда было обращено внимание на необходимость исследования права в качестве орудия строительства социализма, разрабатывался вопрос о связи права и политики.

Таким образом, в первые годы Советской власти общетеоретические исследования были направлены на выяснение материально-экономической обусловленности права и классовой его сущности, соотношения права и общества. В течение всего переходного периода, вплоть до принятия Конституции Союза ССР 1936 года, шло научное осмысливание нового исторического типа права, уяснение его природы, назначения и перспектив развития.

Рассматриваемый период в истории общей теории государства и права характеризуется серьезными попытками обобщить развитие научной мысли, свести в единую систему знания о государстве и праве, утвердить теорию государства и права не только в качестве общетеоретической юридической науки, но и в качестве учебной дисциплины. В 20-е годы появились первые программы по общей теории государства и права, а также учебные пособия обобщающего характера. В 1932 году вышло учебное пособие для комвузов «Учение о государстве и праве» под редакцией Е. Б. Пашуканиса.

---

[1] Е. Б. Пашуканис, Основные проблемы марксистской теории права и государства («Советское государство и революция права» 1931 г. № 1, стр. 24—25).

[2] Резолюция I Всесоюзного съезда марксистов-государственников и правовиков по докладам Е. Б. Пашуканиса и Я. Л. Бермана («Советское государство и революция права» 1931 г. № 3, стр. 150).

Несмотря на ошибки, допускавшиеся отдельными советскими учеными, к 30-м годам советская юридическая наука достигла значительных успехов.

Знаменательной вехой в истории Советского государства явилась подготовка и принятие Конституции СССР 1936 года. Участие ученых-юристов в работе над проектом Конституции СССР 1936 года превратилось в своеобразную проверку сил советской юридической науки. Опыт работы над Конституцией СССР 1936 года был чрезвычайно полезен и с другой точки зрения: он определил основные направления развития общетеоретической мысли о Советском государстве и праве, поставил конкретные проблемы, нуждающиеся в первоочередной разработке, дал толчок дальнейшему развитию в области теории государства и права.

§ 2. ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА В УСЛОВИЯХ ПОБЕДИВШЕГО СОЦИАЛИЗМА В СССР

Теория государства и права после принятия Конституции СССР 1936 года

Победа социалистических общественных отношений в стране благотворно сказалась в области науки о государстве и праве в том отношении, что в эти годы завершился процесс становления советской науки о государстве и праве (как части марксистско-ленинской науки в целом) и определились пути ее дальнейшего развития в период строительства развитого социалистического общества. Теоретические выводы, касающиеся учения о государстве и праве, выдвинутые основоположниками марксизма-ленинизма, были развиты дальше в связи с обобщением практики деятельности первого в мире советского социалистического государства, защищены и очищены от буржуазных и ревизионистских извращений, а также извращений левацкого, нигилистического толка.

Решения состоявшегося в 1939 году XVIII съезда партии внесли значительный вклад в марксистско-ленинскую теорию государства. Съезд отметил, что советское общество завершило переходный период своего развития и построило социализм, охарактеризовал общественные отношения победившего социализма как отношения складывавшегося морально-политического единства всех классов и социальных слоев. В Отчетном докладе ЦК и в материа-

лах съезда была выдвинута идея о том, что Советское государство проходит в своем развитии два этапа (две фазы), что переход от одного этапа к другому определяется построением социализма в СССР, сопровождается серьезными социальными изменениями в характере государства, в его функциях и формах. На съезде был поставлен вопрос о внутриполитических и внешнеполитических условиях отмирания социалистического государства.

Эти выводы в значительной их части были приняты на вооружение советской юридической наукой. Однако существовавший в те годы культ личности в известной мере помешал развернуть в полную силу творческую разработку проблем государства и права.

Одним из событий в жизни советской правовой науки явилось Всесоюзное совещание по вопросам науки советского права и государства, состоявшееся в 1938 году [1]. По своему замыслу совещание было призвано подвести итог идеологической борьбы, которую пришлось выдержать представителям марксистско-ленинской государственно-правовой мысли со всеми теми, кто пытался исказить марксистско-ленинское учение о государстве и праве. Совещание должно было наметить главные направления развития советской науки о государстве и праве.

К несомненным достижениям совещания следует отнести прежде всего то, что оно отвергло вульгарно-материалистический подход к пониманию государства и права вообще, Советского государства и права в частности. Было отвергнуто понимание советского права как отмирающего буржуазного права. Совещание подчеркнуло значение нормативной стороны советского социалистического права. Все это, несомненно, было призвано обеспечить проведение в жизнь принципа социалистической законности, абсолютно необходимого для социалистического строительства в стране.

Отрицательную роль в развитии юридической науки сыграли ошибочные теоретические концепции А. Я. Вышинского.

Нечеткость методологических позиций и недостаточно последовательный материалистический подход к истолко-

---

[1] См. «Основные задачи науки советского социалистического права. Материалы 1-го совещания научных работников права 16—19.VII. 1938 г.», Юриздат, 1938.

ванию права сказались на его определении. В нем говорилось, что «право — совокупность правил поведения, выражающих волю господствующего класса». Здесь подчеркивается лишь классовый характер воли и не указывается на ее материальную обусловленность. Далее говорится, что право необходимо «в целях охраны, закрепления и развития отношений и порядков, выгодных и угодных господствующему классу»[1].

Отсутствие указаний на материальную обусловленность права и подчеркивание того обстоятельства, что оно призвано регулировать не все объективные существующие отношения, а лишь «выгодные и угодные», теоретически открывало возможность для произвольных действий[2]. Кроме того, это определение игнорировало тот факт, что в результате классовой борьбы и завоеваний пролетариата современное буржуазное право вынуждено признавать и регулировать такие порядки, которые мало выгодны и вовсе не угодны капиталистам (например, забастовки рабочих).

Подчеркивание нормативной специфики права — верное само по себе — сопровождалось игнорированием тех аспектов права и правового регулирования, которые связаны прежде всего с общественными отношениями. Несмотря на отдельные декларативные заявления, внимание к проблеме субъективных прав в теории государства и права заметно снизилось.

Другим недостатком определения права являлось то, что все обеспечение правовых предписаний связывается только с принуждением. Конечно, право ничто без аппарата, способного принуждать к соблюдению нормы права. Эта ленинская формула в отношении права остается вер-

---

[1] А. Я. Вышинский, Вопросы теории государства и права, Госюриздат, 1949, стр. 83.

[2] На недостаточность этого определения права указывалось уже в 1939 году на I сессии Всесоюзного института юридических наук. Справедливо говорилось, что в определении права «вряд ли можно ограничиться указанием только на... классовый признак, являющийся важнейшим» (И. Т. Голяков, Основные проблемы науки Советского социалистического права, Труды первой научной сессии ВИЮН, Юриздат, 1940, стр. 17). Указывалось также на необходимость «помнить, что право является одной из форм выражения экономического развития классового общества» (А. К. Стальгевич, там же, стр. 57).

ной и применительно к социалистическому праву. Но одной из характерных черт социалистического права, его социальной сущности как права, выражающего волю сознательных тружеников общества, является то, что соблюдение правовых предписаний обеспечивается прежде всего высокосознательным отношением большинства граждан к исполнению всех предписаний и большой организаторской, воспитательной работой партии и государства.

Но наряду с недостатками в эти и последующие годы советской правовой наукой были достигнуты определенные успехи. Были подготовлены и изданы учебники по всем отраслям правовых знаний, чего почти совсем не было до этого времени. Значение этих учебников состояло не только в том, что они служили основной научной базой подготовки и воспитания новых кадров советских юристов, но и в том, что они в определенной степени формулировали научную платформу каждой отрасли советской юриспруденции. В 1940 году вышел учебник по общей теории государства и права, который сыграл положительную роль [1].

В 1946 году ЦК КПСС принял постановление «О расширении и улучшении юридического образования в стране», в котором с учетом опыта государственно-правового строительства в нашей стране, в том числе и во время Великой Отечественной войны, и достижений юридической науки определялись дальнейшие задачи в области разработки вопросов государства и права. Постановление значительно расширило фронт научных исследований. Известным шагом в этом отношении было обсуждение в мае 1948 года двух макетов учебников по теории государства и права, подготовленных институтом права Академии наук СССР и проф. А. И. Денисовым [2].

Между тем вопрос о социалистическом государстве, его роли и функциях приобретал все большее значение. Если значение государства в процессе революционной ломки старых отношений в ходе пролетарской революции было установлено еще в работах предшествующего периода и прежде всего в основополагающих трудах В. И. Ленина, то теперь на очередь дня практически

[1] См. С. А. Голунский и М. С. Строгович, Теория государства и права. Юриздат, 1940.

[2] См. А. И. Денисов, Теория государства и права, Юриздат, 1948; «Теория государства и права», Госюриздат, 1949.

стала задача обобщения опыта социалистического государства, теоретическая разработка вопроса о роли государства в социалистическом обществе.

Для решения этого вопроса прочную базу дают труды основоположников марксизма-ленинизма, поскольку в них перспективно намечены принципиальные линии развития государства при социализме. Однако на данном этапе возникла необходимость в конкретизации и дальнейшем развитии взглядов Маркса и Ленина с учетом исторического опыта построения социализма, опыта государственно-правового строительства в СССР.

Характерной чертой вышедших в эти годы теоретических работ[1] явилось то, что их авторы применили методы Маркса, Энгельса и Ленина к решению проблемы государства в ходе социалистического и коммунистического строительства. Основным теоретическим выводом, имеющим огромное практическое значение, являлся вывод о том, что социалистическое государство — главное орудие построения социализма и коммунизма, и это требует всемерного укрепления государства, а не его ослабления.

Однако в решении этого кардинального вопроса теории в те годы были допущены и весьма серьезные ошибки. Одна из них заключалась в том, что усиление роли государства связывалось не столько с имманентными особенностями создания нового общественного строя, сколько с якобы происходящим усилением классовой борьбы при социализме. Эта точка зрения нашла свое отражение во всех теоретических работах по вопросам государства и права. А из этой исходной концепции по коренному вопросу делался и неправильный вывод об усилении функции классового подавления со стороны государства, о всемерном развитии его карательной роли.

В ряде работ, посвященных функциям социалистического государства на первом этапе его развития, недооценивалось значение хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной функций. Из самой природы пролетарской социалистической революции с самого первого дня ее свершения вытекала главная и основная задача — организация социалистического хозяйственного и

---

[1] См. «Советское государственное право», Юриздат, 1948; В. Турецкий, Развитие взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса на государство, изд-во АН СССР, 1949.

культурного строительства. И это важное положение В. И. Ленин неоднократно подчеркивал в своих трудах. По мере же развертывания социалистического строительства значение данных функций социалистического государства еще более усиливалось.

Специфика разработки общих проблем социалистического права

В центре внимания правовой науки в рассматриваемые годы была проблема сущности, понятия и содержания социалистического права. Как уже отмечалось выше, весьма положительным общетеоретическим выводом научной мысли является признание социалистического права как социального антипода праву буржуазному, как права нового исторического типа. Несомненной заслугой научной правовой мысли этих лет было и то, что в определении права вообще и социалистического права в частности начинают подчеркивать его нормативную сторону, что нашло свое выражение в понимании права в объективном смысле как совокупности норм [1].

Вопреки имевшим место попыткам в предыдущие годы вывести право непосредственно из области экономических отношений, в том числе и из товарных, советская правовая наука 30-х и 40-х годов ищет решения вопроса в определении права с учетом относительной самостоятельности надстройки, выявляя и подчеркивая тем самым волевой момент в праве, но в то же время не отождествляя право с политикой. Подчеркивание волевого момента в определении права закономерно связывалось с нормативной стороной права, что уже явно было выражено в марксистском определении права как возведенной в закон воли господствующего класса.

Развитие учения о нормативной стороне права явилось известным шагом вперед в советской правовой науке в эти годы. Оно, разумеется, ни в какой мере не должно было означать возвращения к нормативистской школе права, поскольку главным в самом определении права явилось по-прежнему социально-классовое его содержание, что как раз и отрицалось нормативистами. Вместе с тем в после-

---

[1] См. И. Т. Голяков, Основные проблемы науки советского социалистического права; Н. Г. Александров, Сущность права (к вопросу о сущности исторических типов права), Госюриздат, 1950.

дующие годы в научных трудах советских правоведов анализу самих норм советского права (причин, вызвавших их появление, их характеру, структуре, способам обеспечения и исполнения этих норм) уделялось значительное внимание. Что касается правоотношений, правосознания, субъективных прав, то ими ученые занимались меньше. В этом сказался известный формально-догматический, комментаторский, «нормативистский» уклон в изучении правовой надстройки в данный период.

К числу наиболее важных общетеоретических проблем государственно-правового характера, решавшихся в правовой литературе этого периода, относится вопрос о сущности и задачах социалистической законности[1]. Подчеркивание нормативной стороны в самом определении права, принятие новой Конституции СССР, конституций союзных и автономных республик, указания партии на необходимость соблюдения конституционных и иных законодательных норм делали особенно важной задачей решение этой проблемы.

В ряде работ отмечалось огромное значение, которое имеет принцип законности в социалистическом и коммунистическом строительстве, особенно в укреплении союза двух дружественных классов — рабочих и колхозного крестьянства. В основе своей был правильно решен важный теоретический и практический вопрос о соотношении законности и целесообразности, широко обсуждавшийся в юридической литературе тех лет. Было признано, что законность и целесообразность ни в коем случае не должны противопоставляться, а должны находиться в правильном соотношении.

Однако в некоторых работах по вопросам социалистической законности некритически воспроизводился тезис о том, что основная цель соблюдения этого принципа заключается в охране социалистической собственности от каких-либо посягательств на нее. Конечно, охрана существующего в обществе социального строя, его экономических основ всегда являлась и является одной из главных

---

[1] См. Б. В. Шейндлин, Советская социалистическая законность («Ученые записки ЛГУ», серия юрид. наук, вып. 2, 1949); М. С. Строгович, Теоретические вопросы советской законности («Советское государство и право» 1956 г. № 4); Н. Г. Александров, Законность и правоотношения в социалистическом обществе, Госюриздат, 1955, и др.

задач законности, но не в меньшей степени социалистическая законность призвана охранять права и интересы человека и гражданина.

Одним из крупных вопросов общей теории права, плодотворно в основном решенных советской правовой наукой в те годы, был вопрос о системе советского социалистического права. В 1938—1941 гг. состоялась большая развернутая дискуссия по этому вопросу. Прежде всего было единодушно признано, что свойственная буржуазному праву система с ее делением на право частное и право публичное принципиально неприменима к социалистическому праву, которое имеет свою систему, основанную на иных принципах.

В противоположность буржуазной системе права, в основе которой лежит деление права в зависимости от метода правового регулирования, в основу построения системы социалистического права был положен предмет правового регулирования. Другой теоретически важный вывод, сделанный в те годы в отношении системы социалистического права, состоял в том, что метод правового регулирования имеет определенное значение для формирования тех или иных правовых отраслей, но только вспомогательное, а не основное.

Наконец, было признано, что в социалистическом праве наряду с отраслями, одноименными буржуазному праву, появляются и существуют новые отрасли, выражающие специфику социалистического общественного строя, такие, например, как колхозное право.

Эти важнейшие теоретические положения, касающиеся системы советского права, являются и поныне основополагающими для решения многих вопросов этой большой проблемы.

Среди проблематики общей теории социалистического права привлекал внимание вопрос о соотношении права и нравственности. В книге М. П. Каревой «Право и нравственность в социалистическом обществе» [1] была во многом решена одна из важных проблем правового строительства — проблема соотношения права и нравственности, имеющая исключительно важное значение в деле формирования человека нового общества.

---

[1] М. П. Карева. Право и нравственность в социалистическом обществе, изд-во АН СССР, 1951.

Из вопросов общей теории государства и права надлежит назвать и проблему суверенитета, которая разрабатывалась рядом ученых, особенно в связи с решением вопроса о правах Союза ССР, союзных и автономных республик.

Подводя общие итоги развития теории государства и права в рассматриваемый период, можно сказать, что, хотя общий уровень ее на данном этапе социалистического строительства в стране и поднялся, тем не менее ее развитие осложнялось целым рядом отрицательных обстоятельств, весьма неблагоприятно сказавшихся на всем ее состоянии. Слабой была ее связь с практикой государственного и правового строительства.

Теория государства и права, которая призвана разрабатывать общие, принципиальные, научные положения, недостаточно влияла на развитие отраслевых юридических наук. Многие общеправовые проблемы в этот период более успешно решались либо в гражданскоправовой литературе (вопрос о связи экономических и правовых отношений, о нормах права, о субъекте и объекте права, о правоспособности и дееспособности и т. д.), либо в уголовноправовой (проблема ответственности, причинная связь в праве, вопрос о свободе воли и поступке и т. д.). Все эти отрицательные факторы начинают изживаться на последующем этапе развития теории социалистического государства и права.

§ 3. РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА В СССР НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Дальнейшее развитие общей теории государства и права

С переходом советского общества к коммунистическому строительству значительно усилился творческий подход к анализу социальных процессов, усилилось объективно обусловленное совершенствование механизма воздействия на эти процессы.

Исключительно важное, направляющее значение имели указания партии о всемерном укреплении законности

[1] См. И. Д. Левин, Суверенитет, Юриздат, 1948; В. А. Дорогин, Суверенитет в советском государственном праве, изд-во АОН, 1948; Н. П. Фарберов, О суверенитете союзных республик, 1946 и др.

в стране как необходимом условии успешного общественного развития, а также выводы о необходимости дальнейшего совершенствования советского законодательства и расширения прав союзных республик в области правотворческой деятельности. Огромное значение имеет для развития теории государства и права принятая XXII съездом партии Программа КПСС.

В Программе выдвинута и обоснована идея общенародного государства, которое является новой ступенью развития Советского социалистического государства. Общенародное государство представляет собой орган, выражающий интересы и волю всего народа, оно является прямым преемником диктатуры пролетариата. В Программе содержится принципиальное решение вопроса о дальнейшей судьбе социалистической государственности, которая по мере расширения и углубления социалистической демократии будет постепенно преобразовываться в коммунистическое общественное самоуправление, объединяющее Советы и массовые организации трудящихся. Этот процесс, указывается в Программе, приведет к замене норм социалистического права системой норм коммунистического общежития.

Программа уделила большое внимание дальнейшему укреплению социалистического правопорядка, совершенствованию правовых норм, отметила, что переход к коммунизму означает всемерное развитие свободы личности и прав советских граждан.

Обогатив марксизм-ленинизм новыми, чрезвычайно важными положениями, партия своими решениями, принятыми на XX, XXI и XXII съездах, создала необходимые условия для действительного творческого развития всех наук, призвала представителей всех общественных наук решительно отказаться от начетничества и догматизма, глубже изучать происходящие в общественной жизни процессы, смело выдвигать новые, диктуемые жизнью вопросы и творчески разрешать их.

После XX съезда КПСС в нашей стране вышло значительное количество книг, брошюр и сборников статей, посвященных вопросам теории государства и права. Весьма примечательным является также и то обстоятельство, что теоретическая литература появилась в ряде союзных республик, например, таких, как Украинская, Узбекская, Казахская, Грузинская, Белорусская, Таджикская, что

свидетельствует, с одной стороны, о расширении самого фронта исследований, большем разнообразии тематики этих исследований, шире учитывающих национальный опыт государственного и правового строительства советского многонационального государства, а с другой стороны, — о росте научных кадров в союзных республиках.

Большое внимание советские ученые-юристы уделяют созданию учебных пособий и учебников по теории государства и права, трактующих проблемы этой науки на основе марксистско-ленинского учения, с учетом современной государственно-правовой практики в странах социализма, а также новейших изменений в политической и юридической надстройке капиталистического общества, с учетом сложной и напряженной идеологической борьбы, которая ведется в настоящее время в мире по вопросам государства и права [1]. Разработка вопросов общей теории государства и права осуществляется Институтом государства и права АН СССР, Всесоюзным институтом советского законодательства, институтами (секторами, отделами) Академий наук союзных республик, соответствующими кафедрами государственных университетов и юридических институтов.

Самой крупной теоретической проблемой современного этапа развития общей теории государства и права является проблема общенародного социалистического государства. В советской юридической литературе последнего времени много внимания уделяется раскрытию самой сущности этого государства [2].

---

[1] См. «Основы теории государства и права», Госюриздат, 1960; «Общая теория государства и права», изд-во ЛГУ, 1961; «Теория государства и права», изд-во АН СССР, 1962; «Основы теории государства и права», Госюриздат, 1963; «Теория государства и права», «Юридическая литература», 1965; «Общая теория советского права», «Юридическая литература», 1966; С. С. Алексеев, Общая теория социалистического права (курс лекций), Свердловск, 1963—1966; «Теория государства и права», изд-во МГУ, 1967; «Общая теория государства и права», т. 1, изд-во ЛГУ, 1968; «Теория государства и права», «Юридическая литература», 1968.

[2] См. «Государство и коммунизм» (сборник статей), Госюриздат, 1962; «Демократия и коммунизм» (сборник статей), Госюриздат, 1962; А. И. Лукьянов, Б. М. Лазарев, Советское государство и общественные организации, Госюриздат, 1960; И. В. Черноголовкин, Функции советского государства в период развернутого строительства коммунизма, Госюриздат, 1960;

Эти труды несомненно играют положительную роль в развитии теории общенародного социалистического государства. Их авторы исследуют перспективы развития форм и институтов социалистической демократии, повышения роли Советов депутатов трудящихся вообще и роли местных Советов в частности.

Вместе с тем при рассмотрении вопроса о сущности социалистического общенародного государства и путях его дальнейшего развития были допущены и некоторые ошибки. В отдельных теоретических работах допускалось явное забегание вперед, в некоторых из них давались непродуманные рекомендации. Иногда неправильно оценивались перспективы дальнейшего развития социалистической государственности; делались поспешные, не подкрепленные данными объективной действительности выводы (например, о все нарастающем уже в настоящее время процессе передачи функций государства различным негосударственным общественным организациям); проявлялась недооценка роли принуждения со стороны государства. Отдельные авторы предлагали даже упразднить низовые органы государственной власти, такие, как сельские Советы, и передать все их функции хозяйственным организациям — колхозам [1]. В некоторых работах был сделан чрезмерный акцент на отмирание советского государства и права уже в современных условиях вместо разработки путей и методов укрепления и совершенствования государственного аппарата.

В литературе, посвященной общим вопросам государства и права, имело место необоснованное восхваление проводившихся до 1964 года перестроек государственного аппарата, нарушавших существующие научно обоснованные принципы его построения, и т. п. В ряде работ отсутствовал необходимый анализ методов правового регулирования хозяйства в связи с экономическими закономерностями его развития.

Ф. М. Бурлацкий, Государство и коммунизм, Госюриздат, 1960; А. П. Косицын. Государство всего народа («Советская Россия», 1963); «Советская социалистическая демократия», «Наука», 1964; Ц. А. Ямпольская. Общественные организации и развитие социалистической государственности, «Юридическая литература», 1965, и др.

[1] См., например, Л. Карапетян, В. Разин, Советы общенародного государства, Политиздат, 1964, стр. 158.

Неоценимое значение для дальнейшего развития всех общественных наук в СССР, в том числе и правовых, имели октябрьский (1964) Пленум ЦК КПСС и особенно XXIII съезд КПСС. Съезд подчеркнул огромную роль, которую призвана выполнять научная теория в жизни социалистического общества, указал на необходимость широкого применения современных научных методов исследования окружающей действительности, на то, что социологические исследования, основанные на материалистическом понимании истории и обобщающие конкретные факты жизни социалистического общества, должны играть все большую роль в решении практических вопросов — политических, производственных, воспитательных. Эти положения имеют самое прямое и непосредственное отношение как к правовой науке вообще, так и к теории государства и права в частности. Дальнейшая разработка проблем государства и права в последние годы заметно усилила интерес юристов к вопросам совершенствования и укрепления государства, его разветвленного механизма, приспособленного для руководства политической, хозяйственной и культурной жизнью общества, к исследованию общих проблем и в особенности сущности права [1], взаимоотношения государства и права [2], правового регулирования общественных отношений в социалистическом обществе [3].

Необходимость дальнейшего всемерного укрепления социалистического правопорядка в стране обусловила появление довольно большого количества работ, посвященных вопросам теории социалистической законности. Юридической наукой развивается дальше ленинское учение

---

[1] См. Б. В. Шейндлин, Сущность советского права, изд-во ЛГУ, 1959; О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский, Вопросы теории права, Госюриздат, 1961; А. А. Пионтковский, К вопросу об изучении общенародного права («Советское государство и право» 1962 г. № 11); Д. А. Керимов, Свобода, право и законность в социалистическом обществе, Госюриздат, 1960; Л. С. Явич, Право и коммунизм, Госюриздат, 1962; «Общая теория советского права», «Юридическая литература», 1966; «Вопросы теории советского права», «Юридическая литература», 1965, и др.

[2] См. М. А. Аржанов, Государство и право в их соотношении, изд-во АН СССР, 1960.

[3] См. Л. С. Явич, Проблемы правового регулирования советских общественных отношений, Госюриздат, 1961; С. С. Алексеев, Механизм правового регулирования в социалистическом государстве, «Юридическая литература», 1966, и др.

о социалистической законности, выясняется само понимание законности и ее роли в осуществлении коммунистического строительства, критикуются допускавшиеся ранее ошибки по теоретическим вопросам законности, выявляются новые черты, свойственные социалистической законности на современном этапе, и, что очень важно, обосновывается необходимость гарантий соблюдения законности [1].

Интересы дальнейшего укрепления законности в стране и обеспечения прав граждан нашли отражение в постановке и решении теоретических вопросов относительно сущности и содержания социалистических правоотношений и субъективных прав граждан. Эти вопросы были подвергнуты развернутому дискуссионному обсуждению в юридической литературе [2].

Большое внимание уделялось вопросам, связанным с дальнейшим развитием системы советского социалистического права [3]. В 1956—1958 гг. на страницах ряда юридических журналов и прежде всего журнала «Советское государство и право» была проведена развернутая дискуссия о системе советского права, в ходе которой подвергнуты обсуждению как само учение о системе советского права (понимание самой системы, проверка критериев

---

[1] См. Д. А. Керимов, Обеспечение законности в СССР, Госюриздат, 1956; В. М. Чхиквадзе, Вопросы социалистического права и законности в трудах В. И. Ленина, Госюриздат, 1960; И. С. Самощенко, Охрана режима законности советским государством, Госюриздат. 1960; Н. Г. Александров, Право и законность в период развернутого строительства коммунизма, Госюриздат, 1961; «Правовые гарантии законности в СССР», изд-во АН СССР, 1962; М. С. Строгович, Основные вопросы советской социалистической законности, «Наука», 1966, и др.

[2] См. Н. Г. Александров, Законность и правоотношения в советском обществе; С. Ф. Кечекьян. Правоотношения в социалистическом обществе, изд-во АН СССР, 1958; А. А. Пионтковский. К вопросу о взаимоотношении объективного и субъективного права («Советское государство и право» 1958 г. № 5); Ц. А. Ямпольская, О субъективных правах советских граждан и их гарантиях («Вопросы советского государственного права», изд-во АН СССР, 1959); Е. А. Флейшиц, Соотношение правоспособности и субъективных прав («Вопросы общей теории советского права», Госюриздат, 1960); А. В. Мицкевич, Субъекты советского права, Госюриздат, 1962; «Общая теория советского права», «Юридическая литература», 1966, и др.

[3] См. С. С. Алексеев, Общие теоретические проблемы системы советского права, Госюриздат, 1961; А. Ф. Шебанов, Система советского социалистического права, изд-во МГУ, 1961, и др.

деления права на соответствующие отрасли и др.), так и общие вопросы сферы регулирования отдельных отраслей советского права.

Острую полемику вызвал вопрос о целесообразности выделения хозяйственного права как самостоятельной отрасли советского права. Этот вопрос остается спорным. Вместе с тем в постановлении ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию юридической науки и улучшению юридического образования в стране» предложено включить в учебные планы юридических вузов новую учебную дисциплину — хозяйственное право.

Интересы борьбы с преступностью вплоть до полного ее искоренения в условиях строительства коммунистического общества, а также интересы перевоспитания лиц, совершивших преступные правонарушения, потребовали выделения и некоторых новых отраслей права и правовой науки. Произошло выделение в самостоятельную отрасль права исправительно-трудового права и в самостоятельную отрасль правовой науки — криминологии, имеющей своей основной задачей изучение причин и выработку мер предупреждения преступности.

Развернувшаяся в стране большая работа по кодификации советского законодательства потребовала разрешения многих общих теоретических вопросов, таких, например, как соотношение общесоюзного и республиканского законодательства, пределы кодификационного регулирования тех или иных общественных отношений, формы кодификации и особенности этих форм для отдельных отраслей права и многие другие. Нужно было решение и теоретических вопросов кодификации применительно к отдельным отраслям советского права.

Появляется ряд теоретических работ, посвященных этой актуальной проблеме[1]. Некоторые положения, из-

---

[1] Например, «Теоретические вопросы систематизации советского законодательства», Госюриздат, 1962; Д. А. Керимов, Кодификация и законодательная техника, Госюриздат, 1962; Ф. И. Калиныч е в, Советское законодательство в период строительства коммунизма, «Мысль», 1966; А. А. Упаков, Очерки советской законодательной стилистики, Пермь, 1967; А. В. Мицкевич, Акты высших органов Советского государства. Юридическая природа нормативных актов высших органов государственной власти и управления СССР, «Юридическая литература», 1967; А. С. Пиголкин, Подготовка проектов нормативных актов (организация и методика), «Юридическая литература», 1968, и др.

ложенные в этих работах, были использованы, а в ряде случаев даже легли в основу принятых в нашей стране кодексов, таких, например, как уголовные, уголовно-процессуальные кодексы.

Здесь затронуты лишь те общетеоретические вопросы, которые разрабатывались в советской правовой науке за последние годы и которые имели непосредственное значение для практики правового строительства в СССР. Этим, однако, далеко не исчерпывается вся общетеоретическая проблематика, разрабатываемая советскими учеными-юристами за последние годы.

Теория государства и права и международный опыт борьбы за социализм и демократию

Важнейшим направлением исследований в советской науке государства и права является изучение и обобщение государственной и правовой практики зарубежных социалистических стран, опыта международного рабочего движения за социализм и демократию, практики государственного строительства в странах, освободившихся от колониальной зависимости, а также изучение новейших тенденций в развитии буржуазного государства и права.

Большой теоретический материал по этим вопросам содержится в решениях коммунистических и рабочих партий, каждая из которых работает и борется в своеобразных национальных условиях. Это, конечно, отражается на программах партий и позициях, которые они занимают в отношении государства и права. Вместе с тем в политико-правовой сфере имеются закономерности, общие для всех стран или для той или иной группы.

Происходившие в последние годы совещания коммунистических и рабочих партий обогатили марксистско-ленинское учение о государстве и праве рядом новых положений, имеющих принципиальное значение для теории государства и права.

Марксистско-ленинская теория революции и диктатуры пролетариата была развита с учетом современных условий борьбы за демократию и социализм в Декларации совещания представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран (1957 г.). В ней подчеркивалось, что проведение пролетарской революции и установление в той или иной форме диктатуры пролетариата является общей закономерностью для всех стран, осуществляющих переход к социализму. Это предполагает обязательное ру-

ководство трудящимися массами со стороны рабочего класса, союз рабочего класса и крестьянства, руководство марксистско-ленинской партии строительством социализма и т. д. Декларация указала на возможность при наличии благоприятных факторов в современных условиях завоевать государственную власть мирным путем, без вооруженного восстания и гражданской войны. Однако в случае ожесточенного сопротивления эксплуататоров для установления своей политической власти пролетариат использует немирный путь, связанный с применением средств вооруженной борьбы. Идея о многообразии форм перехода различных стран от капитализма к социализму (мирные и немирные) развивалась также в Заявлении совещания представителей коммунистических и рабочих партий в Москве (1960 г.).

Глубокий теоретический анализ современных условий борьбы против империализма содержится в материалах международного Совещания коммунистических и рабочих партий, состоявшегося в июне 1969 года в Москве. В Итоговом документе этого Совещания «Задачи борьбы против империализма на современном этапе и единство действий коммунистических и рабочих партий, всех антиимпериалистических сил» подчеркнуто, что магистральный путь развития человечества ныне определяют мировая социалистическая система, международный рабочий класс, все революционные силы. Совещание отметило усиливающуюся агрессивность империализма, активное использование им государственно-правовых средств против рабочего движения. Будучи бессильным уничтожить это движение, империализм попирает демократические права и свободы, применяет открытое насилие, жестокие методы полицейских преследований.

В документах международного коммунистического и рабочего движения сформулированы принципы отношений между социалистическими странами. Большое внимание этим проблемам было уделено на Московском международном Совещании коммунистических и рабочих партий в июне 1969 года. Строительство социализма и его дальнейшее совершенствование, говорится в Итоговом документе этого Совещания, зиждутся на поддержке, участии и инициативе широчайших народных масс, вдохновляемых и руководимых рабочим классом. «Одна из важнейших задач коммунистических и рабочих партий стран социа-

лизма — развитие всестороннего сотрудничества между этими странами и обеспечение новых успехов на решающих направлениях экономического соревнования двух систем, в прогрессе науки и техники»[1].

После второй мировой войны в ряде стран Европы и Азии возник режим народно-демократической власти, позднее победила народная революция на Кубе; появились новые государства социалистического типа и соответствующие системы права.

Опыт государственно-правового строительства в других социалистических странах послужил богатым материалом для советских исследователей государства и права как в смысле обобщения этого опыта в целях совершенствования государственно-правового строительства, так и в целях дальнейшего творческого развития самой теории государства и права.

В этих странах развивается юридическая наука, проникнутая принципами социализма и демократии, выросли многочисленные кадры талантливых государствоведов и правоведов, которые своими трудами не только способствуют укреплению законности в своих странах, но и вносят огромный вклад в дело дальнейшего развития общих теоретических положений о социалистическом государстве и праве.

В связи с этим значительно расширился фронт исследований по теории социалистического государства и права. Ученые-юристы стран социализма в последние годы добились значительных успехов в изучении общих закономерностей государственно-правового развития социалистических стран, а также особенностей проявления этих закономерностей в условиях того или иного государства. Глубокие и актуальные исследования по вопросам теории социалистического государства и права появились в Болгарии, Венгрии, ГДР, Польше, Румынии, Чехословакии и других социалистических странах. Для творческого решения ряда научных проблем в области юриспруденции очень важное значение имеют плодотворно развивающиеся связи правоведов СССР с учеными других социалистических стран.

---

[1] «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы», Политиздат, 1969, стр. 304.

Совершенно новой проблематикой является разработка теоретических вопросов государственно-правового строительства в странах, освободившихся от колониальной зависимости. Образование новых государств в Азии и Африке, вставший перед ними выбор между социалистическим и капиталистическим путями, происходящая в связи с этим борьба обусловили необходимость изучения процессов становления новой государственности и правовых систем в развивающихся странах. Учеными-юристами СССР был выполнен ряд исследований на эту тему как по отдельным из освободившихся стран, так и путем обобщения материалов по нескольким странам [1].

За последние годы в советской науке активизировалось изучение государства и права современных буржуазных стран в плане разоблачения их антинародной сущности. Появились крупные работы, в которых подвергаются критическому анализу новейшее законодательство и правовые теории современных империалистических стран, раскрывается эксплуататорская сущность ряда новых институтов империалистического государства и права [2]. Эти работы вносят вклад в марксистско-ленинское учение о буржуазном государстве и праве, творчески развивая его.

Таким образом, как мы видим, за последние годы были выполнены весьма крупные, имеющие исключительно актуальное значение исследования по общим вопросам государства и права.

---

[1] См. работы Л. М. Энтина, Ю. А. Юдина, В. Е. Чиркина, С. Л. Зивса.

[2] См. И. Д. Левин, Современная буржуазная наука государственного права, изд-во АН СССР, 1960; В. А. Туманов, Критика современной буржуазной теории права, Госюриздат, 1957; С. Л. Зивс, Развитие формы права в современных империалистических государствах, Госюриздат, 1960; О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский, Критика современных буржуазных теорий права, Л., 1960; «Антикоммунизм — идейно-политическое орудие империализма. Критика современного антикоммунизма в вопросах государства и права», «Международные отношения», 1964; П. И. Гришаев, Критика буржуазной правовой идеологии, «Юридическая литература», 1964; В. Е. Гулиев, Империалистическое государство (очерк критики буржуазных теорий), изд-во МГУ, 1965; О. Ф. Иваненко, Правовая идеология американской буржуазии, Казань, 1966; «Современные буржуазные учения о капиталистическом государстве. Критические очерки», «Наука», 1967, и др.

Задачи исследований по теории государства и права

Годы после XXIII съезда КПСС характеризуются дальнейшей активизацией государственно-правовой теоретической мысли в нашей стране. Важными стимулами творческой активности ученых явились партийные документы, посвященные 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции, 150-летию со дня рождения К. Маркса, 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Как указывалось в постановлении ЦК КПСС «О подготовке к 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина», перед общественными науками стоит задача «сосредоточить усилия на разработке актуальных вопросов марксистско-ленинской теории — экономических проблем строительства коммунизма, развития и укрепления социалистической демократии, коммунистического воспитания, на теоретическом обобщении процессов революционного освободительного движения и всего мирового развития»[1]. Поэтому в проблематике исследований ученых-юристов значительное место, как и прежде, занимают вопросы развития социалистической демократии и государственности[2]. Расширились исследования по вопросам сущности права и правового регулирования[3]. Большое внимание в последние годы советские ученые-юристы уделяли подготовке учебников и учебных

---

[1] «О подготовке к 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Постановление ЦК КПСС», стр. 26.

[2] См. «Октябрь и социалистическое государство», «Юридическая литература», 1967; «К. Маркс о государстве и праве», «Юридическая литература», 1968; «Политическая организация советского общества», «Наука», 1967; В. М. Чхиквадзе, Государство, демократия, законность. Ленинские идеи и современность, «Юридическая литература», 1967; А. И. Денисов, Советское государство. Возникновение, развитие, сущность и функции, изд-во МГУ, 1967; В. С. Петров, Тип и формы государства, изд-во ЛГУ, 1967; Ю. А. Тихомиров, Власть и управление в социалистическом обществе, «Юридическая литература», 1968; В. В. Копейчиков, Механизм Советского государства, «Юридическая литература», 1968; «Проблемы социалистического государства и права в современный период (некоторые теоретические вопросы)», «Наука», 1969; «В. И. Ленин о социалистическом государстве и праве», «Наука», 1970; «Роль В. И. Ленина в становлении и развитии советского законодательства», «Юридическая литература», 1969, «Ленинское учение о диктатуре пролетариата», «Наука», 1970.

[3] См. «Право и коммунизм», «Юридическая литература», 1965; С. С. Алексеев, Механизм правового регулирования в социа-

пособий по теории государства и права. Серьезные исследования появились в эти годы в союзных республиках, в областных научных центрах страны [1].

Разумеется, что положительная в целом оценка состояния советской правовой науки не означает, что в ней нет недостатков. Принципиальная оценка состояния правовой науки в целом, содержащая наряду с указанием на ее достижения также анализ недостатков, дана в постановлении ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию юридической науки и улучшению юридического образования в стране», принятом в 1964 году. В этом постановлении была намечена программа дальнейшего развития правовой теории.

Задачи дальнейшего развития юридических исследований в нашей стране определены принятым в 1967 году постановлением ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» [2]. Перед юридической наукой стоит в первую очередь задача исследования актуальных проблем государственного строительства, в особенности развития социалистической демократии, разработка вопросов организации и деятельности Советов депутатов трудящихся, создание научных основ государственного управления, а также правового регулирования хозяйственной жизни и общественных отношений. Юридическая наука должна обеспечить разработку мер по предотвращению и ликвидации преступности и других правонарушений, укреплению законности и правопорядка в стране. Важней-

---

листическом государстве; А. Ф. Шебанов, Форма советского права, «Юридическая литература», 1968; А. А. Тилле, Время, пространство, закон, «Юридическая литература», 1968, и др.

[1] См. «Политическая организация общества», Киев, 1967 (укр. язык); В. Д. Бабкин, Кризис буржуазной теории государства и права, Киев, 1968 (укр. язык); В. Д. Бабкин, Е. Т. Федоренко, Е. А. Якуба, Советское право и коммунистическая мораль, Киев, 1968 (укр. язык); Г. З. Инцкирвели, Теория государства и права, Тбилиси, 1967 (груз. язык); М. Т. Товманесян, Правовая защита чести и достоинства личности в СССР, Ереван, 1968 (арм. язык); Ю. Булавас, Формы и режимы буржуазных государств, Вильнюс, 1968 (литов. язык); С. Раджабов, Л. С. Явич, Теория государства и права, Душанбе, 1969; Н. И. Матузов, Субъективные права граждан СССР, Саратов, 1967; И. Ф. Рябко, Правосознание и правовое воспитание масс, Ростов-на-Дону, 1969, и др.

[2] «Коммунист» 1967 г. № 13, стр. 3—13.

шей задачей является подготовка научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию советского законодательства. Советские ученые-юристы, говорится в постановлении, должны уделять серьезное внимание изучению опыта государственно-правового строительства в зарубежных социалистических странах, исследованию государственного строя развивающихся стран, разоблачению реакционной сущности современного империалистического государства и права, изучению международноправовых проблем.

В общетеоретическом плане следует продолжать разработку проблем методологии юридической науки. Известные достижения, уже имеющиеся в этой области, отнюдь не означают, что данная проблематика уже исчерпана. Особенно важно углубленное исследование перспектив применения в нашей науке методов кибернетики, конкретного социологического исследования, привлечение данных таких наук, как психология, управленческая наука и др. Понятно, что не менее важно дальнейшее «философское оснащение» государственно-правовой науки. Последняя должна также внести свой вклад в совершенствование системы общественных наук.

Указанная проблематика включает в себя широкий круг вопросов теории государства и права (предмет последней заметно расширяется), решение которых будет всемерно способствовать дальнейшему росту силы и могущества Советского государства, повышению эффективности правового регулирования во всех областях общественной жизни и в конечном итоге — успешному строительству коммунистического общества в нашей стране, прогрессу всей социалистической системы государств.

Глава пятая

ПОНЯТИЕ ГОСУДАРСТВА

§ 1. Признаки государства. § 2. Сущность государства и его определение. § 3. Функции государства. § 4. Понятие типа и формы государства.

§ 1. ПРИЗНАКИ ГОСУДАРСТВА

Государство — сложное и многогранное общественное явление. Его понятие складывается из ряда структурных моментов (сторон), которые выявляются на основе общеметодологического марксистского положения, устанавливающего, что государственно-правовые институты не могут быть поняты из самих себя, ибо коренятся в материальных условиях жизни общества. Такой подход прежде всего позволяет установить, что государство возникает в результате раскола общества на классы, обусловленного достигнутым уровнем развития его производительных сил и соответствующих им производственных отношений. Вместе с тем классовое общество не может обойтись без государства, регулирующего общественные отношения и выступающего как его «официальный» представитель.

Возникнув как продукт общества, государство является по отношению к нему управляющей системой.

Такой вывод отметает отождествление государства и общества (которое имело и имеет место в буржуазной науке), но, безусловно, требует дальнейшей конкретизации. Чтобы раскрыть понятие государства, необходимо установить: а) основные признаки, отличающие государственную организацию общества от той, которая ей предшествовала в условиях первобытнообщинного строя, а также ее отличие от других политических организаций,

функционирующих в классовом обществе; б) те экономические корни, которые вызвали государство к жизни, обусловливают его существование и определяют классовую природу государства и его социальное назначение (сущность государства); в) основные цели и задачи, воплощенные в функциях государства. Требуется также рассмотреть типы и формы государства.

Признаки, отличающие государственную организацию от родовой организации древнего общества (первобытно-общинного строя), как известно, рассмотрены Ф. Энгельсом в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Поскольку совокупность этих признаков характеризует наиболее общие черты отличия государства от любой другой общественной организации, постольку они имеют первостепенное значение не только для характеристики государственности, возникающей на обломках родового строя, но и при выявлении понятия государства вообще [1].

Публичная политическая власть

Основным признаком государственной организации общества, отличающим ее от родового устройства, является учреждение такой публичной власти, которая непосредственно с населением уже не совпадает.

Жизнь родового строя также регулировалась публичной, общественной властью. Именно она сосредоточивала силы всех членов первобытного общества для достижения единых целей. Но здесь мы не видим еще особого слоя людей, которые выделяются из общества для того, чтобы управлять, и только для того, чтобы управлять.

Возникновение частной собственности на основные средства производства, обусловившее раскол общества на антагонистические классы, привело к тому, что функции управления общественными делами, преломляемые через призму узкоклассовых интересов, переходят к привилегированной касте управителей, которую господствующий класс выделяет из собственной среды. Однако выделение

---

[1] Признаки государства, отличающие его от родовой организации, подробно, с привлечением необходимых исторических фактов, установленных и новейшими исследованиями, изложены во II томе курса в главе, посвященной происхождению государства и права. Здесь этого вопроса мы касаемся лишь в той мере, в какой это необходимо для выявления общего понятия государства.

общественного слоя управителей само по себе еще не является свидетельством трансформации общественной власти в государственную публичную власть. Для того чтобы осуществлять политическую власть в собственном смысле слова, профессиональное сословие управителей должно консолидироваться в рамках государственных учреждений, организуемых таким образом, чтобы сделать возможным систематическое применение принуждения. Государство, писал К. Маркс, «в силу разделения труда образует свой собственный, обособленный от общества организм...» [1], а «...*существование* государственной власти находит свое выражение именно в ее *чиновниках*, армии, администрации, судьях. Если отвлечься от этого ее физического воплощения, она представляет собой лишь тень, воображение, простое название» [2]. Среди государственных учреждений решающая роль в осуществлении прямого принуждения принадлежит отрядам вооруженных людей (армии, полиции, жандармерии), тюрьмам и т. п.

Воплощенная в государственном механизме [3] публичная власть выступает как политическая власть, превращается в комитет, заведующий общими делами экономически господствующего класса. Отныне ее носителем и субъектом является не все общество в целом, а лишь класс (классы) собственников основных средств производства.

Государственная власть отличается от общественной власти родового строя не только предметно-материальными, системно-структурными чертами, но и функциональными особенностями [4]. Главная особенность заключается в том, что если общественная власть родовой организации

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 29.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 6, стр. 287.

[3] Системно-структурное рассмотрение аппарата публичной государственной власти содержится в следующей главе, посвященной механизму государства.

[4] В содержательной статье А. И. Королева и А. Е. Мушкина «Государство и власть» — одной из первых советских юридических работ, специально посвященных проблеме соотношения понятия государства и понятия власти, содержится утверждение, которое требует уточнения. Авторы статьи пишут, что «власть как явление общественной жизни не является чем-то предметно-материальным, а представляет собой определенную социальную функцию» («Правоведение» 1963 г. № 2, стр. 18). Но ведь любая разновидность общественной власти немыслима вне материальных орудий ее воплощения. Другое дело, что государственная

действовала в одном направлении и в основном сводилась к управлению общественными делами (всякая власть в широком смысле слова есть управление), то государственная власть, пришедшая ей на смену, отличается двойственной природой осуществляемых ею функций. Продолжая выполнять общественные дела, которые и в классовом обществе отнюдь не исчезают, она вместе с тем призвана удерживать в узде классовых противников, подавлять их сопротивление. В. И. Ленин эту сторону деятельности государственной власти характеризовал «как *особые* функции особого слоя людей»[1]. Такой характер функционирования государственной власти предопределяет специфику способов ее осуществления.

Выше уже отмечалось, что власть в широком ее понимании есть управление, но не всякое управление носит властный характер. Для того чтобы выступать как власть, оно должно обладать возможностью применения принуждения, обеспечивающего обязательность исполнения властных велений.

Характеризуя родовую организацию, Ф. Энгельс указывал, что у нее «не было никаких других средств принуждения, кроме общественного мнения»[2]. Здесь принуждение, особенно физическое, применяется крайне редко и как чрезвычайная мера, и нет необходимости в особом аппарате принуждения. Иное дело, государственная власть, которая систематически применяет различные формы экономического, идеологического и физического

власть может и должна рассматриваться в различных ракурсах, а не только в аспекте ее предметного воплощения (аппарата власти).

О понятии государственной власти см. Л. С. Мамут, К. Маркс о государстве как политической организации общества («Вопросы философии» 1968 г. № 7); Л. И. Каск, О признаках государства («Правоведение» 1963 г. № 1); Н. М. Кейзеров, О соотношении понятий «социальная» и «политическая» власть («Вестник ЛГУ» 1966 г. № 5); А. К. Белых, Политическая организация общества и социалистическое управление, изд-во ЛГУ, 1967, стр. 61—70; В. С. Петров, Тип и формы государства, изд-во ЛГУ, 1967, стр. 7—18. В указанных работах предпринимается плодотворная попытка выйти за ставшие одно время традиционными рамки однозначной характеристики государственной власти, но в них содержится ряд спорных положений, которые не разделяются большинством советских юристов.

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 33, стр. 50.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 168.

принуждения и создает для этой цели специальный аппарат.

Властные веления обеспечиваются не только принуждением, но и убеждением. Но если в условиях родовой организации авторитет общественной власти основывается на убеждении, то государственная власть в классово антагонистическом обществе вынуждена в принципе опираться на авторитет силы, т. е. принуждение, осуществляемое специальным аппаратом. Обращенная своим острием против классовых противников, убеждение она в основном применяет к элите общества, хотя, разумеется, не исключает различные формы принуждения и по отношению к отдельным лицам, организациям, входящим в господствующий класс, поскольку их деятельность вступает в противоречие с его общими интересами [1].

Административно-территориальная организация населения

Другая существенная черта, отличающая государственную организацию от родовой, заключается в разделении населения по административно-территориальным единицам и осуществлении публичной власти по территориальному признаку.

Это, во-первых, приводит к тому, что территориальное деление населения, начавшееся в процессе общественного разделения труда, превращается в административно-территориальное. В этой связи возникает новый общественный институт — гражданство или подданство.

Во-вторых, осуществление публичной власти по территориальному принципу ведет к установлению ее пространственных пределов.

В-третьих, начинает складываться территориальная дислокация аппарата публичной власти, выражающаяся в возникновении не только центральных, но и местных ее органов.

---

[1] В советской специальной литературе справедливо отмечается, что разграничение понятий «принуждение» и «убеждение» в юридической науке достаточной разработки пока еще не получило (А. И. Королев, А. Е. Мушкин, указ. статья). Авторы полагают, что «преобразование воли властвующего в волю подвластного — это и есть убеждение, а подчинение воли последнего для осуществления воли властвующего — принуждение». Рассмотрение социально-психологического аспекта публичной власти во взаимоотношении с другими ее сторонами обогащает общее понятие этого общественного явления и тем самым представляет несомненный интерес.

Распространение государственной власти по территориальному принципу характеризует не только возникновение государственной организации, но и начало процесса складывания отдельных стран.

Страна, в современном понимании этого термина, как и государственная организация, исторически преходяща. Доклассовое общество не знало подразделения на отдельные страны. Роды и племена, закрепляясь на определенной территории, даже устанавливая границы своего землепользования, охотничьих угодий и мест для рыбной ловли, тем самым еще не консолидировались в рамках отдельной страны. Для этого необходимы не только территория, очерченная четкими границами, не только население, проживающее на данной территории, но и распространение публичной власти на жителей данной территории, по административному принципу. Возникнув в процессе образования государственной организации, страна исчезнет на высших этапах развития человеческого общества, в условиях победы полного коммунизма в масштабе всей земли, когда государственные границы (предел распространения данной государственной власти) утратят всякий смысл.

Многие буржуазные ученые, стремясь затушевать истинную природу государства, его социальные цели и задачи, подметив объективные признаки, которые характеризуют страну (и в известном смысле могут рассматриваться как ее элементы — публичную власть, население, территорию), пытаются поставить знак равенства между страной и государством, подменить исследование его политической сущности анализом географических, этнографических и других внеклассовых проблем [1].

Выступая против смешения структурных элементов, из которых складывается понятие «страна» и понятие

---

[1] См., например, Н. М. Коркунов, Лекции по общей теории права, СПб., 1914, стр. 217.

Аналогично решают этот вопрос представители классического зарубежного буржуазного государствоведения: Эсмен, Орлу, Бертелеми, Лабанд, Еллинек, Орландо.

Известный буржуазный государствовед Леон Дюги различает следующие четыре элемента государства: 1) совокупность человеческих индивидов, 2) определенная территория, 3) суверенная власть, 4) правительство (Леон Дюги, Конституционное право. Общая теория государства, М., 1908, стр. 100—101).

«государство», марксизм-ленинизм вместе в тем исходит из того, что если такой признак, как публичная политическая власть, «высвечивает» специфику государства с точки зрения его классовой сущности, то распространение публичной власти по территориальному принципу характеризует государство как специфическую форму организации населения в условиях классового общества. Но и в этом аспекте государство — не простое арифметическое слагаемое, состоящее из земляков, выразивших согласие быть членами единой государственной организации, а результат связанности граждан политической публичной властью. Значит, и во втором аспекте государство в отличие от страны выступает в качестве классовой политической организации. Устанавливая этот факт, уже в «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «Так как государство есть та форма, в которой индивиды, принадлежащие к господствующему классу, осуществляют свои общие интересы и в которой все гражданское общество данной эпохи находит свое сосредоточение, — то из этого следует, что все общие установления опосредствуются государством, получают политическую форму»[1].

Налоги и займы

К числу признаков, отличающих государственную организацию от родовой, относятся также налоги и займы.

Древнее общество, основанное на началах первобытного коммунизма, не знало налогов и других поборов с населения, которые становятся возможными лишь в условиях возникновения частной собственности. Родовая организация и не нуждалась в этих институтах, так как не располагала аппаратом управления и прямого принуждения, который, не занимаясь производительным трудом, в эксплуататорском обществе становится «иждивенцем», превращается в «паразитический нарост».

Налоги, учрежденные государством, — это побор с населения, взыскиваемый в принудительном порядке, с заранее установленными (как правило) размерами и сроками поступления. Рассматривая вопрос о налогах в зрелом классовом обществе, К. Маркс писал: «В налогах воплощено экономически выраженное существование государства. Чиновники и попы, солдаты и балетные танцовщицы,

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 63.

школьные учителя и полицейские, греческие музеи и готические башни, цивильный лист и табель о рангах, — все эти сказочные создания в зародыше покоятся в одном общем семени — в *налогах*»[1]. Сказанное относится и к внутренним и к внешним займам.

Таким образом, налоги и другие поборы с населения нельзя рассматривать только как средство, обеспечивающее содержание государственного аппарата. Их роль и значение выходят за рамки этой далеко не единственной цели. Именно поэтому налоги, займы можно и следует рассматривать как самостоятельный признак государства, который другими его признаками не поглощается.

Право как признак государства

Важнейшим рычагом для достижения целей, стоящих перед государством, является право — непременный признак каждого государства. Право присуще именно государству. В безгосударственном обществе права не было и не будет. Без права, без законов и других юридических актов государство обойтись не может. «...воля, если она государственная, должна быть выражена как *закон*, установленный *властью*»[2], — писал В. И. Ленин.

О сущности права и его взаимосвязи с государством речь будет идти в других разделах курса. Здесь же кратко отметим, что стоящая перед государством задача сохранения и упрочения данных производственных отношений с объективной необходимостью требует определенной нормативной регламентации тех волевых, сознательных отношений людей, в которых опосредствуются эти производственные отношения.

Ф. Энгельс в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» прямо не указывает на право как на один из признаков государства. Однако весь ход его последующих исследований так же, как и рассмотрение этого вопроса К. Марксом и В. И. Лениным, закономерно приводит к этому выводу[3].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 308—309.

[2] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 32, стр. 340.

[3] Указание на право как один из основных признаков государства содержится в ряде работ советских юристов. См., например, «Теория государства и права», 1962, стр. 60; В. С. Петров, Тип и формы государства, стр. 9.

Государственный суверенитет

Государство — ведущая, но не единственная политическая организация классового общества.

Во взаимодействии государства с другими частями политической надстройки выявляются такие его качественные черты, которые лишь при сопоставлении с родовой организацией установлены быть не могут.

Государственную власть отличает суверенность, обычно определяемая как ее свойство (атрибут), заключающееся в верховенстве власти государства внутри страны и независимости ее вовне (в пределах соблюдения суверенных прав других государств и общепризнанных норм международного права) [1].

Единство двух сторон государственного суверенитета отнюдь не исключает отдельного рассмотрения его внутренней стороны. В общетеоретическом плане такое рассмотрение целесообразно для выявления коренных черт государственной власти и ее отличия от любой другой, функционирующей в данном обществе [2].

Верховенство государственной власти внутри страны конкретно заключается:

во-первых, *в универсальности;* ее властная сила (и только она) распространяется на все население и общественные организации данной страны;

во-вторых, *в прерогативе*; государственная власть может отменить, признать ничтожным любое проявление всякой другой общественной власти;

в-третьих, *в наличии* у нее таких *средств воздействия*, которыми никакая другая общественная власть не располагает (армия, полиция (милиция), тюрьмы и др.);

---

[1] Понятие государственного суверенитета и его определение излагаются в ряде трудов советских государствоведов. См. И. Д. Левин. Суверенитет, стр. 64; В. А. Дорогин. Суверенитет в советском государственном праве, стр. 40; С. М. Равин. Суверенитет в Советском союзном государстве («Вестник ЛГУ», серия экономики, философии и права, вып. 2, 1959, № 11); Н. А. Ушаков. Суверенитет в современном международном праве, изд-во ИМО, 1963; Б. Л. Манелис, Проблема суверенитета и ее значение в современных условиях, Ташкент, 1964; Э. Л. Кузьмин, К вопросу о значении и роли государственного суверенитета («Вестник МГУ», сер. X «право», 1965 г. № 2, и др.).

[2] Внешняя сторона государственного суверенитета является специальным объектом исследования науки международного права и науки государственного права.

в-четвертых, *в непосредственном осуществлении властных велений* по таким каналам (законодательство, государственное управление, правосудие, государственный надзор и контроль), которые другим общественным властям обычно неприсущи и недоступны.

Верховенство государственной власти отнюдь не исключает ее прямой или косвенной зависимости от иных политических организаций господствующего класса (партий, религиозных объединений и т. п.). Но это не означает, что может происходить «расщепление» суверенитета. Государственный суверенитет неделим[1]. Государственный суверенитет не есть раз и навсегда данное состояние. Он развивается, наполняется новым содержанием, обогащается, укрепляется по мере упрочения государственной власти.

Сущность государственного суверенитета выражается в господстве той социальной силы (класса или более широкой социальной общности), которая держит в своих руках государственную власть. В антагонистических формациях это эксплуататорские классы, составляющие меньшинство населения. Здесь народ не субъект, а объект властвования. Поэтому в эксплуататорском обществе государственный суверенитет никогда не может быть народным. Победа социалистической революции приводит к тому, что сначала государственный суверенитет принадлежит трудящимся, составляющим подавляющее большинство населения, а после победы социализма государственный суверенитет становится подлинным суверенитетом всего народа.

---

[1] Некоторые идеологи буржуазии и вторящие им социал-реформисты пытаются доказать, что в условиях империализма буржуазное государство делит власть с другими политическими организациями. Они утверждают, что в современном буржуазном обществе имеют место процессы «диффузии», «дисперсии» власти, расчленения суверенитета, который якобы осуществляется не только государством, но и другими политическими организациями, что составляет суть «плюралистической демократии». Ссылаясь на то, что в реальной действительности происходит делегирование некоторых полномочий государственного аппарата другим частям системы диктатуры буржуазии, эти идеологи слияние власти монополий и контролируемых ими общественных сил с государственной властью выдают за классовое расслоение единой эксплуататорской государственной власти и ее суверенитета. Подробнее см.: И. Д. Левин, Современная буржуазная наука государственного права, изд-во АН СССР, 1960, стр. 225—227.

Социалистическая государственная власть подконтрольна и подотчетна народу в своей деятельности. В Программе КПСС особо подчеркивается необходимость усиления народного контроля над деятельностью аппарата государственной власти.

Все социалистические страны рассматривают незыблемость своего государственного суверенитета как необходимое условие для независимого демократического развития.

Социалистические государства видят свой пролетарский интернациональный долг в пресечении любых попыток империализма ограничить верховенство государственной власти трудящихся, ликвидировать ее завоевания. Защита рабочей власти, завоеваний социализма в одной из стран является общим делом, общим интересом всех социалистических стран, всего международного рабочего класса. На данном историческом этапе суверенитет социалистических стран, их национальная независимость обеспечиваются прежде всего их нерушимым союзом.

В тесной связи с проблемой государственного и народного суверенитета находится проблема национального суверенитета. Необходимо учитывать, что национальный суверенитет — это не только неотъемлемое право наций, но и реальное его проявление, т. е. реализованное или реализуемое самоопределение, выражающееся в полновластии нации при установлении угодных ей форм общественного и политического устройства.

Таковы существенные признаки государства, выявляемые при сопоставлении его с родовым строем, а также другими политическими организациями классового общества. Сведенные воедино, они конкретизируют понятие государства, но, разумеется, еще не раскрывают полностью его сущность.

§ 2. СУЩНОСТЬ ГОСУДАРСТВА И ЕГО ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Трудность исследования сущности государства, во-первых, обусловлена тем, что в истории были и сейчас имеются государства, опирающиеся на различные экономические отношения и осуществляющие диктатуру разных классов. Во-вторых, сложность выявления сущности го-

государства и формулирования его общего понятия обусловлена также умышленным, а подчас и неумышленным замалчиванием вопроса идеологами эксплуататорских классов.

Основоположники марксизма установили, что сущность государства (как любого другого общественного явления) не однозначна, а представляет собою внутреннее единство *многих* глубинных сторон и внутренних связей той власти, которая составляет его содержание[1]. Выработка марксистско-ленинского общего понятия государства была важнейшим научным достижением, поскольку позволила раскрыть сущность государства, установить его внутренние коренные, качественные черты, основные цели и задачи, его роль в классовом обществе. В марксистско-ленинском общем понятии государства определяющую, главную роль играет момент связи государства с экономической и классовой структурой общества.

Связь государства с экономической структурой общества

Экономический аспект сущности государства неотделим от его классовой природы, поскольку экономические корни государства органически сливаются с их классовым содержанием и выражением. Поэтому отделить их друг от друга нельзя. Но то, что не поддается дифференциации в реальной действительности, в нашем мышлении может (а в некоторых случаях должно) расчленяться в «снятом» виде.

Опыт различных буржуазных направлений и школ показывает, что даже тогда, когда отдельные представители буржуазной науки пытались объективно изучить природу

---

[1] Отдавая должное известной мысли Гегеля о том, что, «чем богаче определяемый предмет, т. е. чем больше различных сторон представляет он для рассмотрения, тем более различными могут быть выставляемые на основе их определения», В. И. Ленин отмечал, что в особенности это относится к таким многогранным понятиям, как жизнь, государство и т. д. (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 215). Сущность государства во всей своей многогранности развертывается поэтому через целую систему определений, выражающих все многообразие его существенных сторон. Именно этим и объясняется, что К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин, выковавшие понятие государства, дали множество его определений, характеристик, связанных внутренним единством, но не идентичных по своему содержанию.

государства, игнорирование его экономических корней приводило их к метафизической и идеалистической трактовке этого вопроса [1].

Марксизм-ленинизм установил, что изучение государства как реального социального организма вне общественно-экономической формации ничего, кроме схоластических умозаключений, дать не может, что общественно-экономическая формация, в рамках которой возникает и развивается то или иное конкретное государство, в конечном счете определяет все его существенные, типические черты.

В условиях любой классовой общественно-экономической формации государство прежде всего выступает как *политическая организация собственников основных средств производства* [2].

В условиях рабовладельческой и феодальной общественно-экономических формаций эта черта государственной организации обнаруживается сравнительно легко. Здесь, например, торговля, труд носили ярко выраженный политический характер, были возведены на высоту элементов государственной жизни.

При капитализме, несмотря на относительно самостоятельное существование государства наряду с гражданским обществом и вне его [3] (особенно в период восходящего капитализма), оно «опять-таки есть лишь организация, которую создает себе буржуазное общество для охраны общих внешних условий капиталистического способа производства от посягательств как рабочих, так и отдельных капиталистов. Современное государство, какова бы ни была его форма, есть по самой своей сути капиталистическая

---

[1] Отдельные элементы внешних сторон сущности государства «первого порядка» были подмечены и в той или иной мере изучены передовыми буржуазными учеными особенно периода подготовки и проведения буржуазных революций. Они накопили известный фактический материал, выработали специальную терминологию. Но проникнуть дальше в сущность государства, преодолеть «традиционный пояс» внешних ее сторон, буржуазная наука не только не желает, но и не может.

[2] Некоторые отступления от этого общего правила, которые в основном наблюдаются при переходе от одного типа государства к другому и имеют временный характер, при общей характеристике государства в расчет могут не приниматься.

[3] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 254—255.

машина, государство капиталистов, идеальный совокупный капиталист»[1].

Таким образом, характеристика государства как политической организации общественной власти, используемой собственниками средств производства с целью сохранения и защиты внешних условий реализации данной формы собственности, выступает как важный структурный момент понятия государства, выдвигается на передний план.

Классовая природа государства

Государство возникло как продукт классового общества, в котором антагонистические интересы борющихся классов не могут быть примирены[2]. Являясь средством, умеряющим столкновение классов, и тем самым способствуя сохранению внешних условий производства, государство отнюдь не играет роль нейтрального судьи.

В любой эксплуататорской общественно-экономической формации оно «по общему правилу является государством самого могущественного, экономически господствующего класса, который при помощи государства становится также политически господствующим классом и приобретает таким образом новые средства для подавления и эксплуатации угнетенного класса»[3]. Но экономически господствующий класс, состоящий в эксплуататорском обществе из частных собственников на средства производства, составляет ничтожную часть населения. Поэтому в таком обществе государство выступает прежде всего как организация меньшинства, а именно эксплуататоров, обеспечивающая подчинение этому меньшинству непосредственных производителей материальных благ, всех трудящихся, т. е. подавляющего большинства членов общества.

В условиях рабовладельческой и феодальной общественно-экономических формаций диктатура рабовладельцев и феодалов выступает, как правило, с открытым забралом. Капиталистическое же государство в принципе стремится осуществлять волю буржуазии иными методами

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 62; т. 20, стр. 290.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 7; т. 37, стр. 334—335.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 171.

ми. Стараясь предотвратить развитие и обострение классовой борьбы, революционные выступления трудящихся масс, оно вводит, хотя бы и формально, всеобщее избирательное право, конструирует систему представительных учреждений, формулирует общедемократические лозунги, а устами своих идеологов категорически отрицает классовый характер буржуазного государства и права.

Поворот к реакции в капиталистическом обществе в эпоху империализма сопровождается усилением буржуазной пропаганды, твердящей о надклассовом характере капиталистического государства [1].

Даже тогда, когда все демократические одежды отбрасываются прочь и на политической арене выступает государство террористической диктатуры, его идеологи изображают такое государство как орган всей нации, воплощение ее единства, средство достижения социального благосостояния [2].

---

[1] Так, например, Гансхоф, профессор факультета права социально-политических и экономических наук Брюссельского университета, в работе «Фактическая власть и норма права в деятельности политических институтов» пишет: «Цель и назначение государства состоит в обеспечении общественного благополучия при одновременном создании индивидууму условий для полного удовлетворения его человеческих потребностей» (M. Gansh o f. Pouvoir de fait et regle de droit dans le fonctionnement des institutions politiques, Bruxelles, 1957, p. 9).

Критику утверждений буржуазных идеологов и их подпевал из лагеря правых социалистов см.: В. А. Туманов, Государство всеобщего благоденствия. Миф или действительность? («Вестник истории мировой культуры» 1961 г. № 1 (25); его же, Буржуазно-реформистская теория «государства всеобщего благоденствия» («Советское государство и право» 1959 г. № 11); В. Чхиквадзе, С. Зивс, Против современного реформизма и ревизионизма в вопросе о государстве, Госполитиздат, 1959; «Критика буржуазно-реформистских и ревизионистских теорий в вопросах государства и права», изд-во АН СССР, 1960; Я. М. Бельсон, Современное буржуазное государство и «народное представительство», Госюриздат, 1960; В. Е. Гулиев, Империалистическое государство (очерк критики буржуазных теорий), изд-во МГУ, 1965; Б. А. Шабад, Политическая философия современного империализма, «Международные отношения», 1966.

[2] Но даже буржуазные идеологи в ряде случаев дают объективную оценку такой социальной демагогии. Так, американский социолог Д. Эйбль пишет: «Программа социального благосостояния была важна Адольфу Гитлеру как средство удержать политическую власть» (J. Abels, The Welfare State, N. Y., 1951, pp. 212—213).

Марксизм-ленинизм, подчеркивая классовую сторону сущности государства как диктатуры класса, вместе с тем отмечает, что государство любой формации объективно приобретает относительную самостоятельность не только от общества, но и от тех или иных прослоек господствующего класса (но не самого этого класса в целом!). Здесь одна из объективных основ (предпосылок) возможности затушевывания классовой сущности буржуазного государства [1].

Какой же из структурных моментов понятия государства должен быть выделен, если иметь в виду анализ относительной самостоятельности государства по отношению к классовому обществу. «Государство, — пишет В. И. Ленин, — сводится именно к такому выделенному из человеческого общества аппарату управления» [2]. Его сущность заключается в наличии «особого *разряда* людей, которые выделяются, чтобы управлять другими и чтобы в интересах, в целях управления систематически, постоянно владеть известным аппаратом принуждения, аппаратом насилия, каковым являются в настоящее время... вооруженные отряды войск, тюрьмы и прочие средства подчинения чужой воли насилию...» [3]. Именно этот аппарат и приобретает определенную самостоятельность и по отношению к экономическому базису общества и по отношению к различным частям господствующего класса. Но здесь следует различать известную действительную самостоятельность этого аппарата по отношению к отдельным прослойкам, входящим в господствующий класс, и видимую, иллюзорную его самостоятельность по отношению к господствующему классу, взятому в целом. При этом иллюзия надклассовости буржуазного аппарата государственной власти вызывается объективными причинами. К последним относятся осуществление аппаратом государственной власти известной социальной деятельности, отве-

---

[1] Вопрос об относительной самостоятельности эксплуататорского государства и ее формах освещается в работах В. Е. Гулиева: «Империалистическое государство» (стр. 87—104) и «Развитие В. И. Лениным марксистских взглядов на относительную самостоятельность эксплуататорского государства» (сб. «Вопросы государства и права в трудах В. И. Ленина», Душанбе, 1963, стр. 210—240).

[2] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 39, стр. 69.

[3] Там же.

чающей интересам всего общества; соблюдение, проведение и защита аппаратом государственной власти общих интересов индивидов господствующего класса, выступающих в форме всеобщих интересов; подчас внешняя демократическая оболочка государственного аппарата, скрывающая его классовую природу; известная организационная обособленность аппарата государственной власти от господствующего класса.

К этому следует добавить и субъективный фактор, выражающийся в извращенном освещении буржуазной идеологией характера аппарата государственной власти [1]. Оценка буржуазного, «демократического», государства в лице его аппарата как надклассового общественного явления уже давно включена и в программные положения многих социал-демократических партий [2].

Вышеизложенные обстоятельства привели к тому, что задачи социалистической революции по отношению к буржуазному государству в свое время среди части рабочего класса Европы предстали в искаженном виде. В этих условиях выдающееся научное и практически-политическое значение имело то, что В. И. Ленин, определяя задачи пролетарской революции по отношению к буржуазному государственному аппарату, обнажая сердцевину эксплуататорского государства, сформулировал известные классические определения: «Государство — это есть машина для поддержания господства одного класса над другим»; «Государство есть машина для угнетения одного класса другим, машина, чтобы держать в повиновении одному классу прочие подчиненные классы» [3].

Социальное назначение государства

Анализ сущности государства требует ответа и на вопрос о том, каков характер его обратного воздействия на общество.

Государство, как правило, проявляет активность во всех сферах жизни общества, хотя степень и формы этой активности в государствах различных общественно-экономических формаций неодинаковы. Эта активность нерав-

---

[1] См. В. Е. Гулиев, Империалистическое государство, стр. 89.

[2] Так, австрийские социалисты в программе своей партии, принятой в мае 1958 года, открыто называют капиталистическое государство «государством благоденствия».

[3] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 39, стр. 73, 75.

номерна и на различных этапах развития государства, в рамках одной и той же общественно-экономической формации. Обратное воздействие государства на породившее его общество может выражаться как в содействии социально-экономическому развитию, так и в препятствовании этому процессу.

И в эксплуататорском обществе государственная власть может несколько забегать вперед, опережать экономическое движение, но, разумеется, только в рамках данных производственных отношений. Степень активности эксплуататорского государства по отношению к базису и всему обществу в целом отнюдь не всегда одинакова. Она возрастает и проявляется полнее там и тогда, где и когда обострение противоречий, свойственных эксплуататорскому обществу, грозит открытым взрывом.

В частности, в условиях движения капитализма по восходящей линии буржуазное государство проявляло сравнительно малую экономическую активность. В качестве примера можно привести такие формы его деятельности, как покровительственные пошлины, регламентация торговли, учреждение той или иной финансовой системы.

Другое дело, буржуазное государство в эпоху империализма, в условиях широкого развития государственно-монополистического капитализма. В этот период экономическая деятельность государства чрезвычайно усиливается, а система государственных органов энергично приспосабливается к осуществлению экономических функций. «В области экономики капитализм, используя достижения научно-технической революции, опираясь на мощный, высокоорганизованный производственный механизм, стремится с помощью государства мобилизовать все ресурсы в общенациональном масштабе, ускорить темпы экономического развития, поддерживать сравнительно высокую эффективность производства» [1].

Империалистическое государство непосредственно и активно осуществляет вмешательство в сам процесс капиталистического воспроизводства в интересах финансовой олигархии, проводит разнообразные регулирующие мероприятия, использует огосударствление отдельных отрас-

[1] «К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Тезисы ЦК КПСС», стр. 38.

лей экономики с целью создания условий, способствующих выкачиванию монополистическими объединениями своих сверхприбылей.

Активная деятельность эксплуататорского государства может обусловливаться и общими потребностями всего общества, с которыми государство вынуждено считаться, например оборона страны от нападения, борьба с последствиями стихийных бедствий (землетрясениями, наводнениями, эпидемиями), освоение новых земель.

Некоторые мероприятия этого государства по осуществлению общесоциальных задач носят постоянный характер (например, ирригационные работы в восточных рабовладельческих странах; стимулирование технического прогресса в капиталистическом мире и многое другое).

Но ни рабовладельческое, ни феодальное, ни буржуазное государство никогда не было и не может быть действительным представителем всего общества. «Государство было, — писал Ф. Энгельс, — официальным представителем всего общества, его сосредоточением в видимой корпорации, но оно было таковым лишь постольку, поскольку оно было государством того класса, который для своей эпохи один представлял все общество: в древности оно было государством рабовладельцев — граждан государства; в средние века — феодального дворянства, в наше время — буржуазии» [1].

Лишь социалистическое государство выступает не только «официальным», но и действительным представителем всего социалистического общества.

Активность государства неравнозначна его творческому научному руководству обществом. Последнее проявляется лишь в государствах социалистического типа. Активно-творческая деятельность социалистического государства служит формированию социалистических и коммунистических производственных отношений.

Так, «Советское государство на практике показало себя как мощный инструмент развития социалистического планового производства, повышения культурного уровня общества и коммунистического воспитания трудящихся, как орудие охраны общественных и личных интересов

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 294—292.

нового правопорядка, защиты социалистических завоеваний, поддержки международного революционно-освободительного движения» [1].

Определение государства

Определяя общее понятие государства, следует иметь в виду, что:

1) государство — исторически преходящее общественное явление, обусловленное экономическим базисом;

2) государство — классовый аппарат публичной власти, с обществом не совпадающий и над обществом возвышающийся;

3) государство — политическая организация собственников основных средств производства, используемая для обеспечения и защиты их общих классовых интересов;

4) государство — политическая организация, власть которой суверенна.

Выше мы привели данные В. И. Лениным определения государства как аппарата для подавления одного класса другим, как машины для удержания в повиновении одному классу прочих классов. Эти определения, безусловно, характеризуют любое эксплуататорское государство.

С известными оговорками они могут распространяться и на государство диктатуры пролетариата, но в определенных исторически ограниченных рамках.

Суть вопроса здесь заключается в том, что эксплуататорские классы не могут обойтись без эксплуатируемых, не могут уничтожить «свою противоположность», не разрушив то общество, в котором они господствуют. Поэтому государство эксплуататоров — это прежде всего сила, держащая в узде эксплуатируемых и угнетенных.

Рабочий класс устанавливает свою диктатуру не для *поддержания* господства над эксплуататорами, не для их *угнетения* и *удержания* в повиновении, а для *уничтожения эксплуатации*. Отсюда следует, что по мере ликвидации эксплуататорских классов и успехов социалистического строительства вышеприведенное определение все в меньшей степени отражает качественные черты социа-

[1] «К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Тезисы ЦК КПСС», стр. 21.

листического государства, а для характеристики социалистического общенародного государства, действующего в условиях развитого социалистического общества, оно не применимо. Социалистическое общенародное государство не является машиной для поддержания господства одного класса над другим, не имеет своей задачей держать в повиновении одному классу другие классы, в связи с отсутствием в обществе классов с противоположными интересами.

Сказанное, разумеется, отнюдь не умаляет значения ленинского определения государства. Рассматривая его в определенных исторических рамках (чему всегда учил В. И. Ленин), мы тем самым подчеркиваем его научность и политическую направленность. Вместе с тем это определение, подчеркивая особенности государства, функционирующего в условиях классово антагонистической общественно-экономической формации, содержит и основные структурные моменты понятия государства вообще: а) указание на то, что государство — это прежде всего аппарат, механизм, с обществом не совпадающий; б) констатацию того, что осуществляемая этим аппаратом власть носит принудительный характер; в) классовую характеристику государства.

При этом важно отметить, что классовый характер государства любого исторического типа, если отвлечься от конкретных, исторически обусловленных форм его проявления, выражается:

во-первых, в том, что государство, как правило, защищает интересы класса, занимающего ведущее место в исторически сложившейся системе производства, является орудием осуществления его главных классовых экономических и политических задач;

во-вторых, во всей системе политической организации общества этот класс является гегемоном, руководителем;

в-третьих, вовне, на международной арене, государство всегда выступает как организованная политическая сила этого класса.

В последние годы в советской литературе обсуждалась проблема понятия государства, а также его общего определения, пригодного для всех типов государства на любом из этапов их развития. В основном споры вокруг этой проблемы развернулись в связи с исследованиями, посвященными советскому социалистическому общенародному

государству, некоторые свойства которого переросли рамки прежних определений [1]. Но, к сожалению, в отдельных работах, подвергающих справедливой критике неудачные попытки дать общее определение государства, проявилось отрицание вообще научного и практического значения такого определения. Однако общее определение государства представляется необходимым и важным как для науки, так и для практики.

В научном плане общее понятие государства, отражающее его существенные черты, прежде всего позволяет вскрыть глубокие отличия любой государственной организации общества от его безгосударственной организации как в прошлом, так и в будущем. Далее, оно позволяет отмежевать государство от других частей политической организации общества. Только на его основе возможна типизация государств различных исторических периодов. Наконец, в логических рамках этого общего понятия возможно противопоставление эксплуататорского и социалистического государства, а следовательно, и выявление коренных преимуществ последнего.

В практическом плане общее понятие государства, которое позволяет изучать все государственные организации, в том числе и противоположные (эксплуататорские и социалистические), как однопорядковые общественные явления, способствует правильной ориентации в осуществлении государственного строительства. Оно позволяет, в частности, правильно решать вопрос о диалектическом отрицании и преемственности тех или иных прежних государственных учреждений, институтов и форм в условиях социалистического строительства.

---

[1] См., например, Ф. М. Бурлацкий, О некоторых вопросах теории общенародного государства («Советское государство и право» 1962 г. № 10, стр. 7); С. Л. Фукс, К теории общенародного государства (сб. «Советское государство и право в период развернутого строительства коммунизма», Харьков, 1962, стр. 7); Л. И. Каск, Некоторые вопросы абстракции и образования понятий в теории государства («Вестник ЛГУ», № 23, серия экономики, философии и права, вып. 4, 1963, стр. 105); О. С. Иоффе и А. И. Королев, Сущность социалистического государства и права, изд-во ЛГУ, 1962, стр. 70 и 72; В. С. Петров, Теоретические вопросы общего понятия государства («Правоведение» 1964 г. № 1, стр. 38); Н. П. Фарберов, Общенародное государство — закономерный результат развития государства диктатуры пролетариата («Советское государство и право» 1962 г. № 7).

Учитывая основные стороны понятия государства вообще, нам представляется, что можно было бы дать следующее его общее определение.

Государство — это исторически преходящая, выделившаяся из общества и обусловленная его экономическим строем классовая политическая организация суверенной публичной власти, обеспечивающая и защищающая общие интересы собственников основных средств производства.

В данном определении не указывается, какой класс держит в своих руках государственный аппарат, какими способами, средствами и методами осуществляется государственная власть, но эти моменты в общее определение государства вообще включаться не могут, так как за скобки их вынести нельзя.

В работах основоположников научного коммунизма можно встретить и такое определение государства, которое характеризует его как специфическую форму организации классового общества. Так, в «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс, устанавливая враждебность буржуазной государственной организации общества интересам пролетариата, писали, что он находится в прямой противоположности «к той форме, в которой индивиды, составляющие общество, до сих пор выражали себя как некоторое целое, а именно к государству» [1].

В «Капитале» содержится ряд положений, которые углубляют этот аспект понятия государства. Возможность характеристики государства как специфической формы организации классового общества вытекает, в частности, из положения Маркса о том, что деятельность эксплуататорского государства «охватывает два момента: и выполнение общих дел, вытекающих из природы всякого общества, и специфические функции, вытекающие из противоположности между правительством и народными массами» [2]. Вслед за К. Марксом В. И. Ленин в ряде случаев также толкует государство как политическую оболочку общества [3].

В советской литературе правильно отмечается, что понятие государства как формы организации классового

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 78.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. I, стр. 422.
[3] См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 33, стр. 14, 77.

общества делает правомерными такие категории, как «экономический строй государства», «общественный строй государства», «классовая структура государства» и др.[1]. Наряду с определением, характеризующим государство вообще, необходимы и отвечают потребностям практики и такие определения, которые касаются государственности отдельных социально-экономических формаций, в частности и в особенности социалистического общества[2].

§ 3. ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА

Понятие функции государства

В марксистско-ленинской теории государства этот термин применяется для характеристики его деятельности. Однако при этом имеется в виду, что не в любом направлении деятельности государства выявляются его существенные черты. Из всей совокупности государственных мероприятий можно выделить такие *основные направления деятельности* государства, которые нацелены на осуществление главных экономических, политических и идеологических задач. Именно в них проявляется главным образом сущность государства.

Поскольку главные задачи государства, обусловленные экономической основой и классовой структурой общества, не зависят от субъективного усмотрения государственной власти, постольку и основные направления деятельности государства носят *объективный* характер. К этому следует добавить, что основное направление дея-

---

[1] См. подробнее А. К. Белых, Политическая организация общества и социалистическое управление, изд-во ЛГУ, 1967, стр. 70.

[2] В работе «Империалистическое государство» (стр. 89) Е. В. Гулиев пишет, что под государством марксизм понимает иногда субъект политической власти — класс, например, «организованный в господствующий класс пролетариат»; зачастую — само властвование, т. е. состояние и процесс власти, «государство то есть организованное насилие одного класса над другим»; как правило — аппарат государственной власти «машина для подавления».

Приведенное высказывание содержит правильное утверждение, но требует уточнения. Следовало сказать, что в ряде случаев в зависимости от задачи и объекта исследования марксизм подчеркивает в понятии государство тот или другой из его основных и взаимосвязанных структурных моментов.

тельности государства носит не конъюнктурно-эпизодический, а *систематический*, постоянный характер; оно осуществляется и не может не осуществляться в течение всего исторического периода, в условиях которого решается данная главная задача.

Термин «функция государства» применяется для обозначения узловых, кардинальных направлений деятельности государства, в которых проявляется его назначение.

Если отвлечься от различных нюансов, которые сути дела не меняют, то можно признать, что в марксистской литературе установилось более или менее общепризнанное определение функции государства. *Под функцией государства понимается основное направление его деятельности, соответствующее главным задачам определенного исторического этапа, проявляющее его сущность и дающее ему предметную социально-политическую характеристику* [1].

При этом необходимо иметь в виду, что если сущность самой функции государства (как социального явления, процесса) выражается в основном направлении деятельности государства, характеризующем его социальное назначение, то ее содержание складывается из совокупности однородных моментов государственной деятельности [2].

---

[1] См., например, С. А. Голунский и М. С. Строгович, Теория государства и права, стр. 51; «Теория государства и права», 1962, стр. 29; Н. Г. Александров, Ф. И. Калинычев, Д. С. Карев, А. Л. Недавний, В. А. Туманов, А. Ф. Шебанов, Основы теории государства и права, стр. 169; Н. В. Черноголовкин, Функции Советского государства в период развернутого строительства коммунизма, 1960, стр. 12; А. П. Косицын, Государство всего народа, «Советская Россия», 1963, стр. 75; H. Kleyer, Die marxistisch-leninistische Theorie des Staats und des Rechts, B., 1956, t. II, S. 34; М. Геновски, Д. Дмитров, Основи на държавата и правото на НР България, ч. I, «Наука и изкуство», София, 1957, стр. 42.

Однако не все советские ученые соглашаются с вышеприведенным определением функции государства. Так, профессор А. И. Денисов в работе «Сущность и формы государства» (изд-во МГУ, 1960, стр. 9—10) рассматривает функции государства как предметно-политическую характеристику содержания его деятельности; особую позицию занимает в этом вопросе Л. И. Каск, Функции и структура государства, изд-во ЛГУ, 1969.

[2] В марксистско-ленинской государствоведческой литературе иногда можно встретить отождествление функций государства с его социальным назначением, а также содержанием. Так, И. С. Самощенко в статье о правовых формах осуществления функций Советского государства («Советское государство и пра-

Отдельные стороны определенной государственной деятельности объединяются в одну функцию, исходя из характера, специфики тех общественных отношений, на которые они воздействуют. Таким образом, основным критерием разграничения функций государства являются объекты их воздействия.

Функция государства — понятие более глубокое, чем совокупность охватываемых им отдельных аспектов осуществления государственной власти, и вместе с тем оно беднее всех отражаемых им однородных процессов государственной деятельности. Поэтому при исследовании функции того или иного государства нельзя идти по линии максимального охвата всех без исключения проявлений его деятельности. При таком подходе научный анализ сущности государства неизбежно будет подменен простым описательством, а границы содержания функций государства и их количество неизбежно станут зависеть от субъективного усмотрения исследователя.

Правильный подход при анализе функций любого государства заключается в том, что при установлении его функций необходимо выявлять не все направления его деятельности, а только такие из них, без которых данное государство на данном историческом этапе либо на всем протяжении своего развития обойтись не может.

Функции государства необходимо отличать от функций его отдельных органов. Говоря о функциях государства, имеют в виду те основные направления его деятельности, которым подчинена работа всего государственного аппарата и каждого из его органов в отдельности. Под функциями определенного органа государства имеют в виду социальное назначение именно этого органа как особой части государственного механизма. Если в функциях государства его сущность находит прямое выражение, то далеко не всегда это имеет место в функциях его отдельных органов.

Функции государства необходимо отличать и от отдельных видов государственной деятельности, которые мо-

во» 1956 г. № 3, стр. 81) писал: «Функции Советского государства есть его социальное назначение внутри и вне страны».

Д. А. Керимов в работе «Сущность общенародного государства» («Вестник ЛГУ» № 21, серия экономики, философии и права, вып. 4, стр. 134) между содержанием социалистического государства и его функциями ставит знак равенства.

тут осуществляться либо специально на то уполномоченными органами государства, либо структурными подразделениями ряда органов (планирование, учетно-регистрационная работа и др.).

Функции государства нельзя отождествлять с формами и методами их осуществления. Основными правовыми формами осуществления функций любого государства обычно являются законодательство (правотворчество), государственное управление (исполнительно-распорядительная деятельность), правосудие, надзор и контроль (правоохранительная деятельность). Характер этих форм, а также методов осуществления государственной власти (убеждения, поощрения, принуждения и др.), их соотношение определяются сущностью государства, его задачами на том или ином историческом этапе. Каждая конкретная функция государства представляет собой единство содержания, форм и методов осуществления государственной власти, неразрывно связанных с конкретным объектом государственного воздействия.

Только путем анализа всех элементов, охватываемых понятием функции государства, можно правильно понять особенности каждой функции и происходящие в ней изменения [1].

Применительно к государству вообще проводится деление функций на внутренние и внешние. Первые показывают, какова роль государства в жизни данного общества, вторые — какова роль государства во взаимоотношениях с другими государствами. Между этими двумя группами функций существует тесная неразрывная связь, так как линия поведения государства по отношению к другим государствам, его внешняя политика находится в неразрывной связи с внутренними условиями существования.

Внутренние функции государства

Применительно к внутренним функциям любого государства возможна, хотя и условна, их классификация по сферам его деятельности. Каждое государство независимо от его сущности и содержания осуществляет ряд охранительных, экономических и идеологических функций.

[1] Л. И. Загайнов, О роли экономических функций Советского государства в создании материально-технической базы коммунизма, автореферат дисс. на соискание ученой степени канд. юрид. наук, М., 1966, стр. 5.

Одно время утверждалось, что деятельность любого эксплуататорского государства характеризуется лишь одной внутренней функцией: удержанием трудящихся в узде, их подавлением. Конечно, эта функция играет решающую роль в деятельности каждого эксплуататорского государства. Но все основные направления внутренней деятельности эксплуататорских государств не могут быть сведены только к ней.

Так, уже рабовладельческое государство наряду с функцией удержания в узде, подавления рабов и других трудящихся осуществляло и ряд иных внутренних функций. К основным направлениям его деятельности относились и защита рабовладельческой собственности, что находит свое отражение в многочисленных источниках рабовладельческого права, и идеологическая обработка масс, в которой решающую роль играла религия, возведенная в необходимый атрибут государственной жизни. Многим древним государствам была присуща и функция хозяйственной деятельности, заключавшаяся в регулировании имущественных отношений, организации работорговли, общественных работ и т. д.

Функции регулирования имущественных отношений, организации общественных работ, наполняемые новым содержанием, соответствующим другим экономическим условиям и иной классовой структуре общества, осуществляют и феодальное, и буржуазное государство. Разумеется, что усложнение общественной жизни, иной характер производственных отношений феодального и особенно капиталистического общества выдвигают новые и более сложные задачи перед развитыми феодальным и буржуазным государствами. Поэтому речь может идти не о тождестве внутренних функций государств различных исторических типов, а об их внешнем сходстве и общей эксплуататорской направленности. Во внутренних функциях рабовладельческого государства находит прямое выражение диктатура рабовладельцев, а во внутренних функциях феодального и буржуазного государств — соответственно диктатура феодалов и диктатура капиталистов.

Особенно усложняются функции буржуазного государства в эпоху империализма. Стремление сохранить отжившие производственные отношения заставляет империалистическое государство наряду с функциями прямого

политического и идеологического подавления трудящихся осуществлять весьма многогранную функцию регулирования экономики в интересах монополистического капитала, непосредственно вмешиваться в процесс капиталистического воспроизводства [1].

Качественно иной характер носят внутренние функции социалистических государств. С момента возникновения социалистического государства они отличаются антиэксплуататорской направленностью и творческим характером. На первом этапе своего развития, осуществляя такую функцию, как подавление эксплуататорских классов, социалистическое государство создает необходимые социальные предпосылки построения социалистического и коммунистического общества.

В условиях победы социалистических общественных отношений эта функция социалистического государства отмирает. Получают дальнейшее развитие, как это видно на примере СССР и других социалистических стран, остальные внутренние функции социалистического государства: хозяйственно-организаторская, регулирования меры труда и меры потребления, культурно-воспитательная, охраны социалистической собственности, правопорядка, прав и свобод граждан [2].

Внешние функции государства

Внешнеполитическая деятельность государства любой общественно-экономической формации характеризуется рядом функций, в которых проявляется его сущность на международной арене.

Ряд внешних функций осуществляло уже рабовладельческое и феодальное государство.

Деятельность современного империалистического буржуазного государства вовне характеризуется следующими функциями: защита мировой капиталистической системы; подавление революционного национально-освободительного движения; подготовка и развязывание агрессивных войн. Конечно, государство монополистов осуществляет вовне и целый ряд других политических, экономических и идеологических мероприятий, но не они, а вышеназван-

---

[1] «Материалы XXII съезда КПСС», стр. 338.

[2] О функциях социалистического государства см. подробно в III томе настоящего курса.

ные функции проявляют вовне его империалистическую природу [1].

Принципиальное отличие сущности социалистического государства от сущности эксплуататорских государств, его интернациональная природа обусловливают коренное отличие внешних функций социалистического государства от внешних функций эксплуататорских государств.

Так, в настоящее время Советское социалистическое государство осуществляет следующие внешние функции: функцию обороны, куда входит выполнение обязательств по коллективной обороне стран социалистического содружества; функцию упрочения мира и обеспечения мирного сосуществования стран с различными социально-экономическими системами; функцию укрепления союза, братского сотрудничества и взаимопомощи стран социалистического лагеря. В литературе высказывается мнение, что ныне в результате национально-освободительного движения превращается в самостоятельную внешнюю функцию Советского государства такое направление его деятельности, как оказание дружеской всесторонней помощи странам, вставшим на самостоятельный путь развития.

§ 4. ПОНЯТИЕ ТИПА И ФОРМЫ ГОСУДАРСТВА

Тип государства

Рассматривая все известные типы государства, легко установить, что они распадаются на две большие группы: государства эксплуататорские и государства социалистические.

Эксплуататорские государства характеризуются следующими основными признаками.

Во-первых, они являются политической надстройкой над такими производственными отношениями, которые базируются на частной собственности на основные средства производства, обусловливающей (независимо от формы) эксплуатацию человека человеком.

Во-вторых, они представляют собой политическую ор-

---

[1] При характеристике внешних функций того или иного конкретного буржуазного государства следует непременно учитывать его место и роль в общей системе мирового капитализма, его исторические традиции, степень воздействия прогрессивных сил на внешнеполитическую деятельность данного государства.

ганизацию эксплуататоров — т. е. меньшинство, которое, сосредоточив в своих руках государственную власть, подавляет большинство населения.

В-третьих, каждое из них есть такая политическая организация, которая не только ставит себя над обществом, но и все более и более отчуждает себя от него.

Последний признак отражает сущность эксплуататорского государства не только в статике, но и динамике. Он вытекает из общей закономерности развития эксплуататорского государства, заключающейся в том, что по мере возрастания неустойчивости данной социальной системы и обострения классовой борьбы государственная власть концентрируется в руках все уменьшающейся группы людей. История всех эксплуататорских классов показывает, что с момента прихода каждого из них к власти социальная база его господства со временем сужается.

Все эти признаки, взятые вместе, характеризуют сущность эксплуататорского государства от древних времен до наших дней.

В отличие от эксплуататорских государств, призванных увековечить господство эксплуататоров, социалистические государства представляют организацию политической власти трудящихся, назначение которой — не сохранение классового господства, а построение бесклассового коммунистического общества. Социалистические государства характеризуются следующими основными чертами:

во-первых, они покоятся на производственных отношениях, основанных на товарищеской взаимопомощи и содружестве свободных от эксплуатации людей, на общественной собственности на основные средства производства;

во-вторых, каждое из них представляет собой политическую организацию подавляющего большинства населения, а по мере преодоления классовых антагонизмов и всего народа;

в-третьих, любое социалистическое государство есть такая политическая организация, которая в процессе своего развития не только не отчуждается от общества, но, напротив, все больше сливается с ним.

Все эти признаки характеризуют сущность социалистического типа государства, но, разумеется, полностью ее не раскрывают.

Всестороннее раскрытие сущности как социалистического, так и эксплуататорского государства возможно лишь в рамках конкретной общественно-экономической формации. Обоснование марксизмом понятия общественной формации, основанное на том, что определяющим фактором исторического движения и тех форм, в которые оно облекается, являются материальные производственные отношения, «дало возможность перейти от описания (и оценки с точки зрения идеала) общественных явлений к строго научному анализу их, выделяющему, скажем для примера, то, что́ отличает одну капиталистическую страну от другой, и исследующему то, что́ обще всем им» [1]. Подчеркивая прямую зависимость коренных черт государства от экономического строя и классовой структуры общества, К. Маркс в «Критике Готской программы» писал, что различные капиталистические государства «имеют между собой то общее, что они стоят на почве современного буржуазного общества, более или менее капиталистически развитого» [2]. На основе этого критерия установлено, что каждой классовой общественно-экономической формации соответствует определенный исторический тип государства.

Тип государства показывает, какой экономический базис это государство защищает, интересам какого господствующего класса оно служит. Рассматриваемое через призму этой важнейшей категории государство приобретает классовую определенность, выступая, как правило, в качестве диктатуры экономически господствующего класса.

Истории известны три основных типа эксплуататорского государства: рабовладельческое, феодальное и буржуазное [3].

Государства рабовладельческой эпохи, разнообразные по форме, по своей классовой сущности были одинаковы. Все они были основаны на частной собственности на средства производства и эксплуатации рабского труда, каждое

---

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 137.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 27.

[3] Мы не касаемся здесь вопроса о типовой принадлежности государства, складывающегося в условиях так называемого «азиатского способа производства», проблема которого в настоящее время оживленно дискутируется.

из них представляло собой диктатуру класса рабовладельцев.

Материальной основой всех государств феодальной эпохи были феодальная собственность на средства производства, а также отношения феодальной эксплуатации. Несмотря на разнообразие форм, все государства этой эпохи могут быть отнесены к единому историческому типу государства, так как любое из них представляло собой диктатуру класса феодалов.

Победа капиталистического способа производства неизбежно вызвала к жизни новый по своей классовой сущности исторический тип государства — буржуазное государство. Все буржуазные государства представляют собой, как бы ни были различны их формы, диктатуру класса буржуазии, защищающую капиталистическую собственность на средства производства и отношения капиталистической эксплуатации.

Совершенно новым, принципиально отличным от эксплуататорских исторических типов государств является социалистическое государство.

Сравнительное рассмотрение однотипных государств показывает, что они характеризуются едиными коренными принципами организации и деятельности. Речь, разумеется, идет не о конкретных формах организации государственной власти и способах ее осуществления. И в однотипных государствах они не идентичны. Но если взять любое рабовладельческое государство, то оно всегда строится и действует таким образом, чтобы исключить из политической и гражданской жизни раба. В феодальном государстве, например, осуществляется принцип иерархического построения государственной власти, объем которой соответствует пределам феодальной собственности на землю. Государственная власть в капиталистических странах строится, как правило, по принципу представительства, находящего выражение в буржуазном парламентаризме.

Демократическая система принципов организации и деятельности социалистического государства, стремящегося к всестороннему вовлечению трудящихся в государственное управление, характеризует все государства социалистического типа.

Следовательно, тип государства — это такая категория, которая отражает единство коренных черт всех государств

одной общественно-экономической формации, обусловленное общностью их экономической основы, классовой сущности и основных принципов организации [1].

Смена исторических типов государства

Производительные силы общества по мере своего развития на известном этапе вступают в неразрешимое противоречие с частнособственническими производственными отношениями. Вследствие этого в истории классово антагонистических формаций наступает эпоха социальных революций, меняется экономическое основание общества, а «с изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке» [2].

Социальная революция, уничтожая старое общество, кладет начало господству нового способа производства, новым производственным отношениям, другими словами, создает новое общество.

Буржуазные идеологи пытаются противопоставить социальную революцию политической революции. В первой они видят цель, а во второй — средство для достижения этой цели. Такое противопоставление в корне ложно, во-первых, потому, что социальную революцию нельзя противопоставлять революции политической как разноплановые и расчлененные общественные процессы. «Каждая революция, — по словам К. Маркса, — разрушает *старое общество* и постольку она *социальна*. Каждая революция низвергает *старую власть* и постольку она имеет *политический* характер» [3]. Во-вторых, «революция необходима не только потому, что никаким иным способом невозможно свергнуть *господствующий* класс, но и потому, что *свергающий* класс только в революции может сбросить с себя всю старую мерзость и стать способным создать новую основу общества» [4].

Противопоставление социальной революции политической революции необходимо буржуазным и мелкобуржуазным идеологам для обоснования якобы возможного коренного преобразования общества путем одних социальных реформ.

---

[1] Ср. В. С. Петров, Тип и формы государства, стр. 21.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 13, стр. 7.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 448.
[4] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 70.

Отвергая подобную трактовку соотношения социальной и политической революции, основоположники научного коммунизма вместе с тем широко пользуются понятием «политическая революция» для характеристики тех качественных изменений, которые происходят в политической организации общества. Эти изменения в различных социально-экономических формациях наступают на различных этапах социальной революции и не равнозначны по своим последствиям.

Если, например, буржуазные политические революции, как правило, завершают процесс социального переворота, который исподволь начинается еще в недрах старого (феодального) строя, то социалистическая революция начинается с захвата власти, ликвидации старой и создания новой политической надстройки, используемой затем для переустройства общества на коммунистических началах.

Но любая политическая революция в отличие от верхушечного правительственного переворота всегда передает власть из рук одного класса в руки другого класса. Этот политический акт В. И. Ленин рассматривал как «первый, главный, основной признак *революции* как в строго-научном, так и в практически-политическом значении этого понятия» [1].

Политическая революция влечет за собой изменение типа государства. Таким образом, наряду с уже указанной смысловой нагрузкой понятие «исторический тип государства» позволяет фиксировать и политические результаты социального переворота.

Смена исторических типов государства есть прогрессивный процесс ликвидации устаревших форм государственной организации общества, сковывающих его развитие, новой государственностью, способствующей складыванию и упрочению более развитого социального строя. Поэтому функции каждого последующего типа государства, механизм их осуществления и его политические формы богаче и сложнее, чем организация политической власти в предшествовавших ему формациях. Данная закономерность выступает как тенденция социально-политического развития. Ее нельзя рассматривать чисто логически в отрыве от реальной исторической действительности. История дает немало примеров того, что отдельно взятое,

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 31, стр. 133.

например, феодальное государство, особенно в период его становления, во многом уступает развитым государствам эпохи рабовладения.

Так, если сопоставить Римскую империю и германские феодальные княжества, возникшие на ее обломках, легко убедиться, насколько беднее их правовая система, примитивнее государственный механизм. Но, во-первых, такое сравнение могло бы иметь теоретическое значение лишь в том случае, если бы брались одинаковые ступени развития сопоставляемых государств и учитывались все объективные факторы, в условиях которых они функционировали. В приведенном примере это требование не соблюдено. А во-вторых, высшим по отношению к предыдущим выступает не каждое отдельное конкретное государство, а тип государства, взятый в целом [1].

Смена эксплуататорских типов государства, протекающая в условиях острой классовой борьбы, отнюдь не исключает заимствования старых форм организации государственной власти. Новый эксплуататорский класс модернизирует, «совершенствует» захваченный государственный механизм и превращает его в орудие своей диктатуры.

Преемственность форм и принципов организации государственной власти, переходящих «по наследству» от одного эксплуататорского типа государства к другому, обусловлена их единой эксплуататорской сущностью, необходимостью создания такой государственной организации, которая позволила бы держать в узде угнетаемую часть общества, подавляющее большинство населения страны. Вместе с тем переход к новому типу государства влечет за собой замену старых государственных органов, переставших соответствовать достигнутому уровню социального и технического развития, новыми политическими учреждениями, выражающими иное классовое содержание государственной власти. Но при этом следует иметь в ви-

[1] Историческая судьба каждого отдельно взятого государства складывается не только из событий, являющихся необходимыми, закономерными, но и из факторов, которые общей закономерностью не охватываются и в этом смысле являются случайными. Эти «случайные» факторы в конкретной исторической обстановке могут играть решающую роль (см. подробнее Ф. Константинов, В. Келле. Исторический материализм — марксистская социология («Коммунист» 1965 г. № 1, стр. 9—10).

ду, что только социалистическая революция ломает *все угнетательские части* старой (буржуазной) государственной машины.

Развитие государственной организации общества не всегда протекает от низшей ступени к высшей. В отдельных странах возможны и исторические зигзаги, временное возвращение к уже пройденному этапу развития, вызванное победой контрреволюции, внешним вторжением, часто сочетаемыми друг с другом. Такие события наблюдались не только в прошлом, но происходят и в новейшую эпоху (например, возрождение буржуазного государства в Венгрии после падения Советской власти в этой стране в 1919 году).

Для правильного понимания процесса смены исторических типов государства большое значение имеет то, что в любую историческую эпоху разные страны мира находятся не на одном этапе экономического и социального развития, что приводит к одновременному существованию государств различных типов. Однако этот факт не опровергает общую закономерность движения от низшего типа государства к высшему и свидетельствует лишь о том, что политическая история разных народов начинается не одновременно и не в одинаковых условиях.

Смена типов государства в зависимости от конкретной обстановки может сопровождаться рядом промежуточных ступеней, которые вызывают к жизни переходную государственную организацию общества, т. е. такие государства, которые уже не могут быть причислены к старому типу, но еще не приобрели все качества нового типа государства. Проблема переходных государств особенную актуальность приобрела в современную эпоху в связи с образованием государств революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства (народа) и национально-демократических государств.

По мере развертывания понятия государства мы закономерно затрагиваем вопросы одной из стержневых проблем марксистско-ленинской теории государства и права — соотношения государства и революции. Разумеется, эта проблема в какой-либо отдельной главе полностью освещена быть не может. В той или иной мере, прямо или косвенно она освещается во всех разделах курса, которые конкретизируют ее применительно к своей тематике.

Каждый тип государства охватывает целую историческую эпоху. Государства, входящие в любой из них, в зависимости от ряда причин могут значительно отличаться друг от друга. Классификации государств в рамках одного и того же исторического типа может служить категория «содержание», позволяющая выявить наиболее важные, родовые черты той или иной группы государств, входящих в один и тот же тип. В настоящее время в рамках капиталистического типа сложились по крайней мере три отличающиеся друг от друга группы государств: государства монополистической буржуазии, государства компрадорской буржуазии и государства национальной буржуазии.

Вышеназванные группы государств прежде всего отличаются друг от друга по своему *социальному содержанию*.

Здесь важно иметь в виду, что сущность и содержание — понятия однопорядковые, но не тождественные. Содержание очень тесно связано с сущностью, но это не исключает возможности обнаружения главной и решающей внутренней связи изучаемых явлений и процессов, такой их объективной стороны, которая определяет природу, основу данных явлений и процессов. Этой объективной стороной является сущность [1].

При этом следует иметь в виду, что «содержание» так же, как и «сущность», среди других связей отражает внутреннюю и решающую связь. Но оно отражает внутреннюю и решающую связь не применительно ко всем явлениям, процессам, которые охватывают понятие «сущность», а только к отдельным явлениям, процессам или их группам. Это объясняется тем, что категория «содержание» отражает помимо решающей внутренней связи явлений и процессов и еще нечто другое, что свойственно не всем явлениям, процессам, имеющим одну и ту же решающую внутреннюю связь, а только некоторым или даже отдельным из них.

Особенно наглядно это видно при анализе сложных общественных явлений и процессов. Даже имея одну и ту же сущность, они резко отличаются друг от друга. В этом случае «содержание» помогает отразить специ-

[1] См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 135, 136, 155.

фику проявления решающей внутренней связи в отдельном явлении, процессе.

«Сущность» более абстрактное и вместе с тем глубокое понятие, поскольку оно отражает объективную сторону, выявляя в ней решающую устойчивую внутреннюю связь. «Содержание» более конкретное понятие, в силу этого оно шире, чем «сущность», так как отражает объективную сторону во всех многообразных связях в определенной исторической обстановке»[1]. Отсюда следует вывод: категория «содержание» отражает момент сущности явления, процесса на данном историческом этапе развития.

Различие в содержании государств, входящих в один и тот же тип, обусловливается уровнем развития их экономической и политической основы, соотношением классовых сил в стране и рядом других внутренних и внешних обстоятельств.

Таким образом, если термин «тип государства» является обозначением научного понятия, отражающего сущность и наиболее важные черты государства, определяемые в конечном счете его экономической основой, то для обозначения научного понятия, отражающего содержание и те черты государства, которые определяются в конечном итоге не только экономической, но и политической основой общественного строя, может быть применен термин «род государства».

В рамках одного и того же исторического типа, а точнее сказать, одного и того же рода[2], входящего в этот тип, государства могут подразделяться, исходя из видовых отличий[3].

---

[1] Б. С. Украинцев, К вопросу об определении категорий «содержание» и «форма» («Вопросы диалектического материализма», изд-во АОН, 1957, стр. 118). См. также В. С. Библер, О системе категорий диалектической логики, Душанбе, 1958.

[2] Понятие «род государства» при рассмотрении государств одного и того же типа является необходимым звеном двух классификационных рядов: полихронического ряда, т. е. государств, следующих одно за другим (например, буржуазные государства эпохи промышленного капитализма и сменившие их империалистические государства), и синхронического ряда, т. е. государств одновременно сосуществующих (например, все современные буржуазные государства).

[3] В советской юридической литературе иногда высказывается точка зрения, исключающая возможность классификации государств в рамках определенного исторического типа по их родовым и видовым признакам. Например, О. С. Иоффе и А. И.

Форма государства

Признаком, позволяющим установить особенности той или иной разновидности государств, является их форма, представляющая собой устройство государства [1].

Существенные черты той или иной формы нельзя понять и объяснить, отвлекаясь от характера тех производственных отношений, которые сложились на данной ступени исторического развития. Однако экономический строй общества, определяя всю надстройку в целом, характеризует форму государства лишь в конечном итоге, *преломляясь через его содержание*. Анализ производственных отношений может поэтому вскрыть основные принципы, но не специфику какой-то определенной организации государственной власти.

Среди факторов, обусловивших специфику данной конкретной формы государства любого типа, первостепенное значение имеет соотношение классовых сил, борьба классов. Итоги этой борьбы находят свое выражение в организации государственной власти, в методах ее деятельности. Устанавливая эту общую закономерность на основе анализа французской действительности, Маркс указывал, что «во Франции в наиболее резких очертаниях выковывались те меняющиеся политические формы, внутри которых двигалась эта классовая борьба и в которых находили свое выражение ее результаты» [2]. К такому же выводу приходит В. И. Ленин: «И самодержавие, и конституционная монархия, и республика, — пишет он, — суть лишь разные формы классовой борьбы...» [3]. Нет необходимости

Королев в работе «Сущность социалистического государства и права» (изд-во ЛГУ, 1963) категорически выступают против применения понятий «вид» и «род» по отношению к социалистическому типу государств.

[1] В. С. Петров, Тип и формы государства, стр. 42. Представляет интерес определение формы государства, принадлежащее П. Е. Недбайло: «Это есть порядок образования органов государства, их структура, особенно структура высших органов государства, взаимоотношения между ними, особенно взаимоотношения между центральными органами и органами составных частей государства и местными органами, а также методы их деятельности по руководству обществом (П. Е. Недбайло, Основы теории государства и права, Киев, 1959, стр. 40).

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 259.

[3] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 17, стр. 346.

доказывать, что и современные политические формы полностью подтверждают справедливость этого вывода [1].

Специфику формы государства определяют также взаимосвязь и взаимозависимость государства с остальными элементами политической организации общества.

На форму государства известное влияние оказывают и уровень культуры, и те традиции, которые сложились в результате исторического развития той или иной страны. Нельзя правильно оценить и глубоко охарактеризовать, например, французскую республику, либо английскую парламентарную монархию, не учитывая этот фактор.

При анализе формы государства следует учитывать и то, что все государства развиваются не изолированно друг от друга: между ними возникают экономические, политические и культурные связи. Страны, ушедшие вперед, могут оказывать и действительно оказывают влияние на возникновение и специфику политических форм менее развитых государств. Так, французская революция 1789 года во многом повлияла на политические формы европейских государств.

Однако примеры прогрессивного влияния в рамках буржуазного типа государств относятся лишь к прошлому. В настоящее время империалистические круги развитых капиталистических стран стремятся навязать менее развитым странам реакционные политические формы с тем, чтобы обеспечить себе возможность закабалять и эксплуатировать народы этих стран.

Отношения государств социалистического типа строятся на принципиально иной основе, чем отношения капиталистических государств. Поэтому в социалистическом мире воздействие государств, ушедших вперед в своем историческом развитии, на политические формы государств, вставших на социалистический путь, оказывается прогрессивным.

Такое прогрессивное влияние социалистических государств сказывается, в частности, на политических формах тех стран, которые разорвали цепи колониализма и встали на самостоятельный путь развития.

---

[1] Форма государства, функционирующего в социалистическом обществе, в результате ликвидации эксплуататорских классов из «формы классовой борьбы» превращается в такое устройство государства, которое отражает и закрепляет дружбу и сотрудничество трудящихся классов.

Отметив факторы, обусловливающие появление той или иной формы государства, мы должны, далее, конкретизировать ее понятие, т. е. выяснить, из каких основных структурных моментов оно складывается.

В последнее время советская юридическая наука сделала заметный шаг вперед в плане критического пересмотра бытовавшего ранее понятия формы государства, согласно которому она сводилась лишь к форме правления и форме государственного устройства (внутреннее территориальное деление государства) [1].

Однако, исследуя государство любого исторического типа, легко убедиться, что именно политический режим, проявляя классовое содержание того или иного конкретного государства, обнаруживает характерные основные черты организации государственной власти, ее специфические особенности и методы деятельности и поэтому является *главной, внутренней стороной формы этого государства* [2].

---

[1] Так, если в учебнике «Теория государства и права» авторского коллектива Института права Академии наук СССР (Госюриздат, 1949) в разделах, посвященных форме государства, речь идет о формах правления и государственного устройства, то в книге «Теория государства и права» авторского коллектива института права Академии наук СССР (Госюриздат, 1955) уже указывается, что «термин «форма государства» употребляется как в узком смысле, то есть в смысле формы правления, так и в более широком смысле, охватывающем не только форму правления, но также форму государственного устройства и политический режим» (стр. 56).

В последующих учебниках и учебных пособиях («Общая теория государства и права», 1961; «Теория государства и права», 1962; «Основы теории государства и права»; «Теория государства и права», 1965) политический режим неизменно включается в понятие формы государства, но внимание ему уделяется явно недостаточное, конкретный анализ этого сложного понятия по сути дела не проводится.

[2] В 1956 году в статье «О понятии формы государства», выступая против игнорирования политического режима, которое имело место в советской юридической литературе, Г. Н. Манов в полемике с В. С. Петровым и другими советскими учеными впал в другую крайность, утверждая, что политический режим является формой государства «во всеобъемлющем значении этого понятия» (Г. Н. Манов, О понятии формы государства, «Ученые записки Таджикского государственного университета», т. XI, Труды юридического факультета, вып. 4, 1956, стр. 6).

В настоящее время и другие авторы отказались от крайностей в решении вопроса о форме государства. Так, если В. С. Пет-

В общеполитической литературе в ряде случаев между понятием «политический режим» и понятием «форма государства» ставится знак равенства. Это объясняется тем, что поскольку политический режим является главной, внутренней стороной формы государства, постольку возможно в определенном контексте само понятие «форма государства» сводить к этому основному его структурному моменту.

Г. М. Димитров, анализируя фашистский режим, отмечал, что «приход фашизма к власти — это не обыкновенная замена одного буржуазного правительства другим, а смена одной государственной формы классового господства — буржуазной демократии другой его формой — открытой террористической диктатурой»[1]. Очевидно, что буржуазная демократия и фашизм — это различные политические режимы, устанавливаемые в капиталистических странах. Характеризуя формы социалистического государства, Г. М. Димитров сказал: «В соответствии с марксистско-ленинским положением советский режим и народно-демократический режим являются двумя формами одной и той же власти рабочего класса в союзе с трудящимися города и деревни»[2].

Совокупность приемов и методов, при помощи которых господствующий класс, используя государственную власть, осуществляет подавление классовых противников и привлекает представителей своего класса к управлению государством, является чрезвычайно важной стороной политического режима.

В. И. Ленин еще до Октябрьской революций указывал, что «буржуазия во всех странах неизбежно вырабатывает две системы управления, два метода борьбы за свои интересы и отстаивания своего господства, причем эти два

ров утверждал, что форма правления является главной, ведущей стороной формы государства («Вопросы советского государства и права», «Ученые записки ЛГУ», вып. 6, 1955, стр. 66), то в разделах книги «Общая теория государства» (изд-во ЛГУ, 1961), написанных тем же автором, подобное утверждение места уже не имеет. См. также В. С. Петров, Типы и формы государства, стр. 58.

[1] Г. Димитров, Наступление фашизма и задачи Коммунистического интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма, Партиздат, 1935, стр. 10.

[2] «Правда» 27 декабря 1948 г.

метода то сменяют друг друга, то переплетаются вместе в различных сочетаниях. Это, во-первых, метод насилия, метод отказа от всяких уступок рабочему движению, метод поддержки всех старых и отживших учреждений, метод непримиримого отрицания реформ... Второй метод — метод «либерализма», шагов в сторону развития политических прав, в сторону реформ, уступок и т. д.»[1]. В зависимости от соотношения классовых сил буржуазия выдвигает на передний план то один, то другой метод. После победы социалистической революции рабочий класс также применяет различные методы государственного руководства обществом, в основе которых лежит постоянное и непременное привлечение широчайших трудящихся масс к управлению государством.

Совокупность приемов и методов, при помощи которых господствующий класс осуществляет свою диктатуру, является важнейшей, но все же только одной стороной (или одним элементом) политического режима. Анализируя буржуазно-демократические режимы на настоящем этапе развития в Англии, Франции, Италии и других капиталистических странах, мы не можем отвлекаться от того, что господствующие классы этих стран не могут устранить парламент из политической жизни, как это делали фашисты[2]. Нельзя сбросить со счета и другие институты буржуазной демократии: многопартийную систему, избирательное право и т. д.

Рассматривая фашистский политический режим, нельзя не констатировать фактическое устранение парламента из политической жизни страны, сосредоточение всей полноты государственной власти в руках дуче или фюрера, произвол тайной полиции, фактическое превращение учреждений фашистской партии в органы государства и т. д.

Все это приводит к выводу, что политический режим характеризуется не только совокупностью приемов и методов осуществления государственной власти, но и определенными структурными особенностями (изменениями) самого государственного аппарата.

---

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 20, стр. 67.

[2] См. Пальмиро Тольятти, О возможности использования парламентского пути для перехода к социализму («Правда» 7 марта 1956 г.).

В государствах социалистического типа наблюдается принципиально иная, чем в буржуазных странах, картина. Однако для характеристики политического режима и здесь мало установить те приемы и методы, при помощи которых осуществляется власть трудящихся. Необходимо остановиться и на самой системе социалистической демократии, на тех органах, которые составляют организационно-политическую основу того или иного государства.

Словом, при характеристике того или иного политического режима необходимо исследовать как организационно-политическую основу данного государственного строя, так и совокупность методов, посредством которых осуществляется государственная власть.

Возможна и более широкая трактовка политического режима, когда он рассматривается как конкретное выражение всей системы политической организации общества. Но и такое широкое понимание политического режима не исключает сведения понятия этого общественного явления к его государственно-правовому ядру, т. е. к внутренней, наиболее существенной стороне формы государства, прямо выражающей его классовое содержание.

За рамками политического режима остаются форма правления, представляющая собой организацию высших органов государственной власти и порядок их образования, и форма организации государственного единства, т. е. структура государства, его территориальное устройство [1], которые составляют внешнюю форму государства.

По тому, как строятся высшие органы власти — являются ли они единоличными или коллегиальными, наследственными или выборными — принято различать *монархические* и *республиканские* формы правления.

Монархии характеризуются тем, что во главе государства стоит единоличный монарх, обычно наследственный. Монархия сложилась еще в условиях рабовладельческого общества, являлась основной формой правления при фео-

[1] В советской литературе эту сторону формы государства принято обозначать термином «форма государственного устройства». Представляется, что этот термин слишком широк, так как он фактически охватывает форму государства, взятую в целом, а не одну из ее сторон. (См. Н. П. Фарберов, К вопросу о понятии государственного устройства, «Правоведение», 1963 г. № 1).

дализме и сохранилась в ряде капиталистических стран, меняя при переходе от одной формации к другой свое классовое содержание. «Монархия, — писал В. И. Ленин, — вообще не единообразное и неизменное, а очень гибкое и способное приспособляться к различным классовым отношениям господства, учреждение»[1].

В отличие от монархии *республика* характеризуется выборностью высших органов власти и коллегиальным характером по крайней мере одного из них, а именно органа, осуществляющего законодательную власть. История и современность знают различные виды республик, определяемые в первую очередь их классовым содержанием.

Республиканская форма правления была известна рабовладельческим государствам (Древняя Греция и Древний Рим), а также некоторым феодальным государствам (Венеция, Псков и др.). Установление республики в ряде европейских стран знаменовалось победой капитализма над феодализмом. Смена феодальной монархии буржуазной республикой была исторически прогрессивным явлением, поскольку она способствовала частичному или полному уничтожению феодализма. Вместе с тем в буржуазной республике, на что неоднократно указывали основоположники марксизма-ленинизма, господство буржуазии выступает в обнаженном виде, и в лице этого класса пролетариат видит своего непосредственного противника.

Внутреннее деление государства на те или иные части, правовое положение этих частей, взаимоотношения их органов между собой, а также с центральными органами власти позволяют делить все государства на *простые (унитарные) и сложные (федеративные, конфедерации)*.

К простым (унитарным) государствам относятся те, которые делятся лишь на административно-территориальные единицы (области, провинции, губернии и т. д.).

Федеративное (союзное) государство складывается из нескольких государств или государственных образований (автономные республики, штаты, кантоны, земли), располагающих своими законодательными, исполнительными и, как правило, также судебными органами.

---

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 20, стр. 359.

От федерации как союзного государства следует отличать конфедерацию или постоянный союз государств с некоторыми органами, ведающими строго определенными общими вопросами. Решение органов конфедерации вступает в силу после их ратификации всеми или квалифицированным большинством членов конфедерации. Государства, объединяющиеся в конфедерацию, как правило, по соображениям внешней политики и обороны, во всех остальных областях сохраняют свою независимость.

Таким образом, форма государства складывается из политического режима, формы правления и формы организации государственного единства, и, следовательно, ее общее понятие должно включать эти три необходимые стороны в качестве основных структурных моментов.

Глава шестая

МЕХАНИЗМ ГОСУДАРСТВА

§ 1. Понятие механизма государства. § 2. Представительные органы. § 3. Глава государства, правительство и административный аппарат. § 4. Суд и прокуратура. § 5. Постоянное войско и органы охраны общественного порядка.

§ 1. ПОНЯТИЕ МЕХАНИЗМА ГОСУДАРСТВА

Государственный механизм как материальное воплощение государства

Механизм государства — это совокупность учреждений, посредством которых господствующий класс осуществляет государственную власть, обеспечивает свое политическое, экономическое и идеологическое господство, подавляет классовых противников, осуществляет государственное руководство обществом.

Механизм государства характеризуется следующим:

во-первых, он состоит из особого разряда людей, занимающихся управлением. В. И. Ленин отмечал, что государство «всегда было известным аппаратом, который выделялся из общества и состоял из группы людей, занимавшихся только тем или почти только тем, или главным образом тем, чтобы управлять» [1];

во-вторых, он представляет собой систему государственных органов и учреждений, связанных иерархической подчиненностью и правомочных совершать действия, составляющие монополию государства;

в-третьих, для обеспечения своих властных велений он располагает необходимыми организационными средствами,

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 39, стр. 72.

непосредственными орудиями принуждения, соответствующими техническому уровню каждой эпохи.

Без организационно-материальных средств — «вещественных придатков» для принуждения (в случае необходимости) к исполнению своих велений не может обходиться ни одно государство.

Механизм государства организуется как в масштабе всей страны, так и в ее административно-территориальных подразделениях (механизм эксплуататорского государства простирает свою деятельность также и на территорию колоний). В зависимости от уровня общественного развития и других объективных факторов механизм различных государств отличается меньшей или большей степенью централизации, но всегда и везде он представляет единое целое.

Механизм государства есть та реальная организационная материальная сила, располагая которой государство властвует[1]. Он является непосредственным олицетворением государства, представляет собой материализованное, непосредственное существование самого государства. Без него собственно нет государства.

Соотношение механизма государства и системы диктатуры классов

Механизм государства является решающим, основным, но не единственным средством осуществления диктатуры господствующих классов.

Господствующий в обществе класс (классы) осуществляет свою диктатуру, свою власть посредством ряда органов и организаций. Одни из этих органов в своей совокупности составляют государственный механизм, а другие — составляют систему так называемых общественных организаций (объединения предпринимателей, политические партии, добровольные общества и т. д.) господствующих классов.

Совокупность всех государственных органов и общественных организаций, посредством которых господствующий класс осуществляет свою власть и обеспечивает свой

---

[1] Механизм государства в трудах основоположников марксизма-ленинизма часто именуется государственной машиной или государственным аппаратом в широком смысле слова. Эти термины употребляются и в специальной литературе.

Для обозначения совокупности органов, при помощи которых осуществляется государственная власть, иногда применяется также термин «публичная власть».

интересы, называется системой диктатуры класса. Другими словами, система диктатуры класса состоит как из государственного механизма, так и общественных организаций. Например, в капиталистических странах большая роль в поддержании, осуществлении и охране диктатуры буржуазии принадлежит соответствующим политическим партиям, церкви, союзам и другим организациям господствующего класса.

Следует различать механизм государства и систему диктатуры класса. Соотношение между государственным механизмом и системой диктатуры класса — соотношение части с целым. Части (элементы), включающиеся в систему диктатуры класса, но не являющиеся государственными в прямом смысле, примыкают к государственному механизму, действуют обычно в одном с ним направлении, состоят с ним в определенной связи, в известных взаимоотношениях. Более того, некоторые из них, например монополистические объединения и буржуазные партии в странах капитала, являются ведущей силой в отношении государственного механизма, по существу определяя и направляя его деятельность [1].

Факторы, определяющие характер государственного механизма

Механизм государства определяется сущностью государства. Из этого надо прежде всего исходить, сравнивая механизм государств разных исторических типов, и в особенности при сопоставлении эксплуататорского и социалистического типов государств.

Для различных типов *эксплуататорского* государства в процессе их исторического развития характерно все большее усложнение государственного механизма. В этой связи достаточно сравнить хотя бы механизм первых рабовладельческих государств, который В. И. Ленин называл технически слабым, со сложной системой органов современного буржуазного государства. Но и в рамках одного и того же исторического типа механизм государства не представляет собой чего-либо неизменного: он усложняется вместе с развитием соответствующей формации.

На механизм государства накладывает отпечаток специфика исторического развития той или иной страны. Так,

[1] См. например, C. Possiter, Parties and Politics in America, N.-Y., 1964.

особенности английской революции XVII столетия сказались в том, что важнейшим («всемогущим») рычагом английского государственного механизма долгое время был парламент. Своеобразные условия возникновения буржуазного государства в США обусловили широкие полномочия президента.

Влияние на отдельные стороны некоторых частей государственного механизма оказывают национальные традиции и даже территориальные размеры государства, особенности его географического положения. Так, Англия, как островное государство, долгое время не имела постоянной сухопутной армии, но как морская держава она выделялась, имея могущественный флот. Наоборот, Пруссия — континентальное государство, неоднократно практиковавшее нападение на соседние народы, имела всегда многочисленную вышколенную армию, но сравнительно слабый флот.

Решающее влияние на государственный механизм оказывают развитие экономического строя и соотношение классовых сил. Это неизбежно находит свое отражение и в структуре, а равно и в деятельности механизма данного государства. Обусловленный в конечном счете экономической основой данного общества, механизм государства со своей стороны оказывает весьма большое воздействие на развитие экономики. Механизм государства всегда строится в соответствии с основными задачами и функциями государства.

Серьезное, особенно возросшее в современных условиях воздействие на эксплуататорский государственный механизм оказывает классовая борьба трудящихся. Это воздействие, как правило, вызывает в качестве ответной меры усиление репрессивного аппарата государства. Вместе с тем в результате классовой борьбы правящий класс вынужден идти на уступки, проводить частичную демократизацию отдельных государственных органов, особенно представительных учреждений.

На структуру и деятельность механизма государства оказывают влияние не только внутренние, но и внешние условия, международная обстановка, степень развития международных отношений, а главное — характер этих отношений.

Механизм социалистических государств также не представляет собой чего-то неизменного. Он непрерывно раз-

вивается и совершенствуется. Объяснения этому надо искать в развитии общественных отношений, выдвижении новых задач, которые возникают в ходе социалистического и коммунистического строительства, в изменении международной обстановки.

Структура механизма государства

Механизм государства складывается из различных частей, соответствующих своему назначению и имеющих специфическое устройство, частей, каждая из которых действует специализированно и дифференцированно [1]. Вместе с тем все части государственного механизма находятся в определенной связи между собой, образуют единый социальный организм.

Структура государственного механизма изменчива и разнообразна, но при всех условиях государство состоит как из аппарата управления, так и аппарата принуждения [2]. Это, разумеется, не следует понимать так, что одна часть государственного механизма занимается только управлением, а другая часть имеет своей задачей только принуждать. В реальной жизни управление и принуждение переплетаются друг с другом.

Одну часть государственного механизма составляют органы государства в собственном смысле слова, или, как часто говорят и пишут, — *органы государственной власти и государственного управления:* представительные органы, глава государства и правительство, осуществляющие соответственно верховную власть и управление в государстве, а также местные органы власти. Названные органы обычно находятся в поле зрения общественности, вокруг них формируется общественное мнение. Объем прав или полномочий, предоставляемых этим государственным органам, и порядок их осуществления либо закрепляются в конституционном порядке, либо определяются текущим законодательством, либо, наконец, регулируются на основе сложившихся обычаев.

Другую часть государственного механизма составляют суд, прокуратура и — являющиеся прямыми носителями

---

[1] На ранних этапах существования рабовладельческого и феодального общества государственный механизм не имел четкой дифференциации органов по их составу и компетенции. Например, один и тот же государственный орган обладал и административными и судебными полномочиями.

[2] См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 39, стр. 72—73.

принудительной, насильственной функции власти — армия, полиция (милиция), разведка.

Указанные органы выступают как исполнители воли органов государственной власти и правительства. Дело в том, что органы власти и управления обычно сами, непосредственно, не применяют принуждения, исключая его «мягкие» формы (административные и дисциплинарные воздействия). Острые же формы принуждения (военное подавление, полицейские меры) осуществляются такими орудиями власти, как войско и полиция. Словом, эти организации являются теми главными орудиями, посредством которых осуществляются насильственные функции государства и которые Ф. Энгельс и В. И. Ленин называли особыми отрядами вооруженных людей [1].

Наука государственного права более детально классифицирует органы государства, в зависимости от *вида* их деятельности, *форм* ее осуществления, *объема* властных полномочий, *способа* образования. Исходя из этого, различают: а) органы государственной власти; б) органы государственного управления; в) судебные и прокурорские органы; г) органы прямого принуждения (армия, полиция, разведка). Теория государства и права (общая теория) иногда дает укрепленную классификацию: органы власти, органы управления, органы прямого принуждения (карательные органы).

Однако следует иметь в виду, что (в широком смысле слова) все органы государства в той или иной мере осуществляют государственную власть. Термин «органы государственной власти» применяется лишь в связи с необходимостью выделения из механизма государства таких его органов, которые непроизводны от каких-либо других государственных организаций и в лице своих высших звеньев наделены прерогативой законодательства.

Термин «органы государственного управления» также условен. В широком смысле слова в управлении делами государства участвуют все эти органы. Но среди них выделяются те, которые производны от органов государственной власти и возникают в определенном ими порядке. Такие органы создаются для осуществления исполнительно-распорядительной деятельности. Их и принято называть органами государственного управления.

---

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 33, стр. 9.

К органам государственной власти и управления примыкают государственные учреждения — такое звено механизма государства, которое властной силой не обладает. Под государственным учреждением обычно понимается либо рабочий, вспомогательный аппарат органа государства (например, управление делами, канцелярия и т. д.), либо государственная организация, имеющая самостоятельные задачи и подчиненная соответствующему органу государства (например, школы, высшие учебные заведения, библиотеки и т. д.).

При характеристике государственного механизма следует обращать внимание на государственные учреждения потому, что любой механизм государства, взятый в целом, выступает не только как орудие политического господства, но в той или иной мере осуществляет экономическую и социально-культурную деятельность, вытекающую из потребностей всего общества. А в такого рода деятельности государственные учреждения играют заметную роль. К тому же социально-культурные учреждения готовят кадры для государственного аппарата, а вспомогательные учреждения органов государства часто подготавливают решения властно-управленческих органов государства и во многом их предопределяют.

В буржуазной науке распространен взгляд, согласно которому структура государственного механизма вытекает из принципа разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную. Если говорить о «разделении властей» в том виде, как оно отражается в буржуазных конституциях, то это прежде всего система распределения компетенции между различными государственными органами. Как было показано еще Марксом, разделение властей «есть не что иное, как прозаическое деловое разделение труда, примененное к государственному механизму в целях упрощения и контроля»[1].

Дело, однако, в том, что содержащиеся в буржуазных конституциях постановления о компетенции тех или иных органов часто не соответствуют их фактическим полномочиям и не отражают действительное соотношение полномочий основных органов государства (например, парламента и правительства) и их удельный вес в механизме буржуазного государства.

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 5, стр. 203.

При рассмотрении вопроса о разделении властей иногда допускается прямое отрицание самой возможности осуществления этого принципа в реальной действительности. Эта ошибка, как отметил профессор И. Д. Левин, вызвана подменой юридических и политических вопросов социологическим аспектом проблемы[1]. Господство одного класса, который держит в своих руках государственную власть и является единственным ее носителем, отнюдь не исключает того, что оно может осуществляться через различные органы.

Теория и практика социалистической государственной системы исходят из принципа единства власти как выражения полновластия трудящихся, но видят объяснение наличию разных частей государственного механизма, различных государственных органов в разделении работы в интересах правильного и нормального правления государством, ввиду сложности и многогранности общественных отношений, и в этом усматривают основание для их классификации.

Основные черты механизма эксплуататорских государств

В эксплуататорских государствах различных исторических типов (рабовладельческом, феодальном, буржуазном) государственный механизм обладает рядом существенных особенностей, обусловленных объективными условиями их существования.

Так, рабовладельческий государственный механизм, в котором важнейшую роль играли армия и карательные органы, комплектовался обычно преимущественно из среды состоятельных рабовладельцев. Высшие должности занимали самые знатные и богатые представители господствующего рабовладельческого класса[2]. Но и в рамках рабовладельческого строя государственный механизм различных государств не был идентичен. Например, в условиях Древнего Востока аппарат управления состоял из трех ведомств: военного, служащего целям захвата рабов и ограбления чужих народов; финансового, созданного для ограбления собственного народа в интересах крупных рабовладельцев, и ведомства публичных работ, ведающего

---

[1] И. Д. Левин, Современная буржуазная наука государственного права, стр. 294—296.

[2] Вместе с тем неполноправные и даже рабы использовались на государственной работе (например, рядовой состав полиции комплектовался из рабов).

сооружениями и службами, связанными с земледелием (особенно искусственным орошением) [1].

Известными особенностями отличался и государственный механизм, функционировавший в условиях феодального общества. Так, в войске феодального государства феодалы занимают все командные посты. Исключительную роль в механизме феодальной власти играла церковь.

Специфическими чертами характеризуется и феодальная судебная система, не знавшая общего для представителей различных сословий суда. Лица определенного социального положения отвечали только перед судом, который состоял из равных подсудимому (суд пэров).

У буржуазного государственного аппарата, несомненно, есть такие черты, которые без труда обнаруживаются в аппарате государств феодальных и рабовладельческих. Но на этом нельзя поставить точку. Всестороннее и глубокое исследование обнаруживает специфические особенности каждого в отдельности взятого типа эксплуататорского государства. Основные и все другие орудия власти буржуазного государства отличаются — и отличаются весьма значительно — от аппарата феодального или рабовладельческого государства [2]. Отличие механизма буржуазного государства от механизма государств предшествующих типов выражается не только в появлении или отсутствии тех или иных органов, но и в степени их дифференциации и специализации в зависимости от вида осуществляемой государственной деятельности.

Буржуазный государственный механизм характеризуется ясно выраженным разделением органов государства (по виду деятельности) и разграничением их компетенции.

При всех различиях, существующих между государственным механизмом эксплуататорских государств разных типов, можно выделить основные общие черты, которые присущи их механизму как организации эксплуататорского меньшинства населения. Поскольку все эксплуататорские государства, с точки зрения их самой общей характеристики, основаны на частной собственности и служат подавлению трудящихся классов, эти черты могут быть охарактеризованы следующим образом.

[1] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 9, стр. 132.

[2] Ср. «Теория государства и права», изд-во МГУ, 1967, стр. 133.

Во-первых, механизм таких государств является антинародным по своему классовому существу и персональному составу. Ключевые позиции в государственном аппарате эксплуататорские классы всегда сохраняют за собой. Нередко руководящие посты занимаются лицами, тесно связанными происхождением, родством, собственностью.

Механизм эксплуататорского государства оторван от народа, ему противопоставлен. Практически это выражается в системе его организации, методах и формах деятельности, в средствах связи с населением, в привилегиях, которыми наделяются чиновники. Привилегированное положение должностных лиц (чиновников) состоит, в частности, в наличии у них в ряде стран дискреционных прав (т. е. права «свободного усмотрения») при выполнении своих обязанностей, их неподсудности за незаконные действия по должности обыкновенным судом, в особых гарантиях материальной обеспеченности (высокие оклады, пенсии и т. д.).

Во-вторых, механизм эксплуататорских государств имеет преимущественно насильственный характер, в силу чего особую роль в нем играют такие орудия, как армия (постоянное войско), разведка, полиция.

В-третьих, основная тяжесть содержания механизма эксплуататорских государств падает на плечи трудящихся.

Антидемократические тенденции развития особенно заметно проявляются в современном империалистическом государстве, его властно-управленческом механизме. К этим тенденциям относятся: сращивание государственного механизма с монополиями; рост численного состава и одновременно бюрократическая централизация аппарата, его возрастающая милитаризация; все более тщательный отбор руководящих кадров (путем проверки «лояльности» и т. п.); совершенствование методов эксплуатации, подавления и идеологической обработки населения; его антикоммунистическая направленность[1]. «Главным орудием сохранения классового господства буржуазии стало ныне соединение силы монополий с властью государства в единый механизм борьбы против мира со-

---

[1] Подробно см. «Конституционный механизм диктатуры монополий» «Наука», 1964, стр. 84—93; «Современные буржуазные учения о капиталистическом государстве», «Наука», 1967, стр. 27.

циализма, против рабочего класса и общедемократического движения народных масс»[1].

Основные черты механизма социалистических государств

В социалистический государственный аппарат, или государственный механизм[2], входят органы государственной власти, органы государственного управления, суд, прокуратура, а также армия, органы охраны общественного порядка и государственной безопасности[3].

Система органов социалистического государства, так же, как и их задачи и компетенция, не остается неизменной. Она меняется в зависимости от развития социалистического государства, эволюции его функций и форм. Усиление хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной деятельности социалистического государства приводит к тому, что аппарат, осуществляющий эту работу, выдвигается на передний план.

Такую закономерность развития системы органов социалистического государства В. И. Ленин вскрыл в самом начале существования Советской власти. Уже тогда он указывал, что по мере коммунистического строительства все больший удельный вес в механизме социалистического государства будет приобретать аппарат, ведающий хозяйственным и культурным строительством, ибо именно ему прежде всего принадлежит роль непосредственного творца нового общества.

Государственный механизм в различных социалистических странах отличается некоторыми особенностями, обусловленными уровнем социалистических преобразований, историческими традициями и другими факторами, имеющими место в той или иной стране (например, единоличный президент во Вьетнаме и Чехословакии, государственный совет в СРР, ГДР и Польше и др.). Однако взятый в целом государственный механизм всех социалистических стран характеризуется рядом основных общих черт, которые обусловлены его классовой природой и социальным назначением.

---

[1] Л. И. Брежнев, Дело Ленина живет и побеждает, Политиздат, 1970, стр. 51.

[2] Термины «социалистический государственный аппарат» и «социалистический государственный механизм» довольно часто применяются как синонимы в литературе и нормативных актах.

[3] Шире толкует понятие государственного механизма В. В. Копейчиков, Механизм Советского государства, «Юридическая литература», 1968.

Взамен буржуазных принципов, на которых построена деятельность и связи отдельных частей механизма буржуазного государства, вырабатываются социалистические принципы организации и деятельности государственного механизма: выборность большинства должностных лиц, сменяемость выборных и невыборных должностных лиц, подотчетность и отчетность должностных лиц перед населением или перед представительными органами, сочетание коллегиальности и единоначалия, демократический централизм, тесная, неразрывная и постоянно усиливающаяся связь государственного механизма с массами, доступность его трудящимся и др.

Государственный механизм социалистических стран строится и действует на основе всестороннего и систематического привлечения трудящихся масс к государственному управлению, демократического централизма, социалистической законности, пролетарского интернационализма. Он осуществляет единство политического, хозяйственного и идеологического руководства и от имени трудящихся, а затем и всего народа, распоряжается единым фондом государственной социалистической собственности. Социалистический государственный механизм, руководимый коммунистической (рабочей) партией, является прямым выражением диктатуры рабочего класса, а затем общенародной государственной власти, орудием строительства социализма и коммунизма [1].

§ 2. ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ

К числу представительных учреждений обычно относятся выборные законодательные учреждения (парламенты) и местные органы власти и самоуправления.

Право издания законов принадлежит высшим представительным органам. Для обозначения этого учреждения применительно к буржуазным странам принят общий родовой термин «парламент». В Англии, Канаде, Индии и некоторых других странах термин «парламент» — собственное имя законодательного органа; в остальных странах этот орган называется иначе.

---

[1] Более подробная характеристика социалистического государственного аппарата дается в III томе настоящего курса.

В социалистических странах законодательными органами являются Верховные Советы (в Союзе ССР и советских национальных республиках — союзных и автономных), Народное Собрание в Болгарии, Сейм — в Польше, Великое Национальное Собрание — в Румынии, Национальное Собрание — в Чехословакии и т. д.

Буржуазный парламент

В эпоху промышленного капитализма в соответствии с принципом «разделения властей» парламент считался единственным законодательным органом, высшим учреждением в иерархии властей.

Парламент был органом власти, наиболее приспособленным к условиям господства промышленной буржуазии, к экономике и идеологии домонополистического капитала. Расцвет парламента в большинстве стран относится к периоду наивысшего развития домонополистического капитализма. Именно тогда сложился круг его полномочий: принятие законов, утверждение бюджета, контроль над правительством (в форме запросов и обсуждения его деятельности). Выработались и такие способы воздействия парламента на судьбу правительства (кабинета), как утверждение или отклонение правительственного законопроекта, выражение (вотум) доверия или недоверия правительству в целом или отдельным министрам, запросы, интерпелляции, резолюции, расследования и т. п. Все это получило свое выражение в принципе парламентаризма, подчеркивавшем верховенство парламента в отношении всех других органов власти и в особенности ответственность правительства перед ним.

Однако сам по себе принцип верховенства парламента не всегда гарантировал его действительное преобладание над исполнительной властью даже в период расцвета парламентаризма. С вступлением же в стадию империализма значение парламента стало падать. Правительственные акты начали преобладать над парламентскими статутами. Контроль парламента над правительством стал терять свое значение и заменяться фактическим контролем правительства над парламентом[1]. По мере перерастания про-

[1] Об ослаблении роли парламентского контроля над правительством в период империализма см. Ю. И. Авдеев, В. Н. Струнников, Буржуазное государство. 1918—1939 гг., изд-во ИМО, 1962, стр. 170—174; см. также Я. М. Бельсон, Сов-

мышленного капитализма в империализм именно правительства становятся главным орудием осуществления диктатуры монополистического капитала в то время, как парламенты при сохранении внешних атрибутов их полновластия отодвигаются на задний план.

Немаловажное значение имеет и широко распространившийся (особенно после второй мировой войны) в различных вариациях и модификациях институт конституционного надзора (верховный суд страны толкует конституцию и устанавливает соответствие ей законов), создающий дополнительную невыборную и непредставительную инстанцию для контроля над работой парламента. При системе конституционного надзора парламентское законодательство ставится под контроль — по внешности судебного, а по существу политического — органа правящих классов. При всем этом следует учитывать, что общая тенденция монополистической буржуазии действовать в обход парламента проявляется в различных странах не в одинаковой степени и в разных формах, что определяется целым комплексом политических факторов, в первую очередь соотношением сил классов и партий [1].

В некоторых странах, где в парламентах имеется более или менее значительное (и тем более сильное и устойчивое) представительство рабочего класса и других слоев трудящихся, оно влияет на работу парламентов, создает известные препятствия для реакции, иногда обеспечивает принятие демократических законов. Значительное представительство трудящихся может оказать влияние даже и на состав правительства. Но среди депутатов буржуазных парламентов преобладают капиталисты, помещики, профессиональные буржуазные политики, юристы. И это, разумеется, накладывает отпечаток на всю деятельность парламента, превращая его в орудие правящих классов.

Парламенты большинства буржуазных стран состоят из двух палат: нижней и верхней. Однопалатные парламенты

ременное буржуазное государство и «народное представительство», Госюриздат, 1960, стр. 143—168; «Конституционный механизм диктатуры монополий», «Наука», 1964, стр. 36—83, 180—294, 310—355.

[1] В. Перлс, Империя финансовых магнатов, ИЛ, 1958, стр. 411.

существуют в немногих буржуазных странах, главным образом небольших (Дания, Финляндия, Люксембург и др.). В крупных государствах парламенты, как правило, двухпалатные. Буржуазия в лице верхней палаты создала орган, способный противостоять слишком «радикальным» мероприятиям, которые могла бы утвердить нижняя палата. Поэтому, например, в США рядом с палатой представителей существует сенат как верхняя палата, являющаяся по официальной версии органом выражения «интересов штатов».

После второй мировой войны борьба народных масс за демократизацию общественной жизни привела в одних буржуазных странах к полной ликвидации верхних палат (Дания, Новая Зеландия), а в других — к некоторой их демократизации путем замены принципа назначения членов верхней палаты принципом выборности (Япония) либо путем ограничения прав верхней палаты (Франция). Наряду с этим наблюдается и обратное: когда в некоторых странах, где конституции не предусматривали второй палаты или же ее фактически ранее не было, такие палаты теперь учреждены (Турция, Иран). Последнее свидетельствует о том, что буржуазия стремится всячески использовать антидемократическую в условиях эксплуататорского строя двухпалатную структуру верховного представительного органа.

Существенным фактором в деятельности многих буржуазных парламентов является так называемая оппозиция, включающая депутатов парламентского меньшинства, расходящихся с политикой парламентского большинства и правительства по отдельным вопросам, не затрагивающим основ существующего строя. Оппозиция обычно критикует правительственные законопроекты, вносит интерполляции, поправки. Возглавляет оппозицию обычно бывший или будущий премьер (например, в Англии), именуемый лидером оппозиции. В многопартийных по своему составу парламентах оппозиция не является постоянной — оппозиционные блоки по отдельным вопросам создаются из различных фракций. Буржуазная оппозиция, принадлежащая к тому же классу, что и парламентское большинство, не выступает обычно против основного направления политики буржуазного правительства, а в ее спорах и борьбе с большинством нередко выражаются интересы отдельных групп господствующих классов.

Иной характер имеет оппозиционная деятельность подлинных представителей рабочего класса — коммунистических депутатов. Исходя из своих классовых и общенациональных интересов, руководствуясь главным образом задачей демократизации общественных отношений и борьбы за мир против опасности новой войны, коммунисты не только не отказываются от участия в буржуазном парламенте, но в некоторых странах (в особенности во Франции и Италии), располагая значительным числом мандатов, используют парламентскую трибуну для критики и разоблачения политики правящих классов, для политического просвещения и активизации масс, для влияния на законодательство и состав правительства. Коммунистические фракции в буржуазных парламентах используют в этих целях такие парламентские институты, как запросы, вопросы и др.

Высшие представительные органы социалистических стран

Высшие представительные учреждения социалистических стран концентрируют полномочия государственной власти, в их руках находятся основные нити верховного руководства.

В большинстве социалистических стран высшие представительные учреждения являются единственными законодательными органами. Это обеспечивает стабильность законодательства и наибольший демократизм в издании законов, укрепляет правопорядок, создает нормальные условия для деятельности всего государственного аппарата. Отнесение законодательства к исключительной компетенции высшего представительного органа полностью соответствует положению В. И. Ленина, что «только выборные могут говорить государственным законодательным языком»[1]. Принимаемые высшим представительным учреждением социалистического государства законы не могут быть ни отклонены, ни приостановлены (хотя бы временно) каким-либо другим государственным органом[2].

Высшее представительное учреждение социалистического государства рассматривает и решает важнейшие государственные дела: принимает конституцию и вносит

---

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 35, стр. 109.

[2] В Республике Куба ввиду отсутствия парламента законодательная деятельность осуществляется совместно президентом и кабинетом министров.

в нее изменения, осуществляет общий контроль над её применением, утверждает народнохозяйственный план и государственный бюджет, устанавливает государственные налоги и доходы, поступающие в государственный бюджет, решает вопросы войны и мира и т. д. Акты высшего представительного учреждения социалистического государства регламентируют важнейшие вопросы государственного, хозяйственного, культурного и оборонного строительства, регулируют наиболее важные стороны жизни общества, служат основой деятельности всех других органов государственной власти и государственного управления, правосудия и прокурорского надзора.

Осуществляя верховное государственное руководство, высшее представительное учреждение избирает президиум или президента (там, где существует эта должность), в большинстве социалистических стран образует или утверждает правительство, избирает верховный суд, назначает (или избирает) генерального (главного, верховного) прокурора. Высшее представительное учреждение определяет направление деятельности названных органов и контролирует их работу. Законами, принимаемыми высшими представительными органами, определяется компетенция этих органов, устанавливаются юридические рамки их деятельности. Эти органы подотчетны высшему представительному учреждению и ответственны перед ним.

Особое значение имеют ответственность и подотчетность правительства, что обеспечивает представительному учреждению верховенство в государственном управлении.

Важным средством руководства и контроля высшего представительного учреждения над деятельностью правительства является право депутатов обращаться с вопросом и запросом к правительству в целом или к отдельным его членам по поводу их деятельности или работы подчиненных им органов. Контрольная деятельность высшего представительного учреждения проявляется также в процессе законодательства, при формировании правительства, в ходе обсуждения докладов правительства о его деятельности в целом или по отдельным вопросам, в ходе обсуждения представляемого правительством проекта государственного бюджета и отчета о его исполнении, путем проверки отдельных вопросов при помощи специальных комиссий и т. д.

Полновластие высшего представительного учреждения выражается в его праве неограниченного контроля над деятельностью всего государственного аппарата. В этих целях оно может назначить по любому вопросу следственную или ревизионную комиссию, требования которой должны выполнять все учреждения и должностные лица. Ни один государственный орган не может противопоставлять себя высшему представительному органу и не имеет права вето (запрета) в отношении принимаемых актов.

В большинстве социалистических стран высшие представительные учреждения — однопалатные органы. В федеративных многонациональных государствах в составе высшего представительного органа создано специальное национальное представительство.

В отличие от буржуазного парламента палаты Верховного Совета СССР равноправны. Срок их полномочий одинаковый; обе палаты в равной мере обладают правом законодательной инициативы; закон считается утвержденным, если он принят обеими палатами — большинством голосов каждой; обе палаты принимают участие в образовании подконтрольных Верховному Совету органов; на сессиях палат, которые начинаются и заканчиваются одновременно рассматриваются одни и те же вопросы; совместные заседания ведут поочередно представители каждой из палат.

Местные органы государственной власти и местное самоуправление в буржуазных странах

Местными органами государственной власти и местного самоуправления являются органы, действующие в пределах соответствующих административно-территориальных единиц.

В буржуазных государствах исторически сложилось несколько форм организации власти на местах. В одних из них местные дела находятся в руках выборных органов (местное самоуправление) различных звеньев. В других (в большинстве стран) органы самоуправления ведают рядом вопросов (местное хозяйство, финансы, благоустройство, здравоохранение, дорожное строительство), а более важные функции власти на местах, в частности «поддержание порядка», осуществляют назначаемые из центра чиновники (губернаторы, префекты, комиссары). Наконец, в некоторых отсталых странах и государствах с фашистским режимом управление на

местах построено на полном отрицании начал местного самоуправления, вследствие чего выборных органов нет.

При наличии представителей центральной власти в лице ее чиновников органы местного самоуправления находятся под бюрократической опекой сверху. Представители правительства на местах располагают широкими полномочиями в отношении органов местного самоуправления вплоть до отмены их решений и даже роспуска.

В тех странах, где на местах нет назначаемых из центра чиновников, зависимость местного самоуправления от центральной власти достигается надзором за выборными местными органами, который осуществляется через контролеров, инспекторов и ревизоров центральных правительственных учреждений, экономическими, финансовыми мерами и т. п. Финансовая зависимость заставляет органы самоуправления при решении многих вопросов местного значения сообразовываться с требованиями центральных органов. Демократические силы стремятся использовать даже скромные права местного самоуправления для улучшения условий жизни трудящихся, развития местного хозяйства и т. п. Во Франции и Италии коммунисты имеют значительное число представителей в органах местного самоуправления, а в некоторых из них даже обладают большинством мест. Вместе с представителями других демократических организаций они делают все возможное в интересах трудящихся, в первую очередь в социально-культурной области (строительство жилых домов, школ, больниц, помощь безработным и престарелым и т. п.). Но, конечно, ограниченность компетенции, финансовые трудности (скудность бюджета), контроль сверху сужают их возможности. К тому же правящие классы часто прибегают к «реформированию» или прямому роспуску тех органов местного самоуправления, где преобладают левые силы и в первую очередь коммунисты.

Местные представительные органы в социалистических странах

В социалистических странах трудящиеся массы осуществляют свое полновластие в пределах соответствующих административно-территориальных подразделений при посредстве широко развет-вленной системы местных представительных органов: местные Советы депутатов трудящихся — в СССР, народные Советы — в Болгарии, Польше, Румынии, собрания депутатов — в Германской Демократической Республике, местные

Советы — в Венгрии, хуралы народных депутатов — в Монгольской Народной Республике и т. д.

Местные органы государственной власти социалистических стран имеют широкую компетенцию, которая закреплена в конституциях и других законах. Как полновластные (в пределах своей компетенции) органы государственной власти на местах, они руководят государственным, хозяйственным и культурным строительством, деятельностью подчиненных им органов, устанавливают местный бюджет, обеспечивают охрану государственного порядка, соблюдение законов, охрану прав граждан и т. д.

Местные представительные органы управляют непосредственно или через свои исполнительные и распорядительные органы подведомственными им предприятиями, жилищным хозяйством, местным транспортом и дорожным строительством. Они ведают народным здравоохранением, образованием, социальным обеспечением, торговлей, культурно-просветительными учреждениями, руководят колхозно-кооперативными организациями. Финансовую базу их деятельности составляют местные бюджеты.

Местные представительные органы могут обсуждать и вопросы, выходящие за пределы их территории, и представлять свои предложения в вышестоящие органы. Они строятся и действуют на основе демократического централизма, коллективности руководства, широкой гласности, тесного сотрудничества с общественными организациями, широкого вовлечения трудящихся в свою работу.

§ 3. ГЛАВА ГОСУДАРСТВА. ПРАВИТЕЛЬСТВО И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ АППАРАТ

Главой государства обычно называют носителя — фактически или только формально — верховной власти, являющегося также высшим представителем данного государства в его отношениях с другими государствами.

В феодальных и буржуазных государствах с монархической формой правления это наследственный монарх (император, король, князь, шах, султан, эмир и т. п.), в республиках — избираемый президент или (реже) коллегиальный орган (в Уругвае).

В социалистических странах государство возглавляет коллегиальный орган или президент, избираемый высшим представительным органом.

Глава буржуазного государства

В буржуазном государстве с монархической формой правления глава государства — своеобразный рудимент феодального государственного механизма. В настоящее время, как отмечалось в предыдущей главе, монархия — конституционная (ограниченная). Неограниченная монархия сохранилась только в отсталых, феодальных странах.

Монархи в силу конституционных постановлений или сложившихся традиций обладают рядом прав в отношении парламента: созыв сессий, право на роспуск (обычно нижней палаты), назначение членов верховных палат (там, где это принято), утверждение и опубликование законов и даже право «вето».

Монарх считается главой всего государственного управления (часто формально). Он назначает (или утверждает) главу правительства и министров, но соответственно желанию фракции партийного большинства или коалиции фракций парламента. Он обычно считается верховным главнокомандующим и представляет страну в международных отношениях. Но фактически эти полномочия (как, впрочем, и другие) от его имени осуществляются правительством (или соответствующим министром). Было бы, однако, неправильно делать вывод, что роль монарха исключительно номинальная или что в некоторых государствах (например, в Англии) он сохраняется только как старинное «украшение» государственного здания. Королевская власть в той же Англии, которая настойчиво изображается буржуазией и ее идеологами как якобы стоящая над классами и партиями, долгое время была призвана символизировать собой единство разбросанной по разным континентам Британской империи. Политический смысл сохранения монархии господствующие классы видят и в возможности в нужный момент использовать потенциальные консервативные ресурсы этого института для противопоставления его демократии [1]. Этим объясня-

---

[1] О прерогативах английского короля как резервном орудии на случай какой-либо угрозы социальных перемен см. Дж. Голлэн, Политическая система Великобритании, ИЛ, 1955, стр. 55—59; см. также Н. С. Крылова, Центральные государственные органы Великобритании, «Юридическая литература», 1965.

ется, что институт монархии, который стоит в Англии и Японии[1] на одном из первых мест в числе консервативных начал их государственного строя, заботливо охраняется традицией и всей системой общественно-политического воспитания. И в других странах в моменты особого напряжения классовой борьбы довольно широкие права и полномочия, обычно не используемые лично монархом (например, право введения чрезвычайного положения), могут быть пущены в ход для подавления трудящихся.

В большинстве буржуазных стран главой государства является президент, который избирается либо «всеобщими» выборами, либо законодательными учреждениями (парламентами), либо специальной коллегией, формируемой особым образом.

Президент принимает иностранных дипломатических представителей, назначает послов в другие государства, в ряде стран ратифицирует (утверждает) международные договоры и соглашения; он же считается верховным главнокомандующим вооруженными силами. В некоторых странах президент имеет право распускать парламент и может прервать сессию или отложить ее созыв. Он имеет право отказать в одобрении законопроекта и передать его на вторичное рассмотрение парламента.

Президент имеет и ряд других прав, предусмотренных конституционным законодательством. Некоторые конституции характеризуют президента и как лицо, представляющее «национальное единство». Но это юридическая сторона дела.

Фактическая же роль президента неодинакова в разных странах. О некоторых из них говорят, как о монархах, что они царствуют, но не управляют, а о других говорят, что они даже и не царствуют, а лишь возглавляют торжественные церемонии и подписывают составленные другими акты. В ряде *парламентарных республик* (как и *в парламентских монархиях)* глава государства — малоактивная политическая фигура, заслоненная главой правительства, в руках которого сосредоточена действительная власть. Скажем, роспуск парламента в таких государствах хотя и оформляется указом президента, но осуществляется

---

[1] О весьма своеобразном положении японского императора см. В. И. Савельев, Высшие органы государственной власти Японии, автореферат канд. дисс., М., 1967.

по решению правительства; для назначения правительства требуется согласие парламента. Наконец, акты, исходящие от главы государства, не имеют силы без подписи главы правительства или министра, к ведению которого относится предмет акта.

И все же было бы неправильно совсем сводить на нет роль президента в парламентарных республиках. Мы говорили выше о потенциальных возможностях монарха, на которые буржуазия рассчитывает. Тем более это относится к президенту. Он — ставленник буржуазной монополистической верхушки. В случае необходимости он способен действовать в обход парламента и противостоять ему. И опыт истории подтверждает, что правящие классы используют президентскую власть при чрезвычайных обстоятельствах. Так случилось в 1933 году в Германии, когда президент Гинденбург был использован для фашистского переворота, для оформления передачи власти в руки Гитлера.

Что касается *президентских республик*, то здесь громадная роль президента не может вызывать сомнений. Президент в такой республике, в особенности в США, — центральная политическая фигура. Уже сам факт избрания его помимо парламента как бы противопоставляет главу государства представительному органу. О президенте США говорят, что он «не царствует, но правит». И этот афоризм выражает суть дела. Кроме перечисленных выше полномочий он имеет право назначать и смещать по своему усмотрению министров (секретарей), а также всех высших гражданских и военных чиновников. Фактически президент США руководит конгрессом (хотя правом его роспуска в отличие от других президентов не пользуется) и притом не только при помощи такого действенного в его руках права, каким является вето, но и посредством специальных президентских посланий, содержащих в слегка завуалированной форме проекты законов.

Президент издает и различные указы, регулирующие разнообразные отрасли государственной жизни. Традиционная американская теория рассматривает эти указы как акты исполнительной власти, и только исполнительной власти, с помощью которых будто бы лишь приводятся в действие акты конгресса (статуты). Но в действительности главой государства создаются такие нормы, которые ни в явном, ни в скрытом виде не содержатся в статутах,

послуживших поводом и формальной основой для их издания.

В президентских республиках (например, в США и некоторых латиноамериканских странах) президент является главой правительства, которое в своей деятельности ответственно только перед ним. Нередко в президентских республиках президент превращается в единоличного диктатора (в ряде стран Латинской Америки).

В современных условиях наблюдается тенденция к расширению полномочий президента [1], и некоторые буржуазные государствоведы обосновывают целесообразность и необходимость расширения его полномочий [2].

Глава государства в социалистических странах

В большинстве социалистических стран нет единоличного главы государства. Его функции выполняет коллегиальный орган, избираемый высшим представительным учреждением (например, в СССР — Президиум Верховного Совета, в Болгарии — Президиум Народного собрания, в Польше, Румынии и ГДР — Государственный Совет). В соответствии с конституциями эти органы обычно созывают сессии высших представительных органов; дают толкование законов; в период между сессиями высших представительных учреждений решают вопросы о назначениях и смещениях министров и других руководителей центральных ведомств; принимают решения о назначении и отзыве полномочных представителей в иностранных государствах; назначают и смещают высшее командование вооруженных сил; принимают решения о ратификации и денонсации договоров, заключенных с иностранными государствами; устанавливают воинские и иные специальные звания, награждают орденами и медалями и присваивают почетные звания; осуществляют право помилования и т. д.

Эти органы избираются обычно на срок полномочий представительного органа из числа его членов и, следовательно, также имеют представительный характер. Они не наделены такими полномочиями, которые давали бы им возможность противопоставлять себя высшим

---

[1] См. М. А. Крутоголов, Государственный строй Франции по Конституции 1958 года, Госюриздат, 1960, стр. 50.

[2] Критику этих теорий см. Я. М. Бельсон, Цит. соч., стр. 154 и др.

представительным учреждениям: не имеют, например, права «вето» в отношении принимаемых народным представительством законопроектов, права отмены или временного приостановления действия вступивших в силу законов, роспуска высшего представительного органа по своему усмотрению до истечения срока его полномочий. Во всей своей деятельности они ответственны и подотчетны перед высшими представительными органами, которые могут в любое время сменить весь состав или отдельных их членов.

В некоторых социалистических странах предусмотрена должность единоличного президента (Вьетнам, Чехословакия, Югославия), который избирается высшим представительным учреждением и ответствен в своей деятельности перед ним, исполняя совместно с ним или по его поручению функции главы государства.

Понятие правительства

Правительством называют высший исполнительный и распорядительный орган государственной власти, непосредственно осуществляющий управление страной. В различных странах правительство именуется по-разному (например, совет министров, кабинет министров).

Правительство обычно состоит из главы правительства, именуемого премьер-министром (председателем совета или кабинета министров), первым министром, министром-председателем, канцлером и т. д., и членов правительства, которые возглавляют отдельные центральные ведомства государственного управления (министерства, департаменты) и именуются министрами (секретарями, статс-секретарями). В правительство обычно входят заместители премьер-министра. Иногда в состав правительства включаются и отдельные заместители (или помощники) министров. Наконец, в составе правительства могут быть министры без портфеля, т. е. лица, не возглавляющие никакого ведомства.

В унитарном государстве образуется только одно правительство. В федеративных государствах существуют правительства общефедеральные и правительства членов федерации.

По всем вопросам своей обширной компетенции правительство принимает решения и дает распоряжения, публикуя их от своего имени или от имени главы государства. Эти решения называются указами, декретами, постановлениями, распоряжениями и обязательны к исполнению.

Буржуазные правительства в ряде стран часто издают и так называемые чрезвычайные указы, вторгаясь в сферу законодательства и подменяя тем самым парламент.

Правительство имеет свой непосредственный, внутренний специальный аппарат в виде правительственной канцелярии или управления делами, различных комиссий, отделов (бюро, служб), которые обеспечивают его связь со всеми подчиненными ему учреждениями и лицами, оформляют его решения и обращают их к исполнению.

Правительство в механизме буржуазного государства

Буржуазное правительство — ядро государственного механизма. На правительство буржуазия возлагает и роль главного связующего звена между государственным механизмом и остальными частями ее диктатуры: партиями, монополиями и другими организациями. Фактический состав буржуазного правительства определяется монополистическими объединениями и политическими партиями.

В состав большинства буржуазных правительств входят наряду с буржуа и политические приказчики буржуазии. В период империализма, в особенности после второй мировой войны, буржуазия предпочитает прибирать правительство к своим рукам непосредственно, расставляя у важнейших рычагов государственного аппарата людей из наиболее крупных монополистических объединений.

Правительства бывают однопартийные и коалиционные. В первом случае в них входят представители только одной партии, во втором случае — двух или нескольких партий (обычно располагающих значительным числом мандатов в парламенте).

В парламентарных государствах правительства чаще коалиционные. Объясняется это тем, что буржуазия сама по себе не едина, а состоит из ряда групп, конкурирующих между собой в связи с экономическими интересами и за политическое преобладание. Поэтому в условиях обостренной классовой борьбы ей приходится прибегать к соглашениям, компромиссам между ее различными группами, выражением чего и являются коалиции.

Мы уже отмечали, что в период империализма принцип парламентской ответственности правительства во многих буржуазных странах сводится на нет и, более того, заменяется фактическим преобладанием правительства

над парламентом. Это часто в литературе выражается термином «министериализм», что означает независимость правительства от парламента и его фактическое господство над ним, систему чиновничье-бюрократического управления государством со стороны всесильного и независимого от парламента правительства.

Выше отмечались некоторые общего порядка причины, объясняющие усиление реакции в условиях монополистического капитализма. Здесь же дополнительно укажем на то, что перемены, которые происходят в положении парламентов и во взаимоотношении их с кабинетами в усложняющейся внешней и внутренней обстановке, вызваны тем, что буржуазия не может полагаться целиком на представительные учреждения, как она это делала раньше, в период расцвета буржуазной демократии. Парламенты, в особенности их нижние палаты, подвергаются ныне известному давлению со стороны трудящихся масс, проникающие в палату представители рабочего класса ведут борьбу с правительством.

В этих условиях финансовая олигархия испытывает недоверие к представительным учреждениям и вообще сомневается в их способности находить верную дорогу в путанице империалистических противоречий. В лице совета (кабинета) министров она видит более подходящее для своих целей орудие. Эта организация по сравнению с парламентом малочисленная, более однородная, давно уже вследствие самого характера своей деятельности непосредственно связана с верхами капитала, легко контролируется ими. В распоряжении правительства (кабинета) находится то, что в существующих условиях приобретает особое значение: разветвленный административный аппарат, который приводится в движение правительством, составляя с ним одно бюрократическое целое.

Основная функция парламента — законодательство — и та ускользает из его рук, монополизируется правительством. А те законы, которые издает парламент, облекаются в столь общую форму, что невозможно привести их в действие без целой системы ведомственных разъяснений, постановлений, распоряжений, дополнений, изменений. Картина будет неполной, если не сказать и о «делегированном законодательстве» (издании правительством актов законодательного характера по прямому поручению парламента), которое во много раз превышает

число законов, принимаемых парламентом. Формально считается, что изданные таким путем акты правительства нуждаются в утверждении парламента. Но отмена этих актов парламентом требует такой сложной процедуры, что фактически она не применяется [1].

В конце концов административные и законодательные полномочия сливаются в одно общее понятие *правительственной власти*, и единым держателем ее становится правительство (кабинет). При этом во взаимоотношениях его с парламентом сохраняется весь или почти весь старый декорум. В парламентарных государствах кабинет по-прежнему считается ответственным перед парламентом и по-прежнему должен уходить в отставку в случае вынесения вотума недоверия [2]. Но пока кабинет у власти, он — действительная власть.

Разумеется, в силу специфических политических, экономических, культурных и других факторов процесс усиления правительственной власти в различных буржуазных странах протекает по-разному, в каждой из них в своеобразной, отличной от других форме, но сущность его при этом остается одинаковой: концентрация политической власти финансового капитала в лице правительства, что является политико-юридическим отражением ее концентрации и централизации в экономической области.

От правительства исходят все важнейшие распоряжения по управлению делами буржуазного государства. Оно направляет в соответствии с волей господствующего класса деятельность всех остальных органов буржуазного государства сверху донизу, определяет основные контуры перспективной и повседневной внутренней и внешней

---

[1] О делегированном и ином законодательстве буржуазных правительств см. «Конституционный механизм диктатуры монополий», стр. 31—84; Я. М. Бельсон, цит. соч., стр. 146—168; В. И. Гантман, Государственный строй Италии, изд-во ИМО, 1961, стр. 275—293.

[2] Впрочем, и те буржуазные конституции, которые содержат некоторые демократические положения, все же рядом своих постановлений ограничивают и ослабляют принцип парламентской ответственности правительства, усиливают независимость последнего. Так, Конституция Италии 1947 года предусматривает сложную процедуру вынесения вотума недоверия правительству: предложение может быть внесено не менее 1/10 членов палаты, а обсуждается не ранее чем через три дня после его внесения. На вотум недоверия правительство Италии может ответить роспуском палаты депутатов.

политики, само непосредственно назначает, перемещает и смещает должностных лиц общегражданских, военных и иных учреждений.

Таким образом, буржуазные правительства хотя официально и рассматриваются, как правило, только как исполнительные и распорядительные органы, в действительности обладают всей (или почти всей) властью. Все другие органы буржуазного государства существенным образом юридически и фактически зависят в своей деятельности от правительства, так или иначе ему подконтрольны. И во всяком случае правительству буржуазного государства принадлежит инициатива почти во всех существенных проявлениях деятельности этого государства. Как свидетельствует Дж. Голлан, все авторитеты по конституционным вопросам признают, что именно кабинет, а не парламент контролирует дела нации и управляет ими»[1].

Буржуазный административный аппарат

Свою многостороннюю деятельность буржуазные правительства осуществляют через систему учреждений обычно с многочисленным аппаратом, совокупность которых называют административным аппаратом или просто администрацией. Это министерства, ведомства, управления, канцелярии, штабы. Такие учреждения создаются, как правило, применительно к отраслям государственного управления. Среди них особенно значительна роль министерств — отраслевых центральных органов государственного управления.

Министерства и другие ведомства обрастают сложным, исключительно громоздким и разветвленным чиновничье-бюрократическим аппаратом — основной пружиной, на которую опирается буржуазная государственная власть.

Характеризуя классовое существо чиновничьей армии в империалистическом государстве, В. И. Ленин писал: «Эта армия окружена атмосферой буржуазных отношений, дышит только ею, она застыла, заскорузла, окоченела, она не в силах вырваться из этой атмосферы... Эта армия связана отношениями чинопочитания, известных привилегий «государственной» службы, а верхние ряды этой армии чрез посредство акций и банков закрепоще-

[1] Дж. Голлан, Политическая система Великобритании, стр. 36.

ны полностью финансовому капиталу, в известной степени сами представляя из себя его агентов, проводников его интересов и влияния» [1].

Рост армии чиновников связан с тем, что буржуазные правительства обзаводятся все новыми министерствами и ведомствами. Известно, что в первой половине XIX века правительство ограничивалось в основном руководством внешними, военными делами, фискальными вопросами, почтой и соответственно этому строилась структура министерств (ведомств). С конца XIX века правительственный надзор и регулирование охватывает и промышленность, и торговлю, и пути сообщения, и все средства связи, и сельское хозяйство, и труд, и здравоохранение, и просвещение. В наши дни трудно указать такую сферу общественной жизни, в которой бы буржуазное правительство через министерства и другие ведомства не проявляло себя как хозяин и распорядитель.

Правительство в социалистических странах

В социалистических странах (в большинстве из них) правительство (совет министров, кабинет министров, исполнительное вече) обычно образуется непосредственно высшим представительным органом [2] и полностью ответственно перед ним в своей деятельности. В перерывах между сессиями последнего оно, как правило, ответственно и подотчетно перед коллегиальным учреждением этого представительного органа (президиумом), которое вправе назначать и смещать отдельных членов правительства с последующим представлением на утверждение народному представительству.

В социалистических странах с многопартийной системой правительства обычно состоят из представителей всех партий, объединенных в Народном (Отечественном, Национальном) фронте. Правительство направляет и координирует деятельность министерств, комитетов, комиссий и других учреждений, находящихся под его контролем, и таким образом повседневно руководит политической, экономической и культурной жизнью страны.

---

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 203.

[2] В Республике Куба пока отсутствует высшее представительное учреждение государственной власти. Его функции выполняют совместно Кабинет Министров и Президент, а также Генеральная Ассамблея народа Кубы (орган непосредственной демократии).

К ведению правительства обычно относятся проведение в жизнь народнохозяйственного плана и исполнение бюджета, защита интересов государства, обеспечение охраны общественного порядка и прав граждан, руководство организацией вооруженных сил, внешними сношениями, внешней и внутренней торговлей, а также работой в области культуры, просвещения и здравоохранения. Правительство выполняет и другие функции, которые возлагаются на него конституцией, законами либо специальными решениями высших органов государственной власти. Оно имеет право в случае необходимости создавать специальные органы (комитеты, комиссии, главные управления и т. д.) по экономическим, культурным, военным, юридическим и иным вопросам.

Правительство социалистической страны издает нормативные акты (обычно именуемые постановлениями и распоряжениями), но в пределах предоставленных ему законом полномочий и на основе и во исполнение законов.

В течение длительного периода развития человеческого общества с понятием государственного управления связывалась преимущественно деятельность государства в сфере политических отношений. Положение коренным образом меняется с возникновением социалистического государства, которое выступает в качестве главного орудия преобразования общества. Вот почему руководству хозяйством в социалистических странах принадлежит центральное место. В системе министерств и ведомств социалистических стран первостепенную роль играют те из них, которые больше всего связаны с осуществлением хозяйственно-организаторской функции.

При этом в ходе развития социалистических стран система управления хозяйством не остается неизменной; происходят поиски новых, более совершенных форм. Характерная черта этой системы в настоящее время в большинстве социалистических стран состоит в сочетании централизованного руководства, осуществляемого министерством и другими центральными органами, с одной стороны, широкой хозяйственной инициативой и расширением прав предприятий — с другой.

В ходе социалистического и коммунистического строительства происходят изменения и в системе министерств

и ведомств в связи с новыми задачами. В связи с большим значением плановых начал в хозяйственном и культурном строительстве в системе центральных органов государственного управления социалистических стран образуются специальные плановые органы (общегосударственные плановые комитеты или комиссии). Значительное место принадлежит и органам государственного (народного) контроля.

§ 4. СУД И ПРОКУРАТУРА

Суд — политическое учреждение, орган государства, осуществляющий в интересах господствующего класса (или всего народа) правосудие в форме разрешения уголовных и гражданских дел в установленном законами данного государства процессуальном порядке[1].

Суд — древнее учреждение. Но, разумеется, его устройство и методы деятельности на протяжении истории классового общества менялись. Возникнув с развитием государственного механизма, суд всегда был орудием защиты той собственности, которая является экономической основой данного типа государства.

Буржуазный суд

В. И. Ленин характеризовал буржуазный суд как орудие подавления и угнетения трудящихся, хотя внешне он и выступает как средство охраны правопорядка и «справедливости», как якобы «беспристрастное» учреждение, пытающееся соблюсти «объективность» и обеспечить законность. Сфера деятельности буржуазного суда формально ограничивается разбором гражданских споров и рассмотрением уголовных дел. Но острие его карательно-репрессивной деятельности преимущественно направлено на осуществление подавления и угнетения трудящихся.

Система буржуазного суда весьма сложна и включает в себя различные специфические судебные учреждения: гражданские, уголовные, политические, церковные, административные, военно-полевые, транспортные и иные суды.

---

[1] Понятие «суд» может означать и процесс суда, т. е. судопроизводство.

Особенность буржуазного суда как части механизма буржуазного государства заключается в том, что порядок его работы специально урегулирован или регламентирован так называемым буржуазным процессуальным правом. Формально он даже считается органом независимым. Но буржуазный суд применяет закон в интересах эксплуататорских классов, для обеспечения их выгод и реализации их целей, хотя законодательство обычно и провозглашает такие демократические принципы, как равенство всех перед законом и судом, участие присяжных заседателей, право обвиняемого на защиту и т. д.

Общим направлением в развитии буржуазного суда в период империализма является игнорирование либо резкое ограничение этих принципов, сращивание общегражданских судебных учреждений с военными и полицейскими органами; нередко на первый план выступают военно-полевые суды. С другой стороны, заметна узурпация функций суда некоторыми несудебными органами (комиссии по проверке лояльности, следственные комитеты Конгресса США и его палат).

В наше время в буржуазных странах все больше распространяется так называемая «теория судебного усмотрения», позволяющая суду применить любое наказание, сообразуясь не с законом, а с интересами «общества», т. е. фактически господствующих классов.

В капиталистических странах судебные должности замещаются, как правило, путем назначения. Так называемое судейское сословие (кадры судов) в буржуазных странах представляет собой особую касту, которая наделена значительными привилегиями.

Суд в социалистических странах

Суд в социалистических странах призван охранять от всяких посягательств общественный и государственный строй этих стран, социалистическую систему хозяйства и социалистическую собственность, права и охраняемые законом интересы государственных предприятий и учреждений, кооперативно-колхозных и иных общественных организаций, законные права и интересы граждан, должен воспитывать граждан в духе преданности Родине и социализму, точного и неуклонного исполнения законов, соблюдения дисциплины.

В большинстве социалистических стран судьи избираются либо органами власти, либо населением путем

прямых выборов[1]. Обычно судьи низовых судов избираются гражданами на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права при тайном голосовании, а народные заседатели — по соответствующим предприятиям, учреждениям, организациям. Судьи и народные заседатели вышестоящих судов, как правило, избираются соответствующими государственными представительными органами. Судьи ответственны за свою деятельность перед избирателями, избравшими или назначившими их органами и могут быть отозваны или смещены.

Судебные органы, как правило, образуются в соответствии с административно-территориальным делением страны.

Дела рассматриваются в судах в подавляющем большинстве случаев коллегиально, т. е. судьей и народными заседателями, либо постоянными судьями. Судьи и заседатели при разбирательстве дел пользуются равными правами.

При осуществлении правосудия в социалистических странах судьи независимы и подчиняются только закону, т. е. решают судебные дела независимо от посторонних влияний и выносят приговоры и решения на основании только закона и по своему убеждению. Правосудие в социалистических странах осуществляется независимо от социального, имущественного и служебного положения граждан, а также национальной и расовой принадлежности.

Судопроизводство ведется на языке большинства населения данного района. Лицам, не владеющим этим языком, обеспечивается полное ознакомление с материалами дела через переводчика, а также право выступать в суде на родном языке.

Важное значение в организации судебной системы имеет принцип гласности судебного разбирательства, которое, как правило, ведется устно и открыто и может быть закрытым лишь в случаях, предусмотренных законом. Применение этого принципа содействует воспитанию граждан в духе законности и эффективности контроля над деятельностью суда. Законодательство социалистических стран закрепляет право обвиняемого на защиту.

---

[1] В Республике Куба и некоторых других странах они назначаются президентом.

Прокуратура в буржуазных странах

Прокуратуре в буржуазных странах принадлежит видное место в системе карательно-репрессивных органов. В одних странах она является составной частью суда, а в других — организационно отделена от него.

По своим организационным основам буржуазная прокуратура в высшей степени бюрократически централизованная и вместе с тем широко разветвленная организация. Ее деятельность, как и суда, должна протекать в процессуальных формах, регулироваться писаными нормами права или неписаным правовым обычаем. Прокуратура представляет собой кастовую группу назначаемых профессиональных чиновников-бюрократов, прикрывающихся «беспристрастием», но вполне пристрастно оберегающих устои буржуазного государства.

Функции буржуазной прокуратуры по закону обычно сводятся к так называемому расследованию преступлений, принятию мер к «нарушителям» буржуазного порядка, санкционированию арестов. Она призвана поддерживать обвинение в судах, осуществлять функции надзора за соблюдением законности, за поддержанием буржуазного «порядка». Фактически прокуратура в буржуазных странах в своей карательно-репрессивной деятельности теснейшим образом и непосредственно связана с полицией.

Прокуратура в социалистических странах

В социалистических странах прокуратура — государственный орган, осуществляющий функции надзора за точным исполнением законов в целях укрепления законности, охраны социалистического правопорядка и социалистической собственности, защиты законных прав и интересов граждан от всяких посягательств. Она строится на принципах, сформулированных В. И. Лениным в письме «О «двойном» подчинении и законности»: организационное единство всей прокуратуры, независимость от каких-либо местных органов, ее централизованное построение. «Прокурор,— писал В. И. Ленин,— имеет право и обязан делать только одно: следить за установлением действительно единообразного понимания законности во всей республике, несмотря ни на какие местные различия и вопреки каким бы то ни было местным влияниям» [1].

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 45, стр. 198.

Органы прокуратуры в социалистических странах строго централизованы и независимы от местных органов государственной власти. В большинстве социалистических государств генеральный (главный, верховный) прокурор назначается или избирается высшим представительным учреждением. Все нижестоящие прокуроры обычно назначаются и смещаются генеральным прокурором.

§ 5. ПОСТОЯННОЕ ВОЙСКО И ОРГАНЫ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА

Вооруженные силы в буржуазных странах

В механизме государства особое место принадлежит постоянному войску, разведке и полиции (милиции). В. И. Ленин, имея в виду буржуазное государство, отмечал, что «постоянное войско и полиция суть главные орудия силы государственной власти» [1]. Постоянное войско и полиция располагают такими средствами принуждения, такими видами оружия и в таких размерах, которых нет в непосредственном пользовании других частей государственного механизма. Зарождение и развитие постоянного войска как орудия войны связаны с образованием и развитием классового общества и государства. Ополчения и постоянные армии рабовладельческого государства сменились наемными войсками феодальной эпохи, а последние уступили место кадровым армиям современных государств.

Применительно к империалистическим государствам В. И. Ленин еще в свое время указывал: «Постоянное войско повсюду стало орудием реакции, слугой капитала в борьбе против труда, палачом народной свободы» [2].

Вооруженные силы буржуазного государства — его главный рычаг, важнейшая сила по осуществлению им своих основных функций (внутренних и внешних), аппарат непосредственного насилия в отношении народа. Внутри страны вооруженные силы буржуазного государства используются для подавления сопротивления трудящихся масс (в особенности во время стачек, забастовок, демонстраций, митингов). В осуществлении внешних функций вооруженные силы буржуазного государства служат орудием агрессии против других государств и средством обороны от нападения.

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 33, стр. 9.
[2] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 12, стр. 113

Вооруженные силы современных буржуазных государств весьма многочисленны. Как правило, они комплектуются на основе всеобщей повинности [1]. В силу этого характерной чертой вооруженных сил буржуазного государства является внутреннее противоречие между их антинародной сущностью, их специфическими эксплуататорскими классовыми задачами и персональным составом, включающим в себя широкие слои населения, призываемые для прохождения воинской службы в обязательном порядке. Другими словами, рядовой состав вооруженных сил состоит преимущественно из трудящихся, но офицерский состав, как правило, комплектуется из буржуазных кругов.

В период империализма буржуазия создает специальные военные организации, ударные отряды вооруженных сил, комплектуемые по преимуществу из буржуа и подонков общества (чернорубашечники — в фашистской Италии, эсэсовцы — в Гитлеровской Германии и т. д.). Ударные соединения наделяются особыми привилегиями и правами по применению оружия как в отношении населения, так и солдат других родов войск. Из них составляются заградительные отряды, жандармские группы по борьбе с населением и той частью войск, которая проявит нейтральность, не говоря уже о противодействии властям.

В современных условиях характерной является попытка сколотить и межнациональные ударные силы империалистической реакции под эгидой милитаристской клики США.

К постоянному войску в буржуазных странах близко примыкает разведка [2], имеющая своей задачей в интересах осуществления внешней функции добывание сведений об экономическом и политическом положении других стран, о состоянии их вооруженных сил, о научно-техническом потенциале, стратегических и тактических планах.

Современные империалистические разведки применяют против иностранных государств такие формы подрывной

---

[1] В настоящее время некоторые государства сочетают воинскую повинность с наймом кадров некоторых родов войск (ВВС — в США). Наемные войска — более надежны для ведения, например, колониальной войны («Аппарат прямого подавления в империалистическом государстве», «Наука», 1938).

[2] Разведка в капиталистических странах может находиться в системе разных ведомств, как военных, так и гражданских.

деятельности, как шпионаж, диверсии, вредительство, террор, враждебная пропаганда. В настоящее время разведывательная деятельность империалистических держав все больше приобретает тотальный характер, соединяющий все формы подрывной работы. Для осуществления своих целей разведка засылает в лагерь противника свою агентуру, а также вербует ее из местного населения, создает в лагере возможного противника так называемую «пятую колонну».

В настоящее время деятельность буржуазной разведки вовне направлена главным образом против СССР и других социалистических стран, против народов колониальных и зависимых стран, против прогрессивного движения трудящихся всего мира, против борцов за мир, свободу, социализм.

Но буржуазная разведка действует и внутри собственной страны, выполняя функции политической полиции. Она засылает свою агентуру в рабочие и другие организации трудящихся в целях ослабления и разгрома революционного и прогрессивного движения. Поэтому разведывательные службы тесно связаны с реакционными, фашистскими организациями.

Разведывательная деятельность в империалистическом государстве открыто поставлена на уровень правительственной политики. Не случайно при президенте США учрежден консультативный комитет по разведке, контролирующий и направляющий всю систему американского шпионажа.

Вооруженные силы в социалистических странах

Вооруженные силы нужны и социалистическому государству. Во-первых, для того, чтобы подавить сопротивление эксплуататоров, а во-вторых, для защиты социалистического строя от нападения империалистических государств, для охраны мирного труда народов социалистических стран.

С точки зрения внутренних условий развития (ликвидации эксплуататорских классов) большинство социалистических стран в настоящее время не нуждается в вооруженных силах, но, поскольку остается военная опасность, исходящая от империалистического лагеря, не осуществлено полное и всеобщее разоружение, социалистические государства считают необходимым поддерживать свою оборонную мощь, боевую готовность своих вооруженных сил на уровне, обеспечивающем решительный и

полный разгром любого врага, который осмелился бы напасть на ту или иную страну социализма.

Вооруженные силы социалистических стран строятся, как правило, на основе всеобщей воинской обязанности. Служба в вооруженных силах — высокая и почетная обязанность граждан социалистических стран. Командные, политические и технические кадры вооруженных сил комплектуются из лучших представителей народа.

Органы государственной безопасности в социалистических странах

В целях охраны государственной безопасности функционирует система специальных органов, на которые возлагается предупреждение, пресечение и разоблачение происков империалистических разведок, обеспечение охраны государственной и служебной тайны и т. д. В современный период социалистические страны уделяют особое внимание укреплению органов государственной безопасности, поскольку империализм расширяет подрывную деятельность против стран социализма. Борьба с вражеской агентурой и антисоциалистическими элементами ведется при поддержке трудящихся масс, органы государственной безопасности опираются на их высокую политическую сознательность и бдительность.

Органы охраны буржуазного общественного порядка

Важное место в механизме государства занимает полиция, которая, по выражению Ф. Энгельса, «так же стара, как государство»[1]. Этот орган выполняет специфические задачи и особым образом устроен и действует. Его официальным назначением является охрана общественного порядка и внутренней безопасности.

Деятельность буржуазной полиции состоит в охране частной собственности. В. И. Ленин характеризовал полицию империалистических государств как главное орудие угнетения масс, как профессиональную касту, составленную «из людей, «натасканных» на насилии против беднейшего населения, из людей, получающих несколько повышенную плату и привилегии «власти» (не говоря о «безгрешных доходах»)»[2]. Устройство полиции приноровлено для предупреждения выступлений трудящихся против эксплуататоров, т. е. для осуществления одной из главных

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 118.
[2] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 32, стр. 25.

внутренних функций буржуазного государства — держать эксплуатируемое большинство в узде, подавлять и угнетать его.

Полиция в буржуазном государстве, как правило, специализируется в соответствии с разнообразными сторонами ее деятельности. На первом месте — политическая полиция, осуществляющая надзор за трудящимися, борьбу с революционными элементами. Методами ее являются слежка, провокации, диверсии, убийства. Политическую полицию возглавляют особо «доверенные» лица. Уголовная полиция оберегает частную собственность и поддерживает так называемый общественный «порядок». Разновидностями уголовной полиции являются транспортная, пограничная, таможенная, санитарная, лесная и т. д.

Наряду с государственной полицией в буржуазных странах существует еще частная полиция отдельных капиталистических монополий, состоящая из вооруженных охранных подразделений. Частная полиция поддерживает «порядок» на капиталистических предприятиях, применяя оружие против отдельных «непокорных» рабочих и подавляя массовые стачки и забастовки. Монополистические объединения буржуазии имеют частный сыск, частную разведку. Все более и более обычным в их деятельности становится «промышленный шпионаж».

Характерной чертой полиции в современных условиях является ее милитаризация, применение ею чисто военных методов и средств. Так, американская полиция имеет на своем вооружении радиолокацию, авиацию и т. п.

В борьбе с трудящимися и государственная и частная полиция нередко прибегает к помощи уголовных элементов.

Органы внутренних дел социалистических стран

Охрана интересов государства и законных прав граждан, регулирование различных внутренних дел административного характера возлагается на министерства внутренних дел и их органы при местных звеньях народного представительства. В работе этих органов серьезное внимание уделяется задачам предупреждения и профилактики правонарушений, организаторского и воспитательного воздействия. Применяемые меры предупреждения широко сочетаются с методами убеждения. Вся деятельность органов внутренних дел протекает в тесной связи с массами. Кадры органов внутренних дел комплектуются по рекомендации общественных организаций.

Глава седьмая

ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО

§ 1. Соотношение общества и государства.
§ 2. Политическая организация общества.
§ 3. Политическая жизнь общества.

§ 1. СООТНОШЕНИЕ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

Разграничение понятий общества и государства

Проблема соотношения общества и государства является одной из наиболее важных для марксистско-ленинского государствоведения[1]. Изучение ее при использовании новейших достижений общественных наук и богатого опыта общественного и государственного строительства стран, принадлежащих к разным социальным системам современного мира, с одновременной критикой позиций буржуазных ученых[2] имеет большое практическое и теоретическое значение. Научное понимание соотношения между обществом и государством играет важную роль в классовой борьбе пролетариата за свое политическое и социальное освобождение от ига капитализма.

---

[1] См. А. И. Денисов, О соотношении государства и общества в переходный от капитализма к коммунизму период («Советское государство и право» 1960 г. № 4, стр. 31—32); В. А. Турецкий, Развитие взглядов Маркса и Энгельса на государство, изд-во АН СССР, 1949, стр. 22; Л. С. Мамут, Зарождение марксистского учения о государстве («Проблемы истории философской и социологической мысли XIX века», изд-во АН СССР, 1960, стр. 133); В. С. Нерсесянц, Марксова критика гегелевской философии права, автореф. канд. дисс., изд-во МГУ, 1965; Э. Л. Розин, Возникновение марксистского учения о государстве и праве, «Высшая школа», 1967.

[2] Буржуазные идеологи в многочисленных трудах (от журнальных статей до «солидных» монографий) с позиций антикоммунизма не только клевещут на социалистическое общество и государство, но вообще ставят под сомнение истинность самой марксистской теории общества и государства. Они, в частности,

В ходе классовой борьбы с буржуазией пролетариат не сразу осознает различие между обществом и государством, что в значительной мере связано с противоречивостью и сложностью самого процесса познания явлений общественной жизни. В особенности это относится к такому социальному учреждению, как государство, сущность которого, как уже указывалось, лежит не на поверхности, а скрыта от наблюдателя причудливым переплетением экономических, политических, национальных, идеологических, религиозных и иных отношений.

В период «утробного» развития пролетариата в его сознании отражается прежде всего та сторона буржуазной государственности, которая характеризует ее как официального представителя всего общества, как органа по управлению общими делами. И не только потому, что пролетариат еще не осознал ни своего собственного классового положения, ни положения буржуазии как организованной и противостоящей ему силы, но и потому, что указанная черта буржуазного, впрочем, как и вообще всякого эксплуататорского государства, лежит именно на поверхности общественной жизни. В силу этого пролетариат воспринимает буржуазное государство — эту «мнимую общность» — как действительного представителя и защитника общих интересов. «На этой ступени развития, — справедливо отмечает Г. В. Плеханов, — в понятиях угнетенных, как и в голове профессора Лоренца фон Штейна, не ясна еще связь между «обществом» и «государством». Предполагается, что государственная власть стоит выше антагонизма классов, ее представители кажутся естественными судьями и примирителями враждующих сторон. Угнетенный класс относится к ним с полным доверием и приходит в большое удивление, когда обращенные к ним с его стороны просьбы о помощи остаются без ответа» [1].

утверждают, что К. Маркс и В. И. Ленин были-де правоверными гегельянцами, переоценивавшими роль государства, изображавшими государство как нечто вроде гоббсовского Левиафана, поглощающего собой все общество и отдельных индивидов. Что же касается вывода марксизма об исторически-преходящем характере государства и неизбежности его отмирания, то это, по их мнению, либо анархистская слабость марксизма, либо разновидность социальной утопии (см. H. Rosinski, Power and Human Destiny, L., 1965, pp. 15—16).

[1] Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. I, Госполитиздат, 1956, стр. 82—83.

Однако по мере того, как пролетариат осознает свое классовое положение и историческую роль и в жестоких классовых битвах убеждается, что государство есть защитник интересов имущего меньшинства, его сознание постепенно освобождается от иллюзии надклассового государства. «Теперь, — пишет далее Г. В. Плеханов, — он понимает, какая связь существует между обществом и государством и не апеллирует на притеснения своих эксплуататоров к тем, кто представляет собою политический орган той же эксплуатации. Он знает, что государство есть крепость, служащая оплотом и защитой его притеснителям, крепость, которую можно и должно овладеть, которую можно и должно перестроить в интересах своей собственной защиты, но невозможно обойти, полагаясь на ее нейтралитет» [1].

Выявление закономерностей соотношения общества и государства — необходимое условие объективного исследования исторического развития вообще и государственно-правовых явлений в частности. Оно позволяет правильно оценить путь, пройденный человечеством, видеть ближайшие и отдаленные перспективы классовых взаимоотношений и тех политических форм, в которые они облечены.

Общество и общественно-экономическая формация

Марксизм, исследуя взаимосвязи государства и общества, обращает особое внимание на анатомию гражданского общества, на его экономическое движение, на социальную революцию, на классы и классовую борьбу. Только такой подход позволяет вскрыть объективно необходимые связи явлений общественной жизни, познать закономерности их развития.

В. И. Ленин отмечал, что марксизм отметает рассуждения буржуазных идеологов-социологов, которые «толкуют об обществе вообще, спорят с Спенсерами о том, что такое общество вообще, какова цель и сущность общества вообще и т. п.» [2]. Эти рассуждения были основаны на идеалистическом и метафизическом взгляде, будто общество представляет собой «механический аггегат индивидов», развитие и изменение которого обусловлено волей и желанием отдельных лиц.

---

[1] Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения т. I, стр. 83.

[2] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 133.

Подобным взглядам марксизм противопоставил конкретно-исторический подход к анализу общества. «На место рассуждений субъективистов об «обществе» вообще,— писал В. И. Ленин, — рассуждений бессодержательных и не шедших далее мещанских утопий... — было поставлено *исследование* определенных форм устройства общества» [1]. Результатом такого исследования явилась выработка К. Марксом и Ф. Энгельсом понятия общественно-экономической формации и представления о всем ходе общественного развития как закономерном, естественно-историческом процессе смены общественно-экономических формаций.

Следует, однако, возразить против попыток некоторых философов отказаться от понятия общества вообще, как якобы противоречащего марксистскому понятию общественно-экономической формации [2]. Оба эти понятия имеют право на существование [3]. Их соотношение лежит в плоскости общего и отдельного в развитии человеческой истории. Каждая общественно-экономическая формация, имеющая свои законы образования и развития, есть исторически-конкретная форма существования общества. Однако «отдельное не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему» [4]. Таким общим по отношению к отдельным формациям выступает общество вообще. Последнее есть, конечно, абстракция, ибо нет общества вне его конкретно-исторического бытия, точно так же, как нет вообще дома, дерева, государства, нации и т. п., а есть конкретные дома, деревья, государства, нации. Но это — разумная абстракция, как и всякая научная абстракция. С другой стороны, общее «существует лишь в отдельном, через отдельное» [5]. А это значит, что общество вообще может существовать лишь в виде конкретной общественной формации.

---

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 430.

[2] См., например, «Коммунизм и личность», Политиздат, 1964, стр. 9.

[3] Прав В. П. Тугаринов, считающий, что «понятие *общества* (*общества вообще*) как общий момент в конкретном подходе к обществу имеет полное право на употребление и постоянно употребляется в партийных документах и марксистских сочинениях» (В. П. Тугаринов, Личность и общество, «Мысль», 1965, стр. 91)

[4] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 318.

[5] Там же.

Что такое общество

В письме к П. Анненкову от 28 декабря 1846 г. К. Маркс, отвечая на вопрос, что такое общество независимо от его формы, писал: «Продукт взаимодействия людей». Разъясняя далее эту мысль, он показывает, что люди не свободны в выборе той или иной общественной формы, которая меняется на каждом этапе развития человеческой истории. «Возьмите определенную ступень развития производительных сил людей, и вы получите определенную форму обмена (commerce) и потребления. Возьмите определенную ступень развития производства, обмена и потребления, и вы получите определенный общественный строй, определенную организацию семьи, сословий или классов, — словом, определенное гражданское общество. Возьмите определенное гражданское общество, и вы получите определенный политический строй, который является лишь официальным выражением гражданского общества» [1].

Человеческое общество — сложный социальный организм. Оно появилось тогда, когда люди выделились из мира животных. С появлением «готового человека, — писал Ф. Энгельс, — возник вдобавок еще новый элемент — *общество*» [2]. В отличие от стада животных в человеческом обществе действуют не биологические, а социальные законы. Человек — главная предпосылка и первичная клеточка общества. Но последнее, как уже говорилось, не есть механический агрегат индивидов. Человеческое общество — сложная динамическая система, сущность которой раскрывается в многообразных связях и отношениях, складывающихся между его членами и их объединениями. Все элементы этой системы тесно связаны друг с другом, но они играют в обществе неодинаковую роль.

Заслуга Маркса и Энгельса в том и состояла, что они из всего многообразия общественных связей выделили те, которые являются главными, определяющими. Это экономические, производственные отношения, складывающиеся объективно, независимо от воли и сознания людей и образующие в своей совокупности экономическую структуру общества, его реальный базис. Экономический базис

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 27, стр. 402.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 490.

общества определяет характер политико-юридической надстройки и различных форм общественного сознания. Следовательно, материалистическое понимание истории требует дифференцированного подхода к обществу, выделения в нем различных сфер жизни и анализ их взаимосвязей.

Основные сферы жизни общества. Место государства в обществе

Марксизм-ленинизм различает следующие главные сферы общественной жизни: 1) экономическую, 2) политическую, 3) идеологическую (культурную). Такая дифференциация носит, конечно, относительный характер, но вместе с тем она достаточна, чтобы определить место государства в общественном организме.

Государство — политическая организация. В социально-политической сфере оно занимает главенствующее положение среди всех иных политических учреждений. Государство тесными узами связано со всеми иными сферами жизни общества, оказывает на них воздействие и само испытывает на себе влияние последних. Всесторонний анализ предполагает выяснение взаимосвязи: во-первых, между экономическим строем общества и государством; во-вторых, между социально-классовой структурой общества и государством; в-третьих, между государством и другими учреждениями политической и юридической надстройки; в-четвертых, между государством и различными формами идеологии. Перечисленные линии связи государства и общества не являются исчерпывающими. Можно и нужно говорить о связи государства и личности, государства и семьи, о междугосударственных связях. Мы ограничимся рассмотрением наиболее важных вопросов: взаимоотношения государства, во-первых, с экономической и, во-вторых, с классовой структурой общества[1]. Эти два аспекта соотношения государства и общества соответствуют двум величайшим открытиям марксизма, поставившим учение о государстве на действительно научную основу: 1) учению об общественно-экономических формациях; 2) теории классов и классовой борьбы как движущей силы развития всех антагонистических формаций.

[1] В гл. пятой уже затрагивались эти вопросы, но лишь в той мере, в какой это необходимо для выявления общего понятия государства. При освещении соотношения общества и государства необходимо дальнейшее раскрытие этих вопросов применительно к данной проблеме.

Экономический строй общества и государства

Положение марксизма о том, что «способ производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще»[1], является краеугольным камнем материалистического истолкования соотношения государства и общества и теоретической основой борьбы со всякого рода идеалистическими, ревизионистскими концепциями. Об этом свидетельствует, например, борьба марксизма против оппортунистических воззрений лассальянцев, нашедших свое отражение в Готской программе. В. И. Ленин в работе «Государство и революция» подчеркивал, что Маркс «прежде всего отметает прочь ту путаницу, которая Готской программой вносится в вопрос о соотношении государства и общества»[2]. Авторы указанной программы идеалистически решали вопрос о соотношении общества и государства. Они считали государство некоей самостоятельной сущностью, которая обладает «своими» собственными «*духовными, нравственными, свободными основами*»[3], и на этой теоретической почве выдвигали оппортунистическое требование «свободного народного государства». Но государство как часть надстройки не может быть свободным от той основы, на которой оно стоит. Государство, как учит марксизм, не развивается самостоятельно, а и в существовании своем и в развитии зависит в конечном счете от экономических условий общественной жизни.

Вот почему, отметая воззрения лассальянцев, заимствованные ими во многом из гегелевской концепции государства, К. Маркс подчеркивал, что материалистическое решение вопроса о соотношении государства и общества требует «рассматривать существующее общество (а это сохраняет силу и для всякого будущего общества) как *«основу»* существующего *государства* (или будущее общество как основу будущего государства)»[4].

В трактовке вопроса о соотношении общества и государства марксизм противостоит не только идеализму, но и вульгарному материализму, отрицающему относитель-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 13, стр. 7.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 85.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 27.
[4] Там же.

ную самостоятельность надстроечных форм. Ф. Энгельс неоднократно разъяснял, что государство, право, различные формы идеологии имеют относительную самостоятельность, свои специфические законы развития, определяемые в конечном счете экономическим строем общества. Применительно к государству это значит, что «экономическое движение в общем и целом проложит себе путь, но оно будет испытывать на себе также и обратное действие политического движения, которое оно само создало и которое обладает относительной самостоятельностью»[1]. При этом надо иметь в виду, что относительная самостоятельность государства по сравнению с другими элементами надстройки имеет свои особенности. Государство есть организация политическая, а политика, как указывал В. И. Ленин, есть концентрированное выражение экономики. Государство в самой концентрированной форме выражает экономические потребности и интересы того класса, который господствует в производстве. Этим объясняется тот факт, что со сменой одного экономического строя другим переворот в политико-юридической надстройке наступает быстрее, чем смена идеологических форм. Господствующий класс, придя к власти, при помощи государства незамедлительно принимает меры к закреплению и охране тех производственных отношений, носителем которых он выступает.

Естественно, что степень, формы и методы воздействия государства на экономическое развитие (точно так же, как сущность, общие цели и задачи государства вообще) определяются в конечном счете характером самих производственных отношений, законами их развития, лежащими в их основе формами собственности на средства производства.

Говоря о взаимосвязи государства и экономической сферы общественной жизни, следует также указать на то, что обратное воздействие государства на экономический базис отличается от воздействия на последний со стороны иных частей надстройки специфическими формами и методами. Главным из них является метод правового регулирования общественных отношений. Правотворческая, правоприменительная и правоохранительная деятельность государства направлены на закрепление, охрану

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 37, стр. 417.

и развитие тех экономических порядков, которые выгодны политически господствующему классу.

Социально-политическая жизнь классового общества и государства

Социально-политическая сфера жизни классового общества сложна и противоречива. Она охватывает не только классовую, но и национальную структуру общества, систему многообразных политических и общественных организаций и учреждений как господствующего, так и угнетенного классов. Однако стержнем всей социально-политической сферы является классовая борьба, фокусом которой выступает борьба за участие в делах государства, определение его формы, задач, содержание деятельности. «Марксизм,— писал В. И. Ленин,— признает классовую борьбу вполне развитой, «общенациональной» *лишь* тогда, когда она не только охватывает политику, но и в политике берет самое существенное: устройство государственной власти» [1]. Вот почему содержание социально-политической жизни заключается в отношении различных классов к государству.

Главное социальное назначение государства во всяком эксплуататорском обществе — это подавление эксплуатируемого большинства. Государство всегда было и остается прежде всего органом господства меньшинства над большинством, хотя в ходе исторического развития меняются формы, способы и методы этого господства. «Существовавшему и существующему до сих пор обществу, — писал Ф. Энгельс, — которое движется в классовых противоположностях, было необходимо государство, т. е. организация эксплуататорского класса для поддержания его внешних условий производства, значит, в особенности для насильственного удержания эксплуатируемого класса в определяемых данным способом производства условиях подавления (рабство, крепостничество или феодальная зависимость, наемный труд)» [2].

Современные буржуазные, а также реформистские идеологи изображают эксплуататорское государство в качестве органа, выражающего «всеобщие интересы», «волю нации» и т. п. Более того, они вообще склонны отрицать существование классов и классовой борьбы, подменяя классы «социальными стратами», а классовую борьбу «со-

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 23, стр. 239.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 224.

циальной мобильностью», «социальной стратификацией» или «конкурентной борьбой интересов»[1]. В такой интерпретации борьба антагонистических классов подменяется их социальной солидарностью, исчезает классовая природа государства, призванного якобы примирять интересы всех социальных групп общества, заботиться об общем благосостоянии.

Стоит также отметить и то, что, по мнению тех же идеологов, в современном «массовом обществе» изменились соотношения между государством и личностью. Если в XIX веке они носили непосредственный характер, то сейчас они будто бы опосредствованы союзами различных групп и индивидов. Из этого делается вывод, что в настоящее время отдельный гражданин не имеет ни малейшего шанса рассчитывать на благожелательность со стороны государства, если он вместе с другими носителями общих с ним интересов не вступит в союз, разрешенный социальной властью[2]. Здесь явно обнаруживается попытка затемнить классовую природу государства, представить дело так, будто происходит «диффузия власти», ее распыление между различными объединениями граждан, каждое из которых добивается перед «нейтральным» государством защиты своих членов.

В действительности государство никогда не было «арбитром» между классами или индивидами. Оно всегда обслуживало интересы господствующего класса и индивидов, представляющих этот класс. Что же касается тех уступок, на которые господствующий класс идет (социальное законодательство, всеобщее избирательное право и т. п.), то они являются не результатом «доброй воли» эксплуататоров, а либо вызываются потребностями развития производства, либо являются следствием классовой борьбы, в ходе которой эксплуатируемые классы добиваются некоторых, подчас серьезных успехов. По отношению ко всем угнетенным классам и по отношению к отдельным их представителям эксплуататорское государство обычно выступает как чуждая им сила.

До сих пор речь шла об отношении между эксплуататорским государством и угнетенными классами. Важно,

---

[1] В. П. Павлов, Критика теорий «классового мира» в США, Соцэкгиз, 1963.

[2] Критику этих взглядов см. M. Banaschak, Die Macht der Verbände, Leipzig, 1964, S. 28—70.

однако, выяснить и отношение между господствующим классом и его государством.

Эксплуататорское государство — это политическая организация господствующего класса, его концентрированная сила. Оно призвано обслуживать потребности господствующего класса как внутри, так и вовне общества. Охраняемые и защищаемые эксплуататорским государством порядки, равно как и общая внутренняя и внешняя политика этого государства в целом, как правило, соответствуют интересам *всего* господствующего класса. Устанавливаемый государством правопорядок обязателен как для отдельных, порою враждующих между собой группировок, так и для каждого представителя этого класса.

Следует учитывать неоднородность господствующего класса, его дифференциацию на более узкие социальные слои, интересы которых защищаются разными политическими партиями и иными организациями. В современном буржуазном обществе наряду с крупной монополистической буржуазией, составляющей незначительную часть господствующего класса, существует более многочисленная средняя и мелкая буржуазия, а также значительная прослойка интеллигенции, обслуживающая интересы буржуазии. Но это не значит, что современное буржуазное государство в одинаковой мере представляет и защищает интересы всех слоев буржуазии. Практика показывает, что сейчас явно обнаружилось сужение социальной базы буржуазного государства, которое из комитета по заведованию делами всего класса капиталистов превратилось в орган монополистической буржуазии. Из этого факта нельзя, однако, делать вывод об изменении классовой природы буржуазного государства. Напротив, дело идет об усилении его паразитизма и реакционности как проявлении процесса углубляющегося отчуждения буржуазного государства от общества. «В наиболее развитых капиталистических странах быстро растет влияние так называемого военно-промышленного комплекса, т. е. союза крупнейших монополий с военщиной в государственном аппарате. Этот зловещий союз оказывает растущее влияние на политику многих империалистических государств, делает ее еще более реакционной и агрессивной» [1].

---

[1] Л. И. Брежнев, За укрепление сплоченности коммунистов, за новый подъем антиимпериалистической борьбы, стр. 8—9.

Государство является до известной степени самостоятельным не только по отношению к экономическому строю общества, о чем уже говорилось выше, но и по отношению к классам общества. Эта самостоятельность имеет различные формы, объем и содержание [1].

Во-первых, относительная независимость государства в классовом обществе обусловлена вызвавшим его к жизни разделением труда внутри общества. «Общество, — пишет Ф. Энгельс, — порождает известные общие функции, без которых оно не может обойтись. Предназначенные для этого люди образуют новую отрасль разделения труда *внутри общества*. Тем самым они приобретают особые интересы также и по отношению к тем, кто их уполномочил; они становятся самостоятельными по отношению к ним, — и появляется государство» [2].

Во-вторых, в истории встречаются случаи, когда государство выступает в виде относительно самостоятельной силы по отношению к обоим борющимся классам. «В виде исключения, — пишет Ф. Энгельс, — встречаются, однако, периоды, когда борющиеся классы достигают такого равновесия сил, что государственная власть на время получает известную самостоятельность по отношению к обоим классам, как кажущаяся посредница между ними. Такова абсолютная монархия XVII и XVIII веков, которая держит в равновесии дворянство и буржуазию друг против друга; таков бонапартизм Первой и особенно Второй империи во Франции, который натравливал пролетариат против буржуазии и буржуазию против пролетариата» [3].

В-третьих, надо учитывать относительную самостоятельность отдельных частей государственного механизма по отношению к государству в целом, а следовательно, и к господствующему классу. Это относится к парламенту, суду, армии, бюрократическому аппарату управления. Особого внимания заслуживает бюрократическая замкнутость и кастовость армии, полиции, чиновничьего аппарата управления. История классового общества изобилует примерами использования таких частей государственной

---

[1] См. В. Е. Гулиев, Империалистическое государство (очерк критики буржуазных теорий), изд-во МГУ, 1965, стр. 87—105.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 37, стр. 416.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 172.

машины в интересах отдельных групп господствующего класса и даже отдельными лицами в собственных, иногда авантюристических целях. Это подтверждает не только опыт буржуазных государств, но и современная практика развивающихся государств, в которых, например, армия зачастую становится самостоятельной силой между борющимися классами и их группировками [1].

Соотношение общества и государства в разные исторические эпохи

В рамках разных классовых общественно-экономических формаций зависимость государства от общества дает о себе знать не совсем одинаково. Преломляясь через господствующий тип производственных отношений, через своеобразие классовой структуры общества и реальное соотношение сил в классовой борьбе, эта зависимость по-разному определяет степень относительной самостоятельности государства.

Взаимоотношение между государством и классовым обществом не есть нечто, данное на веки вечные. Оно имеет свои специфические особенности при рабстве, феодализме и капитализме, т. е. находится в той или другой связи с особенностями каждой данной классово антагонистической формации.

Отчуждение буржуазного государства от общества в современной действительности находит свое проявление в следующих основных тенденциях: 1) сужение социальной базы государства, опирающегося главным образом на монополистические группировки; 2) неимоверная милитаризация и бюрократизация государственного аппарата, превращение его в привилегированную, замкнутую касту избранных — властвующую элиту [2]; 3) стремление к переходу от парламентских к фашистским формам и методам господства; 4) ограничение социальных и политических прав трудящихся.

Самые глубокие изменения в соотношении государства и общества происходят в эпоху становления и раз-

---

[1] См. В. Лукин. Некоторые особенности классовой структуры в странах Южной и Юго-Восточной Азии («Проблемы мира и социализма» 1966 г. № 11, стр. 60); А. Искандеров. Армия, политика, народ («Известия» 17 января 1967 г.).

[2] По данным американских социологов, в 1935—1959 гг. военная машина США выросла с 233 тыс. до 2505 тыс. человек.

вития коммунистической общественно-экономической формации.

В эпоху перехода к социализму, а затем и к коммунизму деятельность государства состоит главным образом в решении с его помощью тех задач, которые объективный ход истории ставит перед прогрессивными силами общества. Это значит, что государство, будучи и здесь связанным с характером общества, оказывает особенно значительное воздействие на него, что закономерно сближает государство с обществом.

Конкретные знания об обществе и государстве переходного от капитализма к социализму периода и об их соотношении дает опыт социалистического строительства. Таким опытом, если не считать итогов кратковременного существования Парижской Коммуны 1871 года, К. Маркс и Ф. Энгельс не располагали. Он не мог быть и в поле зрения В. И. Ленина до победы Октябрьской революции. Положение резко изменилось в результате победоносного развития Октябрьской революции. Страна Советов вступила в переходный от капитализма к социализму период. Естественно, вопрос о характере этого периода, о природе и значении государства переходного периода приобрел громадное теоретическое и практическое значение. И никто не сделал так много в его изучении, как В. И. Ленин. В ленинских работах «О «левом» ребячестве и мелкобуржуазности», «Очередные задачи Советской власти», «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата», в трудах, посвященных обоснованию новой экономической политики, электрификации страны, кооперированию сельского хозяйства, культурной революции, обобщен опыт перехода к социализму в первые годы Советской власти и извлечены из этого опыта уроки, имеющие общее, принципиальное значение. В. И. Ленин заложил краеугольные

Число служащих федерального правительства составило в 1959 году около 5 млн. человек. На их содержание ежегодно тратится 80 млрд. долларов (См. W. Warner, P. Riper, N. Martin, O. Collins, The American Federal Executive, New Haven, 1963, p. 10). Итальянский публицист С. Бенелли пишет, что ежегодно на содержание чиновников Италия тратит 3000 млрд. лир, т. е. около половины своего бюджета (S. Benelli, La Dolge Burocrazia, Milano, 1965, p. 52).

Яркая картина милитаризации и бюрократизации государственного аппарата США нарисована известным американским социологом Р. Миллсом в книге «Властвующая элита» (ИЛ, 1959).

камни теории общества и государства переходного от капитализма к социализму периода. В частности, он неопровержимо доказал, что в переходный период, когда общество имеет многоукладную экономику и сложную классовую структуру, государство является социалистическим по своим задачам и целям. Лениным глубоко исследована роль диктатуры пролетариата в революционном преобразовании капиталистического общества в социалистическое общество.

Классовая борьба и государство

Марксизм раскрыл тесную связь между государством и классовой борьбой. Основоположники марксизма создали теорию классовой борьбы, которая стала основой научного коммунизма [1]. Они впервые в истории человеческой мысли вскрыли материальную основу разделения общества на классы, неопровержимо доказав, что *возникновение и существование классов* связано не со всеми, а лишь с *определенными историческими фазами* развития производства. Это открытие позволило сделать четыре основных вывода: 1) на очень низкой ступени развития производительных сил общество не могло разделиться на разные и противоположные классы; 2) каждая классовая антагонистическая формация (рабство, феодализм и капитализм) обусловлена в конце концов определенным уровнем и состоянием производительных сил; 3) между капиталистическим обществом, т. е. исторически последней классово антагонистической формацией и бесклассовым обществом лежит период революционного преобразования первого во второе; 4) очень высокому развитию материального производства соответствует социально однородное общество, т. е. зрелое коммунистическое общество.

Марксистская теория установила, что классовая борьба является общим социологическим законом, проявляющимся во всех классово антагонистических общественных формациях, а не только в эпоху перехода от феодализма к капитализму. Отсюда вытекали неизбежность классовой диктатуры, закономерность политических революций, влекущих за собой смену классового господства, признание классовой природы и эксплуататорской роли государства в рабовладельческом, феодальном и капиталистическом обществах. Однако самое главное в марксистской теории клас-

[1] См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 17, стр. 22.

совой борьбы — это вывод о том, что классовая борьба пролетариата против буржуазии закономерно ведет к свержению господства буржуазии и установлению диктатуры пролетариата.

«Только диктатура одного класса — пролетариата — может решить вопрос в борьбе с буржуазией за господство. Победить буржуазию может только диктатура пролетариата. Свергнуть буржуазию может только пролетариат. Вести за собой массы против буржуазии может только пролетариат» [1].

Идея диктатуры пролетариата как государства переходного от капитализма к социализму периода является логическим выводом из непримиримости противоположных интересов рабочего класса и буржуазии. Она неразрывно связана со всем учением марксизма о революционной роли пролетариата, историческом освобождении человечества от капиталистической эксплуатации и капиталистического гнета.

Если диктатура эксплуататорского класса, как это особенно рельефно видно на примере диктатуры буржуазии в современную эпоху, имеет тенденцию ко все большему обособлению от общества, то диктатура пролетариата в своем историческом развитии, наоборот, ведет к диаметрально противоположному процессу, а именно: ко все большему и большему сближению государства с обществом, ко все большей зависимости государственной власти от передовых сил общества.

§ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА

Понятие политической организации общества

Уже в рабовладельческом и еще более в феодальном обществах эксплуатируемые классы создавали свои объединения. Но эксплуататоры отстраняли их от участия в политической жизни. Поэтому политическая организация рабовладельческого и феодального обществ складывалась из государственных и негосударственных организаций господствующего класса (рабовладельческие и дворянские союзы, церковь). При капитализме наряду с политическими организациями господствующего класса

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 38, стр. 189.

возникают и развиваются многочисленные политические объединения трудящихся, которые противостоят буржуазной государственной власти и активно воздействуют на нее. В связи с этим политическую организацию буржуазного общества в настоящее время следует рассматривать в двояком смысле — узком и широком.

Политическая организация общества *в узком смысле* — это система государственных и общественно-политических организаций, а также общественных движений правящего класса и его союзников. Ее функции и соответствующие им структурные подразделения определяются правящим классом.

Буржуазия стремится использовать в своих собственных целях и организации трудящихся, исказив их классовую природу и включив в систему своих политических объединений.

Буржуазия готова использовать для антирабочей политики и рабочие по составу партии, которые включаются в политическую организацию капиталистического общества, понимаемую в узком смысле.

С того времени, как буржуазия под натиском пролетариата вынуждена была официально признать право рабочих на объединение, она стала добиваться того, чтобы ключевые, руководящие посты в рабочих союзах занимали люди, придерживающиеся буржуазных идей и принципов, а сами союзы служили опорой буржуазного государства.

Более того, буржуазия руками ее государственной власти сама создает псевдорабочие организации типа зубатовско-гапоновских обществ, функционировавших в свое время в царской России, или фашистских корпораций. Капиталистам *приходится* искать опору в массах, а для этого надо организовать их под лозунгами клерикализма, национализма-шовинизма и т. д. [1].

Поскольку субъектами политической организации в узком смысле являются государственные органы и примыкающие к ним общественные организации, участвующие в осуществлении государственной власти, ее можно рассматривать и как систему диктатуры господствующего класса.

Иначе представляется политическая организация общества *в широком смысле*, не совпадающая с диктатурой

[1] См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 23, стр. 188.

господствующего класса. Политическая организация общества в этом смысле есть отражение классовой структуры общества в системе государственных органов и общественных организаций, *участвующих в делах государства*[1]. Другими словами, поскольку политика — это не что иное, как «участие в делах государства, направление государства, определение форм, задач, содержания деятельности государства»[2], постольку субъектами политической организации общества являются не только органы государства и примыкающие к ним общественные организации, но и противостоящие им, организационно оформленные социальные объединения, участвующие в государственной жизни[3].

Образование понятия политической организации общества было обусловлено усложнением его социальной структуры, необходимостью выделения таких общественных связей, которые в отличие от других отношений приобрели политический характер; оно формировалось в связи с возникновением современного общества, где дифференциация общественной и политической жизни приобрела зримые очертания и практическое значение.

Соотношение гражданского общества и его политической организации (политического строя) может быть выражено как соотношение содержания и формы. Понятие «политическая организация общества» сопоставимо и с понятием «государственная организация», они соотносятся как целое и часть.

Решающую роль в политической организации общества играют государственные органы, осуществляющие полити-

---

[1] Более широкое понимание политической организации общества излагается в трудах некоторых советских философов. Так, Д. И. Чесноков под политической организацией общества понимает «всю систему государственно-правовых, политических и общественных институтов, организаций и учреждений, регулирующих политические взаимоотношения между классами, государствами, народами, отношения, так или иначе проявляющиеся не только в области политической, но также хозяйственно-культурной и всех других сторонах общественной жизни» (Д. И. Чесноков, Исторический материализм, «Мысль», 1964, стр. 249). Широкое определение политической организации общества дает А. К. Белых в работе «Политическая организация общества и социалистическое управление» (стр. 123).

[2] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 33, стр. 340.

[3] В последующем изложении понятие политической организации общества рассматривается нами в широком смысле.

ческую власть господствующего класса. Однако следует иметь в виду, что граница между государственными общественно-политическими организациями правящего класса весьма условна и подвижна. Как правило, их связывают отношения сотрудничества и соучастие в осуществлении власти господствующего класса.

Политическая организация буржуазного общества

Политическая организация любого эксплуататорского общества внутренне противоречива. Это противоречие обусловливается, во-первых, антагонизмом классовых отношений между эксплуататорами и эксплуатируемыми, во-вторых, борьбой между эксплуататорскими классами за политическую власть (на определенных исторических этапах) и, наконец, в-третьих, дифференциацией интересов разных социальных групп, входящих в господствующий класс. В буржуазном обществе весь комплекс этих противоречий находит свое наиболее зрелое воплощение особенно после того, как рабочий класс выступает с самостоятельными политическими требованиями и из «класса в себе» превращается в «класс для себя». Собственно с этих пор можно говорить о политической организации общества как синтетическом понятии.

Превращение рабочего класса в самостоятельную политическую силу поляризовало политическую организацию буржуазного общества, которая складывается не только из государственных органов и примыкающих к ним политических организаций господствующего класса, но из объединений трудящихся: коммунистических (рабочих) партий, профсоюзов, молодежных и других классовых организаций, ставящих перед собою политические задачи.

Многоклеточность политической организации буржуазного общества в значительной мере дополняется различного рода объединениями, состоящими в основном из трудящихся, но находящимися под влиянием буржуазии (правосоциалистические партии, католические профсоюзы). Такие объединения включаются в осуществление буржуазной государственной власти.

Только коммунистические (рабочие) партии и руководимые ими другие политические объединения не участвуют в осуществлении буржуазной политической власти и ей противостоят.

Вместе с тем коммунистические партии, руководимые ими профсоюзы, молодежные и другие организации,

представляя и защищая интересы трудящихся, активно воздействуют на буржуазное государство, борются за расширение буржуазной демократии, соблюдение законности, проведение широких социальных реформ, мирную внешнюю политику. Констатируя подобные факты, многие буржуазные идеологи дают им извращенную оценку и выдвигают апологезирующие политическую организацию буржуазного общества теории «плюралистической демократии», «диффузии государственной власти», о чем мы уже говорили выше применительно к государству. Однако реальная действительность опровергает их домыслы и убедительно доказывает, что в современных даже самых демократических капиталистических странах решающую роль в политической организации общества играют государственные органы и политические союзы, осуществляющие диктатуру буржуазии.

Политическая организация социалистического общества

С победой социалистической революции начинает складываться социалистическая политическая организация общества [1]. Политическая организация переходного от капитализма к социализму периода обладает рядом черт, характеризующих ее как политический строй нового типа. Она развивается не стихийно, а по заранее намеченному плану и цементируется единством основных целей и задач всех ее основных звеньев (создание материально-технической базы социализма, проведение культурной революции, всесторонняя демократизация общественной жизни и др.).

Однако вопрос «кто кого», остро стоящий в жизни общества переходного периода, не может не отразиться и на его политической организации и вызывает в ней ряд противоречий, в том числе антагонистических. Последние оказываются преодоленными с победой социализма.

Существенной чертой политической организации социалистического общества является ее монолитное единство. Это, конечно, не означает, что развитие политической организации социалистического общества протекает без противоречий. Однако эти противоречия антагонистического характера не носят.

---

[1] Отдельные элементы этой организации (например, пролетарская партия, профсоюзы) возникают еще до социалистической революции.

Социалистическая политическая организация общества складывается из ряда сложных систем — государства, правящей марксистско-ленинской партии, профессиональных союзов и других объединений трудящихся, принимающих активное участие в политической жизни общества[1]. Эти системы, рассматриваемые в рамках крупных периодов, проходят один и тот же путь, подчиняются общим принципам и закономерностям развития политической надстройки (расширение демократии, вовлечение трудящихся в управление обществом и государством и др.).

Наука различает социалистический тип политической организации общества и разнообразные формы (разновидности) этой организации в отдельных странах, вставших на социалистический путь развития. Кроме того, выделяются определенные этапы развития политической организации на разных ступенях развития общества в каждой стране.

Это значит, что нет и не может быть такой формы социалистической политической организации общества, которая пригодна для всех наций или для всех стран в данный исторический период их движения к коммунизму, а тем более на всем пути к конечной цели. Отсюда следует, что нельзя механически использовать в других странах форму политической организации общества одной страны, если даже там она полностью оправдывает себя на практике, приносит самые лучшие плоды. Этим ни в какой степени не умаляется международное значение опыта политической организации общества каждой страны — большой или малой.

Одно время получили распространение упрощенческие суждения о социалистической политической организации общества. Так, полностью исключалась целесообразность существования в ее условиях немарксистских политических партий. Однако исторический опыт показал, что в ряде социалистических стран многопартийность вполне себя оправдывает. Например, политическая организация Польши включает в себя Польскую объединенную рабочую партию и две некоммунистические партии. Демокра-

[1] См. подробнее «Политическая организация советского общества», «Наука», 1967; М. С. Волков, Политическая организация общества, «Мысль», 1968.

тическую партию и Объединенную крестьянскую партию [1]. В политическую организацию ГДР входят Социалистическая Единая партия Германии, Национально-демократическая партия, Либерально-демократическая партия, Христианско-демократический союз; политическая организация Болгарии включает Коммунистическую партию и Болгарский земледельческий народный союз (БЗНС) [2] и т. п. Важное значение в политической организации ряда социалистических стран имеют такие массовые общественно-политические организации, как народный фронт [3] (в Болгарии — Отечественный фронт [4], в Чехословакии — Национальный фронт [5], в ГДР — Национальный фронт [6], в Польше — Фронт единства народа).

Народный фронт — эффективная организационная форма: 1) политического союза рабочего класса с непролетарскими массами — крестьянством, интеллигенцией и другими слоями населения; 2) взаимодействия всех политических партий (это имеет место в тех странах, где существует несколько партий) и других общественных организаций.

Марксистско-ленинская партия осуществляет определенные функции по отношению к народному фронту,

---

[1] См. Л. И. Крымов, Роль и место крестьянских партий в борьбе за победу социализма («Вопросы истории КПСС» 1964 г. № 5, стр. 25—38).

[2] См. «Място и роля на Отечествения фронт в развитието на народната демокрация», София, 1964. Тодор Живков в докладе на IX съезде БКП говорил: «Важное место в экономическом и политическом развитии страны, в совершенствовании социалистических общественных отношений и укреплении единения народа занимает Болгарский земледельческий народный союз. Мы высоко ценим деятельность Болгарского земледельческого народного союза, его роль и значение в качестве нашего верного союзника в общей борьбе за социализм и мир» («Правда» 15 ноября 1966 г.).

[3] См. А. Х. Махненко, Основные институты государственного права европейских стран народной демократии, изд. ВЮЗИ, 1964, стр. 157—169.

[4] Владимир Бонев, Отечественный фронт — воплощение единства народа («Проблемы мира и социализма» 1964 г. № 12, стр. 15—20).

[5] См. Б. Н. Топорнин, Возникновение и развитие Национального фронта в Чехословакии («Советское государство и право» 1965 г. № 3).

[6] Пауль Фернер, Союз трудящихся масс и строительство социализма, «Проблемы мира и социализма» 1964 г. № 5, стр. 18—25.

способствуя более успешному развитию идейно-политической активности, хозяйственной инициативы и укреплению организаторской роли всех его звеньев [1].

В условиях строительства коммунизма и исключения возможности реставрации капиталистического строя политическая организация социалистического общества приобретает всенародный характер, превращается во всенародную социалистическую демократию. Ее прочной основой являются союз рабочего класса с крестьянством и другими трудящимися, идейно-политическое единство всего народа, его сплочение вокруг своего авангарда — коммунистической партии, а в многонациональных социалистических государствах также дружба всех наций и рас.

Однако и в этот период политическая организация социалистического общества классовый характер не утрачивает. Она отражает деление социалистического общества на рабочий класс, колхозное крестьянство и интеллигенцию, которые в условиях коммунистического строительства постепенно сближаются, но окончательно не сливаются. Классовый характер политической организации социалистического общества выражается также и в том, что руководящую роль в ней играет рабочий класс.

Политическая организация социалистического общества закономерно развивается в направлении к коммунистическому самоуправлению. Но всякое забегание вперед, волюнтаристское ускорение этого процесса так же, как и искусственное его торможение, могут отрицательно сказаться на нормальном функционировании всенародной социалистической демократии.

§ 3. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВА

Соотношение политической и экономической жизни общества

Если до сих пор мы рассматривали политическую организацию общества под углом зрения ее анатомии, то здесь необходимо осветить ее физиологию, т. е. политическую жизнь.

Политическая жизнь общества тесно переплетается с его экономической и духовной жизнью (науки, искус-

[1] См. Владислав Гомулка, Избранные статьи и речи (1951—1964), Политиздат, 1965, стр. 695.

ство, литература и т. п.). Наиболее сложной является экономическая жизнь. Она состоит из многоотраслевого производства, распределения, обмена и потребления, из всей совокупности материальных (производственных) отношений и технической вооруженности хозяйства. Ее характер определяет направление экономического развития и экономическую организацию общества, которые в конечном счете определяют все другие сферы. Энгельс говорил, что «производство непосредственных материальных средств к жизни и тем самым каждая данная ступень экономического развития народа или эпохи образуют основу, из которой развиваются государственные учреждения, правовые воззрения, искусство и даже религиозные представления данных людей и из которой они поэтому должны быть объяснены»[1]. Этим ни в какой мере не отвергается воздействие на экономическую жизнь других сфер общественной жизни, в частности политической.

Политическая жизнь общества характеризуется прежде всего отношениями между классами (классовая борьба, классовое сотрудничество, классовый нейтралитет и т. п.), межнациональными отношениями (национальный гнет, национальное сотрудничество, дружба наций), отношениями разных классов и социальных групп к установленному политическому режиму. Она подразделяется на *государственную* и *общественно-политическую* жизнь[2]. Граница, разделяющая государственную и общественно-политическую жизнь, условна и подвижна. С одной стороны, в государственной жизни могут быть и бывают элементы общественно-политического характера, с другой — общественно-политическая жизнь не исключает элементов государственного характера, например участие общественно-политических институтов в определении форм государства, в управлении государственными делами, в контроле над деятельностью государственных

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 350—351.

[2] Действующее советское законодательство четко различает государственную и общественно-политическую жизнь. Оно, определяя равноправие граждан СССР независимо от их национальности и расы, а также от пола, прямо указывает на распространение этого института на все области хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни общества (Конституция СССР, ст.ст. 122—123).

учреждений и должностных лиц. Однако в гносеологическом и в практическом плане целесообразно различать государственную и общественно-политическую жизнь.

Государство и политическая активность населения

Участниками политической жизни государственно-организованного общества являются не только его политическая организация в целом и ее отдельные элементы, но и все население в лице составляющих его классов, наций, иных социальных групп, а также отдельных граждан. При этом следует иметь в виду, что сфера политики охватывает отношения не между отдельными личностями, а прежде всего и главным образом взаимоотношения между социальными группами. Марксизм рассматривает политику как такую область человеческих отношений, «которая имеет дело не с единицами, а с *миллионами*» [1].

Политическая активность населения зависит от характера общественно-политического строя страны. В эксплуататорском обществе трудящиеся массы, ведущие постоянную борьбу «за хлеб насущный», находятся в таких условиях, которые снижают возможность их активного участия в общественно-политической жизни, а в ряде случаев сводят ее на нет. «Современные наемные рабы, — писал В. И. Ленин, характеризуя положение трудящихся в начале XX века, — в силу условий капиталистической эксплуатации, остаются настолько задавленными нуждой и нищетой, что им «не до демократии», «не до политики», что при обычном, мирном течении событий большинство населения от участия в общественно-политической жизни отстранено» [2]. К тому же буржуазия самыми различными средствами (в том числе и правовыми) — избирательные цензы, ограничение свободы печати, собраний, демонстраций и т. п. — чинит препятствия трудящимся в их стремлении использовать даже весьма куцые демократические права и свободы, которые формально записаны в буржуазных конституциях. Все эти ограничения демократии, в сумме взятые, «исключают, выталкивают бедноту из политики, из активного участия в демократии» [3].

---

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 32, стр. 259.
[2] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 33, стр. 87.
[3] Там же, стр. 88.

В эксплуататорском (буржуазном) обществе господствующие классы, используя все средства экономического, политического и идеологического давления и прежде всего свое государство, стремятся лишить народные массы возможности участвовать в политической жизни общества. Они рассматривают народные массы не как субъект политической жизни, а как объект политического властвования. Естественно, что трудящиеся массы относятся к эксплуататорскому государству как к учреждению, деятельность которого чужда их классовым интересам.

Следствием этого является значительный политический индеферентизм широких слоев населения, которым довольно часто глубоко безразличен весь внешний фейерверк политических баталий (особенно предвыборных) различных политических партий как в парламенте, так и вне его. Об этом свидетельствует, например, абсентеизм — массовое уклонение избирателей от участия в референдумах или выборах президента, парламента и иных органов.

Но говоря о политической активности населения в буржуазном обществе, нельзя забывать, во-первых, высокую политическую сознательность передовой части общества — организованного пролетариата; во-вторых, возрастание общей политической активности трудящихся в период революционных кризисов и национально-освободительных движений. Поэтому буржуазия использует всю мощь своего государства, чтобы подавить политическую активность народа, дезорганизовать деятельность его передового отряда, подорвать веру трудящихся в свои силы, используя при этом самые различные методы вплоть до массовых арестов, разгона демонстраций, запрещения прогрессивных организаций (особенно коммунистических партий), развязывания гражданской войны.

И тем не менее современная эпоха перехода от капитализма к коммунизму характеризуется невиданным подъемом сознательности и политической активности трудящихся. Марксистско-ленинские партии, просвещая и организуя трудящиеся массы, стремятся вовлечь их не только в борьбу за влияние на дела государства, но и за установление демократического контроля над средствами производства, т. е. распространить сферу политики на основу основ капитализма — частную собственность на

средства производства. Это встречает яростное сопротивление монополий, выступающих против какого-либо участия трудящихся в хозяйственной политике.

Наконец, следует отметить, что вопреки сопротивлению буржуазного государства трудящиеся массы принимают активное участие в широких демократических движениях, связанных с защитой мира, борьбой против угрозы атомной войны, поддержкой национально-освободительных движений.

Коренные изменения всей общественно-политической структуры общества, которые происходят после свержения власти капитала, существенно изменяют как роль государства, так и роль населения в политической жизни. Освободившись от капиталистической эксплуатации, трудящиеся становятся хозяевами своей судьбы. А это рождает невиданную революционную энергию и активность в строительстве нового общества. «*Только* с социализма, — писал В. И. Ленин, — начнется быстрое, настоящее, действительно массовое, при участии *большинства* населения, а затем всего населения, происходящее движение вперед во всех областях общественной и личной жизни» [1].

Социалистическое государство использует экономические, правовые, моральные рычаги и стимулы в целях всемерного поощрения политической активности народа. Для развития организационной самодеятельности народных масс Конституция СССР и конституции других социалистических стран обеспечивают гражданам право объединения в общественные организации: профессиональные, кооперативные, молодежные, спортивные, оборонные, культурные, научно-технические.

Социалистическое государство развивает политическую активность масс, всемерно поддерживает их инициативу во всех сферах общественной жизни. Оно в этом кровно заинтересовано, ибо его сила — в сознательности и организованности трудящихся.

Политическая активность населения в условиях социализма находит многообразные формы выражения: участие в формировании государственной воли в процессе нормотворческой деятельности государства, участие в выборах органов государственной власти и народных судов,

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 33, стр. 99—100.

участие в деятельности постоянных комиссий Советов и различных самодеятельных организаций населения, участие в отправлении правосудия и т. п.

При этом, однако, нельзя забывать, что в условиях социализма изменяется само понимание политики. «Политика в представлении буржуазного мировоззрения, — писал В. И. Ленин, — была как бы оторвана от экономики. Буржуазия говорила: работайте, крестьяне, чтобы получить возможность существования, работайте, рабочие, чтобы получить на рынке все необходимое, чтобы жить, а политику хозяйственную ведут ваши хозяева. А между тем это не так, политика должна быть делом народа, делом пролетариата... Наша главная политика сейчас должна быть — экономическое строительство государства...» [1].

Поэтому нельзя сводить политическую активность населения при социализме только к участию его в управлении государством. Первостепенное значение при социализме приобретает участие трудящихся в управлении производством, в осуществлении экономической политики государства.

В социалистическом обществе между государством и населением существует тесная неразрывная связь: сила и крепость государства зависят от политической активности трудящихся, с другой стороны, государство обеспечивает развертывание политической активности масс, всемерное развитие социалистической демократии. Совершенствование социалистической демократии, активное участие всех граждан в управлении государством, в руководстве хозяйственным и культурным строительством, улучшение работы государственного аппарата и усиление народного контроля над его деятельностью — таково главное направление развития социалистической государственности в период строительства коммунизма [2].

---

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 406—407.
[2] См. «Материалы XXI съезда КПСС», стр. 395—400.

Глава восьмая

ГОСУДАРСТВО И ДЕМОКРАТИЯ

§ 1. Понятие демократии. § 2. Государство, демократия и классово-антагонистическое общество. § 3. Демократия и коммунистическая формация.

§ 1. ПОНЯТИЕ ДЕМОКРАТИИ

Марксизм-ленинизм о научном понятии демократии

Марксизм-ленинизм создал последовательное учение о демократии, ставшее частью общей теории государства, обосновал экономическую детерминированность демократии, как и всякого общественного явления, установил ее зависимость от материальной основы жизни общества. Тем самым впервые были показаны исторический характер демократии, ее подлинная природа, социально-классовая сущность, реальные возможности [1].

Характерным для марксизма является исторически конкретный подход к демократии и государству, их соотношению с классовым обществом (поскольку речь идет о политической демократии, демократии как форме и разновидности государства).

В настоящее время одним из центральных вопросов является противоположность и принципиальная несовместимость социалистической и буржуазной демократии, качественное отличие и преимущества первой над второй. В реальной политической действительности не было и нет так называемой «чистой», т. е. внеклассовой, де-

[1] См. В. М. Чхиквадзе. Государство, демократия, законность. Ленинские идеи и современность, стр. 210.

мократии. Политический смысл лозунга «чистой демократии» кроется в том, что он служит обману трудящихся, прикрывает своекорыстный интерес эксплуататоров [1].

Вместе с тем лишены всякой почвы домыслы буржуазных пропагандистов и «марксоведов» о том, что марксизм-де начисто отрицает научное понятие демократии (и государства), не видит ничего положительного в демократических институтах предшествующих социальных формаций.

Буржуазная демократия и социалистическая демократия противоположны, но в то же время и та и другая относятся к политической надстройке, определяются в конечном счете отношениями собственности, отражают социальную структуру общества, представляют собой форму классового господства и классового союза: буржуазная демократия — форма союза эксплуататоров и их господства над эксплуатируемыми, социалистическая демократия — форма союза трудящихся под руководством рабочего класса и их господства над эксплуататорами. Сравнительный анализ форм и институтов буржуазной и социалистической демократии допустим и может быть полезным, если при этом не отвлекаться от их классовой природы [2].

Возникает вопрос (и вполне естественно): могут ли быть даны самые общие определения понятия демократии? Не будут ли такие понятия некой уступкой лозунгу «чистой демократии» и надклассового государства? Нет, нисколько, если не отвлекаться от классовой природы этих институтов. Но понятно, что эти определения составляют отнюдь не конечный результат анализа, а лишь его отправной пункт, за которым необходимо следует раскрытие классовой природы и определяемых ею качественных различий исторически разных типов и государства и демократии. Последняя означает в эксплуататорских обществах лишь декларирование принципа подчинения меньшинства большинству (а с ним и других устоев, ин

---

[1] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 36, стр. 217—218; В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 37, стр. 251—259.

[2] См. В. М. Чхиквадзе, Государство, демократия, законность. Ленинские идеи и современность, стр. 225.

ститутов демократии) и, напротив, в социалистическом обществе — реальное осуществление этого принципа (и вытекающих из него иных устоев, институтов социалистического демократизма) [1].

Не раскрыв чего-то общего, нельзя и противопоставить противоположные политические системы путем показа того, что отвергают на деле одни из них и, напротив, полностью реализуют другие. Поэтому данная глава начинается с выяснения научного понятия демократии и продолжается исследованием ее судеб в эксплуататорских формациях и далее — при коммунизме.

Идеологи антикоммунизма обвиняют марксизм в пренебрежительном отношении к историческим завоеваниям человечества в области творчества политических форм. Это обвинение ложно. Марксисты всегда сочетали раскрытие исторической ограниченности буржуазной демократии с признанием ее преимуществ перед феодально-крепостнической системой управления. Иначе говоря, каждый исторически определенный тип демократии обладает известной ценностью как прогрессивное явление для своего времени. Кроме того, изучение истории показывает, что идеи свободы, равенства, братства были важнейшими требованиями трудящихся в их многовековой борьбе против эксплуататоров [2]. Эти идеи мы высоко ценим, и только социализм дал им подлинную жизнь, воплотив их в реальность.

Но политическое творчество народных масс, в первую очередь рабочего класса, приносит пусть ограниченные, но и немаловажные результаты еще на подходе к социалистической революции. Вот почему целесообразно различать в эксплуататорском обществе псевдодемократические институты господствующих классов и действительно демократические формы организации и объединения трудящихся (§ 2).

---

[1] Ленин подчеркивал два момента в процессе смены эксплуататорской демократии социалистической демократией: 1) создание новых форм демократии, новых учреждений, воплощающих новые условия ее применения; 2) изменение уже известных форм и учреждений демократии (см. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 499).

[2] См. В. М. Чхиквадзе, Государство, демократия, законность. Ленинские идеи и современность, стр. 211.

Демократия и власть

Демократия как форма организации и осуществления власти в человеческом обществе прошла долгий и сложный путь развития. Не раз демократия гибла в огне политической реакции, но в силу законов развития человечества снова возрождалась.

Старая демократия — демократия формальная, и только в новой демократии, родившейся с началом подлинной истории человечества, принцип демократии, говоря словами Маркса, «является одновременно и *материальным* принципом»[1]. В новой демократии «не человек существует для закона, а закон существует для человека; законом является здесь *человеческое бытие*»[2].

Новая демократия — это органически присущая обществу форма организации и осуществления власти сначала большинства над меньшинством, а затем и власти всего общества, форма, органически отвечающая своему содержанию. Таким принципиально новым типом демократии является демократия социалистическая.

Социалистическая демократия возникает на основе и в результате социалистической революции как отрицание буржуазной демократии. Ее лучшие свойства и институты, которые преобразуются в *существе своем*, становятся из *возможных* внешних атрибутов классового господства буржуазии *необходимыми* элементами власти трудящихся.

В любом проявлении и во всяком смысле демократия прямо или косвенно связана с властью в человеческом обществе. Вместе с тем демократия присуща не всякой власти. Антиподы демократии — деспотизм, тирания, автократия — не знают демократических проявлений. Но и самая демократическая власть применяет или по крайней мере предполагает возможное применение принуждения и даже насилия как крайней его формы[3].

Демократия определяется экономическим строем общества, природой власти, имеет своим ближайшим источником социальные группы, соотношение сил в их борьбе и сотрудничестве. Проявляясь как отношение господства

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 252.

[2] Там же.

[3] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 18, стр. 304; т. 25, ч. I, стр. 422; т. 25, ч. II, стр. 356; т. 26, ч. I, стр. 281.

(авторитета) и подчинения, общественная (включая и государственную) власть может отличаться таким свойством, как демократизм. Рассмотренные в аспекте категории содержания и формы власть и демократия выступают соответственно как содержание и одна из его возможных форм. Демократия, следовательно, есть один из способов организации власти.

Демократия есть мера власти, мера свободы и усмотрения властвующих и подвластных. В реальном своем существовании демократия есть власть, фактически или формально-декларативно исходящая от большинства, осуществляемая большинством и благотворная для большинства населения (общества, объединения).

Разновидности демократии

В зависимости от характера общественной власти различаются *политическая* демократия и *неполитическая* демократия. Последняя существовала у ряда народов на некоторых ступенях первобытнообщинного строя[1].

Неполитическая демократия будет также формой организации власти в развитом коммунистическом обществе. Общее этих форм общественной власти, лежащих на противоположных полюсах истории человечества, вкратце, состоит в отсутствии отделенной от общества публичной власти вследствие отсутствия классов и классовых противоречий в обществе. Вместе с тем по своему происхождению, задачам, содержанию и масштабам деятельности, уровню развития, материально-технической базе и историческим судьбам первобытная демократия и демократия коммунистического общественного самоуправления суть два принципиально различных типа неполитической демократии.

Демократия политическая возникает с расколом общества на антагонистические классы, интересы которых объективно не могут быть примирены. Политическая демократия относится к политической надстройке[2], составляя одну из форм организации этой надстройки. Следует различать демократию как форму государства и демократию

---

[1] Ф. Энгельс писал о «первобытной демократии» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 105). См. также Г. А. Меликишвили, К вопросу о характере древнейших классовых обществ («Вопросы истории» 1966 г. № 11).

[2] См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 42, стр. 276.

как форму организации всей иной (негосударственной) политической жизни, политических институтов [1].

Демократия как ценность

Демократия, будучи явлением социальной жизни, представляет наряду с законностью, гуманизмом и т. д. большую политическую, юридическую и этическую ценность. Демократия как в целом, так и в ее конкретных исторических проявлениях есть продукт определенной ступени общественных отношений, что предполагает в свою очередь известную развитость отношений человека к природе (достаточно высокий уровень средств производства), зрелость форм материального общения между людьми (производственных отношений и брачно-семейных связей), наконец, подготовленность общественного сознания.

Конечно, степень развитости общества как предпосылка и фундамент его демократической организации различна, как различны и демократические системы, известные истории.

Но есть и иной угол зрения при оценке предпосылок демократии. Относительно развитые институты первобытной демократии не были известны на ранних ступенях существования древнейших обществ. Лишь с появлением родовой общины возникает демократическая организация человеческого общежития. Ее формирование можно уподобить по значению с важнейшими открытиями ранней технической мысли — освоением огня, изобретением каменного топора, конструированием колеса. Это сравнение правомерно не в смысле хронологического совпадения, а по степени важности и технических и организационно-социальных достижений как для первобытного общества, так и для последующего прогресса человечества.

---

[1] Учение о политической демократии рассматривает ее по крайней мере в трех основных значениях. Во-первых, демократия есть форма государства (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 32, стр. 408—409; т. 33, стр. 42—45; т. 34, стр. 18—20 и др.); во-вторых, демократия есть форма организации политических партий, профсоюзов и прочих общественных организаций (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 4, стр. 190—192; т. 5, стр. 364, 365; т. 6, стр. 99—100); в-третьих, демократия выступает как политическое мировоззрение и соответствующее общественно-политическое движение; в последнем смысле В. И. Ленин говорит о крестьянской демократии, либеральной демократии и т. д. (см. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 7, стр. 353—354; т. 10, стр. 205—206, 259—260; см. также К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 355).

Равным образом, и рабовладельческая демократия явилась формой сравнительно развитого рабовладельческого общества и государства, будучи неизвестной для менее зрелых обществ, организованных на принципах деспотической монархии. Наконец, буржуазно-демократические институты также являются значительным достижением в истории человечества.

Сказанное тем более относится к социалистической демократии и неполитической демократии высшей фазы коммунизма — наиболее совершенному историческому типу демократической организации общества, подлинному народовластию.

Социальная ценность демократии складывается из различных компонентов, одни из которых свойственны всем историческим типам демократии, другие только одной или немногим ее разновидностям. Далее, в зависимости от социальной, классовой природы демократизма его ценность различна в классовом и иных социальных отношениях.

Содержание и форма демократии отражаются в науке соответственно как демократические принципы и институты вообще либо как система институтов, тех или иных ее типов и разновидностей. Можно различать общие, особенные и единичные моменты в отдельных принципах и институтах демократии. Разумеется, такая характеристика какого-либо принципа или института весьма относительна, так как, например, принцип, общий для демократии данного типа, может оказаться особенным проявлением иного, всеобщего принципа. И наоборот, особенный институт, свойственный данной национальной политической системе, выступает как всеобщее, будучи сопоставлен с принципами, скажем, построения и деятельности отдельного звена (вида органов) данного государственного аппарата. Единичное же в принципах и институтах демократии, как и единичное вообще, есть нечто уникальное, не встречавшееся ранее и неповторимое в будущем.

Основные принципы и институты демократической системы отдельной страны (государства) конкретизируются в частных принципах и институтах различных государственных и общественных организаций, претерпевая изменения с развитием исторического типа демократии в данной стране. Особенно радикальны изменения при переходе от капитализма к социализму. «Тут как раз всего нагляднее сказывается *перелом*... от демократии

угнетательской к демократии угнетенных классов...»[1], к пролетарской, социалистической демократии.

Непосредственная и представительная демократия

Будучи организационной формой построения властного аппарата и определенной разновидностью режима общественной жизни, демократия тесно связана с таким явлением общественной психологии, как социальная воля (воля народа, класса, этнической группы, социальной группы, организации и т. д.). В этой связи демократия выступает как способ формирования, изъявления, реализации и охраны (обеспечения) воли субъекта власти. В зависимости от особенностей способа (механизма) волеизъявления демократия может быть непосредственной (прямой) и представительной.

Первая предполагает прямое, непосредственное волеизъявление ассоциации индивидов, являющейся субъектом власти, по основным вопросам жизнедеятельности данной ассоциации. Аппарату власти (управления) в условиях непосредственной демократии отведена преимущественно роль организатора волеизъявления и гаранта реализации общей воли. На основе общественного волеизъявления аппарат власти принимает решения в порядке конкретизации и обеспечения (охраны) общественной воли.

Представительная демократия, напротив, предполагает принятие основных решений полномочным собранием общественных (народных) представителей (депутатов, делегатов), избираемых субъектом власти. Ассоциация (общество, организация) сохраняет функции воздействия и контроля за деятельностью представительного учреждения.

Понятно, что состав и соотношение демократических институтов различны при непосредственной и представительной демократиях. При первой доминирующее положение принадлежит референдуму и ему подобным институтам; при второй — избирательной системе, отчетам депутатов и т. п.

В истории вряд ли можно найти разновидность демократии, которая была бы в чистом виде непосредственной или представительной. Типично сочетание непосредственного и представительного начал во всякой

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 43.

демократической системе управления, но с преобладанием либо непосредственно-демократических, либо представительно-демократических институтов.

§ 2. ГОСУДАРСТВО, ДЕМОКРАТИЯ И КЛАССОВО-АНТАГОНИСТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

Демократия и эксплуататорское государство

Возникнув в древних городах-государствах, политическая демократия с тех пор неразрывно связана с классовым обществом. Если первичным своим появлением политическая демократия может быть обязана отчасти преемственности некоторых институтов первобытной демократии в античном полисе и ранних государственно-подобных образованиях варварских племен (при переходе от родового строя к феодализму, минуя рабовладельческую формацию), то дальнейшее ее существование и развитие покоятся на собственной основе классового общества.

Политическая демократия эксплуататорского общества в ее зрелых проявлениях есть отражение классовых противоречий — антагонизма, неантагонистической противоположности и различия между общественными классами — и вытекающей отсюда борьбы или сотрудничества этих классов.

В рабовладельческом, феодальном, капиталистическом, а равно и в переходных обществах, соединяющих черты нескольких антагонистических формаций, демократия, будучи продуктом классовых взаимоотношений, выполняет ряд социальных функций.

Во-первых, она служит инструментом (одним из возможных инструментов) классовой диктатуры.

Во-вторых, демократия может служить формой самоконсолидации господствующего класса, разрешения внутриклассовых противоречий.

Общая характерная черта демократических институтов господствующих, эксплуататорских классов состоит в постоянном, исторически неразрешимом противоречии формально демократических институтов и фактически олигархического классово-властного содержания. Формальное правовое равенство субъектов политических отношений, участников политической жизни, находится в постоянном противоречии с фактическим господством меньшинства,

предполагающим так или иначе, но непременно исключение большинства членов общества из демократии, отстранение его от участия в решении общественных (государственных) дел [1].

Вместе с тем в практически-политическом смысле господствующие классы, использующие демократические формы при осуществлении своей диктатуры, обычно умели и умеют приспосабливать демократию, использовать ее в своих интересах, подчинять своей воле демократические институты, делая их орудием подавления сопротивления эксплуатируемых.

Политическая демократия в руках господствующих эксплуататорских классов есть прежде всего демократия государственная. Последняя предполагает формально демократическое устройство государственного аппарата (механизма) и его взаимоотношений с юридически полноправными членами общества и их негосударственными объединениями. Иными словами, демократизм государства воплощается в демократических формах его построения и демократическом политическом режиме.

Классовая диктатура эксплуататоров, концентрированно воплощенная в государстве, приводит к хроническому бюрократическому перерождению самых демократических по идее своей институтов государственной власти. Эта цель достигается путем усиления постоянно присутствующего в государственном аппарате бюрократического начала, проявляющегося в стиле работы, формировании государственных органов «сверху», антидемократическом их соотношении (например, главенство администрации над представительными учреждениями).

Взаимодействие государства и демократических форм политической жизни классово-антагонистического общества выходит за пределы чисто государственной сферы. Иначе говоря, эксплуататорское государство как основное орудие классового угнетения подавляет демократические (революционные, прогрессивные) движения трудящихся масс, постоянно противодействуя тенденции последних к сплочению, организованности.

Целенаправленное подавление государством демократически построенных объединений трудящихся стимулируется и дополняется объективно существующими факто-

---

[1] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 127.

рами социальной жизни. Это особенно заметно при капитализме — экономически и политически наиболее развитом эксплуататорском обществе. «При капитализме демократизм сужен, сжат, урезан, изуродован всей обстановкой наемного рабства, нужды и нищеты масс. Поэтому, и только поэтому, в наших политических и профессиональных организациях должностные лица развращаются (или имеют тенденцию быть развращаемыми, говоря точнее) обстановкой капитализма и проявляют тенденцию к превращению в бюрократов, т. е. в оторванных от масс, в стоящих *над* массами, привилегированных лиц» [1].

С другой стороны, несомненно, и эксплуататорское государство, особенно буржуазное, испытывает сильнейшее давление со стороны классовых противников господствующего класса. И более благоприятным полем для борьбы трудящихся за социальные преобразования является государство демократическое (в нашу эпоху буржуазно-демократическое), а среди различных учреждений его — демократически организованные учреждения (представительные органы).

Наибольшее воздействие угнетенных классов испытывают методы осуществления государственных функций (государственный режим, или политический режим — в узком смысле). Таким образом, политический режим всей общественной жизни (понятие более широкое, чем государственный режим) — его больший или меньший демократизм — возникает как равнодействующая постоянно (но с переменной интенсивностью) взаимовлияющих и притом неравных сил: обычно доминирующей власти и ее антипода — классовой борьбы эксплуатируемых масс [2].

Подчеркивая значение классовой борьбы как одной из основных пружин развития государства, его форм, институтов демократии, политического режима в эксплуататорском обществе, нельзя забывать и других факторов. Не говоря уже об экономическом фундаменте (в конечном счете и в самом главном, определяющем все политические

---

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 33, стр. 115.

[2] Таким образом, классовое господство эксплуататоров не означает, что всегда они (и только они) произвольно регулируют политические отношения в обществе. Трудящиеся, особенно пролетариат, — не безгласный объект произвола, но активная политическая сила, с которой приходится считаться господствующим классам.

отношения и, следовательно, демократию также), отдаленное или ближайшее влияние на демократию оказывают многие иные обстоятельства.

Уровень технического развития, размеры территории, численность и плотность населения, например, существенно влияют на соотношение форм непосредственной и представительной демократии. Этнический состав населения страны, характер межнациональных или межплеменных отношений серьезно сказываются на формах государства, особенно на его административно-территориальной организации (государственном устройстве).

Однако названные и другие обстоятельства так или иначе преломляются, обобщаются, «инкорпорируются» в межклассовых отношениях: прежде всего в борьбе антагонистических классов, а также в сотрудничестве классов, временно или постоянно блокирующихся друг с другом (как эксплуататорских — помещики и буржуазия, так и эксплуатируемых — пролетариат и крестьянство).

Резюмируя, следует признать, что, не определяя произвольно и всецело наличие, состав, развитость и перспективность всех существующих в обществе демократических форм, эксплуататорское государство как выражение суверенной власти оказывает на них доминирующее влияние.

Исторические типы демократии в эксплуататорском обществе

Демократия, подобно государству и праву, соответственно смене общественно-экономических формаций выступает в основных исторических типах и переходных (промежуточных) разновидностях (формах). Основные типы демократии: рабовладельческий, феодальный и буржуазный (капиталистический).

Отличительная черта рабовладельческой демократии — ее открыто классовый характер. Будучи демократией свободного меньшинства, она не признавала каких бы то ни было прав за рабами и столь же откровенно дискриминировала неполноправные группы населения. Демократия рабовладельческого типа была формой диктатуры класса свободных над классом рабов. Вместе с тем, как и всякая форма господства меньшинства, эта демократия не была лишена изрядной доли лицемерия, поскольку маскировала фактически существовавшие и все более углублявшиеся противоречия между рабовладельцами как таковыми и юридически полноправным, но экономически и

политически зависимым от богатой верхушки свободным населением. Следовательно, демократия по отношению к господствующему классу выполняла функцию подчинения его различных фракций влиятельной группе олигархов.

В силу неразвитости (сравнительно с последующими эпохами) политической организации античного общества — отсутствия как политических партий (в современном их понимании), так и стабильных объединений по профессии, по интересам и т. п. — демократия господствующего класса сводилась к государственной демократии.

Рабы как класс не поднялись до демократических форм организации своего сопротивления рабовладельцам, если не считать отдельных проявлений военной демократии, вполне понятных в среде участников восстаний рабов, поскольку многие из них были пленены и обращены в рабов во время войн с варварскими племенами. В негосударственной сфере о некоторых проявлениях примитивного демократизма можно говорить лишь применительно к раннехристианским общинам. В дальнейшем демократизм последних выродился в деспотизм церковной верхушки.

Нельзя признать обоснованным мнение, что феодальному обществу чужды какие бы то ни было демократические формы. История свидетельствует об обратном. Конечно, с точки зрения современных представлений о демократии как о режиме всеобщего равноправия и свободы личности (хотя бы формальных, юридических) средневековье представляется темным царством народного бесправия и дворянского произвола, усугубляемых деспотизмом церковной власти.

Этому во многом правильному мнению следует, однако, противопоставить ряд фактов, свидетельствующих о том, что и в условиях феодализма некоторым политическим институтам были не чужды отдельные установления демократического свойства[1], с той, правда, оговоркой, что демократизм этот был весьма своеобразен.

Известно, что западноевропейское феодальное общество характеризовалось слиянием политической и хозяйственных сфер социальной жизни. Следствием этого была всеобщая связанность участников материального воспроизводства в целом (т. е. производства, обмена, распределе-

[1] См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 37, стр. 498.

ния и потребления) устоявшимися политическими и юридическими канонами. Частная жизнь (включая даже семью) была предельно регламентирована. Как результат такого положения возникла всеобщая связанность (большая или меньшая — в зависимости от классовой, сословной и даже родственной принадлежности) членов общества, распространявшаяся на все ступени феодальной иерархической системы — от крепостного до монарха. В этом смысле К. Маркс в одной из своих ранних работ характеризовал политический строй феодализма как демократию *«несвободы»* [1].

Но даже если отвлечься от изложенного своеобразного понимания демократии при феодализме, то все же и в те времена встречаются определенные демократические формы.

Во-первых, это дворянская демократия, антипод абсолютизма. Образец такой покоящейся на крепостничестве дворянской демократии, своеобразной феодальной республики, дала средневековая Польша. Ф. Энгельс, характеризуя дворянскую демократию, называл ее одной из самых грубых общественных форм, которая, естественно, перерастает далее в развитую феодальную иерархию [2].

Во-вторых, определенные элементы демократизма существовали в средневековых городских республиках. Правда, это не более чем элементы, ибо в целом данные государства характеризуются аристократическим (или олигархическим, что в данном случае равнозначно) устройством.

Наконец, в-третьих, демократическая организация была не чужда объединениям восставших крестьян и городских низов, предшественников пролетариата. Несмотря на огромное влияние монархистской идеологии и царистские настроения многих крестьянских вождей и лидеров городских низов, лучшие из них устанавливали демократические, насколько это было возможно в те времена, порядки на захваченных восставшими территориях [3].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 254—255.

[2] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 7, стр. 394.

[3] Например, о демократизме Томаса Мюнцера см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, стр. 572; см. также В. Е. Чиркин, Переходные государственные формы (формы государства, переходного к социалистическому типу) («Ученые труды Свердловского юридического института», т. VII, 1963, стр. 51—52).

Однако вопрос состоит не в том: известны ли феодализму демократические установления, а в ином: составляют ли они определенный исторический тип политической демократии? Представляется, что феодальная демократия как тип, несмотря на сравнительную (с буржуазной демократией) неразвитость ее институтов, существовала [1]. Обычные ссылки на исключительный — в регионально-географическом смысле — характер демократических проявлений политической жизни феодализма несостоятельны, поскольку и в условиях рабовладельческой формации демократические формы властвования несомненно составляли в этом отношении исключение. Кроме Афин и иных полисов древней Эллады трудно назвать страну, где господство рабовладельцев было бы построено на принципах демократии. Даже в самой Греции ряд государств (Македония, Спарта) не знал демократических государственных форм. И все же рабовладельческий тип демократии существовал. Аналогично мы вправе говорить и о феодальном типе демократии. В. И. Ленин прямо указывал: «В древних республиках Греции, в городах средневековья, в передовых капиталистических странах демократия имеет различные формы и различную степень применения» [2].

Капитализм дает последний и наиболее развитый тип политической демократии в эксплуататорском обществе. Будучи, как и рабовладельческая и феодальная демократия, формой классовой диктатуры эксплуататоров над эксплуатируемыми, буржуазная демократия вместе с тем имеет существенные отличия от первых — отличия «количественного» и качественного значения.

«Количественно» буржуазная демократия значительно шире, разностороннее и сложнее. Шире и разностороннее — в смысле пределов и сферы юридической, законом признанной индивидуальной и коллективной свободы, предоставляемой участникам общественной жизни, и в смысле круга этих участников [3]. Сложнее — в плане зрелости

[1] Воззрения на феодальное общество как на «перерыв» в существовании демократии несостоятельны также потому, что не учитывают появления в период феодализма ряда институтов и норм, воспринятых (с изменениями) позднее буржуазной демократией (парламента, Великой хартии вольностей и др.).

[2] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 37, стр. 498.

[3] Формирование класса пролетариата означало «освобождение» непосредственных производителей от собственности на

и разнообразия демократических принципов и институтов.

Качественное ее своеобразие состоит в том, что лишь при капитализме демократия, хотя бы формально распространенная на все общество (все социальные общности и объединения), впервые стала официальным, общепризнанным политическим принципом общества и государства. Более того, она выступает как универсальный политический лозунг общественных движений самого различного характера.

Вместе с тем сказанное следует понимать ограничительно в ряде отношений. Капитализм, создавший мировой рынок, мировую систему хозяйственных связей, был (в пору своего расцвета) *первой мировой общественной системой*, однако и при нем развитые демократические (буржуазно-демократические) государства занимали, подобно античным и феодальным демократиям, своего рода островное положение. Не капитализировав до конца экономику эксплуатируемых стран (колоний, полуколоний), буржуазия соответственно не либерализировала, не демократизировала и их политическую жизнь. Напротив, как правило, колониальный гнет предполагал консервацию добуржуазных государственных форм.

Сама универсальность лозунга демократии — только поверхность, под которой скрываются противоположные социально-политические устремления антагонистических классов: подлинная борьба за социальный прогресс, с одной стороны, и использование демократии в эгоистических классовых интересах, в целях сохранения существующего строя — с другой.

Конечно, буржуазия не могла развить систему наемного труда и утвердить свое классовое господство, не вводя формального равноправия, не эмансипируя общество и индивидов от феодальных ограничений, сословного неравенства, привилегий[1]. Но, «творя» свободу левой рукой, она ограничивала ее правой. Более того, там, где это диктовала выгода, буржуазия консервировала (даже в передовых странах) самые анахронические институты:

средства производства. Вместе с тем это предполагало и их освобождение (без кавычек) от личной, внеэкономической зависимости от эксплуататоров.

[1] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 16, стр. 76.

рабство, телесные наказания, ограничение прав женщины, религиозную несвободу.

Даже классические институты буржуазной демократии, оформляющие господство этого класса — равноправие граждан, всеобщее избирательное право, главенство представительных учреждений, политические партии и многопартийные системы, основные конституционные свободы, во-первых, стали возможными благодаря жертвам трудящихся — движущей силы буржуазных революций, во-вторых, сохранение их при капитализме в бо́льшей мере результат борьбы пролетариата, вынужденная уступка со стороны капитала и его государства [1].

Если демократические формы рабовладельческого и феодального государства были чем-то чуждым и малопонятным эксплуатируемым классам рабов и крепостных, то пролетариат крайне заинтересован в демократизме буржуазного государства. Демократические институты последнего — не только изощренные формы подавления трудящихся, но одновременно, с другой стороны,— и результат их классовой борьбы и наиболее благоприятное (сравнительно с открытым деспотизмом) поприще этой борьбы.

Демократия при капитализме не сводится к соответствующей организации буржуазного государства (республика, конституционная монархия) и демократизму (обычно весьма ограниченному) в построении буржуазных негосударственных объединений, составляющих вместе с государственным механизмом систему диктатуры буржуазии.

Капитализм как общественный строй создал и своего могильщика — пролетариат. «Самое положение пролетариата, как класса, заставляет его быть последовательным демократом. Буржуазия оглядывается назад, боясь демократического прогресса, который грозит усилением пролетариата. Пролетариату нечего терять кроме цепей, а приобретет он при помощи демократизма весь мир» [2].

В борьбе за высший тип политической демократии — социалистическое народовластие — рабочий класс еще при капитализме создает свои классовые политические, профессиональные и другие объединения, построенные на

---

[1] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 7, стр. 41.
[2] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 11, стр. 39.

принципах пролетарского демократизма[1]. Он также активно поддерживает и блокируется со всеми прогрессивными антикапиталистическими общественными организациями крестьянства, интеллигенции, мелкой городской буржуазии, всех слоев, составляющих левую оппозицию существующему строю. Гегемония рабочего класса, его союз с непролетарскими трудящимися массами находят организационное воплощение в системе организаций классового сопротивления капиталу. Эта система есть зародыш будущей системы пролетарской диктатуры, системы организаций социалистической демократии[2].

Монополистический и особенно государственно-монополистический капитализм превращает буржуазию в реакционный класс, сужает социальную базу ее господства, привязывает государство к монополиям с их узкокорыстными, антиобщественными интересами. Отсюда — поворот буржуазии к реакции, ее отступление от демократии, попираемой и во внутренней и во внешней политике[3]. Неизбежное при империализме обострение классовой борьбы трудящихся, усиление освободительного движения угнетенных народов заставляют империалистическую буржуазию прибегнуть к изменению методов ее господства. Последние трансформируются в сторону ограничения демократии, замены ее институтами авторитарной власти.

Возникновение фашизма свидетельствует об открыто террористической и вместе с тем завуалированной беззастенчивой демагогией диктатуре наиболее реакционных, агрессивных и шовинистических кругов финансовой олигархии, использующей консервативные устремления мелкой буржуазии. Фашизм — это полное отрицание всей и всякой демократии, ее последовательный и беспощадный душитель.

Современная буржуазная демократия

С расколом мира на противостоящие системы капитализма и социализма сужается сфера и ограничивается действие закономерностей развития капитализма,— его экономики, социальных отношений, политической системы и идеологии. В политико-правовой области

[1] Не создавая их, нельзя подготовить армию пролетарской революции.

[2] См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 32.

[3] См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 20, стр. 15—17; т. 30, стр. 95.

возрастает давление демократических сил, противодействующих реакционным поползновениям правящих кругов.

Империализм, разумеется, не утрачивает своей природы. По-прежнему существует стремление к замене демократии реакцией по всем линиям. В частности, как результат господства монополистического капитала, представляемого наиболее реакционной фракцией буржуазии, которая в основном определяет политику капиталистического класса, при империализме заметно ослабляется различие между конкретными политическими, государственными формами буржуазных стран [1]. Однако сказанное относится к традиционным формам — конституционной монархии и демократической республике. Появление на политической арене фашистских режимов внесло коррективы в действие этой закономерности. Различия между фашизмом и демократическими формами властвования буржуазии остаются существенно важными.

Вместе с кризисом буржуазной демократии, ее свертыванием, а в некоторых государствах и прямым разрушением правящими классами происходит одновременно и ломка буржуазной законности, замена ее империалистическим произволом, террором и беззаконием [2].

Было бы, однако, неверно ставить на этом точку. Дело в том, что в классово антагоническом обществе ни один процесс — будь то в экономике или политике — не происходит в «химически чистом» состоянии. Напротив, любой процесс, любая общественная закономерность проявляется тут лишь в форме *тенденции*, постоянно встречающей противодействие иных, отличных или даже полярно противоположных процессов и закономерностей, особенно усиливающихся в новейшую историческую эпоху. Именно так обстоит дело с реакционной тенденцией империализма, подрывающей демократию и законность.

В свое время В. И. Ленин предостерегал от упрощенного понимания этого процесса, указывая на некоторые существенные явления, мешающие империализму до конца и повсеместно сменить демократию на неприкрытую реакцию, подменить законность произволом. Хотя империализм стремится заменить демократию вообще

---

[1] См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 27, стр. 423—424.
[2] См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 20, стр. 15—16.

олигархией, однако он не останавливает роста демократических тенденций в массе населения, а обостряет антагонизм между подобными демократическими стремлениями и антидемократической позицией трестов [1].

Попытаемся с учетом существующих условий дать приблизительный перечень важнейших факторов и процессов, действующих в современном мире и препятствующих империалистическим стремлениям свернуть буржуазную демократию в пределах капиталистической системы.

Во-первых, империализм экономически не в состоянии до конца вытеснить мелкое и среднее капиталистическое производство с присущими ему свободной конкуренцией (хотя и в ограниченных рамках) и, следовательно, устремлениями к политической свободе и равноправию (в буржуазном значении этих институтов).

Во-вторых, империализм не в силах устранить стремления колониальных и зависимых народов к политической, а затем и к экономической независимости от империалистических монополий. Антиимпериалистическое национально-освободительное движение есть движение демократическое, ибо оно втягивает теми или иными специфическими методами и в разных формах широчайшие слои населения в русло политической борьбы.

В-третьих, империалистической реакции «мешают» рабочий класс и непролетарские трудящиеся массы, являющиеся носителями подлинно демократических взглядов. Пролетариат и трудящиеся отстаивают *не буржуазную демократию в целом* со всеми ее слабостями и непоследовательностью, а демократические права и свободы, завоеванные трудовым людом и ставшие путами для реакционных монополистических группировок. Рабочий класс борется за демократизацию всех сторон общественной жизни, имея в этой борьбе союзниками непролетарские трудящиеся слои города и деревни, прогрессивную демократическую интеллигенцию, наконец, городские средние слои, страдающие от экономического и политического засилия монополий [2].

В-четвертых, величайшую опору имеют демократические институты современности в лице социалистической мировой системы. Последняя прямо и непосредственно

[1] См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, стр. 95—98.

[2] См. «Документы международного Совещания коммунистических и рабочих партий», стр. 25.

отстаивает демократию и законность в международных отношениях, а косвенным образом — путем демонстрации великих преимуществ и завоеваний социалистического демократизма, поддерживает все демократические силы внутри империалистического лагеря, прежде всего наиболее последовательных демократов — коммунистов и руководимые ими классы и социальные группы.

В-пятых, крупнейшим демократическим движением современности является всемирное движение сторонников мира. Будучи движением беспартийным, борьба за мир не есть, однако, неполитическое движение. Его сущность состоит в привлечении широчайших масс к решению вопросов войны и мира. Оно, следовательно, немыслимо без вмешательства народов во внешнюю и внутреннюю политику правящих классов, их партий и правительств. Вопрос о войне и мире есть вопрос политический. В этом смысле борьба за мир против империалистических войн есть широчайшее политическое движение современности.

Итак, современная эпоха характерна тем, что народные массы всей капиталистической системы втягиваются в невиданных доныне масштабах в политическую борьбу, цель которой состоит в завоевании демократии для трудящихся, в овладении ими рулем государственной политики. Стремление вмешаться во внутригосударственную и международную политику, подчинить ее интересам трудящихся и эксплуатируемых классов является важнейшим побудительным мотивом всех прогрессивных движений современности — от последовательных революционно-пролетарских до общедемократических и национально-освободительных.

Помимо факторов классово-политического свойства, ограничивающих возможности империалистической буржуазии свести на нет демократические права и свободы, следует указать и на общекультурный прогресс человечества и развернувшуюся научно-техническую революцию.

Демократия при капитализме и научно-технический прогресс

Как отмечалось выше, демократия есть результат не только определенного соотношения социальных в собственном смысле слова факторов (прежде всего классовых, а также национальных, международных), но также продукт воздействия, как правило, более отдаленного, опосредствованного ряда естественных условий,

Стремительное возрастание значимости этих факторов особенно проявилось в последние десятилетия в условиях развернувшейся научно-технической революции. Пути ее воздействия на политическую жизнь общества, в том числе на тенденции развития демократических институтов, весьма многообразны, что требует, естественно, многозначной оценки результатов этого воздействия. Прогрессивное значение научно-технического развития как такового для развития человечества в условиях господства эксплуататорского способа производства и реакционных классов неизбежно искажается. Научные открытия и технические изобретения, являясь в принципе достоянием всего человечества, ставятся преимущественно на службу антиобщественному интересу меньшинства общества [1].

Автоматизация производства увеличивает безработицу, снижает тем самым уровень материального и духовного обеспечения трудящихся. Последние, таким образом, отстраняются от активной политической жизни, «выталкиваются» из демократии. Даже открытия используются благодаря капиталистической собственности на средства связи и информации преимущественно для идеологической обработки населения в духе идей, устраивающих господствующий класс, в первую очередь монополистическую олигархию.

Столь же двойственно и противоречиво сказывается научно-технический прогресс на механизме управления производством и государством. Современная техника приводит к усилению общественного характера производства в национальных, региональных и мировом масштабах. Отсюда — расширение огосударствления (национализации) и углубление интеграционных процессов (ЕЭС и т. п.). Однако требуемая самим объективным ходом вещей демократизация управления производством и распределением сжата узкими рамками буржуазного бюрократического аппарата, отстраняющего класс производителей от управления производством. Институты производственной демократии (производственные советы и т. п.), детище упорной борьбы рабочего класса, ставятся под начало владельцев и администрации предприятий.

---

[1] См. «Документы международного Совещания коммунистических и рабочих партий», стр. 15.

Буржуазная демократия и отчуждение личности

Научно-технический прогресс в условиях буржуазного общества приводит ко все большему отчуждению индивида. В экономической сфере стихийно сложившееся общественное разделение труда и частная собственность отчуждают продукт труда от производителя, ставят последнего в положение объекта и жертвы хозяйственного оборота и экономического прогресса [1]. В духовной сфере отчуждение людей умственного труда от основной массы населения приводит к отчуждению индивида с его ограниченными рамками свободного времени, от духовного самовыражения, постижения искусства и культуры.

Наконец, политическое отчуждение — сосредоточение властно-управленческих функций в руках специальной группы людей, интересы которых расходятся с интересами большинства, — отчуждает личность (гражданина) от политической жизни, отводя ему роль объекта деятельности самоуверенной бюрократии [2].

По мере ослабления и ликвидации пут прямой личной зависимости индивида — с переходом от рабства к крепостничеству, а от него к системе свободного наемного труда — происходит расширение демократии.

Но одновременно с этим растет отчуждение личности — скрытая форма ее несвободы, связанности господствующими эксплуататорскими отношениями в экономике, политике, духовном мире, буржуазными партиями, «группами давления», церковными общинами, наконец, самим государством, подавляющим человека, нивелирующим индивидуальность, обращающим трудящегося в раба господствующих отношений и класса, являющимся их носителем. Отсюда неполнота проявлений человека во всех сферах общества, в том числе в политической области, отстранение эксплуатируемых от демократии и, следовательно, искажение, обеднение демократизма, как и всей социальной жизни, ибо «общественная история людей есть всегда лишь история их индивидуального развития, сознают ли они это или нет» [3].

---

[1] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, Госполитиздат, 1956, стр. 563.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 272—273.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 27, стр. 402—403.

Таким образом, одна из характерных черт буржуазной демократии, как и всех политических форм господства эксплуататорских классов,— дегуманизация общества (где личности выступают как эксплуататоры и эксплуатируемые), политики и самого человека. Это верно в отношении индивидов, относящихся ко всем классам и социальным слоям [1].

Однако было бы ошибочным отвлекаться от принципиальных различий меры несвободы эксплуататора и эксплуатируемого. В пределах капиталистической структуры свобода, усмотрение и произвол — хозяйственный, государственный и в области пропаганды — капиталистического класса в целом не идут ни в какое сравнение с теми крайне ограниченными пределами свободы и усмотрения, которыми пользуются трудящиеся, причем главным образом, если не исключительно, благодаря и в меру собственной энергии, боевитости и организованности.

Универсальность возрастающего отчуждения при капитализме нисколько не отменяет того положения, что «рабочий здесь с самого начала стоит выше, чем капиталист постольку, поскольку последний уходит корнями в этот процесс отчуждения и находит в нем абсолютное удовлетворение, между тем как рабочий, в качестве его жертвы, с самого начала восстает против него и воспринимает его как процесс порабощения» [2].

Мера свободы каждого труженика при капитализме определяется в основном завоеваниями самих трудящихся, реальными позициями их объединений в политической организации общества, их давлением на государственный механизм. «Только борьба воспитывает эксплуатируемый класс, только борьба открывает ему меру его сил, расширяет его кругозор, поднимает его способности, проясняет его ум, выковывает его волю» [3].

---

[1] Марксистское понимание дегуманизации самого общества при капитализме и составляющих его классов раскрыто в «Святом семействе» (См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, стр. 39).

[2] Архив Маркса и Энгельса, т. II (VII), Партиздат, 1933, стр. 35.

[3] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, стр. 314.

§ 3. ДЕМОКРАТИЯ И КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ФОРМАЦИЯ

Общая характеристика социалистической демократии

Если говорить о демократии как форме государства и методе осуществления его функций, то «политическая демократия есть лишь одна из возможных (хотя теоретически для «чистого» капитализма и нормальная) *форм* надстройки *над* капитализмом. И капитализм и империализм, как показывают факты, развиваются при *всяких* политических формах, подчиняя себе *все* их» [1].

Напротив, для общества коммунистической формации единственно приемлемой, имманентной ему формой является демократия: политическая демократия при социализме, неполитическое народовластие при полном коммунизме.

«Но, базируясь на экономике, социализм вовсе не сводится весь к ней... необходим фундамент — социалистическое производство, но на этом фундаменте необходима *еще* демократическая организация государства, демократическая армия и пр.» [2].

Социалистический демократизм в юридическом аспекте представляет собой механизм выявления и реализации государственной воли трудящихся классов и социальных групп, воли большинства. Притом он существенно отличен от типов эксплуататорской демократии тем, что выявляемая воля не искажается, не извращается в интересах класса-меньшинства, а в целом соответствует подлинным интересам подавляющего большинства, а затем и всего общества.

Превосходство высшего типа политического демократизма по сравнению с иными его историческими типами, универсальность и необходимость демократии коренятся, следовательно, в том, что впервые демократия становится формой действительного народовластия, формой власти трудящихся классов и социальных групп.

Поскольку демократия составляет одно из самых важных условий общественного прогресса при социализме, магистральное направление развития его политико-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 23.
[2] Там же, стр. 22.

юридической надстройки есть расширение и совершенствование демократии.

Демократизация — не отвлеченный символ веры нового общества, а потребность развития производственной, социальной, культурной и иных областей его жизни. И, наоборот, рост материальной обеспеченности и культурного уровня трудящихся — важнейший стимул их сознательного, добровольного и компетентного участия в управлении обществом и государством.

Становление социалистической демократии

Демократия высшего типа — детище рабочего класса, совершающего социалистическую революцию. Используя всевозможные формы и методы классовой борьбы, пролетариат, его партии усматривают в демократии при капитализме наиболее благоприятное поприще своей деятельности, а в демократических программах и лозунгах коммунистических и рабочих партий — наилучшее средство привлечения классовых союзников. Далее, серьезные демократические завоевания уже в условиях капитализма создают плацдарм, более того, в современных условиях даже своеобразную брешь в здании буржуазного строя [1]. Новое, рабочее государство приемлет то лучшее в буржуазном демократизме, что добыто борьбой трудящихся за свои права.

При всем этом переход к демократии высшего типа немыслим без социалистической революции и установления власти рабочего класса. В этом смысле достижение подлинной демократии возможно лишь революционным путем.

Какая бы то ни было, «чистая демократия», демократия в равной степени для всех — и эксплуататоров, и эксплуатируемых — есть фикция. Социалистическая революция не останавливается перед применением революционного насилия, становление нового демократизма может протекать и в самых недемократических для буржуазии проявлениях, будучи зато глубоко демократичным для трудящихся масс, самостоятельно творящих в революции новое общество, новую политику, новые государство и право. «Диктатура пролетариата означает за-

---

[1] Конечно, буржуазия делает уступки, чтобы сохранить свое господство. Но трудящиеся используют свои завоевания с прямо противоположной целью.

мену демократии для эксплуататоров социалистической демократией для трудящихся, начало эпохи подлинного народовластия»[1].

Также и в переходный от капитализма к социализму период демократия, выступая как форма диктатуры рабочего класса, есть демократия исключительно или главным образом (это зависит от соотношения классовых сил, степени сопротивления капиталистов, международной обстановки и других факторов) для трудящихся. Для сопротивляющихся эксплуататорских классов она оборачивается орудием пролетарского, народного подавления всяких попыток реставрации капитализма.

Пролетарская демократия вплоть до перерастания ее в общенародную является в этом смысле, по аналогии с диктатурой пролетариата, продолжением классовой борьбы в новых условиях и в новых формах.

Исторические рамки социалистической демократии

Гегемония рабочего класса в революционном процессе, его отношение к непролетарским и полупролетарским слоям трудящихся строятся на принципах демократизма. Понятно, что при этом и взаимоотношения между революционным авангардом и рабочим классом, между партией и профессиональными союзами, между пролетарскими организациями и объединениями трудового крестьянства и демократической интеллигенции, короче, взаимоотношения между всеми слоями, участвующими в революционном движении, и их организациями строятся, как правило, демократически. Определенные исключения в виде некоторых ограничений демократизма (внутри партии и в отношениях ее организаций с иными объединениями трудящихся) могут возникать в условиях подпольной деятельности, иначе говоря, по вине правящих реакционных капиталистических кругов.

После победы социалистической революции политическая демократия высшего типа проходит этапы пролетарского демократизма, затем — перерастания в демократию общенародную, наконец, этап общенародной демократии[2], которая, постепенно отмирая, перерастает в неполитиче-

[1] «К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Тезисы ЦК КПСС», стр. 28.

[2] С перерастанием диктатуры рабочего класса в общенародную власть социалистическая демократия не утрачивает своей классово-пролетарской природы.

скую демократию высшей фазы коммунизма. Разумеется, объективная обусловленность расширения и совершенствования демократии в период перехода к социализму вовсе не означает фатальной предопределенности этого процесса, его бесконфликтности или независимости от сознания и политической линии партий, классов, масс и личностей.

Напротив, в этом развитии есть процесс преодоления противоречий — классовых и внутриклассовых. Он особенно осложняется сопротивлением эксплуататорских групп, а затем необходимостью преодоления не только социальных сил, но и антидемократических традиций старого мира (идеологии и психологии царизма и цезаризма, аристократизма и элитарности, кастовости и сословности и т. д.). Эта опасность особенно велика в тех странах, где преобладает мелкая буржуазия и сохранились пережитки добуржуазных отношений.

«События последних лет показали, к каким поистине тяжелым последствиям может привести положение, когда возглавляющий национально-освободительную, антиимпериалистическую революцию авангард оказывается неспособным противопоставить стихии мелкобуржуазных, крестьянских низов умную, гибкую и просвещенную политику, политику использования неизбежно создаваемого в результате революции огромного морально-волевого импульса масс для максимально быстрого развития производительных сил общества, для энергичного приобщения его членов к подлинным достижениям человеческой культуры и преодоления таким образом тяжкого груза многовековых автократических и тоталитарных традиций» [1].

Разумеется, эти опасности преодолимы. Как подчеркивал В. И. Ленин, «пролетариат не сделается святым и застрахованным от ошибок и слабостей только от того, что он совершит социальную революцию. Но возможные ошибки... приведут его неизбежно к сознанию этой истины» [2], и добавим, — к исправлению допущенных ошибок, включая те или иные аномалии в развитии и совершенствовании демократии.

---

[1] В. Лукин. Некоторые особенности классовой структуры в странах Южной и Юго-Восточной Азии («Проблемы мира и социализма» 1966 г. № 11, стр. 61).

[2] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, стр. 51.

Социалистическая демократия и интересы личности

Демократия есть не только присущее коммунистической общественной формации средство (форма организации власти, управления общественными процессами) обеспечения социально-экономического прогресса и благосостояния народа. Демократия, ее совершенствование и расширение есть также и цель, поскольку человек — существо общественное, а поэтому равенство, свобода, участие в общественных делах суть потребности человека как гражданина (в государственно-организованном обществе), члена трудового коллектива и общественной организации.

Демократизм общественной жизни не только обеспечивает максимальное удовлетворение материальных и духовных потребностей индивида, но и является компонентом его всестороннего развития (последнее обстоятельство иногда оказывается забытым при характеристике и оценке политической демократии социализма и неполитической коммунистической демократии).

Таким образом, соотношение индивида и социалистической демократии, рассмотренное через призму категории интереса, двояко. Демократизм общественной жизни, во-первых, отвечает интересу личности (состоящему, как известно, из собственно личных интересов и правильно принятого и приемлемого личностью общественного интереса). Во-вторых, социалистический демократизм в ряде его аспектов входит непосредственно в личный интерес члена социалистического общества.

Коммунистическая формация есть общество реального гуманизма. Свобода личности составляет важнейшую социальную цель этой формации, «основным принципом которой является полное и свободное развитие каждого индивидуума» [1].

В этом плане социалистическая демократия — политическая предпосылка коммунизма — выделяется во всей истории политических форм как раз тем, что в отличие от прошлого ее совершенствование и расширение означают не усугубление, а преодоление политического отчуждения.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. т. 23, стр. 605.

Политические, государственные и правовые институты социализма не противостоят отдельной личности, а служат ей (хотя их существование, не избежное до поры до времени, само по себе означает известную обособленность аппарата власти от населения). Демократизация государства, всех звеньев политической организации общества, и есть процесс ликвидации тысячелетнего политического отчуждения личности.

Социалистическая демократия и общественная дисциплина

Соотношение социалистической демократии и социалистической (сознательной, преимущественно добровольной) дисциплины не всегда бывает верно понято. Встречается иногда вольное или невольное противопоставление этих явлений, чаще всего в форме предостережения от «крайностей» демократии. В таком изображении дисциплина подается в качестве «регулятора» демократии, в виде регламентирующего демократию ее антипода.

Между тем в условиях социалистического строя нет сколько-нибудь серьезных оснований для подобного противопоставления. Последнее имеет почву в капиталистическом обществе, где демократическим устремлениям трудящихся и их организаций противостоит дисциплина, внедряемая силой и проповедуемая господствующим классом, средство обуздания эксплуатируемых, служащее для ограничения прав рабочего на предприятии, для сужения гражданских и политических свобод, ущемления достоинства солдата в вооруженных силах и т. д.

Социалистической же демократии на всех главных этапах ее существования и развития и во всех ее существенных сторонах не только не противостоит социалистическая дисциплина, но, напротив, демократия предполагает наличие дисциплины — неотъемлемого элемента демократизма социалистического типа.

Органическое единство демократии и дисциплины вытекает из самой природы демократии как формы (одной из форм) организации власти в обществе или части общества. Понятно, что всякая власть предполагает дисциплину, подчинение, а в необходимых случаях и принуждение, и власть демократическая не составляет какого-либо исключения.

Всякая дисциплина имеет две стороны, два момента — момент принудительный, диктаторский, и момент созна-

тельный, добровольный, в этом смысле — демократический. Но соотношение этих сторон разное в различных обществах. С началом перехода к социализму приобретает господствующее положение принципиально новая общественная дисциплина — дисциплина социалистическая, по-новому демократическая, сознательная и добровольная,— для большинства, по-новому диктаторская, принудительно навязываемая, — для меньшинства (эксплуататоров и тунеядцев). Впервые в политической истории общественная дисциплина становится общественной не потому только, что она есть явление социальное, а потому, что она существует в интересах общества.

Демократизм социалистической дисциплины заключается также во все большем слиянии дисциплины и самодисциплины. Конечно, дистанция от добровольной товарищеской дисциплины до самодисциплины невелика, но она все же есть. Добровольной можно называть и ту дисциплину, которая исходит как требование от общества и государства и добровольно соблюдается каждым членом общества, каждым гражданином. Самодисциплина же есть свойство, выработанное индивидом под влиянием общества, школы, семьи, всей жизни. Эта внутренняя потребность, т. е. не столько направляемый извне, сколько саморегулирующийся механизм, станет нормой при коммунизме.

Соотношение социалистической дисциплины и демократии следует также рассмотреть и с точки зрения анатомии последней. Демократизм устройства государства, управления государственными делами, отношения государства к гражданам составляет сердцевину социалистической демократии. Именно потому, что государство — основное, наиболее мощное орудие общества, строящего социализм и коммунизм, демократизм государства составляет центральное, более всего урегулированное и регламентированное (законами, правом в целом) звено всей системы социалистической демократии.

Понятно вместе с тем, что построенное по принципу демократического централизма, планомерно направляющее развитие экономики социалистическое государство не может существовать и выполнять свои функции, не проводя требования общественной и трудовой дисциплины для всех граждан, их объединений, а равно для всех государственных служащих и органов госаппарата.

Но социалистический демократизм не исчерпывается государством и сферой его деятельности. Речь идет о демократизме устройства и функционирования общественных организаций трудящихся, а также принципах взаимоотношений между всеми объединениями, составляющими социалистическую политическую организацию общества [1]. Особое значение имеет внутрипартийная демократия и дисциплина: «Партия должна идти впереди и в организации своей внутрипартийной жизни, показывая пример и образец выработки наиболее совершенных форм коммунистического общественного самоуправления» [2].

Нарушение общественного порядка и дисциплины есть посягательство на интересы и права либо гражданина, либо общественной организации, либо государства (общества в целом). Это особенно верно в отношении преступлений. Правонарушитель так или иначе, прямо или косвенно посягает на чужую свободу, интересы, равноправие в целом, т. е. на институты демократии. Соблюдение законности и поддержание правопорядка есть юридическое проявление социалистической общественной дисциплины и одновременно юридическое выражение социалистической демократии.

Эффективность социалистической демократии

Демократия, понимаемая в широком смысле как форма (способ) политической организации социалистического общества, сама вместе с тем требует оптимально-эффективной организации (построения) ее механизма [3].

Показатели социальной эффективности демократии весьма многообразны, но обобщающим критерием пред-

---

[1] См. А. И. Денисов, Народовластие и коммунизм, «Знание», 1965, стр. 15—16.

[2] «Материалы XXII съезда КПСС», стр. 424.

[3] Функционирование механизма социалистической демократии должно подчиняться одному из важнейших принципов социализма: достижение максимального эффекта при минимальных затратах. Понятно, что в политической сфере этот принцип проявляется специфически, не идентично его действию в области экономики, но по существу он является общим для всех сфер социалистической социальной жизни. Мерилом эффективности социалистического демократизма является затрачиваемое на управление государственными и общественными делами общественно полезное время.

ставляется достигаемая ступень общественного развития, что включает как достижения в области научно-технического прогресса, подъема производительных сил, совершенствования производственных отношений, удовлетворения разносторонних потребностей членов общества, обеспечения благоприятных внешних условий строительства коммунизма, так и условия, необходимые для охраны личной безопасности членов общества, всестороннего развития способностей человека, в том числе привычки соблюдения социальных норм и навыков, квалифицированное участие в управлении обществом и государством.

Достижение указанных целей требует научно обоснованного распределения полномочий по осуществлению общенародной власти между многочисленными организациями, составляющими систему социалистической демократии. В большой мере это касается соотношения функций государственных и общественных (негосударственных) организаций; затем — разграничения компетенции между соответственно государственными органами (в рамках госаппарата в целом) и между общественными объединениями (в пределах негосударственной сферы политической жизни общества).

Опыт показывает, что крен в сторону «огосударствления» в регулировании общественных процессов или, наоборот, чрезмерное преждевременное и искусственное раздувание роли общественности, равно как и неправильное распределение функций между государственными органами и общественными организациями (включая органы общественной самодеятельности), приводит к отрицательным последствиям.

Каждый патриот и интернационалист гордится достигнутыми завоеваниями демократии в своей стране и во всей мировой системе социалистических стран. Но было бы ограниченностью забывать о перспективах развития и совершенствовании демократии.

Несомненно, что грядущие революции в других, ныне еще капиталистических, колониальных или слаборазвитых странах внесут много ценного, подчас непредвиденного, в ту или иную разновидность социалистической демократии. Все лучшее из опыта государственного и вообще политического строительства в синтезе дает социалистический *тип* демократии, воплощение демократических идеалов социализма.

Глава девятая

ПОНЯТИЕ ПРАВА

§ 1. Признаки права. § 2. Воля и интерес в праве. § 3. Содержание и форма в праве. § 4. Право — регулятор общественных отношений.

§ 1. ПРИЗНАКИ ПРАВА

Право — вид социальных норм. Образование права

Во всяком обществе необходим определенный порядок, определенная урегулированность отношений людей, без чего не может осуществляться производство и распределение материальных благ, удовлетворение иных социальных нужд людей, охрана интересов общества и отдельных его членов. Этот порядок уже в родовом обществе поддерживается правилами поведения людей — социальными нормами.

Первоначально, в родовом обществе, такими социальными нормами являются обычаи, т. е. правила поведения сложившиеся в результате многократно повторяющихся актов производства и распределения продуктов и иных актов общественной жизни, правильность и целесообразность которых была проверена на протяжении большого периода исторического развития, опытом поколений.

Эти нормы вначале бессознательно усваиваются людьми в повседневной практике, затем осознаются ими как необходимые условия их существования и передаются из поколения в поколение. Обычаи в родовом обществе сливались и с представлениями о добре и зле, о справедливом и несправедливом, содержали не только правила, обеспечивавшие порядок и устойчивость в общественном производстве, но и регламентировали отношения, связан-

ные с удовлетворением личных интересов членов общества, и т. д.

После того как возникло государство, весьма важным регулятором поведения людей стало право, т. е. правила поведения (нормы), исходящие от государства или в том или ином виде санкционированные им.

Норма права — масштаб поведения

Правовая норма — определенный масштаб, мера должного или возможного поведения, гарантированного государством. Разумеется, речь идет о поведении, имеющем социальное значение. В буржуазном государстве, где существуют, хотя и в урезанном виде, демократические институты и формальное равенство граждан перед законом, норма права является формально равным для всех граждан масштабом их поведения. Но этот равный масштаб применяется к неравным (в экономическом и в иных отношениях) людям.

В социалистическом государстве значение нормы права как одинакового мерила, масштаба поведения людей приобретает новое социальное значение. Господство общественной собственности на средства производства, уничтожение эксплуатации человека человеком — основа социалистического общественного строя. Нормы социалистического права закрепляют эти отношения, но они определяют также и меру участия граждан в общественном производстве и на иных участках общественно полезной деятельности и в определении вознаграждения за этот труд.

На первой фазе коммунизма государство при помощи права осуществляет контроль над мерой труда и мерой потребления. Здесь равенство заключается в том, что за равный труд каждый получает равное вознаграждение. Но это предполагает известное фактическое неравенство между людьми в связи с тем, что у них различные физические и умственные данные — неодинаковая способность к труду, разные потребности, разное семейное положение и т. д.[1]. Право тем самым санкционирует неравенство и сохраняет свое значение равного масштаба, применяемого к неравным людям в сфере распределения до тех пор, пока заработная плата и иные формы трудового

[1] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 19; В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 33, стр. 93.

вознаграждения являются основным источником существования членов общества.

Нормы права, будучи масштабами поведения[1], выражены в современном обществе главным образом в законах. В социалистическом государстве главным, основным источником формирования права является закон. Под законом в широком смысле мы подразумеваем не только исходящие от верховного представительного законодательного органа юридические акты, в которых воплощены нормы права, но и иные акты, содержащие общие правила поведения, издаваемые в рамках своей компетенции другими государственными органами (правительством, министерствами и т. д.). Короче говоря, под законом здесь подразумевается нормативный акт, исходящий от государства как продукт сознательной деятельности его органов и должностных лиц, облеченных нормотворческими функциями.

Объективное право и субъективное право

Выше мы говорили о праве как о норме (масштабе, мере поведения), установленной или санкционированной государством. Но слово «право» в русском языке и на многих других языках применяется также и для обозначения тех конкретных, обеспеченных государством возможностей поведения, которыми располагает отдельное лицо (гражданин или организация) в своих взаимоотношениях с другими лицами и с государством, включая и обеспеченную законом возможность требования определенного поведения от другого обязанного к такому поведению лица. Наличие таких возможностей поведения, претворяемых в действительность, в осуществляемое поведение — один из важных инструментов, обеспечивающих удовлетворение потребностей носителя (обладателя) соответствующего права, его участие в хозяйственной, общественной, политической, культурной жизни.

---

[1] Детальный анализ и развернутая характеристика нормы права как меры, масштаба принадлежит И. С. Самощенко (см. гл. II коллективной работы «Теоретические вопросы систематизации советского законодательства», Госюриздат, 1962, стр. 40—70). И. С. Самощенко, на наш взгляд, также убедительно показал, что норма права — это мера, масштаб, общее правило, формулирующее организацию движения и развития общественных отношений определенного вида, вносящее в них порядок, систему. Поэтому индивидуальное предписание (например, назначение кого-либо на должность) не является нормой права («Теоретические

Общественные отношения реализуются прежде всего через определенное поведение — через определенные действия или воздержание от действий отдельных людей и их организованных коллективов. Эти действия (или воздержание от них) в определяемых нормами права границах выступают как осуществление указанных возможностей, принадлежащих участникам общественных отношений. Разумеется, как будет показано дальше, реализацией этих возможностей не исчерпываются действия, в которых находят свое проявление общественные связи. Кроме прав, существуют и юридические обязанности у участников общественных отношений, многие из отношений или отдельные стороны их вообще не регулируются юридическими нормами. Но в государственно-организованном обществе удельный вес возможностей поведения, предусмотренных и обеспеченных нормами права, весьма значителен.

В связи с классовым характером права эти возможности реально принадлежат прежде всего представителям господствующего класса. В эксплуататорском обществе они ограничены для представителей эксплуатируемых — для трудящихся либо вообще за ними не признаются (например, рабы в античном обществе не субъекты права, а вещи). В социалистическом обществе такие возможности для граждан неизмеримо расширяются.

Принадлежащее гражданину или коллективному образованию как участнику конкретного общественного отношения право именуется правом *в субъективном смысле*, или *субъективным* правом. В английском праве субъективное право обозначается особым термином (right),

---

вопросы систематизации советского законодательства», стр. 71—80; «Общая теория советского права», стр. 174—180). См также С. С. Алексеев, Общая теория социалистического права, вып. второй, Свердловск, 1964, стр. 10—14. Однако имеются и защитники отнесения индивидуальных предписаний к нормам права: сторонники этого взгляда считают индивидуальные предписания «персонифицированными нормами», адресованными не только определенному лицу или определенным лицам, но и другой своей стороной обращенными ко всем гражданам в той мере, в которой указанные акты так или иначе влияют на их поведение; обязывают к определенным действиям или воздержанию от действий. См., например, Ц. А. Ямпольская, О правовой норме и правовом отношении («Советское государство и право» 1951 г. № 9, стр. 35—38); А. Е. Лунев, С. С. Студеникин, Ц. А. Ямпольская, Социалистическая законность в советском государственном управлении, Юриздат, 1948, стр. 24—25.

отличным от обозначения нормы права, закона (law). То же различие в терминах существует и в грузинском языке.

Термин «субъективное право» означает, что данное конкретное право как закрепленная законом за данным лицом мера возможного поведения принадлежит данному лицу — данному субъекту.

Субъективному праву противостоит субъективная обязанность — долженствование определенного поведения у другого лица. Общественное отношение, стороны (субъекты) в котором связаны между собой правом и обязанностью, именуется *правоотношением*.

Совокупность (система) норм права, действующих в данном государстве, именуется правом в *объективном смысле*, или *объективным* правом [1].

Нормы права, правоотношения являются элементами юридической надстройки. Этой надстройке соответствует и правосознание господствующего класса.

Правосознание

Правосознание — сложная форма общественного сознания. Во-первых, оно включает в себя правовую идеологию как систему знаний о правовых явлениях и как систему представлений и идей о том, каким должно быть право; сюда входит и юридическая наука. Во-вторых, правосознание включает правовую психологию — представления о праве людей, широких слоев населения, не искушенных в знании права, тем более, в правовой науке; представления, выражающие отношение этих людей к праву, рациональную и эмоциональную оценку ими норм права как справедливых или несправедливых, отношение к известной им практике применения права административными и судебными органами [2]. Разумеется, такая оценка производится и теми, кто знает право, в частности учеными-юристами.

---

[1] О соотношении объективного и субъективного права см. Н. Г. Александров, Право и законность в период развернутого строительства коммунизма, Госюриздат, 1961, стр. 224—230; С. Ф. Кечекьян, Правоотношения в социалистическом обществе, изд-во АН СССР, 1958, стр. 48—68; С. Н. Братусь, Субъекты гражданского права, Госюриздат, 1950, стр. 8—20.

[2] См. И. Е. Фарбер, Правосознание как форма общественного сознания, «Юридическая литература», 1963; Е. А. Лукашева, Правосознание и укрепление законности в СССР, Госюриздат, 1957; В. А. Сырцев, Социалистическое правосознание в СССР, Госюриздат, 1958.

У разных классов данного общества различное правосознание. Завоевавший государственную власть класс утверждает свое правосознание, свои идеи и представления о праве, воплощая их в обязательных для всего общества юридических нормах. Правовые мотивы, взгляды, идеи являются непосредственным идеологическим и психологическим источником формирования законов (юридических норм).

После того как законы изданы, они начинают оказывать обратное влияние на сознание людей, воспитывают и культивируют у них соответствующее правосознание. Действующая в данном обществе система права служит важным источником господствующей в нем правовой идеологии. Именно господствующее в данном обществе правосознание является частью юридической надстройки над экономическим базисом.

Юридическая норма и другие правовые явления

Таким образом, кроме права как совокупности (системы) норм объективного права мы встречаемся с правоотношением, правосознанием. Возникает вопрос, входят ли все эти правовые явления в понятие права. До сих пор мы говорили о праве, имея в виду правовые нормы. Действительно, марксистско-ленинская наука понимает право как совокупность (систему) установленных или санкционируемых государством и охраняемых им норм. Правосознание, будучи важным элементом юридической надстройки, не может быть включено в понятие права. Правовые идеи господствующего класса формулируются в правовых нормах; в этом смысле правосознание служит источником этих норм, но правом, действующим в государстве в качестве общеобязательной принудительной силы, гарантированной этим государством, является система норм, а не правосознание.

Некоторые правоведы, однако, считают, что в понятие права должны быть включены и правоотношения, что право — это нормы и правоотношения, поскольку последние являются способом жизни права, ибо нормы права конкретизируются в бесконечном множестве правоотношений, существуют для того, чтобы возникли правоотношения.

Верно, что нормы права конкретизируются главным образом в правоотношениях: правоотношение — важнейшее средство, при помощи которого осуществляется

регулирующая функция норм права. Однако вряд ли можно согласиться с предложением включить в понятие права наряду с нормами права и правоотношения. Существенными, определяющими суть права как социальной реальности чертами является то, что право — это *совокупность (система) установленных или санкционированных государством общеобязательных норм (правил поведения)*. Юридическая норма, как известно, — это определенный масштаб, эталон поведения; это общее правило, типизация, обобщение необходимого или дозволенного государством поведения в охватываемой данным правилом сфере общественных отношений. Эти отношения обнаруживаются как предмет правового регулирования в действиях людей, их коллективов, т. е. в поведении. В дальнейшем мы более подробно остановимся на характеристике права как регулятора общественных отношений (см. § 4), здесь лишь отметим следующее. Норма права или обязывает к определенному поведению, к совершению определенных действий (например, нормы, обязывающие платить установленные государством налоги), или запрещает какие-либо действия (таковы нормы уголовного права и многие нормы административного права — запретительные нормы), или дозволяет и тем самым одобряет определенные действия: они могут быть совершены, а могут быть и не совершены теми лицами, которым адресована норма, это зависит от их усмотрения (такие нормы обычно именуются уполномочивающими; их много в гражданском праве, например, норма, предоставляющая собственнику вещи владение, пользование и распоряжение ею).

Государство выражает свою волю либо в форме закона, издаваемого им, либо путем санкционирования через суд и другие государственные органы сложившегося в практике правила поведения. Лишь после этого появляются субъективное право и субъективная обязанность, а их реализация обеспечена правовой нормой. Правоотношение представляет собой важный результат воздействия нормы права на общественные отношения, но оно — вторичное правовое явление, производное от правовой нормы, т. е. от того, что составляет суть права, и поэтому не входит в содержание права.

Правовая норма — одновременно и суждение о должном или о дозволенном поведении и веление, императив.

Субъективные права могут осуществляться, а обязанности выполняться потому, что правом являются общеобязательные правила поведения, обеспеченные в случае их нарушения государственным принуждением. Поэтому, на наш взгляд, неправильно утверждение, что правоотношения регулируют общественные отношения [1]. Правоотношение — не регулятор. Нормы права регулируют отношения, придавая им форму правоотношений.

Только нормы права обладают той формальной определенностью, которая обеспечивает на соответствующем историческом этапе развития человеческого общества необходимые для его жизнедеятельности организованность, порядок и дисциплину [2]. Это не означает, что нормы права — единственный регулятор общественных отношений. Такими регуляторами являются и иные социальные нормы (мораль, неюридические обычаи и др.). Но из сказанного следует, что нет необходимости в содержание права включать такие правовые явления, существование которых зависит от норм права [3].

---

[1] По мнению А. К. Стальгевича, «объект правоотношения — это, прежде всего, общественное отношение, на которое направлено воздействие данного правоотношения, это — регулируемое при помощи правоотношения общественное отношение, внешне воплощенное и выраженное в определенных конкретных явлениях, предметах, действиях» (А. К. Стальгевич, Некоторые вопросы теории социалистических правовых отношений, «Советское государство и право» 1957 г. № 2, стр. 30).

[2] См. об этом П. Е. Недбайло, Советские социалистические правовые нормы, Львов, 1959, стр. 25—28.

[3] Одним из наиболее убежденных сторонников включения в понятие права норм и правоотношений является А. А. Пионтковский. Он исходит из того, что «правовая надстройка не может быть сведена лишь к системе юридических норм; она включает в себя и те правоотношения, которые складываются на основе этих норм». Отсюда А. А. Пионтковский пришел к выводу, что правоотношения вместе с юридическими нормами входят в содержание права. Сведение права только к нормам, по его мнению, чревато недооценкой субъективных прав граждан. См. А. А. Пионтковский, Некоторые вопросы общей теории государства и права («Советское государство и право» 1956 г. № 1, стр. 18 и 19); его же, К вопросу о взаимоотношениях объективного и субъективного права («Советское государство и право» 1958 г. № 5, стр. 25—36); его же, К вопросу об изучении общенародного права («Советское государство и право» 1962 г. № 11). В этой последней статье обосновывается и защищается положение о диалектическом единстве нормы и правоотношения (стр. 24). Более осторожную позицию по этому вопросу занял С. Ф. Кечекьян. Он писал, что «в определении права как совокупности норм и

Следует, наконец, отметить, что действие права как совокупности норм не исчерпывается правоотношениями[1].

подразумевается, что речь идет о нормах, реализуемых в правоотношениях, что единство нормы права и правоотношений исключает необходимость отдельно говорить о каждом из этих явлений в определении права» (С. Ф. Кечекьян, Правоотношения в социалистическом обществе, стр. 30). А. К. Стальгевич разделяет и развивает взгляды П. И. Стучки, рассматривавшего право как единство трех элементов — правоотношения, нормы и правосознания (А. К. Стальгевич, Некоторые вопросы теории социалистических правовых отношений, «Советское государство и право» 1957 г. № 2; его же, Ценная книга, «Советское государство и право» 1965 г. № 7). Это мнение было поддержано и Я. Ф. Миколенко (см. его статью «Право и формы его проявления», «Советское государство и право» 1965 г. № 7).

К взглядам на право как на единство норм и правоотношения присоединился философ А. К. Белых («Политическая организация общества и социалистического управления», изд-во ЛГУ, 1967, стр. 96—104). В виде дополнительного аргумента в подтверждение этой точки зрения он указывает на то, что право, как и политика, по сути своей — общественные отношения, что, «строго говоря, не только правоотношения (реализация норм права) суть вид общественных отношений, но и сами нормы права — это особый их вид» (стр. 99). Далее А. К. Белых приходит к выводу, что «в механизм *права* есть основания включать кроме юридических норм еще и правоотношения — главное средство регулирующего действия норм права» (стр. 103).

Аналогию права с политикой, проводимую А. К. Белых, нельзя признать убедительной: политика, до тех пор пока она остается только политикой, не выступает в нормативной форме; политика, закрепленная в общеобязательных, обеспеченных государственным принуждением нормах, — это социальное явление, не совпадающее с политикой. Нормы права — эталон, основа для правоотношений, поэтому нет необходимости эти отношения считать таким элементом, без которого невозможно образование понятия права. Ошибка тех, кто считает нормы права и правоотношения равноправными элементами, состоит в отождествлении механизма правового регулирования с правом. В этот механизм входят многие юридические средства воздействия права на поведение людей, в том числе и правоотношения, но решающими и определяющими являются нормы права. Прав С. С. Алексеев, утверждая, что юридические нормы представляют собой определяющее звено в механизме правового регулирования, а правоотношения составляют главное средство, при помощи которого осуществляется действие юридических норм (С. С. Алексеев, Механизм правового регулирования в социалистическом государстве, стр. 114—130). Первичной является юридическая норма, и в ней уже заложены, предусмотрены средства ее воздействия на поведение людей.

[1] Нормы права во многих случаях воздействуют на поведение людей непосредственно, а не через правоотношения. Этот вопрос подробно освещается в главе четырнадцатой настоящего тома.

Государственное принуждение к соблюдению норм права

Следующей важной чертой норм права является их связь с государством, выражающаяся, во-первых, в том, что они не только устанавливаются и применяются государством в его практической деятельности, но, что весьма важно, охраняются им в случае их нарушения. Вместе с тем нормы права, действующие в данном государстве, воспитывают его граждан, укрепляют в них соответствующее этим нормам правосознание, обеспечивают господство стоящего у власти класса.

Исполнение и соблюдение норм права в социалистическом государстве обеспечиваются прежде всего убеждением, воспитанием, ибо эти нормы объективно соответствуют их интересам. Но было бы неправильно отсюда сделать тот вывод, что при социализме право утрачивает свой принудительный характер. Сохраняет свою силу известное положение Ленина о принуждении к соблюдению норм права, сформулированное им в связи с обоснованием необходимости существования государства и права в первой фазе коммунистического общества, т. е. при социализме [1].

И дело не только в том, что и в социалистическом государстве есть преступность, иные правонарушения, что существует меньшинство, не желающее подчиняться установленным государством нормам права, и поэтому необходимо государственное принуждение, реализуемое путем применения санкций, предусмотренных юридической нормой. Дело в том, что даже добровольное выполнение требований юридической нормы не лишает ее императивного характера, так как обязанность предписания, содержащегося в норме, остается. В связи с этим необходимо остановиться на структуре правовой нормы.

Структура правовой нормы

Норма права имеет три элемента (или три составные части) — гипотезу, указывающую на условия, предпосылки, при наличии которых действует правило; диспозицию, содержащую это правило, и санкцию, указывающую на невыгодные последствия, наступающие для лица, нарушившего данное правило. Нельзя признать правильным мнение тех правоведов, которые полагают, что гипотеза и санкция не являются составными частями юридической

[1] См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 33, стр. 89.

нормы, ссылаясь на то, что правило поведения предусмотрено в диспозиции; следовательно, заключают защитники этой точки зрения, диспозиция и есть правовая норма. Сторонники этого взгляда полагают, что такому представлению о норме права не противоречит то обстоятельство, что она не может существовать без гипотезы и санкции, ибо «не все то, без чего невозможно существование какого-либо явления, входит в его состав» [1].

С этим доводом нельзя согласиться. Всякое правило поведения, всякая социальная норма — это не только веление, но и суждение, построенное по формуле: «если — то — иначе». Но это суждение утрачивает свой смысл, разрушается, перестает быть суждением и велением, если одна из указанных составных частей отпадает.

Приведем следующий пример. В гражданском кодексе любого современного государства содержится правило, обязывающее лицо, причинившее вред личности или имуществу другого лица, возместить этот вред: диспозицией здесь будет обязанность возместить вред, гипотезой — причинение вреда («если кто-либо причинит вред»). Санкция за невыполнение указанной обязанности состоит в обращении принудительного взыскания на имущество причинителя. Применение такой санкции предусмотрено в гражданском процессуальном кодексе [2].

---

[1] «Общая теория советского права», стр. 193; см. также О. Э. Лейст, Санкции в советском праве, Госюриздат, 1962. О. Э. Лейст считает, что гипотеза и санкция являются не составными частями (элементами) отдельно взятой правовой нормы, а ее атрибутами, потому что «правило поведения (норма) не может изображаться как сумма правила поведения (диспозиции), условий его применения (гипотеза), последствий его нарушения (санкция). Норма права тождественна диспозиции... Санкцию имеет любая норма права, но это вовсе не означает, что санкция включается в состав данной, отдельно взятой нормы (стр. 21)». Это утверждение представляется весьма спорным. Любое явление, разумеется, не есть простая сумма составляющих его элементов, а такая их связь, которая образует органическое единство. И что такое атрибут? Свойство, без которого нет явления. Если гипотеза и санкция — атрибуты правовой нормы, под которой понимается диспозиция, то из этого следует, что без этих атрибутов нет правовой нормы и, следовательно, одна диспозиция — это еще не норма.

[2] Следует согласиться с О. Э. Лейстом, что «санкции правовых норм представляют собой прежде всего указание на меры го-

Как видно из приведенного примера, диспозиция перестает быть диспозицией, если нет гипотезы, и не становится юридической нормой, если нет санкции. Связь всех трех элементов правовой нормы, ее структура — это форма, имманентно присущая ее содержанию (см. § 3)[1].

Прав П. Е. Недбайло, утверждая, что добровольное выполнение требований нормы не лишает ее принудительного характера, что добровольность выполнения предписания, содержащегося в юридической норме, — «это не свойство правовой нормы, а метод, прием ее реализации в социалистическом обществе»[2]. Развивая эту мысль, можно было бы сказать, что законодатель, издавая нормы права, исходит из предположения, что они будут добровольно исполнены теми, кому они адресованы, и только в том случае, если это предположение не осуществится, применяется предусмотренное в ней принуждение, возникает, как реализация санкции, ответственность лица, нарушившего норму. Норма права действует на поведение

сударственного принуждения к соблюдению норм права» (цит. соч., стр. 25). Правильнее было бы только говорить о принуждении к соблюдению диспозиции. Несомненно, что назовем ли мы гипотезу и санкцию атрибутами или элементами, предписания становятся нормой, только включаясь в систему права, вступая в связь с другими элементами, образующими в своем единстве норму.

[1] Нельзя согласиться с авторами, отрицающими трехчленную структуру правовой нормы на том основании, что многие отдельно взятые статьи (параграфы) законов предусматривают не трехзвенную, а двухзвенную структуру. Так, Н. П. Томашевский считает, что «в действительности состав правовой нормы независимо от формы выражения исчерпывается двумя элементами» — гипотезой и диспозицией, именуемыми в уголовном праве иначе — диспозицией и санкцией (Н. П. Томашевский, О структуре правовой нормы и классификации ее элементов, «Вопросы общей теории советского права», стр. 203). Возражения против трехчленной структуры правовой нормы содержатся также в статье С. В. Курылева «О структуре юридической нормы» («Труды Иркутского Государственного университета», т. XXVII, вып. 4. 1958). См. также С. А. Голунский, К вопросу о понятии правовой нормы в теории социалистического права «Советское государство и право» 1961 г. № 4; А. В. Рыбин, Виды и структура правовых норм, «Ученые записки Пермского государственного университета», т. XV, вып. 3, 1958).

[2] П. Е. Недбайло, Советские социалистические правовые нормы, стр. 37.

людей прежде всего своей диспозицией, обязывающей каждого при наступлении условий, предусмотренных гипотезой, к определенному поведению. Распространение принудительности правовой нормы только на тех лиц, которые ее нарушали, умалило бы обязывающее и организующее значение диспозиции и свело бы значение нормы только к ее санкции [1].

Нормы права — правила поведения

До сих пор, говоря о нормах права, мы отождествляли понятие нормы с понятием правила поведения. В советской правовой литературе были высказаны возражения против сведения нормы к правилу поведения. Некоторые авторы полагали, что определение нормы права как правила поведения относится только к деятельности отдельных людей, а не государственных органов и иных организаций [2].

Но это возражение было правильно отвергнуто, ибо деятельность организаций, т. е. коллективных образований, проявляется через действия их членов, должностных лиц или иных органов (а последние состоят из людей) [3].

Другое более серьезное возражение против трактовки нормы только как правила поведения состоит в том, что некоторые правовые нормы устанавливают определенные организационные принципы и основы для правового регулирования комплекса общественных отношений или для всех общественных отношений в данном государстве в целом. Речь идет о так называемых нормах-принципах, нормах-определениях, нормах, закрепляющих основы общественного и государственного строя, определяющих структуру государственных и иных органов или поло-

---

[1] См. П. Е. Недбайло, Советские социалистические правовые нормы.

[2] См., например, выступление Н. Н. Полянского на первом совещании научных работников права в 1938 («Основные задачи науки советского социалистического права», Юриздат, 1938, стр. 77); доклад И. Т. Голякова на I-й научной сессии Всесоюзного института юридических наук («Труды первой научной сессии Всесоюзного института юридических наук 27 января — 3 февраля 1939 г», Юриздат, 1940, стр. 16).

[3] См. А. В. Венедиктов, Государственная социалистическая собственность, М.—Л. 1948, стр. 663, 665—666; А. Ф. Шебанов, Нормы советского социалистического права, изд-во МГУ, 1956, стр. 24.

жение индивида как участника правового общения и т. д.[1].

Для пояснения этой мысли приведем следующие положения, взятые из ГК РСФСР: личная собственность служит одним из средств удовлетворения потребностей граждан; социалистической собственностью является государственная (общенародная) собственность, собственность колхозов, иных кооперативных организаций, их объединений, собственность общественных организаций; сделками признаются действия граждан и организаций, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав или обязанностей. Большое количество подобных примеров дают Конституция СССР и конституции союзных республик.

Одни авторы полагают, что подобного рода положения правовых актов не имеют нормативного характера и вовсе не являются юридическими нормами, ибо в них нет веления, обязывающего к определенному поведению, запрета или дозволения определенных действий[2]. Другие считают, что хотя такие содержащиеся в правовых актах положения непосредственно не регулируют поведение субъектов, но они являются правовыми нормами, неразрывно связанными с нормами, предусматривающими конкретные виды поведения отдельных людей и их коллективных образований. Из этого делается вывод, что не всякая норма права есть правило поведения[3].

Вторая точка зрения ближе к истине. Но, на наш взгляд, нет оснований нормы-принципы, нормы-определения, организационные нормы не считать правилами поведения. Разве ст. 41 ГК РСФСР не предписывает определенного поведения лицам, желающим заключить сделку? Приведенное выше определение сделки содержит общее правило, обобщающее требования, которые закон предъявляет к тем, кто совершает сделки, независимо от их конкретного содержания. Речь идет о направленности действий участвующих в сделке лиц на определенный правовой результат. Если такой направленности нет — нет сделки, нет правоотношения, которое порождается

---

[1] См. «Общая теория советского права», стр. 184.

[2] См., например, П. Е. Недбайло, Советские социалистические правовые нормы, стр. 74.

[3] Таково, например, мнение И. С. Самощенко («Общая теория советского права», стр. 184).

сделкой. Следовательно, и определение сделки — это норма, регулирующая поведение людей. Тот же вывод можно сделать, проанализировав любую организационную норму, норму-принцип и т. д.

«Системность» права

Право — не простая совокупность норм, а система юридических норм, образующая единое целое. На эту проблему обратил внимание Б. В. Шейндлин, который ввел в научный оборот термин «системность». Он справедливо указал, что определение права как совокупности норм не вскрывает взаимозависимости и взаимодействия норм права, составляющих в целом право данного общества. Право является не механической суммой отдельных норм, а как система, как соотношение общего и отдельного, целого и части приобретает новое, отличное от простой совокупности норм качество. Ни одна норма не может действовать изолированно, вне сочетания с определенной группой других норм, помимо отдельных институтов и принципов, лежащих в основе данной отрасли права и даже всех отраслей права, образующих в целом систему права, действующую в данном государстве [1].

Эти соображения справедливы. В дальнейшем в связи с рассмотрением вопроса о содержании и форме права мы увидим, что классовая природа права, действующего в том или ином государстве, не может быть выведена из содержания любой отдельно взятой юридической нормы. Эта природа, принципы, закономерности развития, особенности формы и т. д. могут быть обнаружены лишь путем анализа всей системы права в целом.

Нормы права и иные социальные нормы

Право взаимодействует с другими социальными нормами, действующими в обществе. Это прежде всего нормы морали (нравственности), обычаи, нормы основанных на членстве корпоративных организаций (союзов, обществ и т. д.) [2].

---

[1] См. Б. В. Шейндлин, Сущность советского права, изд-во ЛГУ, 1959, стр. 7 и след.

[2] См. М. П. Карева, Право и нравственность в социалистическом обществе, изд-во АН СССР, 1951; П. Е. Недбайло, Советские социалистические правовые нормы, стр. 5—40; «Общая теория советского права» (гл. III «Право и другие социальные нормы советского общества», стр. 90—126, автор О. Э. Лейст); О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородский, Вопросы теории пра-

Неправовые социальные нормы тоже регулируют отношения между людьми, но эти нормы отличаются от правовых норм как по предмету регулирования (кругу общественных отношений или сторон этих отношений), так и по способам регулирования и способам охраны этих норм от нарушения. Краткая характеристика важнейших особенностей этих норм, отличающих их от норм права, и их взаимодействие с правом помогут полнее показать специфику права.

Право и мораль. Нормы морали (нравственности) оценивают действия людей с точки зрения добра и зла, долга, совести, чести и т. д.[1].

Нормы морали содержатся в сознании людей, неразрывно связаны с их моральным (нравственным) сознанием. Однако это не означает, что моральная норма и моральные убеждения индивида всегда тождественны. Конечно, если нравственное сознание отдельного лица сливается с принципами и нормами, признанными нравственными с точки зрения данной социальной группы, то это свидетельствует о высоком уровне этого сознания, о том, что нравственные требования данной социальной группы — это одновременно и требования индивида к себе и к окружающим людям. В данном случае нравственные поступки отдельного лица находятся в полной гармонии с его нравственным самосознанием.

Но внешне моральные поступки иногда расходятся с внутренним убеждением индивида. В этих случаях действуют сложившиеся моральные принципы, моральные нормы и моральное принуждение к их выполнению. Моральные нормы создаются общественным мнением класса, поддерживаются и охраняются путем морального осуждения тех, кто нарушает такие нормы. Сила морального осуждения зачастую более эффективна, чем сила государственно-правового принуждения.

ва, Госюриздат, 1961, стр. 106—120; С. С. Алексеев, Общая теория социалистического права, вып. первый, Свердловск, 1963, стр. 83—113; С. И. Вильнянский, Правовые и иные социальные нормы в период развернутого строительства коммунизма («Правоведение» 1962 г. № 4); «Теория государства и права», изд-во МГУ, 1967, стр. 259—271.

[1] О морали см. А. Ф. Шишкин, Основы марксистской этики, изд-во ИМО, 1960; С. Уткин, Очерки по марксистско-ленинской этике, Соцэкгиз, 1962; «Вопросы марксистско-ленинской этики. Материалы научного совещания», Госполитиздат, 1960.

Если право едино для данного общества, то систем морали столько, сколько классов в обществе. Конечно, мораль господствующего класса оказывает свое влияние и на другие классы. В социалистическом государстве после того, как эксплуататорские классы ликвидированы, создаются условия для формирования единого морального сознания у всех членов общества. Но при сохранении определенных различий между дружественными классами, различий между физическим и умственным трудом, различий в имущественном положении в первой фазе коммунизма и т. д. и в социалистическом обществе сохраняются различия в моральных оценках.

Сложной и не получившей своего окончательного разрешения в марксистско-ленинской литературе проблемой остается разграничение общественных отношений, являющихся предметом права и предметом морали, соотношение права и морали [1]. Довольно распространено мнение, согласно которому предметом права являются отношения, имеющие общегосударственное значение, наиболее существенные и коренные отношения общественной жизни, требующие государственного воздействия [2]. Но затруднение заключается в том, что нормы морали касаются также весьма важных сторон общественной жизни, безусловно имеющих общегосударственное значение (семейные отношения, выполнение нравственного общественного долга в различных областях государственной, хозяйственной, общественной или культурной жизни и в общении с другими людьми).

По-видимому, решение этой проблемы надо искать не столько в разделении общественных отношений на общегосударственные и иные, сколько в том, что одни общественные отношения или некоторые их стороны поддаются внешнему, в данном случае государственно-правовому регулированию, другие же, если бы даже законодатель и хо-

---

[1] О соотношении права и морали см. М. П. Карева, Право и нравственность в социалистическом обществе; А. М. Айзенберг, Право, нравственность и правосознание в советском социалистическом обществе, лекция для студентов ВЮЗИ, М., 1955; «Вопросы марксистско-ленинской этики»; М. З. Селектор, Право и нравственность («Вопросы философии» 1954 г. № 2); И. Е. Фарбер, Правосознание как форма общественного сознания, стр. 134—186.

[2] См., например, П. Е. Недбайло, Советские социалистические правовые нормы, стр. 23, 25.

тел это сделать, не могут быть объектом этого регулирования [1].

Но отношения, регулируемые нормами права и нормами морали, пересекаются. Большое количество правовых норм регулирует, с точки зрения морали господствующего класса, и отношения, которые призвана охранять и мораль. Подавляющее большинство норм права в социалистическом государстве совпадает с нормами морали. Это относится не только к нормам уголовного права, но и ко многим нормам других отраслей права.

Право и обычаи. Нормы права взаимодействуют и с обычаями и их разновидностями — так называемыми нравами, правилами приличия и т. д. Речь идет не о санкционированных государством обычаях, ставших тем самым правовыми нормами, а о таких социальных нормах, которые регулируют складывающиеся в быту и в иных сферах отношения между людьми, не регулируемые нормами права и нормами морали. Обычаи отличаются от норм морали тем, что соблюдаются в силу привычки, и поступок, соответствующий обычаю, не оценивается каждый раз как акт проявления добра или зла, долга, чести, справедливости, т. е. с точки зрения моральной.

Обычаи могут складываться и складываются в практике государственных органов, в деловой жизни — в хозяйственной деятельности и т. д. Они в таких случаях именуются нередко заведенным порядком, деловыми обыкновениями.

Нормы права и правила социалистического общежития. В социалистических государствах широко применяется для обозначения правил неправового характера термин

---

[1] Поэтому едва ли можно полностью согласиться с М. П. Каревой, которая считает, что советское право в определенных случаях сознательно предоставляет самой общественности и созданным ею нормам социалистической нравственности роль единственного регулятора поведения (М. П. Карева. Право и нравственность в социалистическом обществе, стр. 117). Если бы даже право (точнее, законодатель) и хотело это сделать, оно не достигло бы цели, поскольку речь идет об отношениях, не поддающихся правовой регламентации. Это правильно отмечает П. Е. Недбайло (Советские социалистические правовые нормы, стр. 25). По тем же соображениям нельзя согласиться с А. Ф. Шишкиным, полагающим, что решение вопроса об отнесении к области права тех или иных отношений между людьми, всегда определяется интересами господствующего класса (А. Ф. Шишкин, Основы коммунистической морали, Госполитиздат, 1955, стр. 37).

«правила социалистического общежития». О них говорит ст. 130 Конституции СССР, призывающая соблюдать законы и уважать правила социалистического общежития.

Относительно того, что представляют собой эти правила, имеются различные взгляды [1]. Довольно широкое распространение получила точка зрения, согласно которой правила социалистического общежития — это выработанные общественностью правила, конкретизирующие нормы морали [2]. Поскольку речь идет о соотношении правил социалистического общежития и норм права, некоторые сторонники этой точки зрения полагают, что упомянутые правила служат добавочным оценочным критерием для установления содержания правовой нормы при применении ее судом или иным юрисдикционным органом (например, норма гражданского права предусматривает выселение нанимателя жилого помещения, систематически нарушающего правила социалистического общежития и создающего тем самым невозможность совместного с ним проживания) [3]. Но эта теория подверглась справедливой критике. В советской юридической литературе отмечалось, что отсылка к правилам общежития, т. е. в данном случае к моральным нормам, является не добавочным, а необходимым условием применения правовой нормы [4].

Очевидно, правила социалистического общежития следует рассматривать как собирательную категорию, включающую в себя не только моральные нормы, но и обычаи. Наконец, марксистско-ленинская теория признает существование основных, элементарных общечеловеческих правил общежития, выработанных народными массами на протяжении тысячелетий в борьбе с социальным злом и нравственными пороками и сохраняющих свое значение в нашем обществе.

---

[1] См. А. М. Айзенберг, О развитии норм социалистического общежития в единые правила коммунистического общежития («Советское государство и право» 1961 г. № 12); см. также Михаил Геновски, Александр Попов, Правилата на социалистическото общежитие, София, 1960.

[2] См., например, М. П. Карева, Право и нравственность в социалистическом обществе, стр. 75—76.

[3] См. С. И. Вильнянский, Обычаи и правила социалистического общежития («Ученые записки Харьковского юридического института», вып. V, 1954, стр. 22).

[4] См. «Общая теория советского права», стр. 111.

Корпоративные нормы. Правила, вырабатываемые корпорациями (союзами, обществами, в социалистических государствах — кооперативными и общественными организациями), регулируют отношения между членами этих корпораций и корпорации в целом с ее членами. В том случае, если эти правила санкционируются в той или иной форме государством, они могут стать нормами права, действующими не только в отношении членов этих образований, но и вовне, в их взаимоотношениях с другими лицами [1].

§ 2. ВОЛЯ И ИНТЕРЕС В ПРАВЕ

Классовая воля

В «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс охарактеризовали буржуазное право как возведенную в закон волю буржуазии, содержание которой определяется материальными условиями жизни этого класса [2]. Эта характеристика легла в основу понимания сущности права любой социально-экономической формации, возникновение и развитие которой связано с существованием государства и права. При всем разнообразии определений права, которое встречается в марксистской юридической литературе, основой, ядром этих определений является признание классово-волевой сущности права.

Поэтому прежде всего необходимо установить содержание понятия классовой воли, имея в виду два признаваемых и утверждаемых марксистско-ленинской наукой положения: а) воля — это элемент индивидуального сознания, его деятельная сторона, функция нормально работающего человеческого мозга [3]; б) воля господствующего класса — определенный элемент общественного сознания, а именно его правовая идеология; в) право как возведенная в закон воля — продукт, выражение этой воли.

Не противоречат ли эти положения друг другу? Многие буржуазные идеологи полагают, что никакой коллективной, общественной воли не существует, что воля как деятельная сторона сознания — всего лишь явление

---

[1] См. «Общая теория советского права», стр. 117—118.
[2] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 443.
[3] См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 18, стр. 241.

психики человека. Отсюда — разнообразные теории права, построенные на этой основе. Одни определяют право как психический феномен, эмоцию, содержанием которой является переживание обязанности по отношению к обществу, государству, другим людям и переживание правомочия, права требовать от других определенного поведения. Другие утверждают, что соответствующие государственные органы и должностные лица выражают в нормах права свою волю, выдавая ее за общую волю народа. За юридическими нормами отрицается иное содержание, кроме того, которое вкладывается в них индивидуальной волей законодателя. Третьи отвергают связь нормы права с реальной волей и право как сферу долженствования превращают в самостоятельный феномен, развивающийся по собственным закономерностям. Все они отрывают право от классовой основы, от материальных отношений и экономических интересов.

С внешне различных позиций буржуазные теоретики игнорируют классовую природу права и метафизически противопоставляют индивидуальное и общественное сознание[1].

Индивидуальная и общественная воля

В действительности и индивидуальная воля, и воля коллективная (класса, народа в бесклассовом обществе) сосуществуют и взаимодействуют. Волевые действия человека всегда опосредованы более или менее сложной работой сознания и лишь в конечном счете определяются его потребностями. Человек выбирает между различными побуждениями к деятельности как ее мотивами, осознает результат деятельности как цель. Осознание цели играет существенную роль в волевом акте: цель, определяющая волевой процесс, с одной стороны, сама определяется побуждениями, с другой — сами побуждения опосредствуются осознанной целью. Это приводит ко все более сознательному регулированию деятельности человека. Всякое подлинное волевое решение — это избирательный акт, включающий выбор и решение. Вместе с тем

---

[1] См. В. А. Туманов, Критика современной буржуазной теории права, Госюриздат, 1957. Обзор взглядов дореволюционных русских правоведов на понятие права и некоторых направлений буржуазной юриспруденции первой половины XX века по этому вопросу содержится в работе П. Е. Недбайло «Советские социалистические правовые нормы» (стр. 12—21, 124—159).

деятельность человека включается в закономерную связь причин и следствий и в этом смысле необходима. Действие, которое воспринимается и осознается самим действующим субъектом как общественный акт, т. е. как акт, выражающий отношение действующего к другим людям, является поступком. Действие включается в деятельность, общественная сущность которой является предметом различных общественных наук.

В системе тех связей и отношений, которые формируют человека, решающим является общественное бытие [1].

Сознание человека обусловлено общественными отношениями, условиями материальной жизни, хотя люди сами же их создают. «Сознательная деятельность людей зависит от объективных обстоятельств их жизни и вместе с тем она же их изменяет» [2]. Это означает, что ин-

---

[1] Это важно подчеркнуть для уяснения рассматриваемого здесь вопроса соотношения индивидуальной и общественной воли (соответственно индивидуальной и классовой или общенародной воли): личность не тождественна с самосознанием или с сознанием о ней других личностей. Реальная личность — это общественное существо. Вместе с тем и это тоже важно отметить, человек является личностью лишь в той мере, в какой он выделяет себя из природы и из окружающих его людей («Психология», Учпедгиз. 1962, стр. 366—432).

[2] С. Л. Рубинштейн, Бытие и сознание, изд-во АН СССР, 1957, стр. 283. В настоящее время некоторые психологи считают, что понятие воли постепенно утрачивает свою научную ценность. В подтверждение этого мнения ссылаются на то, что потребности, мотивы, осознание цели, которые обычно связывают с волевым актом, являются сферой интеллекта, мышления и не нуждаются в категории воли. Отсюда делается вывод, что при современном состоянии психологической науки природа воли либо еще не раскрыта, либо она должна быть обнаружена в структуре человеческого поведения в целом: если правильно второе мнение, то надо признать, что с помощью сознания человек «постигает явление объективной действительности, посредством воли освобождается из плена актуальной потребности... и направляется к миру объективных ценностей» (Ш. Н. Чхартишвили. Проблема воли в психологии, «Вопросы психологии» 1967 г. № 4, стр. 72—81). Другими словами, о воле можно говорить лишь тогда, когда отдельный человек или коллектив при вынесении решения не оказывается в плену скоропреходящих потребностей и мотивов, а делает надлежащий выбор, руководствуется более высокими соображениями и общественными ценностями. Но ведь такая избирательность и составляет суть волевого акта как акта, в котором проявляются общественные отношения.

дивидуальное сознание человека как общественного существа является общественным сознанием, но последнее выступает в виде индивидуального сознания как функция нормально работающего человеческого мозга. Никакого иного органа, кроме человеческого мозга, выступающего в качестве носителя общественного сознания, нет и быть не может. Но из этого не следует, что индивидуальные сознания миллионов людей, объединенных общими классовыми интересами, и тем более людей, принадлежащих к различным классам, чьи интересы противоположны, одинаковы, равны между собой и адекватны всей той сумме знаний, идей, устремлений, которые накопили различные классы и все общество в целом.

Индивидуальное сознание, как правильно отмечается в марксистской литературе, отражая общественное бытие и будучи поэтому особым видом общественного сознания, вместе с тем является сознанием данного человека, определяемым его индивидуальными данными, способностями, устремлениями. За индивидом сохраняется относительная независимость — известная свобода выбора и решения.

Этот выбор и решение определяются множеством фактов и обстоятельств, из которых основные — положение человека в обществе, его непосредственные потребности и интересы, уровень его классового самосознания, идейные побуждения, микросреда, в которой он находится, и, наконец, особенности его психофизического строения.

Поэтому, с одной стороны, в силу одинакового положения в процессе общественного производства у индивидов, составляющих общественный класс, возникают одинаковые интересы, одинаковое сознание и его элемент — воля, проявляющиеся в целенаправленной деятельности, с другой стороны, такая «одинаковость» не исчерпывает и не может исчерпать индивидуального сознания: общее проявляется в отдельном, но не сводится к нему, равно как и отдельное не тождественно общему.

До сих пор речь шла о сознании человека, через которое преломляется его повседневное общественное бытие и в котором отражается так называемое обыденное общественное сознание. Например, в капиталистическом обществе обыденным сознанием для частного собствен-

ника является сознание святости и неприкосновенности права частной собственности, правомерность наживы, для рабочего — стремление к повышению заработной платы и улучшению иных материальных условий его существования и т. д.[1].

Более высокой ступенью классового самосознания является сознание общих классовых интересов, осознание той исторической роли, которую играет данный класс в общественном процессе производства, его роли в дальнейшем развитии человеческого общества. Система относящихся к этому взглядов, представлений, понятий и идей образует идеологию данного класса. Идеология — важнейшая составная часть, ядро этого вида общественного сознания.

Поскольку речь идет о стремлениях к целенаправленной деятельности, вытекающих из указанных взглядов, представлений, понятий и идей, отражающих интересы класса, можно говорить о том, что на их основе формируется воля данного общественного класса. Именно с этим видом общественного сознания и связано образование права как выражения интересов и воли господствующего класса.

Таким образом, налицо диалектическое единство и различие индивидуального и общественного сознания и тем самым индивидуальной и общественной (классовой или всенародной) воли. Нельзя отождествлять сознание и волю отдельного человека с ее особым видом — волей господствующего класса, выступающей в виде государственной воли. Но не меньшей ошибкой было бы утверждение, что между волей индивида, принадлежащего к определенному общественному классу, и коллективной (общественной) волей класса в целом нет связей, что это независимые по отношению друг к другу явления. Образование классовой или общенародной воли необходимо связано с волевыми актами людей, находящихся между собой в определенных общественных отношениях. Действия людей, их поступки приобретают общественный характер, объективируются в социальных закономерностях.

---

[1] См. об индивидуальном и общественном сознании И. Е. Фарбер, Правосознание как форма общественного сознания, стр. 43—49.

Но при этом люди не сознают всех общественных последствий своих поступков, своей деятельности. Это теоретическое сознание вырабатывается мыслящими представителями класса, его идеологами.

Право — объективированное выражение воли господствующего класса (народа)

Право в процессе своего формирования, прежде чем сложиться, проходит через сознание людей. Однако право — это не только явление общественного сознания. Право — продукт, результат воли господствующего класса, выражение этой воли в общеобязательных правилах поведения, т. е. в нормах, определяющих и направляющих поступки членов общества в целях закрепления, упрочения и развития господствующих в данном обществе материальных и идеологических отношений.

Основоположники марксизма выделяли политическую и юридическую надстройку из прочих общественных явлений. Определяя зависимость надстройки от экономического базиса, Маркс писал: «Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания» [1]. Точно так же и Энгельс, характеризуя влияние идеологических форм на ход исторической борьбы, различает «политические формы классовой борьбы и ее результаты — государственный строй, установленный победившим классом после выигранного сражения, и т. п., правовые формы и даже отражение всех этих действительных битв в мозгу участников, политические, юридические, философские теории, религиозные воззрения и их дальнейшее развитие в систему догм» [2].

Отсюда можно сделать вывод, что Маркс и Энгельс отличают политическую и юридическую надстройку от правосознания и иных форм общественного сознания. Это необходимо подчеркнуть в связи с тем, что в советской философской литературе все еще широко распространен взгляд, согласно которому право (правовые нормы), а также правоотношения трактуются как идеология, как

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 13, стр. 6—7.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 37, стр. 394—395.

правосознание[1]. Но правовые нормы нельзя отождествлять с общественным сознанием или с идеологией как высшей ступенью этого сознания. Правовые нормы — важнейший регулятор общественных отношений и в особенности производственных отношений (см. об этом § 4). Правовые нормы как общеобязательные правила поведения охраняются государством. В случае их нарушения государство, как мы уже знаем, применяет к нарушителям принуждение. Это принуждение возможно и эффективно, потому что норма регулирует не мысли, а действия людей. Право как система норм имеет своим источником правосознание господствующего класса, но не сливается с ним и, возникнув, приобретает относительную самостоятельность как по отношению к этому правосознанию, так и по отношению к воле и сознанию индивидов, членов данного общества.

Как только закон, изданный компетентным органом государства, вступил в силу, он становится социальным фактом, определяющим положение и регулирующим поведение многих людей.

Более того. Закон в процессе своего применения может сделаться независимым от той непосредственной цели, которой руководствовался законодатель, издавая закон, и, следовательно, от того волевого акта, который завершился изданием закона. Закон как общее правило поведения действует, «гласит» и тогда, когда словесный и логический смысл, вложенный в него, позволяет суду или администрации регулировать те охраняемые государственной властью отношения, которые первоначально не предусматривались законодателем или возникли уже после издания закона. Это означает, что закон жизнен, что он правильно отражает интересы господствующего класса или общенародные интересы (в социалистическом государстве) и тем самым и государственную волю к поддержанию и охране данных общественных отношений. Это означает также, что при уяснении содержания закона (его толковании) надо исходить из того смысла, который объективно выражен в его словесной форме.

---

[1] См., например, Г. М. Гак, Учение об общественном сознании в свете теории познания, изд. ВПШ и АОН, 1960, стр. 97; Э. Х. Степанян. Об относительной самостоятельности идеологии, изд-во МГУ, 1961, стр. 37.

Образование коллективной (классовой, общенародной) воли, выраженной в праве

Классовая или общенародная (в социалистическом обществе) воля, получающая свое выражение в юридических нормах, не может быть сведена к сумме индивидуальных воль. Еще Руссо в своем учении об общей воле (la volanté générale) провел резкую грань между этой волей и волей всех. Правда, общую волю он выводил из механического сложения воль всех членов общества — в этой сумме, по его мнению, нейтрализовались различия, индивидуальные отклонения и сохранялась лишь общая для всех воля [1]. В действительности многие представители господствующего класса не сознают или сознают в недостаточной степени свои коренные классовые интересы, определяемые объективными, вне их субъективных воль сложившимися материальными, идеологическими и иными условиями существования.

В конечном счете право определяется производственными отношениями. Но влияние этих отношений на формирование права опосредовано, поскольку оно может регулировать лишь поступки, поведение людей. Экономическая структура общества не порождает автоматически право. Экономические отношения каждого данного общества, указывал Энгельс, проявляются прежде всего как интересы [2]. Речь идет не об отдельном индивидуальном интересе как психической направленности воли отдельного человека, а об объективном характере классового интереса, хотя и опирающегося на отдельные интересы членов класса, но не тождественного каждому отдельному интересу. Этот классовый интерес вытекает из взаимной, зачастую не осознаваемой отдельными индивидами зависимости между ними, между классом, к которому они принадлежат, и другими классами, из той объективной роли, которую они играют в общественном процессе производства.

Экономические интересы господствующего класса осознаются мыслящими представителями класса, его идеоло-

---

[1] См. Ж-Ж. Руссо, Общественный договор, М., 1906, стр. 47.

[2] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 18, стр. 271. См. также Г. В. Плеханов. О материалистическом понимании истории. Госполитиздат, 1948, стр. 16, 32—33. Г. В. Плеханов считал, что производственные отношения, естественно, создают известные интересы, которые находят свое выражение в праве.

гами, а затем осознание этих интересов постепенно распространяется и на остальных представителей данного класса.

Важность этого положения для объяснения путей формирования норм права как выражения воли господствующего в данном обществе класса трудно переоценить. Проблема соотношения классовой воли и классового интереса и выражения этого соотношения в юридическом законе была поставлена Марксом и Энгельсом еще в «Немецкой идеологии» и в других работах. Дальнейшее развитие и обогащение этого решения содержится в работах В. И. Ленина.

Маркс и Энгельс писали в «Немецкой идеологии» о том, что господствующие индивиды, т. е. представители господствующего класса должны придать своей воле, обусловленной данными определенными отношениями, всеобщее выражение в виде государственной воли, что «не зависит от их воли и то, что они проводят свою собственную волю в форме закона, делая ее в то же время независимой от личного произвола каждого отдельного индивида среди них». В этом случае, говоря словами Маркса и Энгельса, происходит самоутверждение типических, общих интересов господствующего класса и самоограничение произвола индивидов, составляющих этот класс [1]. Иначе говоря, лишь общезначимые условия существования господствующего класса формируют законодательную волю.

В. И. Ленин разработал вопрос о способах формирования классовой воли. Воля класса, воля сотен тысяч и миллионов людей, указывает В. И. Ленин, может быть выявлена и определена только в том случае, если класс имеет свою организацию [2]. Значение партийной организации и партийных вождей, писал значительно позже Ленин, состоит в том, «чтобы длительной, упорной, разнообразной, всесторонней работой всех мыслящих представителей данного класса вырабатывать необходимые знания, необходимый опыт, необходимое — кроме знания и опыта — политическое чутье, для быстрого и правильного решения сложных политических вопросов» [3].

---

[1] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 322—323.
[2] См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 24, стр. 36—37.
[3] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 52—53.

Говоря об отношениях должностных лиц всякого общества к этому обществу, В. И. Ленин указывал на то, что «должностные лица осуществляют не свою личную (или групповую или кружковую) волю, а волю этого общества [1].

Господствующий класс заинтересован в том, чтобы правильно понятые его мыслящими представителями и возведенные в закон необходимые условия его существования стали по возможности достоянием всей массы этого класса и были внедрены в сознание других классов. В эксплуататорском обществе идеи и порядки, установленные господствующим классом, враждебны интересам эксплуатируемых классов. Но господствующие идеи — это идеи господствующего класса. Там, где угнетенный класс уже стал классом для себя, имеет свою партию, выражающую его интересы, там происходит борьба двух идеологий. Однако многие представители угнетенного класса заражены идеями господствующего класса, что помогает ему удерживать свое господство.

В социалистическом государстве задача авангарда трудящихся — Коммунистической партии — и государственных органов заключается в том, чтобы поднять уровень сознательности трудящихся масс до уровня понимания общественных интересов, сочетающихся при социализме с их личными интересами. Этот уровень должен соответствовать объективному ходу развития социалистического общества [2]. Но есть и другая сторона рассматриваемой проблемы.

---

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 24, стр. 36.

[2] Б. В. Шейндлин характеризует общественное сознание как такое, в котором отражается понимание индивидуумом сущности общественных отношений. Массы людей, овладев таким общественным сознанием, тем самым становятся сознательными носителями, выразителями общего для них, как для членов определенного класса, нации, народа, общественного сознания — идеологии (Б. В. Шейндлин, Сущность советского права, стр. 25—26). «По мере развития социалистического государства, — пишет И. Сабо, — воля, выраженная в социалистическом праве, все в большей степени совпадает с индивидуальной волей трудящихся». Но пока, продолжает далее Сабо, социалистическое право, выражая общую волю всего народа, еще не всегда и не во всех отношениях совпадает с каждой индивидуальной волей» (Имре Сабо, Социалистическое право, стр. 40—41).

В. И. Ленин на XI съезде партии говорил, что «мы можем управлять только тогда, когда правильно выражаем то, что народ сознает»[1]. Но противоречит ли это известное и часто приводимое в различных работах и выступлениях ленинское положение ранее сказанному? Полагаем, что противоречия здесь нет. Из приведенного положения вытекает, что партия и государственная власть не должны игнорировать в своей деятельности определенный уровень сознательности масс. Эту сознательность надо развивать, и вместе с тем необходимо, для того чтобы успешно управлять, так выражать в законодательных актах и в исполнительно-распорядительной деятельности классовые или общенародные интересы, чтобы эти акты и эта деятельность были поняты, осознаны классом, народом.

Итак, те лица и органы, которые осуществляют власть, должны сами правильно и своевременно учитывать объективные закономерности развития, реальные возможности, потребности своего класса, народа, уровень сознательности масс, творческий опыт народа.

Специфика воли в праве состоит, во-первых, в том, что она формируется на основе правосознания господствующего класса; во-вторых, в том, что она организуется государством; в-третьих, в том, что она объективируется государством в особой нормативной форме, т. е. в форме велений о должном или дозволенном поведении.

Но из этого также следует, что волевые акты, создающие нормы права, формируются организацией господствующего класса — государством, а не самим господствующим классом в целом. Это законодательные и правительственные органы, суд, санкционирующий применение сложившихся обычаев, и т. д. Право как система юридических норм, действующих в данном государстве, — это продукт сознательной деятельности тех представителей господствующего класса, которым принадлежат нормотворческие функции.

Интересы господствующего класса формируются и выражаются через волю отдельных его представителей, через соответствующие государственные органы, поскольку речь идет об интересах господствующего класса, подлежащих закреплению в нормативной форме. Государствен-

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 45, стр. 112.

ная воля, получившая законодательное закрепление, может быть выражена только такими людьми [1].

Соответствующие волевые акты, направленные на достижение общественно необходимых целей, на удовлетворение потребностей, осознанных в качестве общих интересов коллектива, являются коллективной волей, волей класса, народа. Это означает, что не следует отождествлять понятие воли и понятие общего интереса: между этими понятиями и выражаемыми ими явлениями нет полного соответствия: одно не адекватно другому. Существует объективный, не охватываемый сознанием отдельных индивидов интерес класса, нации, народа, но нет объективной, существующей вне индивидуального сознания воли.

И. Сабо полагает, что «классовая воля и классовые интересы неотделимы друг от друга», поскольку и воля, и интересы объективно обусловлены производственными отношениями [2]. С этим утверждением нельзя полностью согласиться. Классовые интересы надо обнаружить, осознать, понять, и такое понимание, как уже неоднократно подчеркивалось выше (с чем согласен и И. Сабо), вначале доступно лишь меньшинству класса. В дальнейшем понимание своих интересов охватывает и широкие массы класса. Следовательно, едва ли возможно говорить о неотделимости классовой воли и классовых интересов [3]. Не

---

[1] О формировании коллективной, классовой, общенародной воли и о ее выражении в государственной воле и в нормах права см. С. Н. Братусь. Юридические лица в советском гражданском праве, Юриздат, 1947, стр. 14—19; Н. Г. Александров, Сущность права, Госюриздат, 1950, стр. 24—31; И. Е. Фарбер, О сущности права, изд-во Саратовского университета; 1959, стр. 25—39; Б. В. Шейндлин. Сущность советского права, стр. 32—51; Л. С. Явич. Советское право — регулятор общественных отношений в СССР. Сталинабад, 1957, стр. 24—27; С. С. Алексеев, Общая теория социалистического права, вып. первый, стр. 23—29, 128—133; И. О. Иоффе, М. Д. Шаргородский, Вопросы теории права, стр. 46—52; «Общая теория советского права», стр. 3—9; Имре Сабо, Социалистическое право, стр. 35—46.

[2] Имре Сабо, цит. соч. стр. 46.

[3] Имея в виду несовпадение воли и интереса непролетарских трудящихся в первой фазе развития Советского государства, С. Л. Фукс пишет: «Советское право возникает как выражение воли рабочего класса, соответствующей коренным интересам всех трудящихся, но не всегда правильно и достаточно осознанной непролетарскими слоями трудящихся и поэтому не всегда соответствующей их воле» (С. Л. Фукс, Методические вопросы не-

надо превращать классовую волю в нечто метафизическое — в разновидность объективной воли, которую субъекты постепенно познают. Интересы — объективная сторона процесса, воля — субъективная. Лишь в процессе познания классовых интересов формируется и развивается классовая воля.

Сущность права — коллективная (классовая, общенародная) воля

В связи с анализом воли в праве в марксистской литературе по теории государства и права обсуждается вопрос о том, в чем заключается сущность и содержание права. Одни усматривают сущность права в классово-волевом его характере, другие выраженную в праве волю господствующего класса считают содержанием права. Третьи отождествляют сущность права и его содержание [1].

В связи с этой проблемой надо выделить категорию основания [2]. Основание (основа) обусловливает, вызывает к жизни обоснованное. Таким основанием, вызывающим обусловленное (право), являются общественно-производственные отношения, необходимо требующие правового регулирования. Более близким звеном следует считать волевые отношения участников общественного процесса производства, ибо этот процесс невозможен вне волевых актов этих участников. Нормы права закрепляют типичное, необходимое для процесса общественного производства и поддержания условий существования и развития данного общества поведение его членов. Соответствующие требования к надлежащему поведению выражены в юридических нормах.

Следует согласиться с теми правоведами, которые усматривают сущность права в классовой воле, через которую преломляются экономическая и идеологическая структуры данного общества. Не следует объявлять сущностью это основание, ибо право, хотя и определено

риодизации истории Советского государства и права, «50 лет Советской власти и актуальные проблемы правовой науки», Саратов 1967, стр. 43). Но такое несовпадение классовой воли и классового интереса, как об этом сказано в тексте, на определенном этапе развития наблюдается и во взаимоотношении мыслящих представителей класса и его широких масс.

[1] См. об этом И. Е. Фарбер, О сущности права, стр. 45—46.

[2] См. сводку мнений по вопросу о сущности и основании в работе А. П. Шептулина «Система категорий диалектики» («Наука», 1967, стр. 288—303).

основанием — общественно-производственными отношениями, является относительно самостоятельным социальным явлением, имеющим свою сущность и свое содержание. Сущность находится в самом явлении, а не вне его, хотя источником этого явления может быть другое социальное явление.

Классовый характер права и его относительная самостоятельность

Идеологи эксплуататорских классов сознательно или бессознательно игнорировали классовую природу государства и права, характеризуя их как надклассовые явления, как такие социальные феномены, которые присущи любому обществу и необходимы для поддержания и обеспечения жизненных условий существования общества в интересах всего народа. В эпоху борьбы и соревнования двух мировых систем — капиталистической и социалистической — острие буржуазной правовой науки в области государства и права направлено прежде всего против марксистско-ленинского учения об их классовой природе, об исторической обусловленности возникновения и развития этих социальных явлений, об условиях их отмирания в коммунистическом обществе.

Утверждая незыблемость марксистско-ленинского положения о классовом происхождении права, о праве как инструменте классового господства и классовом регуляторе, обеспечивающем охрану и развитие господствующего способа производства и соответствующей надстройки, мы не должны забывать и о других функциях права. Марксистско-ленинское учение о праве должно учитывать реальные факты и дать им надлежащее объяснение.

Прежде всего в любом государстве право, будучи классовым регулятором общественных отношений, тем самым регулирует отношения взаимозависимости между классами. Наряду со специфическими классовыми интересами, охраняемыми правом, оно должно обеспечить и общие условия существования общества, нации, государства в целом и отдельных его членов независимо от их принадлежности к господствующему или эксплуатируемому классу. Без этого не могло бы существовать общество и не мог бы сохранить свое господство стоящий у власти класс.

Здесь достаточно сослаться на необходимость в современных условиях распространения образования, развития

науки, здравоохранения, обеспечения безопасности личности, ее имущества от уголовных на них посягательств, оздоровления условий труда и т. д. Обеспечение этих общих для всех граждан государства условий необходимого при данном уровне развития производительных сил существования, закрепляемое в нормах права, является и необходимым условием сохранения власти в руках господствующего класса.

При оценке роли права как классового регулятора общественных отношений не следует забывать и о таком важном обстоятельстве, как относительная самостоятельность права.

В силу относительной самостоятельности государства и права некоторые государственно-правовые институты, возникшие в условиях прежнего общественного строя, могут быть использованы новым классом, завоевавшим власть, в целях ее утверждения и регулирования новых общественных отношений. Это возможно потому, что указанные институты наполняются новым классово-волевым содержанием, они становится проводниками, инструментами политики нового господствующего класса.

Определение права

Право можно определить как *систему установленных или санкционированных, охраняемых государством общеобязательных норм (правил поведения), выражающих волю господствующего класса (волю всех трудящихся в общенародном социалистическом государстве), являющихся государственным регулятором общественных отношений и обеспечиваемых в случае их нарушения государственным принуждением.* Это наиболее общее и краткое определение права нуждается в пояснении.

В определении нет указания на то, что право обусловливается материальными условиями существования общества, его базисом. Базис является основой, определяющей все надстроечные явления.

В определении говорится об охраняемых государством и обеспечиваемых, в случае их нарушения, государственным принуждением нормах. В понятие охраны включаются все способы поддержания правопорядка, которыми располагает государство, использующее при этом и идеологические факторы — воспитание, убеждение и т. д. Государственное же принуждение как применение санкций осуществляется лишь при нарушении норм права.

Общее понятие права и международное право

Сформулированное выше определение права относится к национальному праву, действующему в государстве. Это определение не может быть полностью распространено на международное право. Субъектами международноправового общения являются суверенные государства независимо от их социально-экономической, классовой структуры. Международное право — система правовых норм, регулирующих экономические, политические, культурные и иные отношения между государствами в процессе их сотрудничества и борьбы. Международно-правовые нормы — это общепризнанные всеми государствами и обязательные для них принципы и правила, регулирующие их отношения, имеющие своим источником обычай или международный договор и гарантируемые индивидуальным или коллективным принуждением государств.

Основу современного международного права составляют общепризнанные демократические принципы и нормы (суверенитет и равноправие государств, неприкосновенность государственной территории, невмешательство во внутренние дела государств, право наций на самоопределение и др.). Социалистические государства борются за подлинное осуществление, развитие и обогащение демократических принципов и норм, за сотрудничество и мирное сосуществование в международном общении. Империалистические государства стремятся использовать те же нормы для достижения своих реакционных целей или, когда это сделать не удается, вовсе отбрасывают, попирают их. В таком применении норм международного права, равно как и в борьбе наций за самоопределение, за независимость и равноправие государств, проявляется классовая борьба в международных отношениях.

Из сказанного вытекает, что принуждение в случае нарушения международно-правовых норм осуществляется по отношению к государству — нарушителю в иных формах: особого надгосударственного аппарата, способного принуждать к соблюдению этих норм, нет, и потому принуждение осуществляется самими государствами, действующими индивидуально или коллективно.

Таким образом, международное право содержит в себе основные признаки права — это система общеобязательных правил поведения, обеспечиваемых в случае их на-

рушения принуждением. Но механизм образования этих правил, содержание регулируемых ими отношений, равно как и механизм принуждения к соблюдению этих норм, характеризуются рядом особенностей, не подпадающих под приведенное выше общее определение права.

§ 3. СОДЕРЖАНИЕ И ФОРМА ПРАВА

Содержание права

В литературе по общей теории государства и права имеются разнообразные взгляды по поводу того, что считать содержанием права[1]. Некоторые полагают, что содержанием права является государственная воля, выраженная в праве, и тем самым отождествляют его содержание с сущностью. Другие приходят к выводу, что содержанием права является поведение членов общества. Третьи специфическим, непосредственным содержанием права признают правила поведения, в которых выражена государственная воля. Четвертые утверждают, что право имеет сложное содержание, состоящее из совокупности различных элементов — материальных и идеологических, находящихся в диалектической внутренней связи. Такова позиция Б. В. Шейндлина. Опираясь на нее, И. Сабо пришел к выводу, что подобная трактовка содержания права «в конце концов приводит к обусловленности права экономическими факторами и к его волевому характеру, что

[1] См. о содержании и форме права Е. В. Пашуканис, Общая теория права и марксизм, изд. 2-е, М., 1926; А. И. Денисов, Теория государства и права, Юриздат, 1948, стр. 293—294; Л. С. Явич, Советское право — регулятор общественных отношений в СССР, стр. 21—29; И. Е. Фарбер, О сущности права, стр. 45—49; «Общая теория советского права», стр. 40—47 (автор соответствующего параграфа С. Н. Братусь); Б. В. Шейндлин, Сущность советского права, стр. 16—25; О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородский, Вопросы теории права, стр. 52—55, 132—148; С. С. Алексеев, Общая теория социалистического права, вып. первый, стр. 26—29; А. Пионтковский, К методологии изучения действующего права («Ученые записки ВИЮН», вып. VI, М., 1947, стр. 29—31); С. Студеникин, Советская административно-правовая наука и ее применение (автореферат дисс. на соискание ученой степени докт. юрид. наук), ВЮА, 1949, стр. 16; Д. А. Керимов, Законодательная деятельность Советского государства, Госюриздат, 1955, стр. 85 и сл.; Г. А. Белов, О содержании и форме социалистического права («Советское государство и право» 1964 г. № 12).

составляет два основных, существенных элемента понятия права». Поэтому И. Сабо считает, что, говоря о понятии права и о его содержании, «тем самым мы вновь возвращаемся к вопросу о сущности права», что «содержание права должно быть отражено в понятии права в столь общей форме, когда *элементы содержания практически совпадают с элементами сущности*»[1]. (Курсив наш. — *С. Б.*).

Если содержание права как конкретизированная обогащенная его сущность вбирает в себя процессы, связанные с его воздействием на общественные отношения, то это содержание включает в себя не только то, что является сущностью права — воплощенную в нем волю господствующего класса, но и ее конкретизацию — государственную волю. Несомненно также, что в содержание права входят и предусмотренные его нормами как государственными велениями должное и возможное поведение людей. Как вывод из последнего следует признать, что в содержание права входит его регулятивная функция — его воздействие на общественные отношения, осуществляемое путем воздействия на поведение людей.

Но из этого не вытекает, что в содержание права надо включать все материальные и идеологические отношения, определяющие возникновение и развитие права и взаимодействующие с ним. Право — качественно отличная, самостоятельная форма движения[2]. Оно воздействует на волю, поведение людей и только таким путем, опосредованно, регулирует производственные отношения, которые как предпосылка и итог общественно-производственной деятельности людей независимы от их сознания и воли.

Форма права

В юридической литературе нет единства относительно того, что следует понимать под формой права. Ответ на этот вопрос определяется тем, что тот или иной автор считает содержанием права: те, кто считает, что содержание — это государственная воля, полагают, что форма — это юридические нормы. Если же содержанием признаются юридические

[1] Имре Сабо, Социалистическое право, стр. 68.

[2] По-видимому это понимал и Б. В. Шейндлин, указывая на то, что эти элементы (материальные, идеологические) преломляются через государственную волю господствующего класса. (Б. В. Шейндлин, Сущность советского права, стр. 25).

нормы, то их формой именуют источники права, различающиеся по их юридической силе (например, закон, указ, постановление в советском праве) [1].

Право обычно определяется как нормативная форма выражения, закрепления, развития и т. д. господствующих в данном обществе производственных и иных общественных отношений. Вместе с тем право, безусловно, имеет свое собственное содержание.

И поэтому приходится вновь обнаруживать специфическое содержание у права, провозглашенного формой производственных отношений.

Мы полагаем, что правильный ответ на вопрос о соотношении содержания и формы дают те философы, которые понимают форму как систему относительно устойчивых связей элементов содержания вещи, как структуру всех свойственных ей процессов. Если форма — структура вещи, то содержание и форма — это не различные явления, форма органически связана с содержанием. Однако поскольку форма как структура относительно устойчива, а содержание непрерывно меняется, форма, по общему правилу, — консервативное начало по отношению к содержанию. С другой стороны, форма способствует развитию и обогащению содержания до определенного момента, пока данное содержание не переросло данную форму. После этого возникает скачок, содержание сбрасывает старую форму, возникает новая форма и охарактеризованный процесс взаимосвязи содержания и формы вновь повторяется.

Если такое философское решение проблемы соотношения содержания и формы является верным, оно должно быть верным и для права. Необходимо, однако, учитывать закономерности развития права как общественного явления. Форма в праве — не нечто внешнее по отношению к содержанию, это структура нормы

[1] По мнению Н. Г. Александрова, формой права являются формы выражения юридических норм, т. е. нормативные акты (см., например, его статью «К критике пережитков буржуазной идеологии в определении права», «Советское государство и право» 1948 г. № 10, стр. 48; см. также «Основы теории государства и права», Госюриздат, 1963, стр. 35—40, § 5 гл. 1 — автор Н. Г. Александров). О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородский считают, что «нормативные акты государства составляют внешнюю, а нормы — внутреннюю форму права» («Вопросы теории права», стр. 54).

права и структура права как законченной совокупности (системы) норм.

Для нормы права как части целого (системы права данного общества) формой является устойчивая связь (структура) элементов нормы — гипотезы, диспозиции и санкции. Для права как совокупности (системы) норм формой является устойчивая взаимосвязь между отдельными отраслями права, образующими в своем единстве, в своей целостности систему права данного общества. Это означает, в частности, что нормы права, входящие в систему права данного общества, являются содержанием права как системы: эти нормы в своем единстве воплощают государственную волю как конкретизированную волю господствующего класса (волю народа в общенародном государстве). Вместе с тем отдельно взятая норма, в свою очередь, как видно из сказанного, имеет свое содержание и свою форму: содержание — обязательный масштаб поведения, форма — структура нормы [1].

Соотношение содержания и формы в праве

Но ответ на вопрос о том, какова диалектика содержания и формы в праве, был бы неполным, если бы мы ограничились сказанным. Возникают и другие, более сложные вопросы, привлекающие внимание правоведов. Как указывалось выше, наступает момент, когда развитие конфликта между содержанием и формой приводит к тому, что первое сбрасывает последнюю. При этом надо учитывать два важных обстоятельства. На одно из них обратил внимание Гегель: форма, будучи структурой содержания, вместе с тем представляет собой нечто *внешнее* ему. Когда форма выступает в своем первом качестве (как структура содержания), она сливается с содержанием (поэтому трудно представить себе юридическую норму вне ее структуры — связи трех ее элементов). В этом случае форма как способ построения содержания выступает в качестве общего принципа внутренней связи элементов, образующих содержание явления

---

[1] О форме права как о структуре его содержания см. Б. В. Шейндлин, Сущность советского права, стр. 83—100; «Теория государства и права», изд-во МГУ, 1967, стр. 78—79. Наряду с этим в указанных работах нормативные акты, их систематизация рассматриваются как внешние формы права.

или данного круга явлений. Когда же форма выходит вовне, она как бы отделяется от содержания и становится к нему безразличной[1]. Так, отвлекаясь от содержания имеющихся в гипотезе реальных фактов и обстоятельств, обусловливающих правило поведения — диспозицию, отвлекаясь от классово-волевого веления или дозволения, содержащегося в диспозиции, от связанной с этим специфики содержания санкции, мы можем рассматривать трехчленную структуру нормы как модель любой нормы независимо от ее содержания.

Точно так же дело обстоит и с системой права как совокупностью норм, действующих в данном обществе, и с отдельной отраслью права, входящей в систему. Деление права данного государства на определенные отрасли, отличаемые одна от другой по предмету регулирования, т. е. по определенным общественным отношениям, связано и с различием способов (методов) регулирования, вытекающих из предмета (например, равноправие субъектов в гражданском праве — отношение власти и подчинения в административном праве). Эти способы (методы) входят во внутреннюю структуру отрасли права, а в своем взаимодействии и в структуру системы права в целом. В литературе поэтому указанные способы нередко именуют формами правового регулирования. Вместе с тем эти формы можно рассматривать и как отделившуюся от содержания и безразличную по отношению к нему форму. Не случайно некоторые авторы в дискуссии о системе советского права пытались построить различие между его отраслями, исходя не из специфики содержания регулируемых ими отношений, а из метода (формы) регулирования.

Другое обстоятельство, относящееся к условиям «сбрасывания» формы в связи с развитием нового содержания, поскольку речь идет о правовых явлениях, состоит в следующем.

Во-первых, такое сбрасывание формы права в целом происходит лишь при смене социально-экономических формаций, когда меняется базис, а вслед за ним меняет-

[1] «Мы здесь имеем удвоение формы: во-первых, она, как рефлектированная внутрь себя, есть содержание; во-вторых, она, как не рефлектированная внутрь себя, есть внешнее, безразличное для содержания существование» (Гегель, Соч., т. I, М., 1930, стр. 224).

ся надстройка, следовательно, и право как элемент надстройки. Такова замена феодального права буржуазным после завоевания буржуазией государственной власти, такова революционная замена буржуазного права правом социалистическим после установления диктатуры пролетариата. Во-вторых, так как элементы старого содержания остаются и в новой экономической формации, хотя и трансформированные в связи с утверждением нового способа производства (например, товарное производство с вытекающими из него закономерностями), то сохраняются и видоизменяются элементы старой формы, определенные структуры в соответствующих процессах нового содержания.

Такова, например, договорная форма движения товарной продукции, опосредствующая общественное разделение труда. Различное классово-волевое содержание, выраженное в договоре, обнаруживается, если анализировать каждую из правовых систем, действующих в обществе капиталистическом и в обществе социалистическом. При этом надо обратить особое внимание на те правовые институты, которые закрепляют социально-классовую природу политической власти, ее экономические основы (как собственность, так и связанные с нею производственные отношения), уголовно-правовую охрану политического и экономического господства класса (народа) и т. д.

Попытки же при анализе содержания и формы отдельного правового явления, соотносящегося как часть к целому — к системе данного права или как отдельное, единичное к общему, обнаружить принципиальное различие между формой этого явления, существовавшего при ранее действовавшей системе права, и формой одноименного явления, включенного в новую систему права, в большинстве своем обречены на неудачу. Едва ли, например, пока существует право, можно отказаться от трехчленной структуры правовой нормы. Некоторые же авторы исходят из неправильного предположения, что отдельно взятая норма социалистического права должна быть и по содержанию и по форме принципиально отлична от нормы буржуазного права. Но это невозможно, если говорить даже не о форме, а о содержании отдельно взятой нормы. И в буржуазном государстве, и в го-

сударстве социалистическом, поскольку, например, речь идет о вещах, могущих находиться в индивидуальной собственности (частной — в буржуазном государстве, личной — в социалистическом), содержанием нормы в договоре купли-продажи является обязанность продавца передать вещь в собственность покупателя — обязанность покупателя — уплатить продавцу соответствующую денежную сумму — стоимость вещи [1].

Таким образом, относительная самостоятельность формы заключается в том, что она в целом не реагирует автоматически на любое изменение содержания, а также на определенную степень этого изменения. Устойчивостью и относительной самостоятельностью внешней формы объясняется и тот факт, что при определенных условиях новое содержание может использовать старые формы.

Но если элементы старой формы живут, то это означает, что они какими-то своими чертами отражают и соответствующие черты нового содержания, в чем-то ему соответствуют.

Не следует пренебрегать, учил В. И. Ленин, старыми формами, если они могут быть приспособлены для развития нового содержания. Критикуя левых доктринеров, отрицавших возможность использования пролетариатом в борьбе за власть, за социализм старых форм, В. И. Ленин указывал на то, что такое могучее содержание работы «может и *должно* проявить себя в любой форме, и новой и старой, может и должно переродить,

---

[1] В связи с изложенным выше нельзя признать удачными попытки некоторых авторов включить в понятие права различного рода призывы, декларации, пожелания, не имеющие нормативного содержания. Неудачна также и попытка этих авторов опровергнуть трехчленную структуру правовых норм, регулирующих хозяйственное и культурное строительство в СССР на том основании, что в ряде этих норм якобы нет гипотезы, нет обязывания, запрещения, управомочия, а ставится определенная задача и указывается на результат, который должен быть достигнут (см., например, С. А. Голунский, К вопросу о понятии правовой нормы в теории социалистического права, «Советское государство и право» 1961 г. № 4, стр. 23—25). В действительности постановка таких задач нисколько не устраняет трехчленную структуру правил поведения, призванных обеспечить решение этих задач. Если же такие правила поведения отсутствуют, то указание на задачу остается призывом, пожеланием, лишенным юридического содержания.

победить, подчинить себе все формы, не только новые, но и старые»[1].

Термин «правовая форма» нередко употребляется и для обозначения права как самостоятельного социального явления, а не для обозначения формы права в отличие от его содержания[2]. Отдельные старые законы, использованные новой властью, нельзя рассматривать лишь как форму права. Закон — единство содержания и формы. Новая власть может использовать отдельные законы, потому что их содержание и форма не вступали в противоречие с социально-классовой основой нового общества, с новым содержанием политической власти. Но при всем этом необходимо иметь в виду главное: эти институты, включаясь в новую систему права, изменяют свою социально-классовую направленность, становятся элементами новой системы.

Использование элементов старой формы в праве или даже отдельных старых законов не означает, что форма остается неприкосновенной, не изменяется. Старая форма в процессе развития новых отношений переделывается, видоизменяется, обогащается новыми чертами, определяемыми новым содержанием. Необходимо иметь в виду, что позднее устаревает форма, составляющая наиболее общие структурные черты данного содержания, раньше — форма, в которой эти черты конкретизированы, фиксируют более конкретные процессы. Так, договор поставки, опосредствующий товарный оборот между предприятиями и иными организациями в социалистических странах, в самой общей форме может быть определен как вид договора купли-продажи. Но если углубиться в содержание этого договора, в конкретные процессы, его составляющие, то мы обнаружим такие, которые свойственны ему как социалистическому договору, социально-служебное назначение которого принципиально отлично от договора купли-продажи в буржуазном праве, что и закреплено в структурных чертах договора поставки (соотношение плана и договора, особенности соотношения исполнения договоров и убытков, убытков и неустойки т. д.).

---

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 89.

[2] См. об этом О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородский, Вопросы теории права, стр. 133.

Относительная свобода воли личности и право

В связи с проблемой правового регулирования необходимо также выяснить соотношение государственной воли, выраженной в нормах права, с теми волевыми актами, которые в рамках, определенных этими нормами, исходят от участников общественных отношений, регулируемых правом.

Каковы границы действия права на поведение людей, учитывая, что с точки зрения марксизма-ленинизма воля человека детерминирована объективными условиями его жизни, объективно существующими общественными отношениями?

Этого вопроса мы уже касались выше, но здесь необходимо к нему вернуться в связи с тем, что проблема свободы воли продолжительное время освещалась в нашей литературе главным образом в связи с трактовкой свободы как познанной необходимости. Но известно, что человек может сознательно использовать познанные им объективные законы природы или общества во вред охраняемым правом интересам общества и интересам его отдельных членов. Человеческая воля детерминирована объективной действительностью, однако в этой действительности заложена возможность различных вариантов поведения. Этим и обусловливается возможность выбора определенного поведения. Следовательно, относительная свобода выбора действий для достижения поставленных целей сохраняется за личностью как в тех случаях, когда она не познала необходимость, вытекающую из объективного закона, так и в тех случаях, когда такая необходимость познана. Для права же имеет значение именно эта сторона относительной свободы человека, ибо нормы права охраняются в случае их нарушения принудительной силой государства. А это означает, что к лицу, нарушающему норму права, применяется санкция — для него наступают невыгодные последствия (личные или имущественные).

Нарушитель правового предписания несет ответственность. С ответственностью связано понятие вменяемости, вины. Эти категории связаны с категорией относительной свободы воли, т. е. возможностью выбора человеком

определенного поведения для достижения поставленных им целей. Поэтому Энгельс говорил, что невозможно рассуждать о морали и праве, не касаясь, в частности, вопроса о вменяемости, о так называемой свободе воли [1]. В. И. Ленин указывал, что идея детерминизма, устанавливая необходимость человеческих поступков, не уничтожает ни разума, ни совести человека, ни оценки его действия [2].

Регулирование правом общественных отношений путем воздействия на сознание и волю людей с вытекающим отсюда установлением ответственности за противоправные поступки не исключает, однако, возможности применения категории ответственности и при отсутствии вины нарушителя нормы права в тех областях правового регулирования, которые направлены на обеспечение нормального функционирования экономических отношений данного общества.

Речь идет об имущественных отношениях, связанных с действием закона стоимости, с товарным хозяйством. Эквивалентно-возмездный характер этих отношений, необходимость восстановления имущественной сферы лица, чьи материальные интересы неосновательно нарушены, влекут за собою в ряде случаев и ответственность без вины. Это положение действует не только в эксплуататорских формациях, опирающихся на частную собственность на средства производства, но и в социалистическом обществе — в первой фазе коммунизма, где в сфере производственной господствует общественная собственность, однако охраняются и используются товарно-денежные отношения.

Таковы, в частности, предусмотренные нормами гражданского права, регулирующего связанные с действием закона стоимости имущественные отношения, случаи безвиновной имущественной ответственности за вред, причиненный здоровью и жизни лица источниками повышен-

---

[1] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 115; т. 21, стр. 82.

[2] См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 159, 440. О свободе воли как предпосылке правового регулирования и юридической ответственности см. «Общая теория советского права», стр. 17—21; Н. Г. Александров, Законность и правоотношения в советском обществе, стр. 81—82; И. Е. Фарбер, О сущности права, стр. 21—25.

ной опасности, некоторые случаи безвиновной ответственности за убытки, причиненные нарушением договорных обязательств, опосредствующих товарный оборот.

Объективная социальная значимость безвиновных правонарушений такова же, как и виновных правонарушений: это общественно вредное действие, противоречащее нормам права[1]. И в указанных случаях речь идет о воздействии права на поведение людей. Адресатом этого поведения прежде всего является тот, чьи имущественные интересы были нарушены. Это лицо прекрасно осознает действие восстановительной (компенсационной) функции гражданского права. Но и тот, кто несет ответственность без вины (например, владелец источника повышенной опасности — железная дорога, собственник автомобиля и др.), должен сообразовать свое поведение с законом, определяющим условия этой безвиновной ответственности.

Сказанное нисколько не противоречит тому положению, что право как совокупность норм существует независимо от сознания и воли отдельного человека. Выше было дано обоснование и разъяснение этого положения, с которым связан следующий важный принцип: незнание закона, по общему правилу, не освобождает от ответственности лицо, его нарушившее.

Основные черты содержания правового регулирования

Первой чертой (элементом) правового регулирования общественных отношений[2] является обеспечиваемая последним нормами права устойчивость, относительная стабильность. Юридические нормы обеспечивают эту стабильность, устанавливая определенные рамки

---

[1] См. И. С. Самощенко, Понятие правонарушения по советскому законодательству. «Юридическая литература», 1963, стр. 16, 103. И. С. Самощенко, имея в виду предусмотренные гражданским правом случаи ответственности за безвиновные правонарушения, именует последние внешнепротивоправными деяниями (там же, стр. 133).

[2] О праве как регуляторе общественных отношений см. Л. С. Явич, Советское право — регулятор общественных отношений в СССР; его же, Проблемы правового регулирования советских общественных отношений, Госюриздат, 1961; С. С. Алексеев, Механизм правового регулирования в социалистическом государстве; «Общая теория советского права», стр. 169—191; Б. В. Шейндлин, Сущность советского права, стр. 108 и сл.; Н. Г. Александров, Сущность права, стр. 32—43; его же, Право и законность в период развернутого строительства коммунизма, стр. 183—213; О. С. Иоффе, Юридические нормы и человеческие

поведения людей, определяя их права и обязанности в данных однотипных жизненных ситуациях. Общественные отношения складываются в итоге многочисленных, повторяющихся, сознательных, волевых действий индивидуумов и организованных коллективов-участников экономических и иных социальных процессов. Эти действия обусловлены, как мы уже знаем, объективными закономерностями, предпосылками и результатами общественного процесса производства, складывающимися независимо от воли его участников. Однако сами участники обладают относительной свободой воли, чем определяются возможность и необходимость правового регулирования этих процессов.

Устанавливая твердые границы указанных действий, юридические нормы направляют поведение соответствующих лиц так, чтобы обеспечить становление, закрепление, упрочение и развитие господствующего способа производства, равно как и вытекающих из него имущественных, политических, организационных, культурных и иных общественных отношений.

Регулировать — значит упорядочивать что-либо, воздействовать на определенный объект таким образом, чтобы ввести его в определенные рамки.

Правовое регулирование влечет за собою создание в соответствии с государственной волей, выраженной в нормах права, твердых рамок должного и возможного поведения индивидов и организованных коллективов — субъектов правового общения. Сама многократная повторяемость этого поведения и тем самым повторяемость соответствующих однородных общественных отношений, их стандартизация представляют уже важный элемент упорядочения и тем самым регулирования этих отношений. На это обратил внимание К. Маркс.

«Урегулированность и порядок,— писал он,— являются именно формой общественного упрочения данного способа производства и потому его относительной эмансипа-

---

постулки («Актуальные вопросы советского гражданского права», «Юридическая литература», 1964, стр. 16—24); С. Н. Братусь, Имущественные и организационные отношения и их правовое регулирование в СССР («Вопросы общей теории советского права», стр. 69—79); А. С. Пиголкин, Правовая норма — регулятор общественных отношений («Ученые записки ВИЮН», вып. 17. М., 1963).

ции от просто случая и просто произвола. Он достигает этой формы при застойном состоянии как процесса производства, так и соответствующих ему общественных отношений, посредством простого возобновления их воспроизводства. Если форма просуществовала в течение известного времени, она упрочивается как обычай и традиция и, наконец, санкционируется как положительный закон»[1]. Здесь же Маркс делает и более общий вывод о том, что «регулярность и порядок сами суть необходимый момент всякого способа производства, коль скоро он должен приобрести общественную устойчивость и независимость от простого случая или произвола»[2].

Хотя речь здесь идет о воспроизводящихся способах производства и соответствующих им общественных отношениях, однако правовое регулирование не сводится лишь к закреплению и тем самым к упрочению воспроизводящихся отношений. Право, будучи частью надстройки над экономическим базисом, обладает, как отмечалось, относительной самостоятельностью. Оно активно воздействует на экономические и иные общественные отношения, способствует их развитию в направлении, соответствующем интересам господствующего класса, или задерживает развитие отношений, противоречащих этим интересам.

Право не создает из ничего новых общественных отношений, но содействует их становлению, если для этого имеются соответствующие объективные предпосылки. Это означает, что право не только закрепляет уже сложившиеся отношения, но и способствует зарождению тех отношений, к которым законодатель сознательно стремится. Подобное содействие становлению новых отношений входит также в содержание понятия правового регулирования в качестве его второй составной черты[3].

Нормы права не только содействуют становлению новых отношений, но, после того как такие отношения юридически закреплены, способствуют их упрочению и развитию, что является третьей чертой (элементом) правового регулирования. Правильно сформулированный закон, выражающий необходимые стороны и тенденции развития

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. II, стр. 355—357.
[2] Там же, стр. 356.
[3] Конкретные примеры этого в такой важной области, как экономические отношения, см. гл. XI.

данного вида общественных отношений, обеспечивает полное использование тех возможностей, которые заложены в самих отношениях. Но издание закона — это лишь первый, начальный шаг. Более трудная и важная задача — реализация закона, осуществление его на деле. Лишь после того, как в процессе применения закона полностью разовьются те отношения, которые он был призван регулировать, можно говорить о том, что правовое регулирование достигло своей цели.

После того как закон в связи с изменившимися условиями исчерпал себя, он должен быть заменен новым законом или изменен. Поэтому в рамках любого общественного строя при существовании государства и права продолжает развиваться и обновляться, совершенствоваться законодательство, имеющее своей целью укрепление этого строя. Устаревшие правовые институты заменяются новыми. Но подобные изменения не нарушают системы данного права в целом, его классовой сущности.

Социалистическое право играет прогрессивную роль в деле социалистического и коммунистического переустройства общества. Но и в социалистическом государстве отдельные правовые институты могут отставать от жизни, от новых возникающих потребностей. С этим связана необходимость постоянного совершенствования законодательства — его своевременного обновления и в социалистических странах.

Определение правового регулирования в науке

В настоящее время большинство советских юристов признают за правом свойство быть регулятором общественных отношений. Многие авторы, раскрывая содержание правового регулирования, делают упор на то, что право как регулятор общественных отношений устанавливает рамки, в которых они движутся и развиваются, закрепляет их порядок. «Регулирующая роль правовых норм, — пишет, например, И. С. Самощенко, — выражается как в том, что субъект права действует в соответствии с их предписаниями либо требует соответствующего поведения от других лиц или органов, так и в том, что нарушение нормы права вызывает принудительное воздействие государства на нарушителя». Отсюда делается вывод, что правовая норма является одновременно как масштабом (эталоном) для поведения соответствующих субъектов и их правомерных требований к другим лицам, так и мерилом

оценки фактического поведения в качестве правомерного или неправомерного [1].

Л. С. Явич также исходит из того, что специфика правового регулирования состоит в наделении субъектов регулируемых отношений правами и в установлении их юридических обязанностей. Вместе с тем Л. С. Явич подчеркивает, что таким путем право выполняет не только функцию охраны существующих общественных отношений, но и определяет известное направление их развития, способствует созданию условий для их возникновения и устанавливает преграды общественным отношениям, противоречащим экономическим и политическим интересам правящего класса (народа) [2].

Вместе с тем ряд советских авторов, анализировавших содержание правового регулирования, на наш взгляд, правильно отмечают, что все многообразные формы воздействия права на поведение отдельных людей и организованных коллективов нельзя отождествлять с юридическим

---

[1] «Общая теория советского права», стр. 169.

[2] См. Л. С. Явич. Проблемы правового регулирования советских общественных отношений, стр. 28—29. На тех же позициях стоит и С. С. Алексеев, включающий в содержание правового регулирования: а) упорядочение и закрепление господствующих отношений, б) вытеснение из жизни общества чуждых общественных отношений. Вместе с тем С. С. Алексеев считает, что нельзя сводить правовое регулирование только к установлению определенных «границ», «пределов» поведения людей, внесению порядка в их отношения, ибо это суживает содержание правового регулирования — ту его функцию, которая состоит в содействии развитию новых общественных отношений (С. С. Алексеев, Механизм правового регулирования в социалистическом государстве, стр. 9—11). С последним утверждением трудно согласиться: и в тех случаях, когда право содействует становлению и развитию новых общественных отношений, оно достигает этого путем установления определенных рамок, границ человеческого поведения, закрепленного в правах и в обязанностях. По этим соображениям, нельзя также согласиться и с допускаемым С. А. Голунским противопоставлением правового регулирования, рассматриваемого как упорядочение существующих, сложившихся отношений, тому воздействию норм права, в результате которого возникают новые отношения (С. А. Голунский, О творческой революционной роли социалистического права в период развернутого строительства коммунизма, «Советское государство и право» 1961 г. № 10, стр. 41—44). Кроме того, как уже было указано, лишь государство посредством норм права санкционирует и тем самым помогает утверждению отношений, которые до такого санкционирования находились лишь в процессе своего становления.

регулированием общественных отношений, понимаемым как установление прав и обязанностей соответствующих субъектов этих отношений. Так, воспитательная функция права (одна из форм его воздействия на сознание человека) не входит в содержание правового регулирования [1].

Большинство советских авторов справедливо полагают, что нельзя правовое регулирование сводить только к реализации норм права в правоотношениях [2]. Можно согласиться с утверждением Б. В. Шейндлина, что под правовым регулированием надо понимать все формы юридического воздействия на поведение людей — путем издания норм права, их применения органами государства и обеспечения их реализации в конкретных отношениях [3], если все указанные виды воздействия связаны с установлением и осуществлением юридических прав и обязанностей тех лиц, которым адресованы правовые нормы.

В настоящее время можно считать преодоленными те сомнения, которые возникали у некоторых авторов по поводу обоснованности трактовки права как регулятора общественных отношений и сводились к тому, что регулятором отношений являются объективные экономические законы, управляющие общественным производством. Право же с этой точки зрения только обеспечивает порядок общественных отношений [4]. Такое утверждение покоилось на непонимании того, что право регулирует производствен-

---

[1] См. об этом Л. С. Явич, Проблемы правового регулирования советских общественных отношений, стр. 26—27. На тех же позициях стоит А. В. Мицкевич: «Воспитание (в отличие от регулирования), — правильно отмечает он, — не специфическая функция права в советском обществе, а то общее, что объединяет его с другими идеологическими средствами воздействия на сознание людей» («Общая теория советского права», стр. 12).

[2] К такому «обуженному» понятию правового регулирования пришел А. К. Стальгевич в статье «Некоторые вопросы теории социалистических правоотношений» («Советское государство и право» 1967 г. № 2, стр. 24—25); см. также Ю. К. Толстой, Рецензия на книгу Л. С. Явича «Советское право — регулятор общественных отношений в СССР» («Правоведение» 1958 г. № 4, стр. 121).

[3] См. Б. В. Шейндлин, О характере служебной роли советского социалистического права, «Ученые записки ЛГУ» (201), вып. 7, 1955, стр. 59; его же, Сущность советского права, стр. 110.

[4] См., например, выступление С. М. Потапова («Советское государство и право» 1940 г. № 8—9, стр. 201).

ные и иные общественные отношения не непосредственно, а путем воздействия на поведение, на волю их участников. Хотя общественные отношения и проявляются в действиях, в поведении людей, однако они не сводятся к сумме этих действий, а выступают как объективный, не зависящий от сознания отдельного человека результат множества перекрещивающихся актов поведения [1].

Несколько иную позицию, отличающуюся от взглядов, господствующих в настоящее время в советской правовой литературе по поводу содержания правового регулирования, занимает венгерский ученый Имре Сабо. Он считает, что «главным содержанием любого права является охрана экономических, политических и других интересов господствующего класса» и что поэтому, когда право «регулирует» производственные отношения в соответствии с интересами господствующего класса, оно в действительности лишь охраняет их» [2].

Конечно, охрана является элементом регулирования. Но это такой элемент, который характеризует само право как систему общеобязательных норм, обеспеченных в случае их нарушения государственным принуждением. Суть же правового регулирования как положительного воздействия права на общественные отношения заключается в их закреплении, стабилизации, упрочении, в содействии становлению и развитию новых отношений. Если правовое регулирование лишь охрана, то можно ли говорить тогда об обратном воздействии права на экономические и иные общественные отношения? Впрочем, страницей выше И. Сабо сам ссылается на ленинское определение права при социализме как регулятора распределения продуктов и распределения труда между членами общества [3].

---

[1] См. об этом С. Н. Братусь, Предмет и система советского гражданского права, Госюриздат, 1963, стр. 11—15; «Общая теория советского права», 1966, стр. 16, 21, 22; Н. Г. Александров, Правовые и производственные отношения в социалистическом обществе («Вопросы философии» 1957 г. № 1, стр. 45).

[2] Имре Сабо, Социалистическое право, стр. 66.

[3] См. там же, стр. 65.

Глава десятая

СООТНОШЕНИЕ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

§ 1. Общие закономерности соотношения государства и права. § 2. Общее и особенное в соотношении социалистического государства и права.

§ 1. ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ СООТНОШЕНИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Неразрывная связь государства и права

Государство и право — различные социальные явления. Государство — определенная форма организации общества, право — система правил поведения, обладающих качествами, отличающими их от других видов социальных норм. Формы связи между государством и правом неоднозначны. Общие закономерности их соотношения поразному проявляются в конкретных исторических условиях каждой эпохи, каждой страны. Эти закономерности не всегда очевидны; они не лежат на поверхности; их определение требует анализа глубинных процессов, восхождения от явления к сущности. Вместе с тем различия в проявлениях закономерностей, лежащие на поверхности, видны невооруженным глазом и создают условия для такой трактовки соотношения государства и права, в которой искажаются действительные, реально существующие отношения. Вопрос о соотношении государства и права — один из пунктов острой идеологической борьбы. Вот почему имеет большое значение раскрытие закономерностей этого соотношения, их проявлений в конкретных исторических условиях.

Проблема соотношения государства и права может найти подлинное научное разрешение лишь на основе учения марксизма-ленинизма о соотношении базиса с поли-

тической и правовой надстройкой. И государство, и право относятся к надстройке. Они определяются базисом и вместе с тем оказывают обратное воздействие на базис [1]. Направление, содержание, характер и эффективность этого воздействия в значительной мере зависят от типа государства и права. Государство и право как часть надстройки занимают в ней особое место. Как уже отмечалось в предыдущих главах, это явления, свойственные исключительно классовому обществу. В то время, как некоторые другие части надстройки (религия, мораль, искусство) могут существовать и в бесклассовом обществе, государство и право возникают лишь с разделением общества на классы и отомрут, когда будет создано новое коммунистическое общество, не знающее классового деления [2].

Государство и право как элементы надстройки отличаются также и тем, что в обществе с антагонистическими классами они являются орудием господствующего класса. В результате классовой борьбы возможно известное воздействие подавляемых классов на политику господствующего класса, что может найти отражение в деятельности государства и некоторых правовых нормах. Однако такое изменение государственно-правовой надстройки — только вынужденная уступка господствующего класса, необходимость которой осознана им и реализована в политике.

Характерной чертой государства и права как элементов надстройки является и значительная эффективность их воздействия на жизнь общества.

Отмеченные особенности государства и права как элементов надстройки свидетельствуют об их неразрывной связи. Действительно, государство добивается осуществления своей воли, выражая ее как закон, установленный властью. Для того чтобы действовать, осуществлять свою политику, добиваться решения поставленных задач, государство должно устанавливать соответствующие адекватные правовые нормы и добиваться их выполнения. Со своей стороны право необходимо предполагает наличие государственной власти, обеспечивающей его соблюдение, и существование аппарата, способного в случае

---

[1] Об особенностях государства и права как элементов надстройки см. М. А. Аржанов, Государство и право в их соотношении, изд-во АН СССР, 1960, стр. 16—45.

[2] См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 33, стр. 6—7, 90—91.

необходимости принуждать к соблюдению норм права. Таким образом, невозможно существование государства без права, так же как и права без государства. Эти общественные явления органически связаны друг с другом.

Поскольку государство и право обусловлены данным экономическим базисом, эти общественные явления по своей классовой природе всегда однотипны. Они служат классу (или классам), стоящему у власти, и это определяет характер государства и права каждого данного периода и каждой данной страны, определяет их неразрывную связь. Положение о неразрывной связи государства и права, обусловленной их местом в политической и правовой надстройке, является общепризнанным в советской юридической литературе [1].

Наоборот, характерным для буржуазных теорий соотношения государства и права является противопоставление государства праву. В одних случаях буржуазные ученые пытаются доказать примат государства над правом, в других — примат права над государством, но в принципе все их теории исходят из ненаучного представления о государстве и праве как об изолированных явлениях, которые могут быть противопоставлены друг другу. Ненаучность буржуазных теорий определяется также и тем, что в них игнорируется или извращенно толкуется зависимость государства и права от экономического базиса, отрицается классовый характер государства и права.

Соотношение государства и права — один из наиболее острых вопросов правовой теории. Особое значение этот вопрос приобретает в период, когда капиталистические производственные отношения созрели в недрах феодального общества, а феодально-абсолютистское государство было еще господствующей формой организации общества. В этот период представители школы естественного права, выдвигая идею о том, что право присуще самой природе человека, тем самым обосновывали требование передачи

---

[1] См. М. А. Аржанов, цит. соч.; Н. Г. Александров, Право и законность в период развернутого строительства коммунизма; «Общая теория государства и права», стр. 115—125; С. С. Алексеев, Общая теория социалистического права, вып. первый, стр. 68—74; «Основы теории государства и права», 1963, стр. 40—43; «Общая теория советского права». стр. 3—15; П. О. Недбайло, Основи теорії держави і права, Київ, 1959, стр. 46 и сл.

власти буржуазии, и теории, исходящие из примата права над государством, имели прогрессивный характер. Это была одна из форм борьбы развивающейся буржуазии против феодально-абсолютистского государства. Выступая как восходящий класс, который свой классовый интерес представляет как общий интерес, буржуазия выдвигала лозунги всеобщего равенства, справедливости и т. п. Другое дело, что в дальнейшем, когда буржуазия стала победившим классом, с очевидностью выявился декларативный характер этих лозунгов, но в период борьбы с феодально-абсолютистским государством они выражали интересы широких масс. Идеи естественного права и, в частности, подчинения государства праву сыграли большую роль в формировании прогрессивных взглядов передовых людей в России в XVIII и начале XIX века.

Противопоставление права государству и примат права над государством обосновывались также и представителями «исторической школы права». Но здесь это противопоставление носило реакционный характер. Пытаясь представить право как олицетворение «народного духа», как проявление народного правосознания, представители исторической школы прикрывали тем самым классовый характер права, оправдывали формы феодальной эксплуатации и освящали ее авторитетом веками сложившихся обычаев. «Школа, которая подлость сегодняшнего дня оправдывает подлостью вчерашнего, которая объявляет мятежным всякий крик крепостных против кнута, если только этот кнут — старый, унаследованный, исторический кнут» [1],— так характеризует Маркс историческую школу права.

В дореволюционной России также широко были распространены теории, провозглашавшие верховенство права. Эти теории использовались либеральными юристами, робко возражавшими против крайностей самодержавного государства. Так, А. С. Алексеев утверждал, что право не создано законодателем, а зарождается с первыми зачатками собственности, что «не закон дает силу праву, а право дает силу закону». Живущие в обществе правовые идеи и требования для того чтобы стать юридическими нормами, должны быть закреплены в законе, но для этого законодательные органы должны отражать принципы и требования народного правосознания. Из этого делался

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 416.

вывод, что не монарх, а только представительные органы могут законодательствовать [1].

Одной из разновидностей теорий, провозглашающих примат права над государством, была так называемая теория правового государства, особенно широко распространенная в Германии во второй половине XIX и начале XX века. Сторонники этой теории, считая, что подчинение праву является основным требованием, предъявляемым государству, вместе с тем утверждали, что таким правовым государством является Пруссия с ее закостенелым полицейским укладом и отсутствием гарантии прав граждан [2].

Примат права над государством пытается утвердить и социологическая школа права. Считая право самостоятельным социальным явлением, существующим независимо от того, признано оно государством или нет, представители социологической школы приходят к выводу, что задача государства — лишь сформулировать то право, которое «скрыто» в общественной жизни [3]. Выдвигая свои теории, представители социологической школы ссылаются на то, что право создается не только государством. В качестве аргумента выдвигается нормотворческая практика профсоюзов и других организаций, которая якобы является источником права [4].

---

[1] См. А. С. Алексеев, Начало верховенства права в современном государстве, М., 1910. Эти взгляды развивались в дальнейшем русскими буржуазными государствоведами и правоведами. В подтверждение рассматриваемых теорий приводились соображения о том, что правом является не только закон, но и обычай, торговое обыкновение и т. п. См. Н. Н. Алексеев, Основы философии права, Прага, 1924; Б. Кистяковский, Реальность объективного права, М., 1910; П. Г. Виноградов, Очерки по теории права, М., 1915.

[2] Известный государствовед Гумплович, критиковавший теории правового государства исходя из реакционных этатистских позиций, тем не менее показал беспочвенность и оторванность от жизни взглядов представителей этих теорий на правовой характер буржуазного государства конца XIX и начала XX века. (Л. Гумплович, Общее учение о государстве, СПб., 1910, стр. 28).

[3] См. H. Lévy-Bruhl, Aspects sociologiques du droit, Paris, 1955; W. S. Carpenter, Foundations of Modern Jurisprudence, N.-Y., 1958.

[4] См. H. Lévy-Bruhl, Aspects sociologiques du droit.

Некоторые буржуазные авторы, увлеченные отдельными социологическими исследованиями, помимо собственного желания

Различные разновидности теорий, пытающихся обосновать примат права, широко распространены и в настоящее время. На современном этапе значительно возросла нормотворческая деятельность капиталистического государства. В Англии, США и других странах, где «общее право» было когда-то основным источником права, в настоящее время огромное количество нормативных актов принимается парламентом и органами государственного управления [1].

В этих условиях, казалось бы, трудно обосновывать существование права, не зависящего от государства, и тем более примат права над государством. Однако некоторые юристы пытаются еще искать какие-то аргументы в защиту этой точки зрения. Одни из них утверждают, что норма права, содержащаяся в законе, еще не означает действительно осуществляемого права. «Положительное право», принятое государственной властью, далеко не всегда «действующее и живое» право [2], а норма права, для того, чтобы стать нормой действующего права, должна быть «принята» обществом. Поэтому действие права зависит не только от законодателя, но и от того, будет ли норма принята обществом [3]. Однако признается, что в современном обществе понятие такого «принятия» весьма

иногда показывают неприглядные стороны механики буржуазного правотворчества. Так, американский юрист С. Паттерсон предпринял попытку исследовать законодательство штатов с точки зрения факторов, определяющих поведение законодателя. Такими факторами, по мнению автора, являются: воздействие административных органов, влияние экспертов и специалистов в области законодательства, влияние политической партии, влияние «бюрократического комплекса» (автор понимает под этим исполнительную власть), влияние лоббистских групп, влияние избирателей. Нельзя не обратить внимания на то, что из шести называемых автором факторов три показывают воздействие на правотворчество государственного аппарата (S. W. Patterson. Toward a Theory of legislative Behavior. 1932).

[1] С. Л. Зивс, Развитие формы права в современных империалистических государствах.

[2] W. Sauer. Einführung in die Rechtsphilosophie, Berlin, 1961.

[3] H. L. A. Hart. The Concept of Law. Oxford. 1961. К этой точке зрения примыкает в известной мере Бекер, считающий, что осуществление права должно обеспечиваться не государством, а группами, составляющими «общественное окружение» государства (H. Bekaert, Introduction à l'étude du droit, Bruxelles, 1965, pp. 146—147).

условно, так как гражданин не знает права, он знает только полицейского, судью и других носителей права[1].

Теория примата права над государством и теория правового государства получают снова распространение в буржуазной литературе в последние годы. Они широко используются в пропаганде антикоммунизма[2].

Рассмотренные выше взгляды на проблему соотношения государства и права были широко распространены на всех этапах развития буржуазного государства и его правовой науки. Однако параллельно с этим направлением развивались и противоположные ему теории, утверждавшие примат государства над правом, ограничивавшие возможность воздействия права на государство. Эти теории, объединяемые под общим названием «этатистских», ведут свое начало еще от периода абсолютизма. Одним из основоположников их является Гоббс. В знаменитом «Левиафане» он пытался дать «теоретическое» обоснование и оправдание власти монарха, не ограничиваемой правом. Гоббс утверждал, что единственным законодателем является суверен как представитель государства. Суверен не подчинен гражданским законам, поскольку законодатель не может быть обязанным перед самим собой. Сила обычая и прецеденты, по мнению Гоббса, коренятся в молчаливой воле суверена. В любой момент суверен может начать руководствоваться ими, а не законом[3].

В дальнейшем после победы буржуазии в ряде стран теории, признававшие примат государства над правом, стали необходимыми буржуазии для обоснования «несвязанности» государства правовыми нормами. Иеринг провозглашал, что государство является единственным источником права, что самоограничение государства правом имеет в основе своей разумно понятый интерес государства и в любой момент, когда государство сочтет это необхо-

---

[1] H. L. A. Hart, op. cit, p. 60.

[2] См. П. Н. Гришаев, Критика буржуазной правовой идеологии, «Юридическая литература», 1964, стр. 76—105; В. А. Туманов, Что скрывается за лозунгом «господство права» («Советское государство и право», 1963 г. № 9, стр. 50—61); О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский, Критика современных буржуазных теорий права, Л., 1961, стр. 35—41.

[3] См. Г. Гоббс, Избранные произведения, т. 2, «Мысль», 1965, стр. 282.

димым, оно может не считаться с уже созданным правом [1].

Буржуазные этатистские теории получили широкое распространение в конце XIX века, когда капиталистическое государство представлялось господствующему классу твердым и незыблемым и он не находил нужным прикрывать свое господство флером народного правосознания, естественного закона и т. п. Поэтому ряд юристов, в том числе и Гумплович, рассматривали право как «эманацию государственной власти» [2].

В Англии в условиях широкого распространения «общего права» выдвигались точки зрения, согласно которым право рассматривалось только как правило, утвержденное высшей политической властью [3]. Требование признания необходимости санкции государства для правовой нормы имело в Англии определенное практическое значение. Оно выдвигалось с целью замены «общего права» принятыми государством законами.

На современном этапе этатистские теории не имеют широкого распространения. Это вызвано тем, что в сложных условиях острой классовой борьбы при наличии социалистического содружества буржуазная теория пытается скрыть классовый характер буржуазного права за всякого рода демагогическими утверждениями.

Широкое распространение на современном этапе получило направление буржуазной правовой науки, рассматривающее право в полном отрыве от государства. Начало ему было положено в трудах Кельзена, который рассматривает феноменологию права и исследует право как норму, суждение, но совершенно замалчивает связь права с государством [4]. В данном случае такое молчание — это попытка представить право как явление, не связанное с государством и политикой.

Из краткого обзора буржуазных теорий видно, что вопрос о соотношении государства и права, имеющий большую политическую остроту, трактуется в современной буржуазной науке так, чтобы скрыть классовый

---

[1] См. Р. Иеринг, Цель в праве, СПб., 1881, стр. 306—312.

[2] Л. Гумплович, цит. соч., стр. 383.

[3] См. T. E. Holland, The Elements of Jurisprudence, L., 1880; Y. W. Salmond, Jurisprudence, L., 1937.

[4] См., например, P. Amselek, Perspective critique d'une réflexion épistémologique sur la theorie du droit, Paris, 1964.

характер государства и права, детерминированность государства и права. Буржуазная правовая наука не вскрывает подлинных закономерностей соотношения государства и права, а апологетизирует существующий строй.

Государство и право выражают волю господствующего класса

Определение права как возведенной в закон воли господствующего класса, содержание которой определяется материальными условиями жизни этого класса, дает возможность ответить и на вопрос о взаимоотношении государства с правом, выражающим волю господствующего класса. Поскольку здесь речь идет о воле и ее закреплении в праве, о том, в какой мере государство может выразить и закрепить волю господствующего класса, для решения проблемы необходимо основываться на марксистско-ленинском учении о свободе и необходимости.

Воля господствующего класса детерминирована в первую очередь экономическим базисом, но на нее влияет и ряд других обстоятельств. В обществе с антагонистическими классами — это прежде всего конкретные условия классовой борьбы, соотношение классовых сил и даже сил отдельных группировок внутри господствующего класса. В социалистическом обществе, где нет антагонистических классов, государство и право выражают волю всего народа. Но и здесь при формировании этой воли большое значение приобретает ряд факторов, хотя и связанных в конечном счете с экономикой, но имеющих и самостоятельное значение, как, например, уровень культуры, традиции, глубина познания законов развития природы и общества и т. п.

И государство, и право выражают волю господствующего класса. Однако в связи со спецификой государства и права как общественных явлений это выражение различно. Так, в результате воздействия объективных экономических закономерностей, изменения соотношения сил в классовой борьбе государство в эксплуататорском обществе вынуждено иногда принимать законы, которые на первый взгляд могут показаться противоречащими интересам господствующего класса. В действительности ценой таких уступок господствующий класс стремится сохранить существующую форму эксплуатации.

Ярким примером этого может служить законодательство, регулирующее в капиталистических странах усло-

вия труда. В течение всего XIX и начала XX века рабочий класс вел ожесточенную борьбу против неограниченной эксплуатации, за ограничение рабочего дня, установление нормальных условий труда и ответственности за вред, причиненный в связи с промышленным травматизмом, за признание права на забастовку и др. В этой борьбе буржуазные государства вынуждены были идти на отдельные уступки, принимая законы сначала о 10-часовом, а затем и 8-часовом рабочем дне, признавая (с большими ограничениями) право на забастовки. Лишь ко второй половине XX века в большинстве капиталистических стран трудовое законодательство окончательно выделилось как самостоятельная отрасль права и были приняты законы, обеспечивающие некоторые (далеко не все) элементарные трудовые права. Принятие этого законодательства и проведение его в жизнь было связано с очень острыми конфликтами. На ряде конкретных примеров Маркс показал то отчаянное сопротивление, которое встречали фабричные инспектора, призванные контролировать соблюдение законодательства [1].

Может показаться, что в этом случае буржуазное государство выражало не волю господствующего класса — капиталистов, а некую иную, как пытаются доказать буржуазные государствоведы, «единую волю» народа. В действительности же дело обстояло совсем иначе. Буржуазное государство выражало в этом случае волю эксплуататорского класса, направленную на то, чтобы ценой отдельных уступок сохранить его господствующее положение. Эти уступки были вынуждены неутихающей настойчивой борьбой рабочего класса.

Следует иметь в виду, что нередко, принимая те или иные законы, являющиеся уступкой эксплуатируемому классу или отдельным социальным слоям, государство так формулирует эти законы и так организует их проведение в жизнь, что закон либо совершенно сводится на нет, либо его применение дает результаты, противоположные тем, которые провозглашены как его официальная цель.

Ярким примером этого может служить законодательство о монополиях. В разных конкретных формах оно

[1] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 287—306.

запрещает создание монополий, объявляет недействительными договоры, ведущие к этой цели, создает систему государственного контроля над соглашениями, которые могут привести к монополизации. В США, например, где так называемое «антитрестовское законодательство» носит наиболее демагогический характер, создание монополий объявляется уголовным преступлением, монополии признаются незаконными и на основе решения суда подлежат ликвидации.

Законодательство о монополиях отражает в известной мере требования мелкой буржуазии, чьи интересы существенно ущемлялись господством монополий. Но в большей степени это законодательство носит демагогический, показной характер и в некоторых случаях даже используется для борьбы монополий с более мелкими конкурентами, для конкурентной борьбы между монополиями и в конце концов для защиты самих монополий. Так, английский закон 1956 года о запрещении ограничительных соглашений, по букве своей направленный на борьбу с монополиями, в действительности узаконил ряд соглашений, признававшихся до этого неправомерными по «общему праву» Англии и США. «Общее право», например, считало незаконными соглашения, направленные на установление определенного уровня цен. В соответствии с новым законом такие соглашения в большинстве случаев признаются действительными. В США антитрестовское законодательство [1] широко применялось в борьбе против передовых профсоюзов. Лишь в начале 50-х годов в результате ожесточенной борьбы профсоюзов эта практика была прекращена.

В антимонополистическом законодательстве отразилась одна из характерных черт буржуазного государства и права — принятие государством законов, которые оно не намеревается сделать действующим правом, законов, носящих демагогический характер, являющихся лишь картой в политической игре [2]. В некоторых случаях бур-

---

[1] Тексты антитрестовских законов США и судебную практику см.: H. Kronstein, J. Miller, J. Schwarz, Modern American Antitrust Law, N.-Y., 1958.

[2] Типичным примером может служить «Закон о гражданских правах» 1964 года, принятый в США и провозглашающий на словах равенство прав граждан независимо от расы. В действительности государство борется не столько с теми, кто нарушает этот

жуазное государство, принимая закон, продиктованный узкоклассовыми интересами, не учитывающий отношения к нему народных масс, вынуждено бывает, не отменяя его, фактически отказаться от его применения. Так, закон Маккарена — Вуда, имевший целью запрещение Коммунистической партии США, за 20 лет своего существования фактически не применялся судом вследствие активного сопротивления, которое этот закон встречал не только со стороны коммунистической партии, но и самых широких прогрессивных слоев населения, справедливо видевших в его издании нарушение элементарных прав граждан.

В своей политике господствующий класс вынужден считаться также и с уровнем общественного сознания, с традициями, с правосознанием. Это обусловлено тем, что созданная государственной властью норма права не только применяется соответствующими органами государства и должностными лицами, но в ряде случаев должна быть реализована в повседневной жизни и деятельности широких масс, поэтому их отношение к норме имеет существенное значение. Эксплуататорское государство вынуждено считаться и с «многослойностью» общественного сознания и правосознания как одной из его форм. Одна и та же норма может вызвать прямо противоположное к себе отношение со стороны разных классов населения и даже отдельных группировок внутри господствующего класса.

Относительная стабильность права

Государство и право, будучи неразрывно связаны, представляют собой различные явления общественной жизни. Это в известной мере отражается и на их взаимоотношении. Право — форма общественных отношений, форма, неразрывно связанная со своим содержанием, т. е. с теми общественными отношениями, которые ею опосредствуются. Она обусловлена этим содержанием и оказывает на него существенное влияние. Если создана определенная правовая форма, соответствующая данному содержанию, оптимальная для него, то она приобретает известную стабильность.

закон, сколько с теми, кто добивается его исполнения. Вооруженные силы государства — полиция — бросаются на борьбу с демонстрантами, требующими осуществления закона.

Наиболее наглядно это можно проиллюстрировать на тех правовых формах, которые опосредствуют экономические отношения. Так, договор является правовой формой обмена товарами[1]. Эта форма наиболее полно отражает экономическое содержание обмена. Именно поэтому договор как правовой институт, опосредствующий отношения обмена, применялся в праве нескольких общественно-экономических формаций. Однако применение этой формы в разных общественно-экономических формациях каждый раз наполняет ее иным содержанием. Содержание договора в социалистическом и буржуазном гражданском праве в корне противоположно.

В буржуазном праве оно существенно отличалось от содержания договора в феодальном или рабовладельческом праве. Но общие черты правовой формы, обусловливающие отнесение ее к институту договора, определяются тем, что в условиях различных общественно-экономических формаций существуют товарно-денежные отношения. Эти отношения в условиях каждой формации наполняются иным содержанием.

Особенно глубоко различие между содержанием этих отношений в эксплуататорских общественно-экономических формациях и при социализме. Вместе с тем характер этих отношений делает возможным использование формы договора.

Примером применения той же правовой формы к разным по содержанию отношениям может служить также личная ответственность лица, совершившего действие, признаваемое опасным для данного общества, формы уголовного наказания и др.

В рамках одной общественной формации соотношение формы и содержания обусловливает известную стабильность права. В то время, как политика государства должна откликаться на требования, выдвигаемые в повседневной жизни, право, являясь формой более глубинных базисных отношений, меньше подвержено изменениям, сохраняет известную стабильность.

Сказанное относится, конечно, к праву данного общества как к целому. Нормы права отражают не только глубинные общие закономерности, но и выражают волю господствующего класса, обусловленную его текущими

---

[1] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 94.

потребностями. Поэтому в известной части право также изменчиво. Вот почему выше говорится об *относительной стабильности* права. Но вместе с тем, именно в силу этого государство осуществляет свою политику не только посредством собственно нормотворческой деятельности, создавая и изменяя действующее право. Очень часто оставляя право по внешности неизменным, государство вносит изменения, связанные с осуществлением текущих политических задач в процессе применения права.

В эксплуататорских общественно-экономических формациях и особенно в буржуазном государстве относительная стабильность права определяется еще и тем, что государство вынуждено лавировать, пытаясь представить себя как выразителя воли и интересов всего общества. В ряде случаев для господствующего класса выгодно, закрепив в законе норму, звучащую как выражение воли всего общества, затем в порядке повседневной деятельности государственного аппарата по существу саботировать применение соответствующих норм, а иногда и вовсе отказаться от их применения. Ярким примером этого могут служить статьи буржуазных конституций, устанавливающие равенство прав женщин, в то время как в действительности почти во всех капиталистических странах женщина не добилась еще равной с мужчиной оплаты за равный труд; статьи буржуазных конституций, устанавливающие всеобщее избирательное право, в то время как многие трудящиеся лишены возможности участвовать в выборах, и ряд других норм.

Относительная стабильность права дает возможность в условиях одной общественно-экономической формации использовать правовые формы, которые были созданы в другой. Конечно, как указывалось выше, эти формы наполняются новым содержанием, соответствующим данной общественно-экономической формации.

Это положение можно проиллюстрировать на примере рецепции римского права. Право, созданное в условиях рабовладельческого общества, было широко воспринято в условиях развивающегося капитализма сначала в юридической литературе и в практике судов XV—XVII вв., а затем положено в основу Французского гражданского кодекса, оказавшего огромное влияние на кодификацию гражданского права во всех буржуазных странах. И в настоящее время Французский гражданский кодекс

действует во Франции, а кодексы, в значительной мере воспринявшие положения Французского гражданского кодекса, действуют во многих странах мира. Буржуазная наука рассматривала рецепцию римского права как одно из самых необъяснимых, «таинственных», «загадочных» явлений в истории права. Подлинно научное объяснение этому явлению дали в своих работах Маркс и Энгельс.

Энгельс писал, что во Французском гражданском кодексе победившая буржуазия «мастерски приспособила к современным капиталистическим условиям старое римское право — это почти совершенное выражение юридических отношений, соответствующих той ступени экономического развития, которую Маркс называет товарным производством» [1].

Действительно, римское право подвело итог длительному развитию права мировой империи, имевшей в свое время широчайшие экономические связи. Это право было адекватной формой для товарно-денежных отношений лично свободных товаровладельцев на базе частной собственности и в условиях широко развитого обмена. Такой характер римского права сделал возможным его использование, когда в условиях феодализма начали развиваться товарно-денежные отношения. С ростом капитализма расширялось и заимствование многих положений римского права. «Как только промышленность и торговля — сперва в Италии, а позже и в других странах — развили дальше частную собственность, тотчас же было восстановлено и вновь получило силу авторитета тщательно разработанное римское частное право» [2].

Использование в условиях буржуазного общества формы, созданной в рабовладельческом обществе, было обусловлено тем, что эта форма была оптимальной для отношений свободных товаровладельцев, характерной для периода развивающегося капитализма. Маркс и Энгельс писали о том, что развитие частного права происходило повсюду, за исключением Англии, на основе римского кодекса. «Но и в Англии для дальнейшего развития частного права (в особенности в той его части, которая относится

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 312.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 63.

к движимому имуществу) пришлось обратиться к принципам римского права [1].

Для характеристики соотношения государства и права интересно, что заимствование норм римского права в Англии происходило в условиях, когда государственная власть отказывалась от заимствования римского права.

Влияние правосознания на соотношение государства и права

Относительная стабильность права обусловлена и тесной связью права и правосознания, являющегося органической частью общественного сознания. Право тесно связано с моралью, этическими оценками, оно является и определенным элементом культуры.

Правосознание, правовые теории имеют непосредственное практическое значение и в тех случаях, когда на основе этих теорий выдвигаются требования о конкретных изменениях в государственной и правовой надстройке. Обычно правовые теории выражают правосознание господствующего класса, отражают действующее право и направлены на его пропаганду и обоснование. Однако, как известно, в эксплуататорских общественно-экономических формациях наступает момент, когда государство становится организацией класса, уходящего с исторической арены, борющегося за сохранение устаревших производственных отношений. Представители восходящего класса выдвигают новые правовые теории и доктрины, противоречащие действующему праву, направленные на изменение государства и права. Зачастую это не только теории, но и практика отдельных органов государства, в которых преобладают представители нового, приходящего к власти класса.

Примером этому может служить развитие естественноправовых теорий в период, предшествовавший буржуазной революции. Известно, какую большую роль в подготовке английской буржуазной революции сыграла так называемая «судейская оппозиция», отражавшая интересы буржуазии и активно боровшаяся против королевской власти, пытавшейся сохранить привилегированное положение дворянства. Это представляет особый интерес и потому, что идеологи английской буржуазной револю-

---

[1] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 63—64.

ции выдвигали как свое знамя так называемое «общее право», т. е. обычное право и прецедентное право, складывавшееся в судах в XIV—XV вв.[1]. Характерно и то, что «судейская оппозиция» выступала не только с теоретическими требованиями, но и фактически проводила в судах политику, противоречившую политике королевской власти. Однако такие расхождения между государством, правом и правовой теорией носят кратковременный характер и возможны лишь в период подготовки революционного взрыва.

Взаимозависимость государства и права

Связь государства и права проявляется также в их взаимозависимости. Воздействие государства на право осуществляется в следующих формах:

а) правотворческая деятельность государства, при которой последнее непосредственно создает нормы права, правила поведения. Государство выражает свою волю в норме права. Здесь: зависимость права от государства выражается наиболее наглядно и непосредственно;

б) исполнительная деятельность государственных органов — деятельность органов государства и должностных лиц, направленная на осуществление норм права. Такая деятельность имеет особенное значение в социалистических странах, где функции государства (особенно в области организации общественных отношений) в воздействии на экономику намного богаче и шире, чем в эксплуататорских общественно-экономических формациях (§ 2).

Эта деятельность, которая в литературе часто называется «правоисполнительной», имеет существенное значение, поскольку она организует применение права в тех областях, где для этого необходима активная деятельность органов государства. В современных капиталистических государствах такого рода деятельность приобретает широкий характер, поскольку государство активно воздействует на те области жизни, в которые вмешательство его на предыдущих этапах развития было существенно ограничено. Законодательная деятельность от-

---

[1] Использование идей «общего права» в идеологической подготовке английской буржуазной революции — одна из черт, свидетельствующих о консервативном характере этой революции (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 7, стр. 218—223).

ступает на второй план по сравнению с деятельностью правоисполнительной.

Огромное место в повседневной жизни капиталистических стран занимают нормативные акты органов государственного управления, зачастую изменяющие и отменяющие действующие законы. Это явление — одно из выражений распада буржуазной законности, отхода от позиций буржуазной демократии. Выдвижение на первый план правоисполнительной деятельности, которая часто становится суррогатом правотворческой, удобно для верхушки господствующего класса, так как дает возможность, сохраняя букву закона, фактически проводить выгодную ей политику;

в) правоохранительная деятельность — это деятельность государства, направленная на то, чтобы нормы права надлежащим образом осуществлялись в конкретных правоотношениях. Сюда относится обладающая известной спецификой деятельность судебных и иных органов, обеспечивающих охрану нарушенного права. Исторически именно в этой области буржуазия в период, когда она была восходящим классом, используя суд как звено государственного аппарата, вела борьбу с уходящим классом, в руках которого была законодательная и исполнительная власть.

В современных условиях все стороны деятельности буржуазного государства, в том числе и правоохранительная, служат интересам государственно-монополистического капитала. Однако известная самостоятельность суда предоставляет господствующему классу возможность осуществлять мероприятия, которые не могли бы быть проведены ни в законодательном порядке, поскольку они откровенно противоречат интересам масс, ни в порядке правоисполнительной деятельности, так как они непосредственно не входят в круг обязанностей аппарата управления. В этих случаях использование буржуазного суда оказывается весьма выгодным. Так, в США превращение антитрестовского законодательства в законодательство, помогающее монополиям, в основном осуществлялось при помощи Верховного суда США. Этот суд фактически превратил законодательство, которое до сих пор демагогически именуют «хартией экономической свободы», в средство защиты интересов монополий. Суд привнес критерий «разумности» монополий, т. е. обычно не

находил нарушения закона, если монополия, по его мнению, была «разумной». В результате этого одна из гигантских монополий — «Стальной трест» — в 1920 году не была признана монополией.

Вместе с тем суды США по закону Шермана систематически осуждали профсоюзы, требовавшие установления режима закрытых цехов. Антитрестовское законодательство применялось к объединениям мелких собственников, пытающихся противостоять конкуренту — монополии, но не применялось к монополиям. Так, правоохранительная деятельность в капиталистических странах зачастую превращается в деятельность, санкционирующую нарушение права.

Рассматриваемые виды деятельности представляют собой непосредственное воздействие государства на право[1]. Но отношения между государством и правом охарактеризованы как взаимосвязь также потому, что и право оказывает непосредственное воздействие на государство. Именно право, как уже указывалось, закрепляет форму государства, структуру органов государственной власти и государственного аппарата, их права и обязанности, компетенцию, формы деятельности, ответственность должностных лиц и т. п. Нормы права создаются государством. Но будучи им созданы, они оказывают на него непосредственное влияние. Связанность государства правом имеет существенное значение для обеспечения режима законности. Именно поэтому в борьбе буржуазии

---

[1] В советской юридической литературе нормотворческая, правоисполнительная и правоохранительная деятельность характеризуется по-разному. Так, Н. Г. Александров называет это функциями государства в отношении права или правовыми функциями государства (Н. Г. Александров, Право и законность в период развернутого строительства коммунизма, стр. 72). С. С. Алексеев говорит о видах деятельности государства, определяющих существование права (С. С. Алексеев, Общая теория социалистического права, вып. первый, стр. 72—74). Правоохранительную деятельность он рассматривает как составную часть более широкой (правообеспечительной) деятельности, под которой понимает деятельность государственных органов по обеспечению как исполнения лицами возложенных на них обязанностей, так и осуществления предоставленных им прав. В книге «Общая теория советского права» правотворческая, оперативно-исполнительная и правоохранительная деятельность рассматриваются как правовые формы осуществления функций Советского государства («Общая теория советского права», стр. 52).

против феодально-абсолютистского государства усиленно выдвигались идеи связанности государства правом, идеи буржуазной законности. Но с того времени, когда капиталистический способ производства превратился в тормоз дальнейшего развития производительных сил, буржуазное государство стало на путь отказа от им же созданной законности.

Как указывалось выше, это происходит в процессе правоисполнительной деятельности посредством использования судебных органов, расширения функций исполнительной власти и другими путями, благодаря которым буржуазное государство, на словах сохраняя демократические свободы, на деле от них отказывается.

§ 2. ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В СООТНОШЕНИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Органическое единство социалистического государства и права

Неразрывная связь государства и права является общей закономерностью. В социалистическом обществе эта связь настолько глубже и шире, что есть все основания для того, чтобы говорить об органическом единстве государства и права.

Уже в условиях переходного от капитализма к социализму периода право, как и государство, носит социалистический характер. Оно противоположно по своему социальному содержанию эксплуататорскому, буржуазному праву, ибо, закрепляя власть трудящихся, запрещает присвоение основных средств производства в частную собственность и впервые в истории устанавливает распределение продуктов потребления по работе, по труду.

Враги коммунизма неоднократно пытались и пытаются принизить роль социалистического права, изобразить его только как средство, применяемое государством для ликвидации старых порядков и защиты нового общественного и государственного строя. Они сознательно замалчивают творческий, созидательный характер социалистического права, его воспитательное значение.

Искажают роль социалистического права в экономическом и культурном строительстве и домыслы о буржуазной природе правовых норм, закрепляющих социалистический принцип распределения по труду. Противопоставляя

социалистическое государство основам его правовой системы, авторы подобных домыслов приписывают таким нормам способность порождать капитализм.

При этом демагогически, в отрыве от контекста используется то, что В. И. Ленин употреблял термин «буржуазное право» при характеристике социалистических правовых форм. Между тем В. И. Ленин при этом имел в виду использование юридических форм как масштаба при распределении продуктов потребления и распределении труда [1].

Применительно к социализму термин «буржуазное право» В. И. Ленин употреблял (беря его в кавычки) только для того, чтобы подчеркнуть различие между низшей и высшей фазой коммунизма. Это было необходимо как в целях борьбы с анархистскими представлениями о немедленной ликвидации всякого государства и права, так и для борьбы с измышлениями буржуазных ученых, умышленно искажающих цели марксистов по отношению к государству и праву, обвиняющих пролетарских революционеров в утопическом стремлении к немедленному введению коммунистической формы распределения.

Раскрывая глубинные социально-экономические факторы, предопределяющие необходимость правового регулирования и после свержения власти эксплуататорских классов, В. И. Ленин вместе с тем указывал на органическую связь государства и права, их неразрывное единство [2].

Особенно наглядно это единство выступает после завершения построения социалистического общества, когда вся область производства становится сферой социалистического производства. Собственность на орудия и средства производства в таких условиях является социалистической общественной собственностью. Личная собственность производна от социалистической и служит для удовлетворения материальных и культурных потребностей граждан. Таким образом, налицо полное единство экономического базиса [3].

---

[1] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 94.

[2] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 95.

[3] В эксплуататорских общественно-экономических формациях базис никогда не бывает единым: в нем остаются пережитки прежних формаций, развиваются зачатки будущих, всегда со-

Существенной особенностью социалистического строя является то, что в отличие от всех предыдущих общественно-экономических формаций новые производственные отношения не вызревают в недрах старой системы производственных отношений. Создание социалистических отношений возможно лишь тогда, когда победивший пролетариат взял власть в свои руки и обеспечил социалистический характер государства.

В переходный от капитализма к социализму период экономический базис социалистического государства является многоукладным, хотя основные «командные высоты» и принадлежат социалистической системе хозяйства. Государство же своей политикой, осуществляемой посредством права, ускоряет процессы, происходящие в базисе, с тем чтобы превратить социалистические отношения в безраздельно господствующие. Поэтому и в переходный период, когда в экономическом базисе социалистического общества еще сохраняются несоциалистические экономические уклады, государство и право тем не менее едины и право является активным инструментом в воздействии на экономический базис.

Единство государства и права при социализме обусловлено также и морально-политическим единством общества. Социалистическое государство в первый период своего развития выражает интересы подавляющего большинства народа — всех трудящихся. Остатки эксплуататорских классов обречены на исчезновение. Поэтому создаваемые социалистическим государством правовые нормы, направленные на ограничение и окончательную ликвидацию остатков эксплуататорских классов, выражают интересы подавляющего большинства населения.

Морально-политическое единство не исключает, однако, борьбы мнений по конкретным вопросам правового регулирования в различных областях жизни общества, которая определяется различной степенью знания того или

храняется известная многоукладность. Даже французская буржуазная революция, наиболее решительно для своего времени уничтожавшая феодальные отношения, сохранила все же некоторые их остатки. Тем более сказанное характерно для ряда других буржуазных стран, где наряду с господствующей системой капиталистической собственности существуют полуфеодальные помещичьи хозяйства, сохраняются крестьянские хозяйства, мелкие ремесленные предприятия и т. п.

иного вопроса, большей или меньшей степенью учета многочисленных факторов, влияющих на решение, и т. п. Принимая те или иные правовые нормы, государство заинтересовано в наиболее полном учете всех факторов, в том числе и общественного мнения. Одной из характерных черт социалистической демократии является широкое обсуждение проектов законодательных и нормативных актов, результаты которого сказываются на формировании норм права и на их применении. Примером этого может служить широкое обсуждение в печати социалистических стран форм и методов использования товарно-денежных отношений. Принятию во многих социалистических странах законов о хозяйственной реформе предшествовало широкое обсуждение в специальной и общей печати всех вопросов, связанных с реформой.

Органическая связь государства и права выражается, в частности, и во внутреннем единстве науки теории государства и права. Действительно, большинство проблем, исследуемых наукой теории государства и права, могут быть надлежащим образом разрешены лишь с позиций единства государства и права. Так, нельзя понять во всей сложности проблему источников права, не исследуя ее с позиций правотворческой роли государства. Соотношение государства и права с экономикой, идеологией, законностью также может быть исследовано лишь с позиций единства государства и права.

Творческое использование права социалистическим государством

Социалистическое государство в своей деятельности вооружено передовой теорией, раскрывающей действительную роль и возможности государства и права. Это существенно расширяет возможности воздействия государства на всю жизнь общества, в том числе и на экономический базис. Такое воздействие осуществляется в основном посредством права. Марксистско-ленинская теория дает возможность государству строить свою политику на прочном научном фундаменте, использовать закономерности соотношения базиса и надстройки, государства и права для воздействия на развитие общества. Это создает возможность целенаправленного воздействия, наиболее полного использования государством права как средства регулирования поведения граждан.

Для социалистического государства и права характерны также несравненно более широкие возможности воздействия на жизнь общества.

Значительное расширение функций социалистического государства, появление новых функций, неизвестных государствам других исторических типов, обусловливают и необходимость гораздо более широкого применения права как основного средства регулирования общественных отношений.

Новая роль государства и права в жизни социалистического общества ставит вместе с тем перед государством и гораздо более сложные задачи в области правового регулирования. Для решения этих задач необходимо постоянное повышение научного уровня руководства обществом. Принимая те или иные решения, придавая им правовую форму (закона, постановления правительства или иного подзаконного акта), органы государства руководствуются данными соответствующих отраслей науки. Чем полнее учтены в нормативном акте результаты исследований, тем эффективнее будет воздействие этого акта на общественные отношения.

В своей правотворческой деятельности социалистическое государство использует достижения правовой науки, которая призвана исследовать закономерности соотношения правовых форм и содержания регулируемых отношений, общие закономерности правового регулирования. Для правового регулирования совершенно недостаточно простого облечения в форму нормативного акта экономически или технически правильного решения. Если это решение не облечено в *соответствующую* правовую форму, не «переведено» на язык юридических категорий, оно может оказаться неэффективным. Для того чтобы это решение действительно регулировало поведение людей, должны быть установлены соответствующие права и обязанности, определены формы поощрения и ответственности. А для этого необходима предварительная глубокая разработка всех закономерностей соотношения правовой формы и содержания, эффективности правовой формы, способов обеспечения соблюдения нормы и т. п.

Поскольку законы социалистического государства основываются на данных передовой науки, на марксистско-ленинской теории, право воспитывает в гражданах понимание общественных процессов, сознание цели, стоящей

перед обществом, и средств, необходимых для ее достижения. Осознание широкими массами задач, стоящих перед социалистическим государством, и конкретной цели, на достижение которой направлен данный правовой акт, является существенным условием социальной эффективности данного акта, надлежащего его проведения в жизнь. Поэтому в большинстве законов и постановлений во вступительной части подробно излагается цель данного акта, результаты, которые должны быть достигнуты при его применении. Это имеет существенное значение для правильного применения нормы, для того, чтобы применение права было активным творческим процессом.

Социалистическое право устанавливается государством. Вместе с тем *государство в своей деятельности подчиняется созданному им праву*. Сложнейшие функции, выполняемые социалистическим государством, его роль в развитии социалистического общества, грандиозность стоящих перед ним задач определяют необходимость регулирования самой деятельности государства. Организация государственной власти и аппарата государственного управления, их деятельность — все это осуществляется в соответствии с установленными государством нормами права. Издавая эти нормы, государство руководствуется необходимостью наиболее рациональной и эффективной организации государственной власти и управления. Поиски таких оптимальных форм ведутся на основе научных исследований в различных областях общественной жизни.

В правильной организации деятельности органов государственной власти и управления важнейшее значение имеет решение таких вопросов, как определение компетенции государственных органов, форм и методов осуществления ими своих функций и ряд других. Эти вопросы разрешаются в соответствующих нормах права, регулирующих общественное и государственное устройство, устанавливающих принципы государственного управления, формы и методы работы аппарата и др. Наиболее общие положения содержатся в основном законе — конституции. Основному закону должны соответствовать те нормы, которые в соответствии с ним детально регулируют деятельность различных органов государственной власти и государственного управления. Строгое соблюдение всеми государственными органами и отдельными должностными

лицами норм права, связанных с выполняемыми ими функциями, необходимо для надлежащего выполнения таких функций. В этой связи существенное значение имеет применение принципа законности [1].

Таким образом, единство социалистического государства и права находит свое выражение и в том, что социалистическое государство должно руководствоваться созданным им правом, строго соблюдать его во всей своей деятельности. Конечно, право, регулирующее организацию и деятельность государства, не может быть постоянно застывшим и неизменным, однако, какие бы то ни было изменения могут вноситься лишь тогда, когда они не противоречат основным нормам, определенным в конституции. Если же возникает необходимость изменения положений конституции, это может быть совершено лишь с соблюдением установленного порядка, в частности, для этого требуется, чтобы соответствующий закон был принят верховным органом государственной власти квалифицированным большинством.

Изменение норм права, регулирующих организацию и деятельность государственных органов, не может совершаться, как это иногда делается в буржуазных государствах, явочным порядком. Замечательное преимущество социалистического государства заключается в том, что если назрела необходимость в изменении таких норм права, то это должно быть публично и гласно обсуждено, установлены оптимальные варианты таких изменений, которые и принимаются новым законом. Строжайшее соблюдение законности — яркое выражение единства социалистического государства и права.

---

[1] См. главу тринадцатую.

Глава одиннадцатая

ГОСУДАРСТВО, ПРАВО И ЭКОНОМИКА

§ 1. Обусловленность государства и права экономическим базисом и обратное воздействие государства и права на экономику. § 2. Формы и методы воздействия государства и права на экономику. § 3. Творческий характер социалистических методов государственно-правового воздействия на экономику.

§ 1. ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА ЭКОНОМИЧЕСКИМ БАЗИСОМ И ОБРАТНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА НА ЭКОНОМИКУ

Объективная обусловленность государства и права базисом

Учение о соотношении экономического базиса и политической и правовой надстройки — одно из основных положений марксизма-ленинизма. Марксистская теория, по словам В. И. Ленина, «указала ту *основу* общества, которая обслеживается политико-юридическими формами и известными течениями общественной мысли»[1].

Такое соотношение базиса и надстройки представляет собой общую закономерность общественного развития. Вместе с тем соотношение государства, права и экономики обладает и специфическими чертами, определяемыми особенностями государства и права как наиболее активной части надстройки, обладающей эффективными возможностями непосредственного воздействия на экономический базис.

Основоположники марксизма-ленинизма убедительно доказали, что производственные отношения определяют

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 429.

и соответствующую правовую надстройку, что каждая форма производства порождает свойственные ей правовые отношения, формы правления и т. д.[1].

Этот вывод, основанный на глубоком изучении всей истории человечества, истории экономического развития, динамики государственных и правовых форм, идеологии и других элементов надстройки, можно проиллюстрировать многими примерами.

Так, на раннем этапе развития рабовладельческого общества, в условиях примитивного хозяйства, носящего в основном потребительский характер, связанного с минимальным применением орудий и средств производства, возможны были города-государства типа Спарты и малоразвитое законодательство, подобное законам «XII таблиц». Широкое применение рабского труда, развитие рынков и товарного производства, бурный рост производительных сил обусловили исчезновение таких государственных, политических и правовых форм и вызвали к жизни огромные империи с разветвленным и достаточно подробным правовым регулированием.

Точно так же условия производства в феодальном обществе, характеризующиеся слабым развитием, а в первоначальный период и почти полным отсутствием товарно-денежных отношений, обусловили государственную и политическую организацию феодального общества с его сложной иерархической лестницей ленной зависимости, цеховыми организациями ремесленников, особым положением городов и др.

Развитие производительных сил, вызревание в недрах феодального общества нового, капиталистического способа производства, появление новой формы эксплуатации, при которой формальная политическая свобода и равенство создают условия для экономического, а вследствие этого и политического неравенства, привели к возникновению новых форм политической организации общества, к возникновению буржуазного государства и права.

Последовательное развитие и творческое применение марксистско-ленинского учения об объективной обусловленности политических и правовых форм уровнем развития производительных сил и производственных отношений являются основой подлинно научного подхода к

[1] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 12, стр. 714.

государственным и правовым явлениям. Программа КПСС подчеркивает необходимость учитывать объективную обусловленность различных этапов развития социалистического общества. Программа указывает: «КПСС, как партия научного коммунизма, выдвигает и решает задачи коммунистического строительства в меру подготовки и созревания материальных и духовных предпосылок, руководствуясь тем, что нельзя перепрыгивать через необходимые ступени развития, равно как и задерживаться на достигнутом, сдерживать движение вперед»[1]. История развития СССР — яркий пример того, каких грандиозных успехов можно достигнуть, руководствуясь великим учением марксизма-ленинизма.

Объективная обусловленность государственной и правовой надстройки экономическим базисом не является прямой и однозначной. Она опосредствована рядом субъективных факторов, оказывающих влияние на те конкретные формы, в которых выражается эта объективная обусловленность. Взаимодействие государства, права и экономики требует применения определенных государственных и правовых форм. Но эта необходимость проявляется через конкретную волевую деятельность людей и коллективов, на которую оказывает большое влияние и ряд других факторов: идеологических, психологических, условия географической среды и др. Поэтому в пределах одной общественно-экономической формации, при том же уровне развития производства возможны в разных странах различные государственные и правовые формы. Еще Энгельс писал о том, что хотя экономика определяет в конечном счете правовые формы и институты, но только с этой точки зрения трудно было бы доказать, что абсолютная свобода завещания в Англии и сильное ее ограничение во Франции объясняются во всех частностях только экономическими причинами[2].

Однако при всем различии конкретных форм, в которых выражается опосредованная рядом факторов обусловленность государственных и правовых форм экономическим базисом, эти формы в конечном счете должны соответствовать требованиям экономики. Так, в силу конкретных

---

[1] «XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза», т. III, стр. 276.

[2] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 37, стр. 418.

условий исторического развития Англии право последней обладает рядом особенностей, отличающих его от права других буржуазных стран. Эти особенности были в значительной мере заимствованы и рядом стран, сохранивших в порядке исторической преемственности английское право (США, Канада, Австралия). Но те институты, которые непосредственно связаны с экономикой, в основных чертах довольно быстро приобрели сходство с соответствующими институтами других буржуазных стран. Например, английское «общее право», сложившееся в XIII—XIV вв., не признавало обязательственного договора. Соглашение сторон по «общему праву» не порождало правовых последствий. Такие последствия могли возникнуть лишь в случаях передачи вещи, правонарушения и т. п. Обязательный договор — один из основных институтов буржуазного права, и поэтому с развитием капиталистических отношений, вопреки всем нормам и традициям в английском праве сложился и этот институт, хотя и отличный в ряде технико-юридических деталей и частностей, но воспроизводящий основные черты обязательственного договора и других правовых систем.

Объективная обусловленность государственных и правовых форм производственными отношениями ни в какой мере не означает, что всякое крупное изменение базиса автоматически влечет за собой и соответствующее изменение этих форм. Дело в том, что государственная и правовая надстройка, закрепляя существующие производственные отношения, будучи формой по отношению к экономическому содержанию, на определенном этапе развития этого содержания отстает от него, а в эксплуататорских общественных формациях превращается в консервативную силу, сковывающую развитие производительных сил, препятствующую становлению новой общественно-экономической формации, сопротивляющуюся новым отношениям. Поэтому серьезные изменения в политической и правовой надстройке совершаются в результате активной и острой борьбы, а смена одного типа государства и права другим всегда происходит в ходе бурных социальных потрясений, в ходе борьбы, в которую втягивались все слои общества. Такова была смена рабовладельческого типа государства и права феодальным и феодального — буржуазным. Так совершался переход от капиталистического к социалистическому типу государства.

Обратное воздействие государства и права на экономику

Производственные отношения существуют независимо от сознания и воли людей [1]. Это первая (объективная) сторона производственных отношений. Но люди, вступающие в производственные отношения, одарены сознанием и волей. История делается людьми. «Закономерный ход событий, в котором участвуют люди, осуществляется не помимо, а через посредство воли людей, не помимо, а через посредство их сознательных действий» [2]. Поэтому производственные отношения нельзя отрывать от конкретных актов человеческого поведения. Это другая (субъективная) сторона производственных отношений.

В советской юридической литературе обосновывалось положение о том, что отношения, складывающиеся в процессе труда, отношения собственности или обмена, всегда выступают как волевые связи их участников [3]. Однако эта точка зрения встречала и возражения [4]. Несомненно, природа производственных отношений заслуживает дальнейшего глубокого изучения. Но уже на современном этапе можно установить, что воздействие на поведение участников общественного производства представляет собой в конечном счете и воздействие на производственные отношения, а через них и на производительные силы. Этим определяется возможность воздействия государства и права на экономику.

Указывая на определяющую роль производственных отношений, марксизм-ленинизм вместе с тем подчеркивал активное обратное воздействие государственной и правовой надстройки на экономический базис и через него на уровень развития производительных сил. Государственная и правовая надстройка, как уже указывалось, обладает

---

[1] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 13, стр. 6.

[2] С. Л. Рубинштейн, Бытие и сознание, стр. 284.

[3] См. об этом Н. Г. Александров, Правовые и производственные отношения в социалистическом обществе («Вопросы философии» 1957 г. № 1, стр. 46); его же, Право и законность в период развернутого строительства коммунизма, стр. 184—185; М. П. Карпушин, Социалистическое трудовое правоотношение, Госюриздат, 1958, стр. 10—30; «Основы теории государства и права», Госюриздат, 1960, стр. 345; В. П. Шкредов, Экономика и право, «Экономика», 1967.

[4] См. В. М. Чхиквадзе, Государство, демократия, законность, стр. 302—308.

известной самостоятельностью и в силу этого в свою очередь оказывает воздействие на условия и ход производства. «Экономическое движение в общем и целом проложит себе путь, но оно будет испытывать на себе также и обратное действие политического движения, которое оно само создало и которое обладает относительной самостоятельностью» [1]. Такое обратное действие в условиях эксплуататорского государства усложняется тем, что политика государства, в том числе и в области воздействия на экономику, выражая интересы господствующего класса, вынуждена в какой-то мере считаться с конкретными условиями классовой борьбы в каждый данный период. Это воздействие усложняется также в связи с тем, что, будучи облечено в правовые формы, оно должно считаться и с закономерностями, связанными с применением этой формы.

Анализируя экономические процессы и явления, основоположники марксизма-ленинизма подробно останавливались на связанных с этими процессами государственных и правовых формах. Характеризуя процесс первоначального накопления капитала, К. Маркс подробно останавливается на формах земельной собственности в Англии законах об огораживании, «кровавом законодательстве» против бродяг [2]. В «Капитале» содержится и классический анализ фабричного законодательства Англии.

Влияние государства и права на «естественные фазы развития» общества имеет большое значение. Маркс, исследуя соотношение производства и распределения в различных экономических формациях и подчеркивая примат первого над последним, указывал, что в переломные периоды развития общества то или иное распределение средств производства — передача их в руки всего общества, индивиду или определенному коллективу — предшествует производству. А подобное распределение в классовом обществе немыслимо без санкции государства, без права. Маркс охарактеризовал такое распределение «в качестве как бы предэкономического факта», имея, в частности, в виду раздел земли завоевателями между собой или раздел народом, совершившим революцию, крупной земельной собственности и парцеллы, что «придает производству новый характер» [3].

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 37, стр. 417.
[2] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 728—744.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 12, стр. 722.

Таким «предэкономическим фактом» является также национализация основных средств производства, осуществляемая рабочим классом, завоевавшим государственную власть и установившим на основе этой национализации новый социалистический способ производства.

Разумеется, приведенные Марксом случаи перераспределения земли, равно как и национализация орудий и средств производства, в конечном счете обусловлены материально: изменением производительных сил, наличием предпосылок для появления нового способа производства. Известно, например, что материальные предпосылки социализма созревают в условиях монополистического капитализма. Но необходимо, однако, признать, что в указанных случаях речь идет не о закреплении фактически сложившихся отношений, а об определенном качественном сдвиге, скачке, невозможном без государственной санкции, без законодательства, в котором выражена воля нового господствующего класса. Государство и право играют роль «стимулятора» в зарождении новых и преобразовании старых отношений. Эта роль права хорошо была подчеркнута М. И. Калининым, отметившим, что право «имеет свойство как закреплять уже сложившиеся отношения, так и толкать, вызывать, способствовать по крайней мере зарождению тех взаимоотношений, к которым законодатель сознательно стремится. В этом состоит сущность творческой роли законодательства» [1].

В воздействии на экономику проявляются все черты правового регулирования, охарактеризованные выше (гл. IX). Правовое регулирование не ограничивается лишь закреплением сложившихся отношений, обеспечением их устойчивости. Оно способствует становлению (созданию) новых отношений.

Даже те отношения, которые вызрели и сложились до введения их законом в определенные рамки, становятся господствующими, общепризнанными лишь после санкционирования их государством посредством норм права главным образом при помощи законодательства. Речь идет, разумеется, об обществе, которое не может обойтись без государства и права. Так, буржуазное законодательство (например, Французский гражданский кодекс 1804 года)

---

[1] М. И. Калинин, Статьи и речи 1919—1935, Партиздат, 1936, стр. 80.

после победы буржуазной революции «создает» новые имущественные отношения, основанные на свободной от всяких привилегий и пут частной собственности, на равенстве собственников, в том числе и тех, у которых в собственности нет ничего, кроме своей рабочей силы. Хотя капиталистические производственные отношения в основном вызревают в недрах феодального строя, но победить они не могут без революционного преобразования общества, без передачи государственной власти в руки буржуазии. Последнее необходимо для того, чтобы буржуазия могла посредством новых законов (или по крайней мере путем приспособления к своим интересам старых законов) создать такие условия (отмена сословных привилегий, провозглашение формального равенства, личной свободы граждан, свободы распоряжения частной собственностью и т. д.), которые обеспечивают развитие новых отношений.

После установления диктатуры рабочего класса законы закрепляют его победу во всех областях общественной жизни и тем самым еще в большей степени, чем нормы буржуазного права, как бы «создают» новые общественные отношения, поскольку социалистические общественные отношения не могут сложиться при капитализме.

Но и после того, как утвердилась новая государственная власть, необходимые изменения в общественных отношениях в рамках данного общественного и государственного строя опосредствуются новыми законами, выступающими в качестве инструментов политики господствующего класса, проводимой в соответствии с потребностями и интересами этого класса. Эта закономерность действует в социалистическом государстве, но в последнем случае речь идет о политике, выражающей интересы всех трудящихся.

Учение об относительной самостоятельности государственной и правовой частей надстройки и об активном воздействии государства и права на базис и на уровень развития производительных сил имеет важнейшее теоретическое и практическое значение. Оно помогает созданию передовых, научно обоснованных форм и методов воздействия социалистического государства и права на экономику. Оно раскрывает содержание форм и методов воздействия государства и права на экономику других общественно-экономических формаций.

Воздействие государства и права на экономику в эксплуататорских формациях

Общие закономерности соотношения государства, права и экономики имеют свои специфические особенности в отдельных общественно-экономических формациях и, как уже упоминалось выше, в пределах одной общественно-экономической формации в различных странах. Наиболее общие закономерности этого соотношения — обусловленность государственных и правовых форм уровнем развития производительных сил и производственных отношений, опосредствованный характер этой обусловленности, обратное воздействие государства и права на экономику и ограниченные пределы такого воздействия — относятся ко всем общественно-экономическим формациям, в которых существуют государство и право. Вместе с тем можно установить некоторые черты, характеризующие действие этих закономерностей в эксплуататорских общественно-экономических формациях.

Эти черты определяются тем общим, что роднит все эксплуататорские общественно-экономические формации. В первую очередь это классовая борьба, оказывающая влияние и на производственные отношения и на развитие производительных сил. Характерным для эксплуататорских формаций является частный характер присвоения, вследствие чего государство выступает как сила, не связанная непосредственно с хозяйственной деятельностью. Важно и то, что производственные отношения новой эксплуататорской общественно-экономической формации вызревают в недрах старой формации [1].

---

[1] Возможность создания новых производственных отношений в рамках старой формации определяется тем, что рассматриваемые формации являются эксплуататорскими и основываются на частной собственности на орудия и средства производства. В основе этих формаций лежит частная собственность в различных ее проявлениях. Поэтому наряду с господствующим способом производства в рамках формации, опирающейся на частную собственность, могут складываться и до времени развиваться новые производственные отношения, в основе которых тоже лежит частная собственность. Так, в рабовладельческом обществе складывался колонат — форма, в известной мере переходная к феодальной. В недрах феодального общества, начиная с XIII—XIV вв., зарождаются капиталистические отношения, также основанные на частной собственности. Но зарождение и развитие новых производственных отношений в условиях функционирования старой политической и правовой надстройки в эксплуататорском обще-

Указанные особенности эксплуататорских общественно-экономических формаций оказывают существенное влияние на соотношение государства, права и экономики.

Поскольку государство и хозяйство в эксплуататорском обществе являются различными сферами общественной жизни, государство и право не вмешиваются непосредственно в экономические отношения до тех пор, пока политическая и правовая надстройка соответствует экономике данной формации и способствует развитию производительных сил. На этом этапе государство и право ограничиваются тем, что охраняют существующий строй, охраняют данную форму эксплуатации, непосредственное же осуществление хозяйственной деятельности, развитие производственных отношений остаются сферой частной деятельности и регламентируются государством и правом лишь в самой общей форме. Но когда в недрах эксплуататорской общественно-экономической формации созрели условия для перехода к другим новым формам экономики, государственная власть, пытаясь искусственно сохранить производственные отношения, не соответствующие более уровню производительных сил, начинает усиленно регламентировать экономическую жизнь.

Так, римское право в период расцвета рабовладельческого общества, подробно регулируя отношения товаровладельцев, создавая классическую правовую форму экономического механизма обмена, достоинства которой отмечал Энгельс[1], ни в какой мере не пыталось регулировать непосредственное экономическое содержание отношений. Создавая форму экономических отношений, оно предоставляло воле сторон определение содержания. Но кризис рабовладельческого общества заставил государство регулировать и непосредственное экономическое содержание таких отношений. Поэтому в IV—V вв. н. э. в Риме издаются законы, подробнейшим образом регламентировавшие цены на все виды товаров.

В период становления и развития феодального государства и права последнее закрепляло лишь отношения

стве является лишь начальным этапом перехода к новой общественно-экономической формации. Для окончательной победы новых производственных отношений необходимо соответствующее изменение политической и правовой надстройки, необходим революционный скачок.

[1] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 311.

феодальной зависимости, положение сословий, но, когда в недрах феодального общества достигли достаточного развития капиталистические отношения, государство пытается подробнейшим образом регламентировать экономические отношения [1].

Усиленная регламентация государством экономических отношений в эксплуататорских общественно-экономических формациях бывает связана и с попытками развивать производительные силы страны, сохраняя вместе с тем отживающие производственные отношения и соответствующие им политические формы. Это особенно характерно для абсолютистского государства, когда, сохраняя феодальные учреждения и феодальную форму эксплуатации, монархи поощряли торговлю, развитие промыслов, поддерживали колониальные захваты, подробно регламентировали вопросы торговли, морского права и т. п.

Буржуазия, добиваясь власти, требовала прекращения вмешательства государства в экономику. Требование свободы собственности и свободы труда, означавшее по существу полную свободу капиталистической эксплуатации, было боевым лозунгом молодой буржуазии. Адам Смит, наиболее видный представитель буржуазной экономической науки XVIII века, писал: «Каждому человеку, пока он не нарушает законов справедливости, предоставляется совершенно свободно преследовать по собственному разумению свои интересы и конкурировать своим трудом и капиталом с трудом и капиталом любого другого лица и целого класса. Государь совершенно освобождается от обязанности.., надлежащее выполнение которой недоступно никакой человеческой мудрости и знанию, от обязанности руководить трудом частных лиц и

---

[1] Такая регламентация имела целью сохранение существующих производственных отношений, однако объективно она могла способствовать развитию новых, капиталистических отношений. Ярким примером этому были принятые в подавляющем большинстве европейских государств в XV—XVII вв. законы о бродягах, нищих и т. п. Цель этих законов заключалась в том, чтобы воспрепятствовать росту городов, сохранить форму феодальной эксплуатации. В действительности же, как показал анализ Маркса, эти законы способствовали созданию одного из основных условий капиталистического производства — класса людей, лишенных орудий и средств производства и вынужденных продавать свой труд на любых условиях.

направлять его к занятиям, более соответствующим интересам общества»[1].

Эти же идеи провозглашали и другие идеологи буржуазии. Даже Гегель, апологетизировавший государство, считавший, что гражданское общество входит лишь как часть в государство, венчающее всю систему права, подчеркивает вместе с тем неприкосновенность собственности, в распоряжение которой даже государство может вмешиваться лишь в исключительных случаях[2].

Но, когда капиталистический способ производства превратился в тормоз для дальнейшего развития производительных сил, буржуазное государство не могло ограничиваться ролью «ночного сторожа», предоставляющего всю область экономики свободной игре стихийных сил. Для сохранения капиталистической эксплуатации буржуазное государство на современном этапе вынуждено активно вмешиваться в экономические отношения. Это вмешательство является одной из характерных черт государственно-монополистического капитализма.

Воздействие на экономику в условиях государственно-монополистического капитализма

Характеризуя империализм как высшую стадию капитализма, В. И. Ленин писал о том, что «частная собственность, основанная на труде мелкого хозяина, свободная конкуренция, демократия, — все эти лозунги, которыми обманывают рабочих и крестьян капиталисты и их пресса, остались далеко позади»[3]. Анализируя государственное регулирование в период первой мировой войны, он показал, что целью этого регулирования был рост прибылей монополий за счет понижения уровня жизни рабочего класса[4]. Этот анализ подтвержден всем опытом развития государственного регулирования капиталистического хозяйства и на современной государственно-монополистической стадии капитализма.

В настоящее время активное вмешательство капиталистического государства в экономику является фактом, которого нельзя отрицать. Значительный рост удельного веса государственной собственности в капиталистических

---

[1] А. Смит. Исследование о природе и причинах богатства народов, т. 2, М., 1931, стр. 280.

[2] См. Гегель. Сочинения, т. VII, 1934, стр. 73.

[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 305.

[4] См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 166.

странах, программирование и прогнозирование развития отдельных отраслей хозяйства, непосредственное государственное регулирование некоторых отраслей, распределение ресурсов, использование кредитных и иных финансовых мер воздействия на экономику, лицензирование, контингентирование, таможенная политика, регулирование внешней торговли в той или иной мере наблюдаются во всех капиталистических странах. Эти формы будут рассмотрены далее. Здесь необходимо лишь указать, что они применяются во всех капиталистических странах в настоящее время. Вместе с тем государственное регулирование экономики, которое осуществляется в интересах сохранения капиталистической формы эксплуатации, в интересах монополий, ни в какой мере не означает изменения характера капиталистического государства. В результате такого регулирования монополии получают возможность присоединять к своей экономической мощи и силу государственного принуждения, получают возможность, раздувая военную истерию, развивать военную промышленность и извлекать грандиозные прибыли за счет снижения жизненного уровня населения [1].

В буржуазной литературе государственное вмешательство в экономику используется для попыток апологетизации капитализма, для попыток представить буржуазное государство «новым видом государства», государством «всеобщего благоденствия» и т. п. [2].

Широко распространены в буржуазной литературе попытки представить государственное вмешательство в экономику как орудие создания нового общества, являю-

---

[1] См. «Империалистическое государство и капиталистическое хозяйство», изд-во АН СССР, 1963; И. Кузьминов, Государственно-монополистический капитализм, Госполитиздат, 1955; С. А. Далин, Военно-государственный монополистический капитализм в США, изд-во АН СССР, 1961; В. А. Чепраков, Государственно-монополистический капитализм, «Мысль», 1964; А. И. Шнеерсон, Подчинение буржуазного государства монополиям, изд-во АН СССР, 1956; Л. Г. Ходов, Государственное вмешательство в экономику ФРГ в интересах монополий, изд-во МГУ, 1966; «Государственно-монополистический капитализм и буржуазное право», «Наука», 1969.

[2] Разоблачение этих попыток см. «Современные буржуазные учения о капиталистическом государстве», «Наука», 1967; В. А. Чепраков, цит. соч., стр. 24—39; А. М. Румянцев, Проблемы современной науки об обществе, «Наука», 1969, стр. 48—64.

щегося чем-то средним между капитализмом и социализмом. Многие буржуазные авторы не могут не признать, что «индивидуалистический капитализм» переживает глубочайший кризис. Выход из этого кризиса они пытаются найти в «управляемой экономике», «смешанной экономике», т. е. в экономике, в которой буржуазное государство, сохраняя частную собственность на средства производства, непосредственно активно воздействует на экономику [1].

Вместе с тем многие буржуазные юристы и экономисты вопреки очевидным и необратимым процессам развития пытаются все же представить современную экономику как сферу свободного предпринимательства и считают, что государственное вмешательство должно заключаться главным образом в обеспечении условий свободной конкуренции и «ограничения монополий» [2].

Государственное вмешательство в экономику на современном этапе представляет собой сложный процесс, объективно обусловленный современным уровнем развития производительных сил. Возможность использования монополиями государственной власти, а также непосредственного вмешательства государства в экономику определяется условиями современного общественного производства: централизацией и концентрацией, специализацией и кооперированием, расширением хозяйственных связей, новой ролью науки как непосредственной производительной силы.

Но современный уровень производительных сил требует новой формы производственных отношений — социалистических производственных отношений. В условиях государственно-монополистического капитализма особенной остроты достигает основное противоречие

---

[1] См. M. D. Reagan. The Managed Economy, N.-Y., 1963; G. Steiner. Government's Role in Economic Life. N.-Y., 1953; S. Fox, Economic Control and free Enterprise, N.-Y., 1963; K. Steiner, Wirtschaftsplanung, Wien, 1965; B. Chenot, Organisation économique de l'Etat, Paris, 1965; B. V. Damalas, La crise du capitalisme et le problème de l'économie dirigée, Paris, 1946; A. Chazel, H. Poyet, L'économie mixte, Paris, 1963.

[2] E. S. Redford, American Government and the Economy, N.-Y., 1965; A. Hunter, Competition and the Law, L., 1966; J. C. R. Dow, The Management of the British Economy 1945—1960, Cambridge, 1965; «Kartelle und Monopole in modernen Recht», Karlsruhe, 1961.

капитализма — противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения. Попытки капиталистического государства путем активного вмешательства сохранить форму производственных отношений, не соответствующую уровню производительных сил, обречены на неудачу [1].

На международном Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве в июне 1969 года было раскрыто подлинное значение и характер новых явлений, связанных с государственно-монополистическим капитализмом. В резолюции, принятой Совещанием, указано, что государственное регулирование, осуществляемое в формах и масштабах, отвечающих интересам монополистического капитала, и направленное на сохранение его господства, не в состоянии обуздать стихийные силы капиталистического рынка. Почти ни одно капиталистическое государство не избежало значительных циклических колебаний и спадов в экономике [2].

Попытки сохранить отжившие, не соответствующие современному уровню производительных сил производственные отношения не могут уже ограничиваться рамками внутренних отношений капиталистического государства. В целях воздействия на экономику широко используются международные экономические связи, экспорт капиталов, создаются искусственные барьеры во внешней торговле и международных экономических связях, образуются искусственные замкнутые группы вроде «Общего рынка», «Объединения угля и стали», «Евратома» и др. Создавая такие группы, капиталистические государства полностью отказываются от прежней буржуазной док-

---

[1] Меры государственного регулирования — национализация, программирование, прогнозирование, непосредственное вмешательство в экономическую деятельность подготавливают условия для уничтожения капиталистического способа производства. «Государственно-монополистическое регулирование, — как справедливо отмечается в литературе, — явление, свойственное капиталистическому общественному строю в период его крушения, но в то же время оно является выражением протекающего независимо от воли людей процесса материальной подготовки социализма» (Тодор Вълчев, Същност и методи на държавно-монополистическото регулиране, София, 1963, стр. 143).

[2] См. «Задачи борьбы против империализма на современном этапе и единство действий коммунистических и рабочих партий, всех антиимпериалистических сил», Политиздат, 1969, стр. 14—15.

трины свободного предпринимательства и в значительной мере — от идей государственного суверенитета. Последнее доказывает опыт «Общего рынка», внутри которого идет непрерывная борьба за экономическое и политическое господство.

Экономическая роль государства и права в странах, освободившихся от колониальной зависимости

Одним из результатов экономического и политического влияния стран социализма, их последовательной борьбы за мир, демократию и социализм на международной арене является распад колониальной системы, освобождение многих стран от уз колониализма. В этих странах огромное значение приобретает воздействие государства и права на экономику.

В странах, вступивших на некапиталистический путь развития, прогрессивный характер воздействия государства и права на экономику проявляется особенно полно, поскольку государство, отражая интересы трудящихся, сознательно и целеустремленно влияет на развитие общественного производства [1]. Но в той или иной мере во всех развивающихся странах воздействие государства и права носит прогрессивный характер и способствует строительству новой экономики: более полному использованию природных ресурсов, преодолению диспропорций и отсталости, унаследованных от периода колониальной зависимости.

Так, в Индии государство стремится активно воздействовать на развитие хозяйства, создавая базу тяжелой промышленности, расширяя государственный сектор в экономике, принимая народнохозяйственные планы, охватывающие все области экономики. Мероприятия, направленные на развитие экономики, принимаются также в Пакистане, Бирме и ряде других стран [2].

Государственное воздействие, имеющее целью создание собственной независимой экономики в этих странах, в известной мере ограничено, поскольку значительное место в хозяйстве занимает частный сектор. Однако в ряде стран применяются эффективные методы в виде мер

---

[1] С. М. Мирзоян, Л. Н. Орехов, Государственный сектор в экономике развивающихся стран, «Знание», 1965.

[2] См. «Planning for Economic Development», N.-Y., 1965; A. Roy, Planning in India, Calcutta, 1965.

финансового и кредитного характера, а также таких средств, как требование государственного разрешения (лицензии) для создания новых предприятий или реконструкции и расширения действующих, таможенная политика и т. п.

В связи с вмешательством государства в экономику в освободившихся от колониальной зависимости странах возникают острые противоречия как с международными монополиями, так и с национальной буржуазией, добивающейся удовлетворения своих классовых интересов. Примером последнего может служить стремление определенной части индийской буржуазии к ограничению воздействия государства на экономику и к сокращению государственного сектора в хозяйстве.

Значительные трудности вызваны тем, что бывшие метрополии пытаются сохранить свои экономические позиции и всячески препятствуют созданию независимой экономики развивающихся стран. Для укрепления экономического и политического влияния, для извлечения сверхприбылей, сохранения одностороннего непропорционального развития экономики бывших колоний применяются самые различные меры. Под предлогом гарантии вкладываемых капиталов развивающимся странам пытаются навязывать условия, ограничивающие возможности государства воздействовать на экономику [1].

Большую роль в этом играют также и международные организации, выражающие интересы капиталистических монополий. Так, Международный банк реконструкции и развития, рассматривая вопрос о предоставлении кредитов Индии, Ираку и другим развивающимся странам, предъявлял требования, несовместимые с государственным суверенитетом этих стран, как, например, об отказе от политики индустриализации, от строительства предприятий тяжелой промышленности, о сокращении государственного сектора в экономике и др.

---

[1] Так, в Ассоциации международного права буржуазными юристами предлагался проект конвенции и правил, предусматривающих существенное ограничение прав государств при национализации иностранной собственности; проект правил об арбитраже по делам, связанным с национализацией иностранной собственности (см. «The International Law Association. Report of the 49-th Conference, 1960», 1961; «The International Law Association. Report of the 50-th Conference, 1962», 1963). В результате активной борьбы представителей социалистических стран эти проекты не были приняты.

Воздействие государства на экономику — одно из эффективных орудий, которое может быть использовано для скорейшего развития стран, освободившихся от колониальной зависимости. Поэтому коммунистические и другие прогрессивные партии в этих странах борются за расширение государственного сектора в экономике и за активное вмешательство государства в экономические отношения с целью ограничения влияния как международных монополий, так и национальной буржуазии.

Экономическая роль государства и права в социалистическом обществе

Закономерности соотношения государства, права и экономики в условиях социализма существенно отличаются от закономерностей этого соотношения в предшествовавших эксплуататорских общественно-экономических формациях. Уровень производительных сил, требующих для себя новых, социалистических производственных отношений достигается еще в условиях капитализма. Но социалистические производственные отношения могут быть созданы лишь после победы социалистической революции.

«...Главной задачей пролетариата и руководимого им беднейшего крестьянства во всей социалистической революции, — а следовательно, и в начатой нами 25 октября 1917 г. социалистической революции в России, — писал В. И. Ленин, — является положительная или созидательная работа налаживания чрезвычайно сложной и тонкой сети новых организационных отношений, охватывающих планомерное производство и распределение продуктов, необходимых для существования десятков миллионов людей» [1]. В докладе на IX Всероссийском съезде Советов В. И. Ленин подчеркивал значение этой задачи: «На нас сейчас история возложила работу: величайший переворот политический завершить медленной, тяжелой, трудной экономической работой...» [2].

Впервые в истории человечества государство поставило своей задачей создание такой экономики, при которой наиболее эффективно развивались бы производительные силы и наиболее полно удовлетворялись потребности граждан нового общества. Если буржуазное государство в настоящий период пытается сохранить устарелые

---

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 36, стр. 171.
[2] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 44, стр. 326.

производственные отношения, тормозящие развитие производительных сил, то задачей социалистического государства стало создание таких экономических отношений, которые наиболее эффективно способствовали бы дальнейшему росту производительных сил.

Опираясь на социалистическую собственность на средства производства, государство осуществляет плановое руководство хозяйством и сознательно использует законы экономического развития в целях увеличения общественного богатства и удовлетворения растущих потребностей членов общества. В определенном смысле можно говорить о том, что социалистическое государство и право «создают» новые общественно-производственные отношения тогда, когда для этого имеются соответствующие материальные предпосылки. Законы, принимаемые социалистическим государством после завоевания пролетариатом власти, закрепляют его победу во всех областях общественной жизни, в том числе и в экономике. Ярким примером этого являются декреты о национализации, создавшие условия, «предэкономические факты» для нового социалистического способа производства. С дальнейшим развитием социалистической экономики принимались законы, способствовавшие созданию новых производственных отношений в различных областях народного хозяйства.

Существенной особенностью социалистического государства в его отношении к экономике является и то, что оно в своей деятельности руководствуется познанными им законами экономического развития, соотношения экономического базиса и политической и правовой надстройки. Впервые в истории государство, руководствуясь данными передовой науки, добивается гармонического, пропорционального роста производительных сил. При этом социалистическое государство ставит своей задачей не сохранение существующих производственных отношений, а создание условий для перехода к новым, более совершенным коммунистическим производственным отношениям. Это определяет прогрессивный характер воздействия государства и права на экономику.

Осуществляя планомерное, основанное на глубоком научном познании воздействие на экономику, государство использует помимо других важнейших методов общественного воздействия на поведение людей и всю силу государ-

ственного аппарата и все богатство и разнообразие форм правового регулирования.

Таким образом, существенные особенности в воздействии социалистического государства и права на экономику в основном могут быть сведены к следующим.

1. Социалистическое государство обладает гораздо более широкими возможностями воздействия на экономику, чем государство в эксплуататорских общественно-экономических формациях. Это определяется тем, что:

а) политическая основа социалистического государства несравненно шире, чем в государствах эксплуататорских общественно-экономических формаций. Власть находится в руках подавляющего большинства народа, в руках трудящихся, а затем (после уничтожения остатков эксплуататорских классов) в руках всего народа. Это обусловливает широкое участие всего народа в осуществлении экономических задач государства и, следовательно, несравненно более широкие возможности воздействия, чем известные когда-либо в истории;

б) основные орудия и средства производства принадлежат государству. В начальный период построения социализма это только «командные высоты»: земля (в СССР), воды, леса, недра, наиболее важные отрасли промышленности, транспорт, строительство. После окончательной победы социализма все производство становится общественным. Таким образом, расширяется сфера воздействия государства. Она охватывает и производство, и обращение, и потребление.

2. Воздействие социалистического государства на экономику является сознательным, целенаправленным. Оно основано на данных науки и на научном познании соотношения экономического базиса, государственной и правовой надстройки.

В отличие от эксплуататорских общественно-экономических формаций, где воздействие государства представляет собой в значительной мере результат игры стихийных сил, стихийных проявлений экономических законов, соотношения сил в классовой борьбе, следствие борьбы отдельных группировок внутри господствующего класса, воздействие социалистического государства на экономику — воздействие научно обоснованное, опирающееся на сознательное использование познанных экономических

законов. Благодаря этому государство может ставить экономические задачи и указывать средства их выполнения.

3. Воздействие социалистического государства на экономику существенно отличается и по своей цели. В эксплуататорских общественно-экономических формациях основная цель воздействия государства на экономику — сохранение существующих производственных отношений, существующей в данной формации системы эксплуатации. Целью воздействия социалистического государства на экономику является не сохранение существующих производственных отношений, а создание новых, более совершенных. По мере того, как производительные силы социалистического общества развиваются, социалистическое государство ставит новую задачу — построения коммунизма, т. е. создания более высокой системы производственных отношений. Таким образом, воздействие социалистического государства на экономику носит прогрессивный характер.

Из сказанного, однако, ни в какой мере нельзя сделать вывод, что преимущества социалистического государства реализуются автоматически, что воздействие на экономику осуществляется без каких-либо затруднений и возможности, создаваемые социалистическим строем, сами собой превращаются в действительность [1].

§ 2. ФОРМЫ И МЕТОДЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА НА ЭКОНОМИКУ

Государство и право оказывают обратное воздействие на экономику различными путями. Формы и методы такого воздействия зависят от общественно-экономической формации, этапа ее развития, конкретного соотношения производительных сил и производственных отношений на данном этапе. Как уже указывалось выше, эти формы и методы могут быть различны в пределах одной общественно-экономической формации в зависимости от ряда объективных и субъективных факторов.

---

[1] См. С. Н. Братусь, Экономика и право («Коммунист» 1963 г. № 13).

Правовое закрепление существующей системы производственных отношений

Наиболее общей формой воздействия государства и права на экономику является закрепление и охрана существующей системы производственных отношений. В эксплуататорском обществе это означает закрепление и охрану свойственных данному способу производства отношений эксплуатации. Так, в рабовладельческом обществе государство и право закрепляли отношения, при которых раб рассматривался не как субъект, а как объект права. Регулируя отношения собственности, римское право одним из основных объектов ее считало раба. Право не вмешивалось в отношения рабовладельца и раба; оно регулировало отношения между рабовладельцами, в том числе и по поводу владения рабами. Хозяин мог убить раба, не неся при том никакой ответственности, но посторонний, причинивший вред чужому рабу, отвечал за это как за ущерб чужой собственности. Во всех нормах права рабовладельческих государств можно увидеть общую цель — закрепление и охрану отношений, основанных на эксплуатации рабов.

Государство и право феодального общества закрепляли и охраняли феодальные производственные отношения. Это выражалось в установлении сословных привилегий, соединении политической власти с экономической, в охране отношений, связанных со сложной лестницей феодальной зависимости, в «привязывании» людей к определенному виду деятельности, соединении личной и экономической зависимости.

Буржуазное государство и право закрепляют капиталистическую форму эксплуатации, что выражается в декларировании формального равенства, личной свободы и других юридических условий свободы капиталистической эксплуатации.

Маркс блестяще разоблачил формальный характер положений буржуазного права о равенстве субъектов права, свободной воле и т. п. На примере трудового договора он показал, что «свободный» договор является свойственной капитализму правовой формой эксплуатации [1]. На «свободу договора» ссылались английские фабриканты в XVIII и XIX веках, покупая под видом договора об обучении у родителей и в работных домах 5—6-летних детей и

[1] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 187.

заставляя их работать в нечеловеческих условиях по 14 час. в сутки. На эту же «свободу» ссылались капиталисты во всех странах, пытаясь бороться против законов, устанавливавших самые элементарные условия труда на фабриках. Еще в 1908 году Верховный суд США в решении по делу Adair V. United States указал: «Право лица продать свой труд на тех условиях, которые оно считает подходящими, по своему существу такое же, как и право нанимателя предписать условия, на которых он предоставляет работу тому, кто предлагает ее... Во всех отношениях наниматель и нанимающийся имеют равные права, и любое законодательство, нарушающее это равенство, является произвольным вмешательством в свободу договора, которое не может быть узаконено в свободной стране»[1].

Признание формального равенства, «свободы договора», охрана отношений капиталистической собственности — все это направлено на правовое закрепление капиталистической формы эксплуатации, охрану устоев капиталистического общества.

Социалистическое государство и право закрепляют и охраняют социалистическую систему хозяйства. В отличие от всех предшествующих общественно-экономических формаций социалистическое общество не допускает эксплуатации человека человеком. Закрепление социалистических производственных отношений означает охрану и создание условий для развития нового справедливого строя, основанного на подлинном равенстве, создающего возможности для раскрытия творческих способностей и возможностей каждого члена общества в труде на благо общества.

Отсюда вытекает последовательный демократизм советского государства и права, эффективные гарантии политических, трудовых и иных социальных прав граждан, постоянная забота государства о наиболее полном удовлетворении их материальных и культурных потребностей.

Правовое закрепление существующей системы производственных отношений, охрана государством этих отношений создают общие условия для нормального осуществления экономической деятельности, для функционирования данного способа производства. Вместе с тем во

---

[1] J. E. Anderson, The Emergence of the Modern Regulatory State, Washington, 1962, p. 35.

всех общественно-экономических формациях в различных пределах государство и право воздействовали на экономику и непосредственно.

Государственное хозяйство

Во всех общественно-экономических формациях государство располагало собственностью, имевшей хозяйственное назначение. Уже в странах Древнего Востока государственное (царское) хозяйство оказывало известное влияние на экономику.

В период феодализма государственная власть пыталась развивать свою хозяйственную деятельность. Так, во Франции существовали королевские мануфактуры. Большая часть заводов, построенных в России при Петре I, также принадлежала государству. Однако рассматриваемые формы не имели большого влияния на развитие экономики. Основными задачами, которые преследовались в этих случаях, были получение средств для содержания аппарата власти и укрепление оборонной мощи страны. Государственное хозяйство было в первую очередь подсобным источником доходов, так же, как налоги, таможенное обложение и др.

Положение существенно изменилось с наступлением общего кризиса капитализма. В условиях, когда особенно обостряются противоречия между частным характером присвоения и общественным характером производства, переход целых отраслей хозяйства из частной собственности в собственность государства становится объективной необходимостью.

Национализация отдельных отраслей экономики капиталистическим государством ни в какой мере не означает изменения характера производства или характера государства. Превращение частной собственности в государственную не уничтожает ее капиталистического характера. Чем больше средств производства возьмет буржуазное государство в свою собственность, отмечал Ф. Энгельс, «тем полнее будет его превращение в совокупного капиталиста и тем большее число граждан будет оно эксплуатировать. Рабочие останутся наемными рабочими, пролетариями. Капиталистические отношения не уничтожаются, а, наоборот, доводятся до крайности, до высшей точки»[1].

Практика проведения национализации в капиталистических странах блестяще подтверждает справедливость

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 290.

прогноза Энгельса. На предприятиях, принадлежащих государству, осуществляется такая же капиталистическая эксплуатация трудящихся, как и на предприятиях частных хозяев. Прибыли, получаемые на национализированных предприятиях, используются государством опять-таки в интересах класса капиталистов.

Однако национализация в капиталистических странах — сложный, диалектически противоречивый процесс, имеющий еще одну чрезвычайно важную сторону. Несмотря на то, что она не меняет характера собственности как капиталистической, используется к выгоде монополий и служит одним из источников дополнительного их финансирования, национализация имеет большое экономическое и политическое значение, подготовляя условия для перехода к новым производственным отношениям. Поэтому коммунистические партии и другие прогрессивные организации рабочего класса в капиталистических странах требуют расширения государственного сектора хозяйства, национализации важнейших отраслей производства [1]. По той же причине капиталистические государства стремятся сдерживать процессы огосударствления собственности. Так, после второй мировой войны в результате победы прогрессивных сил в ряде стран довольно широко проводилась национализация отдельных отраслей народного хозяйства (Франция, Англия, Австрия и др.). Однако в дальнейшем наблюдался процесс реприватизации, т. е. передачи в частные руки государственного имущества [2].

Государственная собственность в капиталистических странах имеет своими объектами такие отрасли и виды деятельности, которые либо являются убыточными, либо требуют больших капиталовложений, окупающихся в течение длительного срока. Так, в ФРГ в государственной собственности находятся железнодорожный и автомобильный транспорт, мосты, каналы, аэродромы, портовые со-

---

[1] О характере и значении национализации в условиях государственно-монополистического капитализма см. А. М. Румянцев. Проблемы современной науки об обществе, стр. 58—59.

[2] В Англии в 1952—1953 гг. снова стали частной собственностью предприятия черной металлургии и автодорожного транспорта, национализированные в период пребывания лейбористов у власти. В США после второй мировой войны в частные руки было передано большое количество построенных государством машиностроительных и химических предприятий.

оружения. В основном все это используется монополиями, и если бы не государственная собственность на эти объекты, то монополиям приходилось бы значительную часть своих доходов расходовать на их сооружение и эксплуатацию. В настоящее же время эти расходы принимает на себя государство [1].

Широко распространенной формой является участие государственного капитала в смешанных акционерных обществах, приобретение государством акций и ценных бумаг.

Иной характер и значение имеет государственный сектор в экономике стран, освободившихся от колониальной зависимости. В странах, идущих по некапиталистическому пути, государственная собственность на основные орудия и средства производства способствует развитию национальной экономики.

Во всех странах, освободившихся от колониальной зависимости, наличие государственного сектора позволяет этим странам отстаивать самостоятельность своей экономики, бороться против условий, навязываемых иностранными монополиями, добиваться устранения диспропорций, односторонности развития экономики, выгодных для бывших метрополий. Наличие государственного сектора в экономике этих стран дает возможность через государственный сектор более эффективно воздействовать на хозяйство.

Непосредственное государственное регулирование хозяйства

Распоряжаясь материальными и трудовыми ресурсами, направляя деятельность производственных коллективов и граждан, государство и право оказывают непосредственное эффективное воздействие на развитие производительных сил и производственных отношений. Наиболее полно такой метод воздействия осуществляется в условиях социализма, когда государство выступает не только как организация политической власти, но и как собственник основных орудий и средств производства [2].

---

[1] См. Л. Г. Ходов, Государственное вмешательство в экономику ФРГ в интересах монополий, стр. 119—121; В. А. Чепраков, Государственно-монополистический капитализм, стр. 102—145.

[2] О значении соединения в социалистическом государстве всей полноты политической власти со всеми правомочиями собственника основных орудий и средств производства см. А. В. Венедиктов, Государственная социалистическая собственность, стр. 319 и сл.

В связи с такой деятельностью социалистического государства возникает ряд проблем, вызванных необходимостью сочетания централизованного государственного руководства народным хозяйством с известной экономической самостоятельностью производственных коллективов, непосредственно осуществляющих хозяйственную деятельность. Это является одним из аспектов общей проблемы претворения в жизнь принципа демократического централизма — важнейшего принципа социалистического государственного управления.

Осуществление этого принципа на различных этапах развития Советского государства и иных социалистических государств отличалось известными особенностями, отражавшими конкретные условия каждого периода. Так, в первом в мире социалистическом государстве в начальный период восстановления экономики после разрухи, причиненной империалистической войной и иностранной интервенцией, в условиях многоукладности экономики наиболее подходящей была значительная децентрализация в руководстве народным хозяйством, экономическая конкуренция государственных хозрасчетных трестов и предприятий с частным капиталом, применение таких форм, как коммерческое кредитование, векселя и др. Вместе с тем и на этом этапе развития социалистического государства существовали централизованное планирование развития основных отраслей народного хозяйства, регулирование цен на важнейшие виды товаров и т. д.

К началу 30-х годов в результате политики индустриализации и коллективизации были полностью ликвидированы капиталистические элементы в экономике; социалистическая собственность и социалистическая система хозяйства превратились в безраздельно господствующие. В соответствии с этим были созданы и новые формы руководства народным хозяйством и формы непосредственной хозяйственной деятельности государственных предприятий и организаций: система планирования, организация хозрасчетных связей, режим оборотных средств предприятий и организаций, прямое банковское кредитование и др. Эти формы выдержали испытание временем и с известными модификациями применяются и в настоящее время. Они способствовали бурному развитию народного хозяйства в годы первых пятилеток.

В предвоенные годы, в период Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы в условиях острого дефицита многих товаров значительно усилился метод централизованного руководства, централизованного распоряжения всеми материальными и трудовыми ресурсами. Широкое применение методов непосредственного централизованного руководства было характерно и для других социалистических стран в послевоенные годы, когда происходило восстановление народного хозяйства, разрушенного войной.

На современном этапе развития производительных сил в социалистических странах методы непосредственного централизованного руководства сочетаются с большей степенью имущественной самостоятельности производственных коллективов. На этом этапе, — в связи с грандиозным ростом производства, научно-технической революцией, значительным усложнением хозяйственных связей, специализацией и кооперированием, — централизованное плановое руководство должно выражаться в определении основных направлений развития, пропорций, структуры основных фондов и т. п. Государственное плановое руководство сочетается с широкой самостоятельностью предприятий и организаций, непосредственно осуществляющих хозяйственную деятельность.

Социалистическое хозяйство является товарным хозяйством, основанным на общественной собственности. Наличие товарно-денежных отношений, принцип социалистического распределения по труду обусловливают значение экономических рычагов, стимулов материальной заинтересованности как отдельных производителей, так и производственных коллективов, в результатах их деятельности. Наиболее эффективное применение экономических рычагов и материальных стимулов в интересах развития социалистического производства; оптимальное сочетание методов централизованного государственного руководства с инициативой исполнителей — такова сущность хозяйственной реформы, проводимой в последние годы во всех социалистических странах.

Как уже упоминалось выше, в других общественно-экономических формациях на определенном этапе их развития государство пыталось непосредственно регулировать хозяйственную деятельность. Такие попытки предпринимаются в настоящее время в условиях государственно-мо-

нополистического капитализма. Буржуазные юристы и экономисты широко пропагандируют необходимость непосредственного государственного регулирования хозяйства в таких формах, как государственное планирование и т. п. [1].

Однако в практической деятельности формы непосредственного государственного воздействия на экономику в современных капиталистических странах не находят широкого применения. Лишь в условиях мировой войны — первой и особенно второй — применялись в больших масштабах рационирование потребления, контроль над капиталовложениями и внешней торговлей, распределение материалов, контроль над ценами. Однако все эти методы непосредственного государственного регулирования были в значительной части отменены после войны. Некоторые из них, как, например, контроль над экспортом, сохранились в ряде стран до настоящего времени, но используются уже во внешне-политических целях [2].

В последние годы в ряде капиталистических стран созданы специальные органы планирования и государство принимает планы развития экономики страны в целом или ее отдельных отраслей. Во Франции существует Комиссариат Генерального плана, и парламент последовательно принимает многолетние планы развития хозяйства. Однако эти мероприятия капиталистических государств ни в какой мере не могут рассматриваться как действительное планирование. Принимаемые планы не имеют обязательной силы. Их реализация осуществляется посредством применения разнообразных экономических рычагов, т. е. путем косвенного воздействия государства на экономику. В результате действительные темпы и пропорции экономического развития отличаются от намеченных планом [3].

---

[1] M. D. Reagan, The Managed Economy, N.-Y., 1963; R. Brech, Planning Prosperity, L., 1964; «Marché et Plan, Travaux du congrès des économistes de langue française», 1964, Paris, 1965; A. Marchal, A la recherche d'un systeme économique, Nancy, 1952; A. Maddison, Economic Growth in the West, N.-Y. — L., 1964.

[2] Так, контроль над экспортом так называемых «стратегических материалов» (к которым относятся почти все товары) широко используется в США и в некоторых других странах для создания искусственных препятствий в торговле с социалистическими странами.

[3] См. В. Г. Афанасьев. Научное управление обществом. «Политическая литература», 1968, стр. 75—86; Б. Дубсой,

Непосредственное воздействие государства на хозяйство неразрывно связано с вопросом собственности на орудия и средства производства. Однако даже в тех странах, где имеется более или менее заметный государственный сектор в хозяйстве, государство и в отношении принадлежащих ему предприятий не применяет или применяет совершенно недостаточно меры непосредственного воздействия. Например, в Великобритании, где имеется ряд национализированных предприятий, управление последними осуществляется в основном так же, как и управление частными предприятиями [1].

Как и в вопросе национализации, буржуазное государство проявляет большую осторожность и по отношению к непосредственному государственному регулированию. Так, в докладе США о планировании экономического развития, представленном в ООН, указано: «Идея экономического планирования, понимаемого как планирование федеральным правительством, не встречает поддержки в США» [2].

Это высказывание отражает широко распространенное в американской экономической и юридической литературе мнение о том, что воздействие на экономику должно осуществляться косвенными путями и что «планирование», осуществляемое монополиями, вполне достаточно [3].

Формы непосредственного воздействия на экономику гораздо шире применяются в странах, освободившихся от колониальной зависимости. Так, в Индии, начиная с 1952 года, разрабатываются и принимаются органами государства народнохозяйственные планы, охватывающие все отрасли хозяйственной деятельности. Такие же планы есть

А. Покровский, Экономическое программирование в Западной Европе, «Мировая экономика и международные отношения» 1965 г. № 3, стр. 82—92.

[1] J. W. Grove, Government and Industry in Britain, Glasgow, 1962; R. J. Barnes, Central Government in Britain, L., 1965, pp. 109—114.

[2] «Planning for Economic Development», N.-Y., 1965, p. 237.

[3] N. A. Wells, Monopoly and Social Control, Washington, 1952; A. D. H. Kaplan, Big Enterprise in a Competitive System, Washington, 1954; E. S. Mason, Economic Concentration and the Monopoly Problem, Cambridge, Mass., 1957; A. Isaacs, R. Slesinger, Business Government and public Policy, N.-Y., 1964; A. Maddison, Op. cit.

в Бирме, Пакистане и ряде других стран [1]. Осуществление планов в этих странах связано не только с применением косвенных методов воздействия, но и с такими формами, как контингентирование, непосредственный контроль над частными капиталовложениями и т. п. В отличие от организации государственных предприятий в крупнейших капиталистических странах, где в основном стремятся воспроизводить систему организации частных монополистических предприятий, в развивающихся странах положение и деятельность предприятий государственного сектора гораздо более полно отражает их специфику. Именно по этим причинам крупная буржуазия активно борется против рассматриваемых мероприятий.

Косвенные методы воздействия на экономику

Буржуазное государство избегает по мере возможности форм прямого непосредственного вмешательства. Воздействие на экономику в интересах монополий осуществляется через сложный экономический механизм. Важнейшую роль здесь играет государство, выступающее в роли заказчика, потребителя. Как известно, капиталистические государства, пытаясь предотвратить экономические кризисы, раздувают военное производство. За счет снижения расходов на образование, здравоохранение, жилищное строительство растут статьи военного бюджета. Огромные средства, которые государство собирает у налогоплательщиков, после заключения контрактов с монополиями перекочевывают в карман последних, таким же образом расходуются и средства, предназначенные на развитие науки и других целей. На государственных заказах наживаются монополии. Условия договоров настолько выгодны для монополий, что между ними постоянно идет борьба за получение заказов. В этой борьбе широко используются и такие формы, как лоббизм, прямой подкуп, взяточничество и т. п. [2].

Для воздействия на экономику широко применяются финансовые рычаги. В домонополистический период буржуазное государство могло использовать для этой цели лишь налоги. Банки, в том числе и эмиссионные, находи-

---

[1] С. М. Мирзоян, Л. Н. Орехов, Государственный сектор в экономике развивающихся стран.

[2] В. А. Чепраков, цит. соч., стр. 146—159; А. И. Шнеерсон, цит. соч., стр. 109—114; G. Steiner, Government's Role in Economic Life, N.-Y., 1953, pp. 315—337.

лись в частной собственности. Государство сравнительно мало могло влиять на валютную и кредитную политику, и даже на денежное обращение.

Однако в период общего кризиса капитализма такое положение не могло сохраняться. В условиях обострения экономических кризисов, острой политической борьбы, роста самосознания рабочего класса, резкие нарушения денежного обращения могли создавать реальную опасность для самого существования капиталистического общества. С ростом и усилением монополий, по мере сращивания их с государственным аппаратом, регулирование денежного обращения, валютная и кредитная политика могли более эффективно приспосабливаться к интересам монополий посредством применения мер государственного воздействия [1]. Поэтому в XX веке происходит усиленный процесс огосударствления эмиссионных банков и в известной мере коммерческих банков.

Наряду с государственными эмиссионными банками в большинстве капиталистических стран сохранилась система частных коммерческих банков. Однако деятельность коммерческих банков, как правило, регулируется государством. Все это дает возможность государству оказывать довольно значительное влияние через систему кредита на развитие тех или иных отраслей хозяйства, оказывать помощь отдельным крупным монополиям и т. п.

Государственное воздействие на экономику определяется через систему взаимоотношений государственного бюджета с частным капиталом. Для ряда отраслей промышленности, поощряемых государством, применяется система государственных дотаций.

Мощными рычагами воздействия на экономику в интересах монополий являются также и меры налогового обложения. Здесь выработался ряд приемов, помогающих

---

[1] Насколько активно эмиссионные банки влияли на политику, можно видеть хотя бы из того, что падение лейбористского правительства в Англии в 1926 году было в значительной мере связано с сопротивлением, которое оказывал этому правительству Английский банк. Во Франции после прихода к власти в 1936 году правительства Народного фронта, Французский банк оказывал резкое сопротивление мероприятиям правительства. Для того чтобы сломить это сопротивление, в 1936 году был принят закон о реформе Французского банка, благодаря которому правительство получило возможность оказывать существенное влияние на политику банка.

монополиям уклоняться от налогового обложения своих доходов и перекладывать бремя новых капиталовложений на плечи трудящихся[1]. Интересам монополий служит также все расширяющееся вмешательство государства в область денежного обращения.

Значение методов непосредственного и косвенного воздействия на экономику

Рассматривая воздействие современного буржуазного государства и права на экономику, необходимо иметь в виду, что непосредственные и косвенные методы воздействия применяются в их сочетании. С соотношением непосредственных и косвенных методов воздействия на экономику тесно связано и известное изменение в значении и удельном весе отдельных элементов механизма капиталистического государства.

Меры, связанные с непосредственным воздействием на экономику, принимаются обычно высшими органами государственной власти. Эти меры поддерживаются прогрессивными организациями рабочего класса. Вместе с тем подобные меры (национализация отдельных предприятий или отраслей, принятие плана и др.) зачастую не оказывают эффективного влияния на развитие экономики. Национализированные предприятия работают в тех же условиях, что и частные. В ходе осуществления этих мероприятий их эффективность зачастую сводится к минимуму.

Мероприятия же, связанные с косвенным воздействием, осуществляются аппаратом исполнительной власти. Решения принимаются в тиши кабинетов, технические сложности оформления этих мер не дают возможности не специалистам разобраться в них. В результате решающее значение приобретает деятельность органов исполнительной власти. Соответствующий аппарат безудержно расши-

---

[1] Широкое распространение получило так называемое «самофинансирование». Акционерным обществам (а это — основная форма организации капитала) разрешается часть прибыли не распределять между акционерами, а использовать для расширения предприятия. Чтобы прибыль в нужном размере могла остаться в распоряжении предприятий, также резко снижается налоговое обложение. Таким способом вуалируется действительное положение вещей: расширение монополистических предприятий за счет налогоплательщиков и финансовая помощь государства монополиям.

ряется. Действительные возможности его воздействовать на экономику определяют его значение. В этом одна из причин процесса усиления исполнительной власти, отмечаемого в настоящее время во всех буржуазных странах.

§ 3. ТВОРЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЭКОНОМИКУ

Особенности соотношения государства и права с экономикой при социализме обусловили особую роль государства и права в развитии экономики социалистических стран, в развитии социалистического хозяйства. Поэтому перед социалистическим государством и правом встает ряд конкретных проблем, обусловленных широкими возможностями воздействия на экономику и необходимостью осуществлять такое воздействие в соответствии с требованиями объективных экономических законов. Экономическая политика социалистического государства с самого его возникновения приобретает первостепенное значение.

Политика социалистического государства, право и экономика

В социалистическом обществе при господстве общественной собственности на орудия и средства производства и плановом руководстве народным хозяйством открываются такие возможности воздействия права на экономику, которых нет и не может быть в обществе эксплуататорском. Именно социалистическое государство может осуществлять научно обоснованную, последовательную, целенаправленную экономическую политику. Однако при этом нельзя забывать, что право не может быть оторвано от материальных условий существования общества. Право не может быть выше экономики, выше тех материальных предпосылок, которые необходимы для того, чтобы правовое регулирование приносило желанные результаты. Важнейшее положение марксизма-ленинизма о том, что право является частью надстройки над экономическим базисом, правильно и для социалистического общества на всех этапах его развития. Юридические нормы устанавливают определенные рамки поведения людей и направляют это поведение с целью обеспечить становление, закрепление, упрочение и развитие способа

производства, соответствующего интересам господствующего класса.

Но право может играть и консервативную роль по отношению к экономике. Если законодательство своевременно не обновляется, отстает от новых экономических потребностей, устаревает, оно тормозит развитие производительных сил, задерживает процесс становления, развития и совершенствования производственных отношений. Поэтому нормы права, сыгравшие в свое время прогрессивную роль в деле укрепления данного способа производства, на определенном этапе становятся тормозом развития производительных сил и тех производственных отношений, которые должны им соответствовать. В СССР и других социалистических странах указанное противоречие разрешается путем обновления и изменения законодательства, в котором находит свое выражение политика марксистско-ленинских партий, опирающихся на познанные законы экономического развития.

Экономическая политика партии выражается в законодательных актах, закрепляющих предусмотренные этой политикой экономические процессы и способствующих их развитию. Соблюдение норм права, опирающихся на политику, учитывающую требования экономических законов, обеспечивает устойчивость экономических отношений и способствует развитию новых отношений, в рамках которых осуществляется дальнейший подъем производительных сил.

Будучи государственным выражением воли господствующего класса, а в настоящее время — воли всего народа, социалистическое право направляет поведение отдельных людей, производственных коллективов, планово-регулирующих органов, должностных лиц на решение тех задач, которые выдвигает развитие экономики и которые осознаны коммунистической партией. Если политика — это концентрированное выражение экономики, то право, его нормы — концентрированное выражение политики. В законах, относящихся к сфере хозяйства, выражена в концентрированной форме экономическая политика социалистического государства. Юридический закон — это обусловленная экономическим строем и соответствующая интересам нашего общества, обобщенная для определенной категории отношений мера (масштаб) целесообразного

(с государственной точки зрения) поведения граждан и организаций.

Закон — это политика, выраженная в общеобязательном правиле поведения, обеспеченном в случае его нарушения государственным принуждением. В рамках закона и на его основе осуществляется и развивается повседневная политика социалистического государства. Закон, обеспечивая устойчивость отношений, не может каждодневно меняться. Лишь при изменении общественных условий создаются предпосылки для нового законодательства.

Разумеется, когда мы говорим о зависимости законодательства от экономической политики, то речь идет о важных, основополагающих законах, а не о второстепенных нормативных актах, в которых конкретизируются те или иные отдельные стороны экономической политики, остающейся (имея в виду ее главное направление) неизменной на протяжении значительного периода времени.

Отмена закона или замена новым происходит не ранее чем созреют для этого соответствующие предпосылки и возможности. Законодатель должен, как уже отмечалось, их своевременно обнаружить и учесть. Поэтому при правильной политике и тем самым при правильном учете законодательством реальных условий и потребностей общества, возникающих в процессе коммунистического строительства, право способствует установлению надлежащего соответствия между производственными отношениями и производительными силами. При неправильной хозяйственной политике, когда законодатель недостаточно учитывает реальные возможности, а также в тех случаях, когда законодательство устарело, соответствующие юридические нормы не будут иметь того полезного результата, для достижения которого они были изданы: в этом случае закон либо не применяется, либо оказывает отрицательное влияние на хозяйство, задерживает развитие социалистического производства.

Формы воздействия социалистического государства на экономику

Формы и методы, в которых осуществляется направленная на развитие социалистической экономики и создание материально-технической базы коммунизма деятельность государства, разнообразны и определяются конкретным содержанием регулируемых отношений. Так, Советское государство, руководствуясь данными передовой науки, принимает в виде

законов перспективные и годовые планы развития народного хозяйства, непосредственно направляя таким образом развитие производительных сил и производственных отношений. В виде законов государство принимает и планы финансирования народного хозяйства и всех других отраслей государственной деятельности (государственные бюджеты СССР и бюджеты союзных республик). Конкретизируя и детализируя эти планы, органы государственного управления утверждают планы различных отраслей народного хозяйства, отдельных объединений и предприятий.

В. И. Ленин писал о том, что социализм немыслим без «планомерной государственной организации, подчиняющей десятки миллионов людей строжайшему соблюдению единой нормы в деле производства и распределения продуктов»[1]. Гигантская организационная работа органов социалистического государства неразрывно связана с непосредственной хозяйственной деятельностью социалистических предприятий и организаций. В этом выражается одна из существенных особенностей взаимоотношения экономики и права в социалистическом обществе.

Непосредственное воздействие на экономику оказывает распоряжение государством материальными и трудовыми ресурсами: планирование, организация управления, установление условий работы предприятий.

Государство оказывает воздействие на экономику не только путем непосредственного распоряжения принадлежащими ему орудиями и средствами производства, но и путем воздействия на деятельность кооперативных и иных общественных организаций.

Подобное воздействие осуществляется либо методами непосредственного государственного руководства, либо путем использования механизма товарно-денежных отношений. Существенное воздействие на экономику осуществляется и посредством регулирования условий труда и, в частности, государственного регулирования заработной платы.

Разнообразие и многосторонность средств воздействия социалистического государства на экономику ставят перед практикой важнейшую проблему выбора надлежащей формы воздействия. Для решения этой проблемы необхо-

---

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 43, стр. 210.

дим анализ рассматриваемых форм с точки зрения их соответствия содержанию.

Можно установить следующие основные формы воздействия социалистического государства на экономику:

1. *Непосредственное распоряжение государства материальными и трудовыми ресурсами.* Государство, выступая как собственник основных орудий и средств производства, распоряжается ими, направляя их развитие. Вместе с тем государство как организация политической власти направляет и деятельность других социалистических организаций (кооперативных, общественных) в области хозяйства. Непосредственное распоряжение материальными и трудовыми ресурсами и направление деятельности других социалистических организаций оказывают воздействие на развитие производительных сил. Таким путем государство определяет размещение производительных сил: строительство новых предприятий, электростанций, путей сообщения, освоение новых районов, размещение различных отраслей производства и т. п. Государство устанавливает и планы развития народного хозяйства, соотношение отдельных его отраслей, видов выпускаемой продукции. Оно определяет показатели, являющиеся основанием для оценки работы предприятий, объединений, устанавливает принципы и организационные формы управления.

Такое непосредственное воздействие на развитие производительных сил и производственных отношений является одним из замечательных преимуществ социалистического строя. Оно создает возможность целенаправленного воздействия на экономику, дает возможность избежать тех огромных потерь общественного труда, которые связаны со стихийным действием экономических законов в условиях частного производства и присвоения. Однако, как уже упоминалось выше, такие формы воздействия эффективны тогда, когда они применяются в соответствии с требованиями экономических законов. Это не значит, что государственное вмешательство должно только следовать за действием экономического закона. Государство своей деятельностью может способствовать наиболее полному проявлению одних экономических законов и известному ограничению других законов. Однако такое ограничение может производиться лишь в определенных пределах. В. И. Ленин писал о том, что

государство обладает юридической возможностью, но оно должно использовать эту возможность так, чтобы экономические результаты не оказались противоположными поставленной цели. В этом смысле Ленин различал юридическую возможность и действительную возможность[1].

Рассматриваемая форма воздействия опосредствуется в основном нормами государственного, административного, земельного, финансового права. Однако эту форму не следует смешивать с административными методами, противопоставляемыми экономическим. Учет всех экономических факторов — одно из необходимых условий осуществления этой формы воздействия. Определяя размещение производительных сил, темпы развития отдельных отраслей народного хозяйства, планируя их развитие и т. п., социалистическое государство должно руководствоваться данными экономики, учитывать действие экономических законов. В этом смысле рассматриваемые методы также являются в значительной мере экономическими. Действием экономических законов объективно обусловлены не только размещение производительных сил, планирование и т. п., но и организация аппарата управления.

2. *Правовое регулирование хозяйственной деятельности, основанное на действии экономических стимулов.*

Воздействие на поведение участников хозяйственной деятельности путем создания экономических стимулов является важнейшей формой воздействия права на экономику. Отличие ее от формы, рассмотренной выше, заключается в том, что норма права не предписывает определенное поведение, а создает стимулы для такого поведения граждан и организаций. Таким образом, норма права реализуется через сознательные волевые действия большого числа лиц и организаций, принимающих непосредственное участие в хозяйственной деятельности. Содержание правовой нормы в этих случаях преломляется через индивидуальное или коллективное сознание. Для ее осуществления необходим определенный волевой акт исполнителей. Таким образом, государство воздействует на экономику, используя для этого инициативу, сознание, волю миллионов трудящихся, объединенных в производственные коллективы.

---

[1] См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 36, стр. 298—299.

Стимулирование требуемого нормой поведения может быть различным. Оно может заключаться в системе материального поощрения за надлежащее поведение и в системе материальной и личной ответственности в случаях ненадлежащего поведения или нарушения установленного нормой порядка.

К рассматриваемой форме воздействия на экономику относятся, например, правовые формы хозяйственного расчета, устанавливающие материальную заинтересованность социалистической хозяйственной организации или предприятия в надлежащем осуществлении их деятельности; правовые формы хозяйственных связей как между различными отраслями социалистического хозяйства, так и внутри этих отраслей. Сюда же относится и регулирование трудовых отношений: установление различных систем заработной платы, стимулирующих повышение производительности труда и высокое качество выполняемых работ, порядок выплаты пенсий и пособий по временной нетрудоспособности. Важнейшее значение для экономики имеет осуществляемая в той же форме правовая регламентация деятельности колхозов, установление форм оплаты труда и распределения доходов в колхозах, порядок формирования и использования фондов и др.

При рассматриваемой форме воздействия на экономику государство создает определенный механизм, который должен благодаря своему автоматическому действию, основанному на системе экономических стимулов, обеспечивать надлежащее поведение участников хозяйственной деятельности и достижение поставленной цели. Такое воздействие на экономику опосредствуется главным образом гражданским, трудовым, колхозным и отчасти финансовым правом.

Рассматриваемая форма воздействия на экономику отличается большой сложностью. Направляя поведение производственных коллективов и отдельных лиц, создавая стимулы для требуемого поведения, необходимо в общей и достаточно абстрактной форме определить систему этих стимулов. На основе данных различных отраслей науки нужно определить, какое именно поведение в конкретных условиях является оптимальным для определенного участка хозяйственной деятельности; какие факторы, воздействующие на поведение, являются наиболее эффективными. Необходимо также определить результат воздействия

этих факторов на поведение каждого исполнителя в данных конкретных условиях.

Именно при этой форме воздействия государства и права на экономику необходимо с особенной полнотой и тщательностью учитывать действие объективных экономических законов, закономерности соотношения правовой формы и содержания. Поскольку для реализации норм необходима активная волевая деятельность трудовых коллективов и десятков миллионов граждан, требуется, чтобы норма была реальна, соответствовала экономическим условиям, соответствовала политическому сознанию, правосознанию и морали граждан. Пренебрежение этим требованием может повлечь за собой неэффективность нормы, остающейся мертвой буквой, либо реализация нормы может иметь результат, существенно отличный от того, на достижение которого была направлена эта норма.

3. *Борьба с правонарушениями в области экономической деятельности государства.*

Воздействие государства на экономику проявляется и в активной борьбе с отдельными лицами, которые своими противоправными действиями нарушают нормальную хозяйственную деятельность, тем самым угрожая охраняемой социалистическим государством системе производства и распределения. Нормы уголовного права, сурово карающие хищение государственного и общественного имущества, изготовление с целью сбыта или сбыт поддельных денег и ценных бумаг, скупку и сбыт в виде промысла иностранной валюты, попытки возрождения частнохозяйственной деятельности, приписки, очковтирательство и т. д., направлены на охрану социалистической системы хозяйства.

Применение норм уголовного права в рассматриваемой области является эффективной формой охраны социалистических общественных отношений. Здесь действуют общие закономерности, определяющие эффективность применяемых государством мер борьбы с преступлениями. Однако необходимо отметить, что в области экономической деятельности государства меры уголовной репрессии — только вспомогательное средство. Они ни в какой мере не могут быть основным способом решения той или иной экономической проблемы. Применение уголовного наказания или угроза таковым не могут восполнить недо-

статков в правовом регулировании того или иного вида экономических отношений.

Все основные формы воздействия социалистического государства и права на экономику неразрывно связаны друг с другом. Непосредственно распоряжаясь материальными и трудовыми ресурсами, государство должно во всей полноте учитывать те последствия, которые создаются в результате действия системы экономического стимулирования. Создавая стимулы материальной и моральной заинтересованности, государство так строит механизм действия этих стимулов, чтобы наиболее эффективно достигались цели, поставленные в государственных планах и иных решениях.

Создавая механизм действия экономических стимулов, государство определяет не только самый механизм (участников отношений, их права и обязанности, формы стимулирования и ответственности и др.), но и ряд иных условий, как, например, цены, конкретных участников отдельных отношений и др. Однако для эффективного действия такого механизма необходимо, чтобы число таких условий, определяемых в порядке административного распоряжения, было ограничено. В противном случае система лишена необходимой степени вариантности, что существенно снижает ее эффективность.

В последние годы в ряде социалистических стран, как уже отмечалось, проводится экономическая реформа, основное содержание которой сводится к тому, что расширяется сфера применения механизма, основанного на действии экономических стимулов, и ограничивается область применения форм непосредственного государственного распоряжения. В отдельных социалистических странах это соотношение различно, ибо оно определяется рядом факторов, связанных с конкретными условиями развития каждой страны. Несомненно, что во всех странах идет поиск оптимального соотношения централизованного государственного руководства с системой действия экономических факторов, направляющих поведение производственных коллективов и трудящихся.

В буржуазной печати предпринимались попытки рассматривать экономическую реформу в странах социализма как некий «отход» от марксизма, как переход к капиталистическим формам в экономике. Необоснованность такого рода рассуждений очевидна. Ведь реформа ни

в какой мере не изменяет основы производственных отношений — социалистической собственности на орудия и средства производства. Наоборот, она направлена на дальнейшее развитие и рост этой собственности. Реформа осуществляется в полном соответствии с одним из основных принципов государственного управления и руководства — принципом демократического централизма. Реформа направлена на совершенствование системы социалистического планирования, централизованного руководства. Оставляя незыблемыми основные принципы социалистического хозяйствования, она должна найти и применить оптимальные формы осуществления этих принципов. При осуществлении реформы речь идет о соотношении различных форм воздействия социалистического государства на социалистическую экономику. В ходе такого воздействия могут и должны быть более полно использованы все самые разнообразные формы воздействия на экономику. Расширение сферы действия механизма экономического стимулирования означает применение форм, наиболее полно соответствующих требованиям экономических законов на современном этапе развития социалистического общества.

Глава двенадцатая

ГОСУДАРСТВО, ПРАВО И ЛИЧНОСТЬ

§ 1. Личность как объект социальных и государственно-правовых исследований. § 2. Государство, право и свобода личности в историческом развитии. § 3. Права и обязанности граждан как необходимое условие их свободы.

§ 1. ЛИЧНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНЫХ И ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Юридическая наука и проблема человека

Для характеристики предмета юридических исследований большое значение имеют слова В. И. Ленина о том, что «социолог-материалист, делающий предметом своего изучения определенные общественные отношения людей, тем самым уже изучает и реальных *личностей*, из действий которых и слагаются эти отношения»[1]. Следовательно, государство и право как действенные социальные институты и юридическая наука как наука, изучающая эти институты, должны быть определенным образом ориентированы на человека, его интересы и потребности, но подобная ориентация может быть только конкретно-исторической, она не предполагает человека вообще, некоторую абстрактную личность, взятую независимо от принадлежности к социальной группе, к общественному классу[2].

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 424.

[2] Еще римские юристы, отвечая на вопрос, что такое правоведение, подчеркивали: правоведение есть знание человеческих дел. Многим представителям юридической науки, даже целым поколениям ученых, объединенным в отдельные школы и научные направления, казалось, что определение римских юристов устарело, что их предмет является более возвышенным и абстрактным и правовая наука должна заниматься только юридиче-

Прежде чем перейти к вопросу о личности в условиях определенного типа государства и права, необходимо напомнить о понятиях, которые широко используются в общественных науках, в том числе и в науке о государстве и праве. Речь идет о понятиях «человек», «личность», «гражданин». Совершенно очевидно, что каждое из них характеризует человеческое существо, но характеризует так, что в нем акцентируется лишь отдельная сторона или ряд сторон, определенная черта или некоторая совокупность черт.

Исходным и наиболее общим понятием, которым оперирует наука, является понятие «человек». В данном понятии фиксируется качественная определенность, качественное своеобразие человеческого существа, проявляющееся в биологической, психической и социальной природе человека таким образом, что все эти стороны, грани его сущности являются гармоническими и нераздельными.

Человек, который и сам является природной силой, благодаря способности сознательно и целесообразно формировать условия внешней среды в качестве условий собственного существования, благодаря способности трудиться, производить, возвышает себя над природой, он, по словам К. Маркса, «своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой»[1]. Человек не смог бы стать и бесконечно малой долей того, что он есть, если бы он не был по своей природе социальным, общественным существом.

Всякий труд возможен только в коллективе, внутри которого человек занимает определенное место как носитель известных производственных функций, как субъект социальной деятельности. Общество и коллектив есть необходимая среда, в которой формируется человеческое сознание, совершенствуется мышление, обогащается язык, складывается практический опыт и вообще создаются все человеческие ценности.

скими нормами и конструкциями, юридико-догматической разработкой позитивного права на основе установления чисто структурных и формальных связей между элементами правовой системы. Но все попытки вытравить социальное содержание из государственно-правовых теорий, «подняться выше» общественной практики, социальной действительности, в которой пребывает реальная человеческая личность, всегда оказывались напрасными.

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 188.

Но если общество представляет собой среду, сферу человеческих взаимодействий, своего рода климат, более или менее благоприятный для жизни и развития человека, то нужно иметь в виду еще одно очень важное обстоятельство, которое марксизм всегда выделял и подчеркивал: общество активно формирует человека, вовлекая его в систему многообразных жизненных отношений. Поэтому К. Маркс определял сущность человека как «совокупность всех общественных отношений» [1].

Развитое и углубленное понимание социальных свойств человеческого существа приводит к необходимости выделить особое и конструктивное понятие *личности* в отличие от собственно человека. Различие между данными понятиями определяет своеобразие методологического подхода к проблемам человека и личности, вносит элементы известной дифференцированности в проблематику исследований по этим вопросам: т. е. несет практическую, научно познавательную функцию. Необходимо особо подчеркнуть, что *человек — биосоциальное, природно-общественное существо* [2], в этом заключены специфика и методологическая ценность понятия «человек».

Когда общественная наука говорит о человеке, она неизменно должна исходить из того, что природное, т. е. биологическое, физическое, физиологическое, психическое в человеке, есть фактор, достойный внимания, учета и изучения в тесной связи с общественными чертами и свойствами человеческого существа и в границах, в которых природное проявляется, выражается в социальном поведении человека.

Природное в человеке не есть нечто абстрактное, застывшее, вневременное: оно органически включено в социальное, тесно переплетено с ним, проявляется в известных общественно-исторических формах, имеет определенное социально значимое содержание. В человеке природное и социальное неотделимы друг от друга, и это накладывает на все общественные науки обязанность рассматривать проблему человека целостно, т. е. с учетом всех сторон и граней человеческого существа.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 3.

[2] См. Д. И. Чесноков, Исторический материализм, «Мысль», 1965, стр. 412; В. П. Тугаринов, Личность и общество, «Мысль», 1965, стр. 43.

Фактический отказ буржуазной науки от высоких гуманистических идеалов человечества совершается в различных открытых и завуалированных формах. Эта цель, в частности, достигается посредством либо игнорирования, либо неверного истолкования значения социальных свойств человека, биологизации общественной жизни, трактовки человека как только биопсихической особи, принципиально не выделяющейся из мира животных либо выделяющейся в худшую сторону.

Буржуазная юридическая наука испытала на себе влияние абстрактного антропологизма, ограничивающего человеческое бытие бытием чисто антропологических, т. е. биологических, физиологических признаков. В действиях человека как участника юридического общения некоторые буржуазные юристы видят только проявление скрытых душевных способностей, психических комплексов, природных человеческих инстинктов. Правовая жизнь общества нередко изображается как хаотическое нагромождение фактов — результатов действий субъектов права, которые черпают «принципы» своего поведения из себя самих, из своей особым образом устроенной индивидуальной природы.

Отсюда следует логический вывод, что общество, пытающееся посредством права регулировать поведение людей, производит бесконечный и неблагодарный труд, который лишь отчасти и лишь временами кажется полезным, но в основном не приводит и не может привести к успеху, т. е. к установлению социальной гармонии между действиями отдельных людей.

Принципы буржуазного антропологизма были положены в основу некоторых криминалистических теорий, пытающихся обосновать тезис о том, что склонность к преступлению есть врожденное, природное качество отдельных людей (например, теория «врожденного криминального типа» Ламброзо, современные неофрейдистские криминалистические теории и т. д.).

Антисоциальная сущность буржуазного антропологизма проявляется особенно ярко тогда, когда речь идет о конфликтах между людьми, человеком и коллективом, человеком и обществом, т. е. о тех конфликтах, улаживание которых является одной из задач государства и права. Буржуазные юристы часто не желают признавать социальную природу этих конфликтов; они ищут источники и при-

чины их в природных (антропологических) свойствах человека [1].

Биологизация сущности отдельного человека и общественной жизни — это тот пункт, на котором сходятся очень многие, казалось бы разные по своему характеру, буржуазные правовые доктрины. На этой основе одни из них игнорируют значение общественной среды для правовой деятельности индивида, трактуя право как реальность, присущую индивидуальной психике человека (психологические теории права), другие изображают государство и право как орудия социального контроля над человеческими инстинктами, средства упорядочения, примирения интересов эгоистически настроенных субъектов (различные направления социологической школы права и т. д.).

В настоящее время принципы абстрактного антропологизма нашли дальнейшее развитие в ряде буржуазных философских и социологических теорий, прежде всего в экзистенционализме, неофрейдизме, бихэвиоризме и др., в сложившихся на базе этих теорий правовых взглядах.

Понятие личности

Проблема человека как личности целиком лежит в сфере социального, общественного. Общество, общественные отношения с их необходимыми закономерностями и случайными отклонениями от этих закономерностей представляют формирующую среду, в которой человек приобретает качества личности [2]. Способность быть личностью заложена

---

[1] Характерны в этом отношении высказывания известного русского дореволюционного юриста Г. Ф. Шершеневича: «Антропологический момент сплошь и рядом берет верх над социологическим. В минуту острой коллизии интересов отец нередко вспоминает, что он сперва человек и жертвует интересами семьи ради личного спасения. Граждане самых культурных стран, покрытые самым густым социальным налетом, показывают, как пробивается наружу скрытый антропологический момент, даже и без особой остроты, при столкновении интересов. Что же иное означают те случаи, когда торговцы в осажденном городе продают по повышенной цене припасы, когда граждане тайком сбывают неприятелю своего отечества оружие, поставляют войску, защищающему их страну, гнилые вещи и т. п. Изолированный человек сразу снимает с себя социальные одежды, сотканные многими веками» (Г. Ф. Шершеневич, Общая теория права, вып. 1, М., 1910, стр. 67).

[2] Часто употребляемое в нашей литературе понятие «индивид» качественно идентично понятию «человек». Различие между этими понятиями указывает лишь на количественный момент. Индивид — это единичный человек, человек, взятый в отдельно-

уже в социальных свойствах человека, в социальной природе его существа, в стремлении к коллективизму, в стремлении к упорядоченным формам общественной жизни. Свойства личности являются продолжением и углублением социальных свойств человека.

Не природные качества человека делают его личностью, хотя они являются определенной предпосылкой, фактором становления личности. Было бы неверным думать, что, изучая человека как личность, наука должна абстрагироваться, отвлекаться от природных начал в человеке, игнорировать их как нечто малозначительное и не относящееся к делу. В личности природное предполагается как соединенное с социальным, переведенное, перевоплощенное в социальное, диалектически снятое в социальном. Понятие личности поэтому является столь же широким, как и понятие человек, но более глубоким и более концентрированным по содержанию. На уровне изучения человека наука сопоставляет природное и социальное, если не как равнозначное, то во всяком случае как самостоятельные факторы; изучение личности — следующий, более высокий этап познания человеческой сущности — предполагает социальное в качестве целостного, специального предмета. Проблема личности — проблема человека, включенного в систему социальных взаимосвязей, занимающего особое место в обществе, в социальной группе, в коллективе. Эта проблема охватывает область взаимоотношений человека и общества, человека и коллектива, область, в которой находит выражение диалектическое отношение отдельного, единичного, особенного и общего, части и целого и т. д.

Личность, выступая субъектом социального бытия и в качестве такового находясь в определенном отношении к обществу как к целому, испытывает на себе действия двух противоположных, но взаимно предполагающих друг друга сил: одни силы принуждают человека к совместному бытию в обществе, к общению в широком смысле этого слова, они связывают людей в коллективы, группы, сближают их в совместной деятельности по созданию ценностей материальной и духовной культуры; другие толкают человека выделиться из общества в качестве особен-

---

сти, но взятый во всей полноте своих качественных определений. Слова «индивид» и «человек» становятся синонимами, если понятие «человек» мыслится не как родовое (человек вообще), а как единичное понятие (данный конкретный человек).

ного, индивидуального явления, обособиться в нем как признанная обществом, активная личность, имеющая самостоятельную социальную ценность. Общение и обособление личности суть диалектически связанные социальные процессы [1]. Обособление предполагает развитие и всесторонние связи личности с обществом, человек «только в обществе и может обособляться» [2].

Указанные выше процессы и взаимодействия различным образом направленных социальных сил вырабатывают конкретный социальный облик личности, в котором общее соединено с единичным, типическое с особенным, социальное с индивидуальным.

Личность есть прежде всего определенный социальный тип человека. Каждый относительно устойчивый человеческий конгломерат, каждый класс, каждая социальная прослойка или социальная группа вырабатывают в своей среде специфические социальные черты, типичные для человека именно этого класса, этой группы людей.

Становление личности есть процесс последовательного усвоения человеком социальных эталонов, выработанных обществом, классом, причем этот процесс может быть более или менее интенсивным в зависимости от активности индивида, от его субъективного желания и умения сделать себя личностью определенного социального типа.

Носителем личности является конкретный индивид, поэтому понятие личности предполагает не только качества, выражающие типическое в людях его класса, его социальной группы, классовой прослойки и т. д., но и те социальные свойства, которые идут от индивидуального своеобразия человека, от особенностей его индивидуальной судьбы и конкретного положения в обществе. Личность представляет собой сплав общих и особенных, типических и своеобразных свойств человека. Нередко своеобразные социальные черты — мировоззрение, склонности, направленность действий и характер участия в общественной жизни, ориентация на определенные моральные ценности и т. д. — могут приобретать первостепенное значение для социальной оценки личности. Каждый класс

---

[1] См. П. Е. Кряжев, Некоторые социологические вопросы формирования личности («Вопросы философии» 1966 г. № 7, стр. 16—18); «Личность при социализме», «Наука», 1968, стр. 45—54.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 12, стр. 710.

выдвигал из своей среды людей, которые не укладывались в ходячие социальные эталоны личности, преодолевали их узость и ограниченность, шли впереди своего века.

Человек, который живет в обществе, не может не быть личностью. Трудно себе представить, чтобы выросший и воспитавшийся в общественной среде индивид был «никем» в социальном отношении. Все члены общества являются личностями, но в обществе есть разные социальные типы личности, а в пределах единого социального типа существуют личности, отличающиеся одна от другой.

Фактом всемирно-исторического значения в прогрессе человеческой личности является освобождение человека от экономической эксплуатации, от политических и юридических форм подавления со стороны господствующих классов. Развитие и смена общественных форм производства, революции, низвергавшие один общественный строй за другим, — это звенья, этапы единого по своей цели последовательного исторического процесса развития личности труженика, в ходе которого он сбрасывал с себя оковы рабовладельческой, феодальной, капиталистической эксплуатации.

Социализм утверждает нового человека, личность социалистического общества, которая несет в себе выражение высшей социальной ценности. Известно, что буржуазная пропаганда, стремясь дискредитировать социалистический строй, прилагает огромные средства и усилия, чтобы доказать, будто при социализме общество и коллектив господствуют над личностью, что здесь личность — это безликий фрагмент массы, а человек в системе социалистических общественных отношений не имеет самостоятельного значения и рассматривается только лишь как средство для достижения общественных и коллективных целей. Подобного рода высказывания основаны на искажении существенных сторон развития социалистической личности, на игнорировании диалектики ее развития и диалектического процесса преодоления противоречий, возникающих между личностью и обществом, личностью и коллективом при социализме.

Человек при социализме находится в центре внимания общества и государства. Ценность личности в социалистическом обществе не есть производное от какого-либо социального явления, социальных идей и целей. Напротив, все социальные идеи и цели, все объективные результаты

общественной деятельности при социализме сами оцениваются на основе критерия блага и интересов человека. Личность при социализме есть цель общественной практики[1]. «Строительство коммунизма Ленин рассматривал как комплексную задачу, в которой решение экономических и социально-политических проблем органически связано с формированием нового человека...»[2]. Поэтому уважение достоинства и чести личности является реальным фактором, присущим различным сторонам общественной жизни в социалистическом обществе[3].

Между отдельным человеком и социалистическим государством и правом устанавливаются особые, основанные на объективных социально-экономических принципах отношения, характер которых определяет политико-правовое положение личности в государстве. Свобода от эксплуатации, возможность трудиться на благо общества и всесторонне развивать свою индивидуальность — это не просто следствия правового положения личности при социализме, ее положения как субъекта прав и обязанностей, это требования, вытекающие из сущности социалистического строя, это принципы, предопределяющие правовой статус гражданина.

Человек и гражданин

Часто употребляемый в общественно-политической, философской и юридической литературе термин «гражданин» представляет собой специфический *политико-юридический аспект* изучения проблемы личности. Человек является

---

[1] См. А. Ф. Шишкин, Человек как высшая ценность («Вопросы философии» 1965 г. № 1, стр. 9).

[2] «К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Тезисы ЦК КПСС», стр. 59—60.

[3] Кант связывал нравственное поведение людей с требованием относиться к другому лицу не как к средству, а как к цели. Он писал: «Только человек, а с ним каждое разумное существо есть *цель сама по себе*». (И. Кант, Сочинения, т. 4, ч. I, «Мысль», 1965, стр. 414). Это исключительно ценная идея, но разработана она была абстрактно-логически, формально, в условиях буржуазного общества она была не более чем благочестивым пожеланием, далеким от реальной жизни и общественной практики. Кантианцы и неокантианцы лишь углубили схематизм, абстрактность и антиисторизм кантовской формулы, пытались использовать ее против марксистской концепции личности, против социалистической идеологии. Между тем именно при социализме мысль о том, что человек для общества и для других лиц есть цель, а не средство, получает реальное подтверждение и становится подлинной нормой общественной жизни.

гражданином, называется гражданином, потому что именно ему адресованы установленные государством юридические нормы, закрепляющие его правовое положение (правовой статус); именно он подпадает под действие данных норм и оказывается вовлеченным в соответствующие правовые отношения.

Если мы попытаемся составить самое общее представление о том, что такое гражданин, то, очевидно, следует прежде всего отметить: гражданин — *это личность в ее отношении к государству и праву, власти и закону*.

В понятии «гражданин» прослеживается момент формального юридического узаконения связи индивида и государства, момент государственно-правового признания того или иного человека субъектом прав и обязанностей. Условия, необходимые для того, чтобы данный человек мог выступать как гражданин государства, порядок приобретения гражданства определяются государством в правовых нормах, совокупность которых представляет собой государственно-правовой институт гражданства, указывающий на юридически оформленную принадлежность лица к государству. Таким образом, отношение личности к государству и праву, власти и закону принимает особую юридическую форму, получает политико-правовое выражение в виде гражданства [1].

В эпоху зарождения буржуазии как класса проблема человека и гражданина остро встала в качестве абстрактной гуманистической идеи, всецело направленной против системы сословных привилегий в феодальных государствах. Многие буржуазные идеологи сходились на том, что человек является носителем естественных и неотчуждае-

[1] Объем и характер понятия «гражданин» в различные исторические эпохи подвергался значительным изменениям. Оно не всегда было единственной юридической характеристикой отношения личности к государству. В развитых рабовладельческих и феодальных государствах встречались различные формы «подданства» тех или иных подчиненных государству слоев населения.

Существовали также юридически значимые отношения между государством и личностью, не опосредствованные институтом «гражданства» или «подданства». По римскому праву рабы не причислялись ни к подданным, ни тем более к гражданам, однако главная забота римского государства состояла в правовом регулировании рабовладения, а такое регулирование могло складываться лишь на основе определенного отношения государства, законодателя к рабу.

мых прав, что «человек рожден свободным, а между тем везде он в оковах» (Руссо). В этой связи возникает идеал политически эмансипированного человека — идеал гражданина, носителя гражданских и политических прав.

В «Декларации прав человека и гражданина» (1789 г.) человек трактуется как свободный и полноправный член общества: «Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах». Понятие гражданина, как оно вытекает из смысла статей Декларации, близко к тому, которое утверждали представители естественноправовых доктрин и в особенности Руссо: гражданин — это активный участник суверенной власти, политической общности, государства.

Но так обстояло дело в теории, в декларациях, а в действительности сохранявшееся различие понятий «человек» и «гражданин» вызывалось глубокими социально-экономическими процессами, связанными с положением личности в обществе и государстве.

Феодализм, как известно, характеризовался тесным переплетением экономических и политических начал. Гражданское общество этого периода носило непосредственно политический характер, т. е. собственность, семья и другие элементы гражданской жизни были возведены на высоту элементов государственной жизни в форме сеньориальной власти, сословий и корпораций [1]. Положение личности при феодализме определялось отношением индивида к деспотической власти с ее своеобразной системой — власть короля, власть князей и крупных феодалов, власть средних и мелких феодалов. Активность политического, внеэкономического начала, всекомпетентность политической власти и подчинение ей всех без изъятия индивидуальных интересов — вот то, что определяло сравнительно целостный общественный статус индивида, носивший в первую очередь политический характер.

Однако для дальнейшего роста производительных сил нужна была совершенно другая обстановка, строго и четко очерченная сфера экономической и иной инициативы индивида, свободная от вмешательства политического авторитета и общественности.

Делом буржуазных революций поэтому было освободить политическое начало от смешения с гражданской

---

[1] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 405.

жизнью, разложить гражданское общество на его составные части: с одной стороны, на индивидов, а с другой — на материальные и духовные элементы, образующие жизненное содержание этих индивидов, их гражданское положение[1]. Политическое государство, таким образом, отделилось от гражданского общества, гражданин, политический человек отделился от человека естественного, человека в его чувственном, индивидуальном, непосредственном существовании. Политическая эмансипация, достигнутая в результате победы буржуазных революций, подчеркивает К. Маркс, есть сведение человека, с одной стороны, к члену гражданского общества, к эгоистическому, независимому индивиду (homme), с другой — к гражданину государства (citoyen), юридическому лицу[2]. Последнее есть лишь абстрактная, искусственная политико-юридическая конструкция, аллегорическое изображение действительного индивида.

Иными словами, социальные и прежде всего экономические закономерности развития буржуазного общества вызывают в политической сфере своего рода подмену действительного, живого человека лишенной общественного и жизненного содержания аллегорией гражданина. Этот факт характеризует политическое отчуждение личности в буржуазном обществе.

Отчуждение захватывает глубинные процессы государственной и правовой жизни при капитализме, оно ставит буржуазную правовую науку перед необходимостью проводить различие между правами человека (droits de l'homme) и правами гражданина (droits du citoyen). Суть этого противопоставления, его практическая цель, как показал Маркс, анализируя буржуазное понимание прав человека, — равенство, свобода, безопасность, собственность — заключается в апологии частного права, частного интереса, в утверждении примата частного над публичным. Права человека, как они вытекают из политических деклараций времен буржуазных революций, «суть не что иное, как права *члена гражданского общества*, т. е. эгоистического человека, отделенного от человеческой сущности и общности», они, эти права, не выходят «за пределы эгоистического человека, человека как члена

---

[1] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 404.
[2] Там же, стр. 406.

гражданского общества, т. е. как индивида, замкнувшегося в себя, в свой частный интерес и частный произвол и обособившегося от общественного целого»[1].

Искусственное расщепление человека на собственно человека и гражданина, члена государства, участника политического (и юридического) общения теоретически привело к тому, что абстракция гражданина, аллегорическое изображение действительного человека прикрывали собой неприглядную картину неравенства, неравноправия, эксплуатации на уровне гражданского общества. Политическая власть буржуазии вознеслась над обществом, отделилась от него, превратилась в особую, идеализированную бюрократическую сферу, противостоящую человеку и подавляющую его. Обожествленные, фетишизированные государство и право в буржуазном обществе выступают как политическая сила, отчужденная от действительного, живого общественного человека.

Итак, политическая сфера в буржуазном обществе (государство и право), с одной стороны, поставлена на службу частному интересу и частному произволу, с другой — она выделилась из общества, превратилась по своей видимости в нечто высшее по отношению к изолированному эгоистическому индивиду, требующее себе божеских почестей и безусловного подчинения.

Эти тенденции в развитии политической и правовой надстройки капиталистического общества, которые только на первый взгляд могут показаться непримиримыми, обусловливают, однако, чрезвычайную напряженность, неустойчивость и в известной мере случайность положения отдельного индивида в политико-правовой системе общества. Политическое отчуждение, изолированность индивида от политической общности есть только лишь часть универсального отчуждения личности при капитализме, в основе которого лежит экономический факт отчуждения труда в условиях безраздельного господства частной собственности и капитала.

Частнокапиталистическая собственность на средства производства и связанный с ней частный характер присвоения в буржуазном обществе являются основой экономической эксплуатации, а вместе с тем политического и юридического закрепощения личности труженика. Все это

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 400, 401—402.

предстает как глубокий социально-экономический подтекст проблемы политического отчуждения, которая сама по себе указывает лишь на чисто внешние симптомы и явления, характеризующие положение личности в обществе и государстве. Причины таких явлений скрыты в социальной природе буржуазного общества, в характере экономических отношений капиталистического типа, поэтому именно в социально-экономической сфере следует искать основное звено, с которым связаны сложные и длительные процессы достижения подлинной человеческой эмансипации, освобождения человека от всех видов отчуждения. Речь идет о необходимости революционного ниспровержения капиталистического способа производства и прежде всего об экспроприации частной собственности и капитала, ибо, как говорил Маркс, «положительное упразднение *частной собственности*, как присвоение *человеческой* жизни, есть положительное упразднение всякого отчуждения, т. е. возвращение человека из религии, семьи, государства и т. д. к своему *человеческому*, т. е. *общественному* бытию» [1].

Только классовая борьба в целях утверждения социалистического способа производства и соответствующих ему форм политического руководства обществом, только социалистическая революция могут освободить личность трудящегося, ликвидировать экономическое и политическое отчуждение.

В государственно-правовой сфере преодоление изолированности индивида от политической общности в результате ниспровержения буржуазных общественных отношений связано с существенной трансформацией понятия «гражданин». Если в условиях капитализма это понятие является символом политического отчуждения личности, то в новой социальной обстановке оно означает соединение человеческой и политической сущности индивида, оно означает то, что действительный, индивидуальный человек воспринял в себя абстрактного гражданина государства, что он познает и организует свои «собственные силы» как общественные силы, уже не отделенные от него в виде самостоятельной политической силы [2].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. Госполитиздат, 1956, стр. 589.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 406.

Социалистическая революция, экспроприация частной собственности и капитала как основы универсального отчуждения человека при капитализме являются началом сложного социального процесса преодоления всех видов человеческого отчуждения. Для извлечения этой тяжелой социальной болезни, поразившей все сферы жизни капиталистического общества от материальной до нравственной, духовной, необходимы длительные усилия общества, основанного на принципах социализма. На долю государства и партии, политической и правовой идеологии социалистического общества выпала чрезвычайно важная задача борьбы с остаточными явлениями политико-юридического отчуждения личности, связанной с пережитками капитализма в сознании людей. Последние проявляются в непонимании отдельными людьми целей и задач социалистического государства, в сознательном противопоставлении личных интересов интересам государственным, общественным, коллективным. Но отнюдь не эти эксцессы составляют главную черту политического и правового положения личности.

Одним из величайших достижений социализма в политической и юридической сфере является то, что он создает новый тип отношения личности к государству и праву, ликвидирует отчужденность между трудящимся человеком и государством, которая веками складывалась в досоциалистической истории человечества. Политическая сфера жизнедеятельности социалистического общества предстала как сфера непосредственной деятельности самого народа. «Живое творчество масс — вот основной фактор новой общественности» [1]. Отпала необходимость фетишизации государства и права, они превратились в реальную силу, реальные социальные и политические институты, выражающие волю сначала трудящегося большинства, затем волю всего советского народа.

Понятие «гражданин» в социалистическом обществе становится более четким и определенным в социальном отношении. Оно перестало быть фикцией и характеризует подлинную социальную сущность человека, самого человека, а не отчужденную от него политическую стихию. В понятии гражданина синтезируются многочисленные свойства и качества человека, приобретаемые им в про-

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 35, стр. 57.

цессе политического и правового общения в социалистическом обществе. Говоря об этих качествах, следует констатировать их органическую принадлежность человеку, так как качества гражданина неотделимы от социальной сущности человека и составляют важную характеристику этой сущности.

В связи с тем, что реальный, действительный человек, член социалистического общества органически воспринимает в себя гражданина государства, носителя политических и правовых функций, теряет смысл традиционное для буржуазной юридической науки противопоставление прав человека и прав гражданина. При социализме сфера частной жизни и частных интересов человека не противопоставлена публичной сфере, действиям государства и общественности. Советский человек активно участвует в политической и правовой жизни общества как гражданин государства, поэтому все предоставляемые ему по воле государства права и возлагаемые на него обязанности являются правами и обязанностями гражданина СССР. Они опосредствуют извечные человеческие потребности (в пище, жилье, отдыхе, в образовании и т. д.) и социальную возможность удовлетворять потребности человека, но эти потребности и возможности приобретают значение в сфере права, становятся реальным правом лишь тогда, когда получают государственное признание и юридическое оформление.

Таким образом, государство четко определяет в законе условия и порядок предоставления какого-либо блага, устанавливает гарантии и охрану пользования этим благом и т. д. Государство, предоставляя права, адресуется к субъекту не как к человеку вообще, а как к гражданину государства.

Итак, качество, в соответствии с которым советский человек выступает как гражданин СССР, является глубоко специфическим, оно указывает на принадлежность человека к Советскому государству, вследствие чего он приобретает права и несет обязанности, установленные его законами, является субъектом советского права, обладателем определенного правового статуса. В качестве гражданина советский человек реализует субъективные права и исполняет юридические обязанности, вступает в различного рода правовые отношения как на территории СССР, так и в определенных случаях за границей.

§ 2. ГОСУДАРСТВО, ПРАВО И СВОБОДА ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ

Марксизм-ленинизм о свободе личности

В социально-историческом плане свобода личности означает такое состояние человека в обществе и государстве, которое характеризуется наличием у него определенной суммы социальных возможностей, обеспечивающих его всестороннее развитие и совершенствование.

Способность быть свободным в обществе, способность реализовать социальные возможности свойственна каждому человеку, как существу, наделенному интеллектом, эмоциями, волей. Свобода воли, которая, по словам Ф. Энгельса, есть не что иное, как способность принимать решения со знанием дела [1], представляет собой неотъемлемое свойство человека; в ее основе лежит возможность самоопределения воли, возможность сознательного выбора определенного варианта поведения. Каждому человеку свойственно (в неравной, конечно, степени) стремление наложить на внешние условия бытия отпечаток своей воли, желание наилучшим образом устроить и переустроить свои жизненные обстоятельства, в каждом человеке живет сознательное стремление к свободе и к счастью. Но далеко не каждый человек свободен в обществе, членом которого он является.

В эксплуататорском обществе, разделенном на антагонистические классы, добытая общественным производительным трудом совокупность материальных и духовных благ распределяется таким образом, что именно представители господствующего класса присваивают себе львиную долю национальных богатств, именно они получают все возможности для утверждения и совершенствования своей личности.

Особое место в общественной практике распределения благ и социальных возможностей, необходимых для свободного развития личности, занимают государство и право. Фактические условия свободы той или иной личности всегда нуждаются в юридическом признании, в государственной защите. Говоря словами Маркса, «государство есть посредник между человеком и свободой человека» [2],

[1] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 116.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 389.

и посредник весьма пристрастный, ибо все, что оно делает — оно делает прежде всего в пользу класса, занимающего ключевые позиции в экономике и политике.

Буржуазная юридическая наука очень часто трактует рассматриваемую проблему, как узкоюридическую, сводит ее к факту провозглашения в законодательных актах капиталистических стран формальных прав и свобод граждан. Причины и источники свободы личности она ищет в праве, в государственно-правовых учреждениях. Однако свобода личности в человеческом обществе обеспечивается не только государственно-правовыми, юридическими средствами и не ими в первую очередь. Она есть продукт развития экономических отношений и имеет под собой определенную политическую, идеологическую, мировоззренческую, нравственную основу. Следовательно, проблема свободы личности есть широкая социальная проблема и решать ее применительно к государству и праву невозможно, не обращаясь постоянно к тем аспектам свободы личности, которые связаны с экономикой, политикой, идеологией, моралью и т. д.

Свобода личности в добуржуазных обществах

Во времена господства рабовладельческого способа производства и соответствующих ему форм жизнедеятельности общества государство открыто представляло организованную силу рабовладельцев. Личность рабовладельца в государственно-правовой сфере выступала во всей полноте прав и привилегий. В противоположность этому раб не только не являлся, как правило, гражданином, субъектом прав, но и часто прямо не признавался человеком. Рабы — это «порода зверей», поучал Платон, рабы — говорящие орудия.

В феодальном обществе личностью в собственном смысле признается только феодал (князь, помещик и т. п.). Классовое сознание феодалов не игнорирует человеческую индивидуальность людей, стоящих на самой низкой ступени социальной лестницы, однако личность холопа, крепостного крестьянина, мелкого городского ремесленника трактуется феодальной идеологией как личность самого низшего социального качества, из чего выводилось право высших сословий эксплуатировать труд крестьян.

Можно, конечно, найти отдельные примеры того, что феодальное и даже рабовладельческое государство и право устанавливали определенные, весьма слабые гарантии,

направленные на защиту крестьян и рабов от особо жестокого обращения со стороны феодалов и рабовладельцев. Известен закон римского императора Пия Антонина, предусматривавший санкции против богатых римлян, которые повинны в убийствах своих рабов или в чрезмерно жестоком обращении с ними. Князья и короли иногда стремились обуздать отдельных феодалов, чья жестокость по отношению к крестьянам казалась чрезмерной даже в те времена.

Но император Пий Антонин, издавший закон в «защиту» рабов, как и русская царица Екатерина II, повелевшая отдать под суд помещицу Салтычиху, действовали отнюдь не из гуманного стремления защитить жизнь и человеческое достоинство рабов и крестьян.

Такие меры были вынужденными, рассчитанными на установление определенной дисциплины внутри классов рабовладельцев или феодалов. Они были направлены против отдельных представителей этих классов, которые своими недальновидными действиями могли спровоцировать открытое выступление рабов и крестьян, вызвать бунт, возбудить неповиновение [1].

Содержание государственно-правовых институтов в рабовладельческом и феодальном обществах являлось глубоко классовым содержанием, которое соответствовало рабовладельческому и феодальному способу производства и развивалось, совершенствовалось в той мере, в какой развивалось само производство. Экономическое господство рабовладельца и феодала лежало в основе государственно-правовой апологетики их личности, в основе их индивидуальной свободы.

Свобода личности и буржуазное государство и право

Победа капиталистического способа производства выдвинула на первый план личность буржуа, капиталиста. Но в отличие от предшествующих систем государства и права, где свобода открыто провозглашалась как особая привилегия избранных, буржуазное государство и право уже не могут столь откровенно подчеркивать

[1] Характерна в этом отношении мотивировка упомянутого выше закона Пия Антонина: «Хотя власть господ над их рабами должна быть неприкосновенной и никто не должен быть лишен своего права, но польза самих господ требует, чтобы справедливо просящим не отказывать в помощи против жестокости, или голода, или нестерпимой обиды» («Институты императора Юстиниана в 4 книгах», СПб, 1859, стр. 23—24).

свою исключительную привязанность к личности капиталиста и его интересам. Апологетика этой личности проводится теперь не так прямолинейно и открыто, как это делалось в отношении личности рабовладельца и феодала.

В борьбе против феодализма, против сословных льгот и привилегий в экономической и политической сфере буржуазия использовала гуманистические идеалы, в частности идеал такого политического объединения, которое признает свободу и равные права за всеми без исключения людьми. Впервые в человеческой истории была сформулирована мысль о том, что каждый человек, кем бы он ни был по своему рождению, является субъектом свободы, носителем естественных, неотчуждаемых прав.

В эпоху, когда естественноправовые доктрины с их прогрессивным пониманием равных и прирожденных прав, а также абстрактные идеалы свободы, равенства и братства пользовались огромным и еще не растраченным социальным кредитом, буржуазия не могла позволить себе прямую государственно-правовую апологетику личности буржуа и его свободы, она достигала этого косвенными средствами. Вместо подчеркнутого возвеличивания личности капиталиста в юридических документах буржуазии возвеличивается частная собственность, капитал, как нечто по форме обезличенное и стоящее над людьми. Декларация прав человека и гражданина 1789 года объявляет частную собственность священной и неприкосновенной.

Собственность, капитал являются полномочными и в известной степени независимыми представителями личности капиталиста в деловой сфере, т. е. в сфере юридических отношений. Они диктуют ему свои законы, законы капиталистического производства, они требуют безусловного подчинения этим законам. Индивид, обладающий капиталом и вовлеченный на этот путь, уже не может с него сойти, не зачеркнув себя как личность капиталиста. Противоречивость и двусмысленность в отношении капиталиста к его собственности, капиталу заключаются в том, что капитал дает своему обладателю личностную определенность, т. е. индивидуализирует его как личность капиталиста, дает ему свободу маневрировать в области рынка, в сфере капиталистического оборота, но, с другой стороны, капитал обезличивает его как целостную личность, обедняет, опустошает его духовно и нравственно и на определенных этапах общественного развития лишает

его положительной социальной роли, исключает его усилия и деятельность из совокупной массы сил и деятельности объективно полезных обществу в целом, способствующих социальному прогрессу.

В капиталистическом обществе существует и другой социальный тип личности — личность рабочего, труженика, личность, с деятельностью которой марксизм-ленинизм связывает перспективы общественного прогресса. Буржуазные юридические доктрины, а также важнейшие правовые документы буржуазного общества провозглашают свободу и равенство всех граждан перед законом, вследствие чего официально считается, что перед лицом капиталистического государства и права личность капиталиста не пользуется какими-либо особыми преимуществами по сравнению с личностью рабочего. Несостоятельность этого старого юридического предрассудка ярко показана Марксом и Энгельсом.

Буржуазный принцип свободы и равенства всех перед законом является ширмой, которая должна скрывать процесс развития глубокого антагонизма между буржуазией и пролетариатом. Капитализм разорил и окончательно лишил собственности те слои населения, которые ранее обладали ею, отделил личность от средств производства, а ее труд от объективных условий труда, что привело рабочих к необходимости отчуждать, продавать свою рабочую силу капиталисту на условиях, выгодных последнему. В свою очередь эта необходимость вызвала установление, провозглашение юридической свободы рабочих, т. е. той свободы рабочих, которая единственно нужна капиталистам, а именно свободы продавать свою рабочую силу. Возникает «свободный» рынок рабочей силы, на котором встречаются капиталист и пролетарий как «свободные» и «юридически равноправные» лица.

Рабочего в буржуазном государстве никто не гонит на работу палками, как гнали рабов в эпоху древнеегипетских фараонов, рабочий, действительно, может и не пойти на рынок рабочей силы, но единственное, что он может выбрать, отвергнув труд на хозяина капиталистического предприятия, — это возможность умереть с голоду. Голод — единственная альтернатива капиталистической эксплуатации, всесокрушающая «дубинка», которая гонит «свободных» рабочих в рабство к капиталисту. И именно это рабство прикрывается юридической фикцией свободы.

«В современном мире, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс, — каждый человек *одновременно* — член рабского строя и публично-правового союза. Именно *рабство гражданского общества* по своей *видимости* есть величайшая *свобода*, потому что оно кажется завершенной формой *независимости* индивидуума, который принимает необузданное, не связанное больше ни общими узами, ни человеком, движение своих отчужденных жизненных элементов, как, например, собственности, промышленности, религии и т. д., за свою *собственную* свободу, между тем как оно, наоборот, представляет собой его завершенное рабство и полную противоположность человечности. На место *привилегии* здесь стало *право*» [1].

Рабочий класс, ведущий борьбу за освобождение от капиталистической эксплуатации, занимает в отношении буржуазного государства и права не однозначную позицию. С одной стороны, государственно-правовые институты буржуазного общества выступают как орудия классового подавления, угнетения трудящихся, и вследствие этого целью пролетариата является слом буржуазной государственной машины, ликвидация буржуазных правовых институтов. Но, с другой стороны, конкретные условия классовой борьбы ставят рабочий класс перед необходимостью апеллировать к буржуазному праву, добиваться демократизации законодательства и бороться за осуществление своих правовых требований.

Маркс был далек от мысли отрицать за буржуазно-демократическими правовыми институтами определенную положительную значимость для пролетарского движения. В «Инструкции делегатам Временного Центрального Совета по отдельным вопросам», составленной для делегатов I Женевского конгресса Международного товарищества рабочих в конце августа 1866 года, Маркс специально останавливался на этом вопросе в связи с требованием широкой охраны труда и здоровья детей и подростков. «Это может быть достигнуто, — пишет он, — лишь путем превращения *общественного сознания* в *общественную силу*, а при данных условиях этого можно добиться только посредством *общих законов*, проводимых в жизнь государственной властью. Проведением в жизнь таких законов рабочий класс отнюдь не укрепляет власти правитель-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, стр. 129—130.

ства. Наоборот, он превращает в свое орудие ту власть, которая теперь используется против него, он осуществляет путем общего законодательного акта то, чего напрасно добивался бы путем множества разрозненных индивидуальных усилий» [1].

Дальнейшее развитие капиталистического общества особенно остро поставило проблему борьбы за демократизацию буржуазных государственно-правовых институтов как важной составной части борьбы за социальное освобождение человека, за социализм. Буржуазия никогда не идет добровольно на уступки экономического, политического или юридического характера, она делает это только под давлением рабочего класса и только в случаях, когда такие уступки не представляют серьезной угрозы классовому престижу и классовому господству буржуазии. Современная буржуазия пытается выдать подобного рода уступки за свидетельство «демократизации» буржуазного общества, превращения капиталистического государства в «государство всеобщего благоденствия» и т. п. Однако, когда использование прав и свобод трудящимися начинает угрожать интересам монополий и политической власти капитала, буржуазия, не колеблясь, игнорирует законность, установленную в обществе, идет на коренную ломку правовых институтов, избирательной системы, на уничтожение буржуазно-демократических прав и свобод, а в определенных случаях прибегает к установлению фашистской диктатуры, к неприкрытому насилию над народом.

Борьба за отдельные демократические права и свободы в рамках капиталистического общества и буржуазного государства способна привести и приводит к улучшению условий классовой борьбы трудящихся, которая благодаря существованию буржуазно-демократических институтов становится более сознательной, свободной и открытой [2]. Она способна принести известные облегчения в социальном положении труженика при капитализме, улучшив материальные условия существования рабочего. Но подлинной и всесторонней свободы человеческой личности нельзя достигнуть путем отдельных улучшений и частичных реформ государственных и правовых институтов буржуазного общества, которое всегда остается обществом,

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 16, стр. 198.
[2] См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 22, стр. 75.

построенным на эксплуатации человека человеком. Истинная цель рабочего класса в капиталистических странах заключается не во временном смягчении условий буржуазной эксплуатации (хотя с точки зрения текущей классовой борьбы и это очень важно), а в уничтожении всей системы эксплуатации, в окончательном искоренении ее из жизни общества.

Свобода личности при социализме

«Советское общество обеспечивает действительную свободу личности. Высшее проявление этой свободы — освобождение человека от эксплуатации. В этом прежде всего подлинная социальная справедливость»[1]. Социализм уничтожил частную собственность на средства производства и, проведя обобществление средств производства, устранил экономическую основу для эксплуатации человека человеком и тем самым сделал огромный шаг вперед в деле обеспечения человеческой свободы.

При социализме каждый член общества является полноправным участником общественного производства, активным и сознательным деятелем в этой сфере жизни, но он обладает такими свойствами не сам по себе, не как изолированный индивид, а как участник современного социалистического производства с его высокой степенью кооперации труда и концентрацией производственного коллектива. В рамках коллектива реализуются широкие возможности для свободного развития отдельной личности, расширяются творческие возможности работника, раскрываются его способности и таланты. Если сейчас можно с полным основанием говорить о коллективизме как о вполне утвердившемся качестве личности в СССР, то в этом чрезвычайную и выдающуюся роль сыграло проведение после Октябрьской революции обобществления основных средств производства, т. е. практическое проведение принципов коллективизма в основной области человеческой деятельности — в области производства.

Величайшим достижением социалистического общества является тот факт, что оно создает реальную возможность для отдельной личности заниматься политической деятельностью. Когда коммунисты вслед за В. И. Лениным говорят, что настоящая политика начинается там, где в движение приходят не тысячи, но миллионы и мил-

---

[1] «Материалы XXII съезда КПСС», стр. 330.

лионы людей, народные массы [1], они отнюдь не упускают из виду политической функции, которую может и должна выполнять в социалистическом обществе отдельная личность. Напротив, они исходят из высокой оценки этой функции, из необходимости развивать и совершенствовать ее самым последовательным образом. Сущности Советского государства и социалистической демократии в наибольшей степени отвечает такое положение, когда все без исключения граждане могут принимать участие в управлении общественными и государственными делами. Именно в этом направлении развивается социалистическая государственность в период строительства социализма и коммунизма.

Значение и роль государственных и правовых институтов социализма далеко не исчерпываются тем, что социалистический строй устраняет все препоны и рогатки, которые поставил капитализм на пути развития и совершенствования личности труженика. Социализм не только устранил то, что мешало и могло мешать этому развитию; социалистическому государству и праву принадлежит самая активная позиция в отношении обеспечения и развития свободы советских граждан.

Традиционные буржуазные индивидуалистические концепции исходят из того, что отношение личности к государству и праву должно характеризоваться наличием ряда условий и гарантий, которые не допускают слишком глубокого проникновения государства в сферу личного, индивидуального; первый и самый могущественный враг индивидуальной свободы — это общество и государство. Отсюда бесконечные попытки буржуазных ученых решить вечную проблему сбалансирования двух сфер — сферы личной свободы и сферы государственной власти.

Коммунистическая теория и практика социалистического строительства с достаточной ясностью показывает бесплодность метафизического противопоставления личной свободы и общественного порядка, сферы личного и сферы общественного. «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя» [2], — писал В. И. Ленин. Благоприятные социальные условия для развития свободы личности возникают в экономически и политически свобод-

---

[1] См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 36, стр. 16—17.
[2] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 12, стр. 104.

ном обществе, в государстве, которое связано с гражданами общностью коренных интересов и целей.

При социализме основные цели общества, цели государства, цели права совпадают с наиболее важными, коренными интересами и целями отдельной личности. Все, что способствует сохранению и развитию индивида в социалистическом обществе, объективно включено в содержание общественных, государственных интересов.

Человек при социалистическом строе видит в своем государстве такую политическую организацию, благодаря деятельности которой он получает реальную возможность выступить в общественной системе социализма в качестве свободной личности. Свобода личности в социалистических странах проявляется и в чувстве интернационализма, которое освобождает сознание человека от оков империалистических предрассудков. «За годы Советской власти, — подчеркнул Л. И. Брежнев в своей речи на торжественном заседании, посвященном награждению Харьковской области орденом Ленина, — одним из неотъемлемых качеств советского человека стало чувство интернационализма, сознание, неразрывной общности всех народов нашей многонациональной страны»[1]. Существующие в социалистическом обществе правовые институты активно способствуют развитию человека как своеобразной, творческой личности, глубоко сознающей общественные интересы, свой долг и ответственность перед обществом.

§ 3. ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ ГРАЖДАН КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ИХ СВОБОДЫ

Социальное значение прав и обязанностей граждан

В широком социальном плане ценность прав и обязанностей граждан определяется тем, что они закрепляют общественное положение личности, являются показателем степени свободы, которой достигли общество и личность в соответствующей конкретно-исторической обстановке. В эксплуататорских обществах юридическое обеспечение свободы личности посредством наделения ее правами и возложения на нее обязанностей ставится в зависимость от того, на каких классовых позициях утверждается данная личность. Нормы права, устанавливаю-

[1] «Правда» от 15 апреля 1970 г.

щие права и обязанности, юридически закрепляют фактическое положение гражданина в области экономических, политических и иных социальных отношений.

При социализме значение прав и обязанностей граждан определяется высокой социальной ценностью человека в социалистической общественной системе. Сами по себе права человека отнюдь не самоцель для общества, организованного как общество социалистическое, ибо на первом плане здесь всегда должна находиться личность, ее интересы и потребности. Именно последние выступают действительным критерием ценности прав и обязанностей, как и многих других социальных, экономических, политических, юридических явлений и институтов, относящихся к общественному положению индивида.

В любом обществе, однако, права и обязанности гражданина выражают, опосредствуют отношения личности и общества во всей их сложности и противоречивости. Особенностью этих средств выражения социальных взаимосвязей является то, что они устанавливаются и формулируются *государством*, которое представляет собой относительно самостоятельную силу в обществе.

Установление прав и обязанностей собственно и является свидетельством того, что между индивидом и обществом функционирует классовое государство, что оно начинает организовывать общественные отношения так, как это нужно господствующему классу. Каково содержание и объем устанавливаемых государством прав и обязанностей, как распределяются права и обязанности между группами людей, как обеспечиваются и сохраняются права граждан — все эти и другие вопросы имеют глубоко классовую основу.

Сущность прав и обязанностей граждан

Государство, чьи бы интересы оно ни выражало и какие бы общественные цели оно перед собой ни ставило, заинтересовано в нормативной регламентации человеческого поведения в той степени, в какой это возможно в данной социально-исторической обстановке. Государство и законодательство, создавая юридические нормы поведения человека в обществе, призваны отвечать по крайней мере на два вопроса: что *может* делать человек, чтобы его действия не противоречили как видам самого государства, так и интересам других граждан и объединений; что *необходимо* делать человеку, чтобы он

мог реально способствовать прогрессу соответствующей системы общественных отношений. Ответ законодателя на первый вопрос отсылает нас к *системе прав граждан*, второй вопрос связан с созданием *системы их обязанностей*.

Единая система прав и обязанностей граждан удовлетворяет определенным социальным требованиям, основывается на единых принципах, подчиняется известным закономерностям. В рамках этой системы права и обязанности оказываются связанными парными отношениями, т. е. праву одного субъекта соответствует определенная обязанность другого или других субъектов. Обязанность лица предполагает, что другая сторона правоотношения выступает как управомоченная сторона, способная требовать исполнения обязанности в том случае, когда она добровольно не исполняется. Наличие права оправдывает существование обязанности, делает ее необходимой, в свою очередь обязанность — условие, без которого нет права. Они — полюсы, напряжение между которыми создает юридическую связь субъектов. Достаточно исчезновения одного из этих полюсов (права или обязанности), чтобы распалось, разрушилось все юридическое отношение в целом.

Законодатель стремится обеспечить определенные результаты человеческого поведения, поэтому именно поведение, поступки, действия, деятельность человека оказываются той материей, с которой он имеет дело, определяя содержание прав и обязанностей. Права и обязанности, таким образом, указывают на поведение, каким оно может быть и каким ему необходимо быть.

Содержанием субъективного права, т. е. юридически закрепленного за гражданином права, выступает не действительное поведение личности в данное время и в данных условиях, а возможное поведение, т. е. поведение, выступающее как тенденция, проект, образец действия, указанный в исходящем от государства правиле поведения, норме права[1]. Точно так же содержанием юридиче-

---

[1] Понимание субъективного права как возможности действий широко распространено в советской юридической литературе. См. С. Н. Братусь, Субъекты гражданского права, стр. 11—12; Н. Г. Александров, Право и законность в период развернутого строительства коммунизма, стр. 225; О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский, Вопросы теории права, стр. 223; «Общая теория советского права», стр. 292, и др.

ской обязанности, т. е. обязанности, возложенной на конкретного субъекта права, является не само по себе действительное поведение обязанного лица (оно может соответствовать или не соответствовать обязанности), а необходимое поведение, образец, прообраз действия, признанный государством необходимым в определенной ситуации и в определенное время [1].

Существенным для понимания как субъективного права, так и юридической обязанности является то обстоятельство, что они выражают государственную волю, причем в первом случае государственное волеизъявление предстает как дозволение лицу совершать те или иные поступки, во втором — как признание необходимым того или иного действия субъекта. В связи с этим возникает вопрос об отношении прав и обязанностей к индивидуальной воле и свободе граждан — участников правового общения. В свое время в буржуазной юридической науке сложился взгляд, в соответствии с которым субъективное право — это «власть воли субъекта», «господство воли». Советские юристы исходят из того, что предоставленное правовыми нормами гражданину субъективное право не является его индивидуальной волей. Субстанцией субъективных прав выступает общественная классовая воля, сформированная как специфически государственная воля [2]. Поэтому права и обязанности по отношению к отдельному человеку, его сознанию и воле приобретают характер внешних и обязательных для исполнения требований.

Однако было бы неверным становиться на путь отрицания всякой связи между индивидуальной волей субъекта и содержанием субъективного права, которое принадлежит ему по воле государства. Влияние отдельного человека и его воли на формирование прав и обязанностей может простираться настолько, насколько индивидуальная воля выступает фактором становления, утверждения воли общественной и государственной. Из сущности социалистического общества вытекает возможность обстоятельного и квалифицированного учета интересов и жела-

---

[1] Тезис об обязанности как необходимости определенного поведения защищается в книге С. Ф. Кечекьяна «Правоотношения в социалистическом обществе» (стр. 59); см. также «Общая теория советского права», стр. 293, и др.

[2] См. С. Н. Братусь, Субъекты гражданского права, стр. 16; С. Ф. Кечекьян, цит. соч., стр. 53 и др.

ний людей в процессе законодательной правотворческой деятельности, и в этом случае в содержание субъективного права воля отдельного человека может входить не как нечто самостоятельное и цельное, а как органически включенное в государственную волю и адаптированное в ней.

Индивид довольно часто получает возможность выбирать по своей воле то или иное субъективное право (например, право работать или право на пенсию), определять конкретный объем требований в ходе реализации субъективного права. Здесь очень многое относится к области личного усмотрения субъекта права. Каждый человек по советскому праву может приобрести в личную собственность дом или автомобиль, и только сам субъект права, исходя из сложившихся обстоятельств, может самостоятельно решать, использует ли он это право вообще, а если использует, то каким именно образом: купит ли он дом дорогой или дешевый, в городе или в селе, с садом или без сада и т. д. Волевое решение в порядке личного усмотрения опирается на ряд объективных факторов, и уже поэтому оно не может и не должно быть произвольным, но оно неизбежно означает свободу действий субъекта, реализующего свое право.

Итак, субъективное право гражданина предоставляет ему свободу действовать в границах, определенных нормой права, действовать в известном направлении, совершать поступки по своей инициативе и по своему усмотрению. Связывать право человека со сферой индивидуальной свободы — это историческая традиция буржуазной науки, идущая от эпохи буржуазных революций, когда буржуазия широко использовала гуманистические идеалы. Но понимание права как сферы индивидуальной свободы было, во-первых, индивидуалистическим, т. е. свобода трактовалась как свобода изолированной от общества личности, во-вторых, многие из буржуазных юристов вслед за Кантом исходили из противопоставления человеческих действий сознанию человека, свободы внешнего поведения — «внутренней нравственной свободе».

Нет ничего неверного в подходе к субъективному праву как к сфере человеческой свободы, очерченной нормами объективного права, однако эта мысль находит оправдание лишь при определенных социальных предпосылках. Права становятся фактической свободой действовать лишь тогда, когда они не только формально предоставлены законом,

но являются реальным достоянием личности. Очищенное от элементов буржуазно-индивидуалистического, неокантианского характера понимание права как свободы поведения индивида вполне применимо к правовой практике социализма [1].

В социалистическом обществе субъективные права и юридические обязанности устанавливаются в целях, соответствующих развитию общества, государства, личности. Для удовлетворения чьих интересов и целей предоставляются гражданам права и обязанности — вот вопрос чрезвычайно важный для понимания сущности субъективных прав и обязанностей, ибо их социальное значение определяется интересами и целями, которым они служат.

Традиционный ответ старой буржуазной юридической науки на этот вопрос сводился в общем к тому, что права объявлялись сферой дозволенной государством свободы личности. Обязанность же, напротив, рассматривалась как средство подчинения индивида интересам и целям государства, как нечто противоположное и даже враждебное личным интересам и целям субъекта, как необходимое ограничение его свободы. Право и обязанность противопоставлялись, отрывались друг от друга, что являлось и является выражением более общего отрыва и противопоставления общества и личности.

Обязанность не может быть противопоставлена праву как сфера несвободы сфере свободы [2]. Обязанность, как и

---

[1] М. С. Строгович считает существенной характеристикой субъективного права то, что оно обозначает свободу поведения, поступков субъектов в границах, установленных нормой права (М. С. Строгович, Основные вопросы советской социалистической законности, «Наука», 1966, стр. 153—159).

Не менее определенно в этом плане высказывается С. С. Алексеев: «Значение субъективного права в механизме правового регулирования состоит в том, что оно закрепляет свободу и самостоятельность лиц, в интересах которых устанавливается правоотношение» (С. С. Алексеев, Механизм правового регулирования в социалистическом государстве; см. его же, Общая теория социалистического права, вып. второй, стр. 110—111).

[2] Такое противопоставление очень часто встречается в буржуазной литературе. Л. И. Петражицкий прямо заявлял: «Тот субъект, к которому обращаются представляемые (фантастические) веления и запреты, императивы, фиктивная «воля» и т. п., представляется находящимся в особом состоянии несвободы, связанности. Отсюда выражение «обязанность» (Л. И. Петражицкий, Теория права и государства в связи с теорией нравственности, т. 1, СПб, 1909, стр. 37).

право, является необходимым элементом юридического обеспечения свободы личности не только потому, что без обязанности нет права, а без права нет свободы, но также и в силу того, что обязанности присуще непосредственное и позитивное значение в сфере осуществления человеческой свободы.

В социалистическом обществе и права и обязанности служат удовлетворению как личных интересов и целей граждан, так и реализации общественных, государственных, коллективных интересов и целей. Конечно, при социализме обязанное лицо выступает в качестве такового прежде всего по отношению к управомоченному участнику правового отношения, т. е. оно совершает действия в интересах обладателя права, но в реализации обязанности так или иначе обнаруживается аспект, связанный с интересами и целями самого обязанного лица. Иногда в конечном счете (например, обязанность беречь и укреплять социалистическую собственность, пройти службу в армии и т. д.), иногда прямо и непосредственно (обязанность получить восьмилетнее образование, выполнить плановое задание на производстве и т. д.) действия обязанного лица способствуют удовлетворению его личных интересов и целей.

В жизни, как правило, получается так, что человек исполняет обязанность, чтобы получить право, выполнение нормы выработки создает право на соответствующую оплату труда, передача вещи по договору купли-продажи приводит к возникновению права требовать уплаты за эту вещь и т. д. Реализация прав и обязанностей во многих случаях тесно переплетена, она едина по своему характеру и тенденциям. Таким образом, если рассматривать не отдельно взятое, искусственно изолированное правоотношение, а общую массу этих отношений, то можно увидеть, что обязанности наряду с правами и вместе с ними обеспечивают удовлетворение личных интересов и целей субъекта права, развитие свободы личности, участвующей в правовом общении.

Как уже отмечалось, критерий ценности прав и обязанностей для развития свободы личности заключается не в них самих. Он состоит в материальном, политическом, юридическом, культурном обеспечении этих прав, в гарантировании их всею социально-экономической системой общества.

В буржуазном обществе права и свободы очень часто носят чисто декларативный характер, они призваны создавать в капиталистических государствах видимость демократического благоденствия, украшать буржуазную государственность. Буржуазия как господствующий в обществе класс в сущности не заинтересована в том, чтобы рабочие и крестьяне использовали права и свободы, провозглашенные в конституциях, и организация капиталистических общественных отношений всею мощью своей препятствует этому. Личность трудящегося, формально провозглашенная носителем прав и обязанностей, оказывается фактически несвободной, и только в борьбе трудящиеся могут завоевать себе относительно благоприятные позиции в системе капитализма.

При социализме права и свободы и то, что за ними стоит в жизни, являются реальными слагаемыми, из которых вырастает действительная свобода личности. Всякое юридическое право и свобода в обобщенной, концентрированной форме выражают реальные возможности советских граждан действовать в интересах своего индивидуального развития и в интересах общества.

Если формальное наличие прав, закрепленных за гражданами законами государства, не всегда означает свободу личности, то бесправие, отсутствие формально закрепленных в законе прав человека — это всегда несвобода. Вот почему проблема юридического закрепления за личностью определенного круга прав и свобод сама по себе имеет огромное социальное значение. Расширение круга прав и свобод в современном обществе представляется безусловно прогрессивной мерой: в буржуазном обществе оно увеличивает возможности политической борьбы за демократизацию общественного строя, в социалистическом — способствует дальнейшему развитию свободы личности.

Понятие правового статуса гражданина

Совокупность прав и обязанностей гражданина, предоставленных ему и возложенных на него законами государства, определяет правовое положение гражданина, его *правовой статус* [1]. Категория правового статуса выражает юридический аспект социального состояния

[1] См. П. Е. Недбайло, Применение советских правовых норм, Госюриздат, 1960, стр. 12; Ц. А. Ямпольская, О субъективных правах советских граждан и их гарантиях («Вопросы

свободы личности в обществе, обобщенно выражает возможности человека свободно развивать и совершенствовать свою индивидуальность. Это особое правовое состояние субъекта, которое сознательно формируется обществом и государством, отличается известной стабильностью и может изменяться, дополняться, когда условия такого изменения уже назрели в практике общественных отношений.

Субстанцией правового статуса гражданина и иных субъектов права являются права и обязанности в том виде, в каком они даны в нормах объективного права. Правовой статус очерчивается правовыми нормами, он есть результат представляющего действия этих норм. Выраженные в юридической норме возможность и необходимость поведения адресуются субъектам права и в силу этого становятся элементами его правового положения.

В категории правового статуса объединены все права и обязанности, адресованные субъекту права как субъекту определенного вида. Существуют поэтому правовой статус гражданина (иностранца, лица без гражданства), правовой статус государственных органов, общественных организаций и т. д. Нет и не может быть правового статуса личности вообще, так как государство наделяет человека правами и обязанностями исходя из характера отношений, которые складываются между ними и которые регулируются государственно-правовым институтом гражданства.

Важной особенностью правового статуса гражданина является то, что входящие в него права и обязанности образуют единую систему, проникнутую общими принципами общественного и государственного строя. Социалистическое общество, конституируя правовой статус гражданина, стремится к наиболее полному воплощению гуманистических и демократических идеалов к практическому проведению в жизнь лозунга: «все во имя человека, все для блага человека». Немаловажное значение для характеристики прав и обязанностей советских граждан, а следовательно, и правового статуса как определенной системы этих прав и обязанностей имеет наличие социально-экономических, политических, идеологических и юридических

советского государственного права», изд-во АН СССР, 1959, стр. 159); М. С. Строгович, Основные вопросы советской социалистической законности, изд-во АН СССР, стр. 176, и др.

гарантий участия граждан в правовых отношениях, складывающихся в социалистическом обществе.

Правовой статус гражданина следует отличать от положения личности как участника правовых отношений. Последнее возникает в результате осуществления прав и обязанностей, составляющих содержание правового статуса. Оно характеризуется поэтому огромной массой фактических условий и обстоятельств юридического и неюридического характера. Правовой статус может включать в себя только те права и обязанности, которые существуют вне правоотношения, т. е. еще не осуществлены в конкретной правовой форме. Вследствие этого положение гражданина как участника правовых отношений уже не есть только правовое положение. В зависимости от социального характера конкретных отношений, выступающих в правовой форме, это положение может определяться как экономическое, политическое, бытовое и т. д., то есть в этом случае осуществление права приводит к возникновению определенного фактического результата. Поэтому в строгом смысле правовым является такое положение гражданина, которое предполагает наличие общих для всех граждан прав и обязанностей, существующих вне правоотношения, т. е. не осуществленных еще в конкретном правоотношении.

Правовой статус гражданина принадлежит к числу наиболее общих понятий теории государства и права. Выражая присущие всем гражданам права и обязанности, оно подчеркивает равные одинаковые возможности граждан реализовать свои интересы, активно действовать в условиях данного общественного строя, сообразовывать свои поступки с интересами общества и других лиц. Можно, конечно, говорить и, часто руководствуясь чисто практическими соображениями, действительно говорят о правовом положении отдельных категорий граждан и даже отдельных лиц, например о правовом положении работников металлургической промышленности, главного инженера предприятия или члена сельскохозяйственной артели. Но нужно иметь в виду, что подобного рода конструкции, которые можно создавать по самым различным основаниям и в каком угодно количестве, неизменно основываются на понятии единого и равного для всех правового статуса гражданина, на понятии, теоретическая разработка которого является серьезной задачей правоведения.

Равноправие граждан и свобода

Из того обстоятельства, что правовой статус закрепляется за определенным видом субъекта права в целом, следует: правовой статус гражданина СССР *един* для всех советских граждан, а предоставленные им правовые возможности в одинаковой степени являются достоянием каждого советского человека, т. е. они *равны* для всех граждан. Несоразмерности и различия в объеме прав и обязанностей возможны только лишь между различными правовыми статусами: правовым статусом гражданина и правовым статусом государственного органа и т. д. Индивидуальные различия между гражданами не нарушают равенства правовых возможностей (прав и обязанностей), заключенных в их правовом статусе.

Равенство прав и обязанностей — чрезвычайно важная черта правового статуса граждан стран социализма, оно есть выражение, юридическое закрепление социального равенства людей при социализме. Общество не может быть свободным, если оно не в состоянии обеспечить социального равенства его членов. Вот почему с победой социалистических общественных отношений, с ликвидацией частной собственности на средства производства, когда исчезла объективная основа для существования эксплуататорских классов, когда было обеспечено действительное равенство всех членов общества в их отношении к средствам производства, когда равенство условий труда и распределения привело к возникновению равных возможностей для граждан участвовать в решении государственных и общественных дел, впервые принцип социального равенства был практически проведен во всех сферах общественной жизни. В области права он нашел отражение в принципе равенства прав, закрепленном в Конституции СССР (ст.ст. 122, 123).

Граждане СССР имеют равные возможности участвовать во всех областях экономической, политической, культурной жизни независимо от пола, расы, национальной принадлежности. При этом указанное равенство возможностей в социалистическом обществе выступает не только как юридическое равенство, как юридически равные возможности, но благодаря действию системы экономических, политических и иных условий и гарантий оно есть реально существующее фактическое равенство возможностей. Всякое право как элемент правового статуса гражданина

требует общего социально-экономического обеспечения, определенных гарантий.

Равенство при социализме не заключается в праве каждого получить от общества и потребить такой продукт, который был бы равен продукту, потребляемому другим индивидом или другими индивидами. Вследствие этого и юридический принцип равноправия в социалистическом обществе не может служить средством уравниловки, нивелирования различий в способностях и возможностях отдельных людей.

Закрепленные в правовом статусе гражданина равные возможности равных прав и обязанностей адресуются к очень различным по своему характеру и способностям людям. Индивидуальные особенности характера и положения человека приобретают существенное значение именно в сфере действительных общественных отношений, в том числе и в конкретных правоотношениях. Насколько полно граждане исчерпывают возможности, заключенные в их правовом статусе, зависит от их личной инициативы, энергии, положения, фактических условий и т. д. Поэтому реализуемые в правоотношениях права (правомочия) граждан неравны, а практические результаты их правовых действий неодинаковы [1]. В итоге оказывается, что при наличии равного правового положения граждане, вступая в конкретные правоотношения, в различном объеме и с различным успехом используют предоставленные законом возможности.

Фактическое неравное использование прав людьми при юридически обеспеченной равной возможности их использовать — этот гибкий принцип вполне соответствует нынешнему этапу развития социалистического общества и нынешним условиям, в которых происходит дальнейшее утверждение свободы личности. Применительно к отношениям распределения при социализме неравное использование прав означает, что каждый человек получает от общества по мере своих заслуг, своего вклада в общественное производство, который не может быть равным; равная возможность использования права указывает на то, что

---

[1] См. В. А. Патюлин, П. Г. Семенов, Свобода личности в СССР и ее гарантии («Советское государство и право» 1961 г. № 8, стр. 19); «Личность, общество и государство», «Наука», 1966, стр. 212.

каждый человек может получать не меньше других, если доставит обществу соответствующий по количеству и качеству труд. Ничто так не ущемляет человеческую свободу, как пренебрежение особенностями и заслугами человека, стремление уравнять всех и все. Одной из главных задач проводимых в настоящее время экономических реформ в СССР и других социалистических странах представляется безусловное преодоление таких недостатков в распределении, когда в равном положении оказывались и тот, кто хорошо работает, и тот, кто закоснел, не движется и не хочет двигаться вперед по пути экономического прогресса.

До победы коммунистических отношений право в целях стимулирования производительного труда исходит из неизбежного фактического неравенства людей, признает большее право на продукт за тем индивидом, который затратил большие усилия в общественном производстве. При таком положении вещей социалистическое право еще не обеспечивает равенства, с которым связывается представление о распределении материальных и духовных благ в коммунистическом обществе. В результате утверждения высшей фазы коммунизма труд утратит значение равной меры и единственной мерой распределения будет выступать сама действительная человеческая потребность.

Глава тринадцатая

ГОСУДАРСТВО, ПРАВО И ЗАКОННОСТЬ

§ 1. Понятие и исторические пределы законности. § 2. Социальное назначение законности.

§ 1. ПОНЯТИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДЕЛЫ ЗАКОННОСТИ

Определение понятия законности

Любое человеческое общество независимо от того, на какой ступени цивилизации оно находится, нуждается в определенном порядке, в определенной организации общественных отношений. Этот порядок и организация не являются произвольными, случайными, они объективно обусловлены уровнем развития производительных сил и соответствующих им производственных отношений.

Законность — это требование соблюдать определенный порядок в обществе, закрепленный в системе юридических норм, адресуемое ко всему населению [1]. Соблюдение закрепленных в системе юридических норм предписаний обеспечивает правомерное поведение граждан, предотвращает произвольные действия членов общества. Господствующий класс заинтересован в определенном образе действий населения. В условиях эксплуататорского строя эта заинтересованность господствующих классов распространяется в первую очередь на угнетенные классы, составляющие подавляющее большинство общества. Законность в условиях эксплуататорских общественно-экономических формаций выражает стремление господствующих классов навязать свою волю, объективированную в правовых актах, классам угнетенных. Что же касается собственно отношения

[1] См. «Теория государства и права», 1968, стр. 383.

эксплуататорских классов, составляющих меньшинство общества, к соблюдению законов, то они в случае необходимости находили возможности и для обхода закона, и для прямого произвола. Но законность как метод государственного руководства обществом была необходима господствующему классу, чтобы посредством требования соблюдения законов удерживать в узде подавляющее большинство.

Необходимой предпосылкой законности является законодательство, выражающее интересы и волю господствующего класса (или всего народа) и направленное на обеспечение целей господствующего класса (всего общества). Но наличие законодательства само по себе не может обеспечить достижения целей господствующего класса (всего общества), если оно не исполняется. Поэтому требование исполнения законов и других правовых актов, направленное на осуществление целей господствующего класса (всего народа), составляет другую сторону законности. Законность выступает в руках господствующего класса в качестве одного из важных методов государственного руководства обществом. Этот метод используется для того, чтобы воля господствующего класса, выраженная в системе правовых норм, была проведена в жизнь. *Метод государственного руководства обществом, состоящий в издании и проведении в жизнь законов и других правовых актов, направленный на осуществление целей господствующего класса (всего народа), называется законностью.*

Учитывая коренные принципиальные различия между социалистической законностью и законностью в эксплуататорских формациях, правомерно поставить вопрос: правильно ли вырабатывать понятие законности, применимое ко всем классовым общественно-экономическим формациям. Нам представляется, что понятие законности как *метода государственного руководства обществом* со стороны господствующего класса, метода, выражающегося в издании и исполнении законов в соответствии с целями господствующего класса, охватывает наиболее общие, первичные признаки этого явления и может быть применимо к общей характеристике его. Однако для того, чтобы вскрыть сущность законности конкретного исторического типа, необходимо исходить из того, волю какого класса выражают издаваемые законы, осуществлению целей какого класса способствует их исполнение. Ответ на эти вопросы позволяет выявить подлинную роль и социальное

назначение законности в обществе, показать ее классовую сущность, отношение к законности различных классов общества.

При определении понятия законности очень важно учитывать неразрывную связь характера законодательства и его исполнения. Характер законодательства, его сущность, как правило, определяют и методы его проведения в жизнь, отношение общественных классов и групп к его требованиям на различных этапах существования и развития той или иной общественно-экономической формации. Так, римское право, которое было наиболее развитой и разработанной системой права рабовладельческого общества, не только закрепляло рабство, безграничную власть рабовладельцев, но и детально регулировало частнособственнические отношения между самими рабовладельцами: право собственности, различного рода договоры, семейные отношения, наследование, торговлю и т. д. И это было одной из важных причин, определяющих заинтересованность господствующего класса в исполнении требований закона. Отсутствие единой стройной системы права в период феодальной раздробленности, противоречивость законодательства создавали условия для произвола и несвязанности феодалов правовыми предписаниями. Провозглашение в буржуазном праве формального равенства всех перед законом выдвинуло требование всеобщности исполнения законов. Подлинный демократизм социалистического права порождает кровную заинтересованность самих трудящихся в исполнении правовых норм.

Изменение характера законодательства влечет за собой изменение характера законности. Поэтому характер и принципы законодательства составляют неотъемлемую основу законности.

Важность законодательства для характера законности неизменно подчеркивается в работах, посвященных законности, однако эта ее сторона оставляется, как правило, вне самого понятия законности[1]. Вместе с тем понимание

[1] См. Д. А. Керимов. Обеспечение законности в СССР. Госюриздат, 1956, стр. 10; М. С. Строгович. Теоретические вопросы советской законности («Советское государство и право» 1956 г. № 4, стр. 23); П. Е. Недбайло. Советская социалистическая законность, ее основные принципы и назначение («Научные записки Львовского государственного университета», т. XXVII, серия юридическая, вып. 2, 1954, стр. 6); И. С. Самощенко, Охрана режима законности Советским государством

законности как единства правотворчества и осуществления правовых норм получило некоторое распространение в социалистической юридической литературе. Правда, такое толкование законности давалось в основном применительно к законности социалистической [1]. Нам представляется правильным в определении общего понятия законности подчеркнуть неразрывную связь двух ее элементов: и издания, и осуществления правовых норм. Эту сторону вопроса отметил И. Сабо, высказавший мысль, что «проблема законности не сводится к вопросу применения и соблюдения законов, а включает и вопрос создания соответствующего права. Поэтому о законности всегда следует говорить как об основном принципе, относящемся и к правотворчеству и к применению права [2].

Таким образом, законность охватывает обе стороны правового регулирования: и правотворчество и исполнение норм права. Для регулирования поведения людей, всей системы общественных отношений господствующий класс нуждается в издании правовых норм, отвечающих его интересам, и требует их осуществления, проведения в жизнь. Господствующие классы в эксплуататорских формациях стихийно приходили к осознанию своих потребностей и интересов и в соответствии с ними использовали правовое регулирование для достижения своих целей. Чем выше уровень культуры и цивилизации в обществе, тем более совершенными становятся методы правового регулирования, тем больше возрастает значение законности в обществе. Из явления, возникающего стихийно, действующего в эксплуататорских формациях эпизодически, в зависимости от фактического положения и потребностей господствующих классов, законность становится закономерностью

Госюриздат, 1960. стр. 10; В. М. Чхиквадзе. Социалистическая законность в СССР (Доклад на конференции МАЮН в Варшаве. М., 1958), стр. 3—5; его же, Вопросы социалистического права и законности в трудах В. И. Ленина, Госюриздат, 1960, стр. 203—204 и др.

[1] См. «Социалистическая законность в советском государственном управлении», Юриздат, 1948, стр. 19—20; М. Пискотин, Глубже обобщать опыт работы советского государственного аппарата («Коммунист» 1954 г. № 14, стр. 127); И. Павлов, К вопросу о теории общенародной социалистической законности («Социалистическая законность» 1962 г. № 6, стр. 14—15); Имре Сабо, цит. соч., стр. 95.

[2] Имре Сабо, цит. соч., стр. 97.

развития общества в условиях переходного к социализму периода и победившего социализма. Стихийность этого метода уступает место научной его обоснованности и сознательному использованию в интересах всего общества.

Возникновение законности

Вопрос о времени возникновения законности вызывает оживленные споры в юридической литературе. Эти споры связаны с различным пониманием существа законности как социального явления.

Наибольшее распространение в учебной и научной литературе получило понимание законности как строгого и неуклонного исполнения законов и основанных на законе иных правовых актов участниками общественных отношений. Другие авторы понимают под законностью составную часть режима политической демократии [1], а ее необходимыми признаками — всеобщность, универсальность закона, его обязательность для всех членов общества.

В соответствии с тем или иным пониманием законности решается вопрос о времени ее возникновения. Одни авторы (И. С. Самощенко, В. М. Чхиквадзе, И. Сабо, С. Л. Зивс) [2] считают, что возникновение законности относится к периоду буржуазно-демократических революций, когда буржуазия, идя к власти и борясь против сословной, дискриминационной системы феодального права, выдвинула идею формального равенства и универсальности, т. е. всеобщности закона для всех членов общества, без каких-либо изъятий и ограничений. Эти авторы связывают законность с демократией как формой государственного строя, считая, что только при демократической форме правления и демократическом политическом режиме возможно существование законности. Другая группа авторов (М. С. Строгович, С. Н. Братусь, С. Ф. Кечекьян, О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский) [3] выступила

---

[1] См. И. С. Самощенко, Охрана режима законности Советским государством, стр. 15.

[2] См. И. С. Самощенко, Охрана режима законности Советским государством, стр. 7; Имре Сабо, цит. соч., стр. 86—87; В. М. Чхиквадзе, Социалистическая законность в СССР; С. Л. Зивс, Кризис буржуазной законности в современных империалистических государствах, изд-во АН СССР, 1958, стр. 4—5.

[3] См. М. С. Строгович, Основные вопросы советской социалистической законности, стр. 226—231; «Обсуждение вопросов

сторонниками того, что законность существует в любом классовом обществе, что каждый господствующий класс, издавая законы, заботится об их проведении в жизнь, поскольку законы являются воплощением его воли. Признавая связь законности и демократии, эти авторы вместе с тем высказали мнение, что понятие демократии — явление классовое, как и понятие законности, и поэтому любой тип государства имеет и демократию, и законность.

Нам представляется правильной позиция тех авторов, которые возникновение законности связывают с возникновением государства и права. Ни право, ни законность никогда не могут быть выше того социального строя, который их породил. И подходить к оценке законности добуржуазных формаций с точки зрения универсальности, всеобщности закона — это значит распространять принципы, порожденные более высокой ступенью развития экономических отношений и соответствующей им государственно-правовой надстройки, на более ранние ступени человеческого общества, т. е. отступать от требований конкретно-исторического подхода в оценке социальных явлений.

Поэтому при исследовании проблемы законности необходимо учитывать диалектику развития этого сложнейшего социально-исторического явления.

Понятие законности, его практическое применение не может возникнуть в том виде, в каком оно существует в современных условиях. Законность, как и государство, право, демократия, не может возникнуть сразу в готовом виде со всеми теми элементами и принципами, с точки зрения которых мы подходим к оценке этой социальной категории сегодня. С развитием общества, сменой одной социально-экономической формации другой законность обогащается и развивается, наполняется новым содержанием. Она носит неизменно классовый характер, и ее служебная роль состоит в максимальном содействии осуществлению целей господствующего класса.

Законность, ее содержание и направленность всегда объективно обусловлены не только экономическим строем

системы советского права и социалистической законности» («Советское государство и право» 1958 г. № 11, стр. 119, 124, 125); О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский, Вопросы теории права, стр. 267.

общества, но и его политической организацией, его правовой системой. Она всегда является методом деятельности государства, элементом его политического режима[1] и неразрывно связана с правом. Ее содержание, назначение и цели изменяются с изменением классового содержания и сущности права.

Вначале возникают лишь отдельные элементы законности, в частности требование соблюдения закона, адресованное, как уже отмечалось, прежде всего угнетенным классам, составлявшим подавляющее большинство общества. Нарушения законности со стороны должностных лиц, произвол господствующего класса, имевшие место в рабовладельческом и в феодальном обществе, не дают тем не менее оснований для отрицания наличия законности в этих формациях. Как отмечают О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородский, «в каждом классовом обществе имеют место своя законность и свои нарушения законности»[2].

Состояние законности в докапиталистических формациях отражало общий уровень политического и культурного развития общества, его незрелость, невысокую ступень развития цивилизации. Поэтому, учитывая исторически ограниченный, урезанный, частичный, узкоклассовый характер законности в рабовладельческой и феодальной формациях, нельзя все же полностью отрицать ее существование в тех исторических условиях.

Законность возникает вместе с государством и правом, все ее развитие, изменение сущности неразрывно связано с развитием и изменением сущности государства и права. Социалистическая законность — последний исторический тип законности. Ее существование, всемерное укрепление и развитие — необходимое условие перерастания правовых норм в правила коммунистического общежития. Социалистическая законность подготавливает почву для установления коммунистического общественного порядка, при котором соблюдение единых норм общежития будет внутренней потребностью и привычкой всех членов общества.

---

[1] См. И. С. Самощенко, Охрана режима законности Советским государством, стр. 8.

[2] О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский, Вопросы теории права, стр. 267.

Законность в условиях рабовладения и феодализма

По мере развития общества, смены одной общественно-экономической формации другой понятие законности развивается и обогащается, отражая не только прогрессивно-историческую смену одного господствующего класса другим, но и требования вековой освободительной борьбы народных масс против рабовладельцев, феодалов, буржуазии. Законность, как и демократия, принадлежит к числу величайших завоеваний человеческой цивилизации, «в них воплощен тысячелетний опыт политической организации общества и человеческого общежития; в них выражены принципы, ограждающие в той или иной форме, в той или иной степени личность от произвола властей, массу — от анархии личностей, общество в целом — от насилия со стороны меньшинства» [1].

Правильно отмечая связь законности и демократии, их классовый характер, многие авторы, как правило, не учитывают именно этого длительного, постепенного процесса формирования законности. Подобно тому, как между демократическими принципами и институтами последовательно сменявших друг друга социально-экономических формаций можно проследить определенную преемственность, такую преемственность можно наблюдать и между принципами и институтами законности. Поэтому едва ли верно утверждение Имре Сабо о том, что «политический лозунг или требование законности и само понятие законности возникли в правовом мышлении и в юридической литературе в тот период общественного развития, когда класс капиталистов вел борьбу за политическую власть, за ликвидацию феодальных порядков» [2]. Идея и лозунг законности возникают не на пустом месте, они отражают передовые демократические традиции правового мышления, которые возникли еще в условиях рабовладельческого строя. Особенно характерно было выдвижение идей господства закона в общественных отношениях в рабовладельческих государствах с демократическим режимом (Афины, Абдера). Аристотель, Демокрит, Протагор, Сократ и другие мыслители подчеркивали значение закона в общественной жизни, необходимость его соблюдения.

---

[1] «Коммунисты и демократия». Прага, 1964, стр. 7.
[2] Имре Сабо, цит. соч., стр. 86.

Понятно, что идея всеобщности закона в древних политиях не распространялась на рабов, однако при всей своей классовой ограниченности она была прогрессивна для своего времени, ибо отражала тот факт, что в античных политиях впервые человеческая личность пришла к сознанию своих прав на свободу, на охрану их государством.

Известно, что Аристотель выступал как противник современного ему государственного строя Афин, считая его проявлением «крайней» демократии. Вместе с тем он положительно относился к демократии «умеренной», где правит не масса неимущих, а закон. Господство закона он считал необходимым признаком наилучшей формы государственного строя — умеренной демократии, которая приближалась к его идеалу — политии.

Интересны высказывания Эсхина — видного политического деятеля и оратора древних Афин, современника Аристотеля — относительно связи законов с демократическим строем. В «Жалобе на противозаконие» Эсхин пишет, что тиранические и олигархические государства управляются усмотрением руководителей, а демократические — установленными законами.

«Если в государстве будут соблюдаться законы, — отмечает Эсхин, — этим самым сохраняется и демократия»[1]. И далее: «Отменяйте, афиняне, противозаконные предложения, укрепляйте в государстве демократию, карайте тех, кто действует вопреки законам и вашей пользе»[2].

Вполне понятна классовая ограниченность этих положений, но, говоря о постепенном развитии идей и принципов законности, нельзя игнорировать преемственность отдельных положений и институтов, в частности тех, которые возникли в Афинской политии: например, признание виновным только по решению суда или предоставление частным лицам права «подавать заявления относительно любого из должностных лиц, обвиняя его в том, что оно поступает противозаконно»[3].

---

[1] Цит. по книге Аристотеля «Афинская полития» (Соцэкгиз, 1937, стр. 221 (приложения).

[2] Там же, стр. 222.

[3] Там же, стр. 66.

Требование соблюдения закона возникает вместе с возникновением государства и права. Господствующий класс, издавая законы, стремится к упорядочению, урегулированию общественных отношений в своих классовых целях и поэтому не может не заботиться об их соблюдении, тем более что господствующий класс в первую очередь стремится навязать свои законы угнетенным классам, составляющим подавляющее большинство членов общества. Поэтому для обеспечения соблюдения законов приводится в движение не только государственный механизм с его принудительными органами, но и ведется соответствующая идеологическая обработка масс. В частности, одним из важных факторов, обеспечивающих проведение в жизнь законов, явилось религиозное обоснование правовых систем[1]. Нарушение, неисполнение закона влекло за собой не только юридические, но и религиозные санкции, а соблюдение закона поощрялось обещаниями «вечного блаженства».

Религиозному обоснованию законодательства способствовало и обожествление царской власти. Поэтому законы, исходящие от царя, равного богу или получившего власть от бога, должны были неукоснительно соблюдаться под страхом кары не только человеческой, но и божеской.

По мере укрепления царской власти постепенно падает роль и значение религиозных предписаний и на первое место выступают прямые веления государственной власти, поддерживаемые жестокими санкциями, призванными держать подданных в страхе, хотя религиозные санкции всегда сохранялись эксплуататорскими классами в арсенале средств, направленных на подчинение угнетенных классов предписаниям законов.

Требование соблюдать законы выдвигалось и в условиях феодального строя. Однако его реализация была крайне затруднена не только причинами сословно-клас-

---

[1] Нет ни одной системы древнего писаного права, которая при своем возникновении не включала бы религиозных предписаний и ритуальных правил. Даже в наиболее «светском» законодательном акте рассматриваемой эпохи — Законах XII таблиц — есть немало элементов, которые могут быть отнесены к религиозному ритуалу. Особенно же сильное влияние религии носило законодательство древних восточных государств: законы Моисея, браманские кодексы, древнее право персов и др.

сового характера, создавшими условия для произвола феодалов, но и в силу характерного для феодальных государств отсутствия единой правовой системы и общих для данного государства источников права.

«Для удержания своего господства, для сохранения своей власти помещик должен был иметь аппарат, который объединил в подчинении ему громадное количество людей, подчинил их известным законам, правилам, — и все эти законы сводились в основном к одному — удержать власть помещика над крепостным крестьянином»[1]. Поэтому даже в условиях произвола в период феодализма идея господства закона начинает пробивать себе дорогу.

В феодальном правовом документе — Великой Хартии Вольностей 1215 года — в ст. 39 написано: «Ни один свободный человек не может быть арестован или заключен в тюрьму, или лишен владения, или объявлен вне закона, или изгнан, или каким-либо иным образом обездолен, и мы не пойдем на него, и не пошлем на него иначе как по законному приговору равных ему и по закону страны»[2]. Несмотря на классовый характер этих положений, которые исключали крепостных из числа лиц, стоявших под охраной закона, несмотря на сословный принцип формирования судебных органов (приговор равных), нельзя не оценить самой идеи, заключенной в этой статье, которая ставила известные преграды королевскому произволу.

Таким образом, требование соблюдения закона развивалось вместе с государством и правом. Но целью этого требования было прежде всего подчинение угнетенных классов. Представители господствующего класса и должностные лица не чувствовали такой связанности законами, как угнетенные. Для ничтожной группы эксплуататоров, сосредоточивших в своих руках государственную власть, всегда находились способы обойти закон, нарушить его, если речь шла об их взаимоотношениях с представителями угнетенных классов. И хотя законодательство рабовладельческой и феодальной формаций было открытым, незамаскированным выражением воли

---

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 39, стр. 77.

[2] «Конституции буржуазных государств Европы», ИЛ, 1957, стр. 171.

господствующих классов, тем не менее и его рамки были тесны эксплуататорам, прибегавшим к беззаконию и произволу.

В этих условиях право было все-таки некоторым заслоном от прямого произвола эксплуататоров, и при всей своей классовой ограниченности и урезанности законность рабовладельческого и феодального общества противопоставлялась прямому беззаконию и произволу эксплуататоров. Характерно, что в сознании эксплуатируемых наибольшее возмущение вызывали не столько жесткие и несправедливые законы, сколько прямой произвол господствующих классов. Так, в периоды «крестьянских войн» крепостные нередко отстаивали старое обычное право, требовали закрепления в законе их повинностей и т. п. И не случайно эксплуататорским классам всегда было тесно в рамках законности, и «законное насилие» они стремились дополнять произволом, беззаконием, попранием собственных законов.

Коренные отличия законности буржуазной и законности социалистической

Ограниченной, сословной законности феодального общества идущая к власти буржуазия противопоставила идею всеобщей законности, идею равенства всех перед законом. Эта прогрессивная идея была порождена бурным развитием производительных сил, которое вступило в противоречие с системой феодально-сословных привилегий.

С периодом буржуазных революций возникает новое, более широкое понимание законности, в основе которого лежали идеи универсальности закона, его господства в общественных отношениях. Условия буржуазной демократии более благоприятны для установления законности. Официальное провозглашение политического и юридического равенства изменяет и расширяет понимание законности, дополняя его рядом новых элементов и требований. К таким новым требованиям относятся универсальность, всеобщность закона, равенство всех перед законом, господство закона в общественной жизни и соответствие закону других подзаконных актов, не только провозглашение, но в определенных пределах юридическая гарантированность прав и свобод граждан. Однако эти прогрессивные требования, провозглашенные буржуазией, не получили и не могли получить воплощения в условиях буржуазного общества.

Буржуазная демократия выдвигает законность в качестве *принципа* деятельности органов государства и должностных лиц. Если законность как *метод* государственного руководства обществом используется господствующим классом с момента возникновения государства, то законность в качестве принципа деятельности государственных органов, должностных лиц и граждан выдвигается одновременно с требованиями всеобщности, универсальности закона, т. е. в условиях буржуазного общества. В этом аспекте законность означает требование неуклонного проведения законов во всех сферах правового регулирования органами государства и должностными лицами, требование, которое должно выступать в качестве *принципа государственной деятельности*[1].

Этот принцип, провозглашенный в условиях буржуазного строя, смог получить подлинное воплощение в деятельности должностных лиц и органов государства только в условиях социализма. Превращение этого принципа из формального в подлинный стало возможным потому, что его последовательное проведение во всех сферах государственной деятельности возможно лишь в условиях ликвидации частной собственности, установления подлинной социалистической демократии, такой организации государственно-правовых отношений, которая строится на гармоническом сочетании интересов личности и государства и исключает произвол и анархию. Отмечая сходство внешних признаков законности буржуазного и социалистического типов, необходимо учитывать, что эти признаки, выступающие в буржуазном обществе как преимущественно формальные, в условиях социалистического строя получают свое действительное воплощение и развитие. Отличие законности социалистической от законности буржуазной определяется рядом причин.

1) Прежде всего наличием социалистической собственности и социалистической системы хозяйства,

[1] Н. Г. Александров правильно подчеркивает двоякое применение термина «законность» — в узком и широком смысле. В широком смысле под законностью понимается требуемый государством образ поведения населения, который заключается в безусловном соблюдении изданных государством законов. В более узком смысле законность выступает как принцип деятельности государственного аппарата, заключающийся в том, что все органы государства осуществляют свои функции в строгих рамках закона («Теория государства и права», 1968, стр. 383).

устранением эксплуатации, что является необходимым условием подлинной свободы и равенства в обществе. При господстве частной собственности и его неизменного спутника — эксплуатации человека человеком — провозглашаемые права и свободы остаются по большей части пустым лозунгом, рассчитанным на обман трудящихся.

2) Характером демократии буржуазной и социалистической. Подлинной, последовательной, развернутой демократии в условиях социализма соответствует и подлинная, не только провозглашенная, но и гарантированная (экономически, политически, идеологически) социалистическая законность.

3) Отличием права буржуазного от права социалистического. В социалистическом праве выражены интересы и воля рабочего класса и руководимых им трудящихся масс. Подлинно демократическая правовая система, отвечающая объективным потребностям общественного развития, является важным условием установления подлинного режима законности.

4) Отличием целей и социального назначения. Если цели буржуазной законности — увековечение господства буржуазии, частного присвоения и эксплуатации, то цель социалистической законности — обеспечение условий для успешного построения социализма и коммунизма, создание предпосылок для формирования бесклассового коммунистического общества.

Социалистическая законность в отличие от законности буржуазной строится на научных основах, на познании и использовании объективных закономерностей общественного развития.

Все это объясняет, почему только в условиях социалистического строя законность становится *принципом* деятельности всех звеньев государственного аппарата, принципом взаимоотношений государства с гражданами.

Коренные, принципиальные различия законности буржуазной и социалистической еще ярче раскрываются при анализе основных составляющих это сложное многогранное явление существенных требований, реализация которых позволяет говорить о наличии подлинной законности в обществе.

Как уже отмечалось, одним из таких требований является всеобщность закона, равенство всех перед законом. Этот принцип распространяется и на сферу право-

творчества, и на сферу реализации права. Это означает, во-первых, что законодательство, создаваемое государством, должно распространяться на всех без исключения членов общества, поведение которых оно призвано регулировать, предоставляя им равные права и возлагая на них равные обязанности; во-вторых, что все без исключения члены общества — и граждане, и должностные лица — должны неукоснительно соблюдать предписания правовых норм.

Только такое понимание и практическое применение требования универсальности создает условия для подлинного господства закона в общественных отношениях, помогает исключить из общественных отношений произвол, злоупотребления властью, нарушения прав граждан.

Всеобщность, общеобязательность закона, равенство всех перед законом — это лозунги буржуазии, с которыми она выступала в период буржуазных революций. И даже в современных условиях, в период ломки буржуазной законности, буржуазия упорно доказывает, что всеобщее равенство и свобода характерны для буржуазного строя, лицемерно провозглашая эти принципы и в конституциях, пропагандируя их. «Лозунг свободы и равенства, — писал В. И. Ленин, — при умолчании... о частной собственности на средства производства, есть ложь и лицемерие буржуазного общества, которое формальным признанием свободы и равенства прикрывает фактические, экономические несвободу и неравенство для рабочих, для всех трудящихся и эксплуатируемых капиталом, т. е. для громадного большинства населения во всех капиталистических странах» [1].

Ограниченность провозглашенного буржуазией принципа всеобщего равенства была продемонстрирована в первый же период существования буржуазного государства. Так, декретом Учредительного собрания от 22 декабря 1789 г. французские граждане были разделены на активных (собственников) и пассивных (т. е. лиц, лишенных собственности), не имеющих права голоса [2]. В большинстве стран Западной Европы до конца XIX века в избрании законодательных органов участвовала лишь небольшая

---

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 425—426.

[2] См. «Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII—XIX вв.», Госюриздат, 1957, стр. 231—233.

часть населения. В 1900 году в Англии количество избирателей составляло 11% всего населения [1].

Тенденция к нарушению принципа равенства и всеобщности закона, к ограничению прав и свобод граждан видна и за пышными широковещательными заявлениями о расцвете всеобщего равенства и свободы в современный период. Нельзя забывать о том, что законодательные уступки, связанные с расширением политических и социальных прав граждан, являются вынужденными мерами буржуазии, на которые она пошла под давлением трудящихся масс.

В буржуазном обществе сохраняется и усугубляется не только имущественное неравенство, но и неравенство рас и национальностей, в ряде стран признается привилегированное положение «государственной» церкви, остаются элементы неравноправия женщины, ограничиваются гарантии личной неприкосновенности.

«Монополистический капитал, — отмечает Программа КПСС, — все явственнее обнажает свою реакционную, антидемократическую сущность. Он не мирится даже с прежними буржуазно-демократическими свободами, хотя лицемерно и провозглашает их. Буржуазии на данном этапе исторического развития все труднее пропагандировать лозунги равенства и свободы, как это она делала раньше» [2].

Ограничению принципа всеобщности закона и равенства всех перед законом в значительной степени препятствует борьба трудящихся за сохранение и расширение демократических прав и свобод. Состояние и уровень законности в современных буржуазных государствах определяются не только стремлением буржуазии ограничить и урезать демократические права и свободы, но и стремлением трудящихся сохранить и расширить их. Эта борьба трудящихся, возглавляемых коммунистическими партиями, подчиняется в конечном итоге борьбе за социалистическую революцию, за социалистическое преобразование общества.

Трудящиеся на опыте убеждаются в ограниченности буржуазных прав и свобод, передовая часть общества все больше приходит к пониманию того, что только со-

---

[1] См. С. Л. Зивс, Кризис буржуазной законности в современных империалистических государствах, стр. 134.

[2] «Материалы XXII съезда КПСС», стр. 343.

циализм приносит подлинную свободу и равенство. В условиях социализма создаются реальные экономические, политические, идеологические возможности для проведения в жизнь лозунга равенства всех перед законом. В этом находит свое проявление неразрывная связь законности и подлинной социалистической демократии, демократии для народа.

Наряду с требованием всеобщности, универсальности закона для подлинного режима законности необходимо господство закона в общественной жизни. Верховенство закона и соответствие закону всех иных правовых актов в государстве есть необходимый элемент законности [1]. Это и понятно, так как ядром правовой системы являются законы, призванные регулировать наиболее существенные, наиболее важные стороны общественных отношений. Верховенство закона в системе правовых норм определяется особым местом в политической организации общества высших представительных органов власти, сосредоточивающих в своих руках законодательные полномочия. Именно общегосударственный представительный характер верховных органов власти позволяет наделять законы высшей юридической силой по отношению ко всем другим подзаконным актам.

Особая роль в системе законодательных актов принадлежит Основному закону — Конституции, которая является выражением соотношения классовых сил в обществе и устанавливает принципы организации общественного и государственного строя. В ней закреплены система хозяйства, основные права и обязанности граждан, порядок организации и деятельности государственных органов.

Все подзаконные акты в государстве должны издаваться в строгом соответствии с законами, на основании и во исполнение законов. Это требование верховенства закона направлялось буржуазными идеологами против феодального произвола и беззакония.

---

[1] Этот элемент законности подчеркивается рядом авторов: И. С. Самощенко, Охрана режима законности в СССР, стр. 24; Н. Г. Александров, Право и законность в период развернутого строительства коммунизма, стр. 110; С. С. Алексеев, Общая теория социалистического права, вып. первый, стр. 173; И. С. Самощенко, Законность и правопорядок в советском социалистическом обществе («Общая теория советского права», стр. 356); Имре Сабо, цит. соч., стр. 92.

«Буржуазно-демократическое представление о верховенстве закона как неотъемлемом элементе режима законности включало,.. безусловное признание подзаконности актов правительства и... административных органов» [1].

И не случайно один из главных признаков разложения буржуазной законности в современный период — отказ от принципа верховенства закона. Этот отказ проявляется, во-первых, в ревизии буржуазных конституций и важнейших законодательных актов, которые в ряде случаев являются препятствием для проведения реакционных мероприятий современной империалистической буржуазией. Ревизия проводится и под видом «технического усовершенствования» конституции (Франция), и под видом всякого рода дополнений к ней и другим законам (США, ФРГ). Во-вторых, отказ от верховенства закона в современных буржуазных государствах проявляется в издании правительственными органами нормативных актов, противоречащих законам и в ряде случаев приостанавливающих действие закона. Иногда парламент «добровольно» передает (делегирует) свои законодательные функции исполнительным органам.

Для социалистических государств характерно возрастание значения и роли высших представительных органов государственной власти и издаваемых ими законодательных актов. Соответствие подзаконных актов Конституции и законам является одним из важнейших элементов социалистической законности.

Режим подлинной законности характеризуется не только провозглашением демократических свобод и правно и их гарантированностью. Известно, что провозглашение всеобщего равенства и свободы пришедшей к власти буржуазией оказалось на деле иллюзией, поскольку вся система буржуазных общественных отношений не давала возможности обеспечить равенство членов буржуазного общества, гарантировать провозглашенные в законодательстве демократические права и свободы. Режим законности невозможен без системы гарантий — экономических, политических, идеологических, юридических.

Буржуазные конституции широко декларируют права и свободы граждан. Однако иллюзорность этих прав и свобод определяется прежде всего социально-экономическими

[1] См. С. Л. Зивс, Кризис буржуазной законности в современных империалистических государствах, стр. 57.

условиями буржуазного общества — частной собственностью на орудия и средства производства, системой капиталистической эксплуатации. Возможность использования провозглашаемых прав и свобод для трудящихся, не подкрепленная экономическими гарантиями, становится фикцией. Юридические гарантии, зафиксированные в буржуазных конституциях в результате борьбы трудящихся масс, империалистическая буржуазия стремится устранить из текста конституций [1].

Кроме того, провозглашенные права и свободы ограничиваются всякого рода оговорками или в самом тексте конституции или в других законодательных актах. О Конституции Франции 1848 года К. Маркс писал: «Каждый параграф конституции содержит в самом себе свою собственную противоположность, свою собственную верхнюю и нижнюю палату: свободу — в общей фразе, упразднение свободы — в оговорке [2].

Подобного рода оговорки и ограничения содержатся, как правило, во всех конституциях буржуазных государств [3].

Конституциями ряда буржуазных стран (Франция, Италия, ФРГ) предусмотрено введение «чрезвычайного положения», когда права и свободы граждан значительно ограничиваются или совсем отменяются [4].

Подобные приемы и уловки, направленные на ограничение прав и свобод граждан, как и другие нарушения принципа законности, свидетельствуют о том, что ввиду отсутствия подлинной демократии и социального равенства невозможно говорить о действенных гарантиях законности в буржуазном обществе.

Реальная гарантированность прав и свобод личности — важное требование социалистической законности. Только социалистический общественный и государственный строй, экономическая система социализма и развернутая

---

[1] Так, в Конституции Франции 1791 года содержался раздел о правах граждан — «Основные положения, обеспеченные Конституцией»; в Конституции Французской республики 1946 года основные права граждан были детально изложены в преамбуле; в Конституции же 1958 года пространный перечень прав и свобод граждан был заменен двумя абзацами.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 8, стр. 132.

[3] См. «Конституции буржуазных государств Европы», стр. 826.

[4] «Буржуазные конституции в период общего кризиса капитализма», «Наука», 1966, стр. 107.

социалистическая демократия создают условия для разработки и внедрения в жизнь всесторонних гарантий социалистической законности: экономических, политических, конституционных, правовых, идеологических. Величайшее завоевание социализма — это создание впервые в истории подлинной законности и строгой системы ее гарантий [1].

Таким образом, всеобщность, универсальность закона, верховенство закона, его господство в общественной жизни, гарантированность прав и свобод граждан — это те новые принципы, которые выдвигаются в период буржуазно-демократических революций и которые меняют и обогащают содержание законности. Однако эти передовые принципы не были и не могли быть всерьез реализованы в условиях буржуазного строя. Их берет на вооружение и использует рабочий класс, который, свергнув власть буржуазии, создает новое социалистическое государство, устанавливает новую социалистическую законность. Социалистическая законность возникает не на пустом месте. Наряду с новыми специфическими, свойственными только социалистической законности принципами она вобрала в себя все передовое и прогрессивное, что было выработано в правосознании и правовых институтах предшествующими поколениями. Эти прогрессивные идеи и принципы в социалистическом обществе впервые в истории получают условия для своего подлинного воплощения и развития. Поэтому классовая сущность и содержание законности ни в какой мере не противоречат преемственности содержащихся в ней идей и принципов. Больше того, именно эти идеи и принципы позволяют лучше понять социальную сущность законности путем выявления подлинности или фиктивности, иллюзорности или реальности, фальши или правдивости этих идей и принципов в том или ином обществе.

Поскольку законность — это особый метод государственного руководства обществом, который охватывает все сферы правового регулирования — и правотворчество, и реализацию права, постольку основные требования законности должны быть распространены и на правотворческую деятельность государства, и на область осуществления права [2]. Именно в этих сферах наиболее наглядно проявв-

---

[1] Подробнее вопрос о социалистической законности и ее гарантиях рассматривается в IV томе настоящего издания.

[2] Вопрос о законности и правотворчестве, а также законности и осуществлении права применительно ко всем классовым

ляется подлинная роль законности в обществе, степень ее эффективности. Верховенство закона в общественной жизни, всеобщность закона, гарантированность правовых предписаний государства — вот те требования, без реализации которых как в правотворчестве, так и в осуществлении права нельзя говорить о подлинной законности. Реализация этих требований неотделима от научного руководства обществом, от познания и использования объективных закономерностей общественного развития. А последнее возможно только в социалистическом обществе.

§ 2. СОЦИАЛЬНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ ЗАКОННОСТИ

Законность и революция

Законность — явление сугубо классовое, как государство, как и право. Поэтому задача ее состоит в обеспечении разносторонних интересов и целей господствующего класса, создании условий для их наиболее полного претворения в жизнь. Законность всегда была послушным орудием господствующих классов в досоциалистических эксплуататорских формациях, ни один господствующий класс не может обойтись без законности, так как она выполняет определенную социальную функцию: вносит известную определенность и порядок в общественные отношения.

Установление режима законности — одно из важных условий, обеспечивающих проведение в жизнь мероприятий господствующего класса. Поэтому класс, идущий к власти, стеснен рамками законности класса, держащего в своих руках государственную власть. Борьба за власть

общественно-экономическим формациям не нашел освещения в юридической литературе. И это не случайно. Можно выработать общие понятия законности, правотворчества, реализации права, но рассматривать соотношение этих понятий возможно только применительно к конкретной общественно-экономической формации, поскольку роль законности в правотворчестве и в реализации права весьма специфична в условиях каждого типа государства. Исследование этих проблем имеет чрезвычайно важное значение, поскольку оно наиболее наглядно показывает, почему при рабовладельческой и феодальной формациях законность существовала в крайне ограниченном, урезанном виде, почему при капитализме она провозглашается как принцип, почему, наконец, социалистическая законность становится не только методом государственного руководства обществом, но и реальным принципом всей государственной и общественной жизни.

есть всегда одновременно и борьба со старой законностью. Вместе с тем законность стеснительна не только для революционного класса, но и для господствующего, который не может удерживать власть, опираясь на созданные им ранее законы, и вынужден ломать свою собственную законность.

В периоды социальных революций, означавших смену одной общественно-экономической формации другой, когда резко обострялись классовые противоречия, особенно ярко проявлялось попрание законности самим господствующим классом. В эпоху обострения классовой борьбы господствующие эксплуататорские классы могут вообще отказаться от законности и прибегнуть к произволу и прямому неузаконенному насилию, как это имеет место в условиях фашистского режима.

Разложение законности в предреволюционные периоды предшествует частичной или полной ломке старой законности, осуществляемой в ходе социальной революции, и созданию новой законности классом, пришедшим к власти. Степень использования классом, пришедшим к власти, элементов и принципов старой законности зависит от конкретной социально-политической ситуации, от степени его революционности, от соотношения классовых сил после победы революции, от активности сопротивления свергнутых классов. Классу, установившему свою диктатуру, в первый период своего господства нередко приходится прибегать к чрезвычайным мерам, поскольку после победы политической революции возможны вспышки острой классовой борьбы, вызванные попытками свергнутых классов вернуть утраченное господство.

Законность — это своеобразный барометр, отражающий ход классовой борьбы и степень исторической прогрессивности класса, пришедшего к власти. Когда этот класс добивается прочного, фактического и юридического господства в обществе, устранив своих классовых противников от сколько-нибудь заметного влияния на управление государством, когда его мероприятия, облеченные в правовую форму, отвечают объективным потребностям развития общества, устанавливается устойчивый режим законности. Такое состояние законности существует до тех пор, пока в обществе не созреют силы, способные организовать борьбу против господствующего класса, или до тех пор, пока потребность в правовом регулировании и

стало быть, в законности отпадает, уступив место неправовому регулированию общественных отношений (в условиях отмирания права).

Таким образом, устойчивость законности в досоциалистических классовых формациях — явление исторически преходящее. Оно полностью определяется характером того или иного класса, той или иной общественно-экономической формации в целом. Законность, устанавливаемая после победы буржуазных революций, как правило, отражает трусливую, половинчатую, непоследовательную позицию буржуазии в революции. С одной стороны, устранить господство феодалов буржуазия может лишь опираясь на поддержку трудящихся масс. С другой стороны, она боится их революционности и стремится сплошь и рядом заключить сделку с феодалами, пойти с ними на компромисс, боясь, как бы революция «не зашла слишком далеко». Это особенно наглядно видно на примере буржуазной революции в Германии 1848 года.

В ходе революции 1848 года немецкая буржуазия не могла и не смела посягнуть на королевскую власть и, испугавшись революционного движения народных масс, пошла на сделку с короной. Революция в Германии не была доведена до конца, буржуазия не добилась политического господства, не уничтожила абсолютистского режима. «*Революция* представляла *законное основание прав народа*, — писал Маркс, — на основании революции он предъявлял свои буйные притязания. Революция была векселем, переведенным народом на буржуазию. Благодаря революции буржуазия пришла к власти. В день прихода ее к власти исполнился срок платежа по этому векселю. Буржуазия должна была *опротестовать* этот вексель» [1]. В результате было уничтожено законное основание прав народа и обретена почва законности для консервативной буржуазии. «Почва законности» означала просто, что революция не обрела своей почвы, а старое общество не утратило своей почвы...» [2].

Поэтому общее положение о провозглашении и установлении буржуазной законности после революции надо рассматривать конкретно-исторически. В тех странах, где революция завершилась компромиссом буржуазии и фео-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 6, стр. 120.
[2] Там же, стр. 121.

далов, едва ли можно говорить об установлении (хотя бы и формальном) буржуазной законности.

Там же, где буржуазия выступала как более последовательный носитель революционно-демократических идей, она провозглашала и устанавливала принципы буржуазной законности при поддержке и под давлением народа.

В письме к К. Каутскому от 20 февраля 1889 г. Ф. Энгельс предельно точно показал существо социальных позиций буржуазии и трудящихся в революции. Трусливая позиция буржуазии в буржуазно-демократической революции ведет к тому, что трудящиеся больше отстаивают интересы буржуазии в ходе революции, чем сама буржуазия. «Но это было бы невозможно без того, чтобы эти плебеи не вкладывали в революционные требования буржуазии такой смысл, которого там не было, не делали из равенства и братства крайних выводов, ставивших буржуазный смысл этих лозунгов прямо на голову, ибо этот смысл, доведенный до крайности, обращался в свою противоположность. Эти *плебейские* равенство и братство должны были быть только мечтой в такое время, когда речь шла о том, чтобы создать нечто, *прямо противоположное* им, и, как всегда, по иронии истории, это *плебейское* понимание революционных лозунгов стало самым мощным рычагом осуществления этой противоположности: *буржуазного* равенства — перед законом и братства — в эксплуатации»[1].

Законность в досоциалистических классовых формациях соответствовала интересам буржуазии лишь исторически ограниченный период. Но эта законность становится для господствующего класса ненужным балластом, и он отбрасывает ее, когда трудящиеся массы, используя «права и свободы», начинают сплачиваться и вести борьбу против буржуазии. Законность создает условия для организации и сплочения рабочего класса, для классовой борьбы пролетариата, борьбы, которая может в известные исторические периоды идти на почве буржуазной законности, но которая неизбежно приводит к развязке, к прямой схватке, к дилемме: «разбить вдребезги» буржуазное государство или быть разбитым и задушенным»[2]. Поэтому

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 37, стр. 126—127.
[2] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 20, стр. 12—13.

неизбежно объективно обусловленное стремление буржуазии в период империализма освободиться от созданной ею буржуазно-демократической законности [1].

Наступлению буржуазии на принципы законности в современных условиях, ее стремлению ликвидировать демократические права и свободы противостоит борьба рабочего класса, руководимого коммунистическими и рабочими партиями за сохранение и упрочение режима законности. Особенности этой борьбы в современных условиях состоят в том, чтобы не только защищать уже существующие права и демократические институты, но и расширять демократию во всех областях жизни. Расширение демократии — это расширение социальной базы законности, это создание ситуации, способствующей осуществлению мирного перехода к социализму. Поэтому возможность мирного перехода от капитализма к социализму во многом зависит от успехов борьбы рабочего класса за демократию и законность в условиях буржуазного строя.

Движение трудящихся за сохранение и расширение демократических прав и свобод, за законность не должно носить реформистского характера, а должно быть подчинено в конечном счете борьбе за социализм. Сами по себе реформы, какой бы глубокий и комплексный характер они ни носили, не означают социалистического переустройства общества, ибо «законы вообще никогда не совершают революций» [2]. Но эти реформы, принятие законов, существенно улучшающих положение трудящихся, подготавливают условия для революции, для перехода власти в руки трудящихся. Поэтому борьба за сохранение и расширение демократии и законности приобретает в современных условиях особое значение, так как она наносит удар по экономической и политической системе капитализма и подготавливает условия для социалистической революции.

Отношение классов и партий к законности далеко выходит за рамки сугубо правовых проблем. Это всегда один из важнейших программно-политических вопросов, часть более общего вопроса о власти того или иного класса, использующего законность и законы в интересах своего классового господства. Отношение рабочего класса к

---

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 20, стр. 16—17.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 760.

законности всегда определяется конкретно-исторической ситуацией. Если в России в условиях ожесточенного сопротивления реакционных сил пролетариат должен был разбить, уничтожить старое право и законность, то в современных условиях победивший рабочий класс в отдельных странах может в определенной степени использовать формы буржуазного права и буржуазной законности, наполняя их новым социалистическим содержанием. Это возможно благодаря наличию мировой социалистической системы и в условиях, когда революция вырастает из борьбы трудящихся масс за развитие демократии.

Подлинная социалистическая законность может быть установлена только в ходе социалистической революции, которая объективно требует ломки старых законов в большей или меньшей степени даже в условиях мирного взятия власти рабочим классом. «Правовая почва» революции является весьма шаткой и непрочной основой в связи с сопротивлением свергнутых классов. «Если бы, например, в Англии и в Северо-Американских Соединенных Штатах большинство в парламенте или в конгрессе получил рабочий класс, — писал Маркс, — то он мог бы на законном основании устранить стоящие на его пути законы и учреждения, да и то лишь в той мере, в какой это вызывается общественным развитием. И все-таки «мирное» движение превратилось бы в «насильственное», столкнувшись с *сопротивлением* заинтересованных в старом порядке, а если последние в результате насилия оказываются побежденными (как американское движение и французская революция), то они восстают против «законного» насилия»[1]. Поэтому установление законности рабочим классом — результат острых классовых конфликтов, непримиримой борьбы независимо от характера революции (мирного или насильственного).

Всеобщность закона из формального, классово ограниченного лозунга становится одним из ведущих принципов всей политической и общественно-экономической жизни социалистического общества. Диктатура пролетариата начинает преобразование общества на социалистических началах, опираясь на социалистическую законность, являющуюся высшим историческим типом законности.

---

[1] «Архив Маркса и Энгельса», т. I (VI), Партиздат, 1932, стр. 397.

Всеобщность закона — один из устоев социалистического строя, и отдельные отступления от него, которые имели место, например, в России в период, когда еще существовали эксплуататорские классы, были временными, исторически преходящими, вынужденными мерами, определяемыми трудностями, связанными с построением социализма первым в мире государством победившей диктатуры пролетариата.

Развернутая, последовательная демократия в условиях социализма открывает широкие возможности для постоянного укрепления и совершенствования социалистической законности, посредством которой охраняются общественный и государственный строй, социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность, права и интересы граждан, общественный порядок.

Социалистическое государство и общественные организации заботятся о воспитании масс в духе уважения и соблюдения требований права, в духе нетерпимости к любым нарушениям законности, кем бы они ни допускались. Режим социалистической законности создает предпосылки для перерастания норм права в правила коммунистического общежития, вырабатывая в людях социально полезные навыки и привычки, умение сознательно и добровольно соблюдать нормы права.

Перерастание норм социалистического права в правила коммунистического общежития будет сопровождаться перерастанием законности и всего социалистического общественного порядка в коммунистический общественный порядок. Этот процесс может осуществляться лишь через всемерное укрепление социалистической законности. Взаимосвязь права и законности в период построения коммунизма состоит в том, что укрепление законности является необходимой предпосылкой и условием перерастания норм права в правила коммунистического общежития; перерастание норм права в правила коммунистического общежития в конечном итоге приведет к тому, что отпадет необходимость в законности и, исчерпав свою историческую миссию, социалистическая законность, как и весь социалистический общественный порядок, будет заменена коммунистическим общественным порядком, основанным на сознательном и добровольном соблюдении всеми членами общества правил, норм, традиций коммунистического общежития.

Законность и демократия

Для оценки роли и назначения законности в обществе очень важно рассматривать законность в тесной связи с демократией. Это позволяет также выявить действительную роль и удельный вес законности в том или ином государстве, установить, какие условия способствуют более высокому уровню законности.

Утверждение о том, что законность возникает вместе с государством и правом и существует в любом классовом обществе, отнюдь не означает, что в досоциалистических эксплуататорских формациях законность органически свойственна каждому государству. Во все периоды развития классового общества наиболее благоприятные условия для действия законности создавались в государствах с демократическим политическим режимом. Об этом свидетельствует и исторический опыт, показывающий, что даже в условиях рабовладельческого строя забота о соблюдении законов выдвигалась там, где установлен был демократический политический режим (например, Афинская республика). Нельзя не отметить, что после замены Римской республики империей были уничтожены законодательные полномочия народных собраний, исчезло рассмотрение жалоб на приговоры о смертной казни и т. д. Переход от республики к диктатуре как форме правления, затем образование империи приводят к тому, что народные собрания постепенно утрачивают свое значение, законодательная власть переходит вначале к диктатору, затем к принцепсу и сенату, народные собрания утрачивают и судебные функции. Маркс характеризует обстановку террора и репрессий периода разложения Римской республики и образования империи как хладнокровные массовые убийства людей, безразличное отношение палачей к своим жертвам независимо от их пола и возраста, гонения и дикую травлю политических противников, доносы на политических и личных врагов, равнодушную зверскую расправу с людьми, совершенно непричастными к общественной борьбе [1].

В пределах одной и той же общественно-экономической формации отношение к соблюдению законов было различным в зависимости от политического режима и

---

[1] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 17, стр. 360.

формы государства. Демократический политический режим обычно создавал наиболее благоприятные условия для реализации требований законности.

Поэтому законность не является категорией, органически присущей всем эксплуататорским государствам[1]. Только с победой социалистической революции и установлением социалистического строя, когда создаются условия для широкой народной демократии, демократии большинства, законность становится закономерностью, органически присущей обществу. Превращение законности в объективную потребность развития общества является убедительным доказательством связи законности и демократии.

Как уже отмечалось, наиболее благоприятные условия для установления законности создаются именно при демократическом политическом режиме. Вместе с тем необходимо учитывать связь законности и демократии в более широком классовом смысле[2], поскольку именно она позволяет ответить на вопрос о том, какому классу нужна законность, какое социальное назначение выполняет последняя в обществе[3]. Чем более широкой является социальная база демократии, тем шире социальная база законности. И, напротив, узость, ограниченность демократии определяют узкий, ограниченный характер законности.

Но изложенным не исчерпывается связь законности и демократии. Другая сторона ее состоит в том, что демократия должна осуществляться в рамках законности. Принципы и институты демократии находят четкое законодательное закрепление и являются выражением интересов и воли класса (классов), осуществляющих государственную власть. Законодательная регламентация

[1] См. М. С. Строгович, Основные вопросы советской социалистической законности, стр. 228.

[2] См. И. С. Самощенко, Охрана режима законности Советским государством, стр. 8—9.

[3] Эту сторону связи законности и демократии правильно подчеркивает С. Н. Братусь, отмечая, что «любой тип государства имеет и демократию и законность» («Советское государство и право» 1958 г. № 11, стр. 125). Вместе с тем нельзя согласиться с тем, что любое государство имеет демократию и законность для господствующего класса (см. там же). В восточно-деспотических монархиях, а также при фашизме и вообще тиранических режимах законности и демократии нет даже для господствующего класса.

демократических институтов вводит демократию в определенные рамки, придает ей четкую социальную направленность. Без законности демократия не может в полной мере выполнять свою социальную функцию, состоящую в обеспечении интересов господствующих классов.

Законность и справедливость

Законность в обществе всегда тесно связана с правовым сознанием и волей классов. Издаваемые государством правовые нормы являются выражением правосознания и воли господствующего класса[1]. Если действующие в обществе нормы права являются объективированным, не зависящим от отдельных индивидов выражением сознания и воли класса, осуществляющего государственное руководство обществом, то в процессе реализации этих норм в классовом антагонистическом обществе происходит столкновение, взаимодействие, борьба воль различных социальных групп и отдельных индивидов. Уровень и состояние законности в обществе являются показателем противоположности или единства воль и систем правосознания различных классов общества. На уровень и состояние законности влияет взаимодействие воль индивидов. От степени сознательности, политической зрелости, правовой культуры также во многом зависит состояние законности в обществе.

Законность всегда складывалась под взаимодействием правосознания общественных классов и отражала одну из основных идей правосознания — идею социальной справедливости. Как известно, понятие справедливости включает представления того или иного класса о добре и зле, о той мере долга и обязанностей, которая определяет положение личности в обществе. Идея справедливости — категория не только правосознания, но и ряда других форм общественного сознания. Применительно к праву идея справедливости означает представление о том, какие юридически оформленные права и обязанности должны быть у тех или иных членов общества. Наличие различных классовых систем правосознания в антагонистиче-

[1] Господствующий класс в процессе правотворчества не может, естественно, не учитывать правосознания и воли других классов общества. В условиях буржуазного общества это происходит под давлением угнетенных классов, в условиях социалистического общества в процессе правотворчества неизменно учитываются интересы всех трудящихся, руководимых рабочим классом.

ских формациях определяет и различные позиции по этому вопросу.

Так, с точки зрения господствующих рабовладельцев рабство было категорией социально-справедливой, и Аристотель оправдывал закрепленное правом рабство, которое, по его мнению, являлось выражением политической справедливости.

«Справедливость» с точки зрения феодалов состояла в юридическом закрепощении трудящегося крестьянства, в оправдании бесчеловечных форм эксплуатации, в лишении крестьянства элементарных прав. Вся узаконенная система бесчеловечной эксплуатации в феодальном обществе подкреплялась ссылками на справедливость божественную, ярким воплощением которой было христианство.

«Социальные принципы христианства оправдывали античное рабство, превозносили средневековое крепостничество...

Социальные принципы христианства объявляют все гнусности, чинимые угнетателями по отношению к угнетенным, либо справедливым наказанием за первородный и другие грехи, либо испытанием, которые господь в своей бесконечной мудрости ниспосылает людям во искупление их грехов»[1].

Однако взглядам феодалов противостояли представления народных масс о справедливом и законном. Категории «правды», «права», «справедливости» всегда сопутствовали крестьянскому движению. Эти идеи формировались в сознании народных масс в процессе борьбы с угнетателями. «Правда» соединила в себе представление о законности (обычае) и честности, о справедливости и истинности, о доброте и разумности. Она проходит яркой нитью через всю борьбу народных масс против феодальной эксплуатации. На нее опираются «частичное сопротивление через суд, крестьянские уходы, отказы от работ и повинностей, разбой, поджоги, расправы, восстания»[2].

Столь же классовый (хотя и замаскированный) характер носят представления о справедливости в буржуазном обществе. Буржуазия признает справедливым сосредоточение

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 204.

[2] Б. Ф. Поршнев, Феодализм и народные массы, «Наука», 1964, стр. 311.

частной собственности в руках немногих, эксплуатацию человека человеком. Эти представления находят свое выражение в характере буржуазной законности. Показав движущие силы развития человеческого общества, К. Маркс выбил тем самым из-под ног имущих классов «последнее основание для лицемерных фраз, будто в современном общественном строе господствует право и справедливость, равенство прав и обязанностей и всеобщая гармония интересов, и современное буржуазное общество было разоблачено не в меньшей степени, чем предшествующие, разоблачено как грандиозное учреждение для эксплуатации громадного большинства народа незначительным, постоянно сокращающимся меньшинством» [1].

В действительности понятие справедливости всегда является выражением существующих экономических отношений либо с их консервативной, либо с их революционной стороны [2].

Все больше убеждаясь на опыте в лживости буржуазной законности и права, трудящиеся ведут борьбу за демократию, за социализм, за новую законность, призванную воплотить представления трудящихся масс о высшей социальной справедливости, ликвидации классовой эксплуатации, социальном равенстве и распределении благ по труду.

Законность социалистического типа является воплощением многовековых представлений трудящихся масс о справедливом распределении прав и обязанностей между членами общества, о всеобщем равенстве всех перед законом и о равной обязанности соблюдать законы. Идея справедливости как одна из важных категорий социалистического правосознания провозглашает права граждан священными и неприкосновенными, требуя в то же время высокой ответственности личности перед обществом. Социалистическая законность с ее высокогуманными идеями и принципами подготавливает членов социалистического общества к формированию высшей социальной справедливости, которая станет возможной и неизбежной в условиях коммунизма.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 115.
[2] См. там же, стр. 115.

Глава четырнадцатая

ПРАВОПОРЯДОК И ПРАВООТНОШЕНИЯ

§ 1. Понятие правопорядка. § 2. Законность и правопорядок. § 3. Правоотношения — важнейший элемент правопорядка. § 4. Государственная охрана правопорядка.

§ 1. ПОНЯТИЕ ПРАВОПОРЯДКА

Понятие общественного порядка

Каждый способ производства требует урегулирования и упорядоченности общественных отношений, отражающих в конечном счете «постоянное воспроизводство базиса существующего состояния»[1] или, иначе, «повторяющиеся ...акты производства, распределения и обмена»[2]. Это находит свое выражение в общепризнанных или общеобязательных правилах поведения людей, соблюдение которых и приводит к существованию общественного порядка.

В доклассовом обществе урегулированность и порядок в общественных отношениях и поведении людей достигались действием обычаев и традиций, которые выражали интересы всего племени или рода и соблюдались главным образом в силу привычки.

С появлением частной собственности и классов, с возникновением классовой борьбы общественный порядок, обеспечивающий данный способ производства, уже не может поддерживаться одними обычаями и традициями, он находит свое выражение в законе, соблюдение которого гарантируется принудительной силой государственного аппарата.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. II, стр. 356.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 18, стр. 272.

Общественный порядок в государстве является формой упрочения и охраны того способа производства, в функционировании которого жизненно заинтересованы экономически и политически господствующие классы; это порядок, складывающийся в результате реализации всех видов социальных норм и принципов, выражающих интересы господствующих классов [1].

Буржуазная философия, социология и юриспруденция, оперируя понятием «порядок», не вскрывают ни его классовой сущности, ни его материальной обусловленности, выводят представление о сущности порядка чаще всего из довольно абстрактных постулатов человеческого разума, естественной или социальной природы человека, из «этических ценностей» [2]. В тех случаях, когда иные буржуазные политики признают все же существование в современном обществе классов и классовой борьбы, они тем не менее полагают, что существующий в государстве порядок служит примирению классов. В. И. Ленин по этому поводу писал: «По мнению мелкобуржуазных политиков, порядок есть именно примирение классов, а не угнетение одного класса другим; умерять столкновение — значит примирять, а не отнимать у угнетенных классов определенные средства и способы борьбы за свержение угнетателей» [3].

Выявляя классовую направленность определенного порядка отношений в государстве, марксизм-ленинизм показывает, что объективная обусловленность упорядочения общественных отношений вовсе не оправдывает существующего в эксплуататорском обществе «порядка», который служит угнетению трудящихся имущими классами. Это учение устанавливает закономерность революционной смены одного типа общественного порядка дру-

---

[1] См. «Теория государства и права», 1965, стр. 435.

[2] Так, П. Виноградов в лекциях, читанных в Оксфордском университете, говорил, что человеческая природа требует общения, которое должно быть упорядочено с тем, чтобы участники ассоциации не причиняли друг другу вреда («Очерки по теории права», стр. 9—10). По мысли Т. Парсонса, стабильность общественной системы, ее способность к выживанию предопределяются социальным контролем над поведением людей, основы которого лежат, скорее, в области «ценностных ориентиров», культуры и религии, нежели в материальных условиях жизни людей (T. Parsons. Sociological Theory and Modern Society, N.-Y., 1967).

[3] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 33, стр. 7.

гим, соответствующую исторически неизбежной смене типов производственных отношений.

Общественный порядок в эксплуататорском обществе обеспечивает функционирование производства, основанного на частной собственности, и господствующее положение меньшинства — имущих классов, угнетающих широкие массы трудящихся. Будучи по внешней видимости «общественным», такой порядок отношений по своему существу носит антиобщественный характер и строится на обмане и социальной несправедливости, на насилии и угнетении меньшинством большинства населения страны.

Устанавливая тот или иной тип общественного порядка, основанного на подавлении большинства, эксплуататорские классы вынуждены особенно в современном обществе поддерживать некоторые элементарные условия человеческого общежития, вне которых невозможно само существование социальной организации людей, в том числе и тех, кто подвергается эксплуатации. Однако делается это не в интересах масс трудящихся, а в силу необходимости поддержания нормального функционирования того способа производства, с которым жизненно связаны интересы имущих классов. Так создается иллюзия, что капиталистический порядок отношений в равной мере обеспечивает интересы всех классов.

Общественный порядок в социалистическом государстве направлен против эксплуатации человека человеком, против всех видов социального гнета. Это порядок, выражающий и защищающий интересы рабочего класса и всех трудящихся, порядок, охраняющий социалистический способ производства, основанный на общественной собственности, и политическую власть трудящихся.

Если в период строительства социализма установление общественного порядка сопровождается подавлением класса эксплуататоров, то с построением социализма общественный порядок не требует подавления какого-либо класса внутри страны, ибо эксплуататорских классов уже нет, а рабочий класс и крестьянство находятся в теснейшем союзе, руководимом рабочим классом.

Общественный порядок на первой фазе коммунизма еще не исключает необходимости применения принуждения к антиобщественным элементам, поскольку «на первой своей ступени коммунизм *не* может еще быть экономически вполне зрелым, вполне свободным от традиций

или следов капитализма»[1]. Однако социалистический общественный порядок постепенно развивается в коммунистический порядок отношений, при котором люди привыкнут к соблюдению правил коммунистического общежития без государственного принуждения.

В. И. Ленин писал: «Мы не ждем пришествия такого общественного порядка, когда бы не соблюдался принцип подчинения меньшинства большинству. Но, стремясь к социализму, мы убеждены, что он будет перерастать в коммунизм, а в связи с этим будет исчезать всякая надобность в насилии над людьми вообще, в *подчинении* одного человека другому, одной части населения другой его части, ибо люди *привыкнут* к соблюдению элементарных условий общественности *без насилия* и *без подчинения*»[2].

Социалистический общественный порядок способен выразить наивысшую степень социальной справедливости, возможную в классовом обществе. Коммунистический порядок принесет с собой осуществление полного равенства.

Правопорядок — важнейшая сфера общественного порядка в государстве

В классовом обществе, как мы уже знаем, господствующий порядок отношений урегулирован не только нормами морали, традициями и обычаями, но также и законами государства, юридическими нормами. Та часть общественного порядка, которая охватывает волевые отношения, складывающиеся в результате соблюдения (исполнения, применения) норм права, образует правопорядок. Правопорядок складывается в процессе реализации только *юридических* норм. В отличие от остальной части общественного порядка правопорядок находится под защитой закона[3]. Нарушение

---

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 33, стр. 98; см. также т. 35, стр. 199—200 и др.

[2] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 33, стр. 83.

[3] Здесь намеренно подчеркивается юридический характер государственной охраны правопорядка. Государственный аппарат может защищать фактические отношения вне сферы действия юридических норм. Поскольку такого рода охрана фактических отношений не предусмотрена правовыми нормами, она не образует правопорядка. Более того, такого рода защита фактических отношений может в некоторых случаях осуществляться вопреки закону, нарушать законность и официально признанный государством правопорядок. Вместе с этим следует иметь в виду и то, что есть страны, где закон не был или не является основным

правопорядка влечет (может повлечь) юридическую ответственность, применение мер государственного принуждения.

Поскольку правопорядок составляет лишь часть общественного порядка, постольку не всякое нарушение последнего представляет нарушение законности и правового порядка, защищаемого государством[1]. Напротив, любое нарушение правопорядка является нарушением порядка общественных отношений.

Поскольку государство при помощи права закрепляет важнейшие экономические и политические отношения, постольку правопорядок составляет главную сферу общественного порядка.

Какая именно часть общественного порядка закрепляется государством при помощи юридических норм и представляет правопорядок, каковы свойства и характерные черты установленного правопорядка, насколько он, наконец, прочен, — все это в конечном счете определяется типом господствующих производственных и основанных на них политических отношений.

Область действия правопорядка зависит от потребностей данного способа производства, а непосредственно определяется нормотворческой деятельностью государства, сферой правового регулирования.

При всех условиях правопорядок охватывает те отношения, упорядочения которых объективно требует существующий способ производства и в охране которых жизненно заинтересованы господствующие классы. К числу таких отношений в первую очередь относятся отношения, связанные с господствующей формой собственности. Что касается политических отношений, то степень и характер их юридического опосредствования в значительной мере определяются соотношением классовых сил, наличием или отсутствием в эксплуататорском обществе внеэкономиче-

---

источником права, но был или есть определенный правопорядок. Поэтому можно сказать, что правопорядок — порядок отношений, основанный на соблюдении юридических норм, вне зависимости от того, в какой форме нормы выражены.

[1] В данном случае мы ведем речь об общественном порядке в широком смысле этого слова. В более узком понимании общественный порядок — это порядок, в общественных, публичных местах охраняемый прежде всего нормами административного и уголовного права.

ского принуждения, политическим режимом и другими конкретно-историческими обстоятельствами.

Вместе с этим есть отношения, которые господствующим классам нет смысла закреплять при помощи права, а также такие, которые по самому своему характеру не могут быть подвергнуты юридической регламентации (например, отношения дружбы и товарищества).

В эксплуататорском обществе сфера правопорядка складывается в значительной мере стихийно. В социалистическом государстве есть принципиальная возможность и существует объективная необходимость научного определения того круга отношений, который должен быть подвергнут правовому опосредствованию, хотя и тут возможны элементы случайности или недостаточно обоснованной юридической регламентации с точки зрения ее характера (например, административно-правовое регулирование тех отношений, которые требуют гражданско-правовых форм опосредствования и т. п.).

Сфера правопорядка, как часть существующего общественного порядка, не может быть неизменной даже в пределах одной общественно-экономической формации, она меняется соответственно изменениям экономического и политического строя, а также в известной мере под влиянием перемен в культуре и сознании людей. Однако, охватывая важнейшие из общественных отношений, она всегда составляет важнейшую часть общественного порядка, его цементирующее звено.

В эксплуататорском обществе правопорядок, выражающий интересы эксплуататоров, поддерживается главным образом государственным насилием или его угрозой. Против такого правопорядка всегда вели и ведут борьбу трудящиеся массы. Подавляя выступления масс, господствующие классы прибегают в условиях обостренной классовой борьбы и к таким формам насилия над трудящимися, которые противоречат их собственным законам, творят открытый произвол, подрывая тем самым ими же установленный правовой порядок.

Таким образом, отношение государственной власти эксплуататорских классов к правопорядку может быть различно, как различно их отношение к собственным законам и законности. Всякий раз, когда этого требуют условия классовой борьбы, эксплуататорское государство, его органы грубо попирают законы, нарушают правопо-

рядок и творят самый беззастенчивый произвол. Этот правопорядок нарушают и отдельные представители эксплуататорских классов, а также их объединения, оставаясь при этом очень часто полностью безнаказанными.

Социалистический правопорядок выражает коренные интересы рабочего класса и всех трудящихся, при социализме — интересы всего народа. Его существование объективно обусловлено потребностями развития социалистического способа производства и направлено на обеспечение всех завоеваний трудящихся. В твердом социалистическом правопорядке одинаково заинтересованы как граждане, так и социалистическое государство. Социалистическая законность является непременным условием существования социалистического правопорядка, его развития и упрочения.

Прочность правопорядка в социалистическом обществе определяется социалистическим типом производственных отношений, характеризующихся господством общественной собственности и социалистической системой хозяйства, отсутствием эксплуатации человека человеком, исчезновением безработицы и нищеты. Его устойчивость обусловливается также морально-политическим единством народа, отсутствием эксплуататорских классов и классовой борьбы внутри страны, развертыванием социалистической демократии, призванной обеспечивать реальное полновластие трудящихся масс.

Прочность и устойчивость правопорядка в социалистическом обществе обусловлены и тем, что право на первой фазе коммунизма выражает волю и интересы подавляющей массы трудящихся города и деревни, волю и интересы народа, возглавляемого рабочим классом; тем, что осуществление норм социалистического права основывается в первую очередь на их сознательном и добровольном исполнении, на социалистическом правосознании и принципах социалистической нравственности.

Правопорядок органически свойствен социализму, упрочение правопорядка и его дальнейшая демократизация — существенная особенность развития государства и права на первой фазе коммунизма. Отмеченное не означает, что социалистические страны гарантированы от нарушений существующего в них правопорядка. Однако экономические и политические отношения социализма обеспечивают условия, при которых борьба за правопорядок получает

всенародную поддержку, охрана прав и свободы личности становится одним из основных направлений деятельности государства, а законность служит важнейшим принципом поведения граждан и действий должностных лиц государственного аппарата, важнейшим принципом правосудия. В Программе КПСС прямо указывается, что «партия ставит задачу обеспечить строгое соблюдение социалистической законности, искоренение всяких нарушений правопорядка» [1].

Социалистический правопорядок — исторически высший тип правопорядка. С победой коммунизма социалистический правопорядок перерастет в единый общественный порядок, покоящийся на добровольном и сознательном соблюдении норм коммунистического общежития. С отмиранием государства и права отмирает и правопорядок.

§ 2. ЗАКОННОСТЬ И ПРАВОПОРЯДОК

Взаимосвязь законности и правопорядка

Вместе с образованием государства, права, законности возникает и такое социальное явление, как правопорядок. Классовая сущность правопорядка определяется сущностью устанавливающего и охраняющего его государства, а в конечном счете типом господствующих производственных отношений.

В ранние эпохи существования классового общества при отсутствии развитых правовых систем и незначительной нормотворческой деятельности государства, когда основными источниками права были правовой обычай и правовой прецедент, фактический порядок отношений, защищенный государством, мог рассматриваться в качестве права. В силу этого не было достаточных поводов и для того, чтобы проводить различие между понятием объективного права и правопорядка. «История права показывает, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс, — что в наиболее ранние и примитивные эпохи... фактические отношения в их самом грубом виде и являются непосредственно правом» [2].

---

[1] «Материалы XXII съезда КПСС», стр. 400.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 336.

С развитием классового общества фактический порядок отношений, защищаемый государством, получает свое цивилизованное выражение в качестве всеобщих установлений, в качестве объективного права. «С развитием гражданского общества, т. е. с развитием личных интересов до степени классовых интересов, правовые отношения изменились и получили цивилизованное выражение. Они стали рассматриваться уже не как индивидуальные отношения, а как *всеобщие*. Вместе с этим, благодаря разделению труда, охрана сталкивающихся между собой интересов отдельных индивидов перешла в руки немногих, и тем самым исчез и варварский способ осуществления права» [1]. В условиях классово развитого общества господствующие при данных отношениях индивиды должны были придать своей воле всеобщее выражение в виде государственной воли, в виде закона [2].

Следовательно, с исчезновением «варварского способа осуществления права», с развитием «цивилизованного» выражения государственной воли в законах и других нормативных актах, с появлением развитой системы права появляется реальная возможность и необходимость провести различие между понятием права как возведенной в закон государственной воли и понятием правопорядка как порядка отношений, находящихся под защитой права [3].

В марксистско-ленинской юридической литературе проводится четкое различие между понятием права и понятием правопорядка. Последний рассматривается в качестве результата упорядочения общественных отношений при помощи юридических норм, предусмотренных ими субъективных прав и юридических обязанностей.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 336—337.

[2] Там же, стр. 322—323.

[3] Буржуазный юридический позитивизм XIX века и современный буржуазный нормативизм, покоящийся на неокантианстве, отрывают правопорядок от фактических отношений, трактуют его сугубо формалистично, как замкнутую систему юридических норм. С другой стороны, распространенная в различных вариантах буржуазно-социологическая трактовка права сводит последнее к тому, что решает суд и администрация, иначе говоря, к фактическому порядку действий и отношений. Подобный подход к праву исключает, конечно, самостоятельное понятие правопорядка, а в более широком плане часто используется для оправдания произвола и беззакония.

«Правопорядок имеет место тогда, — пишут авторы учебника по теории государства и права, — когда участники регулируемых нормами права общественных отношений сообразуют свое поведение с их субъективными правами и юридическими обязанностями; претворяя в жизнь выраженную в нормах права государственную волю»[1].

Понятие правопорядка теснейшим образом увязывается с понятием законности. Основанием тому служит органическая связь законности и правопорядка в самой жизни, в государственно организованном обществе. Историческое развитие правопорядка всегда шло в полной зависимости от развития законности; исторические рамки правопорядка полностью соответствуют историческим пределам законности[2]. Правопорядок существовал и существует в тех странах, где государство использует законность в качестве метода государственного руководства обществом.

Подлинный правопорядок невозможно себе представить вне режима законности так же, как трудно полагать, что может существовать законность, не являющаяся средством установления правопорядка. Нарушение законности, несоблюдение или обход законов государства влекут нарушение правопорядка, а нарушение правопорядка есть вместе с этим и нарушение законности. Как законность, так и правопорядок противопоставляются произволу, нарушению прав и интересов граждан.

Революционная смена одного типа государства и права другим влечет за собой установление законности и правопорядка нового типа.

Органическая взаимосвязь правопорядка и законности не исключает, однако, существующей между ними грани. Вскрывая соотношение законности и правопорядка, Н. Г. Александров пишет, что законность обеспечивает исполнение законов, а правопорядок представляет результат такого исполнения[3]. М. С. Строгович подчеркивает, что различать законность и правопорядок надо потому, что укрепление и охрана правопорядка должны дости-

---

[1] «Теория государства и права», 1965, стр. 433.

[2] О генезисе и исторических рамках законности см. гл. XIII настоящей работы.

[3] См. Н. Г. Александров, Право и законность в период развернутого строительства коммунизма, стр. 103—107.

гаться не иначе как через обеспечение строгого и неуклонного соблюдения и исполнения законов [1].

Из всего этого следует, что правопорядок и законность — социальные явления однопорядковые, хотя, конечно, и не тождественные.

Правопорядок — результат осуществления законности

Правопорядок можно и следует рассматривать в качестве явления, связанного с фактической реализацией права и законности в определенной системе общественных отношений, иначе говоря, как порядок отношений, складывающийся в результате осуществления требований законности.

Если законность представляет собой метод государственного руководства обществом, предполагающий соблюдение и исполнение изданных властью законов, то правопорядок и есть такой порядок отношений, который складывается как *результат осуществления этого метода*. Если законность требует неуклонного соблюдения юридических норм всеми должностными лицами и гражданами, государственными органами и общественными объединениями, то реализация этого требования, правомерные действия людей и правомерная деятельность организаций образуют такой порядок отношений, который мы именуем правопорядком.

Правопорядок складывается в результате проведения в жизнь принципа законности [2]; наличие правопорядка означает воплощение в деятельности организаций и в поведении людей требований законности [3]. Поэтому, в известном смысле, правы те, кто говорит о том, что правопорядок представляет «ту же самую законность, но уже реализованную, фактически осуществленную» [4]. Однако при этом важно не упускать из вида, что если законность выражается в соблюдении законов, то правопорядок выражается в порядке отношений, который складывается как результат соблюдения законов, складывается

---

[1] См. М. С. Строгович, Основные вопросы советской социалистической законности, стр. 19.

[2] См. «Теория государства и права», 1968, стр. 555—556; «Теория государства и права», 1967, стр. 330—332.

[3] См. «Теория государства и права», 1965, стр. 424.

[4] С. С. Алексеев, Общая теория социалистического права, вып. первый, стр. 187.

в процессе реализации субъективных прав и исполнения юридических обязанностей.

Законность непосредственно примыкает к закону и его соблюдению, правопорядок — к осуществлению субъективного права, юридической обязанности. Правопорядок лежит в плоскости отношений, складывающихся в процессе осуществления правового статуса, субъективных прав и юридических обязанностей. Это *порядок*, при котором юридически гарантируется осуществление прав и выполнение юридических обязанностей [1]. Правопорядок есть результат реализации законности [2], которая является его основой.

В той мере, в какой правопорядок лежит в плоскости реализации права и законности, осуществления субъективных прав и обязанностей, влекущих определенную упорядоченность отношений, выявление сущности правопорядка предполагает анализ порядка общественных отношений.

Понятие правопорядка не может быть выведено из иных правовых понятий, в том числе и из понятия законности. В качестве вполне сформировавшегося социального явления правопорядок может быть понят лишь как специфическая часть господствующего в стране общественного порядка.

§ 3. ПРАВООТНОШЕНИЯ — ВАЖНЕЙШИЙ ЭЛЕМЕНТ ПРАВОПОРЯДКА

Содержание правоотношений

Анализ сущности правопорядка как результата осуществления юридических норм предполагает раскрытие всех его форм проявления, связанных с разнообразными путями воздействия права на общественные отношения. Н. Г. Александров пишет, что правопорядок выражается, во-первых, в неуклонном выполнении всеми участниками правоотношений своих юридических обязанностей и в реально гарантированном им осуществлении субъективных прав; во-вторых, в бес-

---

[1] См. Н. Г. Александров. Законность и правоотношения в советском обществе, стр. 125.

[2] М. С. Строгович, Социалистическая законность, правопорядок и применение советского права, «Мысль», 1966, стр. 28.

препятственном осуществлении субъектами права своей правоспособности, в соблюдении их правового статуса[1].

Правоотношения — это волевые, надстроечного характера общественные отношения, урегулированные нормами права[2]. В правоотношениях имеет место взаимодействие (связь) между конкретным кругом лиц, обладающих правомочиями и юридическими обязанностями. Эти права и обязанности предусмотрены правовыми нормами, причем притязания управомоченного защищаются государством.

Правоотношения устанавливаются в процессе реализации многих юридических норм, а также во всех случаях «юридической патологии» (правонарушение, преступление). Потенциально всем правовым нормам могут соответствовать правоотношения как специфично юридическая форма осуществления нормативных предписаний государства. Благодаря юридическим отношениям правовое регулирование приобретает особую действенность, определенность, конкретность. Юридические отношения не какой-то «побочный продукт» права, а определенная форма жизни правовых норм, значительная часть которых вне этих отношений не может вообще быть реализована.

При наличии правоотношений общий масштаб поведения, предусмотренный юридической нормой, конкретизируется в зависимости от состава юридического факта (события или действия, влекущего за собой возникновение, изменение или прекращение правоотношения) по управомоченным и обязанным лицам, а также по своему объему.

Правоотношение имеет свое специфическое содержание, определенным образом формированное и выраженное. Связь юридических отношений с фактическими в том и состоит, что определенная часть волевых актов субъектов фактических отношений выступает как непосредственное содержание правоотношений.

Многие советские юристы считают, что непосредственным (юридическим) содержанием правоотношений

---

[1] См. Н. Г. Александров. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма, стр. 256.

[2] Общетеоретические проблемы правоотношений подробно освещаются в работе С. Ф. Кечекьяна «Правоотношения в социалистическом обществе».

следует считать правомочия и юридические обязанности. В соответствии с этим правоотношения они трактуют лишь как определенную возможность (необходимость) действия, по сравнению с юридической нормой более конкретизованную [1].

С такой точкой зрения трудно согласиться, поскольку правовые отношения нельзя рассматривать только как некую ступень конкретизации должного (возможного) поведения, установленного юридическими нормами. Наличие правоотношения свидетельствует о том, что предписываемое (или допустимое) нормами права поведение людей или деятельность организаций осуществляются.

Более правильными являются положения М. М. Агаркова и С. Н. Братуся, которые считают содержанием правоотношения поведение действующих в нем субъектов [2]. Можно было бы лишь уточнить, что таковым является только та часть поведения субъектов, которая имеет определенное юридическое значение. Говорят, что само поведение лишено каких бы то ни было правовых признаков. Но ведь ясно, что есть юридически значимое поведение и есть юридически незначимое поведение (поступки, состояния). Участники юридических отношений совершают как юридически значимые, так и не имеющие юридического значения действия. Первые и являются содержанием правоотношений.

---

[1] См. О. С. Иоффе, Спорные вопросы учения о правоотношении («Очерки по гражданскому праву», изд-во ЛГУ, 1957, стр. 37). Такой же точки зрения придерживается Я. М. Магазинер (там же, стр. 69).

[2] Ю. К. Толстой полагает, что различие в отмеченных позициях несущественно, так как если мы будем определять содержание правомочия и юридической обязанности, то тем самым раскроем непосредственное содержание правоотношений («Правоведение» 1958 г. № 4, стр. 123). С этим нельзя согласиться. Правомочие и юридическая обязанность есть лишь меры поведения, в то время как содержанием правоотношений являются сами действия их участников, предусмотренные этими мерами. С другой стороны, меры поведения, определяемые в правомочиях и обязанностях, выражают волю господствующего класса, в то время как действия субъектов правоотношений есть результат определенного сочетания государственной воли с индивидуальной волей этих субъектов. Практически такую грань учитывать необходимо, поскольку сам факт установления прав и обязанностей не говорит еще о полной реализации норм права, которая зависит в том числе и от воли субъектов права.

Некоторые советские юристы выступают против трактовки правоотношений как урегулированных нормами права общественных отношений. Так, А. К. Стальгевич считает, что в этом случае юридические отношения «отождествляются с предметом правового регулирования», что такого рода определение правоотношений может привести к выводу, что при помощи норм права любому общественному отношению можно придать юридический характер, т. е. можно превратить общественное отношение в правовое [1]. Подобное опасение является малообоснованным. Правильное понимание непосредственного содержания правоотношений исключает отождествление их с фактическими отношениями, которые значительно разностороннее, полнее, разнообразнее юридических отношений, их опосредствующих. Ведь юридический характер в результате воздействия правовых норм придается не всему фактическому отношению, а лишь определенным его сторонам и формам проявления.

Урегулирование общественного отношения правом облекает фактическое отношение в юридическую форму — в правовое отношение, но не «превращает» само по себе фактическое отношение в какое-то иное.

Таким образом, правовые отношения представляют собой специфический результат и путь воздействия юридических норм на регулируемые ими общественные отношения. Правовые отношения отличаются от иных волевых отношений наличием конкретного состава субъектов, обладающих правами и обязанностями юридического характера, предусмотренными в общем виде нормами права. В этом аспекте юридические отношения иногда определяют как отношения между лицами, имеющими взаимные права и юридические обязанности.

Правомочия и юридические обязанности

Что же представляют эти установленные и гарантированные государством правомочия и юридические обязанности субъекта правового отношения?

Одни советские авторы считают, что содержание правомочия заключается не только в том, что запрещено делать обязанному лицу, но и в поведении, дозволенном субъек-

---

[1] См. А. К. Стальгевич, Некоторые вопросы теории социалистических правовых отношений («Советское государство и право» 1957 г. № 2, стр. 25—26).

ту [1]. Другие советские авторы, расширяя эту точку зрения, указывают, что правомочие характеризуется единством троякого рода возможностей: возможным поведением для самого обладателя права, возможностью требовать известного поведения от обязанных лиц и возможностью прибегнуть в необходимых случаях к содействию принудительной силы государственного аппарата [2].

Эти положения верны и также применимы к личным и абсолютным правам, выходящим за пределы конкретных правоотношений.

Вместе с тем в отличие от субъективных прав, не связанных с конкретными правоотношениями, правомочие является такой разновидностью права субъектов, при которой установленная государством в юридических нормах мера поведения всегда конкретизирована в зависимости от юридического факта и реализуется не только в действиях управомоченного, но и благодаря положительным действиям обязанного лица (уплата долга, осуществление поставки, производство работ). В содержании правомочия на первый план выдвигается право требования определенных действий от конкретного юридически обязанного лица, хотя и сохраняется значение положительных действий управомоченного. Например, для удовлетворения интересов нанимателя в договоре имущественного найма необходима не только передача ему вещи наймодателем, но и пользование ею нанимателем.

Правомочие характеризуется: 1) возможностью требовать определенной меры поведения от обязанных лиц вплоть до обращения к помощи принудительной силы государственного аппарата; 2) мерой поведения самого управомоченного, которая, как и мера требования к обязанному, вытекает из юридической нормы, но непосредственно зависит от юридического факта.

Юридическая обязанность субъекта конкретного правоотношения также отличается от общих обязанностей, соответствующих правоспособности, личным и абсолютным правам. В этом случае юридическая обязанность, обусловленная нормами права, непосредственно вытекает из юри-

---

[1] См. С. Н. Братусь, Юридические лица в советском гражданском праве, стр. 33.

[2] См. Н. Г. Александров, Законность и правоотношения в советском обществе, стр. 108—109.

дического факта и относится к определенным лицам, от которых закон требует, как правило, положительных действий, составляющих объект притязания данного управомоченного лица.

Из этого следует, что связь правомочия и юридической обязанности субъектов правоотношения носит динамический и конкретный характер, что и определяет особую роль юридического воздействия, осуществляемого в рамках правоотношений.

В правоотношении реализация правомочия находится в прямой зависимости от положительных действий обязанного лица, однако конституирующим моментом конкретного правоотношения нельзя считать только юридическую обязанность [1]. Так, в социалистическом обществе правомочия как разновидность субъективного права не только обеспечивают исполнение юридических обязанностей граждан перед обществом и государством, но и служат средством для достижения целей, не противоречащих интересам народа и Советской власти. В социалистическом правоотношении конститутивны как правомочия, так и юридические обязанности.

В случае неисполнения юридической обязанности управомоченный имеет право прибегнуть к помощи государства, органы которого применяют к нарушителю меры, предусмотренные законом. В этом случае субъективное право приобретает характер притязания.

Притязание, присущее эвентуально любой разновидности субъективного права, — вполне реальная мера поведения. Его существование обусловлено деликтом, нарушением прав управомоченного лица, нарушением установленного государством правопорядка. Если при всех других обязательствах управомоченное лицо связано с государством, выступающим как гарант предоставленных прав, косвенно, то тут устанавливается прямая и непосредственная связь. Поэтому притязание можно определить прежде всего как меру (вид) требования управомоченного

---

[1] Известно, что современная реакционная наука буржуазного правоведения часто отрицает конститутивность правомочия в юридическом отношении. Так, Кельзен говорит лишь о юридических обязанностях, вытекающих из норм права, а правомочия считает лишь средством их обеспечения, санкцией их исполнения (H. Kelsen, General Theory of Law, p. 79).

к обязанному лицу, не исполнившему своей юридической обязанности, обращенного к последнему через орган государства, компетентный применять санкции.

Правовое регулирование при возникновении притязания имеет определенную специфику. При наличии притязания правоотношения приобретают более сложную структуру связей, а обязанное лицо принуждается органом государства к совершению требуемых действий.

Правоотношение как особый вид взаимодействия его субъектов

Если право определяет возможность и необходимость выполнения соответствующих вариантов поведения (в абстрактной и общей форме) и любая разновидность субъективного права есть конкретно-определенная мера (вид) возможного поведения управомоченного и его требования к обязанным лицам, то правовое отношение представляет собою взаимодействие субъектов, благодаря которому они реализуют свои правомочия и исполняют юридические обязанности.

Нельзя смешивать стабилизирующую, в известном смысле, роль правоотношений с якобы существующей стабильностью самих правоотношений и рассматривать последние только как неподвижную связь субъектов.

В жизни действительно встречаются правоотношения, находящиеся в относительном покое (договор хранения и т. п.), не во всяком правоотношении непременно имеет место реализация всего комплекса правомочий сторон (например, право на развод в семейно-брачных отношениях), во многих правоотношениях с активными действиями выступает лишь один из субъектов.

Однако в подавляющем большинстве случаев только взаимодействие субъектов права, только движение правоотношений обеспечивают те цели, ради которых они возникают и существуют. Нормы права находят осуществление в самих действиях (воздержании от действий) субъектов правоотношения, а не только в возникшей связи их прав и обязанностей. Так, Советское государство как собственник основных орудий и средств производства имеет правомочия, заключающиеся прежде всего во владении, пользовании и распоряжении этими средствами и орудиями. Вполне понятно, что государство заинтересовано, чтобы другие лица в своих действиях воздерживались от нарушения его права собственности. Только тогда оно действительно сможет беспрепятственно владеть, поль-

зоваться и распоряжаться имуществом (через соответствующие государственные органы, организации и предприятия). Вне этих действий государственных органов правоотношения собственности бессмысленны, а правовая охрана бесцельна.

Целью трудового правоотношения является не связь правомочий и юридических обязанностей работника и администрации, а действия сторон, осуществляемые в пределах прав и обязанностей, в частности определенные стороны трудовой деятельности и выплата вознаграждения за труд.

Правоотношение динамично: оно служит активной деятельности людей, классов, стремящихся достичь поставленной цели, обеспечить определенный интерес.

Только в действиях лиц, реализующих правомочия и исполняющих юридические обязанности, находит свое полное осуществление значительное число правовых норм. Отсюда следует, что юридически значимы не только действия — юридические факты, но и действия по реализации правомочий (исполнению обязанностей) в пределах данного, качественно неизменного правоотношения. Арбитраж, рассматривая спор, анализирует не только сам договор как юридический факт, не только объем (характер) правомочий и обязанностей, но и устанавливает реальное исполнение договора, т. е. действия субъектов правоотношений.

Анализ правовых отношений в их развитии, правомочий и обязанностей в действии является весьма важным не только в теоретическом, но и в практическом плане. Такой анализ оказывает весьма действенную помощь совершенствованию законодательства, более четкому определению в юридических нормах правомочий и обязанностей. Тщательное изучение правомочий и обязанностей, установленных нормативными актами, должно дополняться анализом фактической их реализации, которая многообразна и разносторонна и потому наполняет, образно говоря, силой жизни схему правового регулирования, облекает ее в плоть и кровь [1].

---

[1] Такое понимание правоотношений имеет значение существенной теоретической модели как отправного пункта конкретных социологических исследований действия права.

Объект правоотношений и субъективных прав

Объектом правовых норм или, иначе, предметом их воздействия являются конкретные отношения, в то время как юридически значимые действия субъектов этих отношений оказываются непосредственным содержанием образующихся правоотношений. В юридическом опосредствовании известных сторон фактических отношений и заключается «механизм сцепления» регулятора (правовых норм) с регулируемым предметом. Это означает, что объект права и непосредственное содержание правоотношений — если не идентичные, то во всяком случае однопорядковые категории. Так, объектом норм избирательного права являются политические отношения, складывающиеся в процессе организации и проведения выборов в органы государственной власти, в то время как действия субъектов этих отношений, осуществляющих свои правомочия и обязанности, составляют содержание возникших правоотношений.

Поэтому поиски специфического объекта правоотношений в смысле какого-либо внешнего по отношению к ним объекта юридического воздействия вряд ли могут быть плодотворны.

Иначе следует подойти к вопросу об объекте субъективного права. Субъективные права, любая их разновидность и в том числе правомочия есть по существу мера возможного поведения лица, характеризующая его правовое состояние. Поэтому можно говорить об объекте субъективного права в смысле предмета его воздействия. Но в этом случае дальше непосредственного содержания правоотношения пойти нельзя, ибо речь будет опять-таки идти о поведении его субъектов. Отсюда и возникают попытки определить несколько объектов правоотношений, которые вносят диссонанс во всю логическую структуру теории единого объекта.

Между тем под объектом отнюдь не всегда следует понимать предмет воздействия права. Объект — это во всех случаях внешний предмет по отношению к субъекту, но отнюдь не всегда предмет, на который оказывается какое-либо воздействие [1].

---

[1] См. С. С. Алексеев, Об объекте права и правоотношений («Вопросы общей теории советского права», стр. 285—286).

Вот почему, когда речь идет о субъективных правах, не только мало конструктивно, но и теоретически не оправдано считать, что объектом является поведение управомоченных и обязанных лиц, поскольку последнее не может трактоваться по отношению к правовому статусу субъекта «внешним предметом». Теоретически более основательно и практически, безусловно, важнее в данном случае понимать под объектом предметы внешнего мира, с которыми законодатель связывает те или иные права, с которыми связано правовое состояние субъекта.

Не поведение субъектов, реализующих свои права и осуществляющих свои обязанности, а те внешние предметы, с которыми это поведение связано, на которое оно направлено, и есть объект субъективного права[1]. В этом смысле объектом субъективных прав являются различные блага политического, имущественного и духовного порядка (политическая свобода, собственность, неприкосновенность личности, авторство и т. д.)

Объекты субъективных прав в различных отраслях права чрезвычайно разнообразны, их исследование и определение невозможно осуществить детально в общетеоретическом плане. Это задача, которую выполняют специальные юридические дисциплины.

Правопорядок и правоотношения

Правопорядок охватывает правовые отношения как конкретную юридическую форму, в рамках которой совершенно определенные субъекты реализуют свои субъективные права и юридические обязанности.

Правопорядок предполагает строго определенный порядок возникновения, изменения и прекращения правоотношений, законом предопределенный порядок последовательности юридически значимых действий, порядок осуществления участниками правоотношений своих прав и исполнения возложенных на них юридических обязанностей. При этом ясно, что объем прав и обязанностей участников правоотношений, предусмотренный правовыми нормами, конкретизируется в зависимости от характера юридических фактов.

Правовые отношения опосредствуют самые различные сферы жизнедеятельности общества.

---

[1] С. С. Алексеев, Об объекте права и правоотношения, стр. 290.

Складывающиеся в стране правоотношения находятся в определенном единстве, которое предопределяется единой системой господствующих производственных отношений, единой классовой сущностью всех юридических норм, действующих в государстве данного типа. Вместе с тем правоотношения распадаются на отдельные отрасли, соответственно отраслям системы объективного права. Это единство правоотношений и их подразделение на отрасли составляют систему правоотношений.

Правопорядок предполагает достаточно стабильную и внутренне согласованную систему правоотношений, основанных на законности [1].

Имея в виду, что правопорядок складывается в результате реализации субъективных прав и юридических обязанностей субъектов конкретных правоотношений, можно сказать, что правопорядок есть порядок правовых отношений, основанных на законности [2], или что «правопорядок выражается в системе фактических отношений, основанных на законности — *в системе правовых отношений*» [3].

Тем не менее из сказанного вовсе не следует, что правопорядок и правовые отношения тождественны. Во-первых, для правопорядка характерно не только наличие правоотношений, но также их реализация на основе законности, иначе говоря, неуклонное выполнение в определенном порядке всеми участниками правоотношений юридических обязанностей и гарантированная возможность осуществления субъективных прав. Во-вторых, не следует отождествлять правопорядок и правоотношения потому, что в некоторых случаях возможно возникновение правоотношений, не соответствующих действующему законодательству, не основанных на законности и противоречащих правопорядку.

Известно, что в эксплуататорских государствах в ряде случаев во имя обеспечения политической власти господствующих классов совершаются грубейшие нарушения

---

[1] Неустойчивость системы права, ее внутренняя несогласованность в условиях эксплуататорского общества, естественно, отражаются на неустойчивости системы правоотношений, а следовательно, и на правопорядке.

[2] См. М. С. Строгович, Основные вопросы советской социалистической законности, стр. 19.

[3] С. С. Алексеев, Общая теория социалистического права, вып. первый, стр. 137.

законности. При этом, зачастую, это осуществляется в легализованном порядке, при помощи «правосудия». Например, судебные органы США вопреки действующей конституции, грубо нарушая законность и правопорядок, неоднократно без всяких оснований привлекали к уголовной ответственности членов Коммунистической партии. Ясно, что возникавшие при подобном «правосудии» правоотношения противоречили тому правопорядку и той законности, которые были провозглашены в прошлом самой американской буржуазией и закреплены в законе.

Поскольку в эксплуататорском обществе возможно принятие законов, противоречащих нормам действующей конституции, возможны и противозаконные преследования прогрессивных элементов и оправдание виновных в преступлениях представителей имущих классов, в таком обществе возможны и правоотношения, которые противоречат установленному правопорядку, но тем не менее защищаются государством [1].

Не случайно, что именно в эпоху империализма большое распространение получают противоречащие идее законности концепции права, признающие естественным возникновение правоотношений вне и даже вопреки юридическим нормам. Истоки подобных концепций лежат в крахе юридического позитивизма, во все более углубляющемся разрыве между фактической деятельностью буржуазного суда и администрации и тем, что установлено в качестве закона. Вместо того, чтобы выступить против практики, идущей все чаще вразрез с требованиями законодательства, сторонники этих концепций предпочитают такую практику оправдывать.

Одним из основных положений марксистско-ленинской теории государства и права является утверждение о том, что не может и не должно быть правоотношений, противоречащих законности, не соответствующих юридическим нормам. Признавая грань между такими явлениями, как законодательство, законность, правопорядок и правоотношения, марксистская теория права считает, что законность составляет основу правопорядка, что правопорядок

---

[1] И. С. Самощенко приводит и иные, более частные случаи возможного противоречия между правоотношениями, с одной стороны, и правопорядком, законностью, законом, с другой стороны (см. «Общая теория советского права», стр. 368—369).

включает порядок отношений, основанных на законе. Практически такого рода положение вещей наиболее последовательно и прочно может быть реализовано лишь в условиях социалистической государственности и развернутой социалистической демократии.

Правопорядок и реализация права вне правоотношений

Конкретные правоотношения не являются единственным путем воздействия права на общественные отношения, не могут считаться единственной формой реализации субъективных прав и юридических обязанностей [1]. Во многих случаях имеет место реализация права, не связанная непосредственно с образованием правовых отношений. В том случае, когда такого рода реализация норм права основана на законности, она, разумеется, образует правопорядок, хотя и выходит за сферу конкретных правовых отношений.

Действие правовых норм, справедливо отмечал С. Ф. Кечекьян, не сводится лишь к образованию правоотношений: в некоторых случаях оно выражается в установлении обязанностей или в определении объема правоспособности [2]. К этому можно добавить, что вне правоотношений оказывается не только сам по себе правовой статус, но и осуществление ряда составляющих его субъективных прав.

Мнение о том, что возможно существование прав и обязанностей вне правоотношений и что некоторые из таких прав реализуются также помимо правовых отношений, было высказано давно. Вместе с тем в советской юридической науке часто встречается традиционная позиция, заключающаяся в том, что правоотношение — единственная форма реализации правовой нормы, осуществления прав и обязанностей. За последнее десятилетие против этого положения был выдвинут ряд возражений, среди которых следует на первое место поставить доводы, изло-

[1] Право может оказывать общедейное воздействие на поведение людей, оно воздействует также при помощи сформулированных в нормативных актах принципов, определений юридических понятий, рекомендаций и призывов («Общая теория советского права», стр. 252—254). В данном случае речь будет идти лишь о специфически юридическом воздействии путем предоставления прав и определения правовых обязанностей участников общественных отношений.

[2] См. С. Ф. Кечекьян, Правоотношения в социалистическом обществе, стр. 16—19.

женные Д. М. Генкиным и С. Н. Братусем [1]. В настоящее время многие советские юристы считают возможной реализацию норм права также и вне правоотношений. Это мнение нашло устойчивое отражение в литературе по теории государства и права [2].

Вне правоотношений находят свое осуществление (в случае соблюдения) юридические нормы, устанавливающие запреты. Такие нормы в негативной форме определяют поступки людей и деятельность организаций. Соблюдение предписаний этих норм образует непременный элемент правопорядка, однако вовсе не влечет правоотношений. Это относится, в частности, к нормам уголовного законодательства, для которых «нормальный» путь реализации состоит в воздержании людей от деяний, квалифицируемых как преступления. Н. Г. Александров правильно отмечает, что «нормы права, устанавливающие общие запреты совершать те или иные действия... еще не предусматривают правоотношения. Но они предусматривают действия, совершение которых влечет возникновение правовых отношений по применению санкций, и определяют виды и размеры этих санкций» [3].

Нормы запрета устанавливают общие юридические обязанности не совершать определенные деяния. Исполнение этих обязанностей и есть реализация правовых норм, обеспечивающая правопорядок.

Общие юридические обязанности, исполнение которых непосредственно не влечет правоотношений, могут быть установлены не только в форме запретов. Они могут вытекать из устанавливаемых законодательством общих или так называемых «абсолютных» субъективных прав, о которых речь пойдет ниже. Эти общие обязанности юридического характера устанавливаются ради

---

[1] См. Д. М. Генкин, Право собственности как абсолютное право («Советское государство и право» 1958 г. № 6, стр. 94); С. Н. Братусь, Предмет и система советского гражданского права, Госюриздат, 1963, стр. 187 и сл.

[2] См., например, «Теория государства и права», 1965, стр. 433. Вместе с тем нельзя не отметить, что в отраслевых юридических науках до сих пор продолжает господствовать мнение, что правоотношения являются единственной формой реализации права. Вот почему надо считать, что в целом проблема реализации норм права остается дискуссионной.

[3] Н. Г. Александров, Право и законность в период развернутого строительства коммунизма, стр. 192.

обеспечения законных интересов субъектов права, ради обеспечения правопорядка.

Существование общих юридических обязанностей связано с кругом прав, которые составляют правоспособность и часть правового статуса субъектов права [1]. Установление правосубъектности и правового статуса не связано непосредственно с конкретными правоотношениями.

Однако правопорядок непременно предполагает четкую регламентацию общей и специальной правоспособности, установленный законом порядок признания правосубъектности граждан, возникновения (изменения и ликвидации) организаций и учреждений как субъектов права, их компетенцию; законом предусмотренную структуру, полномочия и функции государственных органов, правовой статус граждан, отражающий и закрепляющий положение личности в обществе и порядок отношений между гражданами и государством; законом определяемый порядок разрешения споров и конфликтов между субъектами права. Устойчивость правопорядка предопределяется в том числе и четкостью закрепленного в законодательстве правового статуса всех без исключения субъектов права [2].

Действуя в соответствии со своим правовым статусом, лицо обладает в условиях правопорядка или во всяком случае должно обладать реальным правом на защиту со стороны государства от незаконных действий, препятствующих ему осуществлять свою правоспособность. Это значит, что государство приняло на себя обязанность поддерживать действия лица в пределах его прав и налагает общую юридическую обязанность на всех других субъектов не препятствовать таким действиям.

Составляющие правовой статус субъективные права и юридические обязанности вытекают «непосредственно из закона», иначе говоря, возникают независимо от участия субъекта права в тех или иных правоотношениях [3].

Более того, некоторые субъективные права (например, право на свободу мысли, совести, слова, право на

---

[1] См. А. В. Мицкевич, Субъекты советского права, Госюриздат, 1962, стр. 5—33.

[2] См. В. В. Борисов. О структуре правопорядка социалистического общества («Ученые записки Саратовского юридического института», вып. 14, 1955).

[3] См. А. В. Мицкевич, цит. соч., стр. 12.

неприкосновенность личности, жилища, переписки, право на достоинство и честь), составляющие правовой статус, могут быть в полной мере реализованы вне конкретных правоотношений. Нельзя считать, что нормы права, предусматривающие подобные субъективные права, реализуются только тогда, когда нарушается правопорядок и правонарушитель привлечен к ответственности. Напротив, беспрепятственное осуществление этих прав является свидетельством реальности существующего в стране правопорядка.

Общие юридические обязанности, реализация которых составляет необходимый элемент правопорядка, могут быть связаны с другого рода субъективными правами, которые именуются «абсолютными» (например, право собственности, авторское право). В отличие от названных выше прав «абсолютные» субъективные права приобретаются и реализуются лишь при наличии определенных условий.

Так, для обладания правом собственности необходимо приобретение собственности в установленном законом порядке. Однако и в этих случаях праву конкретного субъекта соответствует юридическая обязанность всех остальных воздерживаться от его нарушения, обязанность, которая в условиях правопорядка должна быть реально гарантирована государством.

Подобные «абсолютные» права, хотя и отчуждаемы, но все же сами по себе не вызывают конкретных правоотношений. В этих случаях соблюдение обязанности не посягать на установленные законом и приобретенные «абсолютные» права имеет место вне конкретных правоотношений, когда нет нарушения или угрозы нарушения. Иное дело, что реализация абсолютных прав часто связана со вступлением управомоченного лица в самые различные правоотношения (например, купля-продажа, заем, аренда). В этих случаях «абсолютное» субъективное право является уже основанием для возникновения правомочий и юридических обязанностей субъектов конкретных правоотношений. Ясно, что нарушение «абсолютных» прав, учинение препятствий к их осуществлению, споры о праве вызывают также к жизни конкретные правоотношения, направленные на восстановление нарушенного правопорядка.

Для всех рассмотренных случаев осуществления правовых норм вне конкретных правоотношений характерно прежде всего то, что в такой форме исполняются нормы, предусматривающие общие юридические обязанности. Далее следует отметить, что вне правовых отношений реализуются права, не требующие положительных действий со стороны юридически обязанных лиц. Наконец, реализация указанных субъективных прав и юридических обязанностей не предполагает конкретной связи, конкретного взаимодействия между лицами, наделенными правами и обязанностями.

В связи с последней особенностью реализации норм права вне правоотношений может возникнуть вопрос: что же собой представляет этот результат реализации общих прав и обязанностей. Ответ может быть один: налицо порядок фактических отношений, основанных на законности, т. е. правопорядок, не находящий своего выражения в конкретной правовой связи между определенным составом субъектов, именуемым правоотношением[1]. Законы, предусматривающие наказание за определенные преступления, реализуются прежде всего благодаря тому, что они соблюдаются и исполняются. Лишь в случаях преступления их реализация связана с правоотношениями.

Признание того, что правопорядок охватывает более широкую сферу отношений, не ограничиваясь системой правоотношений, имеет значительный практический смысл. При такой постановке вопроса становится понятным, что государственно-правовая охрана общественного порядка не может сводиться только к обеспечению правомочий участников правоотношений, но и включает условия для реализации правоспособности, гарантирование правового статуса и реализацию субъективных прав, возможную вне конкретных правоотношений.

---

[1] Нам могут возразить, что в данном случае нет правоотношений, но есть «правовая связь» или есть правоотношение «особого рода» между субъектом права и государством. Представляется, что так ставить вопрос нельзя. «Связь» и «отношение» — однопорядковые термины; сказать, что есть правовая связь, все равно, что признать наличие правоотношения. Неверно ставить вопрос и о правоотношении между лицом и государством. Поскольку между ними нет связи в правах и обязанностях, государство не может рассматриваться в этих случаях в качестве одного из субъектов правоотношения.

Особое значение это имеет по отношению к правам и свободам граждан. Правопорядок предполагает не только пресечение нарушений прав и свобод, но и создание условий для беспрепятственной их реализации. Формальность прав и свобод, провозглашенных буржуазным государством, состоит, в частности, не только в том, что представители имущих классов имеют куда больше материальных возможностей реализовать, скажем, право на свободу слова, печати и собраний, но и в том, что органы государства реально заботятся о предотвращении нарушений таких прав, поскольку ими пользуются буржуа, и вовсе не пекутся об этом тогда, когда речь идет о подобных правах представителей трудящихся классов.

Мало того, в ряде случаев органы буржуазного государства прямо попустительствуют нарушению гражданских прав или даже исподволь сами создают обстановку, фактически препятствующую свободной реализации трудящимися элементарных демократических свобод (разгул реакционных элементов, срывающих митинги и демонстрации трудящихся, запугивание, шантаж прогрессивно настроенных граждан и т. п.).

Реальность прав и свобод в условиях социалистического правопорядка определяется не только материальными гарантиями, но и теми мерами, которые призваны принимать органы социалистического государства для предотвращения возможных нарушений прав и свобод граждан, для создания наиболее благоприятных условий их всеобъемлющей реализации.

Таким образом, правопорядок выражается не только в системе правоотношений, но также в осуществлении правоспособности, в соблюдении правового статуса, в субъективных правах и юридических обязанностях, реализуемых вне конкретных правоотношений.

§ 4. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОХРАНА ПРАВОПОРЯДКА

Правоохранительная деятельность государства

Осуществляя нормотворчество, издавая законы или другие нормативно-правовые акты, санкционируя обычаи или придавая судебным актам характер правового прецедента, государство устанавливает правопорядок, угодный и выгодный господствующим классам. Оно же принимает меры к поддержанию и защите

правопорядка. Деятельность государства по поддержанию и защите правопорядка можно назвать правоохранительной деятельностью [1].

Правоохранительная деятельность государства заключается в принуждении к исполнению законов, которое обеспечивается, во-первых, надзором за исполнением юридических норм, и, во-вторых, наказанием за неисполнение предписаний закона [2]. Более детально правоохранительная деятельность государства предполагает: 1) все формы контроля за соблюдением нормативно-правовых актов; 2) пресечение правонарушений [3]; 3) исследование обстоятельств каждого случая, в котором обнаружены признаки неправомерности; 4) разрешение правовых коллизий и споров; 5) применение юридических санкций за нарушение правопорядка [4].

Применение юридических санкций может заключаться в том, что государственный орган заставляет восстановить нарушенное правовое состояние, и в том, что к нарушителю правопорядка применяются меры, предупреждающие новые нарушения закона тем же лицом, а также другими лицами. В любом случае юридическая ответственность предполагает осуждение государством деяния, признанного противоправным, и определенные отрицательные последствия для правонарушителя (ограничения личного и имущественного характера). Юридическая ответственность связана с государственным принуждением. В зависимости от степени опасности для господствующих классов и существующего строя совершенного противоправного деяния государство применяет различные меры принуждения, начиная от имущественных взысканий и кончая лишением свободы или даже жизни.

---

[1] Если, как отмечалось, государство в эксплуататорском обществе часто оставляет безнаказанными правонарушения, чинимые представителями имущих классов, и само при известных условиях классовой борьбы идет на прямое нарушение правопорядка, то от угнетенных масс государственный аппарат в любом случае требует соблюдения законов, выражающих интересы господствующих классов.

[2] См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 2, стр. 293.

[3] Оперативное пресечение правонарушений осуществляется главным образом в результате исполнительно-распорядительной, административно-управленческой деятельности государственных органов.

[4] «Общая теория советского права», стр. 54.

Эксплуататорское государство устанавливало и подчас устанавливает в наше время также санкции, которые предполагают телесные повреждения и связаны с причинением физических и нравственных мучений или унижением человеческого достоинства. Разумеется, в социалистическом государстве подобные формы юридической ответственности исключаются, государственная охрана социалистического правопорядка основана на принципе социалистического гуманизма.

Обеспечивая правопорядок, государственные органы издают правоохранительные акты, являющиеся разновидностью актов применения норм права.

Применение норм права — это особый способ осуществления права, который состоит в принятии компетентным органом властного акта, влекущего возникновение у конкретных лиц соответствующих прав и обязанностей [1]. Специфика осуществления правовых норм при наличии акта применения права состоит в том, что в этих случаях управомоченные и обязанные лица исполняют не только общую норму, но и основанный на ней властный приказ.

Сочетание общих положений правовой нормы с властным решением государственного органа по данному конкретному случаю усиливает юридические гарантии правомочий и закрепляет соответствующие им обязанности. Акты применения норм права создают необходимые условия и гарантии для реализации государственной воли, для всестороннего осуществления права. Будучи всегда по правовой природе юридическими фактами (в условиях законности — правомерными юридическими действиями), эти акты в одних случаях имеют своим содержанием применение диспозиции, а в других случаях — санкции норм права. Правоохранительные акты связаны с применением санкций юридических норм, они восстанавливают нарушенное право и наказывают виновных в нарушении правопорядка [2].

---

[1] Подробнее см. П. Е. Недбайло, Применение советских правовых норм, Госюриздат, 1960; «Теория государства и права», 1968, стр. 505—526.

[2] Будучи связаны так или иначе с оценкой правонарушения или спора о праве и с наказанием за неисполнение закона или с предписанием, разрешающим правовой спор, правоохранительные акты отличаются от оперативно-исполнительных актов при-

В предыдущей главе уже рассматривался вопрос о том, что применение права должно быть основано на принципе законности. Это особенно важно при вынесении правоохранительных актов, которые непосредственно направлены на обеспечение правопорядка.

Юридическая наука сформулировала достаточно четкие требования, обеспечивающие законное и обоснованное применение норм права. Соблюдение этих условий имеет особое значение при применении юридических санкций за допущенные нарушения правопорядка. К числу этих условий надо отнести: 1) объективное, полное и всестороннее исследование обстоятельств дела, установление их юридического характера; 2) правильный выбор правовой нормы, которая предусматривала бы именно данный случай, была бы действующей и не противоречила закону; 3) уяснение смысла и содержания нормы права, подлежащей применению, т. е. ее правильное толкование.

Буржуазная юридическая наука уделяла и уделяет рассмотрению указанных вопросов довольно большое внимание, обусловленное потребностями буржуазной законности, однако подходит к ним в значительной мере формально. Это особенно сказывается, например, на формально-догматической разработке приемов толкования закона, которым придается универсальное значение.

На практике применение норм права всегда носит сугубо классовый характер, в силу чего тот же буржуазный суд очень часто не заботится об установлении по делу объективной истины, необъективно подходит к оценке

менения права, направленных на реализацию диспозиций юридических норм. Из этого следует, что дефиниция правоохранительного акта как акта, восстанавливающего нарушенное право и наказывающего виновных в нарушении правопорядка, не может быть распространена на все акты применения права. Не был точен поэтому А. И. Денисов, который применение права (в целом) трактовал как применение санкций юридических норм (см. А. И. Денисов, Теория государства и права, стр. 471). В изданном под редакцией А. И. Денисова в 1967 году учебнике теории государства и права понятие применения права уже не ограничивается применением санкций (см. «Теория государства и права», стр. 333—335). С другой стороны, применение норм права не следует понимать и как самостоятельную форму реализации права, это, скорее, специфическая стадия, особый способ осуществления права (подробнее см. «Общая теория советского права», стр. 262—275).

всех обстоятельств рассматриваемого дела, допускает произвольный выбор закона и толкует законодательство так, как это выгодно господствующим классам.

Характеризуя правоохранительную деятельность в условиях царской России, В. И. Ленин писал, что когда судят чинов полиции, то оказывают снисхождение, когда судят за проступки против полиции — проявляют непреклонную суровость [1]. Многочисленные факты, подтверждающие классовую направленность применения закона в современном буржуазном государстве, приводит Дж. Голлан [2].

В социалистическом государстве правоохранительная деятельность, применение норм права осуществляются в интересах трудящихся. Защита интересов трудящихся, всего народа (при социализме) является одной из существенных предпосылок законного и обоснованного применения норм права.

Демократическая сущность социалистического государства определяет гуманистические принципы социалистического правосудия, предполагает их всестороннее и полное осуществление, которое бы гарантировало справедливость судебного приговора. Социалистическая теория права уделяет большое внимание разработке условий обоснованного и законного применения норм социалистического права, проблемам охраны правопорядка в интересах всего общества и каждой личности на основе строгого соблюдения законов социалистического государства.

Охранительные правовые отношения

Среди правоотношений, опосредствующих правоохранительную деятельность государства, можно различать процессуальные и «материальные» отношения. Процессуальные правоотношения предусмотрены нормами, регулирующими порядок применения закона, а «материальные» опосредствуют отношения, вытекающие из самого факта правонарушения и применения к нарушителю правопорядка соответствующей юридической санкции. Термин «материальное» правоотношение указывает лишь на связь этих отношений с так называемым «материальным» правом и может быть воспринят только условно,

---

[1] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 403.

[2] См. Д. Голлан, Политическая система Великобритании, ИЛ, 1955, стр. 137—183.

так как любые правоотношения носят волевой, а не материальный характер.

Правоотношения, возникшие в результате неправомерного поведения, Н. Г. Александров предложил именовать охранительными [1]. Проблема охранительных правоотношений имеет как познавательное, так и практическое значение для охраны правопорядка, особенно для уголовноправовой его защиты. Надо полностью согласиться с А. А. Пионтковским, что разработка проблемы правоотношения в уголовном праве должна способствовать укреплению законности и правопорядка в процессе осуществления правосудия, иначе говоря, в важнейшей форме правоохранительной деятельности государства [2].

Нарушение правопорядка ставит виновного в определенные отношения к государству. Поскольку такие отношения предусмотрены законом, пишет А. А. Пионтковский, постольку они носят правовой характер. Законодательство в этом случае определяет как характер наказания и условия его осуществления (правомочия соответствующих государственных органов), так и специфическое субъективное право нарушителя при квалификации его действий и назначении ему наказания. Правоохранительный орган (например, суд) осуществляет применение права в соответствии с предоставленными ему законом полномочиями (правами и обязанностями), а подвергнутый наказанию не может рассматриваться как бесправный объект карательной власти государства. Он не только обязан отбыть назначенное наказание (выполнить то или иное предписание, предусматривающее его юридическую ответственность), но и имеет право на то, чтобы примененная к нему санкция соответствовала закону, чтобы в полном соответствии с последним был реализован акт применения права, реализовано наказание за нарушение правопорядка [3].

Если отмеченное не может быть подвергнуто никакому сомнению, то из этого ясно, что охранительные правоотношения играют серьезнейшую роль в обеспечении пра-

---

[1] См. Н. Г. Александров, Законность и правоотношения в советском обществе, стр. 91.

[2] См. А. А. Пионтковский, Пути укрепления социалистического правопорядка («Советское государство и право» 1967 г. № 1, стр. 40).

[3] Там же.

вопорядка. Тут лишь следует заметить, что государство, заинтересованное в охране правопорядка, вовсе не заинтересовано в значительном распространении охранительных правоотношений, коль скоро они связаны не с чем иным, как с нарушением закона. Однако, возникнув, такого рода правоотношения играют важнейшую роль и в правильном применении санкций юридических норм и в обеспечении правопорядка. «Несмотря на то, что государство не заинтересовано в распространении охранительных правоотношений, все же применение мер государственного принуждения всегда производится в форме таких правоотношений»[1].

Охранительные правоотношения по своей социальной роли служат восстановлению нарушенного правопорядка, а следовательно, его упрочению.

Специфика охранительных правоотношений состоит в том, что они возникают в связи с нарушением правопорядка и по своему существу связаны с несоблюдением общих запретов государства, предусмотренных законом. Если в большинстве правоотношений государство выступает как гарант исполнения юридических обязанностей и неприкосновенности прав субъектов, само не участвуя в данных конкретных отношениях, то в охранительных правоотношениях государство является стороной отношения, от имени которой выступают и действуют правоохранительные органы. Государство в качестве орудия господствующих классов выступает в данном случае от имени этих классов в целом, защищая общеклассовые (при социализме — общенародные) интересы, которые оказались в данном случае под угрозой в силу нарушенного правопорядка.

Правонарушение, вызвавшее охранительное правоотношение, могло при этом нарушить или задеть права отдельного субъекта, с которым нарушитель мог быть или не быть в каких-то правоотношениях, могло такого рода права непосредственно и не нарушать, угрожая в целом государственной безопасности и существующему строю, порядку управления и т. п.

При всей специфике охранительные правоотношения вполне соответствуют тем основным чертам, которые

---

[1] О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский, Вопросы теории права, стр. 195.

характеризуют все иные правоотношения. Они возникают (изменяются, прекращаются) в зависимости от юридических фактов (в данном случае — неправомерных действий) и имеют конкретно-определенный состав субъектов (государство в лице его органов и правонарушитель), обладающих соответствующими правами и обязанностями [1].

Установленный законом порядок осуществления прав и выполнения обязанностей субъектами охранительных правоотношений — важнейший элемент правопорядка [2].

Важность охранительных правоотношений для правопорядка трудно переоценить. Из этого, однако, вовсе не следует, что при их помощи любому государству всегда удается успешно бороться с нарушениями правопорядка.

Правонарушение, особенно преступление, не порождено самим правом и одними юридическими средствами устранено быть не может. Только «духовидцы», писали К. Маркс и Ф. Энгельс, могут усмотреть в преступлении простое нарушение закона и права [3]. Противоправность является лишь юридическим выражением опасности, вредности деяния для существующего строя, охраняемого государством. Преступление как особо опасный и вредный для данного строя вид правонарушений представляет собой нарушение условий существования общества, каковы бы ни были эти условия [4].

---

[1] По вопросу о возникновении охранительных правоотношений из правонарушений см. Н. Н. Полянский, Вопросы теории советского уголовного процесса, изд-во МГУ, 1956, стр. 258; М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, изд-во АН СССР, 1958, стр. 49, и др. Оспаривает эту позицию, в частности, В. Г. Смирнов. Функции советского уголовного права, изд-во ЛГУ, 1965, стр. 154—160.

[2] Признание государства субъектом охранительного правоотношения и вытекающее из этого положение о том, что государство обладает определенными правами и обязанностями по отношению к нарушителю правопорядка, ни в коей мере не означают признания теории «правового государства». Государство создает и изменяет правовые нормы, но поскольку оно их установило, то все его органы, в том числе и правоохранительные, обязаны таковые соблюдать, черпая из них и свои правомочия. Право наказания преступника принадлежит по закону государству, его осуществление оно «делегирует» соответствующим органам. В таком положении вещей нет ничего отличного от многих других случаев, когда государство поручает конкретному органу осуществлять принадлежащее ему право (казна и т. п.).

[3] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 323.

[4] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 8, стр. 531.

Глава пятнадцатая

ПРАВОТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВА И ИСТОЧНИКИ ПРАВА

§ 1. Формирование права. § 2. Формы правотворческой деятельности государства. § 3. Соотношение источников права. § 4. Особенности соотношения источников социалистического права.

§ 1. ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВА

Социальные факторы формирования права

Как это было показано выше[1], всякое право представляет собой систему норм, выражающих волю политически господствующего класса. При этом содержание воли, выраженной в праве, определяется рядом социальных факторов, среди которых основными являются материальные условия жизни данного класса или всего общества, способ производства материальных благ. Понимание права как надстроечной и классовой категории неизбежно приводит к выводу, что факторы, обусловливающие формирование права, надо искать прежде всего в экономике общества, в материальных интересах классов.

Развитие экономики, производство и обмен материальных благ непосредственно не приводят к возникновению норм права. Для того чтобы экономические факты могли получить выражение в законе, они должны принять форму юридического мотива[2], пройти через сознание людей, классов и уже в своем «идеальном отражении», т. е. в виде правовых идей и требований классов и иных общественных слоев, они воплощаются в праве. Право возни-

[1] См. главу девятую.
[2] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 312.

кает не стихийно, а как результат сознательной деятельности людей, направленной на создание правовых норм.

Однако и формирования правовых требований, правового сознания класса далеко еще не достаточно для возникновения правовых норм. Правосознание в сочетании с политическими, моральными и иными взглядами классов служит необходимой идейной предпосылкой возникновения норм права, но не выступает как непосредственная сила, создающая право.

Огромное влияние на формирование права оказывает также непосредственное участие классов и масс в политической жизни, сам процесс борьбы и сотрудничества классов. Известно, что В. И. Ленин видел сущность конституции и других важнейших законов государства в том, что они «выражают действительное соотношение сил в классовой борьбе» [1], являются продуктом борьбы и сотрудничества классов [2].

Все эти факторы служат необходимой предпосылкой возникновения правовых норм, но не могут рассматриваться как непосредственная причина или сила, вызывающая их появление на свет. Как ни важно значение этих предпосылок, они все же находят свое выражение в праве не прямо, а через посредство главного орудия политики господствующего класса — государства. Только класс, стоящий у политической власти, держащий в своих руках государственную власть, имеет реальную возможность проводить свою политику в виде общеобязательных законов и других правовых норм. Об этом много раз писали основоположники марксизма-ленинизма. Ф. Энгельс называл это формальной стороной дела, которая сама собой разумеется [3]. «Чтобы запрещать или предписывать, — писал В. И. Ленин, — надо быть властью в государстве» [4]. Именно государственная власть и создает правовые нормы или санкционирует возникшие в обществе обычаи или нормы морали, придавая им общеобязательное юридическое значение [5]. В отдельных случаях государство может

---

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 17, стр. 345.

[2] См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 22, стр. 372; т. 37. стр. 147.

[3] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 310.

[4] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 32, стр. 340.

[5] См. С. А. Голунский и М. С. Строгович, Теория государства и права, стр. 173; М. Д. Шаргородский, Уголовный

уполномочить другие организации на создание правовых норм. Но и в этих случаях создание правовых норм происходит не «помимо государства», а по его полномочию в рамках, предусмотренных государственной властью, и остается видом государственной деятельности.

Все попытки буржуазной науки доказать существование источников права, якобы не зависящих от государства (обычай, прецедент, деловое обыкновение) [1], по существу сводятся либо к противопоставлению судебного правотворчества законодательству органов центральной государственной власти, либо к оправданию и узаконению произвола монополий, выраженного в их «соглашениях» со слабой стороной, и т. п.

Вместе с тем только в совокупности со всеми социальными факторами формирования права государственная власть может быть правильно истолкована как непосредственная и в то же время непроизвольная, объективно обусловленная «сила, творящая право».

Именно признанием обусловленности правотворческой деятельности государства другими социальными факторами, в основе которых лежит развитие производительных сил и производственных отношений, марксистское понимание факторов формирования права отличается от буржуазного позитивистского истолкования роли государства как единственной и конечной причины возникновения правовых норм.

В советской юридической науке социальные факторы, порождающие право, получили наименование источника права в материальном смысле (или источника права), под которым имели в виду либо материальные условия жизни общества, а также обусловленные ими идеологические и политические факторы, оказывающие влияние на форму и содержание права [2], либо — государственную власть или

закон, Юриздат, 1948, стр. 19; М. А. Аржанов, Государство и право в их соотношении, стр. 46—48; А. Ф. Шебанов, О понятиях источника права и формы права («Правоведение» 1965 г. № 4, стр. 28).

[1] См. об этом § 2 настоящей главы.

[2] См. С. Ф. Кечекьян, О понятии источника права («Ученые записки МГУ», вып. 116, Труды юридического факультета, кн. вторая, М., 1946, стр. 3—4); «Теория государства и права», 1955, стр. 358; «Теория государства и права», 1962, стр. 405; С. И. Вильнянский, К вопросу об источниках советского права («Проблемы социалистического права» 1939 г. № 4—5,

правотворческую деятельность государства как непосредственную силу, создающую право [1].

Представляется, что, поскольку речь идет о совокупности различных социальных факторов, по-разному воздействующих на возникновение правовых норм и по-разному обусловливающих их содержание и сущность, термин «источник права в материальном смысле» или просто «источник права» здесь малоприемлем [2]. Использование его невольно приводит к выделению из всей массы взаимосвязанных факторов одного решающего (государственная власть) или определяющего (материальные условия жизни). Все остальные факторы, несмотря на то, что их также обычно упоминают, остаются как бы за рамками понятия «источник права». Между тем, как было показано выше, рассматривая социальные факторы формирования права, было бы одинаково неверно как отрывать государственную власть от материальных условий жизни общества, соотношения классовых сил, уровня идеологии, так и сводить все эти факторы к одному «материальному источнику».

Нормы права возникают в результате актов государства или уполномоченных им организаций, но такие акты всегда обусловлены экономическими отношениями, правосознанием господствующего класса и соотношением классовых сил. И только с учетом этой обусловленности правотворчество государства может быть названо источником права в смысле непосредственной социальной силы, формирующей правовые нормы.

Поэтому социальной силой, формирующей право в более широком и более точном смысле, следует признать не одно из звеньев названной выше цепочки факторов, опре-

---

стр. 63—64); А. И. Лепешкин. Курс советского государственного права, т. 1, стр. 63—64; «Теория государства и права», 1949, стр. 362—363.

[1] См. Н. Г. Александров. Понятие источника права («Ученые труды ВИЮН», вып. VIII, 1946, стр. 51); Д. А. Керимов. Понятие источника советского социалистического права («Ученые записки ЛЮИ», вып. V, 1951, стр. 88—89); «Общая теория государства и права», 1961, стр. 345; М. Д. Шаргородский. Уголовный закон, стр. 18—19; М. А. Аржанов. Государство и право в их соотношении, стр. 345; А. Ф. Шебанов. О понятиях источника права и формы права («Правоведение» 1965 г. № 4, стр. 28).

[2] Об употреблении термина «источник права в юридическом смысле» см. § 2 настоящей главы.

деляющих содержание права, его специфику и форму, *а совокупность социальных (экономических, политических, идеологических) факторов, обусловливающих сущность и содержание правовых норм, непосредственно создаваемых актами государственной власти.*

Понятие правотворчества

Поскольку государственная власть служит необходимой и непосредственной силой, создающей право, правотворчество выступает как определенная форма деятельности государства, направленная на создание правовых норм, а также на их дальнейшее усовершенствование, изменение и отмену.

Понятие правотворчества как формы деятельности государства, направленной на установление правовых норм (или на признание юридическими иных социальных норм), достаточно прочно вошло в советскую юридическую науку [1]. Это понятие в основном правильно раскрывает существо и специфику отражаемого процесса, хотя и нуждается в некотором раскрытии и уточнении применительно к правотворчеству общественных организаций и референдуму. Оно, в частности, охватывает все известные истории способы создания правовых норм — создание правового обычая, судебный прецедент, издание нормативных актов.

Каково же соотношение правотворчества с рассмотренными выше социальными факторами формирования права?

Отдельные советские юристы понимают правотворчество не как деятельность соответствующих компетентных органов, а шире как «специфическое явление в жизни общества, организованного в государство», охватывающее как формирование правосознания, так и деятельность соответствующих государственных органов [2].

---

[1] См. цит. выше статьи Н. Г. Александрова и Д. А. Керимова; А. М. Васильева, Акты Верховного Совета СССР («Советское государство и право» 1953 г. № 8, стр. 15—17); И. С. Самощенко, О правовых формах осуществления функций Советского государства, («Советское государство и право» 1956 г. № 3, стр. 86); «Общая теория советского права», стр. 51—52; А. Ф. Шебанов, Вопросы теории нормативных актов в советском праве, автореферат докт. дисс., М., 1965, стр. 28.

[2] Таковы взгляды на правотворчество, высказанные И. М. Степановым («Демократические основы правотворчества в СССР», «Советское государство и право» 1960 г. № 4, стр. 86—88).

Такое расширение понятия «правотворчество» не может быть приемлемым прежде всего потому, что оно необоснованно смешивает самостоятельные факторы процесса создания правовых норм. Не вызывает сомнения, что формирование правосознания само по себе еще не приводит к появлению соответствующих норм права. Это особенно ясно видно на примере правосознания рабочего класса в буржуазном обществе, самое высокое развитие которого не приводит к созданию отвечающих стремлениям трудящихся правовых норм. Следовательно, формирование правовых взглядов класса не может пониматься как «создание норм права». Это «создание правовых взглядов» как особого, отличного от норм права правового явления. Формирование правосознания правильно рассматривается в советской науке как предпосылка правотворчества [1].

Неправильно также рассматривать и правотворчество как некий элемент правосознания. Такое смешение правосознания с правотворчеством в условиях социализма на практике может привести к самоустранению правотворческих органов от обобщения и учета предложений и высказываний трудящихся по вопросам совершенствования законодательства. Ведь «широкое понятие» правотворчества может быть понято и так, что деятельность правотворческих органов — это и есть само «правосознание народа». Между тем органы государства могут претендовать на выражение сознания и воли народа только тогда, когда они внимательно изучили и с наибольшей полнотой отразили общественное мнение по тому или иному вопросу, являющемуся предметом обсуждения в данном органе. И такая подготовка государственных решений требует проведения различия между правосознанием народа и формой его выражения (правотворчество).

Конечно, правосознание и правотворчество самым тесным образом взаимодействуют, влияют друг на друга и т. п. Но взаимодействие разных явлений не может служить основанием для смешения научных понятий, отражающих специфику каждого из них. Что же касается специфики, то из приведенного выше определения

---

[1] См., например, Б. В. Шейндлин. Сущность советского права, стр. 46—51; см. также Л. И. Антонова. Проблемы правотворчества и некоторые вопросы становления советского права («Вестник ЛГУ» № 23, серия экономики, философии и права, вып. 4, 1964, стр. 89).

правотворчества как «синтеза» правосознания и деятельности органов государства логически вытекает необходимость понимать правотворчество как «создание правовых взглядов и норм». Едва ли такой вывод может способствовать совершенствованию научного понятия правотворчества, поскольку правом остаются все же нормы, а не правовые взгляды, не получившие выражения в нормах права.

Нельзя согласиться и с определением правотворчества как деятельности по разработке и изданию нормативных актов[1]. Такое определение, обычно даваемое на основе анализа советского правотворчества, не отражает несвойственных ему, но имевших место в истории общества и сохранивших свое значение во многих странах способов правотворчества, какими являются судебный прецедент, правовой обычай и другие виды правотворчества.

Понятие правотворчества как деятельности государственных органов по установлению и санкционированию норм права не вполне раскрывает непосредственные силы, участвующие в создании права в тех случаях, когда речь идет о прямом правотворчестве народа (референдум) и правотворчестве общественных организаций по полномочию государства. Ведь в этих случаях в основе содержания и проявления соответствующих норм лежит не только выражение воли государственного органа, но и непосредственное волеизъявление народа или общественной организации[2]. По способам выражения воли в праве референдум и правотворчество общественных организаций действительно отличаются от прямого установления норм государственными органами. Но по своему существу всякий акт правотворчества служит выражением *государст-*

---

[1] См. С. С. Алексеев, Общая теория социалистического права, вып. третий, стр.22; В. М. Горшенев, Участие общественных организаций в правовом регулировании, Госюриздат, 1963, стр. 40.

[2] Это правильно отмечали многие советские юристы применительно к характеристике правотворчества в социалистическом обществе. См., например, Ц. А. Ямпольская, Общественные организации и развитие советской социалистической государственности, «Юридическая литература», 1965, стр. 170—171; «Основы общей теории государства и права», 1963, стр. 296; «Теоретические основы систематизации советского законодательства», стр. 33—36; «Общая теория государства и права», 1961, стр. 344—345, 366—369; Н. Я. Соколов, Формы правотворчества в условиях общенародного государства («Советское государство и право» 1965 г. № 7, стр. 127—129); «Общая теория советского права», стр. 157—163.

венного руководства обществом, поскольку происходит в рамках полномочий, предоставленных государством и в порядке, предусмотренном законом. Нормы, принимаемые в порядке референдума или общественными организациями, направлены также на регулирование тех общественных отношений (участие в делах государства, труд, имущественные отношения), которые необходимо должны принять правовую форму.

Учитывая особенности названных выше способов правотворчества, получающих все большее развитие в социалистическом обществе, возможно понимать правотворчество не только как форму деятельности самого государства, а более широко — как форму государственного руководства обществом, выражающуюся в социалистическом обществе также и в деятельности общественных организаций, в различных формах непосредственной демократии.

Таким образом, можно определить правотворчество как *форму государственного руководства обществом, завершающую процесс формирования права и отражающую социальные факторы этого процесса в виде возведения воли классов, стоящих у власти, в общеобязательные правила поведения — правовые нормы.*

Содержание правотворчества как особой формы государственного руководства

Выше мы рассмотрели особенности правотворчества как завершающего этапа социального процесса формирования правовых норм, заключающегося в определенной форме государственного руководства обществом. В чем же состоит содержание этой формы государственного руководства?

Правотворчество является одной из правовых форм государственного руководства, отличающейся от правоисполнительной деятельности и юрисдикции (или правоохранительной деятельности). Различие названных форм руководства проводится по признаку отношения данного вида государственной деятельности к праву или по тому, каковы порождаемые данной формой руководства правовые последствия [1].

---

[1] Приведенная классификация правовых форм государственной деятельности (или правовых форм осуществления государственных функций), за исключением выделения надзорно-контрольной деятельности, проводится рядом советских ученых, например Н. Г. Александровым (в кн. «Основы теории государства и права»,

Следует иметь в виду, что на ранних ступенях развития государства и права правотворчество далеко не всегда было ясно отделено от исполнения права, от правосудия и других форм юрисдикции. Например, преторское право в Древнем Риме складывалось непосредственно в процессе осуществления правосудия; прецедентное право, имеющее и сейчас широкое распространение в Англии и других странах, складывается также непосредственно в процессе правосудия[1]. Однако в современных, в особенности социалистических, государствах правотворчество ясно отличается от исполнения закона, юрисдикции и контроля за исполнением законодательства.

Это отличие состоит в том, что только правотворчество направлено на установление или санкционирование правовых норм. Ни исполнение закона, ни разрешение конкретного спора или применение наказания (взыскания) к конкретному лицу, ни осуществление надзора за соблюдением закона непосредственно не приводит к созданию норм права.

Как же происходит создание правовых норм органами государства или уполномоченными им другими субъектами правотворчества? Иначе говоря, каковы необходи-

---

1963, стр. 41); А. М. Васильевым (цит. соч.); И. С. Самощенко (статья в кн.: «Общая теория советского права», стр. 51—52). Аналогичного критерия деления правовых форм государственной деятельности придерживаются А. Ф. Шебанов, В. М. Горшенев и С. С. Алексеев. Однако они предлагают несколько иную классификацию. Например, В. М. Горшенев различает правотворчество и правоприменительную деятельность, а последнюю в свою очередь подразделяет на правоисполнительную и правоохранительную (цит. соч., стр. 36—37). С. С. Алексеев выделяет особую «правообеспечительную» деятельность наряду с правотворчеством и правоисполнительной деятельностью (см. «Общая теория социалистического права», вып. первый, стр. 72—73).

В настоящей главе нет возможности анализировать подробно особенности форм государственного руководства, отличных от правотворчества, и приведенные выше классификации. Укажем лишь на то, что различия между названными точками зрения не столь существенны и что мы придерживаемся классификации, данной Н. Г. Александровым и другими, дополняя ее надзорно-контрольной деятельностью, поскольку правовые последствия надзора (контроля), состоящие в наблюдении за осуществлением права и обязательных указаниях об устранении нарушений, существенно отличаются от непосредственного исполнения, от разрешения споров, от наложения взысканий.

[1] Подробнее об этом см. § 2 настоящей главы.

мые элементы или стадии деятельности по созданию норм права?

Одним из основных моментов правотворческого процесса является принятие решения об установлении норм права. Именно в этот момент происходит «возведение в закон» воли класса, стоящего у власти. Но принятию правотворческого решения, как правило, предшествует известная подготовительная работа, заключающаяся в подготовке проекта решения, а также внесение его на рассмотрение законодателя. В подавляющем большинстве случаев принятию решения предшествует также и обсуждение проекта самим правотворческим органом, а иногда и за его пределами (вынесение проекта на всенародное обсуждение, на обсуждение комиссии специалистов и т. п.). Наконец, вслед за принятием правотворческого решения следует его обнародование, доведение до сведения населения или тех органов, которым адресованы соответствующие нормы права.

Таким образом, *подготовка* проекта правотворческого решения, его *обсуждение* в различных формах, *внесение проекта* на рассмотрение правотворческого органа, *принятие решения* об установлении правовых норм и *обнародование* его в различных формах составляют наиболее важные и *типичные стадии правотворческого процесса.*

Конечно, в различных случаях при использовании разных способов правотворчества эти стадии выглядят по-разному. Иногда они сливаются воедино (например, при выработке судебного прецедента обсуждение и подготовка решения совершаются одновременно, но зато установление нормы происходит по существу после принятия решения по конкретному делу, в ходе восприятия его судебной практикой). В других случаях процесс правотворчества дополняется новыми стадиями. Например, при разработке законопроекта правительством происходит предварительное обсуждение проекта и принимается особое решение об одобрении и внесении его в законодательный орган; при санкционировании норм общественных организаций вслед за принятием решения следует особый акт санкционирования.

Однако отмеченные выше основные стадии правотворчества в той или иной форме присущи любому процессу

правотворчества. Разумеется, в наиболее ясной форме они различаются при принятии нормативных актов [1].

Необходимо, однако, отметить, что правотворчество не замыкается в рамки процедуры рассмотрения и принятия отдельных законопроектов или иных правотворческих решений. В более широком плане правотворчество охватывает также и специальную деятельность государства по внесению изменений в действующие правовые нормы, по отмене устаревших правовых норм, а также по упорядочению уже принятых ранее правовых актов, приведению их в определенную систему — систематизацию законодательства. Если рассматривать правотворчество не только с точки зрения юридической процедуры, необходимой для принятия отдельных правотворческих решений, но и как взаимосвязанный процесс принятия множества решений, направленных на создание и совершенствование всей правовой системы в целом, то в этом процессе закономерно выделить, во-первых, *подготовку проектов правотворческих решений*, постоянно осуществляемую различными вспомогательными органами и учреждениями, во-вторых, *решающую функцию правотворчества, состоящую в принятии новых правовых норм, изменении и отмене ранее принятых норм*, в-третьих, функцию *последующего упорядочения норм права*, состоящую в официальной систе-

---

[1] Многие советские юристы отмечают стадии (или порядок) правотворческой деятельности в Советском государстве или в социалистических государствах именно применительно к процессу принятия нормативных актов. Например, Д. А. Керимов различает инициативу по созданию правового акта, создание проекта правового акта, обсуждение проекта правового акта, дополнение, изменение или уточнение проекта правового акта, принятие проекта правового акта, издание правового акта (см. «Свобода, право и законность в социалистическом обществе», Госюриздат, 1960, стр. 157). С. С Алексеев, разделяя правотворческий процесс на подготовку проекта нормативного акта и издание его, делит вторую часть на вынесение проекта, обсуждение проекта, его принятие и опубликование (см. «Общая теория социалистического права», вып. третий, стр. 29).

Как можно убедиться, различия между предложениями советских юристов по поводу основных стадий правотворческого процесса не столь существенны. В них по существу по-разному учитываются дополнительные или подготовительные процессы правотворчества, об отношении которых к созданию правовых норм мы скажем ниже.

матизации законодательства, в официальном признании утратившими силу тех норм, которые «перекрыты», но формально не отменены действующими актами [1].

§ 2. ФОРМЫ ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Как видно из предыдущего изложения, для того чтобы правило поведения было правовой нормой, оно должно быть облечено в определенную форму, сообщающую ему качество правовой нормы. Эта форма свидетельствует о том, что данное правило является результатом правотворческой деятельности государства, выражает государственную волю и что соблюдение его обеспечивается возможностью применения государственного принуждения.

Понятие источника права

Форма, в которой выражено правило, сообщающая ему качество правовой нормы, называется источником права в юридическом смысле. В этом случае понятие «источник права» применяется как специальный юридический термин. В советской правовой литературе вносились предложения о том, чтобы термин «источник права» применялся в его общеупотребительном, филологическом смысле, а не в качестве специального термина. То понятие, которое связано со специальным термином «источник права», предлагалось определять как «форму права», «форму выражения правовой нормы», «внешнюю форму права» [2]. Спор по этому поводу, который носил в свое время весьма оживленный характер, был по существу терминологическим спором. В советской литературе правильно отмечалось, что термин «форма права» неприемлем, поскольку он означает гораздо более широкое понятие, нежели то, которое совпадает со специальным пониманием термина «источник права». Не помогает и

---

[1] Отмеченные стороны или функции правотворчества будут подробно рассмотрены в IV томе настоящего курса применительно к правотворчеству в социалистическом обществе.

[2] А. Ф. Шебанов, Нормативные акты Советского государства, изд-во МГУ, 1956; его же, О содержании и формах права («Правоведение» 1964 г. № 2, стр. 19); С. Ф. Кечекьян, О понятии источника права («Ученые записки МГУ», вып. 116, труды юридического факультета, кн. 2, 1946); О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский, Вопросы теории права, стр. 54, 134.

название «внешняя форма права», поскольку само содержание этого понятия неясно и в значительной мере спорно. Несколько более точно выражение «форма выражения правовой нормы», однако этот термин является не только громоздким, но также и неточным, поскольку под формой выражения правовой нормы можно понимать и формулировку нормы, ее редакцию и т. п.

В последние годы аргументировано и убедительно доказано, что термин «источник права» как специальный юридический термин, означающий определенное правовое понятие, имеет право на существование. Этот термин является емким, он выражает комплексное понятие, включающее в себя не только указание на форму выражения правовой нормы, но и ограничивающий признак, отражающий специфику понятия, а именно, что форма служит основанием признания данного правила поведения правовой нормой [1].

В правовом понятии источника права с особенной ясностью и наглядностью выражается неразрывная связь государства и права. На эту связь указывали еще основоположники марксизма-ленинизма. К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии» писали: «Помимо того, что господствующие... индивиды должны конституировать свою силу в виде *государства*, они должны придать своей воле, обусловленной этими определенными отношениями, всеобщее выражение в виде государственной воли, в виде закона, — выражение, содержание которого всегда дается отношениями этого класса» [2].

Именно государство, создавая нормы непосредственно или путем санкционирования уже сложившегося правила поведения, придает правилу поведения качество правовой нормы. Таким образом, только в результате правотворческой деятельности государства правило поведения приобретает новое качество нормы права.

Понятие источника права обычно исследуется в буржуазной теории права независимо от государства. Характерно, что именно в этом пункте сходятся различные направления буржуазной науки права. Так, представители естественноправовых теорий, рассматривая право как

[1] См. С. С. Алексеев, Общая теория социалистического права, вып. первый, стр. 132—136; «Общая теория советского права», 1966, стр. 129—132.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 322.

нечто извечно присущее человеческому обществу, считают источниками права именно это «не зависящее» от государства право. Адепты исторической школы права, приводя другие аргументы, признавали основным источником права обычай независимо от его санкционирования государственной властью. В полном отрыве от государства рассматривается право и теоретиками так называемого «общего права», действующего в Англии, США и ряде других стран.

Было бы, однако, упрощенчеством утверждать, что попытки рассматривать источники права независимо от государства являются единственным направлением в буржуазной юридической литературе. Подобно тому как в буржуазной юридической науке существовали и существуют этатистские теории, некоторые буржуазные авторы подчеркивают значение воли государства в определении источников права. Так, еще Гоббс утверждал, что «все законы, писаные и неписаные, имеют свой авторитет и свою силу от воли государства»[1]. Естественное право, по мнению Гоббса, может и должно быть урезано и ограничено гражданским законом, так как закон был принесен в мир для того, чтобы ограничить свободу отдельных людей во имя общей пользы[2]. Эта позиция Гоббса основывается на исходных его положениях о роли государства в человеческом обществе. Не следует забывать и о том особом месте, которое занимал Гоббс в общем направлении естественного права, о том, что он был идеологом абсолютизма.

В период промышленного капитализма, когда буржуазное государство и право представлялись незыблемыми и вечными, а необходимость маскировки действительных отношений многими учеными не ощущалась, выдвигались теории, раскрывавшие связь источников права с волей государства. Так, Иеринг писал о том, что государство является единственным источником права, которое, по его выражению, есть политика власти[3]. Г. Еллинек, говоря о связанности государства правом, вместе с тем признает, что все право либо создано, либо допущено государством[4].

---

[1] Гоббс, Левиафан, М., 1936, стр. 210.
[2] Там же.
[3] См. Р. Иеринг, Цель в праве.
[4] См. Г. Еллинек, Общее учение о государстве.

В Англии и в ряде других стран, где теория «общего права», существующего якобы независимо от государства, до последнего времени остается господствующей, в рассматриваемый период также высказывались мнения о зависимости права от государства. Бентам и Остин, требуя упорядочения всей правовой системы, замены прецедентного права законом, указывали на роль государства в создании норм права[1]. Однако такие точки зрения не были широко распространены.

В период империализма и государственно-монополистического капитализма резко усиливается роль государства во всех областях общественной жизни, обостряется классовая борьба, существенно усложняется решение ряда вопросов, в том числе и об источниках права. В буржуазной науке все более ощущается потребность вуалировать истинное положение вещей, скрывать существующие связи. В рассматриваемом нами вопросе это находит свое выражение в двух направлениях: 1) в рассмотрении проблемы источников права в полном отрыве теории права от теории государства, в попытке представить проблему источников права как проблему чистой теории права, не связанной с теорией государства; 2) в попытке слияния понятий государства и права, растворения понятия правовой нормы в общем понятии «приказа», «распоряжения», «нормы» и в связи с этим в отказе от исследования специфики источников права.

В советской юридической литературе проблема источников права исследуется в неразрывной связи с проблемой правотворческой деятельности государства. Источники права справедливо рассматриваются как результат правотворческой деятельности государства, создающего или санкционирующего правило поведения и тем самым сообщающего такому правилу качество правовой нормы[2]. В литературе все более широкое распространение полу-

---

[1] См. J. Ch. Gray, The Nature and Sources of the Law, N.-Y., 1938, p. 85; R. A. Eastwood, G. N. Keeton, The Austinian Theories of Law and Sovereignity, L., 1929.

[2] См. «Теоретические вопросы систематизации советского законодательства»; «Теория государства и права», 1962, стр. 405 и сл.; А. Ф. Шебанов, Нормативные акты Советского государства; С. С. Алексеев, Общая теория социалистического права, вып. третий, стр. 22 и сл.; «Общая теория советского права», 1966, стр. 129—168.

чает термин «нормативные акты социалистического государства», по существу применимый к источникам права, существующим в социалистическом государстве.

Говоря о нормах права в различных общественно-экономических формациях, мы употребляем термин «источники права», поскольку, как это будет видно из дальнейшего изложения, в эксплуататорских формациях правовая норма не всегда является непосредственным результатом правотворческой деятельности государства. Однако и здесь при всех условиях норма права создается государством, хотя зачастую и в косвенной, опосредствованной форме. Поэтому освещение проблемы источников права во всех общественно-экономических формациях должно быть неразрывно связано с освещением правотворческой деятельности государства. Действительно, понятие «закон» говорит еще очень мало, если не знать и не учитывать характера государства, принимающего закон, расстановку классовых сил, систему законодательных органов, принципы их формирования, их положение и т. п. Лишь с учетом всех этих условий можно судить с достаточной полнотой о законе.

Виды источников права

Различаются следующие основные виды источников права.

1. *Закон.* Закон представляет собой акт верховной власти в государстве, обладающий высшей юридической силой. Законы появляются на ранней стадии развития государства[1]. Они создаются тогда, когда государство окрепло и обычай, религиозные правила и предписания, регулировавшие ранее отношения между гражданами, оказываются уже недостаточными. Издание законов связано также с классовой дифференциацией населения.

Исторически понятие «закон» наполнялось различным содержанием в зависимости от формы государства. В Древнем Риме издавались leges — акты, принимавшиеся народным собранием, высшим органом государственной власти. В период принципата, когда сенат по существу оформлял повеления принцепса, как закон рассматривались решения сената (senatus consultum), и, наконец,

---

[1] Так, известны древневавилонские законы Хаммурапи, законы Драконта (Афины, VII в. до н. э.), законы XII таблиц (Рим, 450 год до н. э.).

с укреплением императорской власти — конституции императоров.

В буржуазном государстве законодательство отделяется от других видов деятельности государства и осуществляется высшими представительными органами. В некоторых буржуазных странах требуется утверждение закона главой государства. В таких странах глава государства (президент республики или король) вправе наложить вето, т. е. не утвердить закон. В этом случае закон не считается принятым и не вступает в силу [1]. Конституции социалистических стран не предусматривают утверждения законов главой государства после принятия их высшим законодательным органом.

Особое место среди законов занимают основные законы — конституции, в которых закрепляются основы общественного и политического устройства, устанавливается организация государственной власти, государственного управления, основные права и обязанности граждан. Конституция является, таким образом, юридической основой всего законодательства.

В соответствии со значением основных законов, их местом в системе законодательства устанавливается особый порядок их принятия и изменения. Как правило, основные законы — конституции принимаются особым собранием народных представителей (учредительное собрание, конвент и т. п.). Изменения могут быть внесены в конституции лишь особым, отличным от обычной законодательной процедуры способом.

В социалистических странах закон выражает волю трудящихся (в общенародном государстве — всего народа) и является основным источником права, которому должны быть подчинены все нормы права, установленные иными источниками.

2. *Нормативные акты органов государственного управления.* В процессе осуществления своих функций органы государственного управления издают правила, обязательные к исполнению гражданами, должностными лицами,

---

[1] Иногда конституцией предусматривается, что в случае неутверждения закона главой государства закон может вступить в силу, если парламент вторично одобрит тот же законопроект. Для вторичного принятия законопроекта требуется обычно более сложная процедура и, как правило, одобрение проекта квалифицированным большинством депутатов.

юридическими лицами и иными организациями. Такие правила издаются органами государственного управления в соответствии с их компетенцией, закрепленной в законе. Они могут издаваться также органами управления по прямому поручению законодательных органов (акты делегированного законодательства). Нормативные акты органов государственного управления, издаваемые ими в соответствии с условиями, определяемыми в законе, являются источником права.

Нормативные акты издаются органами государственного управления. От места, которое занимает орган управления, издавший акт, и от его компетенции зависит сфера действия нормативного акта, его соотношение с нормативными актами, издаваемыми другими органами государственного управления. Нормативные акты высших органов государственного управления имеют наиболее широкую сферу действия. Нормативные акты подчиненных органов должны соответствовать нормам, издаваемым вышестоящими органами.

В различных общественно-экономических формациях, как будет видно из дальнейшего изложения, такие нормативные акты носят различный характер, имеют неодинаковый удельный вес. Однако на всех этапах развития государства и права нормативные акты органов государственного управления признавались источниками права.

3. *Обычай.* Под обычаем понимается правило поведения, сложившееся вследствие фактического его применения в течение длительного периода времени. Правовой обычай, т. е. обычай, применение которого обеспечивается санкцией государства, следует отличать от обычая, представляющего собой моральную норму, религиозное правило, нравы и т. п. Отличие заключается в том, что санкционирование нормы обычая государством превращает эту норму в правовую норму, а обычай — в правовой обычай.

Исторически обычай был первым источником права, регулировавшим отношения в период становления государства. Первые законы, принимавшиеся рабовладельческим государством на ранних стадиях его развития, в значительной мере представляли собой свод обычаев, существовавших еще в родовом обществе. Так, закрепленные в древних законодательных памятниках кровная месть, талион (возмездие, заключавшееся в том, что к

преступнику применялось наказание, точно воспроизводившее совершенное им преступление), композиция — денежная сумма, уплачиваемая в виде компенсации за совершенное преступление («вира» древнерусского права), — все это положения, перешедшие из обычаев родового строя.

Обычай находил широкое применение и в период феодализма. Ряд памятников представляет собой записи обычного права отдельных племен — так называемые «варварские правды» (Салическая, Алеманская, Баварская, Саксонская, Русская правда). В значительной мере основывались на обычаях и некоторые законы, принимавшиеся королями в раннем периоде феодализма, например «Судебник» Альфреда Великого в Англии, законы Этельстана и др.

Обычай по природе своей носит консервативный характер. Он закрепляет то, что сложилось в результате длительной общественной практики. В известной части это нормы, выражающие общие моральные, духовные ценности народа. Однако в значительной мере обычай отражает обывательские предрассудки, расовую и религиозную нетерпимость, исторически сложившееся неравноправие полов и т. п. Поэтому в социалистических странах обычай как источник права почти не находит применения [1].

В связи с обычаем следует упомянуть и о так называемых «обыкновениях» (правилах), сложившихся в той или иной области хозяйственной деятельности. Так, широкое применение в практике капиталистических стран находят и до сих пор так называемые «торговые обыкновения»; в морском праве, в отношениях, связанных с морскими перевозками, применяется «обычай данного порта». Эти обыкновения носят в значительной мере технический

[1] Если в Земельном кодексе РСФСР 1922 года еще имелись отдельные отсылки к обычаям при разделе крестьянского двора, то в настоящее время в условиях колхозного строя, а особенно после принятия новых гражданских кодексов союзных республик эта отсылка утратила значение. Наоборот, социалистическое государство борется против обычаев, отражающих невежество, неравноправие, угнетенное положение женщины, имевшие место в прошлом. Так, в ряде советских республик признаются уголовным преступлением такие пережитки родового быта, как уплата калыма за невесту, похищение невесты, женитьба на несовершеннолетней и т. п.

характер, они складывались в результате длительной практики. В некоторых случаях они отражают господствующее экономическое положение тех или иных организаций. В праве социалистических стран отсылки к обыкновениям в настоящее время почти не встречаются.

4. *Судебная практика и судебный прецедент.* Судебная практика и судебный прецедент получили значение источника права еще в Древнем Риме. Решения претора и других магистратов по конкретным делам признавались обязательными при рассмотрении аналогичных дел. Первоначально эта обязательность существовала формально лишь для магистрата, сформулировавшего то или иное правило, и в течение того времени, пока он занимал выборную должность. Однако постепенно правила, сформулированные преторами и другими магистратами при рассмотрении конкретных дел, превратились в своеобразную систему так называемого преторского права. Ряд институтов римского права складывался именно в ходе судебной практики.

Придание нормативной силы решениям суда широко применялось и в средние века. Так складывались правила, действовавшие в судах феодалов. Большую роль играло право, складывавшееся в сословных судах. Ряд положений морского и торгового права складывался в торговых купеческих судах. Особенное значение судебный прецедент получил в Англии и в странах, заимствовавших англосаксонское «общее право».

Признание судебного прецедента и судебной практики источником права означает по существу, что судебным органам передаются нормотворческие функции. Подобное положение, широко распространенное в эксплуататорских государствах, недопустимо в социалистическом обществе. Судебный прецедент не является источником социалистического права. Однако в ходе применения права Верховному Суду СССР предоставлено право издавать руководящие указания, обязательные для судов, Госарбитражу СССР предоставлено право издавать инструкции обязательные для органов арбитража [1].

5. *Юридическая наука.* В истории государства и права на определенных этапах юридической науке придавалось значение источника права. Так, наиболее выдающимся

[1] Подробнее см. § 4 настоящей главы.

римским юристам предоставлялось право давать разъяснения (jus respondendi), обязательные в дальнейшем для судов. В средние века в судах в качестве источников права фигурировали работы глоссаторов и постглоссаторов. В английских судах трактаты известных юристов (Брактон, Гленвиль — XII век) были источниками права, на которые широко ссылались.

В настоящее время работы юристов, их выводы не рассматриваются как источники права. Однако в ряде судебных решений, особенно в английских судах, можно встретить ссылки на отдельных юристов. Эти ссылки приводятся как дополнительная аргументация, элемент формирования воли судьи.

В Англии и США в связи с чрезвычайной затруднительностью применения норм права, установленных законами, административными актами и необозримым количеством судебных прецедентов, известную роль играют так называемые частные кодификации (Restatements of Law)[1] или частные комментарии «общего права»[2]. В ряде случаев суды, вынося решения, ссылались на эти материалы.

В социалистическом государстве юридическая наука имеет огромное значение для развития практики, способствуя совершенствованию законодательства, укреплению законности, повышению квалификации судей, правильному толкованию и применению закона и иных нормативных актов и т. п. Тем не менее она не может рассматриваться как источник права.

6. *Нормативные акты общественных организаций.* В некоторых случаях закон признает правовую силу за нормативными актами общественных организаций: кооперативных объединений, профессиональных союзов. В этих случаях есть основания считать, что нормативные акты, издаваемые соответствующими организациями, становятся источниками права. Такая форма получила распространение в социалистических странах[3].

---

[1] Например, «Restatement on the Law of Contract»; «Restatement on the Conflict of Laws». Подробно об этом см. С. Л. Зивс, Развитие формы права в современных империалистических государствах, стр. 115—120.

[2] Например, «Halsbury's Laws of England».

[3] Например, уставы колхозов содержат нормы, учитывающие местные конкретные условия и являющиеся общим правилом для членов колхоза. Центры потребительской кооперации и их органы

Во всех случаях признание нормами права правил, издаваемых организациями, основывается либо на предоставлении государством определенным органам известной компетенции в этой области, либо на санкционировании каждого издаваемого акта.

В некоторых капиталистических странах, например во Франции, за профсоюзами признается в определенной мере право издавать нормативные акты, регулирующие отдельные вопросы их деятельности.

7. *Нормативные акты частных организаций.* Одним из явлений, характерных для периода империализма и общего кризиса капитализма, являются попытки придания характера источника права — обязательной нормативной силы — актам частных организаций. Это выражается в требовании признания нормативной силы за типовыми договорами, вырабатываемыми крупными фирмами-монополистами (так называемое «формулярное право»). Разработка типовых договоров отдельных видов необходима в современных условиях гигантского товарооборота. Формулярами пользуются и советские внешнеторговые фирмы и организации. Однако одним из проявлений господства монополий стала попытка придания правилам и формулярам, выработанным наиболее крупными монополиями, характера источника права. Это значит, что правила формуляров обязательны не только для лиц, непосредственно вступающих в отношения с данными монополиями, но и для всех, кто совершает аналогичные сделки [1].

Однако и в этих случаях для придания формуляру обязательного характера, для превращения его в источник права необходим определенный акт деятельности государственного органа, в частности применение соответствующих формуляров в качестве источника права судами.

8. *Договор.* В некоторых случаях договоры не только устанавливают права и обязанности сторон, но и содержат общие правила, регулирующие их отношения на

издают постановления и инструкции по вопросам деятельности потребительской кооперации. ВЦСПС предоставлено право издавать инструкции, правила и разъяснения по применению действующего законодательства о труде.

[1] Так, английские суды применяют некоторые правила, установленные Британской ассоциацией автомобильной промышленности, даже в тех случаях, когда ни одной из сторон в договоре эта ассоциация не является.

будущее время. Такие нормативные договоры являются источниками права главным образом в области международного права. Международный договор может служить источником права либо непосредственно, либо являться основанием для издания участвующими в нем государствами соответствующих законов. Так, в связи с присоединением СССР к Международной конвенции о векселях в 1937 году был издан закон о векселях [1].

В буржуазном праве широко предпринимались попытки использовать договор как источник права, отменяющий действие закона страны. Так, в связи с широкими экономическими связями многие буржуазные юристы выдвигали теорию «универсализации», «унификации» гражданского и торгового права. В соответствии с этими теориями договоры, заключаемые в связи с международной торговлей и перевозками, могут содержать нормы права, противоречащие нормам внутреннего права участвующих стран. Предпринимались попытки создать так называемое «деловое» право, регулирующее торговые отношения, платежи в иностранной валюте, некоторые виды кредитных и расчетных отношений, отношения по перевозке независимо от внутреннего права страны [2]. В подобных попытках явно выражается стремление международных монополий поставить создаваемые ими и для них выгодные правила над законом, выражается явное пренебрежение к суверенитету страны. Одним из примеров такой «унификации» являются также попытки создать некое «европейское право», связанное с общим рынком [3].

Роль государства в определении источников права

Из приведенного краткого перечня видов источников права явствует, что в придании тому или иному правилу поведения характера правовой нормы, т. е. в определении источников права, решающую роль играет государство. Это относится к закону, нормативным актам органов исполнительной власти, судебной практике.

---

[1] См. постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1937 г. «О введении в действие Положения о переводном и простом векселе» (СЗ СССР 1937 г. № 52, ст. 221).

[2] См. L. Reiser, Das Recht der allgemeinen Geschäftsbedingungen, Hamburg, 1935; E. Rabel, Das Recht der Warenkaufs, B., 1935.

[3] См. R. Demogue, L'unification internationale du droit privé P., 1927; K. Lewellin. The first Struggle to unhorse Sales, «Harward Law Rewiew», 1940, April.

Государство также может санкционировать правила поведения, сложившиеся независимо от него. Однако сам акт санкционирования правила поведения представляет собой акт нормотворческой деятельности государства. Выше[1] ставился вопрос о том, что в применении к социалистическому праву понятие санкционирования правила поведения вряд ли может быть применено. Однако, как показывает история развития государства и права, такое санкционирование широко применялось на различных этапах в других общественно-экономических формациях. Таким образом, можно установить, что нормотворческая деятельность государства осуществляется им либо в виде непосредственного создания правовой нормы, либо путем санкционирования существующего правила поведения.

Для социалистического права характерно создание государством правовых норм. Именно эта форма является типической для социалистического государства и вытекает из его характера и выполняемых им функций. Социалистическое государство оказывает целенаправленное воздействие на общественные отношения, осуществляя великое дело коммунистического строительства. XXIII съезд поставил перед общественными науками задачу всестороннего исследования таких важнейших проблем, как направление и характер процесса формирования коммунистических общественных отношений, совершенствование государственного строя и развитие социалистической демократии, формы и методы хозяйствования, научная организация труда, содержание и методы коммунистического воспитания и другие актуальные вопросы. «Развитие общественных наук и внедрение их рекомендаций в практику играют не менее важную роль, чем использование достижений естественных наук в сфере материального производства и развитии духовной жизни народа»[2].

Выполняя эти ответственные задачи, общественные науки помогают повышению научного уровня руководства обществом. В этой связи ответственные задачи стоят и перед правовой наукой. Одна из задач — определение оптимальной формы выражения государственной воли и, в частности, определение соответствующих источников права, их взаимосвязанности, иерархии. Выбор надлежащей

---

[1] См. главу одиннадцатую.

[2] «Материалы XXIII съезда КПСС», стр. 86.

правовой формы для того или иного правила поведения, установление научно обоснованной системы источников права — одна из серьезных задач советской правовой науки.

§ 3. СООТНОШЕНИЕ ИСТОЧНИКОВ ПРАВА

Зависимость соотношения источников права от типа государства и права

Как видно из предыдущего изложения, законы, подзаконные акты применялись и применяются в праве всех общественно-экономических формаций, но содержание закона, роль законов в каждой из формаций неодинаковы. Более того, в пределах одной и той же формации на различных этапах ее развития меняется соотношение источников права. Так, в эпоху раннего феодализма основным источником права во всех странах был обычай. По мере развития феодального общества, нарастания классовых противоречий, вызревания в недрах феодального общества ростков нового капиталистического способа производства меняется и соотношение источников права. Все большее место начинают занимать закон и судебная практика. Таким образом, соотношение источников права имеет большое политическое значение. Оно характеризует политический строй государства, политическую организацию общества. В соотношении источников права отражается положение государственной власти, ее возможности воздействия на общество. Соотношение источников права свидетельствует о наличии или отсутствии режима законности. Оно является результатом всей совокупности условий, определяющих место государства в системе политической организации данной страны, оно вместе с тем в значительной мере определяет и возможности воздействия государства на общество.

Соотношение источников права обусловлено в конечном счете экономическим базисом, однако эта обусловленность в значительной мере опосредствована. Большую роль в определении соотношения источников права играют социальный строй, конкретные условия классовой борьбы, характер политической надстройки. На это соотношение влияют и обстоятельства идеологического характера — существующие традиции, уровень культуры, мораль и др.

Если источники права могут быть типизированы и классифицированы для правовых систем всех общественно-экономических формаций, если одни и те же источники, наполняясь разным классовым и политическим содержанием, применяются в разных общественно-экономических формациях, то соотношение источников права в гораздо большей степени отражает экономический и социальный строй каждой формации.

Опосредствованность зависимости соотношения источников права от экономических и политических условий выражается и в том, что в пределах одной общественно-экономической формации в разных странах и, более того, даже в пределах одной страны в различных ее частях соотношение источников права также может быть различным. Во Франции, ставшей уже единым государством, до революции 1789 года все же различались «страна писаного права» (pays de droit écrit), где действовало с известными модификациями римское право, и «страна обычного права» (pays de droit coutumier), где применялись также в значительной мере модифицированные обычаи.

Множественность источников права, известная независимость их друг от друга выражают характерную для эксплуататорских общественно-экономических формаций неоднородность экономического базиса: наличие в экономическом базисе остатков прежней формации, развитие ростков новой эксплуататорской формации, антагонистические противоречия, существующие и в экономике, и в социальной жизни. Множественность источников и динамика их соотношения определяются также и конкретными условиями классовой борьбы, политикой господствующего класса. В условиях антагонистических противоречий политическая власть зачастую заинтересована в том, чтобы маскировать свое господство, прятать его за ширмой традиций, «народного духа» и т. п. Это также отражается на соотношении источников права.

Зависимость соотношения источников права от общественно-исторического типа государства и права определяет и конкретные условия соотношения источников права в социалистическом обществе. Однородность экономического базиса, морально-политическое единство народа, осуществление государством его созидательных функций определяют создание в социалистическом обществе единой стройной системы источников права. Здесь нет

надобности прибегать к косвенным способам воздействия на общество, вуалирующим действительные отношения. Наоборот, полное раскрытие целей государства, методов его деятельности, путей решения конкретных стоящих перед ним задач — все это осуществляется в наиболее простой, ясной и доступной форме, делая ненужным использование таких источников права, как обычай, судебный прецедент и, конечно, частные кодификации. Требование строжайшего соблюдения социалистической законности обусловливает систему построения источников права, строгое определение их взаимозависимости, обеспечение главенствующей роли закона. Таким образом, в соотношении источников права отражаются общие закономерности развития государства и права. Остановимся на конкретном соотношении источников права в различных общественно-экономических формациях.

Соотношение источников права в рабовладельческом обществе

Как уже упоминалось выше, рабовладельческое общество знало различные источники права. Важная роль принадлежала обычаю, религиозным правилам. С укреплением государственной власти предпринимаются попытки объединения, координации обычаев. В наиболее высокоорганизованных государствах рабовладельческого общества законы играют уже самостоятельную роль. В них регулируются новые отношения, которых не знало родовое общество и которые не регулировались обычаями; законом изменяются и существовавшие обычаи. Значительно совершенствуются и законодательная техника, формулировки законов. Особенно высокой для своего времени культуры достигла законодательная техника Древнего Рима, где законы отличались точностью формулировки, определенностью диспозиций и санкций, достаточно широким и ясно очерченным кругом регулируемых законом отношений.

Другим источником права, приобретающим все большее значение с развитием римского государства, становится судебный прецедент. Правила, складывавшиеся в судебной практике магистратов, составили так называемое преторское право, один из основных источников римского права. И, наконец, на характер источников права Древнего Рима влиял высокий уровень культуры римских юристов. Разработанные ими правовые принципы и положения применялись в практике судов и были положены

в основу кодификации римского права. С развитием Римской империи все меньшее значение как источник права имел обычай.

После падения Римской империи сочинения юристов и кодификации римского права (Институции Гая, Свод Юстиниана и др.) сохранились как памятники культуры, как «писаный разум» (ratio scripta). Как источники действующего права они находили ограниченное применение в некоторых местностях Италии и на юге Франции. Это было естественным следствием того, что в условиях раннего феодализма с его отсутствием экономических связей, местными замкнутыми рынками, натурализацией хозяйства не могли найти сколько-нибудь широкого применения нормы римского права, представлявшие, по словам Энгельса, «почти совершенное выражение юридических отношений, соответствующих той ступени экономического развития, которую Маркс называет товарным производством» [1].

Соотношение источников права в феодальном обществе

В период раннего феодализма снова основным источником права становится обычай. Появляются записи норм обычного права. Иногда они связываются с именем того или иного короля, иногда это безымянные записи. В записях содержатся основные положения, присущие обычаям разных местностей. Вместе с тем в каждой местности имеются и свои обычаи, применяемые феодальными судами. По мере возникновения и развития городов входят в употребление торговые обыкновения, появляются внутренние правила цехов. Таким образом, обычаи в условиях феодализма носят локальный и сословный характер.

Закон в условиях раннего феодализма среди других источников права занимает незначительное место. В условиях сословно-представительной монархии со сравнительно слабой центральной властью законодательная деятельность не находит широкого применения. С укреплением королевской власти постепенно усиливается и роль закона. Однако закон не становится основным источником права.

В числе источников права, игравших значительную роль в условиях феодализма, следует упомянуть и нормы канонического права, устанавливавшиеся папской

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 312.

властью. В то время как светские суды руководствовались обычаями и законами, церковные суды руководствовались нормами канонического права.

Значительное место в числе источников права в период феодализма занимала судебная практика. Это была практика королевских, местных и сословных судов, чем и определялась сфера действия правовых институтов и норм, складывавшихся в судах. Институты, возникшие в судебной практике королевских судов, действовали на всей территории страны, нормы местных судов — в соответствующей местности, и, наконец, практика сословных судов, особенно купеческих, постепенно превращалась в самостоятельные отрасли права. Так, в основе торгового права, носившего в известной мере международный характер, лежали нормы, сложившиеся в практике купеческих судов.

В период абсолютизма закон начинает играть большую роль. Особенно обильным было законодательство, вызванное развитием в недрах феодального общества новых капиталистических отношений. Однако законы по-прежнему не регулируют основных политических и социальных отношений в обществе, не определяют прав граждан, политического устройства и т. п., а касаются отдельных частных вопросов.

Роль закона как источника права в капиталистическом обществе

Одним из лозунгов буржуазии в тот период, когда она выступала как восходящий класс и добивалась политической власти, было господство закона. Естественноправовые теории, провозглашая наличие естественного права, вместе с тем требовали, чтобы основные принципы этого права были закреплены в законе. Предложение закрепить в законе права граждан было революционным требованием молодой буржуазии, нашедшим свое практическое выражение в законодательстве Французской буржуазной революции 1789 года. Требования урегулировать законом основные отношения в обществе были направлены на борьбу с феодализмом. Идеологи буржуазной революции считали необходимым закрепить в законах выдвигаемую ими программу. При этом, как это свойственно буржуазному мышлению, представлялось, что такие законы будут вечными и неизменными, как и буржуазное общество в целом.

Подчеркивая главенствующую роль закона, буржуазные политические деятели отрицали какое бы то ни было значение за другими источниками права. В ходе кодификационных работ авторы старались предусмотреть в законах и кодексах все возможные случаи, не оставляя места для других источников права, хотя бы в виде вспомогательных.

Кодификационные работы, начатые еще в период революции, были в основном завершены уже при Первой империи. В законах и кодексах были закреплены основные требования буржуазии. Следует отметить высокий профессиональный уровень кодификационных работ. Французское законодательство было образцом для законодательства многих буржуазных государств. Особенно это относится к Французскому гражданскому кодексу, оказавшему огромное влияние на кодификацию гражданского права в большинстве стран земного шара.

Однако ни высокий уровень юридической техники, ни строгость, четкость, последовательность норм ни в коей мере не могли обеспечить господство закона в эксплуататорском обществе, раздираемом антагонистическими противоречиями. Опыт дальнейшего развития показал всю беспочвенность буржуазных иллюзий о незыблемости и вечности создаваемого буржуазией права, о том, что общество может подчиняться только законам. В условиях антагонизма пролетариата и буржуазии, расслоения внутри крестьянства, возникновения и роста монополий оказалось невозможным сохранить за законом роль основного источника права.

Революционные идеи молодой буржуазии о верховенстве закона наиболее полно и последовательно были проведены во Франции. Эти идеи, как и практическое их воплощение, имели известное влияние и в ряде других стран, оказывая идеологическое воздействие и играя роль примера для законодательства отдельных стран. Однако в силу конкретных условий развития капитализма в большинстве остальных стран закон не получил такого значения, как во Франции.

В Англии, США и ряде других стран в силу особенностей классовой борьбы и характера буржуазной революции основным источником права оставалась судебная практика. И в этих странах действовали законы, однако

закон не рассматривался как основной источник права. Наоборот, закон представлял собой в известной мере «изъятие» из «общего права». Одно из основных положений «общего права» заключается в том, что это право якобы существует объективно, хотя оно и не высказано в каких-то определенных актах. Закон может либо формулировать отдельные положения этого права, либо вносить в него некоторые изменения. В этих случаях действует закон. Но если нет соответствующего закона, то это не значит, что данное положение не урегулировано. Оно считается урегулированным «общим правом». Таким образом, в соответствии с классической доктриной «общего права» закон рассматривается по существу как вспомогательный источник. По признанию английских юристов, суды часто толкуют закон, исходя из убеждения, что парламент, как правило, изменяет право в худшую сторону и задача судей заключается в том, чтобы как можно больше ограничить то зло, которое причиняется вмешательством закона [1].

В период империализма и общего кризиса капитализма в роли закона как источника права происходят значительные изменения. Во Франции и других странах, провозгласивших верховенство закона, пытавшихся превратить закон в единственный источник права, он в известной мере теряет прежнее значение, уступая место таким источникам права, как судебная практика и особенно акты исполнительной власти. В странах, где действует «общее право», значительно усиливается законодательная деятельность органов государства, с огромной быстротой растет количество издаваемых законодательных актов. Однако рост удельного веса закона в регулировании общественных отношений далеко не пропорционален росту числа законодательных актов [2]. Характерным для законодательной деятельности в этих странах является то, что закон, регулируя определенный вид общественных отношений, охватывает лишь отдельные частные вопросы, оставляя решение ряда вопросов нормам «общего права».

---

[1] C. W. Friedmann, Law and Social Change in Contemporary Britain, L., 1951 p. 239; O. W. Holmes, The Common Law, L., 1882; W. S. Holdsworth, A History of English Law, v. II, L., 1923.

[2] Этот процесс на большом материале раскрыт в цит. ранее работе С. Л. Зивса.

В связи с этим, несмотря на большое количество законодательных актов, закон не становится основным источником права.

Указанные выше обстоятельства приводят в конечном счете к сближению различных систем права капиталистических стран. Если в период промышленного капитализма соотношение источников права во Франции и странах, воспринявших французское право, резко отличалось от соотношения источников права в странах «общего права», то в современных условиях эти различия постепенно сглаживаются. С начала XX века ряд работ французских юристов посвящается «сумеркам закона», «кризису закона», «бессилию законов» [1]. Выдвигаются теории о том, что закон — это еще не есть «живое право»; для того, чтобы закон превратился в право, необходима творческая деятельность судей и т. п. Эти теории отражают происходящее повышение удельного веса таких источников права, как судебная практика, акты исполнительных органов и значительное снижение значения закона.

Можно заметить некоторые процессы, являющиеся общими для всех капиталистических стран. Падение роли закона и повышение удельного веса других источников права в одних странах, значительное повышение активности законодательных органов в странах «общего права» приводят к тому, что различия в роли закона как источника права, бывшие ранее разительными, сейчас постепенно сглаживаются.

Изменение роли закона в капиталистическом обществе на современном этапе связано в значительной мере и с тем, что в результате борьбы рабочего класса буржуазия бывает вынуждена делать ему значительные уступки в форме издания законов. Вместе с тем господствующий класс делает все для того, чтобы эти уступки в кабинетном, негласном порядке свести на нет, пользуясь возможностями правового регулирования. В этом одна из причин снижения действительного удельного веса закона среди других источников права при значительном количественном росте законодательного материала.

---

[1] G. Morin, La loi et le contrat. La décadence de leur souveraineté, P., 1927; G. Morin, La Revolte du droit contre le Code, P., 1945; J. Gruét, La vie du droit et l'impuissance des Lois, P., 1914; G. Ripert, Le déclin du droit, P., 1949.

Роль судебной практики как источника права в капиталистическом обществе

В капиталистическом обществе судебная практика в той или иной мере является источником права во всех странах. Однако особое значение судебный прецедент и судебная практика приобрели в странах, в которых применяется так называемое «общее право», на чем необходимо остановиться подробнее.

Как известно, «общее право» сложилось в Англии и затем вместе с другой, по выражению Энгельса, унаследованной от феодальных времен идеологией[1] было перенесено в США. Господствующий класс Англии на протяжении столетий насаждал свое право на захватываемых им территориях. Не удивительно поэтому, что нормы так называемого «общего права», первоначально сложившиеся в Англии, применяются сейчас в ряде стран, в том числе и в тех, которые давно порвали свою связь с метрополией.

«Общее право» — право некодифицированное. Идеологи английского капитализма утверждают, что право существует якобы само по себе, оно заложено в человеческой природе, разуме, справедливости и регулирует все отношения людей. Судья, по их утверждению, не творит право, а только устанавливает существующие нормы, только формулирует право. Выковавшееся веками идеологическое оружие, обладающее благодаря государственному принуждению большой материальной силой, оказалось достаточно гибким и эффективным в руках господствующего класса. Английский суд умело применяет свое архаическое по форме право для защиты интересов монополистического капитала, для защиты интересов господствующего класса в современных сложных условиях. Легенда об «особенностях» «самобытности», «неповторимости» английского «общего права» и невозможности «перевести» его на язык категорий правовых систем других буржуазных стран до сих пор широко распространена не только среди английских юристов, но и среди юристов других буржуазных стран.

Между тем содержание основных правовых институтов в «общем праве» и в других буржуазных системах в основном совпадает. Имеющиеся различия касаются не

---

[1] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 36, стр. 451.

столько содержания, сколько способов выражения и закрепления права. Основное, что характерно для «общего права», — его сложность, запутанность, неопределенность, недоступность для всех лиц, не являющихся специалистами по данному вопросу. Оценивая эту правовую систему, Энгельс писал: «Адвокат здесь все; кто достаточно основательно потратил свое время на эту юридическую путаницу, на этот хаос противоречий, тот в английском суде всемогущ. Неопределенность закона повела, естественно, к вере в авторитет решений прежних судей в аналогичных случаях; этим она только усиливается, ибо эти решения точно так же взаимно противоречат друг другу, и результат следствия зависит опять-таки от начитанности и находчивости адвоката» [1].

«Общее право» иногда характеризуют как обычное право, считая, что в основе его лежат обычаи, сложившиеся еще в XIII—XIV вв. Однако это утверждение является чистейшей фикцией. В литературе и в судах любят ссылаться на старые прецеденты, освящать, где только можно, современную практику авторитетом прецедентов двухсот- и трехсотлетней давности. Но практика показывает, что правила, сложившиеся в период формирования «общего права» — XIII—XIV вв., давно уже никакого значения не имеют, давно забыты и те обычаи, которые лежали в основе этой практики. Действительным источником права является судебный прецедент, право, создаваемое судьями [2]. В литературе и практике широко применяется термин «право, созданное судьями (judge-made law)».

Таким образом, «общее право» — это право судебного прецедента, право, создаваемое судьями. Формально суд связан прецедентом, т. е. решением, вынесенным ранее по аналогичному делу судом той же инстанции или вышестоящим. Но пользуясь бесчисленным количеством юридических фикций, подразумеваемых условий, оговорок и т. д., суд может вынести, не отменяя правила, установленного ранее, прямо противоположное решение.

Полному, фактически ничем не ограниченному правотворчеству суда способствует огромное количество прецедентов. Из массы противоречивых судебных решений судья всегда имеет возможность выбрать то, которое он

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 639, 640.
[2] См. A. Denning, The Changing Law, L., 1953, p. VII

считает для данного случая более удобным. Таким образом, внешний формализм «общего права» сочетается с почти полной свободой правотворчества суда. И действительно, ряд правовых институтов, связанных с условиями империализма и государственно-монополистического капитализма, был создан в «общем праве» без каких-либо реформ последнего, без отмены действовавших до этого прецедентов — путем измененного толкования старых и создания новых прецедентов [1].

Таким образом, в странах, в которых действует «общее право», важнейшую функцию правотворчества господствующий класс в значительной мере передоверяет суду. Причины этого следует искать в конкретных условиях развития капитализма в Англии, в формах классовой борьбы, в результате которых было создано эффективное оружие в руках господствующего класса, воспринятое впоследствии и в ряде других стран.

Маркс отмечал консервативный характер английской революции, длительный союз между буржуазией и большей частью крупных землевладельцев, союз, составлявший существенное отличие английской революции от французской [2].

В области политики и права консервативный характер революции выражался, в частности, и в том, что английская буржуазия всячески старалась доказать «законность» своих притязаний, обосновать их определенным правовым титулом. Она сама отрицала свою революционность, выставляя себя защитницей старинных прав и свобод, якобы нарушавшихся королевской властью. В «общем праве», в старинных англосаксонских свободах, в Великой хартии вольностей английская буржуазия искала идеологическое оружие для борьбы против королевской власти, против

[1] Прецедентное право в странах, применяющих «общее право», выполняет еще одну важную для господствующего класса функцию. Оно дает возможность обходить, а иногда и полностью отменять те законы, которые принимаются с демагогическими целями или являются уступкой прогрессивным организациям. Так, именно благодаря практике судов США, антитрестовское законодательство, по букве своей направленное на борьбу с монополиями, широко использовалось последними в борьбе против профсоюзов. Применяя нормы «общего права», суды фактически отменяли вырванное прогрессивными организациями законодательство, разрешавшее стачки. Подобных примеров можно было бы привести множество.

[2] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 7, стр. 222.

ее стремления превратить Англию в абсолютистское полицейское государство по образцу католических монархий на континенте Европы. Поэтому суды «общего права» цепко держались за освященное вековыми традициями «общее право», за прецеденты, борясь против проникновения посторонних влияний в область права.

После победы буржуазной революции сложившаяся система «общего права» оказалась удобной для буржуазии именно потому, что помогала господствующему классу через суд регулировать применение законов, принимаемых парламентом. Если в парламенте приходилось иногда делать те или иные уступки, эти уступки могли быть впоследствии сведены на нет благодаря практике судов.

Последовательное выполнение судом требований господствующего класса, умелая защита интересов последнего обеспечиваются самой организацией судебной системы, порядком формирования судебных органов, принципами их деятельности, подготовкой кадров юристов, этой веками разработанной сложной системой, благодаря которой господствующий класс при наличии представительных учреждений, долженствующих демонстрировать выражение интересов всех классов, имеет аппарат, полностью служащий интересам господствующего класса и эффективно выполняющий свои функции. В буржуазной юридической литературе неоднократно отмечалась эта функция суда [1].

Как уже упоминалось выше, в современных условиях значительно возрастает количество законодательных актов, в том числе и в странах, в которых действует «общее право». Это не означает, однако, соответствующего повышения значения закона, поскольку система «общего права» предполагает, что закон по существу «проверяется» судом. Закон может применяться или не применяться судами. Живучесть системы «общего права» в значительной мере определяется тем, что она дает господствующему классу возможность полностью использовать такое эффективное средство, как суд.

Однако при всем удобстве для господствующего класса той формы, которую представляет собой прецедент-

---

[1] См. E. S. Corwin, Court over Constitution, Princeton, 1938; Th. Carr, The Supreme Court and Judicial Review, N.-Y., 1942; H. Yackson, The Struggle for Judicial Supremacy, N.-Y., 1941.

ное право, оно не может удовлетворить требования современного периода. Уж слишком глубока пропасть между архаическими формами «общего права» и условиями современной жизни. Количество прецедентов таково, что становится почти невозможным пользоваться ими. По любому вопросу могут быть найдены прямо противоположные прецеденты. В судах начинают иногда применяться такие формы, как частные кодификации (комментарии юристов), пытающиеся ввести какую-то систему в безграничное море прецедентов. Поэтому в современных условиях в известной мере ослабляется влияние «общего права». Однако оно уступает свое место не закону, а другим источникам права, на которых мы остановимся ниже.

Мы говорили о системе «общего права», поскольку в ней нашли наиболее яркое выражение судебный прецедент и судебная практика как источник права. В странах, в которых провозглашается верховенство закона, судебная практика тем не менее также играла и играет большую роль. Выше упоминалось о том, что идеей Французской буржуазной революции 1789 года было господство закона как единственного источника права. Однако эта идея не нашла своего воплощения в жизни. Если до последней четверти XIX века суды в практике в значительной мере руководствовались законом, то с ростом монополий в условиях империализма и государственно-монополистического капитализма существенно возрастает роль судебной практики. Ряд серьезных изменений вносился судебной практикой в отдельные области права [1].

В первой половине XX века французская юридическая наука была единодушна в признании большого значения судебной практики как источника права [2]. Однако во Франции судебная практика, как и закон, со второй половины XX века с развитием государственно-монопо-

---

[1] Так, Французский гражданский кодекс, созданный в ту эпоху капитализма, когда основной фигурой был индивидуальный собственник, не знал понятия юридического лица. Однако начиная с середины XIX века во Франции, как и в других буржуазных странах, бурно развивались такие формы организации капитала, как акционерные общества, всевозможные компании, корпорации, товарищества и др. Они действовали в соответствии с нормами торгового права, торговых обыкновений, и их существование санкционировалось судебной практикой.

[2] A. Coste—Floret, Les problèmes fondamentaux du droit, Paris, 1946, pp. 104—131.

листического капитализма начинает уступать место другому источнику права, который выдвигается на первый план во всех капиталистических странах.

Акты исполнительной власти как источники права в капиталистическом обществе

Источником буржуазного права, постепенно выдвинувшимся на первый план, являются акты исполнительной власти.

В советской юридической литературе отмечалось, что в системе источников современного буржуазного права правительственные нормативные акты занимают доминирующее место [1]. Это связано с общим процессом усиления исполнительной власти на современном этапе буржуазного государства и права. В буржуазную правовую литературу довольно прочно вошло понятие «примат исполнительной власти» (priorité de l'exécutoire). Доминирующее место нормативных актов исполнительной власти выражается в том, что наиболее широкий круг отношений в современных капиталистических государствах регулируется именно этим видом актов. Экономические функции современного капиталистического государства, как уже упоминалось, осуществляются главным образом косвенными методами воздействия, которые применяются не представительными органами, а органами исполнительной власти. В связи с этим в такой важной области правового регулирования, как воздействие государства на экономику, самое широкое применение находят нормативные акты органов управления. В литературе США, где до самого последнего времени превозносилось «общее право» как основной источник права, в настоящее время отмечается, что судебная практика начинает уступать место административному акту [2]. Значение актов исполнительной власти как источников права определяется также расстановкой классовых сил на современном этапе. Те мероприятия, которые буржуазное государство уже не может провести через парламент, осуществляются, как говорил В. И. Ленин, «тайком», «реакционно», «бюрократически» аппаратом управления [3].

Для того, чтобы теоретически «обосновать» нормативную силу актов исполнительной власти, в буржуазных

[1] См. С. Л. Зивс, цит. соч., стр. 25—75.

[2] См. E. S. Redford, American Government and the Economy. N.-Y., 1965. pp. 636—638.

[3] См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 166.

странах применяется форма так называемого делегированного законодательства. Это значит, что правительству или отдельным административным органам предоставляется право издавать нормативные акты в силу поручения парламента, который как законодательный орган делегирует такое право административным органам. Однако такая «делегация» по существу является фикцией, поскольку в актах, устанавливающих рассматриваемые полномочия органов управления, компетенция по изданию нормативных актов определена настолько широко, что практически административные органы ничем не связаны в своей нормотворческой деятельности. Парламент не осуществляет эффективного контроля над делегированным законодательством [1].

Для всех капиталистических стран на современном этапе выдвижение акта исполнительной власти на место одного из основных источников права — явление характерное. Оно создает монополиям возможность непосредственно использовать аппарат государственной власти в своих интересах, в значительной мере определять политику государства.

§ 4. ОСОБЕННОСТИ СООТНОШЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПРАВА [2]

Система нормативных актов социалистического государства

В советской юридической литературе источники права, действующие в социалистическом государстве, объединяются общим понятием «нормативные акты государства» [3]. Это полностью соответствует характеру источников права в социалистическом обществе.

[1] В ФРГ правительству вообще предоставлено право издавать нормативные акты без делегации. Во Франции после изменений, внесенных конституцией 1958 года, как выражается один из крупнейших специалистов в области административного права А. Ориу, «правительство, издавая декреты, становится обычным законодателем, а парламент становится законодателем только в порядке исключения и в строго ограниченной области» (A. Hauriou, Droit constitutionnel et Institutions politiques, Paris, 1966, p. 551).

[2] В настоящем параграфе рассматриваются лишь некоторые общие проблемы нормотворческой деятельности социалистического государства. В полном объеме эта проблема рассматривается в IV томе настоящего курса.

[3] А. Ф. Шебанов, Нормативные акты Советского государства.

Единство экономического базиса социалистического государства, его социальной основы, морально-политическое единство всего народа определяют характер и формы его правотворческой деятельности.

Создаваемые социалистическим государством правовые нормы выражают волю всего народа. Они направлены на осуществление великой цели строительства коммунизма, являются результатом сознательной, целенаправленной деятельности. Это обусловливает не только содержание права, но и конкретные формы, в которых выражаются правовые нормы, их соотношение, взаимосвязь.

В социалистическом обществе, в котором сфера деятельности государства чрезвычайно обширна, в котором правовое регулирование охватывает самые разнообразные виды общественных отношений, первостепенное значение имеет не только само содержание правовой нормы, но и форма ее выражения, сфера воздействия, соотношение с другими нормами. Именно поэтому возможно и необходимо создание системы нормативных актов, в которой каждая норма должна найти место, обеспечивающее ее максимальную эффективность.

В социалистическом обществе возможно построение рациональной системы нормативных актов, обеспечивающей взаимную согласованность и соподчиненность норм.

В связи со стоящей перед общественными науками задачей повышения уровня научного руководства обществом большое значение имеет установление принципов построения системы нормативных актов, установление объективных критериев, определяющих, какая форма нормативного акта (закон, постановление правительства, ведомственная инструкция, решение местного органа власти, типовой устав, типовой договор и т. п.) наиболее полно соответствует задачам правового регулирования данной группы отношений, решение каких вопросов более целесообразно на основе общей нормы права предоставить практике. Выполнение указанной задачи представляет не только большой теоретический интерес, но имеет и непосредственное практическое значение в деле совершенствования законодательства. Облечение той или иной нормы в определенную форму нормативного акта — закон, подзаконный акт и др. — имеет большое значение как с точки зрения обязательности этой нормы, ее места в

иерархии других норм, ее связей и соподчиненности с другими нормами, так, и что не менее важно, с точки зрения укрепления социалистической законности.

В практике нормотворческой деятельности установлены уже некоторые положения, регулирующие этот вопрос. Так, нормы уголовного права облекаются только в форму закона. Подзаконный акт не может служить юридическим основанием для привлечения лица к уголовной ответственности и осуждению, если это не предусмотрено соответствующим уголовным законом [1]. Положение о том, что источником советского уголовного права может быть только уголовный закон, четко сформулировано в Основах уголовного законодательства СССР и союзных республик. Оно определяется характером отношений, регулируемых нормами уголовного права. Все, что связано с уголовноправовой охраной, должно регулироваться именно законом.

В некоторых законодательных актах определяется, каким видом нормативного акта должны регулироваться отдельные виды отношений. Так, ст. 50 Основ гражданского законодательства устанавливает, что договоры поставки заключаются и исполняются в соответствии с положениями о поставках, утверждаемыми Советом Министров СССР, и особыми условиями поставки отдельных видов продукции, утверждаемыми в порядке, установленном Советом Министров СССР, а в ряде случаев — Советами Министров союзных республик. Статья 66 Основ устанавливает, что по отдельным видам бытового обслуживания граждан Советы Министров союзных республик утверждают типовые договоры и т. д.

Аналогичные указания содержатся и в ГК союзных республик. Так, ст. 292 ГК УССР предусматривает, что порядок бронирования жилых помещений регулируется инструкцией Министерства коммунального хозяйства УССР. Статья 395 ГК УССР предусматривает, что прием на комиссию и продажа вещей комиссионными магазинами регулируется правилами, утвержденными Министерством торговли УССР. В ряде случаев ГК союзных республик определяют не только орган, в компетенцию которого входит решение вопроса, но и форму нормативного акта

---

[1] См. «Теоретические вопросы систематизации советского законодательства», стр. 502—511.

(постановление правительства, инструкция, правила, типовой договор и т. п.), в которой должно быть дано это решение.

Социалистическое право выражает волю народа, и в основе всей системы нормативных актов лежат акты, в которых наиболее полно выражена воля всего народа: такими актами являются законы. Верховенство закона — основной принцип правотворческой деятельности социалистического государства и системы нормативных актов.

Система нормативных актов социалистического государства характеризуется единством. Здесь нет и не может быть «конкурирующих» источников права. Одним из необходимых условий функционирования системы является ее строгая иерархичность, соподчиненность ее звеньев.

Воля народа, выраженная в законе, конкретизируется в подзаконной деятельности органов государства. Осуществляя эту деятельность, органы государства также издают нормативные акты. Для того, чтобы воля народа, воплощенная в законе, получила свое полное осуществление, необходимо, чтобы все многочисленные нормативные акты, опосредствующие осуществление закона, были строго подчинены закону.

Закон — основной источник социалистического права

Закон является актом высшей верховной власти, обладающим особой юридической силой. Закон может быть принят только высшим органом государственной власти, обладающим исключительным правом законодательства [1]. Законы принимаются в определенном, установленном конституцией порядке.

Высшая юридическая сила закона выражается в том, что все акты государственных органов, не обладающих законодательными полномочиями, должны находиться с ним в точном соответствии. Никакой другой орган, кроме высшего представительного, не вправе отменить или из-

[1] На первых этапах развития Советского государства законодательными функциями обладал не только высший орган государственной власти. Согласно Конституции СССР 1924 года и конституциям союзных республик законодательные акты могли издаваться не только съездом Советов СССР или съездами Советов республик, но и ЦИК СССР. Президиумом ЦИК СССР и Советом Народных Комиссаров СССР и соответственно ЦИК республик и Советами Народных Комиссаров республик. Это положение было вызвано конкретными условиями социалистического строительства в нашей стране.

менить закон, тогда как закон может отменить или изменить любую норму права. Деятельность всех органов государства должна осуществляться в полном соответствии с указаниями закона. Верховенство закона как основного источника права — характерная черта правовой системы всех социалистических стран и выражение принципа социалистической законности [1].

Выражение воли народа в законе обеспечивается политической системой социализма, порядком формирования и деятельности представительных органов, широким участием общественности в законодательной деятельности. Большое значение имеет всенародное обсуждение проектов важнейших законов в специальной и общей печати, в научных организациях, на предприятиях и в учреждениях. Широкое обсуждение проектов законов — одно из ярких проявлений демократизма социалистического правотворчества.

В многонациональных социалистических государствах стоят сложные задачи, связанные с необходимостью охраны прав и интересов национальных образований, всех народов страны. Особенное значение имеет решение этих задач в СССР как союзном государстве. Отражая волю всего советского народа, советский закон в той мере, в какой это касается интересов отдельных республик, учитывает конкретные условия каждой союзной республики. Так Конституция 1936 года предусматривала издание общесоюзных актов по основным отраслям права. Статья 14 включала в компетенцию Союза ССР издание уголовного, гражданского, уголовно-процессуального, гражданско-процессуального, трудового, семейно-брачного, земельного кодексов. Однако в 1957 году в связи с расширением прав союзных республик компетенция Союза ССР была ограничена изданием Основ указанных отраслей законодательства с тем, что кодексы принимаются каждой союзной республикой. Эта новая форма сочетает единство правового регулирования важнейших областей общественных отношений в масштабе всего Советского Союза с учетом конкретных особенностей каждой союзной республики. Основы обеспечивают единство в решении

[1] См. «Теория государства и права», 1962, стр. 410—412; Д. А. Керимов, Законодательная деятельность Советского государства, стр. 82—105; Имре Сабо, цит. соч., стр. 159—169.

наиболее важных вопросов. Вместе с тем каждая республика подробно регулирует соответствующие отношения.

Каким образом определяется круг проблем, регулируемых в Основах, и проблем, решение которых отнесено к компетенции союзных республик? Ответ на этот вопрос зависит в значительной мере от характера регулируемых общественных отношений. Так, уголовноправовое общесоюзное законодательство устанавливает принципы и общие положения советского уголовного законодательства. Общесоюзные уголовные законы предусматривают ответственность за государственные и воинские преступления, а в необходимых случаях также и за иные преступления, направленные против интересов Союза ССР. Уголовные кодексы союзных республик в соответствии с общими положениями Основ определяют конкретные составы преступлений, меры наказания, т. е. по существу всю особенную часть (кроме упомянутых выше составов, отнесенных к компетенции общесоюзного законодательства).

В области гражданского права соотношение более сложное. Основы содержат общие положения и определяют те институты, которые должны быть урегулированы в порядке общесоюзного законодательства. В соответствии с Основами гражданские кодексы регулируют отношения, отнесенные к компетенции республиканского законодательства. В Основы гражданского законодательства помимо общих положений включены и институты, по своему экономическому содержанию требующие единообразного регулирования в пределах всего Союза. Некоторые вопросы урегулированы в Основах гражданского законодательства вследствие того особого значения, которое они имеют для граждан. Так, установление единого для всего Союза порядка распределения жилых помещений, размера квартирной платы и ряда других положений, связанных с удовлетворением обществом индивидуальных потребностей граждан, имеет большое общественное значение, поскольку касается насущных интересов трудящихся. Вместе с тем к отношениям, регулируемым общесоюзным законодательством, могут применяться и нормы гражданских кодексов союзных республик.

В связи с подготовкой проектов новых законодательных актов применительно к каждой отрасли права воз-

никает вопрос о принципах соотношения общесоюзного и республиканского законодательства. При решении этой проблемы может быть использован опыт уже кодифицированных отраслей. Дальнейшее развитие науки должно помочь выработке общих критериев для отнесения регулирования определенных отношений к компетенции общесоюзного или республиканского законодательства.

Подзаконные нормативные акты

Верховенство закона в социалистических странах означает, что все иные нормативные акты могут быть только подзаконными. Грандиозные масштабы деятельности социалистического государства, разнообразие ее форм и методов, все богатство конкретной организационной, творческой, созидательной работы связаны с активной нормотворческой деятельностью всех органов власти и управления. Виды этой деятельности, как и виды нормативных актов, издаваемых в процессе ее, различны. Это определяется и содержанием актов, и уровнем, на котором решается вопрос, и характером правил поведения, превращаемых в норму права.

В число подзаконных актов обычно включаются нормативные указы постоянно действующего Президиума — высшего органа государственной власти. В СССР право издавать такие указы предоставлено Президиуму Верховного Совета СССР и Президиумам Верховных Советов союзных республик [1].

Важнейшие по своему содержанию нормативные акты издают высшие исполнительно-распорядительные органы социалистического государства. Постановления этих органов регулируют важнейшие отношения, связанные с руководством народным хозяйством и со всеми другими отраслями деятельности государства.

Особое место занимают совместные постановления партии и правительства, в которых сочетаются авторитет решения высшего партийного органа с авторитетом высшего органа государственного управления. Такие постановления издаются по наиболее важным вопросам тогда, когда для выполнения соответствующего решения необходима мобилизация самых широких масс граждан.

---

[1] См. «Законодательная техника», изд-во ЛГУ, 1956, стр. 64—68; «Общая теория советского права», стр. 150—152; «Теоретические вопросы систематизации советского законодательства», стр. 113—129.

Министерства и ведомства, комитеты и другие органы управления, в соответствии со своей компетенцией издают нормативные акты, регулирующие порядок деятельности подчиненных им органов, их взаимоотношения с другими организациями и др. Все эти нормативные акты должны издаваться в строгом соответствии с актами вышестоящих органов и в соответствии с компетенцией издающего их органа. Строгое соподчинение всех нормативных актов, издаваемых органами управления, строгое соблюдение требований о соответствии этих нормативных актов компетенции издающих их органов обеспечивают осуществление закона, реализацию политики социалистического государства. Издание актов, нарушающих закон или нормативные акты вышестоящего органа, как и издание актов вне компетеции данного органа, является нарушением социалистической законности.

Строгое соблюдение законности в нормотворческой деятельности органов управления имеет первостепенное значение для осуществления государством всех его функций, для проведения в жизнь решений, принимаемых высшими органами государственной власти и государственного управления на основе данных передовой науки.

Нормативные акты органов управления конкретизируют и детализируют общую норму закона. Они не могут ни отменить, ни заменить действующий закон. Они должны способствовать его реализации в практике, установить правила, обеспечивающие единообразное применение общей нормы к конкретным условиям данной группы отношений. Лишь при соблюдении этих условий нормативные акты органов управления выполнят ту функцию, которая им предназначена в социалистическом государстве. Всякие попытки пойти дальше этого, вносить изменения в действующий закон или нормативный акт высшего органа государственного управления путем издания ведомственного нормативного акта — инструкции, циркуляра, указания и т. п. — нарушают установленный порядок, препятствуют осуществлению политики партии и государства. Поэтому требование строгого соблюдения законности при издании нормативных актов органами управления является совершенно необходимым.

В связи с нормотворческой деятельностью органов управления в литературе иногда ставится вопрос о «делегировании полномочий по изданию нормативных актов»,

«правотворческом делегировании»[1]. Под правотворческим делегированием понимается передача компетентным органом части своих полномочий на издание нормативных актов другому органу или организации. При этом иногда различают: а) делегирование правотворческих полномочий в процессе санкционирования государством норм, издаваемых общественными организациями; б) делегирование правотворческих полномочий одним государственным органом другому[2].

Говоря о делегировании правотворческих функций, необходимо иметь в виду, что делегирование может относиться лишь к сравнительно узкому кругу нормативных актов. Конструкция «правотворческого делегирования» ни в какой мере не относится к нормативным актам, издаваемым органами управления в соответствии с их компетенцией.

Издание нормативных актов является органической частью, одним из основных средств осуществления органом управления его функций. Право (и обязанность) издавать нормативные акты, связанные с деятельностью данного органа (в пределах его компетенции), непосредственно вытекает из его положения в системе органов государства.

Характер деятельности органов государственного управления определяет не только содержание, но и сферу действия издаваемых им нормативных актов. Некоторые органы по характеру своей деятельности издают нормативные акты, регулирующие отношения не только подчиненных им лиц и организаций, но и тех, кто непосредственно данному органу не подчинен. Такое положение рассматриваемых органов управления и характер издаваемых ими актов определяют необходимость строжайшего контроля за соблюдением законности в их нормотворческой деятельности. Опыт показывает, что наиболее эффективной формой является установление общих правил, регулирующих деятельность таких органов и их взаимоотношения с лицами и организациями, которые им не

---

[1] А. Ф. Шебанов, Некоторые вопросы правовой нормы и нормативных актов в советском общенародном праве («Советское государство и право» 1964 г. № 7); С. С. Алексеев, Общая теория социалистического права, вып. третий, стр. 27—28.

[2] См. С. С. Алексеев, Общая теория социалистического права, вып. третий, стр. 27—28.

подчинены, путем издания соответствующего закона или постановления правительства. Все нормативные акты, издаваемые такими органами управления, должны основываться на законе или постановлении правительства; они могут только конкретизировать или детализировать акты высших органов государственной власти и государственного управления.

Поэтому и для такого рода нормативных актов нет надобности в конструкции «правотворческого делегирования». Нормы, регулирующие все основные стороны данного вида отношений, содержатся в законе или постановлении правительства. Орган, издающий на основании этого нормативный акт, регулирующий данные отношения в деталях и частностях, в применении к конкретным обстоятельствам, действует не на основании «правотворческого делегирования», а на основании нормы закона и в соответствии со своей компетенцией.

К подзаконным актам относятся и акты местных органов власти. Решения и распоряжения местных Советов и их исполнительных органов, принимаемые в соответствии с их компетенцией и в соответствии с действующим законодательством, обязательны к исполнению и являются источниками права.

Значение руководящих разъяснений верховных судов и инструкций арбитража

Судебный прецедент в социалистических странах, как уже отмечалось, не является источником права. Не является им и судебная практика. Однако вопрос о природе руководящих указаний Верховных судов и инструкций арбитража остается спорным. Ссылаясь на то, что Верховные суды не являются законодательными органами, что они дают судам разъяснения лишь по вопросам применения законодательства, многие считают, что эти разъяснения, постановления и другие акты не являются нормативными актами[1]. С другой стороны, основываясь на том, что Верховный Суд, как и любой другой государственный орган, не лишен права издавать подзаконные акты, многие авторы считают, что постановления Верховного Суда и

---

[1] См. «Теория государства и права», 1962; «Общая теория советского права», стр. 139—147; И. Б. Новицкий, Источники советского гражданского права, Госюриздат, 1959, стр. 135—141; Имре Сабо, цит. соч., стр. 220—224.

инструкции арбитража могут содержать нормы, конкретизирующие и детализирующие положения закона [1].

Применение общей нормы закона к конкретным случаям является творческим процессом, в ходе которого может возникнуть необходимость единого разрешения определенной типичной группы вопросов. В литературе приводятся примеры, когда в порядке применения нового законодательства возникает необходимость в истолковании его с целью единообразного применения. Применяя в тех областях права, где это допускается, аналогию, применяя другие научные методы толкования, Верховный Суд СССР в издаваемых им руководящих указаниях предлагает судам обязательные для них правила, разъясняющие, конкретизирующие, детализирующие существующий закон. В этих пределах рассматриваемые указания носят нормативный характер [2].

Такой же характер носят и инструктивные указания арбитража. Они ни в коей мере не могут ни противоречить закону, ни дополнять закон. Однако указания о применении действующего законодательства, в которых эти нормы детализируются и конкретизируются, по нашему мнению, также являются нормативными актами.

Рассмотрением источников права завершается, но не исчерпывается рассмотрение основных понятий и институтов общей теории государства и права. В первой книге настоящего издания все основные понятия и институты этой науки не могут быть полностью выявлены, во-первых, потому, что многие из ее категорий относятся лишь к некоторым историческим типам государства и права и их анализ возможен только в рамках соответствующей социально-экономической формации (формаций).

---

[1] См. «Теоретические вопросы систематизации советского законодательства», стр. 149—158; «О юридической природе руководящих указаний Пленума Верховного Суда СССР» («Советское государство и право» 1956 г. № 8); С. И. Вильнянский, К вопросу об источниках советского права; В. И. Каминская, Роль Верховного Суда СССР в развитии советского социалистического права («Советское государство и право» 1948 г. № 6, стр. 43).

[2] См. «Теоретические вопросы систематизации советского законодательства», стр. 157; С. С. Алексеев, Общая теория социалистического права, вып. третий, стр. 104—112.

Так, политические партии, нации и некоторые другие политические и социальные явления возникают на капиталистической стадии классового общества. Поэтому их соотношение с государством и правом, выявление общих понятий, характеризующих это соотношение (однопартийная и многопартийная политические системы, национальная государственность, суверенные права нации и др.) целесообразно начинать с указанного этапа социального развития.

Во-вторых, творческое воздействие марксистско-ленинской общей теории государства и права на социальную жизнь ведет к тому, что система ее понятий непрерывно обогащается, появляются новые понятия, дифференцируются старые, углубляется их содержание, расширяется терминологический словарь науки. Только в последние годы все большее значение приобретают, например, такие понятия, как «структура государства» — применительно к государству вообще, «военно-промышленный комплекс» — применительно к механизму буржуазного государства, «общенародная политическая организация» — применительно к развитому социалистическому обществу и многие другие.

Основные понятия марксистско-ленинской общей теории государства и права, объективно отражая сущность государственно-правовых явлений, служат революционному коммунистическому преобразованию мира. И пока длится этот процесс, будут непрерывно пополняться категории марксистско-ленинской науки о государстве и праве.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 9

НАУКА О ГОСУДАРСТВЕ И ПРАВЕ В СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

§ 1. Общественно-политический характер науки о государстве и праве 9
§ 2. Наука о государстве и праве и марксистско-ленинская философия 23
§ 3. Наука о государстве и праве и политическая экономия 31
§ 4. Наука о государстве и праве и научный коммунизм 36

Глава первая

ПРЕДМЕТ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

§ 1. Марксистско-ленинская юридическая наука и ее предмет 44
§ 2. Общая теория государства и права как наука . . 52
§ 3. Система общей теории государства и права . . . 63
§ 4. Основные функции марксистско-ленинской юридической науки и особенности функций общей теории государства и права 69

Глава вторая

СООТНОШЕНИЕ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА И ДРУГИХ НАУК О ГОСУДАРСТВЕ И ПРАВЕ, ЕЕ ВЗАИМОСВЯЗЬ С ПРАКТИКОЙ, ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКОЙ И ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРОЙ

§ 1. Дифференциация наук о государстве и праве . . . 82
§ 2. Взаимосвязь общей теории государства и права с практикой и юридической техникой 101
§ 3. Юридическая наука и правовая культура 105

Глава третья

МЕТОДОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

§ 1. Значение методологии юридической науки 115
§ 2. Общие вопросы методологии изучения государства и права 119

§ 3. Конкретно-социологическое исследование государственно-правовых проблем 140
§ 4. Иные методы изучения государственно-правовых явлений 147

Глава четвертая

РАЗВИТИЕ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА В СССР

§ 1. Теория государства и права в СССР в переходный от капитализма к социализму период 153
§ 2. Теория государства и права в условиях победившего социализма в СССР 172
§ 3. Развитие теории государства и права в СССР на современном этапе 180

Глава пятая

ПОНЯТИЕ ГОСУДАРСТВА

§ 1. Признаки государства 194
§ 2. Сущность государства и его определение 204
§ 3. Функции государства 217
§ 4. Понятие типа и формы государства 223

Глава шестая

МЕХАНИЗМ ГОСУДАРСТВА

§ 1. Понятие механизма государства 241
§ 2. Представительные учреждения 252
§ 3. Глава государства. Правительство и административный аппарат 260
§ 4. Суд и прокуратура 272
§ 5. Постоянное войско и органы охраны общественного порядка 276

Глава седьмая

ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО

§ 1. Соотношение общества и государства 281
§ 2. Политическая организация общества 296
§ 3. Политическая жизнь общества 303

Глава восьмая

ГОСУДАРСТВО И ДЕМОКРАТИЯ

§ 1. Понятие демократии 309
§ 2. Государство, демократия и классово-антагонистическое общество 317
§ 3. Демократия и коммунистическая формация . . . 333

Глава девятая

ПОНЯТИЕ ПРАВА

§ 1. Признаки права 342
§ 2. Воля и интерес в праве 361
§ 3. Содержание и форма права 377
§ 4. Право — регулятор общественных отношений . . 385

Глава десятая

СООТНОШЕНИЕ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

§ 1. Общие закономерности соотношения государства и права 394
§ 2. Общее и особенное в соотношении социалистического государства и права 413

Глава одиннадцатая

ГОСУДАРСТВО, ПРАВО И ЭКОНОМИКА

§ 1. Обусловленность государства и права экономическим базисом и обратное воздействие государства и права на экономику 420
§ 2. Формы и методы воздействия государства и права на экономику 440
§ 3. Творческий характер социалистических методов государственно-правового воздействия на экономику . . . 453

Глава двенадцатая

ГОСУДАРСТВО, ПРАВО И ЛИЧНОСТЬ

§ 1. Личность как объект социальных и государственно-правовых исследований 463
§ 2. Государство, право и свобода личности в историческом развитии 479
§ 3. Права и обязанности граждан как необходимое условие их свободы 488

Глава тринадцатая

ГОСУДАРСТВО, ПРАВО И ЗАКОННОСТЬ

§ 1. Понятие и исторические пределы законности . . . 501
§ 2. Социальное назначение законности 521

Глава четырнадцатая

ПРАВОПОРЯДОК И ПРАВООТНОШЕНИЯ

§ 1. Понятие правопорядка 533
§ 2. Законность и правопорядок 540
§ 3. Правоотношения — важнейший элемент правопорядка 544
§ 4. Государственная охрана правопорядка 561

Глава пятнадцатая

ПРАВОТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВА И ИСТОЧНИКИ ПРАВА

§ 1. Формирование права 569
§ 2. Формы правотворческой деятельности государства 580
§ 3. Соотношение источников права 593
§ 4. Особенности соотношения источников социалистического права 607

34
М 27

Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Основные институты и понятия, М., «Юридическая литература», 1970.

624 с.

По широте рассматриваемых вопросов и глубине их освещения такое исследование появляется впервые. В авторском коллективе представлены ведущие ученые-юристы всей страны. В работе рассматривается политическая организация общества, государство, право, законность, источники права и др. Отдельные главы посвящены методологии юридической науки, а также соотношению государства и права; государства, права и экономики. В работе подробно показано развитие советской науки теории государства и права.

Книга рассчитана на научных работников и преподавателей-юристов, историков, философов, экономистов, аспирантов и студентов юридических, исторических, философских и экономических вузов и факультетов университетов.

1-10-1
4-70

Коллектив авторов

«МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКАЯ ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА. ОСНОВНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПОНЯТИЯ»

Редактор *В. Н. Садиков*
Оформление художника *Э. Л. Эрмана*
Художественный редактор *Э. П. Стулина*
Технический редактор *Н. Л. Федорова*
Корректор *Г. М. Воротникова*

Сдано в набор 13/II 1970 г. Подписано в печать 11/VI 1970 г. Бумага типографская № 1, формат 84×108¹/₃₂. Объем: усл. печ. л. 32,76; учет.-изд. л. 33,81. Тираж 7000 экз. А-05468.

Издательство «Юридическая литература», Москва, К-64, ул. Чкалова, 38—40.

Заказ 511.

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Измайловский проспект, 29.

Цена 2 р. 31 к.

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
299	2 сверху	государственными общественно-политическими	государственными и общественно-политическими
350	21 снизу	— это социальное явление,	это — право, т. е. социальное явление,
414	8 сверху	форм	норм
425	5 снизу	и парцеллы,	на парцеллы,

Зак. 511.